WINNER OF THE HUGO AND NEBULA AWARDS

DAVID BRIN

THE *NEW YORK TIMES* BESTSELLING AUTHOR OF *THE POSTMAN*

BOOK ONE OF A NEW UPLIFT TRILOGY

BRIGHTNESS REEF

"A CAPTIVATING READ." —*Star Tribune*, Minneapolis

Риф яркости
Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Риф яркости
Аскс
Прелюдия
I . КНИГА МОРЯ
  Рассказ Олвина
II . КНИГА СКЛОНА
  Легенды
  Аскс
  Семья Нело
  Аскс
  Двер
  Аскс
  Сара
III . КНИГА МОРЯ
  Рассказ Олвина
IV . КНИГА СКЛОНА
  Легенды
  Двер
  Аскс
  Ларк
  Аскс

Сара
Незнакомец
V . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
VI . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Двер
Аскс
Сара
Аскс
Двер
VII . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
VIII . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Парк
Аскс
Двер
Незнакомец
IX . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
X . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Аскс
Сара
Аскс
Двер
Аскс
Ларк
Рети
XI . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер
Незнакомец
XIII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Ларк
Аскс
Рети
XV. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина

XVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер
Аскс
Ларк
Незнакомец
XVII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Рети
Аскс
Сара
XIX. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XX. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Ларк
Незнакомец
XXI. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXII. КНИГА СКЛОНА

Легенды
Двер
Аскс
Сара
XXIII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Сара
Аскс
Ларк
Аскс
Сара
Аскс
Незнакомец
XXV. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Рети
Двер
Рети
Двер
Аскс
Сара

Аскс
XXVII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Сара
Ларк
Аскс
Сара
Эпилог

Аннотация

Перед вами – сага о Возвышении. Сага о борьбе землян за собственное место в многоликом Сообществе Пяти Галактик. Сага, которая началась, когда земной звездолёт “Стремительный” обнаружил давно забытый и блуждающий в космосе Брошенный флот Прародителей.

Сага, которая обрела новое начало – на странной планете, где обитатели объединены в единый Разум – и называют себя Аскс. Аскс начинают говорить о событиях, которыми были свидетелями, и о событиях, о коих им рассказывали другие. О событиях, которыми продолжается история Воины за Возвышение.

Дэвид Брин
Риф яркости

Герберту Брину, поэту, журналисту и постоянному защитнику справедливости

Аскс

Должен попросить у вас разрешения. У вас, мои кольца, мои раздельные сущности.

Теперь принимайте решение. Должен ли я говорить с внешним миром от лица нас всех? Должны ли мы вновь соединиться, чтобы стать Асксом?

Такое имя используют люди, квуэны и другие существа, когда обращаются к этому множеству кругов. Под этим именем собрание пухлых колец треки было избрано мудрецом Общины, уважаемым и почитаемым, выносящим решение о судьбе всех членов шести рас изгнанников.

Этим именем — Аскс — нас называют, когда просят рассказывать.

Все согласны?

В таком случае Аскс начинает рассказывать… о событиях, свидетелями которых были мы сами, и о тех, о которых нам рассказали другие. Рассказ будет вести “я”, словно наша груда сошла сума и противостоит миру единственным сознанием.

Аскс готовит этот рассказ. Погладьте его восковые следы. Ощутите вьющийся запах рассказа.

Никто лучше “я” этого не расскажет.

Прелюдия

Боль не дает ему рассыпаться… иначе, как изжеванная кукла или сломанная игрушка, он уже распался бы, и его разорванные члены лежали среди грязных корней, а со временем совсем исчезли.

Грязь покрывает его с ног до головы, светлеет там, где высыхает под лучами солнца; превращаясь в головоломку хрупких пластинок, она становится светлее светлой кожи. Грязь скрывает наготу лучше обгоревшей одежды, которая рассыпается и опадает, как сажа после поспешного бегства из огня. Грязь смягчает боль, так что пытка становится почти переносимой, напоминая болтливого всадника, которого тело вынуждено тащить по бесконечному вязкому болоту.

Его словно окружает какая-то музыка, дрожащая баллада царапин и ожогов. Опус травмы и шока.

Крик боли вздымается в печальной каденции в дыре сбоку на голове.

Только раз он поднес руку к зияющей ране. Кончики пальцев, ожидая соприкосновения с кожей

и костью, продолжали ужасно уходить внутрь, пока какой-то глубокий инстинкт не заставил его содрогнуться и убрать руку. Это непереносимо, такую потерю невозможно осмыслить.

Утрата *способности* соображать…

Грязь алчно хлюпает, засасывая на каждом шагу. Приходится согнуться, чтобы перебраться через очередную преграду из переплетенных веток, опутанных красными и желтыми нитями. И в середине куски стеклянистого кирпича или изъеденного металла, потемневшие от времени и разъедающих кислот. Такие места он обходит, смутно помня, что когда-то знал, почему их нужно избегать.

Когда-то он знал очень много.

Под маслянистой водой невидимый стебель хватает за ногу, увлекая его в грязь. Барахтаясь, он едва удерживает голову над водой, кашляя и отплевываясь. Все его тело дрожит, когда он с усилием встает и идет дальше, совершенно измученный.

Еще одно падение будет означать конец.

Ноги движутся по упрямой привычке, а сопровождающая боль напоминает фугу из многих частей, скрипучую и необработанную, превосходящую своей жестокостью всякое описание.

Единственное чувство, которое как будто не повреждено в результате падения, удара и пожара, это *обоняние.* У него нет ни направления, ни цели, но смесь запахов кипящего горючего и собственной обожженной плоти помогают ему уйти, подгоняют, заставляют спотыкаться, падать, карабкаться и снова двигаться вперед, пока колючие кустарники наконец не начинают редеть.

Неожиданно кусты исчезают. Впереди простирается болото, усеянное отдельными незнакомыми деревьями с изогнутыми спиральными корнями. Отчаяние туманит сознание: он замечает, что вода становится глубже. Скоро бесконечная трясина поднимется до подмышек, а потом еще выше.

Скоро он умрет.

Даже боль словно соглашается с этим. Она смягчается, как будто понимает тщетность попыток мучить мертвеца. Впервые после спасения из горящих обломков крушения он полностью распрямляется. Скользя по грязи, медленно делает полный круг…

…и неожиданно натыкается на пару глаз, следящих за ним с ветвей ближайшего дерева. Глаза сидят над вытянутыми челюстями, усаженными

иглообразными зубами. Как маленький дельфин, думает он… *пушистый* дельфин, на коротких крепких лапах… со смотрящими вперед глазами… и с ушами…

Что ж, возможно, дельфин — не слишком удачное сравнение. Сейчас он не способен хорошо соображать. Тем не менее удивление рождает цепь ассоциаций. Из глубины поднимается след воспоминания, становится почти словом.

— Тай… тай… — Он пытается глотнуть. — Тай… тай… т…

Существо наклоняет голову, с интересом разглядывая его, перемещается на ветке, а он устремляется к нему, вытянув руки…

Неожиданно это внимательное разглядывание кончается. Существо поворачивает голову в сторону звука.

Жидкий всплеск… за ним еще один, потом снова, всплески повторяются в правильном ритме, они все приближаются. Шелест, всплеск, шелест, всплеск. Существо с гладкой шерстью протиснулось мимо, издав глубокий разочарованный вздох. И мгновенно исчезло среди необычной формы листьев.

Он поднимает руку, чтобы уговорить его остаться. Но не может найти слова. Ничто не способно

выразить его горе, когда хрупкая надежда исчезает в пропасти одиночества. Он снова издает жалобный стон.

— Тай… тай…

Всплески все ближе. Теперь слышен и другой звук — низкий шум выдыхаемого воздуха.

Ему отвечает множество чередующихся щелканий, свистов и бормотания.

Он узнает речь, речь разумных существ, хотя не понимает смысла слов. Оцепенев от боли и покорности, он поворачивается — и, не понимая, смотрит *на лодку,* выплывающую из-за рощицы болотных деревьев.

Лодка. Слово, одно из первых, с которыми он познакомился, всплывает в сознании легко, как это всегда происходит и с бесчисленными другими словами.

Лодка. Сооруженная из множества длинных узких трубок, искусно изогнутых и связанных. Лодку передвигают гребцы, согласно действуя веслами и шестами. Этих гребцов он знает. Видел раньше, но никогда так близко.

Никогда не общался.

Одна фигура — конус из колец или торов, уменьшающихся кверху; от колец отходят гибкие щупальца, они сжимают длинный шест и оттал-

кивают им от корпуса лодки древесные корни. Рядом пара широкоплечих двуногих в зеленых плащах гребут большими веслами, похожими на совки; их длинные чешуйчатые руки кажутся бледными в косых лучах солнца. Четвертая фигура — короткий приземистый торс в броне из кожистых пластин; торс увенчивается плоским куполом, окруженным полоской блестящих глаз. От центра исходят пять мощных ног, как будто существо в любое мгновение может побежать в любом направлении.

Он знает эти фигуры. Знает и боится их. Но подлинное отчаяние ощущает, только заметив пятую фигуру, стоящую на корме и разглядывающую заросли и искалеченные камни. Эта пятая фигура держит руль лодки.

Тоже двуногая, но более стройная и одета в грубую плетеную ткань. Знакомые очертания, и слишком похожие на его собственные. Незнакомец, но у них общее наследие, начало обоих восходит к соленому морю во многих тысячелетиях и галактиках от этой комической отмели.

Меньше всего хотел он увидеть такую фигуру в этом жалком месте, так далеко от дома.

И когда бронированный пятиног поднял оканчивающуюся клешней руку, указал в его на-

правлении и крикнул, его заполнили покорность и смирение. Остальные устремились вперед, глядя на него, а он смотрел на них — и было на что посмотреть: все эти лица и формы, удивленно бормочущие, обращаясь друг к другу, пораженные его появлением, а потом старающиеся грести согласованно, быстрее, направляясь к нему с явным намерением *спасти.*

Он приветственно поднял руки. И тут, словно по приказу, колени подогнулись, и теплая мутная вода поглотила его.

В эти последние секунды, отказавшись от борьбы за жизнь, он все равно ощущал иронию без слов. Он пришел издалека и слишком многое испытал. Совсем недавно казалось, что его судьбой, его назначением будет *огонь.*

Почему-то ему казалось, что утонуть — более приличествующий уход.

I . КНИГА МОРЯ

Вы, избравшие такой образ жизни – жить, и плодиться, и умирать в тайне на одном из изувеченных миров, укрываясь от звездных линий, по которым когда-то летали, прячась с другими изгнанниками в месте, запретном по закону, – какое право имеете вы на справедливость? Вселенная жестока. Ее законы беспощадны. Даже преуспевающих и великолепных наказывает все перемалывающий палач, по имени Время. Тем более жестока она с вами, проклятыми, боящимися неба.

И все же есть ведущая вверх тропа – даже из глубины отчаяния.

Прячьтесь, дети изгнания! Укрывайтесь от звезд! Но ждите, смотрите и слушайте – ждите этой тропы.

Свиток Изгнания

Рассказ Олвина

В тот день, когда я достаточно подрос, чтобы мои волосы начали белеть, отец созвал всех членов нашего гнездящегося пучка в семейную кугу на церемонию называния меня правильным именем — *Хф-уэйуо.*

Мне кажется, для хуна это подходящее имя. Оно легко выкатывается из моего горлового мешка, хотя иногда мне неловко его слышать. Это имя как будто постоянно употребляется в нашем роду с тех пор, как первый крадущийся корабль высадил на Джиджо первого хуна.

Этот крадущийся корабль был невероятно прекрасен! Возможно, мои предки и были грешниками: ведь они высадились в запретном мире, в мире-табу, но прилетели они в могучем звездном крейсере, прячась от патрулей Института и избегая опасных углеродных бурь Занга и Измунути. И сумели-таки высадиться. Даже если они грешники, они должны были быть чертовски смелыми и умелыми, чтобы сделать это.

Я прочел все, что смог найти, об этих днях, хоть это и произошло за сто лет до того, как на Джиджо появилась бумага, так что до нас дошли только

легенды о пионерах-хунах, которые спустились с неба и обнаружили, что здесь, на Склоне, уже скрываются г'кеки, глейверы и треки. В легендах рассказывалось, как эти первые хуны утопили свой корабль в глубине Помойки, чтобы его невозможно было выследить, потом связали грубые деревянные плоты и впервые с тех пор, как великие буйуры покинули планету, отправились в плавание по рекам и морям Джиджо.

Поскольку мое имя связано с крадущимся кораблем, думаю, оно не может быть таким уж плохим.

Тем не менее мне больше нравится, когда меня зовут *Олеин.*

Наш учитель, господин Хайнц, велит нам, старшеклассникам, вести дневники, хотя некоторые родители жалуются, что бумага здесь, на южном краю Склона, слишком дорога. Мне все равно. Я напишу о своих приключениях, когда мы с друзьями помогали и мешали добродушным морякам в гавани, или исследовали извивающиеся лавовые русла вблизи вулкана Гуэнн, или плавали в нашей маленькой лодке до длинной остроконечной тени Окончательной скалы.

Может, когда-нибудь из этих записок получится книга!

А почему бы и нет? Мой англик очень хорош. Даже ворчливый старый Хайнц говорит, что у меня склонность к языкам. Ведь к десяти годам я наизусть запомнил городской экземпляр “Роджета”. А теперь, когда печатник Джо Доленц открыл в Вуфоне свою мастерскую, мы можем рассчитывать на приход бродячих библиотекарей *с* книгами. Может, Доленц даже позволит мне самому напечатать свою книгу! Конечно, если я успею что-то написать до того, как мои пальцы станут слишком большими, чтобы управляться с мелкими буковками.

Моя мама Му-фауфк считает это замечательной мыслью, хотя я понимаю, что она слегка потакает моей детской одержимости, и мне хотелось бы, чтобы она не относилась ко мне так покровительственно.

Мой папа Йоуг-уэйуо ворчит, раздувая свой горловой мешок; он считает, что я слишком подражаю людям. Но я уверен, что в глубине души эта идея ему нравится. Разве он не берет в долгие поездки на Помойку взятые взаймы книги? А ведь это опасно. Что, если корабль утонет и, возможно, последний древний экземпляр “Моби Дика” уйдет под воду вместе с ним и экипажем? Разве это не настоящая катастрофа?

И разве не он приучил меня читать почти со дня рождения? Давал мне все великие земные приключенческие книги: “Остров сокровищ”, “Синдбад” и “Ультрафиолетовый Марс”? Почему же он называет меня хьюмикером — подражателем людям?

Сегодня папа говорит, что я должен читать современных хунских писателей, которые пытаются перестать подражать старинным землянам и создать нашу собственную литературу.

Наверно, должно быть больше книг на других языках, не только на англике. Галактический два и Галактический шесть кажутся ужасно невыразительными и не подходят для рассказов. Но я пытался читать некоторых из этих писателей. Честно. И должен сказать, что ни один из них не достоин даже поддерживать штаны Марка Твена.

Естественно, *Гек* полностью со мной согласна.

Гек — мой лучший друг. Она взяла себе это имя, хотя я ей объяснял, что девочке оно не подходит. Она только обвивает одним глазным стебельком другой и говорит, что ей все равно и, если я еще раз назову ее Беки, она зажмет своими спицами шерсть у меня на ногах и так закрутит, что я заору.

Думаю, это не имеет значения: все равно г'кеки меняют пол после того, как отпадают их детские колеса, и если она захочет оставаться самкой, это ее дело. Гек сирота. Она живет с соседями с тех пор, как Большая Северная Лавина стерла с лица земли клан ткачей, который жил там в развалинах буйуров. Наверно, она имеет право быть слегка странной, если пережила это и выросла в семье хунов. Она замечательный друг и отличный моряк, хотя она и г'кек, и девочка, и у нее нет ног.

Чаще всего в наших приключениях участвует и *Острая Клешня,* особенно когда мы спускаемся к берегу. Ему не нужно прозвище из какого-нибудь рассказа, потому что все красные квуэны получают его, как только высовывают свои пять когтей из загона для вылупливания. Клешня не большой любитель чтения, как мы с Гек, в основном потому что книги не выдерживают соли и влаги тех мест, где живет его клан. Клан бедный, живет только за счет мелких извивающихся существ, которых находят в грязевых полях к югу от города. Папа говорит, что квуэны с красными панцирями были слугами тех, у кого панцири серые и синие, до того как крадущийся корабль высадил все три вида на Джиджо. И даже после этого серые

какое-то время распоряжались остальными, и поэтому папа говорит, что красные не привыкли думать самостоятельно.

Может, и так, но когда Острая Клешня с нами, именно он больше всех говорит… одновременно всеми своими ножными ртами — рассказывает о морских змеях, или об утраченных сокровищах буйуров, или о чем-то другом — и клянется, что видел это собственными глазами… или слышал от кого-то, кто знал того, кто мог что-то видеть… где-то сразу за горизонтом. И если мы попадаем в неприятности, то обычно из-за того, что выдумывает Клешня в том жестком корпусе, в котором находится его мозг. Иногда мне хочется иметь хотя бы десятую часть его воображения.

Мне стоит включить в список *Ур-Ронн*, потому что иногда она отправляется с нами. Ур-ронн почти так же любит книги, как мы с Гек. Но она ур, а у ура есть пределы, за которые он не может выйти в своем подражании людям, прежде чем опереться на все четыре ноги и сказать “вау”.

У них, например, не бывает прозвищ.

Однажды, когда мы читали древнегреческие мифы, Гек попробовала прозвать Ур-ронн кентавром. Вероятно, ур действительно напоминает это легендарное создание — если, конечно, вас

только что ударили кирпичом по голове и от боли вы плохо видите и не очень хорошо соображаете. Но Ур-ронн это сравнение не понравилось, и она продемонстрировала это, взмахнув, как хлыстом, длинной шеей и едва не отхватив глазной стебелек Гек своей треугольной пастью.

Гек назвала ее кентавром только один раз.

Ур– ронн племянница Уриэль, которая держит кузницу вблизи огненных лавовых потоков высоко на горе Гуенн. Она завоевала право стать учеником кузнеца, а не оставаться со стадами и караванами на травянистых равнинах. Жаль, что тетка все время заставляет ее работать и не позволяет плавать с нами в лодке: говорит, что уры не умеют плавать.

В школе в прериях Ур-ронн привыкла много читать. В этом захолустном уголке Склона мы о таких книгах и не слыхали. И она рассказывает нам, что может вспомнить, например, о Сумасшедшей Лошади, или о Чингисхане, или об урских героях-воинах, о том, как они сражались с людьми после того, как земляне прилетели на Джиджо и до того, как возникла Община и начался Великий Мир.

Было бы здорово, если бы наша команда стала полной Шестеркой, вроде той, что с Дрейком

и Ур-джушен и их товарищами отправилась в Великий Поиск и впервые увидела Святое Яйцо. Но единственный треки в городе — аптекарь, и он слишком стар, чтобы образовать новое множество колец, с которым мы могли бы играть. А что касается людей, то их ближайший поселок в нескольких днях пути отсюда. Так что, вероятно, нам суждено оставаться четверкой.

Жаль. Люди — это здорово! Это они привезли на Джиджо книги, они владеют англиком лучше всех, кроме меня и, может быть, Гек. К тому же дети людей по фигуре напоминают маленького хуна, так что могут пробраться почти повсюду, куда и я на своих двух длинных ногах. Может быть, Ур-ронн бежит быстрей, но она не может заходить в воду, Клешня не может слишком далеко отойти от воды, а бедная Гек должна держаться ровных участков суши, по которым могут пройти ее колеса.

И никто их них не может взобраться на дерево.

И все же они мои приятели. И способны на многое, на что не способен я, так что, полагаю, счет у нас равный.

Именно Гек сказала, что летом нужно пуститься в настоящее приключение: ведь это лето у нас последнее.

Занятия в школе кончились. Господин Хайнц отправился в ежегодную поездку в великие архивы Библоса, потом на Праздник Собрания. Как обычно, он взял с собой несколько старших учеников-хунов, включая приемную сестру Гек Аф-аун. Мы завидовали их долгому путешествию — вначале морем, потом в лодках вверх по реке до города Ур-Тандж, и наконец караваном ослов вверх, в горную долину, где они будут посещать игры и театральные постановки, навестят Яйцо и будут наблюдать, как встречаются мудрецы и решают проблемы всех шести рас-изгнанников Джиджо.

На следующий год, может быть, мы тоже отправимся в такое путешествие, но не скажу, чтобы перспектива ждать еще семнадцать месяцев меня радовала. А теперь перед нами ничем не занятое лето, и родители все время будут заставлять нас помогать грузить корабли с мусором, разгружать рыбачьи лодки и выполнять сотни других мелких работ. И что еще хуже, до самого возвращения господина Хайнца не будет никаких новых книг — он привезет книги, если не потеряет список, который мы ему дали.

(Однажды он вернулся в крайнем возбуждении и привез целую груду земных стихов, но при этом

ни одного романа Конрада, Купа или Кунца. А некоторые взрослые заявляли, что им эти стихи нравятся!)

Именно Гек первой предложила отправиться за Линию, и я все еще не знаю, стоит ли ее за это благодарить, или проклинать.

— Я знаю, где есть что почитать, — сказала она однажды, когда здесь, на юге, начиналось раннее лето.

Йоуг–уэйуо уже поймал нас, когда мы сидели под пирсом, бросали камни в прыгающие куполы и скучали, как нур в клетке. И, конечно, сразу заставил карабкаться по длинной решетке вверх, чтобы починить маскировку деревни: терпеть не могу эту работу и с нетерпением жду, когда стану слишком большой, чтобы ее делать. Мы, хуны, не так хорошо переносим высоту, как любители деревьев люди и их домашние шимпы, и позвольте мне вам сказать, что, когда карабкаешься по деревянной решетке над всеми домами и магазинами Вуфона, ухаживая за зеленым растительным ковром, который должен помешать заметить нас из космоса, голова начинает кружиться.

Сомневаюсь, чтобы это помогло, если когда-нибудь наступит День, которого все так боятся. Когда небесные боги придут нас судить, что нам

даст покров из листьев? Избавит от наказания?

Но не хочу, чтобы меня называли еретиком. И вообще это не подходящее место для таких разговоров.

Итак, мы были вверху, высоко над Вуфоном, подставляли солнцу свои незащищенные спины, и Гек неожиданно выпалила, словно прокричала:

— Я знаю, где есть что почитать,

Я положил завязки, которые нес с собой, на пучок черных веток ириса. Внизу мне виден был дом аптекаря, и из его трубы поднимались отчетливые запахи треки. (Вы знаете, что вокруг домов треки растут совсем другие растения? Трудно работать по соседству, когда аптекарь готовит лекарства!)

— О чем ты говоришь? — спросил я, борясь с приступом тошноты. Гек подкатилась, подобрала одну из свисавших лиан и приладила на место.

— Я говорю о том, чтобы прочитать кое-что такое, чего на Склоне никто не читал, — ответила она вполголоса и с чувством; она всегда так говорит, когда считает идею замечательной. Два глазных стебелька повисли над ее занятыми руками, а третий повернулся ко мне с блеском, который слишком хорошо мне знаком. — Я гово-

рю о чем-то таком древнем, что по сравнению с ним самые древнейшие свитки кажутся только что напечатанными Джо Доленцем, и краска на них еще не просохла.

Гек катилась по балкам и брусьям, заставляя меня ахать, когда подпрыгивала или проезжала мимо зияющих дыр, сплетая гибкие ветви, как прутья в корзине. Мы считаем г'кеков хрупкими существами, потому что они предпочитают гладкие равнины и терпеть не могут скалистую местность. Но их оси и окружности проворны, а то, что г'кек назовет дорогой, может быть узенькой планкой.

— Не вешай мне лапшу на уши, — ответил я. — Твои предки сожгли и затопили свой крадущийся корабль, и то же самое сделали все расы, высадившиеся на Джиджо. И у них остались только свитки — до появления людей.

Гек качнула торсом, подражая жесту треки, который означает: *может, ты и прав, но я/мы так не думаем.*

– Олвин, ты знаешь, что даже первые изгнанники нашли на Джиджо что почитать.

Ну, хорошо, я действительно не очень быстр. По-своему я достаточно умен — настойчив и основателен, как подобает хуну, но никто не сможет

обвинить меня в поспешности.

Я нахмурился, подражая человеческому “задумчивому” выражению, которое однажды видел в книге, хотя от этого у меня заболел лоб.

— Хрррррм… Минутку. Ты ведь не имеешь в виду те настенные надписи, которые иногда находят…

— На стенах старых зданий буйуров, да! Те, что уцелели, не были разбиты или съедены мулькпауками за миллион лет после ухода буйуров. Эти самые надписи.

— Но разве это в основном не уличные указатели и тому подобное?

— Верно, — согласилась она, опуская один глазной стебелек. — Но в тех развалинах, где я жила вначале, были очень странные надписи. Дядя Лорбен перевел некоторые на ГалДва — до того, как ударила лавина.

Я так и не смог привыкнуть к тому, как небрежно она упоминает о катастрофе, уничтожившей всю ее семью. Я о таком не мог бы говорить много лет. Может, никогда не смог бы.

— Дядя переписывался с учеными из Библоса и обсуждал с ними найденные надписи. Я была тогда слишком мала, чтобы многое понять. Но, очевидно, есть ученые, которые хотели бы боль-

ше узнать о настенных надписях буйуров.

А также и такие, кому это не понравится, помню, подумал я. Несмотря на Великий Мир, во всех шести расах всегда найдутся готовые воскликнуть *“ересь!”* и предупредить о страшном наказании, готовом прийти с неба.

— Что ж, жаль, что надписи были уничтожены, когда… ну, ты знаешь.

— Когда гора убила моих родичей? Да. Очень жаль. Послушай, Олвин, не передашь ли мне еще несколько вязок. Я не дотягиваюсь…

Гек покачивалась на одном колесе, второе бешено вращалось. Я глотнул и протянул над пропастью несколько срезанных веток.

— Спасибо, — сказала Гек, с грохотом приземляясь на балку и гася толчок. — Да, так о чем я? А, да! Настенные надписи буйуров. Я собиралась рассказать, как можно найти некоторые надписи, которые еще никто не видел. По крайней мере никто из изгнанных Шести.

— Но как это возможно? — Должно быть, мой шейный мешок от волнения раздулся, издавая булькающие звуки. — Твой народ прилетел на Джиджо две тысячи лет назад. Мой почти так же давно. Даже люди здесь уже несколько сотен лет. Исследован каждый дюйм Склона, и каждую

развалину буйуров разглядывали десятки раз.

Гек вытянула ко мне все свои четыре глаза.

— В*от именно!*

Слова англика, выходящие из ее черепного барабана, казались окрашенными легким акцентом возбуждения. Я долго смотрел на нее и наконец удивленно прохрипел:

— Ты хочешь сказать, что нужно покинуть Склон? Прокрасться за Трещину?

Не стоило даже спрашивать.

Если бы кости Ифни выпали по-другому, это был бы совсем другой рассказ. Но обстоятельства способствовали тому, чего хотела Гек.

Во– первых, она продолжала приставать ко мне. Даже когда мы кончили чинить решетку, спустились и снова бездельничали возле кораблей, причаленных под нависающими кронами огромных деревьев гингури, она продолжала настаивать со смесью ума г'кеков и настойчивости хунов.

— Послушай, Олвин. Разве мы десяток раз не плавали к Окончательной скале и не призывали друг друга двигаться дальше? Мы однажды даже так и сделали, и никакого вреда не было.

— Но мы добрались только до середины Трещины. И повернули назад.

— Ну и что? Хочешь, чтобы этот позор был с нами всегда? Может быть, сейчас наш последний шанс!

Я погладил полураздутый шейный мешок, произведя гулкий рокочущий звук.

— А ты не забыла, что у нас уже есть проект? Мы будем строить лодку, чтобы можно было нырять… Она с отвращением прервала меня.

— Мы говорили об этом на прошлой неделе, и ты согласился. Это глупая затея…

— Я согласился подумать. Ведь Клешня уже почти закончил корпус. Выгрыз его из большого бревна тару. А как же работа остальных? Мы ведь изучили старинные земные чертежи, сконструировали насос и протянули провода. А еще колеса, которые ты раздобыла, и иллюминатор Ур-Ронн…

— Да, да. — Она пренебрежительным движением двух глазных стебельков отмахнулась от всех этих работ. — Конечно, забавно было заниматься этим зимой, когда все равно приходилось сидеть взаперти. И особенно, когда казалось, что этого никогда не будет. Мы ведь притворялись.

Но теперь речь идет о серьезных вещах! Клешня уже говорит, что через два месяца нужно будет сделать первое глубокое погружение. Разве мы

не согласились, что это безумие? Правда, Олвин? — Гек подкатилась поближе и сделала то, чего г'кеки никогда не делают — во всяком случае, я о таком никогда не слышал. Она прогудела *амбл,* подражая звуку, который издает молодая самка хуна, когда ее большой красивый самец не соглашается с ней.

– Разве тебе не интересней пойти со мной и увидеть эти надписи, такие древние, что их писали *компьютеры, лазеры* и все прочее? Хр-рм? Разве это не интересней плавучего гроба с мусором на полпути к морскому дну?

Пора менять язык. Обычно я нахожу англик более удобным, чем самоуверенные древние языки звездных богов. Даже господин Хайнц соглашается, что “глагольные времена и свободная логическая структура человеческих языков легче передают импульсивный энтузиазм”.

Но сейчас мне нужно как раз противоположное, поэтому я перешел на свисты и пощелкивания Галактического два.

Соображения о (наказуемом) преступлении — об этом ты не думала?

Не смущаясь, она ответила на Галсемь, формальном языке, который любят люди:

Мы младшие, друг. К тому же пограничный за-

кон направлен на предотвращение нелегального размножения за пределами разрешенной зоны. У нас нет такого намерения!

И быстрый переход на Галактический два:

Или ты намерен (извращенно) заняться размножением с этой (девственной самкой) особой?

Какая нелепая мысль! Очевидно, она старается вывести меня из равновесия. И скоро я соглашусь направить парус к тем темным развалинам, которые можно увидеть с Окончательной скалы, если нацелить урский телескоп за глубокие воды Трещины.

И тут я заметил знакомое волнение под спокойной поверхностью залива. Рыжая фигура выползла на песчаный берег, показался пятнистый красный щит, с которого стекала соленая вода. Над пятиугольным компактным панцирем поднимался мясистый купол, окруженный стеклянистым черным кольцом.

— Клешня! — воскликнул я, радуясь, что могу отвлечься от спора с Гек. — Иди сюда и помоги отговорить от этой глупости…

Но молодой квуэн выпалил, не дав воде стечь с речевых щелей.

– Ч…ч…чу… чу…

Клешня не так бегло владеет англиком, как мы

с Гек, особенно когда возбужден. Однако часто им пользуется, чтобы доказать, что он такой же современный хьюмикер, как и мы. Я поднял руки.

— Полегче, приятель! Сделай вдох. Сделай пять вдохов! Он выдохнул: от еще погруженных в воду ног поднялись две цепочки пузырей.

— Я…в…в…видел их! На этот раз я на самом деле видел-идел их!

Зрительное кольцо вокруг купола Клешни способно видеть одновременно во всех направлениях. Но мы чувствовали, что наш друг напряженно смотрит на нас. Он снова выдохнул и произнес одно-единственное слово:

– *Чудовища!*

II . КНИГА СКЛОНА

Легенды

Прошла большая часть миллиона лет с тех пор, как буйуры, повинуясь галактическим законам, покинули Джиджо, когда кончился срок их разрешения на использование этой планеты. То, что не смогли увезти с собой или спрятать в тайниках на спутниках, они тщательно уничтожили, так что на месте могучих городов, когда-то сверкавших под солнцем, остались одни поросшие сорняками руины.

Но даже сейчас их тень нависает над нами, проклятыми и изгнанными варварами, напоминая, что некогда Джиджо правили боги.

Живя здесь в качестве нелегальных скваттеров, в качестве "землезахватчиков", которые не могут выходить за пределы узкой полоски между горами и морем, мы, члены шести рас, смотрим на выветренные руины буйуров со сверхъестественным страхом и благоговением. Даже когда в нашу Общину вернулись книги и грамотность, нам не хватало инструментов и знаний, чтобы исследовать эти руины и больше узнать о последних законных обитателях Джиджо. Недавно отдельные энтузиасты, именующие себя

археологами, заимствовали технику раскопок из старинных земных текстов, но эти фанатики не могут даже сказать нам, как выглядели буйуры, каковы были их обычаи или образ жизни.

Больше всего сведений мы получаем из фольклора.

Хотя глейверы больше не говорят — и поэтому больше не числятся среди Шести, — мы знаем предания, которые они когда-то рассказывали г'кекам, которые хорошо знали глейверов еще до того, как они деэволюционировали.

Некогда, еще до того, как их крадущиеся корабли прилетели на Джиджо, когда глейверы летали звездными путями как полноправные члены пяти галактик, они, как говорят, находились в очень близких отношениях с расой, именуемой таннактиуры, великим и благородным кланом. В молодости эти тиннактиуры были клиентами другого вида — патронов, которые возвысили их и дали тиннактиурам владение речью, инструментами и разум. Эти патроны назывались буйуры, и прилетели они из четвертой галактики, с планеты, в небе которой висела огромная углеродная звезда.

Согласно легенде, эти буйуры славились своим умением производить маленькие живые суще-

ства.

Известны они были и другим своим редким и опасным свойством — чувством юмора.

Хау– Афтунд,

член гильдии вольных ученых. Год изгнания 1908

Аскс

Слушайте, мои кольца, песню, которую я пою. Пусть ее пары поднимутся из ваших сердечников и опустятся, как капающий воск. Эта песня приходит во множестве голосов, запахов и отрезков времени. Она сплетается, как гобелен г'кеков, течет, как ария хунов, скачет и извивается наподобие урской легенды, но разворачивается так же неумолимо, как страницы книги людей.

История начинается мирно.

Весной, в самом начале второго лунного цикла тысяча девятьсот тридцатого года нашего изгнания-и-преступления, появились ротены, возвестив с неба о своем нежеланном прибытии. Сверкая, как солнце в своем господстве над воздухом и эфиром, они разорвали ткань нашего укрытия в самое неподходящее время — во время весеннего сбора племен, вблизи благословенного основания Яйца Джиджо.

Мы собрались, как часто делали после Появления, чтобы послушать великую музыку овоида в надежде получить руководство. Чтобы обменяться результатами наших разнообразных способностей и талантов. Чтобы решать споры,

соревноваться в играх и возобновить нашу Общину. И прежде всего — отыскать возможности уменьшить вред, причиняемый нашим незаконным присутствием на этой планете.

Собрание — это время возбуждения для молодежи, работы для мастеров и прощания для тех, кто приближается к концу своего срока. Уже распространились слухи-предсказания, что это собрание будет иметь особое значение. От каждого клана пришло больше обычной квоты представителей. Наряду с мудрецами и странниками, садоводами и техниками пришло много простых жителей Джиджо на двух, четырех и пяти ногах, а также на кольцах и колесах; под барабанный бой поднимались они по еще замерзшим горным тропам к священным полянам. Каждая раса ощутила земную дрожь, более сильную, чем в прошлом, кроме того дня, когда Яйцо вырвалось из материнской почвы Джиджо, разбрасывая горячую пыль своего рождения, смирило наши капризные и раздражительные страсти и объединило нас.

Ах, Собрание.

Последнее паломничество, возможно, еще не улеглось в памяти. Но вспомните, как наше молодое множество колец медленно плыло на борту корабля от Дальнего Влажного Святилища мимо

блестящего Спектрального Потока и равнины Острого Песка.

И разве эти знакомые чудеса не поблекли, когда мы достигли Великого Болота и увидели его в цвету? Такое можно увидеть только раз за всю жизнь треки. Море цвета — расцветающего, плодоносящего и тут же умирающего. Перейдя с лодки на баржу, мы, путники, гребли в облаках ароматов, плыли по проходам под покровом миллионов серебристых лепестков.

Наши спутники приняли это как предзнаменование, не правда ли, мои кольца? Люди среди нас говорили о загадочной Ифни, таинственной силе, приговоры которой не всегда справедливы, но всегда удивительны.

Помните ли вы другие виды/испытания? Деревни ткачей? Мульк-пауков и охотничьи лагеря? И наконец тяжелый подъем, поворот за поворотом под нашими напряженными ножными подушечками, через проход Долгий Умбрас, ведущий к зеленой долине, где четыре поколения треки назад поднялись гейзеры и засверкали радуги, празднуя появление темного овоида?

Вспомните скрип вулканического гравия и то, как обычно послушные реуки дрожали на нашей голове-кольце, отказываясь лечь на глаза, так

что мы прибыли в лагерь с обнаженным лицом, без маски, а дети всех шести рас бежали к нам с криками: “Аскс! Аскс, треки, пришел!”

Вспомните других высоких мудрецов, коллег и друзей, появившихся из своих палаток, пошедших, покатившихся, заскользивших нам навстречу, приветствуя нас возвышенными эпитетами. Этот ярлычок — Аскс — они рассматривают как постоянно присущий “мне” — выдумка, над которой “я” посмеиваюсь.

Помните ли вы все это, мои кольца?

В таком случае терпение. Воспоминания сливаются, как капающий воск, облекая нашу внутреннюю сущность. И оказавшись там, не могут быть забыты.

На Джиджо в районе неба, удаленном от солнца, видно глубокое сияние. Говорят, такое редко встречается в мирах, каталогизированных в великих галактиках. Это действие частиц углерода, тех самых, что насылают град пустоты, зерен, рожденных Измунути, сверкающим огненным глазом в созвездии, которое люди называют Муками Иова. Говорят, наши предки изучали такие особенности своего нового мира, прежде чем сжечь и затопить свои корабли.

Говорят также, что они просто заглянули в

передвижной отдел Галактической Библиотеки, прежде чем даже это сокровище предать огню в день, который они назвали “Возврата нет”.

В это утро, когда другие мудрецы вышли приветствовать нас, называя нас/меня Аскс, никакого града пустоты не было. Когда мы собрались в павильоне, я узнал, что не только наш реук вел себя капризно. Даже терпеливый хун не смог справиться со своим помощником-переводчиком. Поэтому мы, мудрецы, совещались без этих маленьких симбионтов, общаясь только с помощью слов и жестов.

Из всех рас, чьи предки избрали безнадежную участь изгнанников на этой планете, г'кеки самые старшие. Поэтому обязанности председателя Воспламенения принял на себя Вуббен.

— Виновны ли мы в гибели рантаноидов? — спросил Вуббен, поворачивая глаза во все четыре стороны света. — Яйцо ощущает боль в поле жизни, когда утрачивается потенциал.

— Хрррм. Мы бесконечно спорили об этом, — ответил хунский мудрец Фвхун-дау. — Ларк и Утен говорят об *упадке.* Но рантаноиды еще не вымерли. Небольшое их количество остается на острове Юкун.

Мудрец-человек Лестер Кембел согласился.

— Даже если они вымрут, рантаноиды — всего лишь один из бесчисленных видов животных, питающихся корнями. Нет причины считать их особо благословенными.

Ур– Джа возразила, что ее собственные предки когда-то были маленькими и питались корнями.

Лестер с поклоном согласился.

— И все же мы не отвечаем за подъем и упадок каждого вида.

— Откуда ты знаешь? — настаивал Вуббен. — Нам недостает большинства орудий науки, наши эгоистичные предки погрузили нас во тьму, и мы не знаем, какой вред причиняем, просто ступив на эту планету или выбрасывая свой мусор в пропасть. Никто не может предсказать, что нам вменят в вину, когда настанет День. Даже *глейверов*, в их нынешнем состоянии невинности, будут судить.

В этот момент наша мудрая квуэн, которую мы называем Ум-Острый-Как-Нож, наклонила свой синий панцирь. Из ее хитинового бедра послышался тихий шепот:

– Яйцо, наш дар в дикости, знает ответы. Ее ответ непредубежденному сознанию – правда.

Пристыженные ее мудростью, мы впали в медитацию.

Реуки, в услугах которых больше не нуждались, сползли с наших голов и собрались в центре, обмениваясь энзимами. Мы приняли мягкий ритм, каждый мудрец добавлял свою гармоничную линию — дыханием и ударами сердца.

Кольца мои, помните ли вы, что произошло потом?

Ткань нашего единства была разорвана громовыми звуками, которые высокомерно издавал корабль ротенов, возвестив о злой силе еще до своего появления.

Мы вышли и в отчаянии смотрели на разорванное небо.

Скоро и мудрецы, и простой народ знали, что День наконец настал.

Месть не щадит и детей падших.

Семья Нело

У мастера-бумажника было три отпрыска — число, достойное его благородного призвания, как и у его отца, и у отца его отца. И Нело всегда считал, что эту линию продолжат два его сына и дочь.

Поэтому он тяжело переживал, когда его упрямые дети покинули водяную мельницу, ее лотки и деревянные колеса. Никого из них не привлек ни манящий ритм молота, размельчающего тряпье, доставленное всеми шестью расами, ни сладкий туман вокруг решетчатых экранов, ни уважительные поклоны торговцев, которые издалека собирались, чтобы получить белые полосы, изготовленные Нело.

О, Сара, Ларк и Двер с удовольствием пользовались бумагой!

Двер, младший, заворачивал в нее наконечники стрел и приманку для охоты. Иногда он платил отцу клубнями пиу или зубами груона, прежде чем снова исчезнуть в лесу, как всегда поступал с девяти лет. Побывав в ученичестве у Фаллона-Следопыта, Двер скоро стал легендой на всем Склоне. Ничто не могло избежать его

лука, если не было защищено законом. А слухи утверждали, что парень со свирепым взглядом и черными волосами убивает всех, кого хочет, когда закон смотрит в другую сторону.

Насколько своенравен Двер, настолько сосредоточен Ларк. Он использует бумагу, чтобы готовить надписи и диаграммы. В его кабинете все стены покрыты таблицами, плотно исписаны заметками и чертежами. Но на таблицах видны и обширные белые пятна — напрасная трата драгоценной бумаги Нело.

— Тут ничего не поделаешь, отец, — объяснял Ларк, стоя у деревянных полок, уставленных окаменелостями. — Мы не знаем, какие виды заполняют эти белые пятна. Этот мир сложен, и сомневаюсь, чтобы сами буйуры полностью понимали экосистему Джиджо.

Нело помнит, что тогда же подумал: какая глупость! Когда буйуры взяли в использование Джиджо, они были полноправными членами общества Пяти галактик, имели доступ к легендарной Великой Библиотеке, по сравнению с которой ничтожны все бумажные книги Библоса! По одному слову буйуры могли получить любой ответ под солнцем. Под миллиардом солнц, если можно верить рассказам о прошлом.

Но по крайней мере мудрецы одобряли работу Ларка. А как же Сара? Любимица Нело, она всегда наслаждалась запахами, ритмами и текстурой изготовления бумаги — до четырнадцати лет, пока не наткнулась на *дар*.

Нело винил покойную жену, которая давным-давно так необычно вошла в его жизнь и забивала головы детей странными рассказами и стремлениями.

Да, решил он, *это вина Мелины…*

Негромкий кашель прервал размышления Нело. Бумажник увидел над своим столом пару карих глаз. Почти человеческое лицо обрамляла густая шерсть — лицо настолько человеческое, что неосторожные треки иногда принимали *шимпанзе* как полноправных членов Общины.

— Ты все еще здесь? — рявкнул Нело.

Лицо искривилось, потом кивнуло налево, в сторону склада бумаги, где один из помощников Нело медленно снимал порванные бумажные листы с барабана.

Нело выругался.

— Это мусор, Джоко!

— Но, хозяин, ты велел собирать обрывки, которые можно продать…

Нело нырнул под большую ось — горизон-

тально расположенный шпиндель из твердой древесины, который передает энергию от дамбы во все ближайшие мастерские. Он оттолкнул Джоко.

— Не важно, что я велел. Возвращайся к чанам — и скажи Калебу, чтобы меньше воды пускал на лоток. До сезона дождей еще целых четыре месяца. Он нас через два выведет из дела!

Нело сам осмотрел полки и наконец отобрал два слегка поврежденных листа, перевязанных лианами. Это не совсем брак. Кто-нибудь даже может заплатить за них наличными. С другой стороны, к чему их беречь? Разве мудрецы не предупреждали, что не стоит слишком гордиться и думать о завтрашнем дне?

Ибо все стремления будут подвергнуты суду, и мало кто получит благословение…

Нело фыркнул. Он не религиозен. Он делает *бумагу*. Его профессия подразумевает некоторую веру в добрую суть времени.

— Это для твоей хозяйки, Прити, — сказал он маленькой самке — шимп, которая стояла у стола, сложив руки. Немая, как реук, она служила дочери Нело так, как не способно служить ни одно существо на Джиджо. Это ее служение невозможно осмыслить. Нело протянул ей один

тяжелый пакет.

— Второй понесу сам. Все равно пора заглянуть и проверить, достаточно ли у Сары еды.

Хоть шипм немая, но глаза у нее выразительные. Она знает, что это лишь предлог, чтобы Нело мог взглянуть на загадочный дом Сары для гостей.

Нело проворчал:

— Иди со мной и не медли. Некоторым приходится работать, чтобы заработать на жизнь, знаешь ли.

Крытая дорожка соединяла плотину/фабрику с лесом, где жило большинство обитателей поселка. Яркий солнечный свет пробивался сквозь полог листвы. В полдень нужно быть оптимистом, чтобы поверить, что эта живая маскировка способна скрыть дома от взгляда из космоса, — а среди Шести оптимизм считается легкой разновидностью ереси.

Увы, не такой ереси следует старший сын Нело.

Укрытие казалось еще более проблематичным по отношению к большой дамбе. В отличие от маленьких плотин, которые сооружают квуэны, подражая осыпям или грудам стволов, эта плотина от одного конца до другого тянется на

расстояние половины полета стрелы. Ее края скрывают фальшивые булыжники и заросли вьюнков. Тем не менее многие считают ее самым вопиющим артефактом на Склоне — вдали от древних поселений буйуров. Ежегодно в День Обвинения радикалы требуют ее уничтожения.

И теперь Ларк один из них. — Нело снова обвинил дух своей покойной жены. — *Ты слышишь, Мелина? Ты привела мальчика с собой, когда пришла с далекого юга. Нас учат, что гены не так важны, как воспитание, но разве я растил сына вероотступником и сторонником всеобщего разрушения? Никогда!*

Нело верил не в маскировку, а в слова отцов-основателей, которые забросили свое праздное семя на Джиджо и пообещали, что специальных поисков из космоса не будет. Не будет по крайней мере полмиллиона лет.

Однажды он высказал этот аргумент в споре с Ларком. К его удивлению, парень согласился, но потом сказал, что это не имеет значения.

Я настаиваю на решительных мерах не потому, что боюсь быть пойманным, а потому, что это правильный поступок.

Правильный? Неправильный? Все это непонятные абстракции. Ларк и Сара постоянно говорят

о таких вещах, целые мидуры спорят о судьбе и предназначении. Иногда Нело казалось, что ему легче понять Двера, этого своевольного любителя леса.

Из мастерской деревенского столяра тучами вылетают опилки. Там делают деревянные трубы для Джоби, полного сантехника. Он проводит такие трубы во все дома, чтобы по ним поступала свежая вода, а отходы удалялись в септические ямы-отстойники. Удобства цивилизованной жизни.

— Глубокой тени, Нело, — протянул Джоби, намекая на то, что не против немного посудачить.

— Облачного неба, Джоби, — с вежливым кивком ответил Нело, но не остановился. Конечно, несколько дуров легкой болтовни не повредят. *Но если он узнает, что я иду к Саре, то скоро половина поселка соберется у меня, чтобы узнать что-нибудь новое об этом пациенте Сары — Незнакомце с дырой в черепе.*

Когда-то это мог быть чипвинг со сломанным хвостовым рулем или раненый детеныш тойо. Все больное или раненое оказывалось у него на складе, где у Сары были специальные клетки, обитые тонким войлоком. Нело полагал, что, повзрослев, дочь минует эту фазу — пока несколько

дней назад она не отказалась от обычного собирательского похода из-за того, что ей на носилках принесли раненого Незнакомца.

Когда-то Нело мог бы возразить против присутствия Незнакомца, пусть даже раненого, в древесном доме дочери. Теперь он радовался всему, что отвлечет дочь от целого года напряженной работы и одиночества. Одна из руководительниц гильдии недавно написала ему, жалуясь, что его дочь сторонится главной обязанности женщин ее касты. Нело вынужден был ответить, упрекая в поспешном и опрометчивом суждении. Но все равно: любой интерес, который Сара проявляет к мужчине, пробуждает надежду.

С крытой дорожки Нело углядел городского взрывника с сыном, разглядывавших якорный пирс большой дамбы. Неприветливый и серьезный, с резкими чертами лица, Хенрик сунул руку в отверстие и вытащил глиняную трубку, заканчивающуюся шаром. Сначала сам рассмотрел заряд, потом протянул сыну, чтобы тот понюхал.

Нело неожиданно подумал о громадном озере, которое плещется за дамбой, готовое поглотить все дома и фабрики, если Хенрик получит сигнал исполнить свой долг. Он испытал также укол ревности, глядя на это понимающее тет-а-тет между

отцом и сыном — такое же, какое когда-то было у него самого с его детьми. И какое он надеялся ощутить снова с тем, кто любит бумагу так же, как он.

Если бы хоть один из детей дал мне наследника.

Мне нужен хотя бы один, — молил Нело. — *Если бы можно было подкупить мудрецов, чтобы они приказали!*

Хенрик вернул трубку на место и заклеил отверстие глиной.

Слева послышался низкий вздох. Нело посмотрел туда и увидел еще одного наблюдателя за взрывниками. Лог Байтер — Грызущая Бревно, матриарх местного улья квуэнов, сидела на древесном пне, втянув все пять ног. Нервное дыхание поднимало пыль под ее синим панцирем, а на зрительном кольце у нее реук, как будто он способен рассказать ей о Хенрике и его сыне!

Но о чем тревожится Лог Байтер? Это стандартная процедура. Жители Доло никогда не принесут в жертву дамбу, источник своего богатства и престижа. Только несколько глупцов-ортодоксов хотят этого.

И старший сын Нело.

Все нервничают, думал он, поворачивая. *Снача-*

ла необычная зима, потом предложение Улькоуна и ересь Парка. А теперь еще и Сара появляется с загадочным Незнакомцем.

Неудивительно, что у меня бессонница.

Большинство домов поселка скрыто от горящего неба, расположено на стволах могучих деревьев тару, где на широких верхних ветвях находятся грядки съедобного мха. Казалось, это ниша, специально подготовленная для землян, как любимые озера — для синих квуэнов и травяные равнины — для племен уров.

Нело и Прити пришлось ненадолго остановиться и переждать детей, которые гнали кустарниковых индеек по лесному суглинку. Пара глейверов с опаловой кожей, потревоженных в своем занятии — они рылись в земле в поисках насекомых, — подняли круглые головы и высокомерно фыркнули. Дети рассмеялись, а выпуклые глаза глейверов вскоре снова помутнели: слишком больших усилий требовал от них гнев.

Знакомый ритм деревенской жизни, и Нело счастливо продолжал бы принимать его как должное, если бы не слова старшего сына, сказанные перед отправлением на Собрание, когда Ларк объяснял причины своей ереси.

Природа снова завладевает этим миром, отец,

выходя за пределы, навязанные прежними обитателями.

Нело охватили сомнения. Как может неразумная жизнь меньше чем за миллион лет изменить мир? Без руководящей расы, которая ухаживает за этой жизнью, как садовник за садом?

Это и означает объявление планеты невозделанной, — продолжал Ларк. — *Ей предоставляют отдых и способность восстановиться без вмешательства.*

Ты хочешь сказать, без таких, как мы?

Совершенно верно. Мы не должны находиться на Джиджо. Мы приносим вред самим своим пребыванием здесь.

Это обычная дилемма всех Шести. Предки всех шести рас считали, что у них есть очень основательные причины, чтобы прилететь сюда на крадущихся кораблях и засеять запретную планету своим семенем. Свитки говорят о преступлении, слившемся с отчаянной *надеждой.* Но сын Нело подчеркивает только преступление. Больше того, Ларк и его друзья собираются что-то предпринять. Какое-то серьезное выступление на Собрании этого года, чтобы возместить поколения вины священным и ужасающим поступком.

Какая глупость! возразил Нело. *Когда цивилиза-*

ция вернется в эту галактику, не будет никаких следов нашей жизни здесь. Если мы будем жить праведно, клянусь Яйцом, то, что вы собираетесь сделать, не будет иметь никаких последствий!

В любом споре с Двером последовали бы вызывающие выкрики. Но разговор с Ларком тем более раздражает, что парень скрывает свою пуристическую ересь под упрямой вежливостью, которую унаследовал от матери.

Не важно, что наше преступление никогда не будет раскрыто, отец. Важно то, что нам здесь не место. Мы просто не должны существовать.

Жители деревни здоровались с проходящими Нело и Прити. Но он сегодня отвечал лишь сердитыми взглядами, горячо желая, чтобы отпрыски не раздражали его так сильно — сначала отказавшись подчиниться его желаниям, а потом внеся фермент своих беспокоящих идей.

У городского причала стояли несколько лодок. Стройные нуры с гладкой шерстью сновали по мачтам, натягивая снасти и набрасывая маскирующие покровы, как их столетиями учат высокие длинномордые хуны. Экипаж одной из лодок помогал местным жителям разгружать стекло и металл, найденные в поселении буйуров выше по реке. В городе Ур-Тандж кузнецы все это перера-

ботают, а остатки будут отправлены в мусорные ямы, далеко в море.

В обычное время Нело остановился бы, чтобы понаблюдать, но Прити потянула его за рукав, торопя вверх, в сине-серые ветви рощи.

Когда они повернулись, раздались неожиданные крики. Люди побросали груз, а моряки хуны присели, расставив мохнатые ноги. Древесные стволы раскачивались со скрипом, как корабельные мачты, все канаты натянулись, по воде пошла рябь. Из леса вылетела туча листвы, заполнив воздух вертящими спиралями. Нело узнал гулкий рокот землетрясения. Его охватил страх, смешанный с возбуждением, и он подумал, стоит ли добираться до открытого места.

Но шум стих, прежде чем он успел принять решение. Ветви продолжали раскачиваться, но доски дорожек перестали колебаться, а рябь на озере исчезла, как во сне. Моряки облегченно фыркали. Жители деревни ритуально жестикулировали, ибо дрожь Джиджо целительна, даже если приносит разрушения. Столетие назад более сильное землетрясение вырвало из-под земли Священное Яйцо, благословение, стоящее всех мук, причиненных его рождением.

О мать Джиджо, взмолился Нело, когда стихла

последняя дрожь. *Пусть на Собрании все пройдет хорошо. Пусть мудрецы отговорят Ларка и его друзей от их глупых планов.*

И может быть, решился добавить он, *пусть Двер встретит девушку из хорошей семьи и наконец осядет.*

Он знал, что третье желание высказывать не стоит. Сара не хочет, чтобы он ради нее просил божество. Если это, конечно, не Ифни — капризная богиня чисел и судьбы.

Когда пульс успокоился, Нело знаком велел Прити идти вперед. Их маршрут пролегал вверх по массивному стволу тару, а потом по древесным вершинам, соединенным веревочными дорожками. Нело шел привычно, не замечая высоты, но тюк бумаги все сильней оттягивал руки.

Дом Сары расположен так высоко, что солнечный свет часами падает на плетеную стену. Делая последний переход над пустотой, Нело крепче ухватился за веревку. Обнаженное солнце так его тревожило, что он едва не упустил квадратную клетку, сделанную из досок и висящую на шкиве рядом с небесным порогом Сары.

Лифт! Почему к дому моей дочери присоединили лифт?

И тут же вспомнил. *Из-за Незнакомца.*

От дома исходили разнообразные запахи — по большей части острые, но и сладкие. Заглянув внутрь, Нело сразу опустил жалюзи, отрезав косые солнечные лучи. Из другой комнаты доносился печальный голос Сары. Нело уже собрался постучать в косяк, но остановился: внутри шевельнулись две тени. Одна коническая, состоящая из круглых колец, выше Нело на голову. Шишковатые ноги поддерживают нижнее кольцо, производя при движении хлюпающие звуки.

Вторая фигура, меньшего размера, на двух колесах-ободах; стройный торс заканчивается парой грациозных рук и четырьмя стебельками с глазами, направленными одновременно во все стороны. Существо покатилось вперед, одно колесо скрипнуло, показался пятнистый череп и опущенные глазные стебельки пожилого г'кека.

Если кто из жителей деревни Доло и мог заставить Нело почувствовать себя живым и проворным, так именно эта пара. За всю историю этих двух видов ни г'кек, ни треки никогда не поднимались на дерево.

– Облачного неба, бумажник, — сказал тот, что на колесах.

— Глубокой тени, доктор Лоррек. И тебе тоже, аптекарь. — Нело дважды поклонился. — Как

ваш пациент?

После многих лет обслуживания деревни, населенной почти исключительно людьми, англик Лоррека был превосходен.

— Поразительно. Но пациент набирается сил под действием особых мазей Пзоры, — врач согнул глазной стебелек в направлении треки, чей девятый тор казался раскрасневшимся от напряженной работы, — а также под действием заботы и свежего воздуха.

Это неожиданность. Положение Незнакомца казалось безнадежным.

— Но его раны! Дыра в голове…

Пожатие плечами — по происхождению человеческий жест, но никто не проделывает его изящней г'кека.

— Я опасался, что рана смертельна. Очевидно, Незнакомец обязан жизнью выделениям желез Пзоры и быстрым действиям твоей дочери, которая вытащила его из грязного болота.

Тут заговорил аптекарь — треки, поворачивая свои воспринимающие органы, похожие на драгоценные камни; голос его дрожал, как звук ненастроенной арфы.

— Я/мы помог с радостью, хотя наше синтезирующее кольцо почти в обмороке от усилий.

Потребовались сильнодействующие мази. Но и они не очень понравились.

— О чем это ты?

— Только здесь, высоко, где мало бактерий, можно было проделать работу. Жилище мисс Сары идеально, и она никому не позволяет забрать ее пациента. Но она так много жалуется! Говорит, что ей мешают работать, отрывают от пациента. Хочет, чтобы мы все убрались с ее шеи.

— Ну, это всего лишь метафора.

— Так я/мы и предположил. Я/мы высоко ценю это несоответствие. Пусть она это поймет.

— Я позабочусь, чтобы она поняла, — с улыбкой сказал Пзоре Нело.

— Спасибо вам всем, великолепный Нело, — ответил молодой треки, переходя на множественную форму. — Я/мы надеюсь на спокойствие в работе, когда вернусь сегодня вечером.

Лоррек переплел свои глазные стебли, и Нело не понадобился реук, чтобы прочесть молчаливый смех старого г'кека.

— Спокойствие — это хорошо, — согласился он, прикрывая рукой кашель.

Он подержал кабину лифта вначале для заходящего в нее тяжелого треки. Затем вкатился Лоррек. Его левое колесо покачивалось от неиз-

лечимой наследственной болезни оси. Нело потянул за сигнальный канат, призывая оператора далеко внизу привести в действие лебедку.

— Узнали что-нибудь о происхождении Незнакомца? — спросил Лоррек, пока они ждали.

— Я ничего не слышал. Но уверен, это вопрос времени.

До сих пор даже торговцы не смогли узнать человека, лежавшего в беспамятстве. Предполагалось, что он из далекого берегового поселка или даже из Долины. *В Дало никто не знал и Мелину, когда она появилась много лет назад с приветственным письмом и ребенком на руках. Склон больше, чем мы привыкли думать.*

Г'кек вздохнул.

— Скоро придется решать, не лучше ли отослать пациента, теперь, когда его положение стабилизировалось, чтобы его осмотрели…

Клетка задрожала и быстро пошла вниз, прервав Лоррека на середине фразы.

Понятно, думал Нело, глядя, как клетка исчезает внизу за ветвями. *Это объясняет шум. Сара не хочет, чтобы ее пациента отправляли специалистам в город Тарек, хотя и жалуется на помехи в работе.*

Научится ли когда-нибудь Сара? Когда в послед-

ний раз взял верх ее воспитательный инстинкт — она помогала выздоравливающему переплетчику в Библосе, — это привело к любовной связи и закончилось трагедией, скандалом и изгнанием Сары из гильдии. Нело надеялся, что больше это никогда не повторится.

Даже сейчас она может все это вернуть — положение и брак с уважаемым мудрецом. Конечно, мне никогда не нравился этот кисло-напыщенный Теин, но он обещал более безопасную и благополучную жизнь, чем этот ее хрупкий возлюбленный.

И она может продолжать заниматься математикой и родить мне здоровых внуков.

Первым в дом вошел маленький шимпанзе. Из тени послышался голос Сары:

— Это ты, Прити? Мне помешали, но, кажется, я наконец решила интеграл. Посмотри…

Послышался глухой звук. На стол опустили тяжелый сверток.

— А, бумага. Замечательно. Посмотрим, что послал на этот раз старик.

— Что бы ни послал старик, это слишком хорошо для того, кто не платит, — проворчал Нело, ожидая, пока адаптируется зрение. В полутьме он увидел, как из-за стола, покрытого листами бумаги с какими-то непонятными символами,

встает дочь. На круглом лице Сары появилась улыбка, которую он всегда считал прекрасной, хотя было бы лучше, если бы девушка больше походила на мать.

Моя внешность и своенравный характер Медины. Не хотел бы я такой смеси для девушки.

— Отец! — она торопливо подошла и обняла его. — Ты меня испугал.

Ее черные волосы, остриженные коротко, по-мальчишески, пахнут карандашной пылью и мазями Пзоры.

— Еще бы. — Он неодобрительно посмотрел на беспорядок в комнате, который стал еще больше с появлением матраца у стола. Груды текстов, на некоторых эмблема большой сокровищницы Библоса, лежат среди записей о “новом направлении”, которое приняли ее исследования, объединяющие математику и — подумать только! — *лингвистику.*

Прити взяла один из листов Сары и взгромоздилась на стул. Шимпанзе жевала нижнюю губу, просматривая строку за строкой, — молчаливая соучастница таинственного искусства, в котором Нело ничего не понимает.

Он посмотрел в сторону спального отделения, где солнечный свет падал на одеяло, выделяя

очертания двух больших ног.

— Оба парня ушли, и я подумал, загляну, как у тебя дела.

— Как видишь, все в порядке. — Она гордо осмотрелась, словно ее древесный дом в образцовом порядке. — И обо мне заботится Прити. Да я часто даже вспоминаю, что нужно поесть!

— Что ж… — пробормотал он. Но Сара уже взяла его за руку и мягко повела к выходу.

— Завтра загляну, — пообещала она, — когда Лоррек и эта старая Вонючка попросят не мешать им. Отправимся к Белонне и хорошо пообедаем, ладно? Я даже надену чистое платье.

— Что ж… неплохо было бы. — Он помолчал. — Но помни, старейшины дадут тебе помощника, если работы будет слишком много.

Она кивнула:

— Я знаю, как ты на это смотришь, отец. “Сара снова одержима”, верно? Не волнуйся. На этот раз все совсем по-другому. Просто я считаю, что это место идеально для предотвращения инфекций при таких ужасных ранах…

Из глубины дома донесся низкий стон. Сара поколебалась, потом подняла руку.

— Сейчас вернусь.

Нело смотрел, как она торопливо направляется

к завешенному спальному отделению, потом, подстрекаемый любопытством, заглянул сам.

Прити вытирала лоб раненого Незнакомца, ее темные руки словно отгоняли какое-то смертельно опасное существо. Руки Незнакомца были покрыты свежими шрамами, а из-за уха вытекала желтоватая жидкость. Когда Нело видел его в последний раз, кожа Незнакомца посерела, как пепел, в приближении смерти. Теперь его глаза с черными зрачками казались воспламенными какой-то страстью.

Сара взяла руки раненого, настойчиво заговорила с ним, стараясь унять неожиданный приступ. Но чужак с такой силой сжал ее запястья, что Сара от боли закричала. Нело бросился к ней и тщетно пытался разжать сильные пальцы.

— Ги… ги… гм… дау! — запинался Незнакомец, таща Сару за собой на пол.

И в это мгновение небо раскололось.

Раздался громогласный рев, с полок посыпалась посуда. Все дерево тару *накренилось,* словно его толкнула огромная рука. Нело упал. Со звоном в ушах отец и дочь держались за планки пола, дерево наклонилось совсем низко. В щели Нело увидел землю. Еще посыпалась посуда. В облаке бумажных листов закричала Прити, Незнако-

мец с широко открытыми глазами подхватил ее крик.

В голове Нело появилась тупая мысль: *Может, это еще одно землетрясение?*

Тару швыряло их, словно бусинки. Продолжалось это бесконечно — должно быть, не больше минуты.

Как ни поразительно, но дом устоял на своей развилке двух ветвей. По стволу огромного дерева пробежала дрожь, вопль, разрывавший череп Нело, стих, уступив место тишине. Нело неохотно позволил Саре помочь ему подняться. Они подошли к Незнакомцу, который сжимал подоконник руками с побелевшими костяшками.

Весь лес был в туче пыли и сорванной листвы. К удивлению Нело, ни одно дерево не упало. Он поискал взглядом большую дамбу и увидел, что она выдержала, слава Богу. Бумажная мельница казалась невредимой.

— Смотри! — Сара ахнула и показала куда-то вверх, в небо над лесом.

Здесь, высоко над головой, появился тонкий белый след; что-то огромное и стремительное разрывало воздух; это что-то, сверкающее, еще виднелось вдали, устремляясь к заснеженным вершинам хребта Риммер. Оно казалось таким

высоким, таким легким и таким высокомерным — Нело не нужно было вслух высказывать ужасную мысль. Тот же страх отразился и в глазах его дочери.

Незнакомец, глядя на удаляющийся блеск, испустил полный дурных предчувствий вздох. Казалось, он разделяет их тревогу, но на его усталом лице не было удивления.

Аскс

Помните ли вы, мои кольца, как корабль ротенов сделал три круга над Поляной Собраний, сверкая в своем спуске, сопровождаемый ревом протестующего неба? Погладьте воск памяти и вспомните, каким могучим выглядел этот корабль, когда драматично застыл почти над самой головой.

Даже человеческое племя — наши лучшие техники — смотрело, округлив глаза по своему обыкновению, как большой цилиндр, огромный, словно ледник, мягко опустился всего в девяноста полетах стрелы от священного тайного углубления, в котором лежит Святое Яйцо.

Вокруг нас со стонами страха стояли представители шести рас.

— О, мудрецы, должны ли мы бежать? Должны ли прятаться, как требует закон?

Поистине так приказывают нам Свитки.

Укройте свои палатки, свои поля, свои труды и самих себя. Ибо с неба придет ваш суд и ваше наказание.

Вестники спрашивали:

— Нужно ли разносить Призыв? Нужно ли сжи-

гать деревни и города, уничтожать стада и ульи?

Еще до оформления закона, еще до того, как из вражды родилось наше единство, разрозненные племена знали, в чем опасность. Мы, изгнанники-на-Джиджо, прятались, когда со своими редкими проверками появлялись исследовательские зонды Галактических институтов, заставляя наши чувствительные камни загораться предупредительным огнем. А в другое время со звездного свода опустились сверкающие шары-рои зангов, опустились в глубину моря, а потом снова взлетели, окруженные парами украденной жидкости. И даже те шесть раз, когда на берег опускались изгнанники, их никто не приветствовал, пока они не сжигали корабли, которые их привезли.

Попытаемся спрятаться?

Вспомните, мои кольца, растерянный лай, когда народ рассыпался, словно мякина на ветру, разбирая праздничные павильоны, таща отходы нашего лагеря к ближайшим пещерам. Но среди всего этого смятения некоторые оставались спокойными и покорными. Немногие в каждой расе поняли: на этот раз спрятаться от звезд не удастся.

Первым из высоких мудрецов заговорил Вуббен, повернув к каждому из нас по глазному

стебельку.

— Никогда раньше корабль не приземлялся прямо среди нас. Они нас явно видели.

А может, и нет, — предположила Ур-Джа на обнадеживающем Галактическом семь, топнув одним копытом. Возбужденная белая шерсть обрамляла ее расширившиеся урские ноздри. — *Возможно, они уловили излучение Яйца. Может, если мы спрячемся быстро…*

Ур– Джа смолкла, когда Лестер, человек, покачал головой -простой жест отрицания, в последнее время ставший модным во всей Общине. Среди тех, у кого есть голова.

— На таком расстоянии наши инфракрасные показатели невозможно не распознать. Их корабельная библиотека распознала нас до самого последнего подвида. Если до входа в атмосферу они о нас не знали, то теперь точно знают.

По привычке мы поверили ему на слово — люди в таких вопросах разбираются лучше всех.

— Может, они такие же беглецы, как мы! — выпалил наш мудрец квуэн, излучая надежду всеми ножными щелями. Но Вуббен не разделял его надежды.

— Вы видели, как они появились. Разве это стиль беглецов, крадущихся в страхе, таящихся

от взгляда Измунути? Разве кто-то из наших предков прибывал *так? С* ревом по всему небу?

Приподняв передний глаз, чтобы осмотреть толпу, Вуббен призвал к спокойствию.

— Пусть никто не покидает долину праздника, чтобы их не проследили к нашим разбросанным племенам и поселкам. Но разыщите всех глейверов, которые пришли кормиться среди нас, и прогоните их, чтобы наша вина не запятнала их невинность.

А что касается Шести, которые оказались здесь, где опустилась темная тень корабля… мы все должны жить или умереть, как велит судьба.

Я/мы ощутил удовлетворение колец моего/нашего тела. Страх смешался с покорностью: все признали справедливость слов Вуббена.

— И не будем бесполезно суетиться, — продолжал он. — Ибо в свитках сказано также: *Когда сорваны все покровы, не скрывайтесь больше. Ибо настал день суда. Оставайтесь на месте.*

Так очевидна была его мудрость, что не возникло никаких споров. Разве мы не собрались потом племя за племенем, мои кольца? Из множества стало единство.

Наша Община повернулась к кораблю, навстречу судьбе.

Двер

Странный нур продолжал тащиться за ним, улыбаясь с ветвей деревьев, настоящий паразит.

Иногда существо с гладкой черной шерстью на время исчезало, пробуждая надежды Двера. Может, наконец устало от пыльного горного воздуха, так далеко от болот, где обычно живут нуры.

Но потом оно снова появлялось с улыбкой во всю короткую морду и смотрело с ветки, как Двер прорубает дорогу в колючем кустарнике или пробирается по перевернутым плитам древнего пути, часто наклоняясь и всматриваясь в следы сбежавшего глейвера.

Когда Двер впервые увидел этот след сразу за пределами Поляны Собраний, он был уже остывший. Брат и другие пилигримы продолжили движение на звуки веселой музыки, доносящиеся из праздничных павильонов. Но увы! Работа Двера — останавливать глейверов, у которых появилось странное обыкновение покидать уютные низины и пытаться вернуть себе прежнюю свободу. Празднику придется подождать.

Нур лаял высоким голосом, делая вид, что помогает; его мускулистое гибкое тело легко

передвигалось вверху, в то время как Дверу приходилось рубить и карабкаться. Наконец Двер убедился, что они догоняют. Теперь следы глейвера ближе друг к другу, и есть нажим на пятку. Когда ветер переменился, Двер уловил запах. *Как раз вовремя,* подумал он: очень скоро горы перейдут в еще один водный сток, ведущий по существу в другой мир.

Почему глейверы так поступают? По эту сторону их жизнь легче, здесь все в них души не чают. А за переходом лежит ядовитая равнина, в которой способны продержаться только самые выносливые охотники-люди.

Или туристы, подумал он, вспоминая предложение Лены Стронг за плату вести туристов на восток. Единственная цель этого путешествия — осмотр достопримечательностей. Такое выражение Двер раньше слышал только в рассказах о старой Земле.

Безумные времена, подумал он. Однако “организаторы туризма” утверждают, что получили одобрение мудрецов — на определенных условиях. Двер покачал головой. Сейчас, когда добыча прямо перед ним, ему не нужно забивать себе голову этими идиотскими идеями.

Нур тоже проявлял признаки усталости, хотя

продолжал бежать по следу глейвера, время от времени привставая на задних лапах и вглядываясь вперед черными, далеко видящими глазами. Неожиданно он гортанно заурчал и исчез в горных зарослях — и тут же Двер услышал безошибочный писк глейвера, а вслед за ним топот бегущих ног.

Ну вот, теперь он его спугнул!

Наконец Двер выбрался из подлеска на открытый участок древней дороги буйуров. Побежал по разбитым плитам дороги, на бегу сунув в ножны мачете, доставая свой складной лук и натягивая тетиву.

Из узкого бокового каньона доносились шипящие звуки противостояния. Дверу пришлось снова оставить древнюю дорогу и двигаться среди переплетенных лианами деревьев.

Наконец сразу за кустами он их увидел — два существа: одно черное, другое радужно-светлое.

Загнанный в узкую расщелину глейвер, несомненно, самка, возможно, беременная. Она долго шла и теперь тяжело дышит. Круглые глаза вращаются независимо друг от друга, один следит за черным нуром, другой отыскивает иные, еще не обнаруженные опасности.

Двер выругал их обоих — глейвера за то, что

тот увлек его в не приносящее никакой выгоды преследование, в то время как он так ждал праздника, а этого нахального нура — за то, что постоянно вмешивается.

Вдвойне выругал, потому что теперь он у него в долгу. Если бы глейвер добрался до равнины за хребтом Риммера, конца бы не было неприятностям.

Казалось, ни одно существо не замечает Двера — хотя он, зная, какие острые чувства у нура, не поручился бы за это. *Что делает здесь этот маленький дьявол? Что он пытается доказать?*

Двер назвал его Грязнолапым, потому что коричневые пятна на лапах выделяются на фоне черной шкуры, от плоского хвоста до усов, которые дергаются на короткой морде. Черная тварь стояла неподвижно, не отрывая взгляда от пугливого глейвера, но Двер не обманывался. *Ты знаешь, что я слежу за тобой, показушник.* Из всех видов, которые оставили на Джиджо, улетая, древние буйуры, нуры казались Дверу самыми непонятными, а ведь мастерство охотника в том, чтобы понимать живые существа.

Он тихо опустил лук и развязал кожаную сумку, достав оттуда свернутое лассо. Терпеливо, вкрадчиво начал продвигаться вперед.

Обнажив в улыбке острые прямоугольные зубы, Грязнолапый поднялся почти до роста глейвера — примерно на уровень бедра Двера. Глейвер с рычанием отступал, пока его тело не прижалось к скале, высвободив град камней. Своим раздвоенным хвостом самка сжимала палку — ветку или ствол с оборванными листьями. Сложное орудие, показывающее, на какой стадии сейчас находятся глейверы.

Двер сделал еще один шаг, но на этот раз не смог избежать хруста листьев. Из-за острых ушей нура из шерсти поднялись серые бугорки и независимо друг от друга закачались. Грязнолапый продолжал следить за глейвером, но в его осанке что-то говорило: *“Тише, дурак!”*

Дверу не нравилось, когда ему указывали, что делать. Особенно если указывает нур. Тем не менее об охоте судят по результатам, а Дверу нужна чистая поимка. Подстрелить глей-вера — значит признать свое поражение.

Свободно свисающая шкура глейвера утратила свой блеск после ухода со знакомой охотничьей территории: глейверы обычно кормятся вблизи поселков. И так уже несколько столетий, с тех пор как приобрели невинность.

Но почему они это делают? Почему ежегодно

пытаются перебраться через переходы?

Невозможно догадаться о том, что движет нуром. Среди Шести только у терпеливых хунов есть дар управляться с шаловливыми беспокойными зверьками.

Может, буйурам не хотелось покидать Джиджо, и они оставили нуров как шутку для тех, кто придет за ними.

Пролетела жужжащая львиная муха на прозрачных вращающихся крыльях. Тяжело дышащий глейвер проследил за ней одним глазом, продолжая вторым следить за раскачивающимся нуром. Очевидно, голод победил страх; к тому же самка поняла, что Грязнолапый слишком мал, чтобы убить ее. И словно подкрепляя это впечатление, нур сел на задние лапы, небрежно облизывая плечо.

Очень умно, подумал Двер, перемещая свою тяжесть, в то время как глейвер оба глаза повернул в сторону добычи.

Изо рта самки устремилась полоска слюны, ударила муху в хвост.

Грязнолапый мгновенно прыгнул влево. Глейвер запищал, ударил палкой и повернул в другую сторону. Двер с проклятием выскочил из кустов. Его мокасины скользнули по граниту, он на-

гнулся, едва избежав удара дубины. В отчаянии Двер бросил лассо — оно с резким звуком натянулось, прижав его подбородок к земле. Глейвер, даже ослабевший и умирающий с голода, обладал такой силой, что смог протащить Двера на несколько шагов, пока наконец не сдался.

Дрожа — по ее гладкой шерсти пробегали волны цвета, — самка бросила импровизированную дубину и опустилась на все четыре колена. Двер осторожно встал, сворачивая лассо.

— Спокойней. Никто тебя не обидит.

Глейвер разглядывал его одним тусклым глазом. *“Больно. Маргинально”,* — проскрипела самка на Галактическом восемь с сильным акцентом.

Двер откинулся назад. В прошлом только раз пойманный глейвер заговорил с ним. Обычно глейверы до конца демонстрируют свое приобретенное отсутствие разума. Двер облизал губы и попытался ответить на том же диалекте:

“Достойно сожаления. Предлагается терпение. Лучше, чем смерть”.

Лучше? Осторожный глаз прищурился, словно слегка удивленный и не вполне понимающий.

Двер пожал плечами.

Жаль, что больно.

Взгляд слегка потерял фокус.

Нет вины. Плохая музыка. Сейчас готов есть.

И свет разума снова исчез под покровом животной тупости.

Удивленный и утомленный, Двер привязал существо к ближайшему дереву. И только тогда занялся своими порезами и ушибами, а Грязнолапый тем временем лежал на плоской скале и грелся в лучах заходящего солнца.

Нуры не умеют говорить. В отличие от глейверов, их предки никогда не получали толчок к разуму. Тем не менее его улыбающаяся пасть словно говорила: “Это забавно. Давай сделаем так еще!”

Двер отыскал лук, разжег костер и последний дневной мидур провел, кормя пленницу из своего скромного рациона. Завтра он отыщет гнилой ствол, под которым можно рыться в поисках насекомых — любимое, хотя и лишенное достоинства занятие тех, кто когда-то был могучей звездной расой.

Когда Двер разворачивал хлеб и мясо, Грязнолапый подобрался поближе. Двер вздохнул и бросил немного нуру, который хватал куски в воздухе и ел с осторожным достоинством. Потом принюхался к фляжке-тыкве Двера.

Двер видел, как нуры пользуются такими фляжками на борту лодок с экипажем из хунов. Поэтому после некоторых сомнений он вытащил пробку и протянул фляжку нуру. Тот взял ее обеими шестипалыми лапами, почти такими же ловкими, как человеческие руки, и искусно вылил на язык несколько капель, громко причмокивая.

А потом вылил все оставшееся себе на голову.

Двер с проклятием вскочил. Но Грязнолапый уже блаженно отбросил опустевшую фляжку. По его гладкой спине бежали ручейки, темные капли падали в пыль. Нур счастливо почирикал и начал прихорашиваться.

Двер потряс фляжку, вылив из нее несколько капель.

— Из всех эгоистичных неблагодарных существ…

Уже слишком поздно идти к ближайшему ручью, спускаясь по узкой опасной тропе. Гул водопада слышен, но пешком до него не менее мидура пути. Конечно, это не кризис: ему приходилось обходиться без воды. Тем не менее у него всю ночь от этого звука будет сухо во рту.

Никогда не переставай учиться, сказала Ур-Руолс. Сегодня Двер еще кое-что узнал о нурах. И

учитывая все обстоятельства, за урок он заплатил не очень дорого.

Он решил устроить себе будильник. Но для этого нужен часовой тит.

У него есть причины встать пораньше. Возможно, еще успеет вернуться в долину к началу Собрания Шести, еще до того, как все девушки выберут себе партнеров для праздничного танца Затем нужно представить ежегодный отчет Дэйнелу Озаве и выступить против нелепой идеи Лены Стронг по поводу туризма К тому же если увести глейвера еще до рассвета, Грязнолапый может остаться спать у тлеющих углей. Нуры любят поспать почти так же, как проказничать в деревне, а у этого нура позади долгий день.

Поэтому после ужина Двер достал несколько бумажных свертков — свой запас разных практически необходимых вещей. Бумага для свертков из корзины для ненужных бумаг брата или Сары.

Ларк всегда пишет четко и аккуратно, и записи его касаются какого-нибудь вида в сложноорганизованном образе жизни Джиджо. Выброшенные бумаги Ларка Двер использует, чтобы заворачивать в них семена, травы и перья — все то, что бывает полезно на охоте.

Почерк у Сары размашистый, но сдержанный, словно воображение и порядок ограничивают друг друга. На ее выброшенных листочках математические символы и формулы. (Некоторые уравнения не просто выброшены, а изорваны в приступе раздражения.) В листочках сестры Двер держит лекарства, приправы и порошки, которые делают продукты Джиджо съедобными для людей.

Из одного такого пакета он извлек шесть семян *тобара,* круглых, твердых и ароматных, и разложил их на плоском камне ниже по ветру. Задержав дыхание, ножом расколол одно из семян и убежал от поднявшегося остро пахнувшего облачка. Глейвер тревожно поерзал, а нур смотрел на Двера сердито, пока ветерок не унес запах.

Завернувшись в спальный мешок, Двер смотрел на появляющиеся звезды. Калунути горячей красной точкой горело на усмехающемся лице Саргона, этого безжалостного стража законов. Появилось еще много звездных рисунков, *орел, лошадь, дракон* и *дельфин,* любимый двоюродный брат, улыбающийся и направляющий челюсть в ту сторону, где, как говорят, расположена Земля.

Если нас, изгнанников, когда-нибудь поймают, думал Двер, *появится ли в Великой Галактиче-*

ской Библиотеке файл о нашей культуре? О наших мифах? Будут ли чужаки читать наши мифы о созвездиях и смеяться?

Если все пройдет, как планировалось, никто никогда не услышит об этой одинокой колонии и не вспомнит ее легенды. *Наши потомки, если они вообще будут, станут подобны глейверам — простым и невинным, как звери в поле.*

Бьющиеся крылья затмили свет костра. Вблизи семян тобара приземлилась плотная фигура с крыльями из серых пластинок, которые складываются, как налегающие друг на друга лепестки. Желтый клюв птицы быстро заглотил семя, расколотое Двером.

Грязнолапый сел, глаза его блестели.

Двер полусонно предупредил нура:

.– Потревожишь ее, и я из твоего меха шляпу сделаю.

Грязнолапый фыркнул и снова лег. Скоро послышался ритмичный стук: тит принялся за следующее семя. На поедание одного семени ему требуется один мидур — примерно семьдесят минут. А когда съест последнее, с пронзительным криком улетит. Не нужно заглядывать в Великую Библиотеку, чтобы понять, зачем буйуры сотворили это создание. Живой будильник работает

точно по программе.

Ларк ошибается насчет нашего места в этом мире, думал Двер, на которого непрерывное щелканье действовало усыпляюще. *Мы приносим пользу. Джиджо было бы печальным местом, если бы мы не использовали его дары.*

Ему что-то снилось. Двер всегда видел сны.

Бесформенные враги таились за пределами зрения, а он шел по многоцветной земле, словно радуга растаяла, поплыла по поверхности, а потом застыла. Резкие цвета ранили глаз. Больше того, у него пересохло в горле, и он не вооружен.

Сон изменился. Неожиданно он оказался в лесу, деревья которого уходили вверх, за луны. По какой-то причине деревья были еще более угрожающими, чем многоцветный пейзаж. Он побежал, но не мог найти выход из леса, а древесные стволы засветились, загорелись и начали *взрываться.*

Яростная напряженность кошмара вырвала его из сна, и он сел с колотящимся сердцем. Двер смотрел широко раскрытыми глазами, радуясь тому, что *реальный* лес не изменился, хотя он темный и его продувает утренний ветер. Огненной бури нет. Это ему все приснилось.

Тем не менее тревога его не оставила. Что-то

не так.

Он потер глаза. Иные созвездия плыли по небу и блекли на востоке в предрассветной серости. Самая большая луна — Лусен — висела над силуэтами гор, ее освещенное солнцем лицо было усеяно яркими точками — куполами давно покинутых городов.

Что же не так?

Это не интуиция. Часы — тит остановились. Что-то встревожило птицу раньше времени, и она издала свой будящий сигнал. Двер осмотрелся и увидел спокойно храпящего нура. Глейвер одним лишенным мысли глазом посмотрел на охотника, второй глаз оставался закрытым.

И неожиданно Двер понял, в чем дело.

Мой лук!

Его нет на месте, на расстоянии вытянутой руки. Он исчез.

Его украли!

Гнев притоком адреналина отогнал утреннюю сонливость. Многие с завистью говорили о его луке — шедевре из слоистого дерева и кости, созданном знаменитым мастером квуэном из города Овум. Но кто?…

Успокойся. Подумай.

Может быть, Джени Шен? Она часто шутила,

что заставит его играть в покер, а ставкой будет лук. Или, может…

Стоп!

Он перевел дыхание, но так трудно сдержать молодое тело, рвущееся к действию.

Остановись и послушай, что скажет тебе мир…

Прежде всего он должен сдержать собственный яростный поток невысказанных слов. Двер отбросил все шумные мысли. Затем заставил себя забыть о звуках дыхания и пульса.

Отдаленный гул водопада теперь хорошо знаком, и его легко устранить. Шелест ветра, менее регулярный, скоро тоже отодвинулся, стих.

Звук сверху — это часовой тит, он кружит в надежде найти еще семян тобара. Еще один легкий звук — медовая летучая мышь, пара мышей, на них тоже можно не обращать внимания. Он устранил также негромкий храп нура и мягкий скрежет коренных зубов глейвера: пленник пережевывал жвачку.

Вот оно! Двер повернул голову. Скрип гравия? Вероятно, скатились несколько булыжников. Что-то или кто-то… двуногий? *Размером почти с человека,* подумал он, *и торопливо уходит.*

Двер двинулся в направлении этого звука.

Скользя в мокасинах, как призрак, он пробежал некоторое расстояние, прежде чем понял, что вор уходит *в неверном направлении.* В сторону от берега. В сторону от Склона. Он направляется выше по хребту Риммер.

Направляется к Проходу.

Двер шел по каменистой тропе. Гневная вспышка сменилась равномерным ритмом преследования — напряженной, почти экстатической концентрацией каждого шага, каждого удара пятки и пальцев ног, необходимостью в самых быстрых движениях сохранять тишину, прислушиваться к звукам, помимо собственного легкого шума. Голова была ясная, ярость больше ее не отравляла. Какова бы ни была причина погони, Двер не мог не наслаждаться ею. Это его дело, это он любит больше всего.

Он уже приближался к полосе серого света, разделяющей две горные вершины, когда ему в голову пришла неожиданная мысль.

Минутку!

Он замедлил бег, потом перешел на шаг.

Это глупо. Я гонюсь за звуком, хотя не уверен, что на самом деле его слышал — может, это был пережиток сна, а ответ прямо передо мной!

Нур

Он остановился, ударил кулаком по бедру, чувствуя себя идиотом.

Именно это должен делать нур — красть разные предметы. Менять крестьянскую вырезанную из дерева чашку на сокровище или наоборот.

Найдет ли он, вернувшись, на месте лука груду помета лиггера? Или бриллиант, вырванный из короны давно умершего буйурского короля? Или все они: нур, лук и глейвер — просто исчезнут? Грязнолапый очень искусно изображал сон, похрапывая у костра. Усмехался ли зверь, когда он, Двер, гонялся за плодом собственного воображения?

И, наряду с гневом, возникло невольное восхищение.

Хорош. Он меня провел.

Но нура может ждать сюрприз. Из всех жителей Джиджо, вероятно, только Двер способен *отыскать* зверя и сравнять счет.

Погоня будет трудной. Возможно, бесплодной.

Но это погоня всей жизни.

Неожиданно Двера охватило вдохновение. Неужели таков дар нура? Предложить Дверу…

Впереди, в полутьме, шевельнулся край тени.

Несфокусированное зрение готово было вос-

принимать все, что происходит на периферии постоянной сцены. Охотничий рефлекс делает особенно чувствительным к движениям — "булыжник" впереди шевельнулся и двинулся в направлении Прохода.

Слух уловил отдаленный скрип, тише ветра. Двер свел брови и снова двинулся вперед, вначале медленно, потом все быстрей.

Когда расплывчатая тень остановилась, он тоже застыл, разведя руки, чтобы сохранить равновесие.

Видный на фоне предрассветной серости, силуэт ждал несколько дуров, затем повернулся и двинулся в прежнем направлении.

Верь своим инстинктам, учил следопыт Фаллон. Старик не дурак.

Очевидным подозреваемым был Грязнолапый. Может быть, именно поэтому такая мысль не пришла Дверу в голову в лагере. Он потратил бы драгоценное время, виня преступника, подсказываемого самой логикой. И в конечном счете его первый импульс оказался верным. Первая догадка — самая правильная.

Тень снова повернулась. Теперь Двер разглядел очертания человека, встревоженного, убегающего с похищенным луком. На этот раз Двер решил

пожертвовать скрытностью ради быстроты. Разлетелись камни, наполняя проход гулом падения. Тень устремилась вперед, как преследуемый полосатый гузул.

Только три человека на Джиджо могли перегнать Двера, да и то лишь на ровной местности.

Игра кончена, подумал он, делая последний бросок.

Когда преследуемый повернулся, Двер был готов. А когда тот извлек нож, охотник понял, что это не шутка. Он присел и увернулся, ожидая услышать крики гнева и отчаяния.

Но лицо вора, которое стало видно, когда он повернулся, оказалось полной *неожиданностью.*

Человек.

Женщина.

Очень молодая.

И прежде всего — совершенно незнакомая.

Аскс

Судьба снизошла с неба.

На Джиджо.

На Склон.

На Поляну Собраний.

Причина всех наших страхов — и гораздо быстрее, чем мы ожидали.

Прилетел через множество мегапарсеков корабль Пяти Галактик! Такое огромное расстояние… и самое меньшее, что мы, бедные изгнанники, можем сделать, это приблизиться к месту посадки и вежливо приветствовать его.

Вуббен отклонил честь вести нас вперед. Тяготение Джиджо ограничивает возможности наших дорогих г'кеков, они должны полагаться исключительно на колеса, используя ноги-стебельки лишь для сохранения равновесия. По неровной местности они передвигаются почти так же медленно, как треки. Поэтому мы с Вуббеном брели позади, предоставив право вести процессию нашим коллегам хуну, квуэну, человеку и уру.

Ощутил ли я/мы отвратительный запах зависти в центральном ядре? Вы, мои разные личности,

не негодовали ли из-за нашей неуклюжести по сравнению с длинными ногами хуна или стройными конечностями ура? Дела обстояли бы совсем по-другому, если бы наш корабль-изгнанник был оборудован полным набором колец, каким обладали, как говорят, наши предки. Легенды рассказывают об искусных органах бега, дарах могучих оэйли, которые позволяли таким тяжелым мешкам, как наши тела, передвигаться со скоростью песенного шакала. Со скоростью *джофура.*

Но в таком случае сохранили ли бы мы и высокомерие оэйли? Их безумие? Вели ли бы мы *войны,* как столетиями делали квуэны, уры, хуны и люди здесь, на Джиджо, пока Община не стала настолько сильна, чтобы установить мир? У треки, которые бежали на Джиджо, были причины не брать с собой некоторые кольца. Так мы считаем.

Но наши сказания могут быть искажены. Спокойствие, мои кольца! Пусть ваши испарения повернутся еще раз. Погладьте восковые отпечатки и вспомните…

Вспомните, как мы шли, каждый на своем месте, к боковой долине, где опустился корабль пришельцев. По пути Вуббен цитировал строки

из Книги Изгнания, самого святого из всех свитков, наименее искаженного спорами, ересью и волнами новых прибытий.

Право на жизнь гипотетично, пел Вуббен голосом, который словно ласкал душу.

Материальное ограничено, сознание свободно.

В протеине и фосфоре недостаточно энергии, чтобы утолить любой голод. Поэтому не спорьте с иными существами о сути физического существования. Только мысль может быть подлинно великодушной. Поэтому пусть центром вашего мира станет мысль.

Голос Вуббена на всех действует успокаивающе. Стройные стволы деревьев велпал словно резонировали в такт его словам, в такт, настроенный не музыку Яйца.

И все же, хоть Вуббен говорил о невозмутимости и спокойствии, мой/наш нижний сегмент все время пытался остановиться, повернуть наши ноги назад, унести нас прочь! Это нижнее кольцо смутно сознавало, что впереди опасность, и разумно голосовало за бегство. И нашим верхним кольцам приходилось использовать пульс запахов, чтобы заставить его двигаться вперед.

Я/мы находим странным действие *страха* на других существ. Они говорят, что страх поражает

все части их тела, и с ним нужно бороться одновременно повсюду. Однажды я/мы спросил Лестера Кембела, как люди сохраняют спокойствие во время кризиса. Он ответил, что обычно они его не сохраняют!

Очень странно. Люди всегда кажутся такими владеющими собой. Неужели это только игра, попытка обмануть других и самих себя?

Не отвлекайся, о, Аскс! Погладь воск. Продолжай. Иди к кораблю.

Сара

Казалось, Хенрику не хочется выдвигать свои требования.

Вначале это удивило Сару. Разве не о таком кризисе всегда мечтал взрывник? О возможности все уничтожить? Разрушить все, что другие создавали всю жизнь?

В сущности Хенрик казался спокойней большинства горожан, в панике собравшихся в ту ночь у Дерева Встреч, после того как огненный шар потряс лес до самых его древних корней. Два садовника и рабочий шимп упали с верхних веток и разбились насмерть, десятки других едва избежали смерти. Все фермеры были в тревоге.

Вырубленный в просторном наросте гигантского тару зал был забит почти всеми взрослыми разумными в пределах дневного перехода. Как горячий пирог с пескарями, зал был пропитан запахом человеческого пота.

Присутствовали и другие разумные, преимущественно моряки хуны, чья бледная чешуйчатая кожа и длинный белый ножной мех контрастировали с темно-зелеными плащами, застегнутыми под раздутыми горловыми мешками деревян-

ными брошами. У некоторых на глазах были дрожащие реуки, которые помогали им интерпретировать мешанину человеческих эмоций.

Ближе к северному выходу, где было не так жарко, переминались с ноги на ногу несколько лудильщиц — уров; они тревожно подергивали хвостами с кисточками. Сара даже заметила одного несчастного паломника г'кека; из одного его глазного стебелька капал зеленый пот тревоги, а остальные три стебелька были свернуты, как носки в ящике шкафа, прячась от разъедающих ферментов.

Похоже, доктор Лоррек был мудр, когда добровольно вызвался подежурить сегодня вечером у постели раненого Незнакомца.

Пзора, городской аптекарь, пользовался особой защитой против тех, кто наступал на его нижние кольца. Когда становилось слишком тесно, треки испускал немного остро пахнущего пара, и даже самые возбужденные горожане уступали ему дорогу.

Несомненно, то же самое происходило везде, где видели страшный небесный призрак. Именно сейчас люди присутствуют на собраниях квуэнов или хунов и даже на урских племенных встречах, у костров на бескрайних равнинах.

Великий Мир — наше высшее достижение, думала Сара. *Может, его будут рассматривать как смягчающее обстоятельство на суде над нами. Мы далеко ушли от дней войн и убийства.*

Увы, судя по злобе на сегодняшнем собрании, Общине еще многое предстоит пройти.

Небольшой ремонт?

Чэз Ленгмур, главный столяр, стоял на сцене, на которой обычно проходили концерты и театральные спектакли.

— Все ниже уровня затопления уйдет под воду, не говоря Уже о самой дамбе! Вы спрашиваете, сколько *лет* потребуется на восстановление, если тревога окажется ложной? Да не о годах нужно говорить, а о целых жизнях!

Торговцы и ремесленники поддержали Ленгмура одобрительным гомоном, но его заглушили крики “Позор!” со стороны многих одетых в серое фермеров. К ним присоединились возбужденные возгласы обезьян вверху. Местные шимпы не имели права голоса, но традиция разрешала им карабкаться по занавесям и наблюдать за происходящим сверху, от вентиляционных прорезей. Много ли они понимали — это предмет постоянных споров. Многие поддерживали криками ораторов, которые казались им самыми

страстными, другие поддерживали сторонников отца Сары, которые одобрительно хлопали его по спине.

Так продолжалось часами. Рассерженные мужчины и женщины по очереди цитировали свитки или оплакивали стоимость ремонта и восстановления, и каждая сторона кричала все громче по мере роста страха и раздражения. И спорили не только люди. Лог Байтер, матриарх местного улья Квуэнов, настойчиво требовала сохранения дамбы Доло, в то время как ее сестра из пруда Логджем назвала плотину “кричащим чудовищем”. Сара даже опасалась, что между двумя бронированными матронами начнется драка, но тут вмешалась старейшина Фру Нестор. Ее реук гневно сверкал, и обе квуэны попятились от этой маленькой человеческой фигуры.

Собравшиеся в зале вели себя не лучше. Женщина наступила Саре на ногу. Кто-то на этой неделе совсем не мылся, издавая запахи хуже выделений Пзоры. Сара позавидовала Прити, крошечной фигурке, взгромоздившейся высоко на подоконник, рядом с несколькими человеческими детьми, слишком маленькими, чтобы голосовать. В отличие от других шимпов, Прити занимали не крики спорщиков, а собственный

блокнот: потягивая себя за нижнюю губу, она изучала строчки математических уравнений.

Сара завидовала способности Прити спасаться в абстракциях.

Собираясь заговорить, встал один из фермеров — смуглый человек по имени Джоп; его светлые волосы завивались у ушей. Он сжал большие ладони, покрытые многолетними мозолями.

— Мелочные споры и неспособность предвидеть! — Джоп отмахнулся от доводов столяра. — Что вы сохраните? Несколько мастерских и доков? Преходящие игрушки типа канализации и бумаги? Мусор! Все мусор! Жалкие удобства, которыми наши грешные предки позволили нам, бедным изгнанникам, пользоваться, чтобы смягчить первые шаги на пути к благословению. Но Свитки утверждают: все это пройдет! Все это обречено погрузиться в море!

Джоп повернулся к своим сторонникам, сжимая большие руки.

— Давно уже все запланировано; мы знаем, что нужно делать, когда появятся звездные корабли. Иначе зачем бы мы все это время содержали гильдию взрывников?

Сара снова посмотрела на Хенрика и его сына, которые сидели в глубине помоста. Мальчик

Джома выдавал свою тревогу, медленно и нервно сгибая и разгибая руками шапку. Но его отец словно превратился в статую. Сделав краткий доклад о том, что все его заряды готовы, Хенрик остальное время молчал.

Сара всегда считала их профессию раздражающей, уникальной на Джиджо. После стольких лет подготовки, после бесконечных экспериментов и тренировок в небольшом каньоне в горах, разве не хочется им испробовать свое мастерство? *Я знаю, что мне бы захотелось.*

В детстве и она, и Ларк, и маленький Двер любили вечерами сидеть на чердаке, смотреть, как отражается лунный свет в воде на мельничном колесе, и пугать друг друга рассказами о том, что произойдет, когда Хенрик зажжет свои фитили. С восхитительным ужасом в груди они считали удары сердца, пока — бабах!

Двер любил звуковые эффекты, особенно звук взрыва, который уничтожит дамбу, и все это сопровождалось диким размахиванием руками и морем слюны. Потом младший брат Сары с восторгом описывал стену воды, швыряющую гордые корабли, как игрушки, разбивающую сушильные решетки Нело и движущуюся к окну их спальни, как кулак.

Затем подхватывал Ларк, приводя в ужас и возбуждение младших детей. Он рассказывал, как удар воды разносит чердак, проносится по лесу тару, а фермеры смотрят вниз с жалостью. Сара и Двер начинали плакать, бросались на смеющегося старшего брата и кулаками заставляли его замолчать.

И тем не менее — хотя Ларк и Двер изо всех сил старались ее напугать, они бились и метались во сне, а у Сары никогда не бывало кошмаров. Когда ей снился взрыв, пена окутывала все на Джиджо и волшебно превращала в пушистое облако. И всегда сон кончался тем, что тело ее становилось легче облака и уносилось к сверкающим ночным звездам.

Одобрительный рев вернул ее к происходящему. Вначале она не поняла, исходит ли он от тех, кто требует быстрых действий, или от тех, кто не решается уничтожить результаты труда девяти поколений на основании простого свидетельства зрения.

— Мы понятия не имеем, что видели! — заявил ее отец, забирая бороду узловатыми пальцами. — Можем ли мы быть уверены, что это космический корабль? Может, просто пролетел метеор. Это объяснило бы шум и гвалт.

Это предположение было встречено топотом и насмешками. Нело торопливо продолжал:

— Даже если это корабль, то вовсе не значит, что нас обнаружили! Прилетали и улетали другие корабли — например, шары зангов заправлялись водой из моря. Уничтожили ли мы все тогда? Сожгли ли старейшие племена свои города, когда прилетели *люди?* Откуда нам знать, что это не еще один крадущийся корабль и седьмая раса изгнанников не присоединится к нашей Общине?

Джоп презрительно фыркнул.

— Позвольте напомнить ученому бумажнику — крадущиеся корабли *крадутся!* Они прилетают по ночам, прячутся в тени туч или гор. Новый корабль таких усилий не предпринимал. Он нацелился прямо на Поляну Яйца, причем в такое время, когда там воздвигнуты праздничные павильоны и присутствуют мудрецы всех Шести.

– Совершенно верно! — воскликнул Нело. — Сейчас мудрецы должны были бы уже разобраться в ситуации и прислали бы видение, если бы сочли нужным…

– *Видение?* — прервал Джоп. — Ты серьезно? Мудрецы снова и снова напоминали нам, что видениям нельзя доверять. Во времена кризиса они могут как раз отвлекать внимание. — Джоп

зловеще помолчал. — Или связи нет по другой, гораздо более ужасной причине.

Он подождал, пока все поймут, на что он намекает. Слушатели в ужасе ахали. Почти у всех в паломничестве этого года участвовали родственники или близкие друзья.

Ларк и Двер — вы в безопасности с тревогой думала Сара. *Увижу ли я вас снова?*

– Традиция предоставляет право решать каждой общине. Уклонимся ли мы, если наши близкие заплатили более дорогую цену, чем несколько зданий и вонючая дамба?

Гневные крики ремесленников заглушил одобрительный гул сторонников Джопа.

— Порядок! — кричала Фру Нестор, но ее голос терялся в хаосе. Джоп и его приспешники требовали голосования.

— Выберем Закон! Выберем Закон!

Нестор с поднятыми руками призывала к порядку; она явно страшилась уничтожения своего города, превращения его в простую деревню, богатую набожностью, но бедную всем остальным.

— Кто еще хочет высказаться?

Нело попытался выступить еще раз, но выкрики не дали ему говорить. Где это видано, чтобы так обращались с *бумажником?* Сара чувствова-

ла его позор и стыд, но будет гораздо хуже, если его любимая фабрика исчезнет под всеуничтожающей волной.

У нее появилась странная мысль: может, нужно пробраться на старый чердак и там ждать прихода волны? Чье предсказание окажется верным? Двера и Ларка? Или те картины, которые она видела во снах? Возможно, только раз в жизни есть шанс узнать это.

Возобновившееся пение стихло, когда из толпы светлокожих хунских моряков появился еще кто-то. Это была кентавроподобная фигура с длинным мускулистым телом, с кожей — пятнистой замшей, с длинными руками, отходящими от широких плеч, и сильной змеиной шеей. На заостренной голове три черных глаза — один фасеточный и без ресниц, — расположенных вокруг треугольного рта. Это урская лудилыцица; Сара видела ее и раньше, когда она приходила в Доло, чтобы купить обломки стекла и металла и продать простые буйурские инструменты, найденные в развалинах. Самка ура двигалась осторожно, словно опасалась, что ее копыта застрянут на грубом полу. Она подняла одну руку, на мгновение обнажив под ней синеватую сумку. Во время встречи с себе подобными такой жест

мог иметь различные значения, но Фру Нестор восприняла его как просьбу предоставить слово и с поклоном согласилась.

Сара слышала, как кто-то из людей произнес грубое прозвище из тех времен, когда вновь прибывшие земляне воевали с урскими племенами за землю и честь. Если лудилыцица слышала оскорбление, она не обратила на него внимание, держась удивительно хорошо для молодой самки, у которой всего одна сумка с мужем. Среди такого количества людей ур не мог пользоваться Галактическим два, и ей пришлось говорить на англике, хотя раздвоенная губа мешала этому.

— Меня можно называть Улгор. Благодарю за вашу вежливость, благословенную среди Шести. Хочу задать только несколько вопросов, касающихся настоящего обсуждения. Первый мой вопрос…

Разве наши мудрецы не обсуждали эту проблему? Почему бы не позволить им принимать решения, когда настало время суда?

С преувеличенной демонстрацией терпения Джоп ответил:

— Ученый сосед, Свитки призывают все поселения действовать независимо и уничтожить все признаки нашей жизни, видные с неба! Приказ

очень прост. Никаких сложных рассуждений не требуется.

К тому же, — заключил он, — у нас нет времени, чтобы дожидаться решения мудрецов. Они все далеко, на Собрании.

— Прошу прощения. — Улгор согнула передние ноги. — Не все. Несколько остались в своем жилище, в Зале книг, в Вивлосе. Не правда ли?

Собравшиеся в замешательстве переглядывались, а Фру Нестор воскликнула:

— Зал книг в Библосе! Верно! Но Библос все равно во многих днях пути в лодке.

И снова Улгор согнула шею, прежде чем ответить.

— Но я слышала, что с самого высокого дерева в Доло можно увидеть за воротами стеклянные утесы, возвышающиеся над Вивлосом.

— Да — в хороший телескоп, — осторожно согласился Джоп, опасаясь, что настроение толпы изменится. — Но я по-прежнему не вижу, чем это нам…

– *Огонь!*

Все повернулись к Саре, которая крикнула еще до того, как мысль полностью оформилась.

— Если библиотека горит, мы увидим огонь!

Все, переговариваясь, смотрели на нее, а она

объясняла:

— Вы все знаете, мне приходилось работать в Библосе. Там, как и повсюду, есть план действий в чрезвычайном положении. Если мудрецы прикажут, библиотекари спрячут книг, сколько смогут, а остальное подожгут.

Все ошеломленно смолкли. Разрушить дамбу Доло — это одно дело, но потеря Библоса — поистине признак конца. Нет более важного центра человеческой жизни на Джиджо.

— Наконец они взорвут столбы, поддерживающие каменную крышу, и все погибнет. Улгор права. Мы увидим перемены, особенно сейчас, когда всходит Лусен.

Фру Нестор отдала короткий приказ:

— Пошлите кого-нибудь посмотреть!

Несколько мальчишек скрылись в окнах, их с гулкими выкриками сопровождали шимпанзе. Толпа ждала с нервным гомоном. Сара чувствовала себя неуверенно под многочисленными взглядами и опустила глаза.

Так поступил бы Ларк. Смело выступил бы на собрании в самую последнюю минуту и побудил всех действовать. Такая же импульсивность была у Джошу, пока несколько недель назад он не заболел.

Ее руку сжали искривленные пальцы, прервав цепь рассуждений. Подняв голову, она увидела, что за последние несколько минут Нело сильно постарел. Теперь судьба его любимой мельницы зависит от новостей сверху.

Медленно тянулись дуры, и Сара все сильней ощущала тяжесть своего предсказания.

Библос.

Зал книг.

Когда-то огонь уже причинил ему ужасный ущерб. Тем не менее это по-прежнему величайший вклад людей в Общину и повод для зависти и удивления остальных рас.

Что с нами станет, если он исчезнет? Мы превратимся в примитивных сельских жителей? Будем жить на том, что осталось от великих городов буйуров? Все станут фермерами?

Такими казались остальные пять рас, когда появились люди. Дикари, воюющие друг с другом, живущие в едва функционирующих общинах. Люди принесли новый образ жизни, изменили правила почти в такой же степени, как и Яйцо, появившееся несколько поколений спустя.

Неужели мы опустимся еще ниже? Утратим последние напоминания о том, что когда-то покоряли галактики? Уничтожим наши книги,

инструменты, одежду и уподобимся глейеверам? Чистые, жалкие, невинные существа?

Согласно Свиткам, это единственный путь к спасению. И многие, подобно Джопу, верят в это.

Сара старалась не потерять надежды, даже если придет сообщение об огне и пыли в ночи. В любое время сотни книг находятся за пределами Библоса, переданные на время в далекие общины.

Но немногие тексты по специальности самой Сары почти никогда не покидают пыльные полки. Гилберт, Соммерфельд, Виттен и Тэнг. Элиаху — это все имена великих мыслителей из многих столетий и парсеков, близко знакомые Саре. Это близость чистой, почти совершенной мысли. *Они сгорят. Единственные экземпляры.* В последнее время ее исследования пошли по другим направлениям — она заинтересовалась хаотическими приливами и отливами языков, но математику по-прежнему называет своим домом. Голоса этих книг всегда казались ей живыми. И теперь она страшилась услышать, что они исчезли.

Но потом ей в голову пришла другая мысль, совершенно неожиданная, и позволила взглянуть на беду под совершенно иным углом.

Если действительно прилетели галакты, какое значение имеют несколько тысяч бумажных

книг? Конечно, нас будут судить за древнее преступление. Этому ничто не может помешать. Но тем временем на борту кораблей…

Саре пришло в голову, что она может познакомиться с совершенно другим типом библиотеки. Возвышающейся над архивами Библоса, как солнце затмевает свечу. *Какая возможность! Даже если мы превратимся в пленников Повелителей Миграций, осужденных на жизнь на какой-нибудь тюремной планете, они не откажут нам в возможности читать!*

В рассказах о прошлых днях она читала о базах данных компьютеров, насыщенных знаниями, словно теплое море, которое проникает в ваше сознание, во все ваши поры. Плывешь в облаках мудрости.

Я могла бы узнать, оригинальна ли моя работа! Или ее выполняли уже миллион раз за миллиард лет галактической культуры.

Эта мысль казалась одновременно высокомерной и унизительной. Страх перед большими звездными кораблями не уменьшился. Она попрежнему молилась, чтобы все это оказалось ошибкой, метеором или иллюзией.

Но где-то в уголке сознания возникло что-то новое, мятежное — проснулся ненасытный голод.

Если только…

Но тут мысли ее прервали. Высоко наверху в узкое оконце просунул голову мальчик. Вися вниз головой, он крикнул:

– Огня нет!

Из других отверстий его крик подхватили, и все кричали одно и то же. К шуму присоединились шимпы, возбужденно вопя в переполненном зале собраний.

– Огней нет! И каменная крыша по-прежнему цела!

Старый Хенрик встал и произнес, обращаясь к старейшинам, всего два слова, потом повернулся и ушел вместе с сыном. В шуме толпы Сара прочла эти слова по губам и решительному выражению:

– Мы подождем.

Аскс

Наш караван рас двигался к тому месту, где в последний раз видели корабль чужаков, сверкающий цилиндр, опускавшийся за низкий холм. В дороге Вуббен продолжал цитировать Свиток Опасности.

Впереди слышались крики. На вершине холма свистели, гомонили, шумели толпы. Чтобы пройти дальше, нам пришлось миновать людей и хунов.

А тем временем разве мы не смотрели на *гнездо?* От него уходила полоса поваленных деревьев, по-прежнему дымившихся от действия снесшего их луча.

И посреди всего этого опустошения в конце полосы лежала его причина, раскалившаяся в своем падении.

Рядом с нами люди и уры, техники, спорили на своем причудливом жаргоне касты инженеров, обсуждая, может ли этот выступ или тот нарост служить оружием. Но у кого на Джиджо есть достаточно опыта, чтобы судить об этом? Наши корабли давным-давно расплавились в центре планеты. Даже самые последние прибывшие, люди, уже много поколений не бывали в космосе. Никто из живущих членов Общины ничего подобного не видел.

Это корабль цивилизации Пяти Галактик. Техники могли утверждать только это.

Но где спираль из лучей? Символ, который обязательно должен находиться на передней части любого корабля, законно выходящего в космос?

Наши встревоженные мастера сказаний объясняли: спираль не просто символ. Она перемещается молча. Бесстрастно регистрирует. Служит объективным свидетелем всего увиденного и

сделанного, куда бы ни полетел корабль.

Мы всматривались, вглядывались, но на предназначенном для спирали месте виден только обгоревший блеск. Спираль стерта, уничтожена, сглажена сильней, чем лавой квуэнов.

И тут смятение уступило место пониманию. Осознанию того, что представляет этот корабль.

Не великие Институты, как мы вначале подумали.

Не праведные, могучие, законные звездные кланы и не загадочных зангов.

И даже не изгнанников, как мы сами.

Ничего подобного. Это *преступники.* Правонарушители хуже наших предков.

Бандиты.

На Джиджо пришли разбойники.

III . КНИГА МОРЯ

Парадокс Жизни, что все расы размножаются быстрее простого воспроизводства. И всякий рай жизни вскоре заполняется, переставая быть раем. Тогда по какому праву мы, изгнанники, претендуем на планету, благородно оставленную в стороне, чтобы мирно лелеять молодую жизнь и быть в безопасности от голодных народов?

Изгнанники, вы должны бояться справедливого гнева закона, если вас застанут здесь поселившихся без разрешения. Но когда придет суд, закон станет и вашим щитом, умеряя праведный гнев справедливостью.

В глубине разгневанного неба бродит более страшный ужас. Это совсем иная опасность. Она совершенно не повинуется закону.

Свиток Опасности

Рассказ Олвина

Ну, хорошо, я не такой быстрый, как некоторые. Я не так быстро соображаю, как Гек, которая способна свивать вокруг меня словесные кольца.

И к лучшему, как мне кажется. Я не мог бы вырасти в маленьком хунском порту, считая себя таким умницей, таким же остроумным и гладкоязычным, как мой литературный тезка, просто потому, что умею читать на англике и воображаю себя писателем. Хорошо, что по соседству живет маленький гениальный г'кек, который постоянно повторяет, что хун выше среднего уровня все равно хун. Тупой, как кирпич.

И вот я сижу, зажатый между двумя своими лучшими друзьями, которые спорят о том, что нам делать предстоящим летом, и ни Гек, ни Клешне не приходит в голову, что они пронзили мне кольца больше чем на одном уровне. Клешня несколько дуров пытался рассказывать нам о своих последних “чудовищах” — сероватых тенях, которые, как ему показалось, он видел, когда скучал, ухаживая за садком омаров своего улья. Он нам так часто рассказывал об этом, что мы не стали бы слушать, даже если бы он принес нам

зуб Моби Дика, с торчащей из него, как зубочистка, ногой. Вздыхая одновременно всеми пятью вентиляционными щелями, он отказался от рассказа и перешел к защите *“проекта Наутилус”.*

Клешня расстроился, узнав, что Гек хочет отказаться от этого плана. По обе стороны от его жесткого панциря вздымались ноги, свистя, как трубы каллиопы.

— Послушайте, мы уже согласились-сились. Мы должны закончить лодку. Ведь работали-ботали целый год!

— Столярничал и испытывал в основном ты, — заметил я. — Мы с Гек только строили планы…

— Совершенно верно! — прервала Гек, подчеркнуто выпячивая два глаза. — Мы помогали планами и мелкими усовершенствованиями. Это было весело. Но я никогда не соглашалась опускаться в этой проклятой штуке на дно моря.

Синий панцирь Клешни максимально поднялся, и его глазные прорези словно завертелись.

— Но вы говорили, вам интересно! Вы называли эту идею замечательной-чательной!

— Верно, — согласилась Гек. — Теоретически это замечательно. Но есть одна проблема, друг. Это также очень *опасно.*

Клешня откинулся, словно такая мысль нико-

гда не приходила ему в голову.

— Вы… раньше никогда об этом не говорили.

Я повернулся и посмотрел на Гек. Не думаю, чтобы раньше слышал от нее это слово. Опасно. Во всех наших приключениях она всегда была готова рискнуть, насмехалась над нашей нерешительность так, как могут только г'кеки, когда они решают оставить вежливость и стать отвратительными. Гек сирота, Ур-Ронн и Клешня из менее значительных таких рас, где на их отсутствие никто не обратит внимания, так что мне естественно надлежало быть голосом благоразумия и осторожности. А я ненавидел эту роль.

— Да, — согласилась Гек. — Но, наверно, пора кому-нибудь указать на разницу между расчетливым риском и простым *самоубийством.* Что с нами и случится, если мы отправимся в этом твоем устройстве, Клешня?

Наш бедный друг квуэн выглядел так, словно по его ножной жабре ударили мешком. Панцирь его дрожал.

— Вы знаете-аете, что я никогда не просил своих друзей-узей…

— Отправляться туда, куда сам не можешь отправиться? — возразила Гек. Да, но ты ведь говоришь о том, чтобы утащить нас под воду, а

там ты будешь очень хорошо себя чувствовать.

— Только вначале-чале, — ответил Клешня. — После первых пробных погружений мы пойдем глубже. И я буду с вами, я тоже буду рисковать-овать!

— Давай, Гек! — вмешался я. — Стукни беднягу по панцирю.

— А как же ваш собственный план? — решил отомстить Клешня. — По крайней мере моя лодка законная. А вы хотите нарушить закон и стать *сунерами!*

Наступила очередь Гек защищаться.

— Почему сунерами? Мы не можем размножаться друг с другом, так что это преступление совершить за границей не сможем. И ведь люди и инспекторы переходят границу.

— Конечно. С разрешения мудрецов-рецов!

Гек пожала двумя глазными стебельками, словно говоря, что не стоит тревожиться из-за ничтожных юридических тонкостей.

— Все равно я предпочитаю неправильное поведение откровенному самоубийству.

— Ты хочешь сказать, что предпочитаешь глупое путешествие к каким-то давно разбитым буйурским развалинам, чтобы взглянуть на настенные надписи, возможности увидеть

Помойку-мойку? Увидеть настоящих живых *чудовищ?*

Гек застонала и в отвращении повернулась кругом. Чуть раньше Клешня рассказал нам о существе, которое как будто видел на мелком месте к югу от города. Он клялся, что там ныряла какая-то тварь в яркой серебристой чешуе. На удалении казалось, что она передвигается на подводных крыльях. Мы слышали подобные рассказы почти со дня сплавления Клешни и потому ему не поверили.

И тут они оба обратились ко мне за решением.

— Помни, Олвин, — сказала Гек, — ты только что обещал.

— А мне ты обещал несколько месяцев назад! — воскликнул Клешня с такой страстью, что даже перестал заикаться.

Я почувствовал себя, как треки, стоящий между двумя грудами спелой мульчи. Мне хотелось отправиться в глубину и посмотреть на Помойку, где лежат всякие галактические штуки, оставленные ушедшими буйурами. Подводные приключения как в книгах Холлера или Верна.

С другой стороны, Гек права, говоря, что план Клешни — это творение Ифни. Квуэну, не знающему даже, кто его мать, риск может показаться

незначительным, но мои родители очень расстроятся, если я исчезну, не оставив даже сердечный выступ, чтобы можно было совершить обряды очищения души и вуфайнивания.

К тому же Гек предлагает план почти такой же интересный: отыскать надписи, более древние, чем книги, привезенные на Джиджо людьми, может быть, настоящие истории буйуров. Мои сосательные подушечки кололо от возбуждения при этой мысли.

Но, как оказалось, я был избавлен от необходимости принимать решение. Потому что в этот момент появилась моя Хуфу, проскочила между ногами Клешни и колесами Гек и что-то пролаяла насчет срочного сообщения от Ур-Ронн.

Ур– Ронн хочет нас видеть.

Больше того, она хочет поделиться с нами чем-то удивительным.

О да, надо представить Хуфу.

Прежде всего она на самом деле не мой нур. Она обычно держится рядом со мной, и по большей части мне удается заставить ее делать то, что я хочу. Однако трудно описать отношения между хуном и нуром. Само это слово — *отношения* — предполагает много такого, чего здесь просто нет. Может, это как раз один из тех случаев, когда

англик, прославленный своей гибкостью, не справляется и не может описать концепцию.

Во всяком случае, нур не принадлежит к говорящим и принимающим решения. Это не разумное существо, подобно нам, членам Шести. Думаю, она такой же член нашей компании, как и все остальные. Многие говорят, что нуры просто безумны. Разумеется, они равнодушны к жизни и смерти — при условии, что узнают что-то *новое.* Вероятно, больше нуров погибло от любопытства, чем от диггеров на суше или морских акул в воде. Так что я знаю, как голосовала бы Хуфу, если бы умела говорить.

К счастью, даже Клешня понимает, что нельзя доверять ей право решать.

И вот мы спорили, когда маленький нур появился среди нас, визжа, как сумасшедший. Мы все сразу поняли, что сообщает нам Хуфу. Нуры не владеют Галактическим два и вообще не могут говорить ни на каком языке, но могут запомнить и повторить любой короткий ручной сигнал, который увидят своим острым зрением. И в начальном знаке могут даже сообщить, кому предназначен сигнал. Замечательная способность, и очень полезная, если бы нуры делали это надежно и постоянно, а не тогда только, когда это

им нравится.

На этот раз Хуфу явно нравилось, потому что в следующее мгновение она передавала цепочку знаков на Галактическом два. (Думаю, что любой телеграфист, знающий азбуку Морзе, как Марк Твен, справился бы и с Галактическим два, если бы постарался.)

Как я уже сказал, сообщение было от нашей урской приятельницы Ур-Ронн, и в нем говорилось: ОКНО ЗАКОНЧЕНО. ПРИХОДИТЕ БЫСТРЕЙ. ПРОИСХОДЯТ РАЗНЫЕ СТРАННЫЕ ВЕЩИ!

Я поставил в конце восклицательный знак, потому что, как только Хуфу кончила передавать, она метнулась вниз с горы Гуенн, завершив сообщение возбужденным лаем. Уверен, что ее прыжки и попытки укусить себя за хвост и означали “странные вещи”.

— Прихвачу свой водяной мешок, — сказал после короткой паузы Острая Клешня.

— А я свои очки, — добавила Гек.

— Возьму плащ и встречусь с вами у поезда, — закончил я. Обсуждать было нечего. После такого-то приглашения.

IV . КНИГА СКЛОНА

Легенды

Г'кеки рассказывают легенду, очень древнюю; она существовала у них, когда они первыми высадились на Джиджо, и передавалась из уст в уста две тысячи лет, пока не была наконец записана на бумаге.

В саге говорится о юноше, который свое "мастерство катания на нити" обновил в одном из орбитальных городов, где г'кеки жили после того, как проиграли на пари свою родную планету.

В этом городе, где не было помех со стороны больших масс материи, молодые лорды на колесах, представители поколения, родившегося в космосе, изобрели новую игру — катались своими сверкающими разноцветными колесами по тончайшим нитям, кабелям, развешенным под всевозможными углами по всему пространству огромной внутренней пустоты их искусственного мира. Один из катающихся, рассказывает легенда, выступал все смелей и смелей, наслаждался риском, перепрыгивал с одной нити-паутинки на другую и даже иногда устремлялся в свободный полет, с бешено вращающимися колесами, пока не цеплялся за очередную нить и не

начинал в экстазе раскачиваться на ней.

И вот однажды молодому чемпиону бросил вызов побежденный противник.

— Бьюсь об заклад, ты не сможешь прокатиться так близко от солнца, чтобы обвить его нитью!

Сегодня ученые Джиджо находят эту часть легенды непонятной. Как может солнце находиться внутри вращающейся полой скалы? Поскольку секция космических технологий почти полностью погибла, Библос не дает возможности интерпретировать этот отрывок. Мы полагаем, что история со временем претерпела искажения, как и все прочие воспоминания о нашем богоподобном прошлом.

Но технические подробности не так важны, как мораль этого сказания: неблагоразумно иметь дело с силами, которые выше твоего понимания. Глупец, поступающий так, сгорит, как тот катающийся из сказания, о чьем драматичном конце возвестила путаница горящих нитей на внутреннем небе обреченного города.

Седьмое собрание легенд Джиджо.

Третье издание. Департамент фольклора и языков,

Библос. 1867 год изгнания

Двер

После окончания ученичества Двер посетил почти все деревни и фермы в обитаемой зоне Джиджо, включая острова и одно-два тайных места, о которых дал клятву никогда не говорить. Он встречался со множеством поселенцев из всех рас, особенно с самыми многочисленными на Склоне людьми.

И с каждым проходящим дуром все больше убеждался, что пленница не из их числа.

Удивление раздражало Двера. А иррациональное ощущение собственной вины еще усиливало гнев.

— Из всех глупостей, — говорил он девушке, растирая ее голову у погасшего костра, — украсть мой лук — самая большая. Но нацелить на меня нож — еще больше! Откуда я знал, что ты всего лишь девчонка? Ведь было темно. Я мог бы, обороняясь, сломать тебе шею!

Впервые один из них заговорил с тех пор, как она головой ударилась о землю и осталась неподвижно лежать. Ему пришлось взвалить ее на плечи и притащить в лагерь. Потерявшая сознание незнакомая девушка почти пришла в себя,

когда он усадил ее у угольев. Теперь она трогала свою голову, поглядывая на нура и глейвера.

— Я… я думала… ты лиггер, — сказала она наконец.

— Ты украла мой лук, убежала, а потом подумала, что тебя преследует *лиггер?*

Но хоть это свидетельствует в ее пользу: врать она не умела. При дневном свете стало видно, что одета она в плохо обработанные шкуры, сшитые сухожилиями. Волосы, связанные в конский хвост, рыжеватые. На лице — то, что можно было увидеть под грязью, — выделялся нос, который когда-то был сломан, и большой ожог на левой щеке, портящий впечатление. Если бы не этот ожог, девушку можно было бы назвать хорошенькой, конечно, предварительно вымыв.

— Как тебя зовут?

Она опустила голову и что-то пробормотала.

— Что это? Я ничего не расслышал.

— Я сказала, меня зовут *Рети!* Впервые она посмотрела прямо ему в глаза, и в голосе ее прозвучал вызов. — Что ты со мной сделаешь?

Разумный вопрос, учитывая обстоятельства. Потирая подбородок, Двер решил, что особого выбора у него нет.

— Наверно, возьму тебя на Собрание. Там боль-

шинство мудрецов. Если ты достаточно взрослая, против тебя выдвинут обвинение; в противном случае придется отвечать твоим родителям. Кстати, кто они? Где ты живешь?

Наступила тишина. Наконец девушка сказала:

— Я хочу пить.

К этому времени уже и нур, и глейвер носами тыкались в пустую фляжку и потом обвинительно смотрели на него. *Да что я, всеобщий папочка?* подумал Двер.

Он вздохнул.

— Ладно, пойдем к воде. Рети, иди с глейвером. У нее расширились глаза.

— А он… не кусается?

Двер удивленно посмотрел на нее.

— Ради Ифни, это ведь *глейвер!* — Он взял девушку за руку. — Его стоило бы бояться, если бы ты была кучей мусора или земляным червем. Впрочем, если посмотреть на тебя…

Она сердито выдернула у него руку.

— Ладно, прости. Но тебе придется идти впереди, чтобы я мог за тобой следить. И убедиться, что ты не убежала. — Свободный конец веревки глейвера он привязал к ее поясу на спине, так что она могла дотянуться лишь с трудом. Затем Двер взвалил на плечи походный мешок и прицепил

лук. — Слышишь звуки водопада? Доберемся до него и поедим.

Странное было шествие: впереди мрачная и неразговорчивая девушка, затем недоумевающий Двер, а замыкал развлекающийся нур. Когда бы Двер ни оглядывался, Грязнолапый насмешливо улыбался ему. Впрочем, он отдувался в утреннем воздухе, и улыбка его казалась чуть напряженной.

Кое– кто, услышав поблизости лай нура, запирает двери. Другие оставляют для него угощение, надеясь, что это принесет удачу. Иногда Двер встречал на болотах диких нуров, особенно там, где среди бродячих лилий цвели пламенные деревья. Но самое яркое воспоминание у него сохранилось с детства. К отцовской мельнице каждую весну приходил молодой нур и совершал безрассудные, часто смертельно опасные прыжки с вращающегося громоздкого мельничного колеса. Ребенком Двер часто становился с ним рядом и тоже прыгал, к отчаянию отца. Он даже пытался подкупить этого товарища по детским играм едой, учил его разным трюкам, пытался найти такую же связь, какую когда-то человек установил с *собакой.*

Увы, нуры не собаки. К тому времени как судь-

ба увела его от спокойной реки детства, Двер уже знал, что нуры умны, смелы — и очень опасны. И молча предупредил Грязнолапого: *То, что не ты оказался вором, совсем не значит, что я тебе доверяю.*

Спускаться по крутой тропе совсем не то, что подниматься. Временами окружающая местность казалась такой дикой и нехоженой, что Двер мог прищуриться и вообразить, что он на настоящем фронтире, на совершенно новой планете, не тронутой руками разумных существ. Но потом показывались какие-нибудь остатки строений буйуров: стена, укрепленная цементом, выщербленная мостовая, — пропущенные разрушителями, когда буйуры улетали и иллюзия исчезала. Уничтожение никогда не бывает полным. К западу от границы видны бесчисленные следы буйуров.

Подлинный восстановитель — это время. Бедная Джиджо должна была со временем восстановить свою экосистему; так по крайней мере утверждает его брат Ларк. Но Двер редко рассуждал о таких высоких материях. Это лишало сегодняшнюю Джиджо волшебства — планета больна, но полна чудес.

На самых крутых местах приходилось помогать

Рети, а глейвера иногда опускать на веревке. Однажды, опустив мрачное существо на остаток старой дороги, Двер повернулся и обнаружил, что девушка исчезла.

— Где эта маленькая… — раздраженно выдохнул Двер. — О, дьявол!

Проступок Рети заслуживает наказания, а ее тайна должна быть раскрыта, но забота о сбежавших глейверах на первом месте. Доставив этого, он, возможно, вернется и возьмет след девушки, даже если пропустит большую часть Собрания.

Он обогнул выступающий камень и едва не столкнулся с девушкой, которая сидела лицом к лицу с Грязнолапым. Рети посмотрела на Двера.

— Это ведь *нур,* верно? — спросила она. Двер скрыл свое удивление.

— Ты раньше их не видела?

Она кивнула, забавляясь улыбкой флиртующего Грязнолапого.

— Кажется, и глейверов ты не встречала, — сказал Двер. — Как далеко на восток живут твои родители?

Лицо девушки вспыхнуло, и на нем отчетливо выделился шрам.

— Не знаю, что ты…

Она замолчала, поняв, что проговорилась. Сжа-

ла губы в тонкую линию.

— Не расстраивайся. Я и так все о тебе знаю. — Он указал на ее одежду. — Никаких тканей. Шкуры, прошитые кишками. Хорошие меха имла и соррла. Соррл к западу от границы не вырастает таким крупным.

Видя ее отчаяние, он пожал плечами.

— Я сам несколько раз бывал за горами. Разве родители не говорили тебе, что это запрещено? По большей части это справедливо. Но если я кого-то преследую, то могу пройти куда угодно.

Она опустила взгляд.

— Так что я не была бы в безопасности, даже если бы…

— Бежала быстрей и ушла за переход? Пересекла какую-то воображаемую линию, за которой я не смог бы тебя преследовать? — Двер рассмеялся, стараясь не делать это слишком недружелюбно. — Рети, успокойся. Ты не у того украла лук, вот и все. Если бы понадобилось, я преследовал бы тебя и за пустыней Солнечного Восхода.

Разумеется, это хвастовство. Ничто на Джиджо не стоит двухтысячелигового путешествия через район вулканов и горящих песков. Но Рети удивленно распахнула глаза. А Двер продолжал:

— Я ни разу не видел твое племя в своих по-

ходах на восток, так что, наверно, оно далеко на юге. У Ядовитой равнины? Серые холмы? Я слышал, там такая запутанная местность, что маленькое племя, если будет осторожно, вполне может спрятаться.

Ее карие глаза полны были болью и усталостью.

— Ты ошибаешься. Я не из… этого места.

Она угнетенно замолчала, и Двер посочувствовал ей. Он знал, каково чувствовать себя неловко среди своих. Собственная одинокая жизнь не очень способствовала преодолению застенчивости.

Именно поэтому мне необходимо на Собрание! Сара дала ему письмо к аналитику Пловову. А дочь Пловова — совершенно случайно — красавица и еще не обручена. Если повезет, Двер сможет пригласить Глори Пловов прогуляться и, может, расскажет что-нибудь, что произведет на нее впечатление. Например, как он в прошлом году остановил мигрирующее стадо морибулов и не дал им броситься с утеса в бурю. Может быть, рассказывая, он не будет заикаться и она не станет посмеиваться, как всегда делает.

Неожиданно его охватило нетерпение.

— Ну, незачем сейчас об этом тревожить-

ся. — Он знаком велел Рети снова вести впереди глейвера. — С тобой будет разговаривать один из младших мудрецов, так что тебе не придется предстать перед всем советом в одиночестве. И мы больше не вешаем сунеров. Если, конечно, не бываем вынуждены.

Он попытался подмигнуть ей, но не сумел поймать ее взгляд, поэтому шутка получилась неудачная. Пока он перевязывал ее веревку, она смотрела в землю, а потом они снова двинулись цепочкой.

Усиливающаяся сырость сменилась туманом, все громче раздавались звуки падающей воды. Там, где тропа поворачивала, сверху падал ручей, множеством брызг разбиваясь в аквамариновом бассейне. Дальше вода падала с обрыва и возобновляла свой крутой спуск к реке далеко внизу и, в конечном счете, — к морю.

Спуск вниз к бассейну казался слишком рискованным для Рети и глейвера, поэтому Двер сделал знак продолжать путь. Ручей они пересекут дальше.

Но нур принялся перепрыгивать с камня на камень. И вскоре они услышали, как он весело плещется в воде.

Двер подумал о другом водопаде, там, где Боль-

шой Северный, ледник достигает утеса на краю континента. В прошлом году он там во время весеннего таяния охотился за шкурами бранкуров. Но на самом деле пришел туда, чтобы посмотреть, как ломается ледяной затор у входа в озеро Опустошения.

Огромные, в километр, прозрачные пласты льда раскалываются с грохотом, заполняющим небо, и с ревом оживают могучие водопады.

Однажды он по-своему попытался описать это зрелище Ларку и Саре — эти кричащие цвета и радужные шумы, — надеясь, что практика поможет ему справиться с неловким языком. И конечно, глаза сестры вспыхнули при описании чудес за пределами узкого Склона. Но добрый старый благоразумный Ларк только покачал головой и сказал: *Эти замечательные чудеса отлично обойдутся и без нас.*

Обойдутся ли? Двер в этом сомневался.

Есть ли красота в лесе, если никто не смотрит на него и не называет прекрасным? Разве не для этого существует “разум”?

Он надеялся когда-нибудь отвести свою жену и подругу к водопадам Опустошения. Если найдется кто-нибудь, чья душа способна разделить с ним его восхищение.

Нур догнал их немного спустя, он улыбался и отряхивал гладкую черную шерсть, обдавая путников брызгами. Рети рассмеялась. Короткий, резкий и торопливый звук, как будто она не надеялась на долгое удовольствие.

Ниже по тропе Двер остановился в том месте, где по скале стекал тонкий ручеек. Это зрелище напомнило, как отчаянно ему хочется пить. И вызвало вздох, напомнив об одиночестве.

— Давай, малышка. Там внизу еще один бассейн, до него легче добраться.

Но Рети стояла неподвижно, и щеки у нее были влажные. Впрочем, Двер решил, что это туман.

Аскс

Они не показывались. Должно быть, мы смешали их планы. Некоторые из нас, возможно, выживут, чтобы дать показания. Естественно, они решили не показываться.

Свитки предупреждали нас о такой возможности. Казалось, судьба наша предопределена. Но когда голос звездного корабля заполнил долину, ясно стало стремление успокоить нас.

(Простые) ученые мы.

Обзор (местных, интересных) форм жизни мы готовим.

Никому не причиняем вреда.

* * *

Это сообщение — в свистах и щелчках строго формального Галактического два — было передано и на трех других стандартных языках и наконец — очевидно, они увидели в толпе людей, — на языке волчат англике.

В изучении (местных, уникальных) форм жизни мы просим вашей (великодушной) помощи,

Знание (местной) биосферы, вы им (несомнен-

но) обладаете.

Инструменты и (полезные) знания мы готовы предложить в обмен.

Можем ли мы — уверенно — приступить к (взаимному) обмену?

Припомните, мои кольца, как мы в замешательстве переглядывались. Можно ли верить таким клятвам? Мы, живущие на Джиджо, преступники в глазах огромной империи. Но те, что на борту корабля, тоже. Может, у наших двух групп есть общие цели?

Наш мудрец-человек лаконично подвел итог. На англике Лестер Кембел глубокомысленно произнес:

– Уверенно, волосатые подмышки моих предков!

И почесался красноречиво и очень уместно.

Ларк

В ночь накануне прилета чужаков цепочка пилигримов в белых одеяниях брела в предрассветном тумане. Их было шестьдесят, по десять от каждой расы.

Этим же путем во время праздника пройдут и другие группы в поисках образцов гармонии. Но эта отличалась от остальных — у нее чрезвычайно серьезная миссия.

Вокруг собирались тени. Искривленные, изогнутые деревья, подобно призракам, протягивали переплетенные ветви. Сливались и смешивались маслянистые испарения. Тропа резко поворачивала, огибая темные провалы, очевидно, бездонные, в них отдавалось загадочное эхо. Обветренные камни своими формами бросали вызов воображению, усиливали нервное напряжение путников. Откроется ли за следующим поворотом наиболее почитаемое на Джиджо материнское Яйцо?

Какие бы различные органические особенности ни унаследовали пилигримы шести рас в четырех разных галактиках, все они сейчас испытывали неудержимый порыв к единству.

Ларк шагал в соответствии с ритмом, который передавал реук у него на голове.

Я десятки раз проходил этой тропой. Она должна быть мне знакома. Почему я не могу откликнуться?

Он попытался настроить свой реук на цвета и звуки реального мира. Шаркали шаги. Стучали копыта. Шуршали кольца и скрипели колеса. Пыльная тропа так плотно утоптана пилигримами, что можно подумать, будто она восходит к самому началу изгнания, а не насчитывает всего сто с небольшим лет.

А к чему обращались раньше, когда нуждались в надежде?

Брат Ларка, знаменитый охотник, однажды тайной тропой провел его на соседнюю гору, откуда яйцо можно было увидеть *сверху*. Оно лежало в своей вулканической кальдере, словно потомство в гнезде сказочного дракона. Издали его можно принять за какой-то древний буйурский памятник или след еще более древних — на многие эпохи — обитателей Джиджо, загадочный часовой, неподвластный времени.

Мигнешь — и это уже приземлившийся *межзвездный корабль*, продолговатая линза, предназначенная для скольжения по воздуху и эфиру.

Или *крепость*, созданная из сверхпрочного материала, пьющая свет, отражающая его, плотнее нейтронной звезды. Ларк даже представил себе на мгновение панцирь какого-то гигантского существа, слишком терпеливого или гордого, чтобы обращать внимание на мух-поденок.

Эти мысли тревожили его, заставляя переоценить свое представление о священном. И это прозрение все еще с Ларком. И, возможно, ему предстоит выслушать немало насмешек со стороны толпы верующих, к которой он вскоре намерен обратиться с речью. Но такая проповедь требует самопожертвования.

Тропа повернула — и неожиданно устремилась вниз, в каньон с крутыми стенами, окружающими гигантскую овальную фигуру, в два полета стрелы от одного конца до другого, фантастическим образом возникшую перед пилигримами. Ее поверхность, изгибаясь, уходила вверх от тех, кто в благоговении собрался у ее основания. Глядя вверх, Ларк знал.

Это не может быть ничем из того, что я себе воображал издали.

Вблизи, под массивным закрывающим вид корпусом, всякий мог увидеть, что Яйцо состоит из *местного природного камня.*

На боках видны следы его рождения, отметки яростной матки Джиджо, которая где-то глубоко внизу продолжает сокращаться. Рисунок слоев похож на мышечные нити. Хрустальные вены сплетаются в дендритном узоре, разветвляясь, как нервы.

Путники медленно входили под выпуклое Яйцо, давая ему почувствовать свое присутствие и надеясь получить благословение. Там, где гигантский монолит вдавился в черный базальт, шестьдесят начали обход. Сандалии Ларка скрипели на зернистой пыли, которая цеплялась за пальцы, и благоговение и мир этого мгновения частично испортило воспоминание.

Однажды, когда он был высокомерным мальчишкой десяти лет, ему в голову пришла идея — прокрасться за Яйцо и взять его образец.

Это происходило в юбилейный год, когда бумажник Нело отправлялся на Собрание, где происходила встреча его гильдии, и южанка Мелина, его жена, настояла на том, чтобы он взял с собой Ларка и маленькую Сару.

Прежде чем они начнут всю жизнь работать в твоей бумажной фабрике, пусть немного посмотрят на мир.

Как, должно быть, впоследствии Нело прокли-

нал свое согласие, потому что это путешествие изменило Ларка и его сестру.

В пути Мелина часто раскрывала книгу, недавно напечатанную мастером в городе Тарек, заставляла мужа останавливаться — он нетерпеливо стучал своей тростью — и вслух со своим южным акцентом читала описания различных растений, животных или минералов, которые встречались вдоль дороги. Тогда Ларк не знал, сколько поколений трудились, создавая этот путеводитель, собирая устные рассказы представителей всех изгнанных рас. Нело считал книгу отличным образом печатного и переплетного мастерства, хорошим использованием бумаги, иначе не разрешил бы показывать детям плохо изготовленный товар.

Мелина придумала игру — узнавать реальные предметы, сравнивая их с рисунками в книге. И то, что могло для детей быть скучным путешествием, превратилось в приключение, затмившее само Собрание, так что когда они наконец пришли, усталые, со стертыми ногами, Ларк уже влюбился в эту планету.

Теперь эта книга, пожелтевшая, истрепанная и устаревшая благодаря трудам самого Ларка, как талисман, всегда в кармане его плаща. *Опти-*

мистическая часть моего характера. Та часть, которая считает, что можно научиться.

Когда цепочка пилигримов приблизилась к дальнему концу Яйца, он сунул руку под одежду, чтобы коснуться другого своего талисмана. Этот он не показывал никому, даже Саре. Камень, размером *с* большой палец, на кожаной нити. Двадцать лет он хранится рядом с бьющимся сердцем и всегда кажется теплым на ощупь.

Моя темная сторона. Часть, которая уже знает.

Пилигримы цепочкой шли мимо того места, которое Ларк так хорошо помнил, и камень в руке казался *горячим.*

Только на третьем своем Собрании он набрался решимости — ученик ремесленника, вообразивший себя ученым, — ускользнул от праздничных павильонов, ныряя в пещеры, чтобы избежать проходящих пилигримов, затем метнулся под изогнутую поверхность, куда может пролезть только худой ребенок, извлек свой молоток для отбивания образцов…

За все прошедшие годы никто не упомянул о шраме — свидетельстве его святотатства. Да он и не может быть заметен среди других бесчисленных царапин, покрывающих поверхность

Яйца. Но даже клочья тумана не могли закрыть от Ларка это место, когда он проходил мимо.

Неужели после всех этих лет детский проступок продолжает его смущать?

Знание того, что он прощен, не уничтожает стыд.

Процессия прошла мимо, и камень похолодел, стал беспокоить не так сильно.

Может быть, это иллюзия? Какой-то естественный феномен, знакомый ученым Пяти Галактик? (Хотя для примитивных народов, прячущихся на запретной планете, он остается совершенно непостижимым.) Симбионты реуки широко распространились только в прошлом столетии, давая бесценную возможность заглянуть в душу других существ. Яйцо ли вызвало их появление, как считают некоторые, чтобы помочь Шести преодолеть войны и раздоры? Или это просто еще одно чудо, оставленное генетиками-колдунами буйурами, когда эта галактика кишела бесчисленными чуждыми расами?

Порывшись в архивах Библоса, Ларк понял, что его смятение типично для людей, пытающихся разобраться в священном. Даже великие галакты, чьи знания преодолевают пространство и время, непрерывно спорили из-за противоречивых

догм. Если могучие звездные боги могут попасть в затруднительное положение, какая у него может быть уверенность?

Есть одно, в чем согласны обе мои стороны.

И научная работа, и сердечная боль приводили Ларка к одному и тому же выводу:

Нам здесь не место.

Именно об этом говорил он позже пилигримам, собравшимся в грубо сработанном амфитеатре, где восходящее солнце окружило продолговатое Яйцо сверхъестественным блеском.

Они собрались рядами, сидели, складывали торсы и многочисленные конечности в выражении внимания. Первым выступил вероотступник квуэн Харрулен, он говорил на поэтическом диалекте, свистя всеми своими пятью ножными щелями. Он призывал мудро служить этому миру, источнику всех их атомов. Затем, наклонив свой синий панцирь, Харрулен представил Ларка. Многие пришли издалека, чтобы выслушать его ересь.

— Нам говорят, что наши предки были преступниками, — начал Ларк сильным голосом, преодолевая внутреннее напряжение. — Крадущиеся корабли один за другим прилетали на Джиджо, уходя от патрулей великих Институтов,

прячась от дежурных шаров зангов, заметая следы в потоках излучения великой Измунути, чей углеродный ветер начал маскировать эту планету несколько тысяч лет назад. Они явились в поисках спокойного места, где могли бы совершить свое преступление.

У каждого корабля основателей были свои причины. Рассказы о преследованиях и пренебрежении. Все сожгли и потопили свои корабли, сбросили свои богоподобные инструменты в Большую Помойку и предупредили потомков, чтобы те опасались неба.

С неба придет суд когда-нибудь — наказание за преступление выживания.

Солнце показалось из-за края Яйца, ударив лучом в глаз Ларка. Он избежал этого, наклонившись в сторону аудитории.

— Наши предки вторглись в мир, оставленный после многих веков жестокой эксплуатации. Мир, многочисленным видам которого — естественным и искусственным — требовалось время, чтобы восстановить нарушенное равновесие, при котором могут возникнуть новые чудеса. Цивилизации Пяти Галактик пользовались такими правилами еще до того, как загорелась половина видимых нами звезд.

Почему же наши предки нарушили эти правила?

Все пилигримы г'кеки смотрели на него двумя широко расставленными глазами, остальные два глазных стебля спрятаны в знак глубокого внимания. Типичный слушатель ур направлял узкую голову не на лицо Ларка, а ему в живот, чтобы все три черных разреза, окружающих пасть, могли видеть одновременно. Реук Ларка подчеркивал эти знаки, а также аналогичные признаки внимания со стороны хунов, треки и квуэнов.

Пока они со мной, думал Ларк.

— О, наши предки постарались уменьшить ущерб. Наши поселки расположены в узкой, геологически беспокойной зоне, в надежде что когда-нибудь вулканы скроют следы нашего пребывания, не оставляя никаких свидетельств. Мудрецы указывают, кого мы можем убивать и есть, где строить, чтобы как можно меньше вмешиваться в жизнь остальной части Джиджо.

Но никто не может отрицать, что ущерб причинен и продолжает причиняться каждым часом нашей жизни здесь. Теперь вымерли рантаноиды. Наша ли это вина? Кто знает? Сомневаюсь, чтобы могло сказать даже Святое Яйцо.

Гул в толпе. Над глазами реук вспыхивает мно-

гоцветными красками. Некоторые буквально все понимающие хуны полагают, что он зашел слишком далеко. Другие, вроде г'кеков, более привычны к метафорам.

Пусть об оттенках заботятся их реуки, подумал Ларк. *Сосредоточься на самом сообщении.*

Наши предки сообщили нам причины, передали предупреждения, установили правила. Они говорили о плате, о Пути Избавления. Но я говорю, что все это бесполезно. Пора покончить с фарсом и посмотреть в лицо правде.

Наше поколение должно сделать выбор.

Мы должны стать последними представителями своих видов на Джиджо.

Путь назад проходил мимо темных пещер, выдыхающих блестящие испарения. Время от времени из этих отверстий доносился грохот природного подземного взрыва, затем другой, и с каждым повторением звук слабел.

Катиться вниз г'кекам гораздо легче. Но несколько треки, приспособленных к жизни в болотистых зарослях, мрачнели от напряжения, стараясь не отстать на поворотах. Чтобы облегчить путь, пилигримы хуны напевали негромкий атональный мотив, как часто делают в море. Большинство пилигримов сняло отнимающие

силы реуки. И теперь все были заняты собой, своими мыслями.

Легенды говорят, что у искусственного интеллекта и у зангов все обстоит по-другому. Групповое сознание не нуждается в убеждении. Эти существа просто соединяют свои сознания, становятся одним целым и принимают решение.

Но не так-то легко обычному представителю Шести рас присоединиться к новой ереси. Глубокий врожденный инстинкт заставляет каждую расу размножаться и воспроизводиться как можно надежнее. А для таких людей, как его отец, вполне естественно стремиться к лучшему будущему.

Но не здесь, не на этой планете.

Утренняя встреча подбодрила Ларка. *В этом году мы убедили немногих. Потом будет больше. Вначале нас будут терпеть, потом начнут сопротивляться. Но в конечном счете решение будет принято без насилия, путем всеобщего согласия.*

В полдень по тропе пронесся гул голосов — это прибывающие пилигримы демонстрировали свою набожность, они пели о радости Собрания. За испарениями фумарол Ларк разглядел фигуры

в белом. Предводители приветствовали группу Ларка, уже возвращающуюся с поклонения, и отошли в сторону, уступая дорогу.

И когда группы проходили мимо друг друга, ударил гром, сталкивая и развевая одежды. Хунны пригибались, зажимая уши, г'кеки закатывали глазные стебельки. Один несчастный квуэн едва не упал в пропасть, отчаянно вцепившись клешней в искривленное дерево.

Вначале Ларк подумал о выходе газов.

Когда затряслась земля, в голову пришла мысль об извержении.

Позже он узнает, что звук исходил не с Джиджо, а с неба. Он возвещал о роковом прибытии, и мир, который был знаком Ларку, неожиданно закончился — раньше, чем кто-либо мог ожидать.

Аскс

Находящиеся в корабле открыли небольшое отверстие в его блестящем борту. И все увидели в этом выходе посланца, какого не видел никто из ныне живущих в Общине.

Это был робот!

Моим/нашим кольцам пришлось обратиться в одну из мириадов влажных ячеек памяти, чтобы узнать эти очертания, которые я/мы однажды видел в человеческой книге.

Какая книга? А, спасибо тебе, я сам. *“Обзор основных галактических орудий” Джейна.* Один из редчайших уцелевших плодов Великой Печати.

Точно как на том древнем рисунке, этот плывущий механизм представлял собой черную октагональную плиту высотой с молодого квуэна, висящую над землей на уровне моего зрительного кольца; над плитой и под ней виднелось множество различных устройств и инструментов. С того момента как люк за ним закрылся, робот игнорировал все неровности поверхности, оставляя за собой полосу, на которой трава, булыжники и почва были спрессованы незримой тяжестью.

При появлении робота все отступили. И лишь одна группа существ оставалась на месте, ожидая создание не из плоти. Это были мы, мудрецы. Нас удерживал на месте якорь *ответственности,* удерживал так надежно, что даже мой сегмент-основание застыл неподвижно, хотя от него исходило стремление бежать. Таким образом, робот — или его хозяева на корабле — знал, кто имеет право/обязанность вести переговоры. Робот застыл перед Вуббеном, он в течение пяти-шести дуров словно разглядывал нашего старейшего мудреца, возможно, ощутив, с каким почтением мы все относимся к старейшему г'кеку. Потом попятился, чтобы охватить нас всех.

Я/мы смотрел в зачарованном благоговении. В конце концов это ведь *вещь,* предмет, как речной корабль хунов или инструмент, оставленный исчезнувшими буйурами. Но наши орудия не умеют летать, да и инструменты буйуров не проявляют такой способности.

А эта вещь не только двигалась, но и говорила, повторяя первоначальное сообщение:

В изучении (местных, уникальных) форм жизни мы просим вашей (великодушной) помощи.

Знание (местной) биосферы, вы им (несомненно) обладаете.

Инструменты и (полезные) знания мы готовы предложить в обмен.

Можем ли мы — уверенно — приступить к (взаимному) обмену?

Наши реуки оказались бесполезны, они съежились от мощного потока нашего страдания. Тем не менее мы, мудрецы, выполняли намеченное. По всеобщему согласию Вуббен выкатился вперед, его колеса скрипели от старости. Демонстрируя дисциплину, он повернул все свои глазные стебельки к чуждому устройству, хотя ясно было, что он переполнен тревогой.

Мы несчастные потерпевшие крушение, произнес он в синкопических щелчках и свистах формального Галактического два. Хотя наши урские братья находят этот язык самым легким и даже используют в общении между собой, все признавали, что г'кек Вуббен безупречно владеет его грамматикой.

Особенно когда необходимо солгать.

Несчастные потерпевшие кораблекрушение, невежественные и застрявшие на этой планете.

Мы рады. Мы полны удивления перед случившимся. Вестник спасения!

Сара

На некотором расстоянии ниже деревни Доло река проходит через большие болота. Известно, что здесь даже моряки хуны теряют главное русло и натыкаются на корни или на подвижные мели. В обычных условиях терпеливый экипаж мусорного судна *Хауф-воа* мог рассчитывать на ветер, ритмичный подъем и падение уровня реки, которые помогали пройти. Но сейчас условия необычные. Поэтому моряки сбросили зеленые плащи, обнажив пятна тревоги вдоль комковатого спинного хребта, и принялись толкать *Хауф-воа* шестами из древесины лессербу. Даже пассажирам пришлось помогать, чтобы не дать илистому дну зацепить киль и задержать корабль. Экипаж, состоявший из нуров, нервничал, нервно лаял, перемещаясь по мачтам, пропуская приказы и роняя снасти.

Наконец, перед самым наступлением темноты, капитан-лоцман провел нарядный нос *Хауф-воа* мимо последних зарослей водяной травы к Мысу Соединения, где многочисленные рукава реки снова соединялись, образуя еще более могучее русло. По обеим берегам снова показался лес

тару, расстилая над головой свой гостеприимный полог. Казалось, после тяжелого дня воздух сразу выпустил экипаж и пассажиров из своих влажных объятий. Кожу, чешую и шкуру ласкал прохладный ветерок. Гладкошкурые хуны прыгали за борт и плавали вдоль борта, потом взбирались на мачты и рангоут и там сушились и прихорашивались.

Сара поблагодарила Прити, когда помощница принесла ей ужин в деревянной чашке, шимп в стороне занялась собственным ужином, чтобы выплевывать за борт пряную зелень: повара хуны любят остроту и придают ее каждому блюду. Речные существа, питающиеся отбросами, пускали пузыри; они были не так привередливы. Сара не возражала против острого вкуса, хотя большинство землян вырвало бы от многих дней корабельной пищи.

Когда позже Прити принесла два одеяла, Сара выбрала самое теплое, чтобы укрыть Незнакомца, который спал у главного трюма, забитого аккуратными ящиками с мусором. На лбу у раненого выступила испарина, которую Сара вытирала сухой тканью. Со вчера Незнакомец не проявлял признаков сознания, как тогда, когда яркий болид расколол небо.

Сара испытывала дурные предчувствия, отправляясь с раненым в торопливую напряженную поездку. Но в городе Тарек есть хорошая больница. И там она может приглядывать за ним, в то же время выполняя обязанности, которые ей поручили на поспешном лихорадочном собрании у Дерева Встреч.

Рядом черной башней возвышался Пзора, неподвижный, но внимательно следящий за состоянием пациента. Аптекарь время от времени выдыхал острые испарения: его специальное кольцо осуществляло химические реакции, которые были недоступны пониманию лучших ученых Джиджо и даже самих треки.

Завернувшись в другое одеяло, мягкое, сплетенное г'кеками, Сара повернулась и стала наблюдать за пассажирами.

Поблизости лежал Джома, молодой сын Хенрика, взрывника; он сильно возбудился, впервые в жизни покидая дом, и теперь негромко похрапывал. Ближе к мачте сидел Джоп, заросший щетиной представитель фермеров Доло; в полутьме он всматривался в кожаный экземпляр какого-то Свитка. Еще дальше у правого борта Улгор, лудильщица, та самка — ур, что выступала на деревенском собрании, сидела лицом к рез-

чику квуэну, по имени Блейд-Лезвие, одному из многочисленных сыновей матриарха Лог Байтер. Блейд много лет жил среди образованных серых квуэнов в городе Тарек, так что выбор его в качестве представителя улья Доло казался вполне естественным.

Из обитой мхом сумки Улгор извлекла дрожащего симбионта — реука, того типа, что специально приспособлен к узкой голове ура. Дрожащие мембраны прикрыли три ее глаза, создавая Маску Откровения. Тем временем реук Блейда обернулся вокруг зрительной полоски, разделяющей его дынеобразный купол. Ноги квуэна втянулись, оставив снаружи только клешни.

Эта пара беседовала на упрощенном диалекте Галактического два, наиболее трудного для людей. Больше того, ветер уносил дрожащие тона свиста, оставляя только более низкие синкопированные щелчки. Может быть, поэтому оба путника не опасались, что их подслушают.

Но, как часто бывает, они недооценили остроту человеческого слуха.

Или они рассчитывают на то, что называется общепринятой вежливостью, иронично подумала Сара. В последнее время она привыкла подслушивать — привычка, совершенно не

свойственная обычно застенчивой, стремящейся к одиночеству женщине. Причина — недавнее увлечение языками. Но на этот раз усталость победила любопытство.

Оставь их в покое. У тебя будет достаточно возможностей изучать диалекты в городе Тарек.

Сара перенесла одеяло в другое место, между двумя корзинами с печатями Нело. От них исходил домашний запах бумажной мельницы. После лихорадочной общей встречи у нее было совсем мало времени для отдыха. Через несколько мидуров после встречи городские старейшины прислали вестника, который разбудил Сару и передал поручение — отправиться в составе делегации вниз по реке в поисках информации и указаний. Она была избрана за свое близкое знакомство с Библосом, а также как представитель ремесленников Доло — точно так же как Джоп будет говорить от лица фермеров, а Блейд — от живущих выше по течению квуэнов. В делегацию включили также Улгор, Пзору и Фекуна, г'кека, писца-танцора. И поскольку каждый и так собирался по своим делам отправляться в город Тарек на борту *Хауф-вуа,* никто не смог отказаться. Вместе с капитаном корабля были представлены

по одному все изгнанные расы Джиджо. Хорошее предзнаменование, надеялись старейшины.

Сара все еще удивлялась, думая о Джоме. Почему Хенрик отправил в путешествие, явно связанное с опасностями даже в спокойные времена, такого мальчика?

Он будет знать, что нужно делать, объяснил неразговорчивый взрывник, оставляя сына под номинальным присмотром Сары. *Когда доберетесь до города Тарика.*

Если бы я могла то же самое сказать о себе, тревожилась Сара. Как ей ни хотелось отказаться от поручения, это было невозможно.

Прошел год со смерти Джошу, когда стыд и горе сделали тебя отшельницей. Да и кто вспомнит о том, что ты вела себя, как дура, из-за мужчины, который никогда не мог бы стать твоим? Теперь, когда знакомый нам мир подходит к концу, все это кажется таким мелким.

Одна в темноте Сара тревожилась.

Не грозит ли опасность Ларку и Дверу? Или что-то ужасное произошло на Собрании?

Она чувствовала тепло Прити, свернувшейся рядом под своим одеялом. Рулевой — хун напевал печальную мелодию со словами на языке, которого Сара не знала, она только ощущала

непонятное спокойствие и одновременно ощущение грядущей беды.

Все образуется, словно говорил хун.

И наконец сон охватил уставшее тело Сары. Последней ее мыслью было:

Надеюсь… на… это…

Позже, посреди ночи, кошмар заставил ее рывком сесть, сжимая край одеяла. Глаза ее смотрели на мирную реку, освещенную двумя лунами, но сердце Сары бешено билось.

Огонь.

Лунный свет отражался в воде, но для нее он был огнем, пожирающим Библос, покрывая его пеплом половины миллиона сгоревших книг.

Незнакомец

Он без сознания и не в состоянии контролировать темные образы, которые прокатываются по замкнутой вселенной его разума.

Это очень тесная вселенная — узкая и ограниченная, но кишащая звездами и смятением. Туманностями и болью.

И водой. Всегда водой — от черных плотных ледяных полей до космических облаков. Таких разреженных, что вы можете даже не заметить, что они кишат существами размером с планету. Живые существа, медлительные и редкие, как пар плывут по морю почти вакуума.

Иногда он думает, что вода никогда не оставит его в покое. Не позволит ему просто умереть.

Он слышит ее и сейчас, настойчивую музыку воды, проникающую в его бред. На этот раз музыка доносится к нему мягким плеском — дерево скользит по мягкой жидкости, словно корабль несет его из места, которое он не может вспомнить, в другое место, названия которого он никогда не узнает. Эта мелодия успокаивает, этот звук отличается от сосущего сжатия ужасного болота, где ему казалось, он вот-вот утонет…

…как он почти утонул когда-то давно, когда Старейшие заключили его, кричащего, в хрустальный шар, который заполнили жидкостью, растворяющей все, к чему прикоснется…

или как он однажды боролся за дыхание на зеленой -зеленой -зеленой планете, чей густой воздух не проникал в легкие, когда он, спотыкаясь, брел к страшной, сверкающей джофурской башне…

или когда эти тело и душа неслись, стиснутые, не способные даже вздохнуть, пока он преодолевал узкий проход, который, казалось, пронизывает его до самого позвоночника… и неожиданно выбрасывает в царство ослепительного света, расстилающееся вокруг и…

Сознание его отшатывается от этих неконтролируемых образов. В лихорадке он не понимает, какие из этих образов он на самом деле помнит, какие преувеличены, а какие его мозг просто извлек из мерзкого вещества кошмаров…

…как инверсионный (вода!) след космического корабля в небе напомнил ему о доме…

…или зрелище существ, подобных ему (снова вода!), живущих в мире, в котором им явно не место…

В хаос лихорадочных галлюцинаций проника-

ет еще одно впечатление. Каким-то образом он знает, что это не иллюзия, что это впечатление реально. Ощущение прикосновения, мягкое успокаивающее поглаживание лба. Сопровождаемое успокаивающим негромким голосом. Он не понимает слов, но приветствует это ощущение, даже зная, что его не может быть. Не здесь. Не сейчас.

Это прикосновение позволяет ему чувствовать себя не таким одиноким.

Постепенно оно даже разгоняет ужасные образы, воспоминания и кошмары, и он засыпает спокойно, без бреда.

V . КНИГА МОРЯ

Когда придет день суда, вас спросят о мертвых.
Какие живые виды, прекрасные и уникальные, больше не существуют, потому что вы, скваттеры, избрали для себя запретный мир?
А как насчет ваших собственных мертвецов? Ваших трупов, ваших покойников, ваших останков? Ваших инструментов и вещей? Как вы избавитесь от них?
Будьте праведны, сунеры Джиджо. Покажите, как вы старались. Сделайте последствия вашего преступления менее значительными. (Оскорбление жизни.)
Преступление – и соответственно наказание – может быть сделано более легким, если оно принесет меньше зла.

Свиток Совета

Рассказ Олвина

Поезд на гору Гуэнн поднимается по крутому склону от порта Вуфон до мастерской кузнеца Уриэль. Рельсовая дорога маленькая, ее трудно разглядеть, даже если приглядываешься. И тем не менее мудрецы разрешили ее сооружение только потому, что необходимо перевозить вниз орудия, изготовленные Уриэль. К тому же она не использует искусственные источники энергии. Вода из горячего источника высоко в горах наполняет бак ожидающего вверху вагона. А бак нижнего вагона тем временем опустошается, так что вагон, даже с пассажирами, становится гораздо легче. Когда убирают тормоз, более тяжелый вагон устремляется вниз, таща за собой трос, который в свою очередь тащит нижний вагон *вверх.*

Звучит неуклюже, но на самом деле вагоны движутся очень быстро, и посредине можно даже испугаться, когда второй вагон словно устремляется на тебя по тем же самым деревянным рельсам. И вот в долю секунды он проносится мимо. Как это возбуждает!

Расстояние свыше сорока полетов стрелы, но когда вагон достигает нижней точки, вода в баке

все еще почти кипит — именно поэтому местные жители устраивают стирку в день, когда Уриэль спускает свои изделия в порт.

Ур– Ронн говорит, что эту дорогу делает возможным только одно -единственный уцелевший кусок буйурского троса. Настоящее сокровище, возместить которое невозможно.

Гора Гуэнн в тот день вела себя хорошо, в воздухе было мало пепла, и мне даже не понадобился плащ. Гек все равно надела очки на каждый из своих глазных стебельков, Клешне приходилось все чаще опрыскивать купол, по мере того как воздух становился разреженней и Вуфон превращался в игрушечную деревушку под покровом маскирующей зелени. Густые заросли растущих на низинах бу сменились рядами многоствольных деревьев горреби, затем пошли перистые кусты, которые по мере подъема встречались все реже. Это не та местность, к которой привыкли красные квуэны. Тем не менее новости Ур-Ронн очень возбудили Клешню.

— Вы видели? Иллюминатор готов! Последнее, что нам нужно было для лодки. Еще немного работы, и все будет готово-тово!

Гек презрительно фыркнула. Проделала она это отлично: это один из человеческих жестов, о

которых мы не только читаем, но и видим. Так всегда поступает местный учитель господин Хайнц, когда ответ ему не нравится.

— Здорово, — заметила Гек. — Тот, кто будет внутри, сразу увидит того, кто его съест. Я невольно рассмеялся.

— Хрррм. Значит, ты признаешь, что морские чудовища могут существовать?

Гек удивленно повернула ко мне три глазных стебелька. Не часто ее можно так поймать.

– Я признаю, что хочу, чтобы меня отделяло от того, что ютится внизу, в двадцати тысячах лиг под поверхностью моря, что-нибудь более прочное, чем урское стекло!

Признаюсь, ее отношение меня удивило. Такая горечь совсем не похожа на Гек. И я постарался ослабить напряжение.

— Послушайте, меня всегда интересовало. Кто-нибудь точно знает, сколько это — лига?

— Я однажды заглянула в словарь, но не поняла, что там написано.

Клешня пожаловался:

— Послушайте, вы двое, если вы опять собираетесь начать…

Я прервал его:

— Если кто-нибудь знает ответ, я хотел бы его

получить.

— Хе! — Гек загремела своими спицами. — Для этого нужно понимать, что там говорится.

— Хрррм. Не знаю даже, что такое фарлонг.

— О-хо-хо-хо-хо! — жаловался Клешня всеми своими пятью ртами.

Так мы проводили время, поднимаясь в пустыню, лишенную жизни, и, полагаю, это показывает, что мой отец прав, когда называет нас подражателями людям хьюмикерами. Но Галдва и Галшесть не приспособлены для игры словами. На них всего не выразишь! Можно на Галсемь, но по той же причине это не так забавно.

По мере приближения к вершине горный склон становился все мрачней; здесь вулканические испарения окутывают широкие плечи горы Гуэнн, маскируя дым печей Уриэль. Древние вулканические выбросы кристаллизовались таким образом, что отбрасывают многоцветные радуги, меняющиеся по мере движения. Совсем недалеко отсюда подобные же кристаллы тянутся насколько хватает глаз по ядовитой равнине, известной под названием Спектральный поток.

В этот день мое воображение разыгралось не по-хунски. Я не мог забыть о могучей силе, кипящей и пузырящейся глубоко под нами. Нигде на

Джиджо внутренности планеты не бушуют так сильно, как в том районе, который мы называем Склоном. Нам говорят, что именно поэтому все корабли изгнанников бросили свое семя в одной и той же части планеты. И нигде на Склоне народ не живет в таком ежедневном контакте со сдерживаемыми силами, как в моем родном городе. Неудивительно, что мы никогда не приглашали семью взрывников, чтобы подготовить наш поселок к уничтожению. Думаю, все полагали, что на протяжении ближайших ста лет Вуфон и так будет благословен вулканом. В крайнем случае за тысячу лет. И это может произойти в любой день. Так зачем беспокоиться?

Нам говорят, что после этого не останется ни следа от наших домов. Но что касается меня, я думаю, Джиджо могла бы и подождать.

Мне десятки раз приходилось ездить в поезде, но я все равно испытываю потрясение, когда вагон поднимается на самый верх и неожиданно, словно ниоткуда, раскрывается просторная пещера, в которую устремляются рельсы. Может, все дело в наших постоянных разговорах о чудовищах, но и на этот раз мой сердечный выступ начал вращаться, когда мы двинулись к тому, что ужасно напоминало голодную *пасть* на склоне

гневной и порывистой горы.

Темнота внутри оказалась горячей и сухой, как пыль. Когда вагон рывком остановился, нас встретила Ур-Ронн. Она казалась оживленной, весело приплясывала на всех четырех копытах, придерживая короткими рабочими руками дверь, пока я помогал Гек выкатиться из вагона. На панцире Клешни сидела маленькая Хуфу, сверкая глазами, словно готовая ко всему.

Может, *нур* и был готов, но то, что сказала наша урская подруга, совершенно вывело из равновесия Гек, Клешню и меня. Ур-Ронн говорила на Галшесть, потому что на этом языке урам легче избежать акцента.

Всей глубиной своих сумок я рада, друзья, что вы пришли так быстро. Теперь быстрей к обсерватории Уриэль, где уже несколько дней она следит за странным объектом в небе!

Признаюсь, я был ошеломлен. Как и все остальные, я несколько дуров просто молча смотрел на Ур-Ронн. Ожили мы одновременно:

— Хрррм, неужели…

— Какого…

— Неужели ты хочешь сказать… Ур-Ронн топнула передней левой ногой.

— Да, хочу! Уриэль и Гибц клянутся, что

несколько дней назад обнаружили один или несколько космических кораблей! Больше того, когда корабль видели в последний раз, он приближался и готовился к посадке!

VI . КНИГА СКЛОНА

Легенды

Кажется ироничным, что большинство ночных созвездий Джиджо названы людьми, самой молодой расой изгнанников. Никто из предыдущих шести рас не додумался до того, чтобы давать группам ничем не связанных звезд забавные названия, ассоциируя их с реальными и вымышленными животными.

Этот своеобразный обычай совершенно очевидно восходит к уникальному прошлому человечества как расы-сироты, или так называемых самостоятельно эволюционировавших волчат, которая вырвалась в космос без руководства со стороны патронов. У всех остальных разумных рас был свой ментор: хунов растили гутатсы, г'кеков — друли, — расы гораздо более древние и мудрые, готовые учить и оказывать помощь младшим.

Но к людям это не относится.

И отсутствие учителей придало огромное своеобразие гомо сапиенс.

Во время долгого одинокого подъема человечества в многообразных земных культурах возникали самые причудливые обычаи. Такие

необычные идеи никогда не пришли бы в голову расе, прошедшей Восхождение, с самого начала познакомившейся с законами природы. Причудливые представления вроде привычки связывать точки на небе с вымышленными созданиями.

Когда земляне впервые проделали это на Джиджо, группы, прибывшие раньше, отнеслись к этому с удивлением и даже подозрением. Но со временем этот обычай словно лишил звезды части связанного с ними ужаса. Г'кеки, хуны и уры сами начали создавать свои небесные мифы, а квуэны и треки с удовольствием слушали легенды, в которых принимают участие.

С самого установления мира ученые расходятся в своих оценках этой практики. Некоторые утверждают, что примитивность этого обычая подталкивает Шесть на путь, пройденный глейверами. И эти утверждения с удовлетворением встречаются теми, кто полагает, что мы как можно быстрее должны спуститься по тропе Избавления.

Другие считают, что человеческий обычай подобен книжной сокровищнице Библоса, уходу от достижения простой чистоты и ясности мыслей, которые помогут нам, изгнанникам, достичь своей цели.

Наконец, есть и такие, которым подобная практика нравится просто потому, что она приятна и способствует развитию искусства.

Ку– Фухаф Туо. Культурные обычаи
Склона. Гильдия издателей
города Овума. 1922 год изгнания

Аскс

Кто бы мог подумать, что робот способен проявлять удивление? Но разве кто-нибудь из нас мигнул или дернулся в ответ на ложь Вуббена? Импровизированная выдумка, в силу неожиданно возникшей необходимости сочиненная Ур-Джа и Лестером, чьим остроумием и сообразительностью гордятся их теплокровные племена.

Первые свитки — всего лишь десять килослов, выгравированных на полимерных стержнях пионерами г'кеками, — предупреждают о нескольких возможных способах прихода судьбы с неба. Поселенцы глейверы, хуны и квуэны добавили новые свитки. Вначале их ревниво хранили, но потом, во время медленного формирования Общины, постепенно объединили. Наконец появились люди с их даром бумажных книг. Но даже Великая Печать не смогла покрыть все возможности.

Наиболее вероятной перспективой казалось то, что когда-нибудь нас отыщут великие галактические Институты, в чьи обязанности входит поддержание карантина. Или титанические крейсеры великих кланов патронов обнаружат наше нарушение закона, когда сверкающий глаз,

Измунути, перестанет порождать ветер из маскирующих игол.

Наряду с другими возможностями мы думали и о том, что делать, если большой шар дышащих водородом зангов спустится к одному из наших городов, распространяя замораживающие пары в гневе от нашего преступления. Мы обсуждали эти и многие другие возможности, не правда ли, мои кольца?

Но такая возможность никогда не приходила нам в голову — прилет *бандитов.*

Мы рассуждали: даже если преступники прилетят на Джиджо, зачем им показываться нам на глаза? Перед ними богатства обширной планеты, и они даже не заметят хижины примитивных дикарей, далеко ушедших назад от славы своих предков, теснящихся в одном уголке просторной Джиджо.

Но они явились прямо среди нас со смелостью, которая приводит в ужас.

Посол-робот обдумывал сообщение в течение десяти дуров, затем ответил одним кратким вопросом:

Ваше присутствие на этой планете — (странная) случайность?

Помните ли вы, мои кольца, мгновенное вол-

нение, охватившее наши связующие мембраны? Хозяева робота недоумевают! И вопреки всякому разуму или пропорциям силы, инициатива на время принадлежит нам.

В жесте вежливого равнодушия Вуббен скрестил два глазных стебелька.

В вашем вопросе подразумевается сомнение. Больше чем сомнение, в нем серьезные предположения о сути нашей природы.

Эти предположения, накладывают ли они на шеи наших предков кандалы подозрения?

Подозрения в отвратительном преступлении?

Как гибко отвлечение Вуббена. Как похоже на паутину мульк-паука. Он ничего не отрицает и не лжет откровенно. Он только подразумевает!

Просим прощения за (ненамеренное) оскорбление, торопливо проскрежетала машина. *Мы приняли вас за потомков изгнанников. Наверно, единый корабль ваших предков потерпел крушение. Пропал, выполняя благородное поручение. Мы в этом не сомневаемся.*

Теперь лгали они, и мы в этом не сомневались

Двер

Покинув скалистый хребет Риммер, Двер повел Рети и остальных по мягко спускающемуся к морю району невысоких холмов, который и называется Склоном. Здесь живут Шесть рас.

Двер пытался разговорить свою загадочную пленницу, заставить ее говорить о себе. Но на свои первые усилия услышал односложные ответы. Очевидно, Рети была недовольна тем, что он многое смог узнать о ней по ее внешности, по одежде из звериных шкур, по речи и манерам…

Ну и чего же ты ожидала? Что перейдешь через горы, зайдешь в наш поселок и никто тебя ни о чем не спросит?

Один только ожог на щеке сразу привлечет к ней внимание. Не в том дело, что уродства не встречаются на Склоне. Несчастные случаи происходят часто, и даже самые современные мази треки — примитивное лекарственное средство по галактическим стандартам. И тем не менее, куда бы ни пошла Рети, ее сразу замечали бы.

За едой она алчно поглядывала на предметы, которые он извлекал из мешка. Чашка и тарелка, алюминиевый котелок, изготовленный ударами

молота, спальный мешок, подбитый мехом херчина, — все это вещи, которые слегка облегчают существование тех, чьи предки отказались от образа жизни звездных богов. Двер видел простую красоту тканой одежды, которую носит, своей обуви на подошве из древесной смолы, даже элегантной, состоящей из трех отдельных частей урской зажигалки — все это образцы примитивной культуры, такой же, какая была у его предков-волчат, которые одиноко жили на старой Земле. На Склоне большинство жителей воспринимает такие предметы как нечто само собой разумеющееся.

Но для клана сунеров — нелегальных скваттеров, ведущих трудную жизнь за границей, — эти предметы могут казаться сокровищами, обладание которыми стоит любого риска.

Двер думал, первый ли это случай. Может, Рети просто первой поймали. Некоторые случаи воровства, в которых винили нуров, на самом деле могут быть виной других грабителей, приходящих через горы из какого-то далекого отшельничьего племени.

Таков был твой замысел? Перебраться через горы, украсть первую приглянувшуюся вещь и героем вернуться домой?

Почему-то ему казалось, что здесь нечто большее. Рети продолжала оглядываться по сторонам, как будто искала нечто определенное. Нечто такое, что для нее важно.

Двер следил, как Рети ведет глейвера, привязанного веревкой к ее поясу. Вызывающая походка девушки словно бросала вызов ему или кому угодно, кто попытается осудить ее. Среди ее грязных волос он с приступом тошноты заметил следы укусов сверлящих пчел, паразитов, которых легко вывести при помощи мази треки. Но там, откуда она пришла, треки не живут.

Это вызывало неприятные мысли. Что, если бы его собственные предки сделали такой же выбор, как предки Рети? Решили бы по какой-то причине бежать от Общины и скрываться где-то далеко? Сегодня, когда войны и беженцы от войн остались в прошлом, сунеры встречаются редко. Старый Фаллон в своих многолетних странствиях по половине континента нашел только одно небольшое племя, а для Двера эта встреча была первой.

Что бы ты делал, если бы тебя так вырастили, если бы тебе пришлось сражаться за жизнь как животному, и в то же время ты бы знал, что к западу от гор лежит богатая и процветающая

земля?

Раньше Двер никогда так о Склоне не думал, В большинстве свитков и легенд подчеркивалось, как низко пали изгнанные расы и как далеко еще предстоит им пасть.

Этой ночью Двер снова воспользовался семенами тобара, чтобы привлечь часового тита. Не потому, что хотел рано встать: ему хотелось, чтобы во время сна слышался устойчивый ритмичный стук. Когда Грязнолапый взвизгнул, уловив волну запаха от расколотого семени, и прикрыл нос лапами, Рети негромко рассмеялась. Впервые она улыбнулась.

Двер настоял на том, чтобы осмотреть перед сном ее ноги, и она спокойно позволила ему обработать два свежих волдыря, на которых уже появились признаки инфекции.

— Когда доберемся до Собрания, тебя осмотрят целители, — сказал он ей. Оба промолчали, когда он оставил у себя ее мокасины, засунув их под свой спальный мешок.

Когда они лежали под звездным пологом, разделенные углями костра, Двер уговорил девушку назвать несколько созвездий, и ее короткие ответы позволили ему устранить одну из возможностей — что высадилась какая-то новая группа

изгнанников-людей, уничтожила свой корабль и ведет примитивное существование вдали от Склона. Рети не могла оценить, насколько важны эти небесные названия, но Двер ощутил новый укол тревоги. Легенды те же самые.

На рассвете Двер проснулся, ощутив что-то в воздухе — знакомый запах, почти приятный, но одновременно тревожный. Это ощущение Ларк как-то загадочно объяснил как “отрицательные ионы и водяные пары”. Двер разбудил Рети и торопливо отвел глейвера под навес скалы. Грязнолапый шел за ними, хромая как пораженный артритом г'кек, и всем своим видом выражая ненависть к раннему подъему. Они едва успели добраться до убежища, как ударила водяная буря — сплошная полоса дождя, передвигающаяся по горам слева направо. Вода лилась плотной завесой, прибивая к земле все, насквозь промочив лес. Рети широко раскрытыми глазами смотрела на движущийся мимо расцвеченный радугами водяной поток, затопивший их лагерь и сорвавший с деревьев половину листвы. Очевидно, раньше она ничего подобного не видела.

Пошли дальше. Может, сказался ночной отдых или поразительное начало дня, но теперь Рети не казалась такой угрюмой, она готова была

радоваться зрелищу луга жужжащих цветов — желтые трубки, отороченные черным пухом, раскачивались под ветром на конце длинных гибких стеблей и непрерывно гудели. Девушка была очарована древним танцем обмана и опыления. Эти виды не существуют по ту сторону в тени Риммера, где до самых Серых холмов тянется обширная равнина ядовитой травы.

Простой приход сюда через все это — уже подвиг, подумал Двер, гадая, как ей это удалось.

Горная крутизна сменилась пологими подножиями. Рети перестала скрывать свое любопытство. Начала показывать и спрашивать:

— Эти деревянные палки поддерживают твой мешок? А он от этого не становится тяжелее? Наверно, они полые. Потом:

— Ты ведь охотник? А где остальные? Или ты всегда охотишься в одиночку?

Последовал поток новых стремительных вопросов.

— Кто сделал твой лук? Насколько далеко ты мог бы попасть в предмет размером с мою ладонь?

Ты маленьким всегда жил на одном и том же месте? В… *доме?* У тебя всегда были вещи, которые ты хотел, или тебе приходилось их бросать,

когда вы перемещались?

Если ты жил у реки, приходилось ли тебе видеть *хунов?* На что они похожи? Я слышала, они ростом с дерево, с носом длинным, как твоя рука.

А треки действительно очень хитры? Они сделаны из древесной смолы?

А нуры когда-нибудь застывают? Интересно, зачем Буйур сделал их такими?

Если не считать того, что она превратила название народа в собственное имя некоего Буйура, сам Двер не мог бы сформулировать вопрос удачней. Грязнолапый постоянно мешал, совался под ноги, гонялся за обитателями кустов, залегал в засаде где-нибудь вдоль тропы и визжал от восторга, если Двер не мог разглядеть его в листве.

Я бы легко от тебя отделался, если бы не приходилось тащить за собой глевейра и девчонку, думал Двер, глядя на улыбающегося нура. Тем не менее настроение его улучшалось. Их появление произведет впечатление на Собрание, у всех будет о чем поговорить.

Во время обеда Рети с помощью кухонного ножа Двера разделала кустарниковую куропатку, которую он подстрелил. Двер едва успевал следить за ее стремительными движениями: пригодные к употреблению части летели в котелок, ядовитые

железы — в яму для отходов. Девушка закончила, вытерла нож и картинно протянула ему.

— Оставь у себя, — сказал Двер, и она ответила нерешительной улыбкой.

Отныне он перестал быть ее тюремщиком и стал проводником, сопровождающим блудную дочь назад, в объятия клана и Общины. Так он по крайней мере думал, пока позже она не сказала:

— На самом деле я таких видела раньше.

— Что видела?

Она показала на глейвера, который терпеливо жевал жвачку в тени небольшого дерева бу.

— Ты решил, что я никогда таких не видела, потому что я боялась, что она укусит. Но я их видела — издалека. Целое стадо. Пугливые дьяволы, их трудно поймать. Парням целый день пришлось их выслеживать, чтобы прикончить копьями. Вкус ужасный, но мальчишкам нравится.

Двер с трудом глотнул.

– Ты хочешь сказать, что твое племя *охотится на глейверов и ест их?*

Рети посмотрела на него невинным, полным любопытства взглядом карих глаз.

— А вы по эту сторону так не делаете? Неудивительно. Здесь полно более легкой добычи.

Он покачал головой, новость вызвала у него

приступ тошноты.

Появилась насмешливая мысль: *Ты сам готов был застрелить этого глейвера, если бы он пересек границу.*

Да, но только как последнее средство. И я не стал бы его есть!

Двер знал, как его называют, — Лесной Дикарь, живущий вне закона. Он даже поддерживал эту загадку: так его неловкую речь не принимают за проявление застенчивости. На самом деле убийства — это часть его профессии, и он проделывал это искусно и как можно быстрее и никогда не наслаждался этим. Но узнать, что люди за хребтом едят *глейверов?* Мудрецы придут в ужас!

Догадавшись, что Рети из племени сунеров, Двер знал, что его долгом будет провести отряд милиции и выследить заблудший клан. В идеале это будет простое, но решительное вылавливание всех, с тем чтобы вернуть утраченных братьев в лоно Общины. Но сейчас Рети, сама не подозревая этого, обвинила свое племя в новом страшном преступлении. Свитки говорят об этом совершенно ясно. *То, что редко, не следует есть. То, что ценно, следует защищать.* Но превыше всего — *никогда не пожирать тех, кто когда-то летал меж звезд.*

Во рту Двер ощущал горечь. После того как всех этих сунеров отведут на суд, он должен будет выследить всех глейверов, живущих к востоку от Риммера, а тех, что не сумеет поймать, убить.

Да, но я от этого не стану плохим… потому что не стану их есть.

Рети, должно быть, почувствовала его реакцию. Она повернулась и посмотрела на рощицу больших бу. Молодые побеги толщиной в ее талию. Трубчатые зеленые веера раскачиваются волнами, как мех на брюхе ленивого нура, который спит у ее ног.

— Меня повесят? — негромко спросила девушка. Рубец на щеке, который становился незаметным, когда она улыбалась, теперь отчетливо выделялся. — Старый Клин говорит, что вы, живущие на Склоне, вешаете сунеров, если ловите их.

— Вздор. Каждая раса занимается своими…

— Старики говорят, таков закон Склона. Убить всякого, кто пытается жить свободно к востоку от Риммера.

Двер неожиданно почувствовал раздражение. Запинаясь, он ответил:

— Если… если ты так думаешь, зачем пришла сюда? Чтобы… чтобы сунуть шею в петлю?

Рети поджала губы. Отвела взгляд и негромко сказала:

— Ты мне все равно не поверишь.

Двер уже пожалел о своей гневной вспышке. Более мягко он спросил:

— Почему бы тебе не попробовать? Может… я смогу понять лучше, чем ты думаешь.

Но она снова окружила себя завесой мрачного молчания, непроницаемого, как камень.

И пока Двер торопливо собирал кухонную утварь, Рети привязала к себе глейвера, хотя он сказал, что она может идти свободно. Свой нож он нашел возле углей, куда она, должно быть, положила его после этих резких слов.

Этот жест отвержения рассердил его, и он мрачно сказал:

— Пошли отсюда.

Аскс

Мы решили изобразить небольшое различие между двумя преступлениями. Немного менее тяжелое преступление — не запланированная, а *случайная* колонизация.

Никто не может отрицать очевидное: наши предки незаконно оставили свое семя на невозделанной планете. Но искусная формулировка Вуббена вызывала представление о преступной неосторожности, а не о преднамеренном злодействе.

Конечно, ложь долго не продержится. Когда проведут археологические раскопки, судебные следователи из Институтов поймут наше происхождение от нескольких самостоятельных высадок, а не от одного смешанного экипажа, потерпевшего крушение и заброшенного на эту планету. Больше того, среди нас есть молодая раса — люди. Судя по их собственным необычным рассказам, они *волчата,* которые стали известны галактической культуре только триста лет Джиджо назад.

Тогда зачем пытаться блефовать?

Отчаяние. Плюс хрупкая надежда на то, что у

наших “гостей” нет специалистов и инструментов для археологических исследований. Должно быть, они просто нацелились на быстрый поиск скрытых сокровищ. А потом захотят побыстрее тайно скрыться с трюмом, полным контрабанды. Для этих наемников наша заброшенная жалкая колония представляет одновременно возможность и угрозу.

Они понимают, что мы обладаем знаниями Джиджо, которые для них имеют первостепенное значение.

Увы, мои кольца. Не являемся ли мы также потенциальными свидетелями их злодейства?

Сара

Никто не ожидал засады.

Место для засады было превосходное. Тем не менее на борту *Хауф-вуа* никому не пришла в голову мысль об опасности.

Столетие мира стерло некогда тщательно охраняемые границы каждой расы. Поселенцы уры и г'кеки встречались редко, потому что первые не могли растить потомство вдали от воды, а последние предпочитали ровную местность. Тем не менее, когда подходил *Хауф-вуа,* на маленькой пристани в нетерпеливом ожидании новостей собрались представители всех шести рас.

Увы, с тех пор как огненный призрак пересек небо, с низовий реки не было никаких известий.

В большинстве своем жители реки действовали конструктивно: укрепляли маскировочные экраны, очищали коптильни, укрывали лодки, но одно небольшое племя болотных треки зашло гораздо дальше. В приступе страха и преданности свиткам эти треки сожгли свой поселок на сваях. Верхний узел Пзоры дрожал, ощущая горестный запах пепла нижних колец. Капитан *Хауф-вуа* обещал рассказать об их несчастье. Может быть,

другие треки пришлют новые базовые сегменты, чтобы пострадавшие смогли их использовать и лучше подготовиться к переселению на сушу. В худшем случае болотные треки могут собрать гниющую материю, поселиться на ней и прекратить свои высшие функции, пока мир не станет менее страшным местом.

То же самое нельзя было сказать о торговом караване уров, который они миновали позже, когда впавшие в панику жители деревни Бинг сожгли свой драгоценный мост, караван вместе с вьючными животными застрял на западном берегу.

Экипаж корабля хунов лихорадочно греб против течения, чтобы не застрять среди разбитых бревен и обрывков мульк-кабеля, жалких остатков прекрасного сооружения, которое служило главной транспортной артерией этого района. Чудо искусной маскировки, мост сам по себе напоминал груду поломанных бревен. Но, очевидно, местным ортодоксальным поклонникам свитков этого показалось недостаточно. *Может, они его жгли, когда мне прошлой ночью снился кошмар,* думала Сара, глядя на обгоревшие бревна и вспоминая языки пламени в своем сне.

На восточном берегу собралась толпа, жестами подзывая *Хауф-вуа.*

Первым заговорил Блейд.

— Я не стал бы подходить, — просвистел синий квуэн из ножных щелей. Он вглядывался в собравшихся на берегу, и на его зрительном кольце был надет реук.

— А почему бы нет? — спросил Джоп. — Видите? Они указывают на проход между обломками. Может, у них есть новости.

Действительно, у берега как будто есть канал, не загроможденный остатками моста.

— Не знаю, — продолжал Блейд. — Но я чувствую… что что-то не так.

— Ты прав, — согласилась Улгор. — Хотела вы я знать, почему они ничего не сделали для застрявшего каравана. У жителей деревни должны быть лодки. Уров уже можно выло вы перевезти.

Сара сомневалась в этом. Вряд ли урам понравилось бы пребывание в утлой лодочке, когда на расстоянии руки плещется ледяная вода.

— Уры могли отказаться, — предположила она. — Может, у них еще не такое отчаянное положение.

Капитан принял решение, и *Хауф-вуа* повернул к деревне. Приблизившись, Сара увидела, что нетронутым оставалась только маскировка деревни. Все остальное лежало в руинах. *Вероятно,*

они отослали семьи в лес, подумала она. Люди могут жить на деревьях тару, а квуэны отправились к своим сородичам выше по течению. Тем не менее разрушенная деревня представляла собой угнетающее зрелище.

Сара думала, насколько хуже обстояли бы дела, если бы победило мнение Джопа. Если бы взорвали дамбу Доло, все пристани, запруды и дома на берегу были бы теперь сметены. Пострадала бы и местная фауна, хотя, может, не больше, чем при естественном наводнении. *Ларк говорит, что важны виды, а не индивиды. Уничтожение наших маленьких деревянных сооружений не угрожает никаким эконишам. Джиджо не пострадает.*

Тем не менее это уничтожение и сожжение кажется сомнительным. И все только для того, чтобы убедить каких-то галактических шишек, что мы дальше зашли по тропе Избавления, чем на самом деле.

Подошел Блейд, от его синего панциря словно шел пар, это испарения щелей в панцире — явный признак тревоги. Он ритмично качался на своих пяти хитиновых ногах.

— Сара, у тебя есть реук? Надень и проверь, не ошибаюсь ли я.

— Прости. Я отдала свой. Все эти цвета и силь-

ные эмоции мешают овладевать языками. — Она не добавила, что ей стало больно носить реук, после того как она допустила ошибку — явилась с ним на похороны Джошу. — А что? — спросила она. — Что тебя тревожит?

Купол Блейда задрожал, дернулся обернутый вокруг него реук.

— Те, что на берегу… они кажутся… каким-то странными.

Сара всмотрелась в утреннюю дымку. Жители деревни Бинг преимущественно люди, но видны также хуны, треки и квуэны. *Подобное привлекает подобное,* подумала она. Фанатизм стирает расовые различия.

Как и ересь. Сара вспомнила, что ее брат входит в движение, не менее радикальное, чем то, представители которого сожгли мост.

Из–под укрытия за деревьями вылетело несколько лодок, стремясь перехватить корабль.

— Они хотят провести нас по проходу? — спросил молодой Джома.

Он получил ответ, когда первый крюк со свистом опустился на палубу *Хауф-вуа.*

За первым последовали другие.

— Мы не причиним вам вреда! — крикнул человек с мускулистыми толстыми руками с бли-

жайшей лодки. — Выходите на берег, и мы о вас позаботимся. Нам нужен только ваш корабль.

Не следовало так говорить с гордым экипажем речных бродяг. Все хуны, кроме рулевого, бросились вытаскивать крючки и швырять их за борт. Но каждый убранный заменялся несколькими новыми.

Туг Джома показал вниз по течению.

— Смотрите!

Если раньше кто-нибудь сомневался в том, какую участь уготовили жители Бинга *Хауф-вуа,* то при виде обгоревших остовов, почерневших ребер, устремленных вверх, как огромные полусгоревшие скелеты, все сомнения исчезли. Экипаж испустил полный отчаяния крик, который дрожью пробежал по позвоночнику Сары и заставил всех нуров яростно залаять.

Хуны удвоили усилия, яростно вырывая крючья.

Первым инстинктивным порывом Сары было защитить Незнакомца. Но раненый казался в безопасности, он по-прежнему без сознания лежал за прикрывающим корпусом Пзоры.

— Пошли, — сказала она Блейду. — Нужно помочь.

До наступления Великого мира пираты часто

так нападали на корабли. Возможно, в злые старые дни предки нынешних нападающих пользовались этим способом. Крюки, сделанные из заостренного металла буйуров, впивались глубоко, когда натягивались канаты. Сара в отчаянии поняла, что эти канаты сделаны из мульк-ткани, обработанной треки таким образом, что их почти невозможно разрубить. Хуже того, канаты уходили не просто к лодкам, но еще дальше, на берег, где местные жители тащили их с помощью блоков. Силы хунов и могучих клешней Блейда едва хватало, чтобы вытащить крюк. Тем не менее Сара пыталась помочь, и даже пассажиры г'кеки наблюдали своим острым зрением и выкрикивали предупреждения, когда приближалась очередная лодка. Только Джоп стоял, прислонившись к мачте, и с интересом наблюдал за происходящим. Сара не сомневалась, на чьей стороне фермер.

Берег приближался. Если бы удалось вывести *Хауф-вуа* на середину реки, его подхватило бы течение. Но даже его силы может не хватить, чтобы порвать крепкие канаты. А когда киль коснется дна, это будет означать конец.

В отчаянии экипаж применил новую тактику. Взяв топоры, моряки рубили доски и борта, ку-

да впивался крюк, бросая за борт целые куски дерева, разрушая собственный корабль с яростью, которая казалась невообразимой, учитывая обычное спокойствие и выдержанность хунов.

Но вдруг палуба под ногами Сары дрогнула, качнулась, корабль накренился и повернулся, словно вокруг оси.

— Они зацепили руль! — крикнул кто-то. Сара заглянула за корму и увидела, что из большого бруса, которым рулевой направляет корабль, торчит массивное острие. Руль невозможно вытащить на борт или обрубить: при этом *Хауф-вуа* станет беспомощен и неуправляем.

Прити оскалила зубы и закричала. Хотя маленькая самка шимп дрожала от страха, она принялась карабкаться через борт. Сара решительно остановила ее.

— Это мое дело, — кратко сказала она и без дальнейших разговоров сбросила платье и набедренную повязку. Моряк протянул ей топор с прочной петлей, продетой в рукоять.

Неужели никто не захочет отговорить меня? сардонически подумала она, зная, что никто этого не сделает.

Некоторые вещи кажутся очевидными.

Топор висел на одном плече. Неприятно было

чувствовать его прикосновение к левой груди, хотя острое лезвие было закрыто кожаным чехлом.

Одежда мешала бы. В особенности Саре нужны были пальцы ног, чтобы опираться на выступы в корме *Хауф-воа.* Помогало то, что при строительстве корабля доски перекрывали друг друга. Тем не менее Сара дрожала — от утреннего холода и просто от ужаса. Потные ладони делали задачу вдвойне труднее, и даже во рту было сухо, как от дыхания ура.

Я годами никуда не карабкалась.

Не человеческим расам может показаться, что для карабкающихся на деревья землян это очень легко. Вроде распространенного представления, будто каждый ур — призовой бегун, а любой треки способен смешивать хороший мартини. На самом деле логичней всего было выполнять эту работу Джопу, но капитан ему не доверяет — и не без причин.

Под одобрительные крики экипажа Сара спустилась по корме к рулю. А с лодок и с берега доносились презрительные вопли. *Замечательно. Такого внимания у меня никогда в жизни не было, а я совершенно голая.*

Мульк-трос стонал от напряжения: это жители деревни с помощью блоков пытались подтащить

корабль ближе к берегу, где собралось с факелами несколько серых квуэнов. Они казались такими близкими, что Саре почудилось, будто она ощущает жар их огня. Наконец она добралась до места, где могла упираться обеими ногами и пустить в ход руки. Пришлось расставить ноги, забыв всякие представления о личной скромности. Сара зубами стащила чехол с топора, и во рту от красноватого металла появился электрический привкус. Она содрогнулась, потом напряглась, едва не выпустив топор. Волна, поднятая кораблем, казалась маслянистой и ужасно холодной.

Крики усилились, когда она принялась вырубать крюк из руля, проделывая вокруг него разрез в форме полумесяца Вскоре верхнюю часть она закончила и наклонилась, чтобы приняться за более трудную нижнюю, но тут что-то ударилось о ее левую руку, вызвав волну боли. У запястья из руки торчала деревянная щепка, из-под нее шла кровь.

Поблизости в дерево наполовину погрузился снаряд из пращи.

Еще один такой снаряд ударился о руль, рикошетом отскочил к корме и упал в воду.

Кто– то *стреляет* в нее!

Вы, паразиты, слабоумные, регрессировавшие…

Сара, обнаруживая неведомую ей самой способность к ругательствам, произносила проклятия на пяти языках, продолжая яростно вырубать крюк. Теперь о корпус стучал непрерывный град снарядов, но она в приступе гнева и ярости не обращала ни них внимания.

Остзхарсия, перкией! Сиукаи дриисуна!

Она истощила запас неприличных выражений россика и собиралась перейти на Галдва, когда руль неожиданно с громким скрипом подался. Канат задрожал, натянулся… и изрубленная древесина не выдержала.

Крюк, высвободившись, потянул за собой топор, сверкнувший в солнечных лучах. Потеряв равновесие, Сара пыталась удержаться, хотя руки ее скользили от пота и крови. Она ахнула, упала в воду, река ударила ее, словно ледяным молотом, заставив выпустить последний воздух из натруженных легких.

Сара билась, вначале стараясь подняться на поверхность, потом сделать несколько глубоких вдохов и наконец не запутаться в веревках, лежавших на воде. Блестящий крюк пугающе близко пролетел мимо ее лица. Потом ей пришлось нырнуть, чтобы уйти от путаницы веревок, которые могли бы захватить ее.

Теперь *Хауф-вуа* воспользовался возможностью уйти, и поднятая кораблем волна добавила Саре неприятностей.

К тому времени, как она снова поднялась на поверхность, грудь у нее болела. Вынырнув, она лицом к лицу столкнулась с долговязым молодым парнем, который перегибался через борт лодки, сжимая в одной руке пращу. Когда их взгляды встретились, он удивленно откинулся назад. Потом опустил взгляд, видя ее наготу.

Он *покраснел.* Торопливо отложив оружие, принялся снимать куртку. Несомненно, чтобы отдать ей.

— Спасибо… с трудом произнесла Сара. — Но мне… пора идти.

Последнее, что она видела, поворачивая, было выражение крайнего разочарования на лице молодого жителя деревни. *Все произошло слишком быстро, чтобы он стал зачерствевшим пиратом,* подумала Сара. *Этот новый жестокий мир еще не унес следов вежливости и галантности.*

Но если дать ему время…

Теперь ее поддерживало течение, и вскоре Сара увидела корму *Хауф-вуа.* Оказавшись на безопасном удалении от деревни Бинг, экипаж развернул корабль и греб, удерживая его на месте. Но все

равно было очень трудно преодолеть оставшееся расстояние и дотянуться до веревочной лестницы. Сара проплыла половину расстояния, когда ее мышцы свело судорогой, и морякам пришлось втаскивать ее на руках.

Если я собираюсь участвовать в приключениях, нужно стать сильнее, подумала она, когда кто-то набрасывал на нее одеяло.

И все же, когда Пзора обрабатывал ее раны, а повар готовил свой особый чай, Сара чувствовала себя удивительно хорошо. Голова болела, все тело ныло, но одновременно она чувствовала что-то похожее на тепло.

Я принимала решения, и они были верными. Год назад казалось, что любой мой выбор неверен. Может, действительно положение изменилось.

Закутавшись в одеяло, Сара смотрела, как *Хауф-вуа* с трудом идет против течения вдоль *западного* берега к тому месту, где они смогут взять на борт застрявший караван и отвезти уров и их вьючных животных туда, где местные фанатики не смогут причинить им вред. Покойная совместная работа пассажиров и экипажа подбадривала, внушала надежду и в “больших проблемах”, как короткая схватка изменила что-то в ней.

Я верю в себя, думала Сара. *Мне казалось, что я*

с таким не справлюсь. Но, может, в конце концов, отец прав.

Я слишком много времени провела в этом проклятом древесном доме.

Аскс

Вскоре после речи Вуббена портал вновь открылся и из корабля появилось еще несколько плывущих в воздухе машин. Все они смущенно рокотали. Каждая из них задерживалась перед линией зрителей, стоявших на краю долины. Несколько дуров народ Общины удерживал позицию, хотя ноги, колеса и кольца у всех дрожали. Затем роботы повернули и разлетелись во все стороны света, оставляя за собой полосы примятой травы.

Исследовательские зонды, они выполняют свои задания, объяснил первый посланник на жужжащей и щелкающей формальной версии Галактического два.

(Предварительный) анализ, его предоставят эти суррогаты.

Тем временем вернемся к вопросу о взаимовыгоде и спасении — продолжим обсуждение лицом к лицу.

Все зашевелились. Правильно ли мы поняли? За время регресса наши диалекты могли измениться. Означает ли выражение “лицом к лицу” то, что означает?

В нижней части корабля снова начал открываться люк.

– Дурные новости, — ворчливо заметил Лестер Кембел. — Если они дают нам возможность увидеть себя, значит…

— …не тревожатся, что после их отлета останутся свидетели, — закончила Ум-Острый-Как-Нож.

Наш брат хун Фвхун-дау согласился с мрачным предположением. Его престарелый горловой мешок обвис от тревожных мыслей.

— Их уверенность вульгарна и криклива. *Хрррхрм.* Как и их поспешность.

Вуббен повернул глазной стебелек к моему/нашему сенсорному кольцу и подмигнул веками — чисто человеческий жест, эффективно выражающий иронию. Среди всех Шести мы, треки и г'кеки чувствуем себя калеками на этой тяжелой планете, в то время как хуны движутся с грациозной силой. Но эти суровые светлокожие гиганты клянутся, что мы кажемся им неистовыми и дикими.

Что– то -вернее, два чего-то — показались внутри темного люка. Вперед вышли две двуногие фигуры — ходячие — стройные, с прочно закрепленными конечностями, высокие. Одеты в просторные одеяния, которые скрывают все,

кроме обнаженных рук и голов. Они выступили в полуденный свет и уставились на нас.

Собравшиеся испустили единый вздох, полный удивления и узнавания.

Обнадеживающий ли это знак? Какая невероятная случайность, что из мириадов космических рас, населяющих Пять Галактик, посетителями оказались наши братья? Чтобы у экипажа корабля было то же происхождение, что у одной из Шести рас? Работа ли это капризной богини, которая любит все аномальное и необычное?

— Лю-у-у-уди-и-и, — протянула Ур-Джа, наш старейший мудрец на англике, родном языке этой младшей расы.

Лестер Кембел издал звук, который я никогда не слышал раньше и который мои/наши кольца не смогли расшифровать. Только позже мы поняли и узнали его смысл.

Это было отчаяние.

Двер

Рети шла в цепочке первой, поднимаясь по крутой скалистой тропе. Здесь почва не позволяет укорениться большим бу. Наклонный гранитный уступ разделял две рощи тростникового леса. Двер знал, что этот лес тянется в обоих направлениях на сотни полетов стрелы. И хотя тропа проходит по самому верху хребта, бу по обеим сторонам такие гигантские, что за раскачивающимся океаном зелени видны только самые высокие горные вершины.

Девушка продолжала смотреть направо и налево, словно искала что-то. Как будто ждет чего-то и не хочет пройти мимо по ошибке. Но когда Двер попытался ее расспросить, она ничего не ответила.

Тебе придется за ней последить, думал Двер. *Ее всю жизнь обижали, и теперь она пуглива как заяц.*

Люди не его специальность, но опытный житель леса пользуется эмпатией, чтобы понять простые потребности и свирепые мысли диких зверей.

Постепенно разделяющий хребет сузился, и

вскоре тропа превратилась в проход между тесными рядами огромных взрослых бу. Каждый стебель был в несколько человек объемом и в высоту достигал двадцати метров. Гигантские зеленые тростники росли так близко друг к другу, что даже Грязнолапому трудно было бы углубиться в чащу, протискиваясь между могучими колоннами. Полоска неба над головой постепенно сужалась и наконец превратилась в голубую ленту. В некоторых местах Двер, расставив руки, мог одновременно коснуться мощных цилиндров по обе стороны.

Теснота отражалась на восприятии перспективы. Двер представлял себе две обширные стены, готовые в любое мгновение сомкнуться, раздавив путников, как молот размельчает ткань в мастерской Нело.

Странно. Два дня назад, когда он шел по этой же тропе *вверх,* она не была такой страшной. Тогда узкий проход казался просторной улицей, ведущей прямо к добыче. Теперь это тесная труба, яма. Двер чувствовал, как все сильнее сжимается грудь. *А что, если что-то произойдет впереди? Оползень преградит дорогу. Или пожар? Какая получится ловушка!*

Он подозрительно принюхался, но уловил

только смолистый запах зелени, издаваемый бу. Конечно, по ветру может происходить что угодно, и он не будет об этом знать, пока…

Перестань! Немедленно прекрати! Что с тобой происходит?

Это она, понял Двер. *Ты расстроен, потому что она считает тебя негодяем.*

Двер покачал головой.

Но разве это не так? Ты позволил Рети думать, что ее повесят, когда очень легко было бы сказать…

Что сказать? Солгать? Не могу пообещать, что этого не случится. Закон суров. Но он таким и должен быть. Мудрецы могут проявить милосердие. Это разрешено. Но кто я такой, чтобы обещать от их имени?

Он вспомнил рассказ своего прежнего учителя о том, как была открыта большая группа сунеров. Произошло это давно, когда Фелон сам был учеником. Нарушителей обнаружили на отдаленном архипелаге, далеко на севере. Одна из моряков — хунов — ее обязанностью было патрулировать моря, как охотники люди охраняют леса, а жители равнин уры — свои степи, — наткнулась на племя своих родичей, живущее среди ледяных потоков. Эти хуны отыскивали пещеры впавших

в спячку руолов и убивали откормленных животных во сне. Каждое лето преступное племя выходило на берег и разжигало в тундре костры. Стада длинношерстных длинноногих галлейтеров впадали в панику и сотнями бросались с обрывов, чтобы хуны могли подобрать мясо нескольких из них.

Гахен, моряк, заметила дым от одного такого массового убийства и принялась наказывать преступников в манере своего народа. Непостижимо терпеливая, настойчивая и мягкая — эта манера вызывала у Двера ночные кошмары, когда он об этом вспоминал, — она потратила целый год на то, чтобы по одному переловить всех членов племени, отнимая драгоценную кость жизни, пока не остался один престарелый хун. Его она поймала и привезла домой, чтобы он дал показания. И везла его в лодке, нагруженной доверху позвоночниками его соплеменников. После того как преступник — сунер дал показания — этот печальный рассказ длился четырнадцать дней, хуны сами казнили его, искупая свою вину. А все конфискованные позвоночники размололи в порошок и разбросали по пустыне, далеко от воды.

И воспоминания об этом рассказе наполняли сердце Двера тяжестью и тревогой.

Прошу, избавь меня от того, чтобы меня просили сделать то же, что Гахен. Я не смогу. Даже если прикажут все мудрецы. Даже если Ларк скажет, что от этой единственной жизни зависит судьба всего Джиджо. Должен быть иной, лучший путь.

В том месте, где тропа, казалось, окончательно сужается, позволяя сойтись стволам бу, неожиданно обнаружилась поляна. Чашеобразное углубление, почти в тысячу метров в диаметре, с поросшим водорослями озером в центре и с узким выходом по другую сторону. По внешнему краю кратера шла полоса гигантских бу, стены тихой горной долины покрывали огромные камни, между которыми росла чахлая зелень. По краю озера шла полоска более густой растительности, на удалении казавшаяся пышным мхом, из которого тянулись бесчисленные переплетенные щупальца. На самом деле это были стволы. Даже с того места, где стоял Двер, видны были полупогрузившиеся в пыль обломки толщиной в ногу.

Мирной тишине противоречило странное ощущение *безжизненности.* Пыль не потревожена следами копыт, видно только действие дождя и ветра. По предыдущим посещениям Двер знал, что благоразумные животные избегают

это место. И все же после удушающей тесноты туннеля-тропы было приятно снова увидеть небо. Двер никогда не разделял владевший всеми обитателями планеты страх перед открытым небом, даже если это означало короткий путь под палящим солнцем.

Когда проходили между первых камней, глейвер жалобно завизжал и старался идти ближе к Рети, чтобы держаться в ее тени. Глаза девушки сузились. Она словно не заметила, что тропа поворачивает, и двигалась дальше в прежнем направлении к озеру.

Двер догнал ее в несколько шагов.

— Не сюда, — сказал он, качая головой.

— Почему? Мы ведь идем туда, верно? — Она указала на единственный проход в противоположной стене кратера, где узкий пенный поток выливался из долины. — Ближе пройти берегом озера. Да и легче, кажется, кроме участка у самого берега.

Двер показал на остатки серых нитей, окутывавших ближайшие камни.

— Это… — начал он.

— Я знаю, что это такое. — Она сделала гримасу. — Буйуры жили не только на Склоне, даже если вы, западные, считаете это место самым

пригодным для жизни. У нас, за хребтом, тоже есть мульк-пауки в старых буйурских развалинах. Да и чего ты боишься? Ведь не думаешь, что этот жив? — Она пнула одну высохшую нить, и та рассыпалась в пыль.

Двер с трудом сдержался. *Это говорят ее шрамы. Должно быть, с ней ужасно обращались.* Сделав глубокий вдох, он спокойно ответил:

— Я не *думаю,* что он жив. Я это знаю. Больше того — этот паук сумасшедший.

Первая реакция Рети — удивленно поднятые брови. Она повернулась и в деланном ужасе спросила:

– *Правда?*

Потом засмеялась, и Двер понял, что она над ним издевается.

— А что он делает? Выставляет липкие приманки, полные ягодного сахара и сладкого тара, чтобы поймать плохих девочек?

Растерявшись, Двер наконец ответил:

— Я мог бы догадаться, что ты скажешь что-нибудь такое. Теперь в глазах Рети появилось искреннее удивление.

— Я должна его увидеть!

Она неожиданно резко дернула веревку у себя на поясе. Узел, казавшийся таким тугим, распу-

стился, и девушка метнулась в сторону, между несколькими замшевшими камнями. Нур с возбужденным лаем последовал за ней.

– Подожди! — тщетно кричал ей вслед Двер, зная, что гнаться за ней в этом каменном лабиринте бесполезно. Вскарабкавшись на ближайший крутой каменистый склон, он разглядел ее лохматую голову. Девушка бежала к нагромождению камней у самого озера.

— Рети! — крикнул он. — Не трогай…

И смолк, чтобы не тратить силы. Тот самый ветер, который приносит запах озера, уносит его слова, так что они до нее не доходят. Двер снова спустился на тропу и увидел, что даже *глейвер* исчез. Проклятие!

Глейвера он отыскал в полуполете стрелы на обратном пути. Самка повиновалась инстинкту, который заставляет глейверов упрямо идти на восток, подальше от защиты и удобств, часто навстречу верной смерти. Ворча про себя, Двер схватил веревку и принялся оглядываться в поисках чего-нибудь, чего угодно, чтобы привязать ее, но ближайшие узловатые бу слишком далеко. Сняв мешок, он достал оттуда другую веревку, перевернул самку, не обращая внимания на ее протесты, и связал задние ноги, до которых она

не может добраться зубами.

Боль, раздражение — и то и другое скучно.

– Прости, скоро вернусь, — оптимистично ответил он и направился за девушкой сунером.

Держись выше и по ветру, думал Двер, сворачивая в ту сторону, где в последний раз ее видел. *Может, просто хитрость. Она обогнет озеро и направится домой.*

Немного погодя он заметил, что машинально достал лук, настроил его на короткое расстояние и открыл крышку колчана на бедре, полного коротких стрел.

Что хорошего дадут стрелы, если она рассердит паука?

Или еще хуже: если он заинтересуется ею?

У краев долины камни сохраняли еще признаки своей древней роли, это были части гордого сооружения буйуров, некогда стоявшего на берегу озера, но по мере приближения к самому озеру всякое сходство с каменной кладкой исчезло. Камни покрывали клубки нитей. Большинство нитей казались мертвыми — серыми, высохшими, распадающимися. Однако вскоре зрение уловило зеленоватую полоску… и чуть подальше. Из щупалец на каменную поверхность стекала липкая слизь, помогая природе стереть все следы

прежней искусственной гладкости.

Наконец, чувствуя, как по спине пробежал холодок, Двер уловил *движение.* Свернувшиеся нити просыпались, чем-то обеспокоенные.

Рети.

Он пробирался через все более запутанный лабиринт, перепрыгивая через одни веревочные преграды, проползая под другими, а потом с ругательством проползая вторично, когда достигал тупика. Нигде развалины буйуров не были такими обширными, как на северо-восток от Доло, где каждый местный житель занимался сбором сверкающих предметов, которые упустили пауки-разрушители. Двер часто ходил туда с Ларком или Сарой. Тот паук был более живым и активным, чем это причудливое древнее создание, но гораздо менее опасным.

Чаща светлых нитей вскоре стала такой густой, что взрослому было не пройти, хотя девушка и нур, должно быть, проскользнули. Двер раздраженно повернулся и ударил кулаком по камню.

— Клянусь Ифни! — Он помахал от боли рукой. — Из всех проклятых мошенников…

Повесив лук через плечо и освободив обе руки, он начал карабкаться по неровной поверхности камня втрое выше его. Если бы у него было время

выработать лучший маршрут, он не стал бы этого делать, но бьющееся сердце заставляло Двера торопиться.

По его волосам и спине спускались мини-лавины раскрошившегося камня, распространяя запах разложившегося времени. Сухие хрупкие нити предлагали обманчивую опору, но он старался не обращать на них внимание. Камень прочнее, хотя и он не всегда так надежен, как выглядит.

Пальцами левой руки нащупывая следующую опору, он почувствовал, как камень под ногами начинает крошиться, и был вынужден довериться одной из ближайших нитей мульк-паутины.

Нить заскрипела и почти сразу оборвалась. Двер повис, держась только кончиками пальцев. Он ударился о камень, и весь воздух вырвался у него из легких.

За несколько мгновений до того, как разжать пальцы и упасть, он нащупал бьющимися ногами другую нить, тоньше первой. Но другого выхода не было. Оттолкнувшись от этой нити, Двер прыгнул влево и правой ногой приземлился на узком карнизе. Провел руками по почти гладкой каменной поверхности — и наконец нашел опору. Мигая, чтобы убрать с глаз пыль, он глубоко дышал, пока не почувствовал себя в безопасности.

Последние несколько метров были не такими крутыми; с тех пор как камень притащили сюда, а слабеющие нити его остановили, каменную поверхность изрыли бесчисленные бури. Наконец Двер смог встать на колени и посмотреть вперед на ближайший берег.

То, что издали казалось ровной оградой, окружающей озеро по периметру, вблизи превратилось в путаницу нитей — высотой от одного до нескольких человеческих ростов. У воды серый цвет уступал место зеленому, желтому и даже кроваво-красному. В путанице Двер уловил и другие цвета, сверкающие в лучах солнца.

За этим колючим барьером пенный пруд казался геометрически правильным, но подвижным и каким-то сморщенным. Некоторые его участки, казалось, пульсируют, подчиняясь загадочному ритму — или сдерживаемому гневу.

Один-в-своем-роде, подумал он, не желая вспоминать это имя, но не в силах сопротивляться. Он оторвал взгляд, принялся осматриваться в поисках Рети. *Не причиняй ей вреда, Один-в-своем-роде. Она всего лишь ребенок.*

Он не хотел общаться с мульк-пауком. Надеялся, что тот спит, словно это озеро — просто безвредное углубление в заснеженном зимнем

ландшафте. Или он наконец умер. Паук, безусловно, давно должен был умереть. Казалось, его привязывает к жизни только ужасное *хобби.*

Двер вздрогнул, когда в основании черепа возникло щекочущее ощущение.

/Охотник. Такой же искатель. Одинокий. Как мило с твоей стороны, что ты приветствуешь меня. Я чувствовал, как ты проходил мимо несколько дней назад, торопился, преследуя кого-то. Почему ты тогда не задержался, чтобы поздороваться?/

/Нашел ли ты то, что искал?/

/Это ее ты называешь ребенком?/

/Она чем-то отличается от других людей?/

/Она в каком-то отношении особенная?/

Вглядываясь в поисках следов Рети, Двер старался не обращать внимания на этот голос. Он понятия не имел, почему иногда разговаривает с этой особенно разъедающей горной лужей. Хотя пси-способности известны Шести, Свитки отзываются о них враждебно. К тому же эта способность всегда распространяется на представителей своего вида — одна из причин, почему он никогда не рассказывал об этом своем необычном способе связи. Только представить себе, какие у него появятся прозвища, если людям станет известно!

Все равно я, наверно, все это просто воображаю. Какое-нибудь странное следствие моей одинокой жизни.

Необычное ползучее ощущение вернулось.

/Ты по-прежнему так себе меня представляешь? Как порождение твоего собственного сознания? Если так, то почему бы не проверить? Иди ко мне, мое никому не принадлежащее сокровище. Мое уникальное чудо! Приди в единственное место во вселенной, где тебя оценят по достоинству!/

Двер поморщился, сопротивляясь гипнотическому влиянию путаницы нитей, по-прежнему отыскивая среди камней и зарослей Рети. По крайней мере паук еще не схватил ее. Или он настолько жесток, что способен солгать?

Вот! Движение слева? Двер всмотрелся в западном направлении, прикрывая глаза от вечернего солнца. Что-то виднеется вблизи сплетенных нитей, всего на десять метров ближе к озеру; скрытое камнями, оно заставляет колебаться кусты. Прищурившись, Двер пожалел, что слишком поспешно бросил свой мешок: там находился его бесценный бинокль ручной работы.

Возможно, это ловушка, подумал он.

/Кто может заманить тебя в ловушку, мой особенный? Ты подозреваешь меня? Скажи, что

это не так!/

Ветер слегка стих. Двер сложил руки у рта и крикнул:

— Рети!

Причудливые эхо разбежались меж скал, насухо выпитые вездесущим мхом и пылью. Двер осмотрелся в поисках альтернативы. Он может соскользнуть вниз и с помощью мачете, привязанного к спине, прорубить себе дорогу. Но на это требуется бесконечно много времени, да и как будет реагировать Один-в-своем-роде, когда ему начнут отрубать пальцы?

Единственная реальная возможность — пробираться поверху.

Двер пятился до тех пор, пока ноги его не повисли в воздухе, потом набрал в легкие воздуха, разбежался… один, два, три шага… *прыгнул*, пролетел над джунглями переплетенных щупалец и с головокружительным толчком приземлился на вершине следующей плиты. Эта плита круто наклонена, так что времени на передышку не было. Пришлось быстро карабкаться, чтобы подняться на ее длинную, острую, как нож, вершину. Встав на нее, Двер развел руки и, покачиваясь, проделал десять шагов, прежде чем добрался до камня с более плоским верхом.

Ноздри Двера заполнились кислым резким запахом озера. Здесь больше щупалец было полно жизнью; щупальца дрожали, испуская ядовитую жидкость. Жидкость собиралась в углублениях изъеденного камня, и Двер у приходилось осторожно обходить эти лужи. А когда задел сапогом одну из луж, сапог оставил след пепла и запах горящей кожи.

Разбежавшись в следующий раз, он жестко приземлился на четвереньки.

— Рети! — снова крикнул он, подползая к переднему краю.

Барьер на берегу представлял собой сплошную путаницу зеленых, красных и желтых нитей, сплетенных в полном беспорядке. Внутри этой контролируемой путаницы Двер видел предметы — каждый в своем собственном углублении. Каждый окружен собственным сплошным прозрачным коконом.

Золотые предметы, серебряные предметы. Вещи, сверкающие, как начищенная медь или сталь. Трубы, сфероиды и какие-то прямоугольные формы. Вещи, покрытые пигментами или нанокрасками неестественных расцветок. Некоторые напоминают находки в развалинах буйуров; только находки обычно изуродованы,

искажены прошедшими столетиями. *Эти* образцы прошлого великолепия кажутся почти новыми. Подобно насекомым, застрявшим в янтаре, эти предметы сохранились в своих коконах нетронутыми ни стихиями, ни временем. И каждый предмет, Двер это знал, единственный в своем роде.

Не все образцы — изделия буйуров. Некоторые когда-то были живыми. Небольшие животные. Насекомые. Все, что слишком приблизится и привлечет коллекционное внимание сумасшедшего паука. Казалось невероятным, что существо, преданное разрушению — специально *разработанное,* чтобы выпускать разъедающие жидкости, — может также выделять и сохраняющую жидкость. И еще более поразительно, что оно хочет сохранять.

Снова возобновился шорох, доносящийся слева. Двер пополз в ту сторону, опасаясь увидеть девушку, пойманную и страдающую. Или какое-то другое мелкое существо, которое придется избавлять от страданий с помощью лука.

Он продвинулся вперед… и ахнул. То, что он увидел в нескольких метрах от себя, запутавшееся в паутине, было для него полной неожиданностью.

На первый взгляд похоже на птицу — джиджоанскую птицу — с типичной когтистой лапой для приземления, с четырьмя кожистыми крыльями и хвостом-щупальцем. Но Двер сразу понял, что это совершенно неизвестный вид — на таблицах брата такого нет. Крылья, отчаянно бившиеся, пытаясь освободиться от окутывающего клубка липких нитей, прикреплены совершенно неестественным способом. И бьются с такой силой, какой не может быть у живого существа этого размера.

В нескольких местах перья обгорели или оторвались. И в разрывах Двер заметил блестящий металл.

Машина!

Шок заставил его ослабить мысленную защиту, и щекочущий голос вернулся.

/Да, машина. Такой разновидности у меня никогда не было. К тому же она еще действует. Она живет!/

– Это я и сам вижу, — пробормотал Двер.

/Ты и половины всего не знаешь. Это поистине мой день!/

Дверу не нравилось, как мульк-паук не только проникает в его мозг, но и использует найденное там, чтобы производить правильные предложе-

ния на англике. Он говорит лучше самого Двера, потому что не запинается и не ищет слов. Двер находил нелепым, что так говорит существо, даже не имеющее лица, чтобы можно было ему ответить.

Фальшивая птица билась в ловушке. Вдоль ее покрытой перьями спины собирались прозрачные золотые капли, которые она пыталась стряхнуть. Большинство отбрасывала, прежде чем они затвердевали, образуя несокрушимый кокон.

Что бы это, ради Джиджо, могло быть? недоумевал Двер.

/Я надеялся, что теперь у меня есть ты, чтобы давать ответы./

Двер не был уверен, нравится ли ему то, как выразился Один-в-своем-роде. Но все равно времени для игры словами нет. Двер постарался забыть о жалости к пойманному созданию. Теперь нужно помешать *Рети* стать еще одним уникальным образцом в коллекции мульк-паука.

/Как я и подозревал. Этот маленький человек особенный./

Двер заглушил этот голос лучшим известным ему оружием — гневом.

/Убирайся из моего сознания!/

Подействовало. Присутствие на время исчезло. Двер снова поднял голову и крикнул:

— Рети! Где ты?

Ответ пришел сразу и с неожиданно близкого расстояния.

— Я здесь, придурок. Тише, или ты ее спугнешь! Он поворачивался, пытаясь одновременно смотреть во всех направлениях.

— Где? Не вижу…

— Прямо под тобой, так что заткнись! Я преследую эту штуку уже несколько недель! Теперь нужно понять, как ее оттуда вытащить.

Двер прополз еще немного влево, всмотрелся в путаницу нитей внизу — и заглянул прямо в черные глаза-бусинки улыбающегося нура! Лежа на спящей нити, словно это удобный насест, Грязнолапый слегка наклонил голову и в свою очередь смотрел на Двера. И вдруг, без всякого предупреждения, громко чихнул.

Двер с проклятием откинулся назад, вытирая лицо, а Грязнолапый невинно и счастливо улыбался.

— Тише, вы оба! Мне кажется, я вижу, как подобраться чуть поближе…

— Нет, Рети! Не нужно! — Не обращая внимания на нура, Двер снова подполз к краю и наконец

увидел девушку. Она была ближе к земле, держалась, расставив ноги по обе стороны толстой нити, и всматривалась в мрачную путаницу вокруг загадочной птицы.

— Тебе потребовалось много времени, чтобы догнать меня, — заметила Рети.

— Я… меня кое-что отвлекало, — ответил он. — Подожди секундочку. Ты должна кое-что знать… об этом… о мульк-пауке. — Он указал на окружающую паутину. — Она более… *опасна,* чем ты полагаешь.

— Эй, да я с детства знакома с паутиной, — ответила она. — Большинство мертво, но у нас в Холмах еще встречаются живые экземпляры, полные сока и яда. Я знаю, как с ними обходиться. — Она перебросила ногу через ветку и двинулась вперед.

В панике Двер выпалил:

— Разве ни один из этих пауков не пытался поймать тебя? Она остановилась, повернулась к нему лицом и усмехнулась.

— Это и значит быть сумасшедшим? О, охотник. Какое у тебя воображение!

Может, ты и права, подумал он. Может, поэтому он и не слышал ни о ком, кто разговаривает с кустами и озерами.

/Что, опять? Сколько раз еще мы должны разговаривать, чтобы ты убедился.../

Заткнись и дай мне подумать!

Присутствие паука снова отступило. Двер прикусил губу, пытаясь придумать что-нибудь, что угодно, чтобы удержать девушку, не дать ей еще больше углубиться в чащу.

— Послушай. Ты уже какое-то время следишь за этой птицей-машиной, верно? Поэтому ты так далеко прошла на запад? Она кивнула.

— Мальчишки увидели, как она поднялась с болота, дальше, у самой Трещины. Злой старый Джесс повредил ей крыло, но она улетела, оставив перо.

Она достала что-то из своей кожаной куртки. И прежде чем снова спрятала, Двер увидел блеск металла.

— Прежде чем идти за птицей, я стащила его у Джесса. Бедняжка, должно быть, ранена, потому что, когда я взяла след, она летала не так хорошо. Поднималась, пролетала немного, потом прыгала. Мне только раз удалось хорошо ее разглядеть. Наверху, в Риммере, она полетела вперед. А я добралась до Склона, и тут мне пришло в голову, что с каждым дуром здесь я рискую быть повешенной.

Она вздрогнула при этом воспоминании.

— Я уже собиралась сдаться и отправиться назад, когда услышала ночью стук. Пошла на него, и на минуту мне показалось, что часовой тит и есть *моя* птица! — Она вздохнула. — Тогда я и увидела тебя. Ты спал, а рядом с тобой лежал твой необычный лук. И я решила, что Джесс и Бом будут счастливы, когда увидят его, и не станут выбивать мне зубы за то, что я убежала.

Двер никогда не слышал этих имен, но решил, что веревка слишком хороша для некоторых сунеров.

— Так вот почему ты сюда пришла? Гналась за птицей? Рети ответила пожатием плеч.

— Не думаю, чтобы ты понял.

Напротив, подумал он. Именно так поступил бы он сам, если бы ему попалось что-нибудь такое же незнакомое.

/Как и я, не будь я прикован к одному месту, сдерживаемый собственными ограничениями. Разве мы не похожи?/

Двер выгнал паука — и в следующее мгновение у него возникла мысль, дающая надежду на выход. Но в это мгновение Рети соскользнула с ветки и начала продвигаться вперед, держа в руках нож, который Двер не нашел, когда ее обыс-

кивал накануне. Сверкнуло острое, как бритва, лезвие…

— Подожди. Я думаю, Рети… Разве не можем мы действовать вместе? Вдвоем нам легче будет выбраться.

Она остановилась и, казалось, обдумывала его предложение, вглядываясь в путаницу нитей.

— Слушаю.

Двер нахмурился, сосредоточенно подбирая слова.

— Послушай… никто на Склоне не видел такую действующую машину буйуров… задолго до того, как на Джиджо появились люди. Это важно. Я хочу извлечь эту штуку не меньше тебя.

Все это правда или было бы правдой, если бы главнейшей заботой Двера не было спасти жизнь девушки и собственную. *Выигрывай время,* думал Двер. *Остался только мидур светлого времени дня. Пусть отступится до завтра. И тогда ты сможешь утащить ее силой, если понадобится.*

– Продолжай, — сказала Рети. — Хочешь спуститься и рубить своим большим ножом? Ты все забрызжешь, если будешь рубить живые нити. Это очень больно, и сок повсюду плещется. — Она казалась заинтересованной.

— На самом деле я знаю способ, как достать

твою птицу, не задев ни одной ветви. Мы используем кое-что… из природных ресурсов, которые у нас под рукой.

— Да? — Она нахмурилась. — Тут только скалы, и земля, и… Глаза ее вспыхнули.

— Бу!

Он кивнул.

— Срежем несколько молодых побегов, вечером их свяжем, а завтра вернемся с мостиками и лестницами, чтобы перевалить через камни — и у нас будет достаточно палок-рычагов, чтобы проложить себе тропу по этому… — он взмахом указал на чащу, — не заливая себя соком или еще чем-нибудь. И вытащим твою птицу задолго до того, как она будет впечатана в хрустальное яйцо. Мы явимся к мудрецам с сюрпризом, от которого у хунов хребет встанет дыбом. Как тебе это нравится?

Двер видел недоверие в ее взгляде. Она очень подозрительна, а он никогда не умел хорошо лгать. Когда она оглянулась на пойманную машину, он понял, что она гадает, продержится ли та ночь.

— Она выглядит сильной, — сказал Двер. — Если продержалась эти несколько дней, одна ночь не составляет особой разницы.

Рети опустила голову и задумалась.

— Может, даже хорошо, если у нее крылья станут липкими. Не сможет улететь, когда мы ее освободим. — Она кивнула. — Ладно. Давай рубить бу.

Бросив еще один полный желания взгляд, Рети повернулась на толстой ветке и подняла руки, чтобы карабкаться вверх. Она внимательно разглядывала каждую опору, прежде чем довериться ей, отыскивала едкие ручейки, проверяла, выдержит ли ее очередная нить. Очевидно, она опытный путешественник.

Но с таким пауком Рети раньше никогда не встречалась. Пройдя примерно треть пути сквозь заросли, она неожиданно поморщилась, отдернула руку и посмотрела на единственную светло-золотистую каплю на обратной стороне запястья. Мгновение казалось, что она не испугалась, а просто очарована цветом.

— Быстрей, стряхни ее! — крикнул Двер.

Девушка послушалась. Капля полетела в листву. Но на ее месте с мягким шлепающим звуком возникли две новые. Капля появилась у нее на плече, еще одна — в волосах. Рети подняла голову, чтобы посмотреть, откуда они приходят, — и получила еще одну прямо посредине лба. С про-

клятием она попыталась смахнуть ее, но только размазала по щеке. Рети быстро попятилась.

— Не туда! — крикнул Двер. Он видел, как к ней устремились нити, из щелей которых выделялся золотистый сок. Рети в отчаянии зашипела, повернулась в другую сторону и получила еще несколько капель в волосы.

/Скажи, чтобы она не сопротивлялась. Боли не будет./ Рявканье Двера было бессловным, нечленораздельным, полным гнева; оно вышвырнуло мысленное прикосновение паука. Двер сбросил с плеча лук, оставил его на верху камня и начал спускаться к девушке. Краем глаза он заметил, что нур исчез, разумно почувствовав опасность. *В отличие от некоторых знакомых мне дураков,* подумал Двер, доставая мачете из ножен.

— Я иду, Рети, — сказал он, проверяя, выдержит ли его вес ветка. Двер видел, что Рети пытается подняться другим путем, легко уклоняясь от преследующих ее лиан.

— Не нужно! — отозвалась она. — У меня все в порядке. Мне не нужна твоя по… ой!

Ветка, которую она держала и которая казалась совершенно мертвой, неожиданно выделила целую полоску золотистой жидкости. Рети с проклятием отскочила. Несколько капель прилипли

к ее руке.

— Не три их! — крикнул Двер.

— Я не дура! — ответила она, отступая. К несчастью, тем самым она оказывалась в еще более сложном положении.

Сверкнул мачете Двера, искусно перекованный кусок буйурского металла. Разрубленная ветвь выглядела безжизненной, но Двер готов был отскочить, если только…

Но разлагающаяся, крошащаяся трубка разделилась, и из нее выделилась только липкая пыль. Хорошо, что он не стал использовать ее как опору. Это место ошибок не прощает.

Подвесив мачете за петлю, Двер опустился, отыскал подходящую ветку и осторожно доверил ей свою тяжесть; потом принялся проделывать горизонтальный разрез, чтобы опуститься еще ниже. Следующая опора тоньше и кажется менее надежной, но выбора у него нет. Но она по крайней мере не выделяет кислоту и не пытается обвиться вокруг его рук как змея. *Как ей удалось пробраться так далеко?* думал он, радуясь тому, что большинство щупалец мертво. Будь мульк-паук в лучшей форме, преграда была бы непреодолима.

— Двер!

Он повернулся, раскачиваясь на натянутой нити. Вглядываясь в полутьму, увидел, что Рети поднимается по расщелине, похожей на каминную трубу, которая, казалось, предоставляет возможность выбраться. Но только на середине подъема она заметила, что вверху что-то начало изгибаться. Еще один пучок живых щупалец… движется, преграждая ей путь к спасению. А тем временем у основания трубы происходило то же самое. На лице девушки появилось паническое выражение. Покраснев, она держала перед собой свой тонкий нож, искала взглядом уязвимое место врага. Но могла задеть только ближайшие нити, надеясь, что из них не польется купорос или золотая смерть.

Двер видел, как совсем недалеко от нее бьется в ловушке птица-машина,

Отпусти ее, Один-в-своем-роде, подумал Двер, приседая и прыгая вперед, вытянув обе руки, чтобы ухватиться за другую ветвь. К счастью, она выдержала, когда он повис над темным отверстием и дотянулся до следующей ветви, толщиной в ствол молодого деревца. *Пусть идет, или я…*

Он пытался найти продолжение, не зная, чем можно испугать мульк-паука. Может ли он сделать что-то большее, чем просто раздражать его

своим мачете? Может пригрозить, что уйдет и вернется с орудиями, которые уничтожат это древнее создание, с огнем и взрывчаткой, но Двер у это казалось слишком абстрактной угрозой. Паук не обладает сознанием перспективы, не осознает связи причин и следствий, он знает только настоящее и испытывает только *алчность*, соединенную с терпением, по сравнению с которым хун кажется суетливым нуром.

И к тому времени, как Двер сможет начать мстить, Рети будет заключена в золотой кокон, сохранена навечно… и мертва, как камень.

Давай поторгуемся, Один-в-своем-роде, проецировал он мысль, снова доставая мачете. *Что ты возьмешь в обмен на нее?*

Ответа не было. Либо Один-в-своем-роде слишком занят своими нитями и ядовитыми растворами, действуя с непривычной поспешностью, либо…

Молчание паука казалось странным и предательским. И еще самодовольным. Как будто паук не испытывал потребности в разговорах, получив два сокровища и уверенный в получении третьего. Поморщившись, Двер еще глубже погрузился в трясину ветвей. Что еще он может сделать?

Он перерубил еще три нити. Последняя выпу-

стила поток разъедающей жидкости, который образовал дугу между перекрещивающимися ветвями. С усеянной мусором поверхности внизу кольцами поднялся дым, усилив острый запах.

— Двер, помоги мне!

Теперь Рети была в западне, и чопорная гордость больше не могла сдержать нормальную панику испуганного ребенка. Сквозь путаницу нитей мульк-паука ее волосы блестели, как грива урской лудильщицы росистым утром, покрытые тонким покрывалом из золотистых капель. Под ударом ее ножа разлетелось щупальце — и его место тут же заняли два новых.

— Иду! — пообещал он, разрубая еще два троса, потом перебираясь на следующую ветвь, которая выглядела достаточно устойчивой. Но она провисла, и нога Двера, коснувшись прозрачной густой жидкости, выделившейся из этой ветви, скользнула. Он закричал, чувствуя, как уходит из-под ног опора.

Те же самые густые заросли, которые он недавно проклинал, уберегли его от сломанной шеи. Размахивая руками, он ухватился за ветку и повис в воздухе. Но вздох облегчения перешел в возглас боли. Прямо под подбородком в живых нитях пульсировала злая алая жидкость. На вет-

ке образовались пузыри, которые эта жидкость прорывала. Глаза Двера жгли едкие испарения.

/Нет, нет. Не думай, что я причиню тебе такой вред! Ты для этого слишком ценен!/

Перед слезящимся взором Двера пузыри перестали образовываться, красноватая жидкость отхлынула, покинула бьющиеся сосуды.

/Этот нектар для обычного камня. Для тебя, мой уникальный, только чистое золото./

Двер поморщился.

/Большое спасибо!/

Всмотревшись в сторону, он увидел еще одну путаницу около ног. Рискуя свалиться, оттолкнулся от отвратительной ветки, прервавшей его полет.

/Не стоит./

Теперь Двер был почти на уровне Рети, достаточно близко, чтобы видеть, что в ее взгляде паника сменилась озлобленной решимостью. Она пополам разрезала еще одну нить. И была вознаграждена мелким дождем капель, позолотившим руку, которой она закрыла лицо. Неожиданно Двер понял: *Она рубит не в том направлении!*

Вместо того чтобы самым коротким путем направляться к дневному свету, она углублялась в

путаницу щупалец, к механической птице!

Клянусь Ифни, нашла время для своей одержимости!

Внезапно запястьем Двер ощутил прохладу. Среди темных волосков лежала сверкающая капля-мениск. Он быстро отодвинулся, прежде чем сверху из поры в ветви упала вторая капля. Двер быстро стряхнул каплю, но даже после этого ощущал какое-то онемение, приятную прохладу. Так бывает, когда деревенский дантист накладывает измельченные в порошок листья нурала на десны пациента, прежде чем пустить в ход свое ручное сверло.

Теперь мачете был покрыт собственным липким покровом, который в отдельных местах уже начал кристаллизоваться. Разумеется, такой артефакт достоин коллекции — полоска материала звездных богов, приспособленная племенем дикарей к новому использованию в сумрачном месте, между пыльной землей и прекрасным небом. Двер мрачно поднял оружие и принялся рубить.

Необходима сосредоточенность, поэтому он с целенаправленностью охотника не обращал внимания на зловоние и скрипучую пыль. Лоб, лицо и шея покрылись потом, но он не решался

его вытереть. Несомненно, он выглядит, как Рети, которая теперь блестит, словно волшебная сладость, украшенная каплями меда. Двер и не пытался крикнуть ей, чтобы она повернулась и направилась к нему. Учитывая ее упрямство, можно поберечь дыхание.

Оглянувшись, он заметил, что путь для отхода все еще кажется свободным — туннель в окружении срубленных ветвей и перерезанных нитей. Один-в-своем-роде может привлечь больше сил, но мульк-паук медлителен и стар. Приближаясь к клетке Рети, Двер был уверен, что способен помешать намерениям паука, если тот их осуществит. Теперь он хрипло позвал:

— Хорошо, Рети. Хватит глупостей. Давай убираться отсюда.

Девушка была в дальнем конце прорубленного ею прохода; мимо ветвей, преграждавших путь, она смотрела на птицу-машину.

— Эй, она меня заметила! Повернулась!

Дверу было все равно, даже если бы птица встала на голову и на Галактическом три с буйурским акцентом произнесла приветственную речь. Он перерезал еще один трос и закашлялся от ядовитых испарений, которые испускали разрубленные концы.

— Рети, у нас нет времени!

Когда дым рассеялся, он приблизился и увидел, что птица-машина приподнялась в своей клетке, глядя в небо и не обращая внимания на мелкие капли, которые как туман оседали на ее покрытую перьями спину. Рети, по-видимому, тоже заметила, что внимание птицы сместилось. Она посмотрела вверх, и Двер услышал доносящееся оттуда резкое бормотание.

Это всего лишь проклятый нур.

За пересечением нитей он увидел Грязнолапого. Куда бы ни убегал нур, он вернулся. Только теперь он стоял на задних лапах, приподняв мускулистое тело, откинув усатую узкую морду, и рычал на что-то невидимое с южной стороны.

Взгляд Двера уловил еще какое-то движение. Как змея в приступе эпилепсии, в поле зрения появилась перерубленная нить, частично закрывая проделанное Двером отверстие. Ее порывистые движения казались трогательными, но вслед за первой появилась вторая, потом третья.

— Рети! — закричал он, собираясь рубить оставшуюся между ними преграду. Не дожидаясь ее ответа, он обеими уставшими руками поднял тяжелое мачете и тремя ударами перерубил толстый стебель, преграждавший дорогу. *Не трать*

силы зря, Рети, про себя молил он, понимая, что бесполезно что-то говорить вслух.

С раздраженным возгласом Рети повернулась, отказываясь от своего сокровища, и набросилась на тонкие нити, разрубая их маленьким ножом, а потом гибко протиснулась между ними. Узкий проход покрывал ее золотыми каплями, так что теперь она напоминала пирожное с ореховым кремом. Двер безжалостно рубил и наконец оказался достаточно близко, чтобы просунуть руку в клетку.

Рети схватила его за запястье.

Двер расставил ноги и потянул, потащил ее сквозь темное зловонное отверстие. Их продвижение сопровождал низкий стон. Двер не мог бы сказать, кто стонет: она, он или они вместе.

Наконец она высвободилась и вцепилась в него с неожиданной силой, охватила руками и ногами. Двер понял, что под ее внешней бравадой кроется отчаянный ужас.

— Нам нужно торопиться, — сказал он и потянул ее за руку.

Рети сопротивлялась лишь мгновение, затем согласилась.

— Хорошо, пошли, — выдохнула она. Он руками подтолкнул ее, и она начала карабкаться

по узкому проходу-трубе, которую он вырубил в зарослях. */Так быстро уходите? Неужели я такой плохой хозяин?/*

– Высохни и сгори, Один-в-своем-роде, — пробормотал негромко Двер, поднимаясь вслед за Рети, доверившись ее инстинкту, который выведет их отсюда.

/Когда-нибудь, несомненно, так и будет. Но к тому времени я сохраню большое наследие./

/Только подумай! Когда Джиджо перестанет быть невозделанной планетой и новые жители получат этот мир в свое владение в сверкающем великолепии, они с восторгом будут смотреть на сохраненную мной коллекцию. В своих сверкающих гордых городских башнях они будут хранить мои образцы интервала, поставят на пьедесталы, чтобы все могли их увидеть. И самым главным среди этих образцов будешь ты, моя добыча, мое сокровище. Возможно, лучший сохранившийся экземпляр твоей давно исчезнувшей расы./

Двер удивился: паук глубоко проник в его сознание и извлек такие слова, которые он сам не всегда помнит: *интервал* или *экземпляр.* Наверно, Ларк пользовался ими в его присутствии, и они сохранились где-то в глубине памяти.

Это ты вымрешь, паук! Ты и все твое проклятое племя,

На этот раз гневный ответ не оттолкнул мысленное прикосновение паука.

/К тому времени — несомненно. Но нашу конструкцию всегда можно отыскать в Великой Галактической Библиотеке, и мы слишком полезны, чтобы о нас забыли. Всякий раз, как понадобится эвакуировать планету, очистить ее и дать возможность побыть невозделанной, везде, где потребуется уничтожить грандиозные творения прежних обитателей, превратить их в пыль, там снова возникнем мы./

/Может ли ваше племя невежественных обезьян претендовать на такую же полезность, моя драгоценность? Есть ли у вас вообще какая-то "цель"? Кроме цепкого стремления к выживанию?/

На этот раз Двер не стал отвечать. Ему необходимо было хранить силы. Если спуск был ужасен, подъем превратился в настоящий ад. Рубить нити над головой, откинувшись назад, вдвое труднее, чем пробираться вниз. Вдобавок к опасности ядовитых выделений извивающихся нитей им с Рети приходилось пробираться сквозь дождь золотистых капель. Теперь было уже не до

стряхивания отдельных капель. Лишь бы избежать настоящих потоков и не дать им залепить глаза, нос и уши. Сквозь мерцающие испарения Двер видел, как наверху собирается все больше ползущих ветвей — они собираются с невероятной быстротой. Очевидно, Один-в-своем-роде не собирался сдаваться.

/А чего ты ожидал? Что я покажу тебе все, на что способен…

/… что я покажу тебе все…/

/… что я покажу тебе…/

Когда голос в голове Двера стих, его первой реакцией было облегчение. У него хватает других забот: растянутые мышцы шеи, рука, которую словно окунули в чан ювелира и которую начинает сводить от непрерывных ударов, ударов, ударов. Если бы только заткнулся этот визгливый нур! Визг Грязнолапого только набирал силу, поднимаясь за пределы восприятия Двера, но по-прежнему вызывал ощущение, что под черепом побежали ручейки.

И сквозь все это пробивалась еще одна настойчивая тревога.

Я оставил глейвера привязанным. Если мы не вернемся, он умрет от жажды.

– Влево! — крикнула Рети. Он быстро повино-

вался, свернув как можно дальше, доверяя ее быстрым реакциям и увернувшись от желтых капель.

— Чисто! — снова крикнула она.

Мачете выскользнул. Двер трижды брался за петлю на запястье, прежде чем смог снова начать рубить тонкие нити, заполняющие проход над головой. Он рубил в быстро сгущающихся сумерках. Если они не выберутся до наступления темноты, все преимущества будут на стороне безумного мульк-паука.

Теперь шум, который он раньше старался не замечать, стал слишком громким, чтобы его игнорировать. Низкий гром перекрыл лай нура. Заросли вокруг Двера и Рети задрожали. Несколько хрупких ветвей рассыпались в пыль, другие разрывались, выделяя ядовитую жидкость: красную, оранжевую, молочную, добавляя ядовитые испарения к тем, что уже жгли глаза людей. Двер, мигая, посмотрел вверх и увидел Грязнолапого, который торопливо отступил, и в поле зрения появилось что-то новое — что-то *висящее* в воздухе без видимой опоры.

Машина! Симметричная плоская фигура с блестящими боками, которые отражают солнечный свет, пролетела над зарослями.

Неожиданно из ее брюха вырвался ослепительный свет, проникший в глубину зарослей. Тонкий луч миновал Двера и Рети и углубился, словно в поисках чего-то.

— Оно охотится за птицей! — Рети скорчилась рядом с Двером, схватила его за руку и показала.

— Забудь проклятую птицу! — крикнул он. Заросли тряслись все сильней. Мимо промелькнула членистая труба, выбрасывая ядовитую жидкость. Двер, ощущая огненную боль в спине, успел заслонить девушку. Его поле зрения покрылось пурпурными пятнами, мачете выскользнуло из петли, упало и со звоном покатилось вниз.

Теперь казалось, что вся чащоба ожила, ее заполнили темные беглые тени: поисковый луч машины сузился, стал тонким, как игла, и сжигал все, к чему прикасался.

В этом свете Двер разглядел птицу-машину, пойманную в клетку из веревочной сети и покрытую золотой паутиной. Теперь птица вырвалась и прыгала взад и вперед, пытаясь увильнуться от жгучего луча; ее перья уже местами обгорели.

Рети гневно крикнула, но люди больше ничего не могли сделать.

Наконец птица как будто сдалась. Она перестала уворачиваться, расправила все четыре крыла

в жалкой попытке создать щит, который сразу задымился, когда ослепительный луч нашел цель и остановился. Только маленькая птичья голова торчала наружу, смотрела на агрессора одним открытым глазом.

Двер в зачарованном ужасе и оцепенении, смешанном с жалостью, видел, как глаз неожиданно *взорвался.*

Последнее, что он мог впоследствии вспомнить, была ослепительная вспышка.

VII . КНИГА МОРЯ

Не делайте яды, которые не сможете использовать. Используйте все сделанные вами яды. Если кто-то другой должен чистить за вами, не оскорбляйтесь, если от вас ожидают плату.

Свиток Совета

Рассказ Олвина

И вот не успели мы прибыть на верхнюю платформу поезда после долгого подъема от порта Вуфон, не успели Гек, Клешня и я выйти из вагона (маленькая Хуфу ехала на удачу на панцире Клешни), как галопом прискакала наша урская приятельница Ур-ронн, возбужденная и встревоженная. Даже не сотворив приветственную церемонию, она прыгала, махала взад и вперед своей узкой головой и шипела на ужасной версии Галдва, которую усвоила, должно быть, когда была еще размером с личинку и бродила по травам равнины Уор-рил. Вы знаете, о каком диалекте я говорю, — в нем опускаются все двойные щелканья, так что я смог вначале только разобрать басовый тон, передающий крайнее возбуждение.

Больше того, она начала *щипать* нас, словно мы стадо глупых ослов, которых нужно гнать вверх по холму.

— Хррррм! Подожди немного! — сказал я. — Если будешь продолжать вести себя, как сумасшедшая, лучше не станет. В конце концов — *уйбауангуау!*

Да, это горловой крик хунов, выражающий

боль. Гек переехала мне колесом левую ногу.

— Перестань, Олвин. Ты ведешь себя, как твой отец! *Мой отец!* подумал я. *Как нелепо!*

– Разве ты не слышал Ур-ронн? — продолжала Гек.

Несколько раз раздув горловой мешок, я пробежал последние несколько дуров, собрав воедино то, что прокричала Ур-ронн.

Все равно нелепые слова, мы и раньше рассказывали друг другу немало выдумок.

— Хр-р-р-р — *звездный корабль?* — Я смотрел на нашу урскую подругу. — Ты говоришь серьезно? Не комета, которой ты пыталась надуть нас в прошлом году?

Ур– ронн топнула передним копытом: я ее задел. Перейдя на англик, она поклялась:

— На этот раз все правда! Поверьте мне! Я слышала, как об этом говорили Уриэль и Гифц. Они поймали его на пластинки!

На пластинки, перевел я ее трудно различимые из-за раздвоенной губы согласные англика. На *фотографические пластинки.* Может, на этот раз в словах Ур-ронн что-то есть.

— А мы можем посмотреть? — спросил я. Урский стон раздражения.

— Вы глупцы в мехе и чешуе! А что я вам

пытаюсь сказать с того момента, как поезд остановился?

— О! — Я поклонился, взмахнув одной рукой. — Тогда чего же мы ждем? Пошли!

Много лет назад кузнец Уриэль унаследовала мастерские на горе Гуэнн от Ур-танн, которая была наследницей-вассалом Уленнку, которая получала обширную подземную кузницу от своего собственного умирающего учителя, великой Ур-нуру, которая восстановила эти могучие залы после мощного землетрясения в год Яйца; тогда весь Склон дрожал как отряхивающийся нур. А еще до этого предание уходит в туманные времена до того, как люди принесли с собой бумагу, когда всякую мудрость приходилось запоминать или она утрачивалась. К тем дням, когда урским поселенцам приходилось сражаться и доказывать, что они не дикари, населяющие травянистые равнины и оспаривающие у представителей более высокой касты квуэнов все, чем те обладают.

Во время наших походов в поисках приключений Ур-ронн часто пересказывала эти легенды. Даже если учесть неизбежные преувеличения, все же это были храбрые уры, которые поднимались на вершины вулканов, чтобы строить

первые грубые кузницы у огненных озер лавы, пробираясь через пепел и постоянные опасности, чтобы научиться перерабатывать буйурский металл и навсегда уничтожить монополию Серых Королев на орудия.

По– своему мы даже радовались, что люди не появились раньше, потому что все ответы нашлись бы в их книгах: как делать ножи, и линзы, и окна, и все прочее, Конечно, это облегчило бы положение остальных рас и освободило бы от господства квуэнских резчиков по дереву. С другой стороны, достаточно было послушать неразборчивый рассказ Ур-ронн, чтобы понять, как гордится ее народ этими трудами и жертвами.

Понимаете, они сделали это сами — завоевали свободу и самоуважение. Спросите любого хуна, как мы себя будем чувствовать без наших качающихся кораблей. Земляне внесли множество усовершенствований, но никто не давал нам море! Ни далекие патроны гутатса, ни Великая Галактическая Библиотека, ни наши эгоистичные предки, которые выбросили нас, наивных и неподготовленных, на Джиджо. Мы гордимся тем, что сделали это сами.

Гордость очень важна, когда у вас ничего другого нет.

Прежде чем заходить в ад-кузницу, Клешня набросил поверх своего мягкого красного панциря смоченный в воде плащ. Я плотнее запахнул свой плащ, а Гек проверила очки и защитные колпачки осей. Затем Ур-ронн провела нас через перекрывающие друг друга кожаные занавеси в глубину мастерской.

Мы прошли по подвесной дорожке из обработанных стволов бу, ведущей между булькающими бассейнами, раскаленными добела внутренним жаром Джиджо. Искусно направленные поднимающиеся потоки относили ядовитые испарения к каменным отражающим перегородкам, а оттуда — наружу, так что они ничем не отличались от паров, вздымающихся со склона горы Гуенн.

Над головой висели огромные корзины: одна с буйурским металлоломом, другая — со смесью песка. Они ждали, пока их содержимое опрокинут в пылающий жар, а потом разольют по формам. Рабочие уры тянули блоки и ковши. Другие вертели большую каплю из жидкого стекла на конце трубы; вращаясь, она образовывала сверкающий диск, который, утончаясь, затвердевал и превращался в *окно* для дома где-то далеко отсюда.

Им помогали несколько серых квуэнов, которые, по иронии Джиджо, оказались второй расой,

приспособленной для таких условий. Серые могли быть более счастливы, когда их королевы правили Общиной. Но я никогда не мог прочесть выражение их каменных куполов. И часто удивлялся, как наш порывистый эмоциональный Клешня может быть их родственником.

Подальше от жары с полдесятка г'кеков раскатывали по гладкому полу, дергая многочисленные рычаги, а специалист треки с дрожащими синтезирующими кольцами испытывал каждую смесь, чтобы удостовериться, что изделие мастерской проржавеет или распадется меньше чем за двести лет, как того и требуют мудрецы.

Некоторые ортодоксальные поклонники Свитков утверждают, что у нас вообще не должно быть кузниц, что это тщеславие, отвлекающее нас от спасения через забывание. Но я считаю это место замечательным, хотя дым разъедает мне горловой мешок и от него у меня зудит спинная чешуя.

Ур– ронн еще через несколько занавесов провела нас в Лабораторный Грот, где Уриэль изучает тайны своего мастерства -и те, что тяжелым трудом добыты ее предками, и те, что извлечены из человеческих текстов. Здесь хитроумно проведенные ветерки освежают воздух, позволив нам

ослабить защиту. Клешня облегченно сбросил тяжелый плащ, смочил свой красный панцирь в душе-алькове. Хуфу энергично плескалась, пока я протирал губкой свой мешок. Ур-ронн держалась на удалении от воды, недолго повалявшись в чистом сухом песке.

Гек проехалась по коридору, в который выходило множество дверей, заглядывала в лабораторные помещения.

— Хссс! Олвин! — настойчиво прошептала она, маня меня одной рукой и двумя глазными стебельками. — Иди посмотри. Хочешь угадать, кто здесь?

– А кто? — просвистел Клешня, оставляя за собой пять рядов влажных отпечатков. Ур-ронн искусно избегала наступать на влагу своими цокающими копытами.

Я уже догадался, о ком говорит Гек, поскольку ни один пассажирский корабль не может зайти в Вуфон, чтобы об этом не знал хозяин гавани — моя мать. Она ничего не говорила, но я из подслушанных обрывков разговоров знал, что последний корабль с мусором привез важного пассажира-человека. Он высадился ночью и сразу направился к поезду на гору Гуенн.

— Хрррм. Готов спорить на сладкую сердцевину

бу, что это еще один мудрец, — сказал я еще до того, как подошел к двери. — Мудрец из Библоса.

В заднем глазе Гек отразилось разочарование, и она, уступая нам место, проворчала:

— Удачная догадка.

Я знал эту комнату. Много раз во время прошлых посещений я стоял у входа и смотрел, что происходит внутри. В огромном помещении находилась таинственная машина Уриэль — путаница приводных ремней, кабелей и вращающегося стекла, которая наполняла сводчатый зал гулом, подобно тем викторианским фабрикам, о которых мы читали в романах Диккенса. Только эта машина, насколько можно судить, вообще ничего не производила. Только бесчисленные отблески света от вращающихся хрустальных дисков, которые мчались, подобно сотням призрачных маленьких г'кеков, бешено и тщетно двигались, никуда не приходя.

Я увидел гостя-человека, который сидел у тростникового стола с раскрытым перед ним бесценным фолиантом и указывал на диаграмму, а Уриель раскачивалась в круге, время от времени поднимая одно копыто или несогласно тряся своей гривастой головой. Отороченные серым ноздри кузнеца раздраженно раздувались.

— Со всем уважением, мудрец Фуровский, вы могли вы отправиться на Собрание, вместо того чтобы являться сюда. Не вижу, каким образом ваше присутствие поможет решить нашу проблему…

Человек был в черном плаще младшего мудреца, из числа тех, что живут в священных залах Библоса в обществе полумиллиона печатных томов, изучая мудрость, постигнутую более чем за триста лет. Он красив, с точки зрения хуна, что происходит тогда, когда у человеческих самцов на голове вырастает седой мех и они позволяют волосам на лицах отрастать, причем впечатление еще усиливается благородным длинным носом. Этот достойный мудрец так сильно стучал пальцем по древней странице, что я побоялся: он может повредить бесценный текст.

— Но я вам говорю, что этот алгоритм — именно то, что вам нужно! Его можно осуществить в десять раз быстрее, с гораздо меньшим количеством частей, если только вы обдумаете…

Не могу описать, что последовало, потому что разговор шел на диалекте англика, который называется инженерией, и даже моя хунская память не позволяет записывать слова, которых я не понимаю и не могу произнести. Мудрец,

должно быть, прибыл, чтобы помочь Уриэль в ее проекте. Всякий, кто ее знает, мог бы предсказать, что Уриэль будет сопротивляться.

За этими двумя я увидел Урдоннел, молодого урского техника, которой мастер доверила общее обслуживание машины, уходящей в полутьму: свет в помещение проникал через единственное окно вверху. Урдоннел всматривалась в дрожащее, скрипящее собрание частей, то подтягивая эластичную передачу, то смазывая подшипник. Как старший ученик, она была всего в двух копытах от того, чтобы стать наследницей Уриэль.

Единственным другим кандидатом в наследники была Ур-ронн, отчасти из-за школьных успехов нашей приятельницы, а также потому, что она ближайшая родственница Уриэль, которой удалось вырасти из степной личинки и стать взрослой. Конечно, Урдоннел здесь работает, присматривает за личным проектом мастера, и это увеличивает ее шансы, хотя огромная машина ей явно не нравится.

Среди вертящихся дисков, проводя тонкую регулировку, мелькали миниатюрные кентавры, уры — самцы, которых обычно трудно увидеть за пределами сумок их жен. По строгим приказам Урдоннел они натягивали линии передач и поя-

са. Вероятно, проявляют стремление к равенству, подумал я. Наклонившись, я прошептал Гек:

— Вот и все разговоры о — хр-хрррм — о *звездных кораблях. Если* бы они действительно видели такой корабль, сейчас не занимались бы глупыми механизмами.

Ур– ронн, должно быть, услышала. Она повернула свою длинную морду с обиженным выражением. Два из трех ее глаз сузились.

— Я слышала Уриэль и Гифца, — просвистела она. — Да и что можете вы знать?

— Достаточно, чтобы понять, что все это вертящееся стекло никакого отношения к космическим кораблям не имеет!

Даже если бы мы не кричали друг на друга, нам нелегко было бы *незаметно подглядывать*, как приходится об этом читать в человеческих детективных рассказах. И все же находившиеся в комнате могли нас не заметить, если бы нур Хуфу не выбрала именно этот момент, чтобы изо всех сил залаять на вертящиеся шкивы и диски. Прежде чем мы что-то успели сделать, она вспрыгнула на кожаный пояс и как сумасшедшая побежала на месте, рыча на двух отшатнувшихся урских мужей.

Урдоннел заметила это, замахала руками, де-

монстрируя яркие железы под обеими сумками для вынашивания потомства.

— Это событие означает? Оно означает? — требовательно спросила она с вопросительной дрожью. Волнение ее усилилось, когда мастер повернула поседевшую морду и посмотрела в сторону шума.

Вопреки сложившемуся стереотипному представлению, хун может действовать быстро, если видит необходимость этого. Я схватил Хуфу, бормоча свои лучшие извинения, и присоединился к остальным, подготовившись к выговору.

– Поведение (поразительно, ужасающе) неприемлемое, — заявила Урдоннел на Галдва. — *Помеха важнейшему совещанию, причиненная (мошенническими, микроцефальными, невоспитанными)…*

Вмешалась Уриэль, прервав поток оскорблений Урдоннел, прежде чем та спровоцировала разгневанную, топающую Ур-ронн на ответ в том же роде.

— Достаточно, Урдоннел, — приказала мастер на Гал-семь. — Пожалуйста, отведи молодежь к Гифцу, у которого есть к ним дело, и побыстрей возвращайся. Сегодня нам нужно запустить еще несколько моделей.

— Слушаюсь, — ответила Урдоннел на том же языке. Повернувшись к нам с агрессивным вытягиванием шеи, старшая ученица сказала:

— Идемте, вы, шайка джики *авантюристов.* Она вложила в эти слова свое презрение, что возможно на Галсемь, хотя не так выразительно, как на англике.

— Пошли быстрей. Было решено принять ваше предложение.

Ваш великий план.

Вашу экспедицию в ад — в один конец.

VIII . КНИГА СКЛОНА

Легенды

Говорят, что глейверы — пример для нас всех. Из всех семи рас, ставших изгнанниками на Джиджо, они одни избежали тюрьмы, созданной для нас предками. Они сделали это, найдя тропу Избавления и пройдя по ней.

Теперь они невинны, они больше не преступники, они стали едины с Джиджо. Со временем они даже могут быть обновлены, заслужив благословенный редчайший шанс — второй шанс подняться к звездам.

Людей, младшую разумную расу, появившуюся на Джиджо, раздражает то, что они не встречались с глейверами как с мыслящими, говорящими существами. Даже хуны и уры появились здесь слишком поздно, чтобы знать их в лучшей форме, когда, как говорят, глейверы обладали могучим интеллектом и способностью к глубокой расовой памяти. Глядя, как их потомки роются в наших помойках, трудно представить себе расу межзвездных путешественников, патронов трех благородных кланов клиентов.

Какое отчаяние привело их сюда и заставило искать спасение в забвении?

Устные легенды г'кеков утверждают, что это результат финансовых неприятностей.

Некогда (утверждают предания г'кеков) глейверы принадлежали к тем редким племенам, которые обладали способностями к общению с зангами — водорододышащей цивилизацией, существующей отчужденно от общества рас, которые дышат кислородом. Эта способность позволила глейверам выступать в качестве посредников и принесла им огромное богатство и престиж. Но одна-единственная ошибка в контракте лишила их удачи и вызвала огромный долг.

Говорят, великие занги терпеливы. Долг следовало выплачивать в течение семисот тысяч лет. Но проценты были так велики, что глейверы и их любимые клиенты были безнадежно обречены.

Глейверы могли продать только одно, самое драгоценное, что у них оставалось.

Это были они сами.

Собрание легенд Семи на Джиджо. Третье издание.

Департамент фольклора и языков.

Библос. 1867 год изгнания

Аскс

Корабль вскоре улетел, подняв, как и во время посадки, тучу обломков нашего бедного разорванного леса. За ним следовал торнадо, как будто призрачная рука самой Джиджо пыталась схватить и удержать его.

Увы, этот отлет не послужил причиной для радости, потому что экипаж обещал вскоре вернуться. И подтверждение этого обещания находилось рядом с оставленным им при посадке шрамом — черный куб размером с половину полета стрелы, без всяких внешних черт, кроме рампы, ведущей к зияющему люку.

Поблизости располагались два хрупких матерчатых павильона, перенесенных с Собрания по просьбе звездных богов, оставшихся после отлета корабля. Один павильон служил местом переговоров, а второй, больший по размерам, для “осмотра образцов”. В этом павильоне уже работала небольшая группа людей-пришельцев, скармливая черным загадочным машинам образцы жизни Джиджо.

Все собравшиеся испытали шок. Несмотря на призывы мудрецов к единству, многие расы и

кланы раскололись, все искали убежища у своего племени. От одной группы к другой переходили посланники, переговоры велись в глубокой тайне. И лишь посыльных самой младшей расы — людей — все отвергали.

В этот момент никто, даже треки, не желали разговаривать с людьми.

Сара

В середине дня река углубилась в страну каньонов. Словно вспомнив о каком-то срочном поручении, вода торопливо понеслась меж берегов, заросших колючими кустарниками, прижимаясь к изъеденным склонам. Сара помнила эти пустыни по детским походам за окаменелостями вместе с Ларком и Двером. Хорошие были времена, несмотря на жару, несвежую еду и вездесущую пыль. Особенно когда с детьми была Мелина, до того, как продолжительная болезнь не погубила ее, превратив Нело в старика.

Мягкий акцент их матери, вспомнила Сара, по мере продвижения на юг становился все заметней. И открытое небо никогда не вызывало у нее страха.

Экипаж *Хауф-вуа*, напротив, с каждой лигой продвижения на юг все больше тревожился, особенно после утреннего эпизода бессмысленного пиратства у разрушенного моста. Моряки — хуны явно предпочли бы переждать день под каким-нибудь скальным навесом. Но капитан, с громким выделением газов из своего фиолетового мешка, напомнил им, что это не прогулочный рейс с

мусором, а срочное дело для всей Общины.

Преобладающий западный ветер обычно наполняет паруса корабля, идущего вверх по течению. Там, где течение становится сильнее, расположены тщательно замаскированные ветряные мельницы, и их операторы помогают кораблю подниматься: мельницы улавливают ветер с высоких холмов и направляют его в нужную сторону. Но первая такая мельница пролетела мимо, никто не вышел из стоящей по соседству хижины, никто не ответил на призывы, а полмидура спустя оператор следующей мельницы не успел закончить приветственную церемонию, как река унесла *Хауф-вуа* за пределы досягаемости.

Как тяготение времени, подумала Сара. *Тащит тебя в будущее до того, как ты готова, и оставляет позади след сожалений.*

Если бы только жизнь позволила ухватиться за дружеский буксирный трос, вернуться в прошлое, получить шанс изменить свой поток жизни.

Что бы она сделала, если бы получила возможность прожить заново последние год-два? Помогло бы знание будущего отвратить сладкую боль, когда отдаешь свое сердце туда, где ему не место? Даже зная характер Джошу, могла бы она

отказаться от этих месяцев бурного счастья, когда она делала вид, что он может принадлежать только ей?

Могло ли такое знание помочь спасти его, сохранить ему жизнь?

Незваный и нежеланный, из памяти возник образ. Воспоминание о том дне, когда она бежала из крепости Библоса, сжимая свои книги и таблицы, убежала домой, в древесный дом над дамбой Доло, чтобы погрузиться в науку.

— черные знамена, плещущиеся на ветерке, который пролетает над тяжелыми каменными крышами замка…

— жужжащие воздушные змеи натягивают привязь, бормочут свои жалобы во время церемонии размельчения Джошу и других жертв чумы…

— высокая светловолосая женщина, только что прибывшая на корабле из далекого города Овум, стоит у носилок Джошу, исполняя долг жены, накладывает на лоб извивающийся тор, который превратит смертную плоть в сверкающий кристаллический порошок…

— спокойное холодное лицо мудреца Теина, обрамленное гривой волос, похожих на буйурскую сталь; мудрец прощает Саре ее неблагоразумное

поведение, ее “увлечение” простым переплетчиком… и возобновляет предложение о более подходящем союзе…

— ее последний взгляд на Библос, на высокие стены, блестящие библиотеки, поросшие лесом склоны над городом. Часть ее жизни, пришедшая к концу так же бесповоротно, как если бы *она* умерла.

Прошлое полно горечи, говорят Свитки. — *Только тропа забвения ведет к окончательному Избавлению.*

За резким, полным ужаса криком последовал грохот разбивающейся посуды.

— Мисс Сара! — послышался голос с придыханием. — Идите быстрей! Все идите!

Она торопливо отошла от правого борта и увидела возбужденно пыхтящего Пзору, он умоляюще размахивал тонкими руками-манипуляторами. Сердце у Сары забилось, когда она увидела пустой матрац Незнакомца и отброшенные в беспорядке одеяла.

Его она увидела в углублении между тремя бочками с человеческим мусором, он сжимал в руках острый осколок глиняной посуды. Глаза раненого были широко раскрыты и дико уставились на аптекаря — треки.

Пзора привел его в ужас, поняла Сара. *Но почему?*

– Не бойся, — успокаивающе сказала она на Галсемь, медленно выходя вперед. — Страх в наше время неуместен.

Сверкая белками над зрачками, он перевел взгляд с нее на Пзору, словно не в силах представить себе их в одном окружении, в одной мысли.

Сара перешла на англик, поскольку некоторые жители далеких береговых поселков пользуются почти исключительно этим языком.

— Все в порядке. Правда. Ты в безопасности. Ты был ранен. Тяжело ранен. Но теперь ты поправляешься. На самом деле. Ты в безопасности.

Некоторые слова вызывают более быструю реакцию, чем другие. Казалось, “в безопасности” ему понравилось, поэтому она повторила это дважды, протягивая руки. Незнакомец тревожно оглянулся на Пзору, но Сара передвинулась, чтобы закрыть собой треки, и напряжение слегка спало. Глаза его сузились, сосредоточились на ее лице.

Наконец он со вздохом сожаления выпустил из дрожащих пальцев обломок.

— Хорошо, — похвалила его Сара. — Никто не причинит тебе вреда.

Хотя первоначальный приступ паники прошел, Незнакомец продолжал оглядываться на аптекаря деревни Доло, качая головой в удивлении и явном отвращении.

— Проклят… проклят… проклят…

— Будь вежлив, — уговаривала она, подкладывая ему под голову сложенное одеяло. — Без мазей Пзоры ты бы не смог так приятно путешествовать на корабле в город Тарек. И зачем тебе бояться треки? Кто когда-нибудь слышал о таком?

Он помолчал, помигал, потом возобновил жалкие попытки заговорить:

— А-джо… а-джоф… джоф…

Неожиданно Незнакомец в раздражении закрыл рот, плотно поджал губы. Поднял левую руку к голове, к бинтам, покрывающим ужасную рану, но остановился на полпути, словно прикосновение превратит его худшие страхи в реальность. Опустив руку, он вздохнул — низким дрожащим звуком.

Что ж, по крайней мере он пришел в себя, подумала Сара об этом чуде. *Он в себе, и у него нет лихорадки.*

Шум привлек зевак. Сара попросила всех отойти. Если треки может вызвать у раненого приступ паники, что подумает он, увидев самца квуэна, с

его поднятыми острыми шипами для карабканья вдоль каждой ноги? Даже в наши дни некоторые люди не хотят, чтобы кто-нибудь из Шести находился поблизости.

Так что следующий звук Сара меньше всего ожидала услышать…

Смех.

Незнакомец сел, разглядывая собравшихся пассажиров и экипаж. Смотрел на Джому, сына взрывника, который забрался на широкую спину Блейда и держался за голову-купол, торчащую из-под голубого панциря квуэна. Блейд всегда ласково обращался с детьми, и дети Доло его любили, но Саре это не казалось чем-то необычным. Однако Незнакомец показывал на них пальцем и смеялся.

Повернувшись, он увидел моряка, который бросал кусочки своему любимому нуру, в то время как другой хун терпеливо позволил Прити, шимпанзе, вскарабкаться на свое широкое плечо, чтобы лучше видеть. Незнакомец сухо недоверчиво рассмеялся.

Он удивленно смотрел на танцора-писца г'кека Фейкуна, который перевернулся, давая отдых колесам, и располагался между Пзорой и урской лудилыцицей Ульгор. Фейкун разглядывал чело-

века парой качающихся глазных стебельков, а остальными двумя словно спрашивал у соседей: *Что происходит?*

Незнакомец захлопал в ладоши, как обрадованный ребенок, и расхохотался так, что слезы побежали по его темным тощим щекам.

Аскс

Столетие просвещения, вызванного Святым Яйцом, и вся предыдущая тяжелая работа по установлению Общины — все это словно забылось в один день. Теперь редко можно увидеть реук: яд подозрительности стащил их со лбов и переместил в наши выложенные мхом сумки; и нам оставалось рассчитывать только на слова, как мы делали в прошлые века, когда слова часто вели к войнам.

Мои/наши соплеменники приносили последние тревожные слухи, и я пропускал злобу через мой/наш сегмент основания, чтобы пары поднимались по центру, принося с собой отвратительное понимание таких гнусных мыслей:

– нашим соседям-людям больше нельзя доверять, если вообще можно было когда-нибудь.

— они продадут нас своим братьям по генам и клану из отряда грабителей.

— они солгали, когда называли себя бедными,

лишенными патронов волчатами, которых презирают во всех Пяти Галактиках.

— они только делали вид, что изгнаны, а на самом деле шпионили за нами и нашим миром.

Еще более горькой была такая лживая сплетня:

– они скоро улетят со своими братьями, возобновят богоподобную жизнь, от которой отказались наши предки. Оставят нас гнить в этом несчастном, забытом, проклятом месте, а сами будут летать по галактикам.

Это была такая грязная сплетня, такая отвратительная, что я/мы выпустил зловонный меланхоличный пар.

Люди… неужели они так поступят? Неужели покинут нас?

Если/когда это случится, ночь будет сверкать так же отвратительно, как день. Потому что нам придется всегда смотреть из нашей тьмы и видеть то, что они вернули себе.

Звезды.

Парк

Женщина-биолог заставляла его нервничать. У нее была привычка смотреть на него опьяняющим взглядом, и он чувствовал себя дикарем или ребенком.

Чем он и был — по сравнению с ней, хотя биологически прожил дольше. Прежде всего все то, что он изучал всю жизнь, не заполнит даже одной кристаллической ячейки памяти, которые она беспечно держит в переносном корпусе, висящем на плече комбинезона.

У этой женщины смуглое экзотическое лицо с большими глазами поразительного кремово-карего цвета.

– Ты готов, Ларк? — спросила она.

В его мешке запасы еды на четыре дня, так что необходимости в охоте не будет, но свой бесценный микроскоп на этот раз он вынужден оставить. Это доказательство мастерства уров кажется детской игрушкой по сравнению с приборами, которые используют Линг и ее коллеги для осмотра организмов — вплоть до молекулярного уровня. *Что такого можем мы им сказать, чего они еще не знают?* думал Ларк. *Что им от*

нас нужно?

Распространенный вопрос, который обсуждают те его друзья, кто еще согласен с ним разговаривать, и те, кто поворачивается спиной к любому человеку, потому что он соплеменник пришельцев.

Но мудрецы поручили человеку — к тому же еретику — быть проводником этих пришельцев в полном сокровищами лесу. Начать танец переговоров, в которых речь идет о нашей жизни.

Шесть могут предложить только одно. Нечто такое, чего нет в официальной статье о Джиджо в Великой Галактической Библиотеке, статье, составленной буйурами перед отлетом. Это нечто — данные последнего времени о том, как изменилась планета после миллионолетнего пребывания в невозделанном состоянии. В этом вопросе Ларк такой же “эксперт”, как и любой местный дикарь.

— Да, я готов, — ответил он женщине со звездного корабля.

— Хорошо. Тогда пошли! — И она знаком попросила его идти впереди.

Ларк повесил на плечо мешок и повернулся, чтобы показать выход из долины поваленных деревьев. Маршрут пройдет далеко от Яйца.

Конечно, никто не надеялся сохранить его существование в тайне. Разведочные роботы летают уже много дней, они видели все поляны, ручьи и фумаролы. Но все же есть вероятность, что они примут Яйцо за еще одну естественную скальную формацию — до следующего периода, когда оно начнет петь.

Маршрут Ларка пролегает также в стороне от долины, куда отослали невинных: детей, шимпанзе, лорников, зукиров и глейверов. Может, все-таки грабители не всевидящи. Может, самое дорогое удастся спрятать.

Ларк согласился с планом мудрецов. До определенного момента.

Обычно по краям долины собираются толпы зрителей, наблюдающих, как темный куб поглощает солнечные лучи, ничего не отражая. Когда два человека добрались до такого края, группа зрителей — уров нервно попятилась, их копыта стучали по твердому камню как булыжники. Это все молодые незамужние самки с пустыми сумками для мужей. Именно такие способны причинить неприятности.

Конические головы раскачивались и свистели, наклоняясь в сторону людей, обнажая треугольники пилообразных зубов. У Ларка напряглись

плечи. Реук в кармане пояса запищал, чувствуя разлитую в воздухе злобу.

— Перестань! — предупредил он, когда Линг направила свои инструменты на топчущихся уров. — Продолжай идти.

— А почему? Я хочу только сделать…

— Я в этом уверен. Но сейчас неподходящее время.

Ларк взял ее за локоть, заставляя двигаться дальше. По первым контактам он понял, что она очень сильна.

Сзади мимо них пролетел камень и ударился впереди о землю. За ним последовал крик с придыханием.

Скирлсссс!

Линг начала с любопытством поворачиваться, но Ларк заставлял ее идти. Несколько голосов подхватили:

Скирлс!

Джикии скирлссс!

Вокруг застучали камни. Глаза Линг тревожно сузились. Поэтому Ларк сухо заверил ее:

— Уры бросают не очень хорошо. Не умеют целиться, даже когда узнали о луках и стрелах.

— Они ваши враги, — заметила женщина, по собственному желанию ускоряя шаг.

— Слишком сильно сказано. Скажем так: в прошлом людям приходилось немало сражаться за свое место на Джиджо.

Толпа уров следовала за ними, легко догоняя и продолжая кричать, отчего у людей напрягались нервы, пока с востока не прискакала еще одна самка и на остановилась перед толпой. У нее была нарукавная повязка проктора Собрания, она широко развела руки, обнажив полные брачные сумки и активные железы запахов. Толпа попятилась перед самкой, которая делала смелые агрессивные круги головой, отгоняя уров от двух людей.

Закон и порядок пока еще функционируют, думал Ларк с облегчением. *Хотя сколько они еще продержатся?*

– А что они нам кричали? — спросила Линг после того, как они углубились под полог деревьев вор с их тонкими иглами. — Это было не на Галшесть или Галдва.

— Местный диалект, — усмехнулся Ларк. — Джикии — по происхождению ругательство хунов, теперь его используют повсеместно. Оно означает “вонючий” — ничего лучше эти грубые незамужние уры не могут сказать!

— А второе слово? Ларк оглянулся на нее.

— Уры придают очень большое значение оскорблениям. В прошлом, в дни пионеров, им нужно было как-то называть нас. Назвать словом, которые люди сочли бы одновременно оскорбительным и подходящим. Поэтому во время одного из перемирий они очень любезно попросили наших основателей сказать, как называется знакомое нам лесное животное, которое живет на деревьях и считается глупым.

Глаза ее, устремленные прямо на него, огромные и изящные. Вряд ли можно ожидать такие глаза у пирата.

— Не понимаю, — сказала Линг.

— Для них мы те, кто карабкается на деревья. Точно так же, как нашим предкам они сами должны были напоминать лошадей, лошаков, тех, кто пасется в траве.

— Ну и что? Я по-прежнему…

— Поэтому мы решили выглядеть поистине оскорбленными, когда разгневанный ур называет нас белкой — *сквиррел,* на англике. Это делает их такими счастливыми.

Она выглядела удивленно, словно его объяснение по-прежнему изумляло ее.

— Вы хотели доставить удовольствие своим врагам? — спросила она.

Ларк вздохнул.

— На Склоне больше ни у кого нет врагов. Не в таких масштабах.

Точнее — не было до недавнего времени, добавил он про себя.

— А что? — продолжал он, пытаясь сменить тему допроса. — Там, откуда вы, у вас много врагов? Настала ее очередь вздохнуть.

— Галактики полны опасностей. Очень многие недолюбливают людей.

— Так говорили и наши предки. Это потому, что люди волчата, верно? Потому что мы возвысились сами, без помощи патронов?

Линг рассмеялась.

— О, этот старый миф!

Ларк удивленно посмотрел на нее.

— Ты… Ты хочешь сказать?…

— Что мы знаем правду? Знаем свое происхождение и назначение? — Она улыбнулась с выражением спокойной уверенности. — Боже, потерянное дитя прошлого, ваш народ отсутствовал действительно очень долго. Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о наших великодушных повелителях ротенах? Любимых патронах человечества?

Он споткнулся о камень, и Линг подхватила его

за руку, чтобы удержать.

— Но это можно обсудить позже. Вначале я хочу поговорить об этих — как ты их назвал — скирил?

Она подняла палец, украшенный толстым кольцом. Ларк догадывался, что это прибор для записи. Потребовалось большое усилие, чтобы сдержать свое любопытство относительно галактических проблем и говорить о чем-то другом.

— Что? А, *сквиррел.*

– Ты подразумеваешь, что они живут на деревьях и подобны людям. Увидим ли мы такое животное в пути?

Он, не понимая, посмотрел на нее, потом покачал головой.

— Гм, не думаю. Не в этом походе.

– А что ты можешь мне о них рассказать? Например, есть ли у них склонность к использованию орудий труда?

Ларку не требовалось ни пси-способностей, ни реука, чтобы прочесть мысли своей привлекательной гостьи. Он правильно истолковал ее вопрос.

Есть ли у них склонности к машинной цивилизации? К войнам и торговле? К философии и искусству?

Есть ли у них Потенциал? Это волшебное свойство, которое делает помощь им выгодной?

Обладают ли они качествами, позволяющими воспользоваться толчком со стороны патронов. Перспективой когда-нибудь самим летать меж звезд?

Подходят ли они для Возвышения?

Ларк скрыл свое удивление ее невежеством.

— Нет, насколько мне известно, — честно ответил он, поскольку единственные белки, которых он видел, были изображены на древней выцветшей картине со старой Земли. — Если пройдем поблизости, сможешь увидеть сама.

Грабители со звезд явно ищут здесь биологические сокровища. Что еще может бедная Джиджо предложить такого, ради чего стоило бы пробираться мимо часовых Института Миграции, лететь звездными маршрутами, давно уступленными странной и грозной цивилизации зангов, а потом рисковать смертоносным карбоновым ветром Измунути?

А что еще? размышлял Ларк. *Помимо убежища? Спроси у собственных предков, парень.*

Пришельцы не делали вид, как вначале подумал Ларк, что они представляют какую-то галактическую организацию или имеют за-

конное право исследовать биосферу Джиджо. Неужели они считают, что изгнанники ничего об этом не помнят? Или им просто все равно? Их цель — данные об изменениях, происшедших со времени ухода буйуров — делает работу всей жизни Ларка более ценной, чем он себе представлял. Настолько ценной, что сам Лестер Кембел приказал ему оставить записи, чтобы они не попали в чужие руки.

Мудрецы хотят, чтобы я играл с ними. Узнал от них не меньше, чем они узнают от меня.

Конечно, план, заранее обреченный на неудачу. Шесть подобны младенцам, не знающим правил смертоносной игры. Тем не менее Ларк постарается сделать все, что в его силах, пока его намерения и намерения мудрецов совпадают. Но так может быть не всегда.

Они это знают. Они не могли забыть, что я еретик.

К счастью, пришельцы назначили сопровождать его своего наименее устрашающего члена. Это вполне мог быть *Ранн,* огромного роста мужчина, с коротко остриженными седыми волосами, громким голосом и клинообразным торсом, который словно выпирал из тесного мундира. Из остальных двоих, вышедших из черного

куба, *Кунн* производил почти такое же грозное впечатление, как Ранн, с плечами, как у молодого хуна, в то время как светловолосая *Беш* была настолько женственна, что Ларк удивлялся, как ей удается грациозно передвигаться с телом из одних изгибов. Линг казалась почти нормальной, хотя и она в любом городе на Джиджо вызвала бы нарастающее волнение, несомненно, провоцируя множество дуэлей среди горячих поклонников…

Не забудь свою клятву, напомнил себе Ларк, отдуваясь от усилий во время подъема по крутому участку тропы. Блузка Линг промокла спереди от пота и соблазнительно липла к ее телу. Ларк заставил себя отвернуться. *Ты сделал выбор — жить с целью большей, чем ты сам. Если ты не отказался от этой цели ради честных женщин Джиджо, даже не думай сдаваться перед этой женщиной, чужаком, грабителем, врагом этого мира.*

Ларк нашел новое направление для жара в своих жилах. Похоть можно заблокировать другими сильными эмоциями. Поэтому он обратился к гневу.

Ты собираешься использовать нас, молча рассуждал он. *Но дела могут обернуться совсем не так, как ты планируешь.*

Такое отношение, в свою очередь, породило упрямство, победившее естественное любопытство. Чуть раньше Линг что-то сказала о том, что люди больше не считаются *волчатами* среди звезд. Они больше не сироты, не имеющие патронов, которые руководили бы ими. Судя по ее взгляду, она явно ожидала, что эта новость взволнует его. Несомненно, хотела, чтобы он упрашивал ее о дальнейшей информации.

Я буду упрашивать, если потребуется — но скорее куплю, займу или украду. Посмотрим. Игра еще только началась.

Вскоре они миновали заросли малого бу. Линг брала образцы сегментов стеблей — каждый не больше десяти сантиметров в диаметре — и ловко просовывала почти прозрачные срезы в свой анализатор.

— Возможно, я тупой туземный проводник, — заметил Ларк. — Но готов поклясться, что бу не проявляет никаких признаков предразума.

Когда он произнес последнее слово, голова ее дернулась. Так Ларк покончил с притворством.

Мы знаем, зачем вы здесь.

Смуглая кожа Линг не скрывала краски.

— Я что-нибудь подобное предполагала? Просто хочу сделать генетический срез, поскольку это

растение завезено буйурами. Нам необходима отметка, чтобы сопоставлять с тенденциями животных. Это все.

Итак, мы начинаем откровенно лгать, подумал он. По окаменелостям Ларк знал, что бу процветало на Джиджо задолго до того, как буйуры двадцать миллионов лет назад получили разрешение на эту планету. Возможно, оно было завезено предыдущими обитателями. Вся экосистема сосредоточилась вокруг этого преуспевающего растения, и теперь от него зависят бесчисленные животные. Но первое время, когда бу вытесняло туземную флору, положение должно было быть тяжелым.

Ларк мало что знал о биохимическом уровне, но, судя по окаменелостям, вид почти не изменился за сотни миллионов лет.

Почему она лжет о чем-то настолько неважном? Свитки учат, что обман не только неправилен — он ненадежный, опасный союзник. И к тому же к нему привыкаешь. Если начнешь лгать, остановиться трудно. И со временем именно на мелкой бесполезной лжи тебя поймают.

– Говоря о предразуме, — сказала Линг, закрывая свой ящик для образцов, — не могу понять, куда вы спрятали своих шимпанзе. Я уверена, что

у них произошли очень интересные изменения.

Теперь настала очередь Ларка выдать себя невольным вздрагиванием. Отрицать бесполезно. *Людям не нужны реуки, чтобы играть друг с другом в эту игру — ловить намеки на лицах. Лестер должен понимать, что я выдам не меньше, чем узнаю.*

– Шимпы подобны детям. Естественно, мы отослали их подальше от возможной опасности. Линг посмотрела направо и налево.

— Ты видишь какую-нибудь опасность?

Ларк едва сардонически не рассмеялся. В глазах Линг плясали огоньки, о смысле которых он мог только догадываться. Но некоторые мысли ясны и без того, чтобы их произносили вслух.

Ты знаешь, что я знаю. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю. А ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю…

Есть еще одна эмоция, которая способна победить гормональную похоть или ярость гнева.

Уважение.

Он кивнул сопернице, прямо посмотрев ей в глаза.

— Я дам тебе знать, если мы будем проходить вблизи шимпов, так что сможешь посмотреть сама.

У Линг оказалось исключительно острое зрение, и она это часто демонстрировала, замечая движения, которые Ларк пропустил бы: лесные создания нападали, ползали, охотились, заботились о детях. Этим свойством она напомнила Ларку Двера. Но у Линг было также множество инструментов, которые она сразу применяла ко всем ползающим, бегающим или летающим существам, которые привлекали ее внимание.

Должно быть, она действительно изучала древние записи буйуров, потому что часто и многое узнавала, классифицируя образцы кустов, деревьев, четырехкрылых птиц. Она также спрашивала Ларка, каково местное название этих видов. Ларк давал осторожные ответы, достаточные для того, чтобы подтвердить свою ценность в качестве туземного проводника.

Иногда Линг останавливалась и начинала негромко говорить в свое кольцо, словно подводя итоги того, что узнала. Ларк с дрожью понял, что она находится в постоянном контакте со своей базой. Это была речь на расстоянии, не сигналы семафора и даже не редкий дар телепатии, но настоящая высокотехнологическая связь, надежная связь, о которой упоминают книги. Голос того, кто был на другом конце, был едва различим,

как тихий шепот. Ларк догадывался, что звук каким-то образом проецируется компактно, так что слышно его только в районе уха.

В одном случае Линг заговорила на диалектной разновидности англика, которая Ларку была понятна с трудом.

— Да, да… Ладно. Постараюсь побыстрее… Но вы… расстояние и подробности…

Должно быть, человек на том конце говорил убедительно, потому что после разговора Линг пошла быстрей — до следующего волнующего открытия, которое заставило ее забыть о своем обещании, остановиться и терять время из-за какой-то загадочной подробности. Эта ее особенность — вид живых существ чрезвычайно ее занимал — первой искренне понравилась Ларку.

Но Линг все испортила, относясь к нему покровительственно, описывая — медленно и в простых словах, — что значит “ночной образ жизни”. Ларк подавил свое негодование. Он прочитал достаточно приключенческих романов, чтобы знать, как должен себя вести туземный проводник. Поэтому он с уважением поблагодарил ее. Сохранение стереотипного представления может принести ему определенную выгоду в будущем.

Несмотря на весь свой энтузиазм и острое зре-

ние, Линг не охотник, как Двер. Даже для Ларка окружающая местность кишела приметами: следами, сломанными стеблями, пометом, территориальными пометами, клочьями шерсти, чешуйками, перьями и торгами. Любой ребенок Шести мог прочесть эти приметы, которые раскиданы вдоль тропы. Но Линг, казалось, интересует только живое.

Мысли о Двере заставили Ларка улыбнуться. *Когда он вернется после своей погони за глейвером, я буду рассказывать дикие истории — для разнообразия.*

Через промежутки Линг раскрывала инструмент с двумя "голографическими экранами". Ларк смотрел через ее плечо. Один экран показывал движущуюся лесную картину где-то поблизости, судя по характеру растительности. На втором экране были цифры и схемы, которых Ларк не понимал, и это было унизительно. Он прочел едва ли не все биологические тексты в Библосе и считал, что может по крайней мере понять лексикон.

Может, поведение типа "Да, бвана" — вовсе не игра. Получается, я действительно неграмотен.

Линг объяснила, что это данные одного из роботов-зондов, который поднимается впереди на

некотором удалении от них.

— Можем мы теперь идти быстрее? — нетерпеливо спросила она. — Робот отловил несколько интересных образцов. Хочу осмотреть их, прежде чем они распадутся.

Но медлила-то она. Тем не менее Ларк кивнул.

— Как скажешь.

Первым образцом оказался злополучный вуанк-червь, чья норка была разрезана хирургически ровно. Червь тщетно пытался спастись, но плотная волокнистая сетка легко выдерживала удары его костлявой головы.

Линг заговорила в свое кольцо.

— Хищная форма, по-видимому, происходит от оров — собирателей, которых буйуры заимствовали у дезни три геологических эпохи назад. Организмы такого происхождения должны впадать в летнюю спячку после инъекции клатрата метана. Сейчас попробую большую дозу.

Она нацелила прибор, из которого, как голодный хищник, устремилась тонкая трубка, пронзив тело червя между двумя пластинками брони. Червь задергался, затем поник и застыл.

– Хорошо. Теперь проверим, изменилась ли его энцефализация за прошедший мегагод. — Линг повернулась к Ларку и объяснила: — Это нужно,

чтобы проверить, больше ли у них стало материи мозга.

Это– то я знаю, подумал Ларк, но не сдержался и ответил:

— Как удивительно.

Ларк учился подавать инструменты, брать кровь и помогать исследовательнице во всем, о чем она ни попросит. Однажды шершавый язык рассерженного длинноморда выскользнул между решетками клетки и сорвал бы с руки Линг полоски плоти, если бы Ларк вовремя не отдернул ее. После этого случая Линг как будто поняла, что "туземный проводник" способен не только на то, чтобы носить, подавать и поражаться каждому сказанному ею слову.

Хотя все собранные роботом образцы относились к существам с мозгом, это охотники или всеядные собиратели, тем не менее Ларк считал, что ни одно из них не подходит для Возвышения. *Может, через десять миллионов лет, когда эту галактику снова откроют для законного заселения, тогда длинноморд или прыгун могут быть готовы, закаленные эволюцией и удачей Ифни, и тогда какая-нибудь старшая добрая раса их примет.*

Но, наблюдая за тем, как она с помощью волшеб-

ных лучей и инструментов оценивает грязного поедателя падали, Ларк не мог избавиться от картины: этот самый поедатель отвечает тем, что встает на задние лапы и произносит оду дружбе всех живых существ. Группа Линг явно считает, что они могут найти что-нибудь очень ценное, появившись на Джиджо раньше намеченного времени. *И если Потенциал есть, нужна только помощь патронов, чтобы пустить новую расу по Тропе Возвышения.*

Несколько текстов в Библосе с этим не соглашались. В них утверждалось, что роды далеко не всегда нуждаются в повитухе.

Следующую часть пути Ларк думал об этом.

— Ты упомянула, что землян больше не считают волчатами.

Линг загадочно улыбнулась.

— Кое-кто по-прежнему верит в старый миф. Но уже довольно давно правда стала известна.

— Правда?

— Правда о нашем происхождении. Кто наделил человечество даром мысли и разума. Наши истинные патроны. Всем, чем мы стали и чем станем в будущем, мы обязаны нашим учителям и проводникам ротенам.

Сердце Ларка забилось быстрей. Несколько

томов на эту тему пережили пожар, опустошивший полки Библоса, на которых располагалась литература по ксенологии, поэтому он знал, кто когда триста лет назад крадущийся корабль “Обитель” направился на Джиджо, по-прежнему шли ожесточенные споры. В те дни некоторые рассуждали, что задолго до начала исторической эры какие-то тайные доброжелатели помогли человечеству. Другие поддерживали модель Дарвина — что разум мог эволюционировать сам по себе, без посторонней помощи, вопреки скептицизму галактической науки. И вот Линг утверждает, что спор окончен.

— А кто они? — приглушив голос, спросил Ларк. — Ротены прилетели с вами на Джиджо?

На лице ее снова появилась улыбка, понимающее выражение.

— Правда за правду. Сначала ты мне расскажешь то, что есть на самом деле. Что делает группа людей на этой ужасной маленькой планете?

— Ммм… О какой группе ты говоришь: о своей или о моей?

Единственным ее ответом была молчаливая улыбка. Она словно говорила: *“Давай продолжай молчать. Я могу и подождать”.*

Линг шла по следам, оставленным безжалостным роботом, переходя от одного уснувшего существа к другому. К вечеру она ускорила шаг, пока они не поднялись на вершину низкого хребта. Отсюда Ларк увидел к северу еще несколько плато, уходящих вверх, к вершинам Риммера. Вместо обычных местных деревьев ближайшую мезу покрывала гораздо более темная зелень, густая заросль гигантского бу. Отдельные растения были такими огромными, что их можно различить даже с того места, где он стоит. Пространство гигантских раскачивающихся стеблей прерывало несколько полосок камня и одна водная.

Последним образцом оказался неудачливый горный зверек, который свернулся в колючий шар, когда они срезали паутину, которой робот удерживал свои жертвы. Линг потрогала зверька инструментом, с которого сорвалась короткая резкая искра, но никакой реакции не получила. Повторила процедуру с большим зарядом. Ларка начало мутить, когда он уловил запах поднимающегося дыма.

— Он мертв, — диагностировал Ларк. — Все-таки ваш робот не совершенен.

Ларк выкопал яму для туалета и подготовил костер. У него был с собой завернутый в листья

хлеб с сыром. Линг вскрыла коробочку, покрытую фольгой; в коробочке еда сразу закипела, и Ларк ощутил незнакомый соблазнительный запах. Когда он собрал ее опустевшие пакеты, чтобы унести с собой и запечатать как мусор, было уже совсем темно.

Линг как будто склонна была возобновить разговор.

— Ваш мудрец Кембел говорит, что никто не помнит точно, по какой причине прилетели ваши предки. Иногда сунеры проникают на невозделанные планеты незаконно размножающимися группами. Другие спасаются от войн и преследования. Мне хотелось бы знать, что ваши предки рассказали тем расам, которые здесь уже были до них.

Сунерами Шесть называют небольшие группы, которые тайком уходят со Склона и вторгаются на территорию, запретную по заветам священных Свитков. *Но, вероятно, в этом смысле мы все здесь "сунеры". Даже те, кто живет на Склоне.* В глубине души Ларк всегда это знал.

Тем не менее ему приказывали солгать.

— Ты ошибаешься, — сказал он. Обманывать не хотелось, — Мы потерпели крушение. Наш объединенный экипаж…

Женщина рассмеялась.

— Прошу тебя. Эта хитрость продержалась день или два. Но мы знали еще до отлета нашего корабля: то, что ты говоришь, невозможно.

Ларк поджал губы. Никто и не ожидал, что их блеф долго продержится.

— Как вы узнали?

— Это просто. Люди вышли в галактическое пространство около четырехсот лет назад — триста пятьдесят циклов Джиджо. Земляне не могли находиться на борту корабля, который принес сюда, на эту планету, г'кеков.

— Почему?

— Потому, мой добрый отсталый братец, что к тому времени как люди появились на галактической сцене, г'кеков там уже не было.

Ларк мигнул, а она продолжила:

— Увидев вас здесь, на склонах долины, мы узнали большинство типов. Но нам пришлось порыться, чтобы узнать г'кеков. И представьте себе наше удивление, когда на экране появилось слово.

Это слово — *вымерли.*

Ларк мог только молча смотреть на нее.

— Ваши друзья на колесиках — большая редкость, — заключила Линг. — Те, что здесь, на

Джиджо, несомненно, последние представители своего вида.

И именно тогда, когда ты начала мне нравиться… Ларк готов был поклясться, что в глазах Линг появилось довольное выражение: она видела, как он поражен новостью.

— Как видишь, — добавила Линг, — у каждого из нас есть чем поделиться. Я тебе только что открыла правду. Надеюсь, ты ответишь мне тем же.

Он старался говорить спокойно.

— Разве я до сих пор тебе не помогал?

— Не пойми меня неверно! Ваши мудрецы так старались скрыть от нас кое-что. Они, возможно, даже не поняли наших вопросов. У нас есть возможность говорить дольше, и многое может проясниться.

Ларк видел, что происходит. *Разделяй и расспрашивай.* Он не присутствовал на встрече людей с неба и мудрецов. И она, конечно, легко поймает его на расхождениях, если он не будет предельно осторожен.

— Например, когда Кунн спросил о том, видели ли вы другие корабли с тех пор как первые сунеры появились на Джиджо, ему рассказали о посещении шаров зангов, которые ныряли

глубоко в море, и о нескольких далеких огоньках, которые могли быть исследовательскими кораблями институтов. Но нас интересует то, что происходило гораздо…

Ее прервал резкий звонок. Линг подняла руку с голубым кольцом на пальце.

— Да?

Наклонив голову, она слушала шепот, проецируемый возле уха

— Точно? — спросила она удивленным голосом. Линг, не глядя, достала из кармана на поясе портативный приемник, на двух экранах которого показались лесные сцены, движущиеся в вечернем полусвете. *Машины не спят,* заметил Ларк.

— Переключите изображение с четвертого зонда на пятый, — попросила Линг. Картина на экране исчезла, сменившись статическими разрядами. На правом экране вместо схем и графиков появились плоские росчерки, которые на Галактическом Шесть означают “ноль”.

— Когда это случилось? — спросила женщина у невидимого коллеги. Ларк следил за ее лицом, жалея, что не слышит голоса на том конце: до него доносился только неразборчивый шепот.

— Повторите последние десять минут записи перед отказом зонда.

На левом экране появилось изображение. На нем виден был узкий зеленый коридор с лентой неба вверху и потоком пенной воды внизу. Стены коридора из тесно растущих стеблей гигантского бу.

— Пропустите на двойной скорости, — нетерпеливо попросила Линг. Огромные колонны стремительно понеслись мимо. Ларк наклонился поближе: сцена показалась ему знакомой.

Неожиданно узкий проход расширился, превратился в мелкий кратер, чашу, усеянную камнями, с маленьким озерком в центре, окруженным плотными зарослями переплетенных растений.

Минутку. Я знаю это место…

На экране появилось перекрестие тонких линий, они сошлись вблизи пенного берега озера, а на правом экране появились красные символы на техническом Галшесть. Ларк пытался прочесть, но разобрал только несколько слов:

…аномалия… неизвестный источник… сильная цифровая деятельность…

У него перехватило дыхание, когда глаз камеры стремительно понесся к источнику неожиданности, пролетев над плитами древней буйурской постройки. Красные символы сосредоточились в центре правого экрана. В центре все стало гораздо

более отчетливым, а на периферии расплывалось. Появились записи о подготовке — Ларк читал с отчаянием — о подготовке *оружия,* о готовности к его использованию.

Двер всегда говорил, что этот мульк-паук гораздо опаснее всех других, и предупреждал, чтобы держались от него подальше. Но, во имя Джиджо, что могло так встревожить робота?

Ему пришла в голову еще одна мысль.

Боже, да ведь Двер, преследуя глейвера, ушел именно в этом направлении!

Машина замедлила приближение. Ларк узнал густые заросли древнего мульк-паука, его паутину, раскинутую на остатках какого-то буйурского сооружения.

Взгляд робота упал на светлую фигуру, прижавшуюся к земле, и Ларк мигнул.

Неужели это глейвер *на открытом месте? Ифни, мы так старались их спрятать, а машина пролетает мимо одного из них и даже не замечает!*

Еще один сюрприз поджидал его на периферии замедлявшей свое движение камеры. Худое животное, четвероногое, напряженное, его черная шерсть почти сливается с темными зарослями. Сверкнули белые зубы *нура,* удивленно и вы-

зывающе щелкая навстречу приближающейся машине, затем нур исчез, а робот целеустремленно двинулся дальше.

Нур? Так высоко в горах? Не понимая почему, Ларк ощутил во рту горечь.

Теперь машина чуть ползла. Красное перекрестие сместилось в сторону, к точке, которая светилась ритмами алой угрозы.

…цифровое сознание… уровень девять или выше… дрожали галактические символы. Внизу, в полутьме, почти ничего нельзя было рассмотреть, кроме какого-то неясного передвижения в самом центре пересечения линий. Должно быть, робот использовал и другие чувства, не только зрение.

…автономное принятие решения… немедленное уничтожение угрозы…

Неожиданно тусклая сцена ярко осветилась. Ослепительные молнии устремились в заросли, центр картины вспыхнул белым, молнии разрезали медузообразные конечности мульк-паука. Из разрезанных извивающихся нитей били столбы кипящей жидкости, а красные кружки прицеливания плясали, передвигались взад и вперед, отыскивая что-то упрямо уклонявшееся в ограниченном пространстве.

Линг читала данные на правом экране, проклиная неспособность робота быстро покончить с противником. И Ларк был уверен, что только он заметил фигуру, мелькнувшую на краю панели. Она видна была лишь мгновение, но словно обожгла его оптический нерв.

Одна… нет, *две* путаницы рук и ног, переплетенные нитями, укрывающиеся от горящей ярости сверху.

Оба экрана заполнили статические разряды.

— Нет, я не могу направиться туда немедленно. Туда не меньше половины миктаара. Мы с проводником заблудимся в темноте. Придется ждать, пока…

Снова вслушавшись, Линг вздохнула.

— Хорошо. Я его спрошу.

Она опустила кольцо и повернулась.

— Ларк, ты знаешь эту местность. Есть ли тропа… Она замолчала, вскочила и посмотрела налево, направо.

– Ларк?

Она звала в ночи, в бархатной тьме, в которой подмигивал роскошный и самый яркий спиральный третий галактический рукав.

— Ларк! Где ты?

Ветер шелестел в ветвях над головой, нарушая

лесную тишину. Невозможно установить, как давно он исчез и в каком направлении ушел.

Линг со вздохом подняла руку и сообщила о происшествии.

— Откуда я знаю? — ответила она на короткий вопрос. — Не могу винить нервную обезьяну: она просто испугалась. Он ведь никогда не видел в работе лучи робота. Сейчас, наверно, на полпути домой и вряд ли остановится до берега…

Да, да. Я знаю, что мы еще не приняли решение, но сейчас уже слишком поздно. И в любом случае это не имеет значения. Он услышал только несколько намеков. У нас есть еще многое, чем можно подкупить туземцев. И еще многое там, откуда он явился.

Аскс

Разногласия нарастали.

Община извивалась, как треки, кольца которого грубо сбросили в кучу, без питательного контакта с брачными торами.

Прискакал курьер ур и принес известия из поселений ниже по Склону: там воцарились смятение и хаос и правили подобно древним деспотическим квуэнским императрицам. Некоторые деревни перевернули свои баки для воды, разрушили огромные силосные башни, солнечные нагреватели и ветряные мельницы, опираясь на указания священных Свитков и не выполнив решение совета мудрецов, торопливо разосланное в день появления корабля: всем предлагалось придерживаться политики — подождем и увидим.

Но другие защищали свои амбары, и пристани, и плотины, набрасывали на них маскирующую растительность — и яростно отражали нападения соседей, которые пытались подобраться к их драгоценной собственности с факелами и ломами.

Разве здесь, на Собрании, не должно было быть лучше? Разве не собрались здесь самые мудрые

представители всех Шести для ежегодной церемонии единения? Но и сюда проник яд.

Первое разногласие — грязные подозрения относительно самой молодой расы. Может быть, наши соседи люди заключили союз с пришельцами? С грабителями? Если пока еще не заключили, то не поддадутся ли со временем искушению?

О, какая страшная мысль! Они из всех Шести обладают самыми большими познаниями в науках. Как можем мы без их помощи проникнуть в ложь богоподобных преступников?

Некоторое подобие доверия восстановили Лестер и его помощники: они поклялись в преданности Джиджо и Святому Яйцу. Но разве слухи и сомнения не летают по-прежнему, как легкая сажа, между этими мягкими полянами?

Разногласия *усиливаются.* Вернулась из глубокой пещеры команда сборщиков урожая — в этой пещере живут дикие реуки. Но пещера оказалось пустой, ни одного реука не нашли. А те, что лежат в наших сумках, бездействуют. Не пьют наши жизненные жидкости, не помогают делиться тайнами наших душ.

Дальнейшие разногласия — многих искушают песни сирен. Сладкие посулы нежеланных гостей. Елейные обещания, слова дружбы.

И не только слова.

Помните ли вы, мои кольца, как звездные люди распространили весть, что будут *лечить?*

Под навесом, принесенным с территории праздника, вблизи от их темного кубического укрепления, они принимали калек, больных и раненых. Мы, мудрецы, беспомощные и пораженные, могли только наблюдать, как вереницы наших больных братьев входили внутрь, а потом выходили, преобразившиеся, оживленные, часто излеченные.

На самом деле, у многих только смягчилась боль. Но с другими — с ними произошла чудесная перемена! Двери смерти трансформировались и превратились в врата молодости, энергии, силы.

Что мы могли сделать? Запретить? Невозможно. Но какие бесценные образцы получили эти целители. Флаконы, полные образцами нашей разнообразной биологии. Какими бы ни были белые пятна в их досье, теперь они знают все о нашей силе и слабости, о наших генах и о том, что скрыто в нашей природе.

А как встречали излечившихся? Некоторые называли их предателями. Другие обвиняли в святотатстве и с ненавистью отшатывались.

Так мы разделились. А по мере роста враждеб-

ности продолжали делиться все больше.

Едины ли мы по-прежнему? Существует ли еще наша Община?

Разве не ты, мое/наше собственное третье базовое кольцо, много лет страдающее от болезни, известной как чума торов, разве ты не попыталось увести эту престарелую груду колец к зеленому павильону, где предлагаются и творятся чудеса? Если разногласия поразили это собрание, которое окружающие называют Аскс, как может держаться общество индивидов?

Мы всегда боялись неба над головой. Но теперь разногласия заполняют наши луга, ими исполнены наши дни и ночи, и теперь сама почва Джиджо кажется такой же пугающей, как небо.

Можем ли мы надеяться, мои кольца?

Сегодня вечером мы отправляемся в паломничество. Большинство мудрецов всех Шести пойдут во тьме, с трудом пробираясь между огненными пропастями, между дымящимися фумаролами и туманными утесами, чтобы достичь Святого Яйца.

Ответит ли оно нам на этот раз? Или ужасное молчание последних недель продолжится?

Есть ли у нас еще надежда?

Существует ощущение, которое мы, треки, на-

учились описывать, только познакомившись на Джиджо с людьми. Однако никогда это странное ощущение не осознавалось так остро. В языках галактик для него нет точного обозначения — ведь эти языки подчеркивают традиции и тесные отношения, они включают в мысль о себе мысль о всем клане и расе. Но в англике это ощущение хорошо известно и является одним из центральных.

Называется оно — *одиночество.*

Двер

По очереди они освобождали друг друга.

Это было нелегко. Боль многих ран и порезов грозила поглотить сознание. И что еще хуже, Двер подозревал, что оглох.

Рети старалась, но ни на что не была способна, только крепко прижимала к груди свое сокровище.

Это сокровище недавно чуть не покончило с ними, когда Рети с криком устремилась в водоворот огня и ядовитого пара, отчаянно пытаясь отыскать остатки своей драгоценной “птицы” среди дымящихся пней и тлеющих обломков ужасной машины, которая рухнула с пылающего неба.

Двер едва успел вторично вытащить ее.

Пойдешь туда снова и можешь оставаться навсегда. Мне все равно.

Он нес ее на расстояние двух полетов стрелы, у него болели легкие и жгло кожу, но он бежал от горящего мульк-паука, пока вонь, жара и удушающие пары не остались позади. Наконец он положил ее на берегу мутного ручья, вытекающего из озера, и погрузил лицо и руки в прохладную воду. Боль наполовину стихла, и это оказалось

шоком, который он едва смог выдержать. Вобрав в легкие воду, он откинулся, кашляя и давясь. Руки скользнули, и он упал в грязь и слабо забился. Если бы Рети не схватила его за волосы и не вытащила бы, он мог утонуть прямо на берегу.

К кашлю присоединилась икота иронического смеха.

После всего… такой конец…

Некоторое время они лежали рядом, измученные и дрожащие, время от времени набирая грязь и натирая ею обнаженные тела друг друга. Грязь успокаивала нервы и, застывая, давала небольшую защиту от ночного холода. Двер думал о теплой одежде в мешке, который лежит где-то среди камней там, у огня.

И мой лук, оставшийся на камне. Он неслышным проклятием старался унять тревогу. Забудь об этом проклятом луке! За ним можно вернуться позже. Сейчас надо отсюда убираться.

Он попытался набраться сил, чтобы встать. Рети пыталась сделать то же самое, но после каждой попытки со стоном опускалась. Наконец Дверу удалось сесть. Звезды дрожали, когда он качался под ударами зимнего ветра.

Двигайся или замерзнешь.

Недостаточный повод. Его не хватает, чтобы

преодолеть шок и усталость.

Тогда девушка. Заставь ее двигаться, или…

Или что? Двер сомневался в том, что даже вдвое более сильные страдания способны убить Рети. Но он еще не избавлен от заботы о ней. Она может оказаться полезным союзником и другом…

Он на правильном пути, Двер был в этом уверен. Есть что-то еще. Еще какая-то обязанность. Кто-то ждет его возвращения…

Глейвер. Двер раскрыл залепленные грязью глаза. *Я оставил его привязанным. Он умрет с голоду. Или его прикончит лиггер.*

Дрожа всем телом, Двер встал на колени — и обнаружил, что дальше подниматься не может.

Рети тоже попыталась и обвисла рядом с ним. Они отдыхали, держась друг за друга. *Когда нас найдут замерзшими в таком положении, подумают, что мы любили друг друга.*

Это само по себе было достаточным поводом, чтобы двигаться. Но руки и ноги не слушались.

Мягкая влага коснулась щеки…

Перестань, Рети.

Прикосновение повторилось. Влажное и щекочущее.

Что делает девчонка — лижет меня? Из всех сумасшедших…

Опять влажный язык — слишком длинный и шершавый для девушки сунера. Двер умудрился повернуть голову… и замигал, увидев два больших выпученных глаза, вращающихся независимо друг от друга на широкой круглой голове. Глейвер опять открыл пасть. На этот раз язык провел широкую влажную полоску прямо по губам и ноздрям Двера. Двер отшатнулся и чихнул…

— К… как… как… к?…

Он смутно расслышал свои слова. Все-таки он не окончательно оглох.

Увидев лучшую опору, Рети переместила одну руку с шеи Двера на глейвера. Второй рукой она сжимала добычу — какие-то куски, ручки, металлические обгоревшие перья.

Двер решил не упускать везение. Он повис по другую сторону глейвера, вбирая тепло его пушистого тела. Терпеливо — или жалостливо — глейвер позволил людям висеть на себе, пока наконец Двер не собрался с силами и не встал.

На одной из задних ног глейвера видны остатки веревки, перегрызенной в районе узла. А за глейвером улыбался источник этого чуда, держа в пасти другой конец веревки. Грязнолапый смотрел на Двера и улыбался блестящими глазами.

Всегда стараешься, чтобы твои заслуги заме-

тили, верно? подумал Двер, зная, что проявляет неблагодарность, но не в силах сдержаться.

На берегу озера раздался еще один взрыв, яркие лучи разогнали там тьму. За ним на протяжении нескольких дуров последовали еще два, сделав невозможными мысли о возвращении за припасами. Пламя разгоралось.

Двер, держась за глейвера, помог встать Рети. — Пошли, — сказал он, слегка наклонив голову. — Лучше умереть на ходу, чем просто лежа здесь.

Спотыкаясь в темноте, оцепеневший от холода, боли и усталости, Двер не мог не думать, что же он видел.

Одна маленькая птица-машина могла быть редкостью, но все же объяснимой редкостью — выживший реликт дней буйуров, каким-то образом сохранившийся в этой местности, бродивший по континенту, забытый хозяевами. Но *вторая* машина — эта грозная летающая опасность — не может быть остатком цивилизации ушедших буйуров. Машина была удивительно мощной и действовала решительно.

Новая машина в этом мире.

Вдвоем они тяжело тащились по еще одному узкому проходу между гигантскими стволами

бу. Туннель спасал от ледяного ветра и избавлял от необходимости принимать решения. Каждый шаг уносил все дальше от пожара на берегу озера, и это вполне устраивало Двера.

Там, где одна смертоносная машина, могут быть и другие.

Не явится ли другая летающая мини-крепость отомстить за брата? При этой мысли узкий проход под звездным пологом перестал казаться убежищем. Теперь он скорее походил на страшную ловушку.

Наконец коридор бу кончился, и все четверо оказались на травянистом лугу. Трава по колено высотой раскачивалась на жестком ледяном ветру, который сразу лишал тело сил. Шел снег. Двер знал, что теперь их падение — только вопрос времени.

На некотором удалении от тропы у небольшого ручья видна была рощица невысоких деревьев. Дрожа, Двер повернул глей-вера в том направлении, и все двинулись по хрустящей, ломающейся траве. *Мы оставляем следы,* ожил в нем охотник. Вспомнились уроки, которые он усвоил у Фаллона. *Держись голого камня или воды… Если тебя преследуют, иди по ветру.*

Все это теперь бесполезно. Инстинкт привел

Двера к скальному образованию, к каменному выступу, закрытому низкими кустами. Без зажигалки, даже без ножа и огнива они могут надеяться только на то, что смогут найти убежище. Двер оторвал Рети от шеи глейвера, толкал ее, пока она не поняла — согнулась и заползла под навес. Глейвер на четвереньках прополз за ней. Грязнолапый проехался на сморщенной спине. Двер притащил несколько упавших веток, ветер набросает на них листву. Потом тоже опустился на колени и присоединился к межвидовой путанице конечностей, меха, кожи и ужасного зловония недалеко от лица.

В замкнутом пространстве становилось теплее, снежинки на теле таяли. *Нам не повезло: снежная буря такой поздней весной,* думал Двер. Старый Фаллон говорил, что в горах бывает только два времени года. Одно называется зима. Второе *тоже* зима, но при этом бывает немного зелени, чтобы обмануть неосторожных.

Двер говорил себе, что в сущности погода не такая уж плохая — вернее, была бы такой, если бы их одежда не сгорела, или если бы не испытанный шок, или если бы у них сохранились припасы.

Немного погодя Двер понял, что глухота его

проходит. Он слышал, как у кого-то стучат зубы, потом услышал доносящийся сзади какой-то негромкий звук. За ним последовал резкий удар в плечо.

— Я сказала, не можешь ли ты немного подвинуться, — крикнула Рети совсем недалеко от его уха, — ты лежишь на моей…

Он передвинулся. Из-под ребер выскользнуло что-то костлявое. А когда лег снова, боком прижался к ледяной земле. Двер вздохнул.

— Как ты?

Она еще немного отодвинулась.

— Что ты говоришь?

Он повернулся и увидел ее расплывчатые очертания.

— Ты в порядке? — крикнул Двер.

— Конечно. Никогда лучше себя не чувствовала, придурок. Отличный вопрос.

Двер пожал плечами. Если у нее есть энергия на то, чтобы быть вредной, она, вероятно, далеко от двери смерти.

– Поесть ничего нет? — спросила Рети. Двер покачал головой.

— Утром найдем что-нибудь. А до тех пор не говори без особой необходимости.

— Почему?

Потому что у роботов, вероятно, есть уши, едва не сказал он. Но к чему волновать девчонку?

— Береги силы. А теперь будь хорошей и постарайся поспать.

Легкая дрожь — девушка негромко саркастически повторяла его слова. Но он не был в этом уверен — благословенное следствие ударов по ушам, которые он пережил.

Резкими толчками Грязнолапый втиснулся между Двером и Рети. Дверу пришлось переместиться так, что его голову почти не защищал теплый бок глейвера. Он повернул голову и посмотрел на тропу, которую они только что оставили, — узкий проход между двумя рядами бу. Резкий ветер приветствовал его ударом в лицо. Как импровизированная охотничья маскировка не так уж плохо — если только снег прикроет след, который они проложили по траве.

Мы ушли от тебя, Один-в-своем-роде, подумал Двер, наслаждаясь победой, которую не одержал. Многие участки кожи все еще казались слишком оцепеневшими, чтобы их оживило тепло глейвера, особенно в тех местах, где прилипли капли золотистой консервирующей жидкости паука. Сейчас их убрать невозможно — если вообще когда-нибудь удастся.

И тем не менее мы ушли, верно?

Мысленно он ощутил легкое прикосновение к сознанию. Ничего такого, что можно было бы точно определить, но тем не менее Двер встревожился. Неужели этот старый паук-разрушитель выжил в аду у озера?

Это всего лишь мое воображение. Забудь об этом!

К несчастью, воображение уже снабдило ответом, который мог бы дать Один-в-своем-роде:

Ах, моя драгоценность. Разве ты не всегда говоришь так?

Дрожа не только от холода, Двер приготовился к долгому ожиданию, глядя на туннель в лесу бу: через хребет Риммер могут попытаться проскользнуть другие необычные предметы.

Какой-то шум вырвал Двера из сна, полного ощущения тщетности и паралича. Глаза дернулись от боли, когда он открыл их на холодном ветру. Он бессильно пытался сосредоточиться на том, что его разбудило. Но в голову приходила только нелепая мысль, что кто-то позвал его *по имени.*

Дельфин почти в зените, его бока из бело-голубых звезд словно ныряют меж молочными волнами.

Облака. И снег идет сильней.

Двер помигал, пытаясь вглядеться. Что-то там движется.

Он поднял руку, чтобы протереть глаза, но пальцы не сгибались. Когда они коснулись лица, то показались окаменевшими — признак шока, усиленного морозом.

Бон там. Что это?

Что– то действительно движется. Не другой робот, самодовольно летящий на силовых столбах, но спотыкающаяся двуногая фигура, торопливо идущая вверх по склону. Двер решил, что походка непрофессиональная. В таком темпе он устанет гораздо быстрей. И никакое дело не стоит риска в такую погоду.

Из всех Шести только хуны и люди способны передвигаться в такой снегопад, но никакой хун не стал бы так торопиться.

Эй, ты! Не ходи в лес бу. Там опасно!

Но Двер лишь захрипел, звук его голоса смог только разбудить Грязнолапого, который поднял голову.

Эй, глупец! Неужели не видишь наш след в траве и на снегу? Да он словно буйурское шоссе! Ты слеп?

Фигура прошла мимо и исчезла в туннеле

между стволами бу, похожем на проход в кафедральном соборе. Двер осел, ненавидя себя за собственную слабость. *Мне нужно было только крикнуть. И все. Всего лишь один крик.*

Он остекленевшим взглядом смотрел, как снежные хлопья падают на примятую траву, медленно стирая след, ведущий к убежищу в скалах. *Что ж, ты ведь сам хотел спрятаться, разве не так?*

Может быть, их четверых так никогда и не найдут. Дверу не хватало сил, чтобы почувствовать иронию. Такой охотник. Такой великий охотник…

Незнакомец

Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к этому невероятному путешествию в деревянном корабле, который плывет по скалистым каньонам, проносится мимо высоких каменных стен, создавая впечатление невероятной скорости. Но каким-то странным образом он знает, что привык лететь с большей, гораздо большей скоростью… хотя сейчас ему трудно об этом вспоминать.

Затем пассажиры этого корабля — смесь поразительных типов.

Вначале несколько из них приводили его в ужас — особенно хлюпающее существо, похожее на груду флегматичных пончиков, нагроможденных друг на друга и испускающих сложные зловонные запахи, от которых скребло в носу и горле. Один вид этого гофрированного конуса вызывал ощущение слепого ужаса, пока он не понял, что есть нечто совершенно особенное в этом джоф…

Мозг отказывается вспоминать это слово, это название, хотя он пытается его извлечь.

Слова не хотят приходить легко. Большую часть времени они вообще не приходят.

Хуже того, он не может говорить, не может формулировать мысли или понимать то, что говорят другие, адресуя ему звуки. Даже имена, простейшие ярлычки, не даются ему, ускользают, как извивающиеся твари, слишком рассерженные или изменчивые, чтобы перенести его прикосновение…

Не важно.

Он решает ждать, поскольку другого выхода нет. Он даже умудряется сдержать отвращение, когда его касается коническое существо, поскольку, кажется, существо стремится его исцелить и боль всегда немного отступает после прикосновения его щупалец к голове.

Со временем эти прикосновения становятся странно приятными.

Во всяком случае, она *всегда рядом, мягко разговаривает с ним, нацеливает своей улыбкой его ограниченное туннельное зрение, дает основания для робкого оптимизма.*

Он мало что помнит о своем прошлом, но смутно вспоминает свой прежний образ жизни — не философию его, а скорее отношение…

Если вселенная старается уничтожить вас, лучше всего сопротивляться ей с надеждой.

IX . КНИГА МОРЯ

Забвение, способное принести благословение и избавление, не может быть случайным.
Аспекты забвения должны приходить в нужной последовательности.
Вначале отчужденность от необходимости овладевать материальным миром. Или формировать другие живые существа по твоим потребностям.
Твоя цель – быть сформированным. Вначале природой, а потом руками и сознанием, более мудрым, чем твое.

Свиток Обещания

Рассказ Олвина

И вот мы на вершине горы Гуэнн, в разреженном сухом воздухе, окруженные жарой, пылью и серными запахами их кузницы Уриэль. И о чем же хочет поговорить с нами Гибц, алхимик?

Треки учат, что все мы попадем в разные виды ада.

Но подожди, Олвин. Рассказывай так, как поступил бы старинный земной повествователь. Опиши вначале сцену действия, потом само действие.

Гибц составляет свои рецепты для металла и стекла в мрачной мастерской, так непохожей на безупречно чистый и сверкающий зал Уриэль с вращающимися дисками. На покрытых пятнами деревянных полках груды минеральных порошков, в глиняных кувшинах плещутся ядовитые жидкости. Из узкого окна открывается вид на север, склон уходит вниз до самого пятна болезненно резких цветов, которое может быть только Спектральным Потоком. А это означает, что помещение настолько высоко, насколько можно подняться, не попав в мерцающую кальдеру горы Гуэнн.

Под окном над грудой хорошо устоявшейся кухонной мульчи жужжат мухи. Надеюсь, мы не прервали обед Гибца. Мы вчетвером: Гек, Клешня, Ур-ронн и я — пришли в алхимическую лабораторию по приказу Уриэль, великого кузнеца, правителя крепости индустрии, сидящей на дрожащем колене Джиджо. Вначале я решил, что она отослала нас, просто чтобы избавиться от надоедливой молодежи, пока она обсуждает с мудрецом-человеком, как усовершенствовать свои любимые передачи, рычаги и вращающиеся стеклянные диски. Главный помощник Урдоннел неодобрительно ворчала, ведя нас по длинной рампе туда, где помещается лаборатория для смешения. Только наша приятельница Ур-ронн казалась оживленной, почти ликующей. Мы с Гек обменивались взглядами, не понимая, в чем причина этого веселья.

Мы узнали это, когда Гибц выбрался своим пестрым коническим корпусом из-за рабочего стола. Слова доносились из говорящей трубы на его сморщенном, третьем с верха кольце.

Умная молодежь четырех рас, добро пожаловать! Сообщать вам новость — большая честь. Одобрить вашу намечаемую экспедицию принято решение. Вашу попытку достичь, посетить, ис-

следовать ближайшие районы Верхней Помойки вы можете осуществить.

Гибц замолчал, выпуская пары из синтезирующего кольца. А когда треки заговорил снова, то на ломаном неправильном англике, и голос его казался напряженным.

— Попытка будет пользоваться… полной поддержкой Кузницы горы Гуэнн. И в качестве доказательства этой поддержки — смотрите: ваше полностью готовое окно!

Мастер смесей указал щупальцем в сторону деревянного ящика у стены, с которого была снята крышка. И в грудах тонких опилок блестело изогнутое толстое стекло, безупречное на взгляд.

Клешня возбужденно заплясал, его ноги с красными когтями громко застучали по каменному полу.

— Прекрасно-красно!

Гибц согласился.

— Его покрыли специальным веществом — чтобы яснее видеть окружающее.

Ур– ронн повернула длинную шею, чтобы лучше разглядеть стекло-пузырь.

— Последняя фаза была очень трудной. Спасибо, Гибц, за прекрасное покрытие!

Ур– ронн повернулась, чтобы объяснить Гек

и мне.

— После нескольких месяцев затяжек Уриэль неожиданно, всего три дня назад, разрешила отливку. И поскольку результат получился удачным с первой же попытки, она велела считать это *кун-уру!*

Это урское обозначение искусной работы. Такой, которая позволяет присвоить квалификацию мастера. Это позволит Ур-ронн далеко пройти по пути к достижению своей цели.

Никто из нас остальных еще не начал учиться профессии, даже еще не решил, чем будет заниматься, подумал я слегка ревниво. С *другой стороны, урам приходится торопиться. У них не так много времени.*

Я посмотрел на Урдоннел, главную соперницу Ур-ронн в роли наследника Уриэль. И мне не нужен был реук, чтобы понять ее раздраженность тем, что она называла “детским хобби”, — экспериментальным погружением в глубокую впадину.

Должна была бы знать кое-что еще, подумал я, испытывая жалость к Урдоннел. *У Уриэль тоже есть бесполезное хобби — это помещение со сверкающими дисками. И проект Ур-ронн относится к тому же типу — просто-из-любопытства.*

Сходство между ними гораздо больше родственного запаха.

Значит, для Ур-ронн это продвижение в карьере. Я был рад за нашего друга.

— Стекло выло испытано на гидростатическое давление свыше пятидесяти кордов глубины, — с явным удовлетворением продолжала Ур-ронн. — И когда мы установим фонари и другое оборудование, которое нам дает Уриэль…

— Нам? — прервала ее Гек. Она повернулась и посмотрела на Ур-ронн тремя выступающими глазами. — Что значит “нам”, хрюшка? Значит, ты идешь с нами?

Узкая голова Ур-ронн откинулась назад. Шея прогнулась в виде буквы S.

— Пойду… если смогу.

— Гек! — укоряюще позвал я. Нужно было, чтобы ноздри Ур-ронн вернулись к прежним размерам. Я чувствовал, как спицы Гек задрожали от напряжения.

Гибц вмешался еще одним выхлопом, на этот раз с острым запахом ржавого металла.

— Если возможно, урское присутствие желательно. — Треки, казалось, не хватает дыхания. — Но даже если это окажется невозможным, не расстраивайтесь. Работник горы Гуэнн… будет

сопровождать в этом смелом предприятии… до самых больших глубин.

Я с трудом разбирал запинающийся, с сильным акцентом англик Гибца. Мы с Гек обменялись непонимающим взглядом.

— Я/мы… частично… буду сопровождать… замечательную группу, — объяснил Гибц, выпуская пар из самого верхнего кольца. И затем треки продемонстрировал нам нечто такое, что никто из нас не ожидал. Он повернулся, показав сочащийся бугор с другой стороны примерно посредине груды мясистых колец. Это не обычное вздутие, когда треки отращивает новое щупальце или готовит химикалии для реакций. Вздутие раскололо трещина, обнажив нечто скользкое и извивающееся.

Я понял: треки влен-почкуется прямо у нас на глазах.

Щель стала шире, и мастер смесей задрожал. Сложная смесь болезненных звуков сопровождала появление из отверстия чего-то, это что-то скользнуло по наклонному боку треки, оставляя за собой чешуйки кожи.

— Вот это да… да… да… да… да! — повторял Клешня по очереди из каждой ножной щели, его сенсорная полоска отчаянно вращалась. Ур-

доннел нервно отпрянула, а Гек каталась взад и вперед, разрываясь между любопытством и отвращением. Я почувствовал укус: это маленькая Хуфу, наш нур-талисман, вскарабкалась по моей спине на плечо, встревоженно рыча. Машинально я погладил ее мягкую шерсть, успокаивая, хотя сам особой уверенности не испытывал.

Блестя слизью, существо с хлюпающим звуком приземлилось на пол и лежало почти неподвижно, миниатюрный, разделенный на четыре части тор из многочисленных колец непрерывно дрожал. А тем временем под отвисшей кожей треки — родителя шла перегруппировка.

— Не… волнуйтесь… — произнес слегка изменившийся голос из разговорного выступа старой груды колец. — Я/мы приспособлюсь… перестроюсь…

Успокаивающие слова, но все знают, что влен — опасное время для треки, когда предыдущее единство колец оказывается под угрозой и часто распадается. По этой причине большинство из них размножаются внешне, выращивают новые кольца по одному в загонах, или покупают у опытных производителей, меняются ими, пока не получают нужный набор свойств для отпрыска. Но я слышал, у влена есть свои преимущества.

Мистер Хайнц утверждает, что видел несколько вленов, но я уверен, что он никогда не был свидетелем появления такого четырехъярусного потомка, полностью снабженного всем необходимым и самостоятельно движущегося!

— К этому вновь отделившемуся существу можно обращаться — временно, — называя его *Зиз*. Оно будет отзываться на это слово-образ, если сохранятся унаследованные словесные образцы. После выполнения своих функций оно может стать кандидатом на приращение и на обладание полной жизнью. А пока оно подготовлено… чтобы участвовать в вашем поиске и наделено способностями, которые могут понадобиться…

— Не знаю. — Голова Ур-ронн описывала смущенный овал. — Вы хотите сказать… Гек спросила:

— Гибц. А что мы должны… Треки прервал ее.

— Я/мы больше не отзываюсь на это имя. Сейчас идет голосование колец. Прошу не разговаривать и не вмешиваться.

Мы замолчали, благоговейно глядя, как это создание буквально борется — борется само с собой, внутри себя. От базового сегмента поднималась до самого верха дрожь, заканчиваясь выпуском желтого пара. По всему телу прокаты-

вались волны — поперечные и продольные. Так продолжалось много дуров, и мы все это время опасались, что Гибц разорвет себя на части.

Наконец дрожь ослабла, потом совсем прекратилась. Сенсорные органы треки снова сфокусировались. Из сморщенного речевого рта полились слова измененным голосом.

— Решение принято. Временно вы можете называть меня/ нас Тиуг. И очень вероятно, что эта груда отзовется. Еще одна волна дрожи,

— Что я отвечу. Пожалуйста, сообщите Уриэль, что дело завершено. Скажите ей также, что мое/ наше мастерство сохранилось.

И только тогда я понял, каким рискованным был этот влен. Мастер смесей — очень важный член команды Уриэль. Если бы Гибц — если ты *Тиуг* — не смог припомнить все тонкости своего дела, сплавы горы Гуэнн не сверкали бы, не резали, как сейчас, и не разлагались бы с течением времени.

Как глупо с моей стороны. Все это время я тревожился только о *жизни* бедного треки.

Хуфу спустилась по моей спине и приблизилась к вновь образованному полусуществу треки, которое уже встало на множество плавниковоподобных ножек под нижним сегментом и неловко

размахивало щупальцами с верхнего кольца. Нур подозрительно принюхался и с удовлетворенной трелью отступил.

Таким образом, первым признала Зиза, нового члена нашей группы, Хуфу.

Теперь, если бы у нас был еще человеческий подросток, мы были бы полной шестеркой.

Как известно каждому моряку, предзнаменования бывают хорошими. Удача — это здорово. Конечно, она непостоянна, но все же гораздо лучше своей противоположности.

У меня появилось предчувствие, что нам потребуется вся удача, какую только может послать Ифни.

X . КНИГА СКЛОНА

Легенды

Квуэны рассказывают, что их бегство на Джиджо было вопросом не выживания, а культуры.

Бронированные, высадившиеся на Джиджо свыше тысячи лет назад, оставили противоречивые легенды. Серые, синие и красные рассказывают свои версии событий, предшествовавших прилету их крадущегося корабля и последовавших за ним.

Но все они соглашаются, что все началось в Первой галактике, где у расы были неприятности с собственными союзниками.

В соответствии с нашим уцелевшим экземпляром "Основ галактической социополитики" Смелта, большинство звездных рас являются членами кланов — эти взаимоотношения основаны на грандиозной цепи Возвышения. Например, земляне входят в самый маленький и простой клан, который состоит из них самих и их двух клиентов: неошимпов и неодельфинов. Если патроны, когда-то предположительно возвысившие Homo sapiens, будут найдены, земляне войдут в обширное "семейство", уходящее в прошлое на многие века, возможно, даже к легендарным Прародителям, которые миллиард лет назад

начали цикл Возвышения. Став членами такого клана, земляне будут гораздо сильней. Но получат также многочисленные древние долги и обязательства.

Другая, совершенно отличная система союзов, основывается на философии. Многие случаи вражды и бесчисленные войны чести, разрывающие галактическую культуру, возникли из-за споров, которые ни один член Шести сейчас не может ни припомнить, ни осознать. Мощные союзы сражались из-за неясных вопросов теологии, таких, например, как природа давно исчезнувших Прародителей.

Говорят, что когда квуэны жили меж звезд, они были членами союза эвейтеров — это членство они унаследовали от своих патронов зошей, которые отыскали примитивных квуэнов в их ульях на морских утесах, где ими правили свирепые серые королевы. Отыскали и возвысили.

Дела обстояли бы проще, если бы зоши возвысили только серых, но они дали тот же толчок к разуму синим и красным квуэнам. И это не было концом, потому что, согласно преданиям, философия эвейтеров была эгалитарианской и прагматичной. Союз подметил ценные способности в красных и синих квуэнах. И были

разработаны правила, согласно которым узы повиновения серым ослабли.

Некоторые квуэны ушли от этого вмешательства, они хотели найти место, где можно было бы сохранить свой "естественный порядок".

Вот почему — вкратце — они явились сюда.

На Джиджо и сегодня эти три типа не соглашаются, кто же кого предал. Серые утверждают, что их колония начиналась в духе гармонии, дисциплины и любви. И все шло хорошо, пока уры, а затем и люди не стали провоцировать недовольство синих. Но другие историки, такие как Речной Нож или Срезанный Коралл, с этим не согласны.

Какова бы ни была причина, все согласны с тем, что сегодня культура квуэнов еще более нетрадиционна, чем та, от которой бежали их предки.

Такова ирония: дети игнорируют желания родителей и начинают сами думать за себя…

Седьмое собрание легенд Джиджо.

Третье издание. Департамент фольклора и языков, Библос.

1867 год изгнания

Аскс

Неожиданно их вопросы приняли новое направление. Какое-то напряжение — не совсем страх, но брат этой универсальной эмоции — чувствовалось в речи пришельцев.

И однажды ночью их опасения облеклись в торопливую физическую форму.

Они сожгли свою черную станцию!

Помните вы наше удивление, мои кольца? В сумерках она была здесь, спокойная, высокомерно не обращающая внимания на открытое небо. Кубическая и бросающаяся в глаза своим искусственным происхождением.

А когда мы вернулись на рассвете, на ее месте была только огромная груда земли. Судя по размерам этой груды, Лестер предположил, что чужаки выкопали яму, опустили в нее станцию и закопали, как жук — борер, спасающийся от норковой мыши.

Догадка Лестера подтвердилась, когда из-под земли появились Ранн, Кунн и Беш, они поднялись по темному гладкому туннелю, чтобы возобновить обсуждение в шатре переговоров. На этот раз они сосредоточились на *машинах.* В

особенности — какие приспособления остались со времен буйуров? Они хотели знать, сохранилась ли в этих древних устройствах сила жизни.

Они сказали, что так бывает на некоторых невозделанных мирах. Ленивые расы, улетая и предоставляя планете эпоху отдыха, оставляют бесчисленное количество служебных роботов. Почти совершенные, самовосстанавливающиеся, покинутые машины могут продержаться очень долго. Лишившись хозяев, они бродят по местности, где не слышно ни одного живого голоса.

Они спрашивают — видели ли мы таких механических сирот?

Мы попытались объяснить, что буйуры были чрезвычайно педантичны и аккуратны. Что их города были демонтированы или разбиты и засеяны пауками-разрушителями. Что их механические слуги были запрограммированы таким образом, чтобы, оставаясь подвижными, искать покоя в глубинах впадины, которую мы называем Помойкой. Мы верим в это, но люди с неба, казалось, сомневаются в каждом нашем слове.

Они спрашивают (опять) о *посещениях.* Видели ли мы другие корабли, которые украдкой прилетали сюда? О своих целях они намекают, но никогда не говорят вслух.

Как и планировалось, мы сделали вид, что не понимаем их вопроса. В старых человеческих сказаниях и книгах подобная техника часто используется слабыми в делах с сильными.

Действуй глупо, предлагают сказания. *А тем временем внимательно наблюдай и слушай.*

Но сколько еще нам удастся так продержаться? Беш уже расспрашивает тех, кто приходит на лечение. И в своей благодарности некоторые способны забыть наши указания.

Четвертый член группы людей-чужаков — Линг — вернулась из исследовательской экспедиции. Но разве она ушла не с молодым еретиком Ларком? Однако вернулась она одна.

Нет, сказали мы ей. *Мы его не видели. Он сюда не возвращался. Вы можете сказать нам, почему он вас покинул? Почему оставил в лесу. Не выполнив свое задание?*

Мы пообещали дать ей другого проводника. Утена, натуралиста — квуэна. А тем временем попытались успокоить пришельцев.

Если бы только нас не бросили наши реуки! Когда я/мы спросил Лестера о настроении женщины — что он понял по ее поведению, — он только пожал плечами и ответил, что ничего не может сказать.

Сара

Группа пассажиров и членов экипажа экспромтом организовала на корме *Хауф-вуа* концерт в честь возвращения Незнакомца к жизни.

Ульгор будет играть на виоле, струнном инструменте, основанном на земной скрипке, но видоизмененном, чтобы подходить для искусных пальцев ура. Ульгор настраивала свою виолу, а Блейд тем временем накрыл своим сине-зеленым панцирем барабан-мирлитон, поглаживая его туго натянутую мембрану своим массивным, сложно устроенным языком и заставляя барабан рычать и греметь. В то же время в своих пяти ногах он держал кувшины, наполненные до разных уровней водой. Из каждого отверстия его речевых щелей слышались пробные ноты.

Пзора, аптекарь-треки, скромно отказывался от наличия музыкального таланта, но согласился сыграть на нескольких металлических и керамических колокольчиках. Рулевой хун будет петь, а профессиональный скрайвен-танцор почтила импровизированную группу согласием аккомпанировать в манере г'кеков грациозными движениями глазных стебельков и знаменитых

танцующих рук, которые напоминают раскачивающиеся деревья, или дождь, подгоняемый ветром, или птиц в полете.

Сару попросили завершить шестерку, но она отказалась. Единственный инструмент, на котором она играет, отцовское пианино в доме Нело у большой плотины, но даже и на нем играет она не очень хорошо. *Бот тебе и предполагаемая связь между музыкальными и математическими способностями,* иронически думала она. Все равно ей нужно приглядывать за Незнакомцем, если вдруг у того начнется новый истерический припадок. Пока он кажется спокойным и смотрит на окружающий мир темными глазами, которые, похоже, приятно удивлены всем увиденным.

Можно ли считать это симптомом? Травмы головы иногда вызывают потерю памяти — или даже способности запоминать, так что все кажется вечно новым.

По крайней мере он способен испытывать радость, думала она. Каждый раз, когда она подходит, он улыбается. Необычно и приятно ощущать, что кто-то так искренне радуется, видя тебя. Если бы она была красивой, это не сбивало бы так с толку. Но тут же вспомнила, что привлекательный смуглый Незнакомец болен. Он не в

своем уме.

И все же, продолжала рассуждать она, *что такое прошлое, как не фикция, изобретенная сознанием, чтобы оно имело возможность функционировать!* Целый год она убегала от воспоминаний по причинам, которые сейчас кажутся совершенно неважными.

Теперь это не имеет значения.

Ее тревожило то, что происходит в Риммере. И из памяти не выходили братья.

Если бы ты приняла первоначальное предложение Теина о браке, у тебя сейчас были бы дети и пришлось бы беспокоиться и об их будущем.

Отказ величественному седовласому мудрецу вызвал немалое волнение. Сколько еще последовало бы предложений этой застенчивой дочери бумажника, которая больше интересуется математическими символами, чем танцами и другими развлечениями? Вскоре после отказа Теину внимание Джошу как будто показало правильность ее решения, пока Сара не поняла, что для молодого переплетчика она всего лишь развлечение, возможность веселей провести год ученичества в Библосе и ничего больше.

Иронично, не правда ли? Ларк мог выбрать любую молодую женщину со Склона, но философия

заставила его предпочесть безбрачие. Мои заключения относительно Джиджо и Шести прямо противоположны его. Но я тоже одинока.

Разные пути привели к одному и тому же одинокому тупику.

А теперь явились боги из космоса и направили нас по дороге, указательные знаки на которой нам не видны.

По-прежнему не хватало шестого для концерта. Хотя люди ввели на Джиджо струнные инструменты, в смешанных секстетах они традиционно играли на флейте. Джоп искусно владеет этим инструментом, но фермер отказался, предпочтя вчитываться в книги свитков. Наконец согласился попытать счастья юный Джома, вооружившись парой ложек.

Вот и хваленый вклад землян в музыкальную жизнь Джиджо.

Скрытый под тяжелым щитом Блейда, мирлитон издал низкий рокочущий звук, к которому присоединился печальный вздох из одного кувшина под передней левой ногой Блейда. Зрительная лента квуэна подмигнула Ульгор, самка ур подняла виолу, наложила двойной смычок на струны и извлекла двойную дрожащую ноту, раскрасив басовый стон мирлитона. Послышался

многоуровневый звук. Он продлился…

Мгновение гармонии дуэта, казалось, все длится и длится. Сара сдержала дыхание, чтобы ни один посторонний звук не нарушал эту удивительную гармонию. Даже Фалькун выкатилась вперед, явно тронутая.

Если остальное будет таким же…

В следующее мгновение вступил Пзора, нарушив сладкие до боли звуки звоном колокольчиков и цимбал. Аптекарь из Доло, казалось, в своем усердии не понимает, что он разрушил; он энергично звонил, останавливался и начинал снова. После недолгого ошеломленного молчания экипаж хунов разразился хохотом. Зашумели нуры на мачтах, а Ульгор и Блейд обменялись взглядами, для понимания которых не нужен реук, — это были эквиваленты пожатия плечами и подмигивания. Они возобновили игру, включая энтузиазм Пзоры в свой привязчивый четырехчастный ритм.

Сара вспомнила, как мать учила ее играть на пианино по нотам — по музыке, *записанной на бумаге.* Теперь это искусство почти совершенно забыто. Джоджианские секстеты импровизируют, они создают гармонию из отдельных линий, сливая и разделяя их, пользуясь одним

совпадением за другим. Человеческая музыка в большинстве культур до Контакта была именно такой — перед тем, как европейцы додумались до симфоний и других сложных музыкальных форм. По крайней мере так читала Сара.

Преодолев застенчивость, застучал своими ложками Джома, а Блейд извлек несколько дрожащих нот из каллиопы. Рулевой хун раздул свой горловой мешок и, отвечая ритму мирлиона, начал импровизацию без слов.

Тут вперед выкатилась Фалькун, грациозно размахивая руками и напомнив Саре о мягко клубящемся дыме.

То, что вначале было изысканным, потом полным юмора, приобрело еще более ценимое свойство.

Единство.

Сара посмотрела на Незнакомца. Лицо его было взволнованно, он завороженно смотрел на изысканные движения Фалькун. Левой рукой довольно отбивал ритм на одеяле.

Можно представить себе, каким был этот человек, подумала Сара. Даже *искалеченный, испытывающий страшную боль, он проводит время в очаровании хорошим.*

От этой мысли у нее перехватило горло. За-

хваченная врасплох, Сара отвернулась, скрывая волну печали, от которой внезапно помутилось зрение.

Вскоре показался город Тарек, расположенный у слияния рек Рони и Бибура.

Издали город казался зеленым холмом, не отличающимся от других возвышенностей. По склонам холма были разбросаны какие-то серые фигуры, похожие на камни. Но когда *Хауф-воа* сделал последний поворот, то, что издалека казалось сплошным целым, вдруг раскрылось — огромная полая *паутина,* увитая растительностью. “Камни” — это выступающие вершины массивных башен, погруженные в путаницу кабелей, соединений, веревочных мостов, сетей, рамп и наклонных лестниц. И все это покрыто роскошной цветущей растительностью.

Воздух заполнен влажным ароматом, запахом бесчисленных цветов.

Саре иногда нравилось зажмуриться и представить себе, каким был этот город при могучих буйурах — всего лишь небольшой поселок. Но место подлинной цивилизации, полное деловито гудящих машин, истоптанное следами пришельцев с далеких звезд, с звездными кораблями, грациозно опускающимися на посадочные пло-

щадки. Город, полный стремлений, которые она, примитивная жительница леса, никогда не будет в состоянии понять.

Но когда экипаж из хунов шестами подвел *Хауф-воа* к скрытому причалу, никакое прищуривание не могло скрыть упадка Тарека. Из мириадов окон только немногие блестели застеклением возрастом в миллион лет. Из других окон торчали грубые трубы, покрывшие когда-то безупречно гладкие стены толстым слоем сажи от кухонных костров. Широкие карнизы, на которые некогда садились летающие корабли, теперь были заняты миниатюрными садиками или уставлены клетками для шумливых стадных птиц. Вместо самодвижущихся машин улицы кишели торговцами и грузчиками, переносившими товары на спине, или небольшими повозками с запряженными в них животными.

Высоко вверху, на ближайшей башне, молодые г'кеки бесстрашно носились по рампам без ограждений, не обращая внимания на пропасть. Их спицы сливались от скорости. Городская жизнь больше всего подходит колесной расе. Редкие в остальных местах, в городе г'кеки составляли самую большую часть населения.

К северу, на перешейке, соединяющем Тарек

с материком, лежат “недавние” развалины из каменных плит — тысячелетней давности городские стены, воздвигнутые серыми королевами, которые правили здесь, пока длительная осада не покончила с их правлением — еще тогда, когда бумажная фабрика в Доло была совсем новой. Разрушенные укрепления покрывали следы пожара — свидетельство насильственного рождения Общины Шести.

Но сколько бы раз Сара ни бывала в Тареке, город всегда казался ей чудом. На Джиджо это самое космополитичное место, где смешиваются все расы.

Наряду с кораблями хунов бесчисленные меньшие корабли и лодки проплывают под изогнутыми кружевными мостами. Гребут в этих лодках люди торговцы-трапперы, они везут на рынок шкуры и другие товары. Речные треки, у которых базовое кольцо обладает свойствами амфибии, скользят по узким каналам гораздо быстрей, чем движутся на берегу их привязанные к суше сородичи.

Вблизи слияния рек у специального причала стоят в укрытии два паровых парома, которые соединяют лесные поселки севера с травяными степями юга, где скачут стада уров. На пологом

ближайшем берегу Сара видела, как из воды выходит несколько синих квуэнов. Пренебрегая паромами, они перешли реку по дну — эта способность очень пригодилась им много лет назад, когда синие мятежники сбросили тиранию серых королев, они помогли армии людей, треки и хунов.

Во всех сказаниях об этой битве нигде не говорится об оружии повстанцев, которое я считаю самым главным, — о языке.

Хауф-воа потребовалось немало времени, чтобы пробраться сквозь толчею лодок и причалить к тесной пристани. Забитая кораблями гавань объясняла отсутствие движения выше по течению.

Как только корабль был привязан, нуры с *Хауф-воа* с воплями перегородили трапы, требуя платы. Довольно напевая благодарственную песню, корабельный кок спустился к существам с черным мехом и наделял каждое кусками твердых сладостей. Каждый нур затолкал один кусок в пасть, а остальные спрятал в водонепроницаемую сумку; потом все они перепрыгнули через борт и исчезли среди прыгающих, раскачивающихся корпусов, едва избегая смерти.

Как обычно, Незнакомец наблюдал за происхо-

дящим со смесью удивления, радости и печали в глазах. Он отказался от носилок и спустился по трапу, опираясь на трость, а Пзора пыхтел от гордости: ему удалось оторвать пациента от смертного входа и привезти к опытным целителям города Тарек. Пока Прити отправилась на поиски рикши, они наблюдали, как экипаж хунов с помощью блоков и лебедок извлекает из трюма ящики. Во многих их них — продукция фабрики Нело, которая направляется к разнообразным печатникам, писцам и ученым. На их место грузчики укладывали ребристые пакеты, в которых отправляют из Тарека с одной и той же целью

осколки глиняной посуды и шлак из кузниц уров;

использованные керамические пилы из квуэнских лесоперерабатывающих мастерских;

изношенный типографский шрифт и порванные струны виолы;

те части покойников, которые не могут сгнить, например, кости кремированных людей и уров, позвоночники хунов, оси г'кеков и восковые кристаллы треки;

а также сверкающую пыль от размолотых панцирей квуэнов и множество буйурских остатков. Все это погружают в мусорные корабли и отправ-

ляют в большую Помойку, чтобы очиститься огнем, водой и временем.

Рикша ур помогла им погрузить в низкую четырехколесную тележку раненого, а Пзора стоял рядом и двумя щупальцами-руками держал Незнакомца за плечи.

— Вы уверены, что я вам не понадоблюсь? — спросила Сара, у которой были свои соображения. Пзора вежливо отстранил ее.

— До больницы совсем близко. Разве у тебя нет срочных дел? Разве не должна ты выполнить поручения? Все-вы скоро встретитесь со всеми-нами, сегодня вечером. А наш везучий пациент увидит ваши прекрасные личности завтра утром.

Незнакомец посмотрел на нее своими темными глазами, улыбнулся и потрепал по руке. Ни следа его прежнего ужаса перед треки не осталось.

Вероятно, я ошибалась насчет его раны. Он способен помнить.

Может, в Тареке мы узнаем, кто он. Если удастся привезти членов семьи или друзей, они помогут ему больше меня. Эта мысль причинила боль, но Сара напомнила себе, что она больше не ребенок, который ухаживает за больным птенцом. *Главное сейчас, что о нем будут хорошо заботиться.*

Пзора прав. У меня много своих дел.

Анархический стиль города Тарека означал, что на пристани корабль не встречало ни одно официальное лицо. Но в гавань устремлялись торговцы, торопясь получить свои товары. Другие приходили в поисках новостей. Ходили слухи об ужасных происшествиях на севере и востоке. О приземлении покрытых льдом кораблей зенгов или о целых городах, сожженных титаническими лучами. Рассказывали о жителях, которых толпами гнали на суд, совершаемый судьями — инсектоидами из галактического Института Миграции. Один легковерный человек даже поспорил с Джопом; он настаивал, что фермер ошибается, так как всем известно, что деревня Доло уничтожена.

Это объясняет, почему мы не встретили ни одного корабля, идущего вверх по течению, думала Сара. Из Тарека должно было показаться, что корабль пришельцев проложил огненную полосу как раз над родным поселком Сары.

Во всех гаванях главный товар — слухи и новости, но разве повсюду не преобладают более холодные головы?

Прити сделала знак, что все ящики Нело получены, кроме одного. Этот ящик Сара погрузила

на колесную тележку, чтобы самой доставить Энгрил, переписчице. Потом попрощалась с остальными посыльными из Доло, договорившись встретиться сегодня вечером и сопоставить наблюдения.

— Пошли, Джома, — сказала она сыну Хенрика, который удивленно смотрел на шум и толчею городской жизни. — Сначала отведем тебя к твоему дяде.

На пригаванном рынке голоса звучали приглушенно, торговались неохотно и небрежно. Торгуясь с членами других рас, большинство покупателей и продавцов даже не надевали реуки — явный признак того, что сама процедура торговли для них не очень важна.

Одна владелица магазина, элегантная серая самка-квуэн со сложной золотой росписью панциря, подняла две руки-клешни и посчитала девять неровных пальцев-подушечек, показывая одновременно легким наклоном купола, что это ее окончательное предложение. Продавец, деревенского вида красная самка квуэн, в отчаянии зашипела и показала на прекрасные соляные кристаллы, которые привезла с далекого моря. Сара расслышала ответ городской жительницы:

Качество или количество — какая теперь

разница? И почему меня должна интересовать цена?

Этот ответ поразил Сару. Представить себе городского серого, равнодушного к коммерческой сделке? Да, местные жители явно не в себе.

А разве мы в Доло в лучшем состоянии?

Горожане собирались небольшими группами, сплетничали на своих диалектах. Многие хуны держали обитые железом трости — обычная прерогатива капитанов, в то время как урские лудильщики, скотоводы и торговцы держались поближе к своим драгоценным вьючным животным. У каждого ура на холке в ножнах топор или мачете — полезные орудия в сухих лесах и степях, где они живут.

Почему же эта картина заставила Сару нервничать?

Если подумать, то многие люди ведут себя так же, ходят только группами, вооружены орудиями, предназначенными для рубки, копания, охоты — или для таких целей, о которых Сара и думать не хотела. Жители г'кеки держались своих квартир и студий.

Мне нужно узнать, что здесь происходит, и поскорее, подумала Сара.

Она испытала облегчение, когда кончился пол-

ный напряжения рынок и началась сверкающая яркость Мешанины.

До сих пор они шли в тени, но вот перед ними отверстие в густом растительном навесе. Возвышавшиеся когда-то сооружения лежат в развалинах, их аккуратные геометрические корпуса расколоты, разбиты и собраны в одну груду, по которой и названо это место. Между обломками камней текут мутные потоки, возникают и лопаются пузыри, остатки того времени, когда это место было ядовитым и подвергалось восстановлению.

Джома заслонил глаза.

— Я его не вижу, — пожаловался он.

Сара сдержала порыв утащить его назад в тень.

— Чего не видишь?

– *Паука.* Он ведь должен быть здесь, в этой груде?

— Паук мертв, Джома. Он погиб до того, как мог все уничтожить. Он только начал. Поэтому город Тарек не стал еще одним болотом, полным изжеванных камней, как у нас, к востоку от Доло.

— Это я знаю. Но отец говорит, что он все еще здесь.

— Это верно, — согласилась она. — С самого

причала мы проходим под ним. Видишь эти кабели над головой? Даже рампы и лестницы обвиты старыми нитями мульк-паука, и многие из этих нитей все еще живы — по-своему.

— Но где сам *паук?*

– Он был в своей паутине, Джома. — Сара показала на густую перекрещивающуюся сеть, натянутую между башнями. — В целом виде эта паутина и представляла собой особую форму жизни, задача которой — уничтожение древнего города буйуров. Но однажды, еще до того, как на Джиджо высадились г'кеки, именно этот паук заболел. Его нити разучились действовать вместе. И когда это произошло, паука не стало.

— Ага. — Мальчик немного подумал, потом осмотрелся. — Ладно. Я *знаю,* что здесь есть кое-что еще…

— Джома, — начала Сара. Ей не хотелось обрывать мальчика, который так похож на Двера в таком возрасте. — Мы должны идти…

— Я слышал, что она здесь, возле Мешанины. Я хочу увидеть лошадь.

— Ло… — Сара мигнула, потом вздохнула. — О! Ну хорошо, почему бы и нет? Если пообещаешь, что оттуда мы пойдем прямо к твоему дяде. Договорились?

Мальчик энергично кивнул, снова повесив на плечо сумку. Сара взяла собственный мешок, полный записями о ее исследованиях. Прити катила сзади тележку.

Сара показала:

— Она здесь, у входа в Земной город.

С тех пор как были сожжены грозные катапульты серых королев, город Тарек был открыт для всех рас. Тем не менее каждая из Шести предпочитала свой район города, причем люди занимали фешенебельный южный квартал — благодаря богатству и престижу, достигнутыми книжной торговлей. Трое шли в этот район под затененной лоджией, окружающей Мешанину. Изогнутые арками подпорки-были покрыты ароматными цветами, но даже этот сильный аромат был поглощен, когда они проходили место, где уры держат свои стада. Несколько незамужних самок-уров слонялись у входа. Одна из них опустила голову и пренебрежительно оскалилась на Сару.

Неожиданно все уры подняли длинные шеи и повернули головы в одном направлении. Их мохнатые уши ловили звуки отдаленного грохота, доносившегося с юга. Вначале Сара подумала, что это *гром.* Но потом по спине пробежал холодок тревоги, она подняла голову и посмотрела

в небо.

Неужели это происходит снова?

Джома взял ее за руку и покачал головой. Мальчик с профессиональным интересом вслушивался в далекий рокот.

— Это испытание. Я точно могу сказать. Нет призвука тесного окружения или большого количества. Какой-то взрывник проверяет свои заряды.

Сара проворчала:

— Как утешительно… — Но только сравнительно с краткой ужасной мыслью о новом корабле богов, разрывающем небо.

Молодые уры снова смотрели на них. И Саре не нравилось выражение их глаз.

— Хорошо, Джома. Пойдем посмотрим лошадь.

Сад Статуй расположен в южном конце Мешанины. Большинство “произведений искусства” представляли собой неглубоко выжженные граффити или грубые карикатуры, нацарапанные на каменных плитах за те долгие столетия, когда грамотность была на Склоне большой редкостью. Но в некоторых местах резьба по камню поражала своей абстрактной сложностью — группы каменных шаров, напоминающие гроздь винограда, или неровная связка похожих на ножи копий,

торчащих в разные стороны. Все это вырезано крепкими зубами древних матриархов, которые проиграли в династической борьбе квуэнов и были прикованы здесь своими торжествующими победительницами, проводя свои последние дни под ослепительным солнцем.

На ближайшем столбе пронзительно реалистический барельеф одной из ранних эр. Медленное погружение в разъедающую грязь уничтожило большую часть фриза. И все же в нескольких местах еще можно было разглядеть *лица.* Огромные проницательные глаза внимательно смотрят с круглых голов, посаженных на тела, стоящие на задних ногах с поднятыми передними, словно протестуя против приговора судьбы. Даже спустя столько времени глаза словно светятся гигантским интеллектом. Уже очень давно никто на Джиджо не видел такое проницательное или ядовитое выражение на лице глейвера.

В последние годы растительную маскировку Тарека расширили, поместив большую часть резных изображений в тень. Но и после этого самые упрямые ортодоксы призывали к уничтожению скульптур. Однако большинство горожан разумно считало, что этой работой по-прежнему должна заниматься Джиджо. Древние озера

мульк-пауков все еще растворяют камень, хотя и медленно. И эта работа переживет и всех Шестерых.

Так мы считали. Нам всегда казалось, что впереди много времени.

— Вот она! — возбужденно показал Джома. Мальчик побежал к массивному памятнику, на гладких боках которого плясали пятна света и тени. *Жертва человечества* — так называлась эта скульптура, в память того, что принесли с собой мужчины и женщины с земли и что они ценили выше своих драгоценных книг.

Нечто такое, от чего ради мира они навсегда отказались.

Животное застыло в прыжке, подняв благородную голову; ветер развевал его гриву. Нужно было только прищуриться и представить себе его в движении, в мощном и грациозном галопе. С любовью упоминаемое в бесчисленных земных преданиях, это было одно из великих легендарных чудес старой Земли. Памятник всегда глубоко трогал Сару.

— Совсем не похоже на осла! — выпалил Джома. — Неужели лошади действительно были такими большими? Сара вначале сама не верила.

— Да, иногда они были и такие большие. И не преувеличивай, Джома. Конечно, она похожа на осла. В конце концов, они ведь родственники.

Да, как дерево гару родственно кусту грикла.

Потрясенным голосом Джома спросил:

— А можно мне залезть на нее?

— Даже не говори об этом! — Сара торопливо оглянулась. Ни одного ура не видно, поэтому она слегка успокоилась и покачала головой. — Спроси своего дядю. Может, он вечером отведет тебя сюда.

Джома был разочарован.

— Ты ведь сама садилась на нее, верно?

Сара едва не улыбнулась. Действительно, они с Двером совершили этот ритуал, будучи еще подростками, в конце одной холодной зимы, когда большинство уров довольно спят со своими ленивыми мужьями. Поэтому ни одна тройка глаз не покраснеет от гнева при виде зрелища, которое так сердило уров в первые столетия после появления землян — симбиоз человека с огромным животным, способным перегнать любого ура. Два существа, вместе достигающие величия, которого нет у них порознь.

После второй войны они решили, что нас ослабит, если они потребуют уничтожения всех

лошадей и потом смогут нас совсем истребить.

Думаю, впоследствии они поняли свою ошибку.

Сара отмахнулась от недостойных горьких мыслей. Все это произошло так давно, еще до заключения Великого Мира и появления Яйца. Она мимо памятника лошади посмотрела на облачное небо над укутанным цветами скелетом древнего буйурского города. *Сказано, что когда с неба упадет яд, его самой смертоносной формой станет сомнение.*

Гильдия взрывников занимала здание, ранее называвшееся Башней химии, но большинство жителей Тарека именовали его Дворцом Вони. По бокам шпиля, подобно лианам-паразитам, поднимались трубы из обработанных стволов бу, из труб вился пар или дым, так что все это напоминало Пзору после тяжелого дня в аптеке. Действительно, после людей треки были самыми многочисленными посетителями, проходившими через передний вход или поднимающимися на лифте с противовесом на верхние этажи, где изготовляются вещи, необходимые всюду на Склоне: спички, чтобы зажигать кухонные печи; масло, которым натирают свои панцири квуэны, чтобы предотвратить чесотку и отслоение; мыло для стирки одежды людей и хунов; смазку, кото-

рая позволяет вращаться колесам престарелых г'кеков, когда высыхают их оси; чернила для письма и много других продуктов. Все они получают сертификат, что не оставят ни одного следа в почве Джиджо. Ничто не должно усугубить наказание, когда неизбежно придет День из Дней.

Несмотря на запахи, от которых Прити в отвращении запыхтела, Сара почувствовала, что в башне ее настроение улучшилось. В прихожей смешались все расы, и не было той замкнутости, которую она ощущала в городе. Шум торговли с вмешательством языка науки свидетельствовал, что некоторые не позволяют кризису довести себя до враждебности. Слишком многое нужно сделать.

Тремя этажами выше Зал Взрывников был полон шума и суеты. Мимо с выкриками пробегали мужчины и мальчики, а женщины гильдии с пюпитрами для записей в руках показывали помощникам-хунам, куда поместить бочонки с ингредиентами. В углу седовласые старейшины-люди сгибались над длинными столами, совещаясь с коллегами-треки, чьи напряженно работающие кольца секреции были украшены мензурками, куда собираются летучие выделения. То, что на первый взгляд казалось хаосом, на

самом деле было упорядоченной рабочей обстановкой, и Сара это поняла.

Кризис мог вывести из равновесия других, но взрывники всю жизнь готовятся к нему. В этом месте царила яростная одержимость. Первое увиденное Сарой основание для оптимизма.

Джома быстро обнял Сару и направился к мужчине с поседевшей бородой, который всматривался в схемы. Сара узнала особую бумагу, которую раз в год Нело готовил для художников и взрывников.

Семейное сходство распространялось не только на черты лица и фигуру, оно было и в мимике мужчины. Увидев Джому, Курт-взрывник только слегка приподнял бровь, когда Джома вложил ему в руку длинный кожаный чехол.

И это все? Я могла бы сама доставить послание Хенрика. Не нужно было посылать мальчика в путешествие. Ведь оно могло оказаться опасным.

Если кто-то и знает о том, что происходит в Риммере, так те, что находятся в этой комнате. Но Сара сдержалась. Взрывники кажутся очень занятыми. К тому же у нее поблизости есть собственный источник информации. И пора туда отправляться.

Пока Сара читала тонкую стопку страниц

— хронология событий и предположения, — доставленную сегодня утром с Поляны Собрания курьером-уром, переписчица Энгрил снова наполнила чашки чаем. Первым чувством Сары было огромное облегчение. До сих пор она не знала, каким угрожающим слухам верить. Теперь ей известно, что приземление в горах прошло без жертв. Все на Собрании в безопасности, включая ее братьев. По крайней мере на время.

В соседней комнате помощницы Энгрил делали фотостаты чернильных иллюстраций сообщения, а офсетный пресс готовил печатную версию текста. Вскоре экземпляры сообщения появятся в Тареке на досках для объявлений, потом будут развешаны и в окружающих ульях, деревнях и стадах.

— Преступники! — Сара вздохнула, откладывая последнюю страницу. Она не могла в это поверить. — Преступники из космоса. Из всех возможностей…

— Эта всегда казалась самой маловероятной, — согласилась Энгрил. Это была полная рыжеволосая женщина, обычно очень оживленная и заботливая, но сегодня такая серьезная и мрачная, какой ее Сара никогда не видела. — Возможно, мы не обсуждали ее, потому что боялись

последствий.

— Но если они явились нелегально, разве это не лучше полиции, которая нас всех арестовала бы? Преступники не могут доложить о нас, не раскрыв собственное преступление.

Энгрил кивнула.

— К несчастью, эта логика может быть вывернута наизнанку. Преступники не могут позволить, чтобы мы сообщили о них.

— Но насколько разумен этот страх? Прошло уже несколько тысяч лет после появления г'кеков, и за все это время был только один прямой контакт с галактической культурой. Древние рассчитали, что пройдет не менее полумиллиона лет до появления очередного робота-зонда и два миллиона до тщательного обследования.

— Это не так уж долго. Сара мигнула.

— Не понимаю.

Старшая женщина подняла чашку, из которой поднимался пар.

— Еще чая? Дело вот в чем. Вуббен подозревает, что это грабители генов. Если это так, преступление не знает… как же древние это называли? — *сроков давности.* Сколько бы ни прошло времени, это не избавляет преступников от наказания. Индивиды, участвовавшие в

набеге, могут быть давно мертвы, но остается их раса или представляемый ими галактический клан, и могут быть наказаны все — от старейших патронов до самых молодых клиентов. В представлении Великой Библиотеки даже миллион лет — незначительный срок. Ведь память этой библиотеки в тысячу раз длительней.

— Но мудрецы считают, что через миллион лет нас здесь не будет! План предков… Свитки…

— Грабители генов не могут на это рассчитывать, Сара. Это слишком серьезное преступление. Сара покачала головой.

— Ну, хорошо, допустим, какие-то отдаленные потомки Шести все еще будут здесь, рассказывая туманные легенды о том, что произошло давным-давно. Кто поверит их рассказам?

Энгрил подняла плечи.

— Не знаю. Записи свидетельствуют, что среди кислорододышащих кланов пяти галактик есть много ревнивых и враждующих. Может быть, достаточно намека, какой-то детали, чтобы пустить врагов по следу. Получив такой намек, они могут просеять всю биосферу Джиджо в поисках более определенных свидетельств. И раскроют все преступление.

Сара задумалась. Наступило молчание. В галак-

тическом сообществе величайшие сокровища — биологические, особенно редкие виды, которые иногда обнаруживаются на невозделанных планетах. Виды с искрой, которая называется Потенциалом. Возможностью к *Возвышению.* Возможностью быть принятыми патронами и получить толчок — путем обучения и генной инженерии, толчок, который необходим для превращения животных в граждан звездной галактики. Этот толчок совершенно необходим, если не верить в легенду землян об одиноком возвышении. Но кто в Пяти Галактиках верит в подобный вздор?

И дикость, и цивилизация играют свою роль в процессе обновления разумной жизни. Никто не может проделать это в одиночку. Сложные драконовские законы миграции, включая насильственное оставление планет, систем, даже целых галактик, должны дать биосферам время для отдыха и культивирования дикого потенциала. Затем новые расы оцениваются с точки зрения возможности приема согласно законам, которые действуют бесчисленные эпохи.

Грабители надеялись обойти эти законы. Найти здесь на Джиджо что-нибудь бесценное, причем найти вне законных ограничений и раньше

намеченного срока. Но если им повезет, что они могут сделать с найденным сокровищем?

Увезут брачную пару отсюда, поселят на планете, которую воры контролируют, и будут наблюдать за потомством, подталкивая его с помощью манипуляций с генами, чтобы эти животные заполнили кажущуюся естественной нишу. Потом терпеливо ждать тысячу лет или гораздо дольше, пока не наступит время "найти" сокровища прямо у себя под носом. Эврика!

– Значит, ты говоришь, — продолжила Сара, — что грабители не захотят оставить свидетелей. Но тогда почему они приземлились здесь, на Склоне? Почему не за пустыней Солнечного Восхода или даже на малом континенте на противоположной стороне Джиджо? Зачем появились прямо посреди нас?

Энгрил покачала головой.

— Кто может сказать? Грабители говорят, что им нужен наш опыт и что они готовы за него заплатить. Но в конечном счете платить придется нам.

Сара почувствовала, как у нее сжимается сердце.

— Они… они могут убить нас всех.

— Возможно, ответ не так драматичен. Но этот

вариант кажется мудрецам самым практичным.

— Практичным!

— С точки зрения грабителей, конечно.

Сара приняла это спокойно. *И подумать только, я мечтала о встрече с галактами, хотела заглянуть в их передвижные библиотеки.*

За дверью в мастерской Энгрил видны были ее работающие помощницы. Одна девушка управляла *коэлостатом,* большим зеркалом на длинной ручке, которое следует за солнцем, отбрасывая его лучи на копируемый документ. Движущаяся щель направляет этот отраженный свет на вращающийся барабан из драгоценного металла. Барабан вращают двое сильных мужчин. Прихватывая порошок с подноса, барабан делает фотостатические свежие отпечатки рисунков, произведений искусства, чертежей и схем — всего, кроме печатного текста, который дешевле воспроизводить на печатном станке.

Со времени появления этой технологии на Джиджо ничего более страшного она не печатала.

— Ужасная новость, — сказала Сара. Энгрил согласилась.

— Увы, дитя, это еще не самое плохое. Далеко не самое. — Женщина показала на отчет. — Прочти это.

Дрожащими руками Сара переворачивала страницы. Сама она звездный корабль помнила как расплывчатое пятно, летящее над головой и разрывающее мирную жизнь деревни Доло. На рисунках ясно был виден цилиндр чужаков, еще более страшный в неподвижности, чем в движении. Трудно было поверить в приведенные рядом данные о размерах, полученные инженерами с помощью тайных методов триангуляции.

Сара перевернула страницу и увидела самих двух грабителей.

Она в отчаянии смотрела на рисунок.

— Боже! Энгрил кивнула.

— Поистине. Теперь ты понимаешь, почему мы задержали печатание нового номера “Новостей”. И так уже горячие головы среди квуэнов и уров и даже некоторые треки и хуны говорят о *тайном сговоре людей.* Говорят даже о необходимости нарушить Великий мир.

Конечно, до этого может никогда и не дойти. Если эти чужаки быстро найдут то, что ищут, война между Шестью не успеет разразиться. Но нам, людям-изгнанникам, придется доказать свою верность самым решительным образом — умереть рядом со всеми остальными.

Мрачное предсказание Энгрил вполне реально.

Но Сара посмотрела на женщину и покачала головой.

— Ты ошибаешься. Это еще не самое худшее. Голос ее звучал хрипло и встревоженно. Энгрил удивленно посмотрела на нее.

— Что может быть хуже гибели всех разумных существ на Склоне?

Сара подняла рисунок с изображением мужчины и женщины, несомненно, людей; не подозревая, что их зарисовывает неведомый художник, они высокомерно смотрят на дикарей Джиджо.

— Наши жизни ничего не значат, — сказала она, ощущая горечь своих слов. — Мы были осуждены с того момента, как наши предки высадили здесь свое незаконное семя. Но эти, — она с гневом потрясла листком, — эти глупцы затеяли древнюю игру, правила которой не знает хорошо ни один человек.

Они совершат свое преступление, потом убьют, чтобы уничтожить свидетелей, но их все равно поймают.

И когда это произойдет, истинной жертвой станет *Земля.*

Аскс

Они нашли долину невинных.

Мы очень старались спрятать их, не правда ли, мои кольца? Отослали их в далекую долину — глейверов, лорников, шимпанзе и зукиров. И тех детей Шести, что явились на Собрание с родителями до того, как этот корабль пронзил наши жизни.

Увы, все наши попытки оказались тщетными. Робот с черной станции прошел через лес по их теплому следу и нашел святилище, которое оказалось не таким укромным, как мы надеялись.

Среди наших мудрецов меньше всех удивился Лестер.

— Они, конечно, ожидали, что мы спрячем самое ценное. И искали глубоко-красный след наших беженцев до того, как он рассеется. — В его печальной улыбке отразилось сожаление, но и уважение. — На их месте я бы поступил именно так.

Англик — странный язык, в котором сослагательное наклонение позволяет высказывать то, чего не было, но могло бы быть. Мысля на этом языке, я (мое/наше второе кольцо созна-

ния) понял выраженное Лестером невольное восхищение, но мне было трудно перевести это остальным моим/нашим личностям.

Нет, мудрец-человек не задумал предательство.

Только путем глубокой эмпатии можем он/мы понять пришельцев.

Увы, наши враги учились понимать нас гораздо быстрее. Их роботы носились над некогда тайной поляной, записывали, анализировали — потом спускались, чтобы взять образцы клеток или телесных жидкостей у испуганных лорников или шимпов. Затем они пожелали, чтобы мы прислали индивидов каждой расы для изучения, и захотели также познакомиться с нашими устными преданиями. Те г'кеки, которые лучше всех знают зуриков, люди, работающие с шимпанзе, квуэны, чьи лорники выигрывали медальоны на праздниках, — все это "туземные эксперты" должны поделиться с ними своим деревенским опытом. Хотя чужаки говорили мягко и обещали хорошо заплатить (безделушками и бусами?), намекали они и на принуждение и угрозы.

Наши кольца удивленно вздрогнули, когда Лестер выразил удовлетворение.

— Они считают, что нашли наши самые цен-

ные секреты.

— А разве это не так? — пожаловалась Ум-Острый-Как-Нож, щелкая клешней. — Разве наше величайшее сокровище не те, кто зависит от нас?

Лестер кивнул.

– Верно. Но мы не могли бы долго скрывать их. Если высшие формы жизни — это то, что ищут пришельцы, они и ожидали, что мы их спрячем.

Но теперь, если они самодовольны и на какое-то время удовлетворены, мы может отвлечь их от других вещей и воспользоваться возможными преимуществами, которые дают нам — и тем, кто от нас зависит, — слабую надежду.

— Как это может быть? — спросила Ур-Джа, седая и изможденная, тряся своей полосатой гривой. — Как ты сказал — что мы можем скрыть? Им нужно только задать свои грязные вопросы, и эти нечестивые роботы понесутся, открывая любые тайны копыта и сердца.

— Совершенно верно, — согласился Лестер. — Поэтому сейчас самое важное — не дать им задать правильные вопросы.

Двер

Придя в себя, он прежде всего подумал, что его похоронили заживо. И теперь он лежит, дрожа то от холода, то от жара, в каком-то забытом, лишенном солнца склепе. В месте, отведенном умирающим или мертвым.

Но потом он смутно удивился. Разве в каменном склепе может быть так жарко? И откуда этот правильный гремящий ритм, от которого под ним дрожит обитый пол?

По– прежнему в полусознании, причем веки упрямо отказывались открываться, он вспомнил, как речные хуны поют о жизни после смерти, которая лениво проходит в узком душном месте, где слышен бесконечный рев прибоя, биение пульса вселенной. В прекращающемся бреде эта участь показалась Двери очень вероятной. Он попытался стряхнуть покровы сна. Казалось, какие-то озорные чертенята колют его своими разнообразными инструментами, причиняя особенную боль пальцам рук и ног.

Постепенно мышление прояснялось, и он понял, что влажное тепло — это не смрадное дыхание дьяволов. В нем гораздо более знакомый

запах.

Знакома и непрерывная дрожь, хотя эта кажется более сильной и неровной, чем та, которую он привык слышать каждую ночь мальчиком.

Это водяное колесо. Я внутри плотины!

Меловой запах заполнил пазухи носа и еще больше оживил память. *Плотина квуэнов.*

Просыпающееся сознание нарисовало картину улья с многочисленными помещениями и извивающимися коридорами, заполненного существами с острыми клешнями и зубами. Эти существа переползают через бронированные спины другу друга, и всех их от мутного озера отделяет только одна тонкая стена. Иными словами, он в самом безопасном, самом укромном месте, какое только может придумать.

Но… как? Последнее, что я помню: я лежу обнаженный под падающим снегом, почти умираю, и ни следа помощи!

Двер не удивился тому, что жив. *Мне всегда везло,* думал он, хотя думать так — значит бросать вызов судьбе. Во всяком случае, ясно, что Ифни еще не покончила с ним, у нее еще немало способов увлечь его вниз по тропе удивлений и судьбы.

Потребовалось несколько попыток, чтобы от-

крыть тяжелые, непослушные веки, и вначале перед глазами все расплывалось. Запоздалые слезы рассеивали и смывали единственный источник света — колеблющееся пламя слева.

— Ух! — Двер отпрянул от приблизившейся темной тени. Тень неожиданно превратилась в щетинистую морду со сверкающими черными глазами, с высунутым между белыми зубами языком. Стало видно и все существо: гибкая маленькая фигура, черная шерсть, проворные коричневые лапы.

— А… это ты, — выдохнул Двер, и собственный голос показался ему щекочущим и стылым. Неожиданное движение оживило ощущения, в основном неприятные от многочисленных царапин, ожогов и синяков, и каждый из них кричал о боли и обиде. Двер посмотрел на улыбающегося нура и поправил свою предыдущую мысль:

Мне всегда везло, пока я не встретил тебя.

Двер осторожно приподнялся и увидел, что лежит на груде мехов, брошенных на песчаный пол, на котором видны куски костей и раковин. Эти неопрятные остатки резко контрастируют с остальным небольшим помещением — балками, столбами, панелями, все это блестит в тусклом свете свечи, которая мерцает на богато

украшенном резьбой столе. Каждая деревянная поверхность носит на себе следы тонкой работы зубов квуэнов, вплоть до угловых кронштейнов, покрытых кружевной, обманчиво крепкой резьбой.

Двер поднял руки. Пальцы забинтованы, причем слишком хорошо для квуэнов. Досчитав до десяти и видя, что длина пальцев не изменилась, он испытал облегчение, хотя знал, что иногда при обморожении отмирают кончики пальцев, а все остальное остается нетронутым. С трудом сдержал порыв зубами сорвать повязки и узнать немедленно.

Терпение. Что бы ты сейчас ни сделал, происшедшего не изменить. Колющая — словно от булавок и иголок — боль говорила ему, что он жив и что его тело стремится выздороветь. И это сознание позволяло легче переносить боль.

Двер откинул меха, чтобы увидеть ноги. Они на месте, слава Яйцу, хотя пальцы ног тоже в бинтах. Если, конечно, они еще есть, эти пальцы. Старый Фаллон много лет ходил на охоту в специальной обуви, после того как едва не погиб на леднике. Тогда его ноги превратились в бесформенные обрубки. Тем не менее Двер прикусил губу и сосредоточился, посылая сигналы, встре-

чая сопротивление и приказывая пальцам ног двигаться. Колющая боль ответила на его усилия, заставив его замигать и зашипеть, но он продолжал пытаться, пока ноги не начали захватывать судороги. Наконец Двер удовлетворенно откинулся. Он смог пошевелить самыми важными пальцами — самым большим и самым маленьким на обеих ногах. Возможно, они повреждены, но он будет ходить и бегать нормально.

Облегчение подействовало на него, как порция крепкой выпивки. Он даже рассмеялся вслух — четыре коротких резких всхлипа, которые заставили Грязнолапого посмотреть на него.

— Значит, это тебе я обязан жизнью? Ты побежал на поляну с криком “На помощь?” — выговорил Двер.

Грязнолапый отшатнулся: нур словно понял, что над ним смеются.

Перестань, сказал сам себе Двер. *Насколько тебе известно, это вполне может оказаться правдой.*

Другие повреждения того типа, который он не раз переживал в прошлом. Несколько ран зашиты ниткой с иглой, нить наложена крест-накрест искусной аккуратной рукой. Двер посмотрел на эту работу и неожиданно узнал ее по прошлому

своему опыту. Он снова рассмеялся, узнав своего спасителя по следам, оставленным по всему телу.

Ларк. Но как он мог узнать?

Очевидно, брат сумел отыскать дрожащую группу в снегопад и притащить его в одну из квуэнских крепостей в холмах. *И если я это пережил, то Рети уж подавно. Она моложе и откусит смерти руку, если та когда-нибудь придет за ней.*

Двер некоторое время удивленно разглядывал бледные пятна на руках. Потом вспомнил. *Золотая жидкость мульк-паука — кто-то, должно быть, отлепил ее в тех местах, где она прилипла.*

Ощущение в этих местах было странное. Не вполне *оцепенение,* скорее *сохранение* — попытка одолеть время. У Двера появилось необычное впечатление: словно части его плоти *моложе,* чем были раньше. Возможно, эти участки даже переживут его тело, когда все остальное умрет.

Но пока я еще не умер, Один-в-своем-роде, подумал он.

Умер мульк-паук. Теперь он никогда не закончит свою коллекцию.

Он вспомнил пламя и взрывы. *Надо убедиться,*

что с Рети и глейевером все в порядке.

– Вероятно, ты не побежишь и не приведешь моего брата? — спросил он у нура, который в ответ только посмотрел на него.

Со вздохом Двер набросил меха на плечи, потом осторожно встал на колени, преодолевая волны боли. Ларку не понравится, если он порвет эти аккуратные стежки, поэтому он двигался осторожно и вставал, держась рукой за стену. Когда головокружение прошло, он подошел к резному столу и взял свечу в глиняном подсвечнике. Теперь к двери — низкому широкому отверстию, прикрытому занавесом из висячих деревянных пластинок. Пришлось наклониться, проходя через дверь, рассчитанную на квуэнов.

Налево и направо уходил совершенно темный туннель. Двер выбрал левое направление, потому что здесь туннель шел слегка вверх. Конечно, синие квуэны строят свои подводные крепости по собственной логике. Двер мог заблудиться даже в знакомых коридорах плотины Доло, когда играл в прятки с друзьями по яслям.

Было болезненно и неловко идти так, чтобы вся тяжесть приходилась на пятки. Вскоре он пожалел о своем упрямстве, которое послало его в странствие, стащило с постели выздоравливаю-

щего. Но несколько дуров спустя упрямство было вознаграждено звуками тревожного разговора откуда-то спереди. Двое говорящих явно люди — мужчина и женщина, а третий — квуэн. Не Ларк и не Рети, хотя слышимые урывками голоса кажутся знакомыми. И *напряженными.* Охотничья чувствительность Двера к сильным чувствам теперь приносила ощущения не менее острые, чем боль обмороженных пальцев рук и ног.

— ...наши народы — прирожденные союзники. Всегда ими были. Вспомните, как наши предки помогли вашим свергнуть тиранию серых..

— Как мой народ пришел на помощь вашему, когда табуны уров преследовали людей повсюду за пределами крепости Библос? Когда наши крепости укрывали ваших преследуемых фермеров и их семьи, пока их число не выросло настолько, что они смогли сражаться?

Этот голос, доносящийся из двух или большего количества ножных щелей, как понял Двер, принадлежит квуэнской матроне. Вероятно, главе этой горной плотины. Ему не понравилось то, что он услышал. Задув свечу, он направился в сторону неяркого света, который шел из двери впереди.

— Вы об этом меня просите? — продолжала

матриарх, говоря различными щелями. Тембр ее англика изменился. — Если вам нужно убежище от этой ужасной бури, я и мои сестры предлагаем его. Пять пятерок человеческих поселенцев, наших соседей и друзей, могут привести своих детей и шимпов и других мелких животных. Я уверена, что остальные матери озер в этих холмах поступят так же. Мы будем защищать их здесь, пока ваши преступные братья не улетят или пока не разнесут этот дом в клочья своими могущественными силами, заставив воду озера кипеть от жара.

Эти слова были настолько неожиданны, настолько не имели контекста в затуманенном сознании Двера, что он не смог их понять.

Мужчина хмыкнул.

— А если мы просим большего?

— Ты хочешь сказать, что вы просите наших сыновей? Их мужества и острых клешней? Их бронированных панцирей, таких прочных и в то же время мягких, как сыр, под ударами буйурской стали? — Свистящие слова матери квуэнов напоминали шипение закипающего котла. Двер насчитал пять перекрывающих друг друга нот: одновременно работали все ножные щели.

— Это и есть больше, — продолжила она после

паузы. — Действительно, намного больше. И ножи из буйурской стали подобны плетям из мягкого бу по сравнению с тем новым, чего мы все боимся.

Двер остановился за углом, откуда ему были видны освещенные несколькими свечами лица говорящих. Он заслонил глаза, гладя на двух людей: смуглого мужчину со строгим лицом лет сорока с небольшим и коренастую женщину лет на десять моложе, со светлыми волосами, убранными с широкого лба и плотно связанными сзади. Квуэнская матрона слегка покачивалась, подняв две ноги и демонстрируя блеск когтей.

— Чего нового вы боитесь, достойная мать? — хрипло спросил Двер. Повернувшись к людям, он продолжал: — Где Ларк и Рети? — Он мигнул. — И еще… был глейвер.

— С ними все в порядке. Они все ушли на Поляну с жизненно важной информацией, — ответила со свистом матриарх-квуэн. — А ты, пока выздоравливаешь, окажешь честь нашему озеру как гость. Меня зовут Зубы-Острые-Как-Нож. — Она наклонила панцирь, оцарапав пол.

— Двер Кулхан, — ответил он, неловко пытаясь поклониться со скрещенными на груди руками.

— Как ты, Двер? — спросил мужчина, протяги-

вая руку. — Тебе не следовало вставать и ходить.

— Я бы сказала, что решать это самому капитану Кулхану, — заметила женщина. — Нам нужно многое обсудить, если он готов.

Двер уставился на них.

Дэйнел Озава и… Лена Стронг.

Ее он знает. В сущности они должны были встретиться на Собрании. Что-то имеющее отношение к глупой мысли о *туризме.*

Двер покачал головой. Она использовала слово, необычное и пугающее.

Капитан.

— Поднята милиция, — сообразил он наконец, сердясь на то, что слишком медленно соображает.

Дэйнел Озава кивнул. Как главный лесничий Центрального Хребта, номинально он был начальником Двера, хотя Двер встречался с ним только на собраниях. Озава был человек с поразительным интеллектом, представитель мудрецов, имеющий право принимать решения в вопросах закона и традиций. А что касается Лены Стронг, то у этой блондинки очень подходящая фамилия. Она была женой фермера, пока дерево не упало — случайно, как она утверждает, — на ее неумелого мужа, после чего она оставила свой дом и

стала главой лесорубов и пильщиков на реке.

— Тревога высшего уровня, — подтвердил Озава. — Призваны все отряды.

— Что… *все?* Чтобы поймать маленькое племя сунеров? Лена покачала головой.

— Семью девушки за Риммером? Нет, дело в гораздо большем.

— Тогда…

И туг Двер вспомнил. Смутные очертания парящего чудовища, изрыгающего струи пламени.

— Летающая машина.

— Верно, — кивнул Дэйнел. — Та, которую ты встретил…

— Позвольте догадаться. Какие-то горячие головы раскопали сокровищницу.

Мечтатели и бездельники всегда гонялись за слухами о сказочных сокровищах. Не за мусором, а за специально законсервированными сокровищами улетевших буйуров. Дверу часто приходилось возвращать искателей, которые заходили слишком далеко. Неужели какие-нибудь рассерженные молодые уры действительно нашли древнее оружие богов? И вначале захотели испытать его на двух одиноких людях, захваченных в паутину мульк-паука, прежде чем решать с его помощью другие древние споры?

Лена Стронг вслух рассмеялась.

— О, он чудо, Дэйнел! Какая теория! Если бы она была правильной!

Двер поднес руку к голове. Дрожь водяного колеса казалась напряженной и неровной.

— Ну? Так в чем же правда? — раздраженно спросил он и уставился на лицо Озавы. Тот ответил, кратко подняв глаза к небу.

— Не может быть, — прошептал Двер.

Он почувствовал странную отчужденность, отвлеченность.

— Тогда все кончено, и я лишился работы — так?

Двое людей подхватили его под руки, когда Двер понял, что лишился того, что заставило его прийти сюда, удерживало в сознании, — долга.

Галакты. Здесь, на Склоне, подумал он, когда его несли по коридору. *Он наконец настал. Судный день.*

Больше ничего нельзя сделать. Что бы он ни делал, все это безразлично.

Очевидно, мудрецы с этим не согласны. Они считают, что судьбу еще можно отвратить или по крайней мере смягчить.

Лестер Кембел и его помощники готовят планы, понял Двер на следующее утро, когда снова

встретился с двумя людьми, на этот раз на берегу горного озера, окруженного лесом. Даже на плотине росли деревья, смягчая ее грациозные очертания и помогая прочнее связать структуру с местностью. Лежа на элегантной деревянной скамье, Двер отпивал прохладный напиток из кубка урского стекла, глядя на двух послов, которые были направлены специально для встречи с ним.

Очевидно, руководители землян ведут сложную, многоуровневую игру, уравновешивая интересы отдельных рас с пользой для всей Общины. Грубоватую, с открытым лицом Лену Стронг, по-видимому, эта двусмысленность не смущала, в отличие от Дэйнела Озавы, который объяснял Дверу различное отношение рас к тому факту, что вторгшиеся чужаки — люди.

Хотел бы я, чтобы Ларк задержался. Он помог бы разобраться во всем этом. Даже после ночного сна Двер соображал туго.

— Я все же не понимаю, что делают авантюристы люди здесь, во Второй галактике? Мне казалось, земляне — грубые невежественные дикари даже в своей собственной малой части Четвертой галактики!

— Почему *мы* здесь, Двер? — ответил Озава. — Наши предки прилетели на Джиджо спустя

несколько десятилетий после открытия звездных перелетов.

Двер пожал плечами:

— Они были эгоистичными ублюдками, готовыми поставить под удар всю расу, лишь бы найти место для размножения.

Лена фыркнула, но Двер с задранным подбородком продолжал:

— Ничто другое не имеет смысла.

Наши предки были эгоцентричными мошенниками, сказал однажды Ларк.

— Ты не веришь рассказам о преследовании и бегстве? — спросила Лена. — О необходимости спрятаться или умереть? Двер пожал плечами.

– А как же г'кеки? — спросил Озава. — Их предки говорили о преследованиях. И теперь мы узнаем, что вся их раса была уничтожена союзом Наследников. Разве это не делает правдоподобным обвинение в геноциде?

Двер отвел взгляд… Никто из знакомых ему г'кеков не был убит. Должен ли он оплакивать миллионы, уничтоженные давным-давно?

— Зачем спрашивать меня? — раздраженно сказал он. — Разве то, что я скажу, что-то изменит?

— Может, и изменит. — Дэйнел наклонился вперед. — Твой брат очень умен, но он еретик.

Ты разделяешь его веру? Ты тоже думаешь, что этой планете будет лучше без нас? Мы должны умереть, Двер?

Двер видел, что его проверяют. Как опытный охотник, он очень ценен для милиции — если ему можно доверять. Двер ощущал на себе их взгляды, испытующие, взвешивающие.

Вне всякого сомнения, Ларк глубже и умнее любого человека, знакомого Дверу. Его аргументы кажутся разумными, когда он страстно говорит о ценностях, больших, чем простое животное размножение, и уж, во всяком случае, гораздо более разумными, чем оптимизм Сары, основанный на математике и на “что если”. Двер по собственному опыту знал, что такое исчезновение вида — утрата прекрасного, которое никогда не будет восстановлено.

Может, действительно, было бы лучше, если бы Джиджо в соответствии с первоначальным планом оставалась нетронутой.

Но Двер знал и самого себя. Когда-нибудь он женится, если найдет подходящего партнера, и у него будет столько детей, сколько позволят жена и мудрецы; он будет пить горячее вино их любви, которое они дадут в ответ на его преданность.

— Я буду сражаться, если вы об этом спрашива-

ете, — сказал он негромко, может быть, стыдясь это признавать. — Если это потребуется для того, чтобы выжить.

Лена коротко удовлетворенно кивнула. Дэйнел негромко вздохнул.

– Сражаться, может, и не потребуется. Твои обязанности в милиции будут выполнять другие. Двер сел.

— Из-за этого? — Он показал на свои перевязанные ноги и левую руку. Бинты с правой уже сняли. Средний палец уже не самый длинный — неприятная, но не калечащая ампутация, и рана быстро заживает под мазью треки.

— Я скоро выздоровею и буду готов.

— Я подхожу к этому, — кивнул Озава. — Нам ты нужен для выполнения трудного задания. И прежде чем я объясню, ты должен поклясться, что ни слова не скажешь ни одной живой душе, *особенно* твоему брату.

Двер смотрел на этого мужчину. Будь на его месте кто-то другой, он бы презрительно рассмеялся. Но он верил Озаве. И как ни любит Двер своего брата, как ни восхищается им, Ларк, несомненно, еретик.

— Это ради добра? — спросил он.

— Я в это верю, — искренне ответил старший.

Двер тяжело вздохнул.

— Хорошо. Послушаем, что вы имеете в виду.

Аскс

Чужаки потребовали, чтобы им показали шимпанзе, потом удивлялись тем, что мы привели, как будто никогда таких не видели.

Ваши шимпы не говорят! Но почему?

Лестер ответил, что не знает. Конечно, шимпанзе способны выучить язык жестов. Но разве у них появились новые способности после того, как корабль “Обитель” улетел на Джиджо?

Возражение Лестера не произвело впечатления на чужаков. И на представителей других Шести тоже. Впервые я/мы ощутил что-то скрытое, обманчивое в манерах моего/нашего коллеги человека. Он знает больше, чем говорит. Но наш упрямый реук отказывается открывать больше.

И это не единственная такая тревога. Квуэны отказываются говорить о своих лорниках. Наши братья г'кеки откатываются от новости, что они последние в своем роде. И все мы приходим в ужас при виде того, как роботы чужаков возвращаются на базу, нагруженные усыпленными *глейверами.* Они похищают их в далеких стадах для анализа, проводимого в тех некогда веселых павильонах, которые мы предоставили гостям.

— Это и есть возвращение невинности, обещанное свитками? — спросила Ур-Джа, и сомнение, как пар, исходило из ее опущенного рыла. — Как может из преступления вырасти благословение?

Если бы только мы могли расспросить глейверов. Этого ли они хотели, когда избрали тропу Избавления?

Ларк

— Вы только посмотрите, кто это! Я удивлена, что тебе хватает смелости показываться здесь!

Улыбка женщины казалась одновременно лукавой и насмешливой. Линг сняла пластиковые перчатки и отвернулась от глейвера, лежащего на лабораторном столе с датчиками на черепе. В помещении было несколько столов на подмостках, за которыми при свете ярких ламп работали люди, г'кеки и уры. Они выполняли простые механические задания, которым их научили, помогая своим нанимателям исследовать образцы разнообразной экосистемы Джиджо.

Ларк оставил свой рюкзак у входа. Но теперь снова поднял его.

— Я уйду, если хочешь.

— Нет, нет. Останься. — Линг пригласила его пройти в лабораторию, которая была перемещена в тенистый лес в ту самую ночь, когда Ларк последний раз видел прекрасную женщину из отряда чужаков. Тогда же черная станция погрузилась под землю, подняв фонтан земли и сломанной растительности. Причина обоих этих действий была по-прежнему неясна, но

старейшины считали, что это имеет отношение к насильственному уничтожению одного из роботов пришельцев. Это событие его брат должен был непосредственно наблюдать.

Затем свидетельство Рети, девушки из-за гор, подкрепленное ее сокровищем — необычной металлической машиной в форме джиджоанской птицы. Осталась ли эта машина от буйуров, как полагают некоторые? Если так, то почему такое небольшое устройство так встревожило могущественных пришельцев? Или это как кончик красного панциря квуэна, безобидный на первый взгляд, торчащий из песка, часть гораздо большего, чем кажется? Теперь птица лежит в пещере, безголовая и немая, но Рети клянется, что видела, как она движется.

Ларку было приказано вернуться на Поляну до того, как брат сможет подтвердить этот рассказ. Он знал, что можно не беспокоиться. Озава достаточно подготовлен, чтобы ухаживать за ранами Двера. Тем не менее полученный приказ вызвал у него негодование.

— Я вам понадоблюсь для еще одной экспедиции? — спросил он у Линг.

— После того как ты меня бросил в прошлый раз? Мы нашли следы людей, когда добрались

до места, где вышел из строя наш робот. Туда ты бросился? Странно, как ты нашел дорогу.

Он надел мешок на плечо.

— Что ж, если я тебе не нужен… Она провела рукой перед его лицом.

— Не важно. Пошли. Есть много работы, если хочешь участвовать.

Ларк с сомнением посмотрел на лабораторные столы. Здесь действовали все три расы из Шести на Джиджо, которые обладают хорошей координацией движений рук и зрения. Снаружи работали нанятые пришельцами хуны и квуэны: ведь простейшие безделушки чужаков означают для примитивных туземцев неслыханные сокровища. Только треки не встречаются вблизи пятнистых палаток, так как кольцеобразные заставляют чужаков нервничать.

Работа сипаев. Именно это презрительное выражение использовала Лена Стронг, когда сообщала Ларку новости и передавала приказ в плотине, где правит Зубы-Острые-Как-Нож. Старинное земное выражение, означающее работу аборигенов на могущественных посетителей, которые расплачиваются бусами.

— Ну, не надо так хмуриться. — Линг рассмеялась. — Тебя стоило бы заставить раскрашивать

нервные ткани или чистить клетки длинномордых… Нет, подожди. — Она схватила Ларка за руку. Все следы насмешливости исчезли. — Прости. Я действительно хочу кое-что обсудить с тобой.

— Вон там Утен. — Ларк показал на дальний конец палатки, где его коллега биолог, рослый самец-квуэн с серым панцирем, разговаривал с Ранном, одним из двух мужчин-чужаков, высоким массивным человеком в облегающем мундире.

— Утен знает невероятные подробности о том, как различные виды реагируют друг на друга, — согласилась Линг, кивнув. — А это нелегко на планете, на которую много эпох подряд примерно каждые двадцать миллионов лет вторгались из космоса. Учитывая ваши ограничения, вы достигли поразительных результатов.

А знает ли она, насколько на самом деле глубоко уходят их знания? Мудрецы не разрешили продемонстрировать его подробные схемы, а Утену приходится придерживать все свои пять ног, чтобы сотрудничать, оставаясь необходимым и в то же время не говоря ничего лишнего. Однако и такие проявления проницательности местных жителей производили на пришельцев большое

впечатление. Но это лишь показывает, как мало они ожидали от аборигенов.

— Спасибо, — ответил Ларк. — Большое спасибо. Линг вздохнула и на мгновение отвела взгляд своих темных глаз.

— Черт побери, могу я сегодня сказать что-нибудь правильно? Я не хотела тебя оскорбить. Просто… послушай, а что, если мы попробуем начать сначала, ладно? — Она протянула руку.

Ларк смотрел на нее. Что теперь ему полагается делать?

Линг левой рукой взяла его правую. Затем сжала ее своей правой рукой.

— Это называется рукопожатие. Мы его используем для выражения уважения, дружеского приветствия и согласия.

Ларк помигал. Ее рукопожатие теплое, крепкое, слегка влажное.

— О да… Я чи… слышал об этом.

Он попытался ответить на рукопожатие, но ощущение такое странное и слегка эротическое, поэтому Ларк выпустил руку быстрее, чем она ожидала. Лицо его бросило в жар.

— Это распространенный жест?

— Я слышала, что очень. На старой Земле.

Ты слышала? Ларк ухватился за эту беглую фра-

зу и понял, что все начинается сначала — игра намеков и откровений, взаимные попытки угадать недосказанное.

— Теперь я понимаю, почему мы отказались от него здесь, на Джиджо, — заметил он. — Уры возненавидят это: для них руки гораздо более личное дело, чем гениталии. Хуны и квуэны способны раздавить руки, а мы раздавим щупальца г'кека, если попытаемся их пожать. — Пальцы его по-прежнему слегка покалывало. Приходилось сдерживаться, чтобы не посмотреть на них. Определенно пора сменить тему.

— Итак, — сказал Ларк, пытаясь сохранить деловой тон равного собеседника, — ты никогда не была на Земле? Одна приподнятая бровь. Затем Линг рассмеялась.

— О, я знала, что тебя не нанять за несколько устаревших биологических игрушек. Успокойся, Ларк: тебе будут платить ответами — некоторыми — в конце каждого дня. После того как ты их заработаешь.

Ларк вздохнул, хотя на самом деле условия показались ему удовлетворительными.

— Хорошо. А теперь скажи, что ты хочешь знать.

Аскс

Ежедневно мы стараемся смягчить трение между нашими фракциями, между теми, кто настаивает на сотрудничестве с непрошеными гостями, и теми, кто считает необходимым уничтожить их. Даже мои/наши субличности не приходят к единому мнению на этот счет.

Заключить мир с преступниками или сражаться с непобедимыми.

Проклятие или уничтожение.

А гости по-прежнему расспрашивают нас о других посещениях! Видели ли мы в последнее время, как с неба спускаются чужаки? Есть ли города буйуров, о которых мы еще не рассказали? Места, где могут сохраниться древние приборы, неподвижные, но готовые к действиям?

Почему такая настойчивость? Они, конечно, могут видеть, что мы не лжем — что знаем только то, что говорим.

Но правда ли это, мои кольца? Все ли Шесть в равной мере поделились с пришельцами, или кто-то удерживает важную информацию, которая необходима всем?

То, что мне приходят в голову такие мысли, еще раз показывает, насколько низко мы пали, мы, недостойные, презренные сунеры. Мы, которым предстоит упасть еще ниже.

Рети

В маленькой потрепанной палатке в глубине леса, на удалении от исследовательской станции, Рети бросилась на тростниковый матрац, колотя его обоими кулаками.

— Вонючки! Проклятые куски прогнившего мяса! Гниль, гниль, *гниль!*

У нее было достаточно причин, чтобы биться в гневе и жалости к себе самой. Этот лжец Двер рассказывал ей, что мудрецы добрые и умные. Но они оказались ужасными!

О, не с самого начала. Вначале ее надежды устремились ввысь, как гейзеры дома, в парящих Серых холмах. Лестер Кембел и другие казались такими добрыми, они успокаивали ее, смягчали страх наказания за грех предков, которые ускользнули на восток в запретные горы. И еще перед тем как начать ее расспрашивать, прислали врачей, чтобы позаботиться о ее ушибах и ожогах. Рети и в голову не приходило бояться незнакомых треки и г'кеков, которые растворили прилипшую мульк-жидкость, потом с помощью пены уничтожили в волосах на голове паразитов, с которыми она прожила всю жизнь. Она даже

простила их, когда они рассеяли ее надежды на уничтожение шрамов на лице. Очевидно, даже у жителей Склона есть свои пределы.

С того момента как они с Ларком появились на Поляне Собраний, все казались чрезвычайно возбужденными и отвлеченными. Вначале Рети думала, что это из-за нее, но скоро ей стало ясно что истинная причина — пришельцы с неба!

Не важно. Все равно она чувствовала себя так, словно вернулась домой. Словно ее приветствует семья, большая и добрая, а не та маленькая грязная шайка, с которой она прожила четырнадцать ужасных лет.

Так она чувствовала какое-то время.

До предательства.

До тех пор, пока мудрецы снова не пригласили ее в свой павильон и не объявили о своем решении.

— Это все Двер виноват, — говорила она позже с горячим негодованием. — Он и его проклятый брат. Если бы я только успела незаметно перебраться через горы. В этой сумятице никто бы не обратил на меня внимание. — Рети не представляла себе, что сделала бы после этого. Старшие дома были скрытны в своих устных преданиях о Склоне. Может, она могла бы стать полезной

в какой-нибудь далекой деревне как траппер. Не ради еды — здесь ее полно, — но ради мягких мехов. При их виде горожане не очень расспрашивают, откуда она пришла.

Дома в Серых Холмах такие мечты позволяли ей пережить еще один тяжелый день. И все же у нее, наверно, никогда не хватило бы смелости бежать от своего грязного клана, если бы не прекрасная птица.

И вот мудрецы отобрали ее!

— Мы благодарны тебе за то, что ты принесла это загадочное чудо, — сказал Лестер Кембел меньше часа назад. Крылатое создание лежало перед ним на столе. — Однако происходят ужасные события. Надеюсь, ты поймешь, Рети, почему тебе необходимо вернуться назад.

Назад? Вначале она не могла понять. И все гадала, пока он продолжал говорить.

Назад?

Назад к Джессу и Бому с их напыщенным самодовольством? К непрерывной ругани этих *больших, сильных охотников?* Они всегда хвастают у лагерного костра о своих ничтожных победах, и с каждым разом их подвиги все увеличиваются. К этим тупым ослам, которые заостренными на огне палками наказывают всех, кто пытается им

возразить?

Назад к матерям, которые видят, как увядают и умирают их дети? Где это не имеет значения, потому что рождаются новые и новые дети, пока ты не высохнешь и не умрешь от старости еще до сорока лет. Назад к голоду и грязи?

Мудрец-человек продолжал бормотать слова и фразы, которые должны прозвучать утешительно, благородно и логично. Но Рети уже не слушала его.

Они хотят отослать ее назад к племени!

О, конечно, неплохо бы посмотреть на лицо Джесса, когда она появится в лагере, одетая и вооруженная всеми чудесами, которые могут предложить ей Шесть. Но что потом? Она снова будет обречена на эту ужасную жизнь.

Я не вернусь! Ни за что!

Рети решительно перевернулась, вытерла слезы и задумалась, что ей делать.

Она может попытаться убежать и укрыться где-нибудь. Ходят слухи, что не все в порядке в отношениях между Шестью. До сих пор она выполняла просьбу Кембела не рассказывать о своем происхождении. Но Рети подумала: может, какая-нибудь фракция уров или квуэнов *заплатит ей за информацию?* Или пригласит пожить

у себя?

Говорят, уры иногда позволяют избранным людям садиться к себе на спину, если человек не тяжел и достоин такой чести.

Рети попыталась представить себе жизнь в скачущих галопом кланах, свободно перемещающихся по широким равнинам, когда ветер раздувает волосы.

Или жизнь у морских хунов? Есть острова, на которые еще не ступала ничья нога, и летающие рыбы, и ледяные плавучие горы. Что это было бы за приключение! А ведь есть еще треки, живущие в болотах…

Неожиданно ей в голову пришла новая мысль. Кажется, есть еще одна возможность. Настолько поразительная, что Рети лежала и молча думала о ней несколько дуров. Кулаки ее наконец разжались. Она села, с растущим возбуждением думая о возможности, которая превосходит все ее предыдущие мечты.

И чем дольше она думала, тем более вероятным казалось ее предположение.

XI . КНИГА МОРЯ

Животные не думают о расе, клане, философии. Не думают и о красоте, этике или о создании того, что намного переживет их. Для животных имеет значение только данный момент. Все, что для них важно, это только они сами.

Супруги, потомки, братья и сестры, супруги по улью – все это позволяет продолжить себя. Даже в любящем животном альтруизм пустил глубокие корни, основанные на собственных интересах. Разумные существа не животные. Верность привязывает даже внутренне эгоистичных к более благородному и абстрактному, чем простое продолжение себя. К расе, клану, философии. К красоте, этике, к вложению в плоды, которые мы с вами никогда не пожнем.

Если вы ищете тропу, ведущую вниз, долгую дорогу избавления, если ищете второго шанса, исповедавшись в своих грехах и тревогах, ищите тропу возвра-

щения к почве, к забвению расы, клана или философии. Но берегитесь! Иначе дорога заведет вас слишком далеко. Сохраняйте веру в нечто большее, чем вы сами. Берегитесь одержимости самим собой.

Для тех, кто вдохнул пустоту и звездную пыль, на этом пути лежит проклятие.

Свиток Избавления

Рассказ Олвина

Остальные спят. Уже поздно, но я хочу записать все это, потому что потом мы будем заняты и не знаю, когда у меня появится еще возможность.

Завтра мы спускаемся с горы, нагруженные всевозможными вещами, которые дала нам кузнец Уриэль, — отличных вещей так много, что наши прежние планы кажутся нам чрезвычайно глупыми.

Только подумать: мы собирались доверить свою жизнь тому хламу, который собрали!

Уриэль уже отправила посыльных нашим родителям, письма на тяжелой плотной бумаге запечатаны ее печатью мудреца Общины. Так что родители Гек или мои ничего не смогут возразить.

Да мне и не хочется встречаться с ними. Что я им скажу? *Эй, папа! Все будет как в "Двадцати тысячах лье под водой"! Помнишь, ты читал мне, когда я был маленьким?*

Теперь я вспоминаю, чем кончился рассказ о капитане Немо и его экипаже, и понимаю сожаления Йоуг-уэйуо о том, что я так подражал людям. Если отец начнет со мной спорить, я должен буду

говорить с ним не на англике, чтобы показать, что рассматривал разные возможности. Это путешествие — не просто детская одержимость, а нечто очень важное для нашей деревни и для всей расы. Я и остальные — мы собираемся делать историю. Важно, чтобы в этом участвовал хун, чтобы он присутствовал при всем: от замысла к исполнению и к воспоминаниям.

Приняв решение, Уриэль немедленно начала действовать. В тот же вечер, когда был пленен Зиз, Клешня отправился с только что отпочковавшимся треки в свой родной улей, чтобы тот адаптировался к воде в бассейнах для головастиков к югу от Вуфона. Клешня также должен был, опираясь на полномочия Уриэль, нанять несколько своих краснопанцирных соплеменников, чтобы привезти деревянный корпус нашей лодки к месту встречи вблизи Трещины. Остальные прибудут туда в фургонах с имуществом.

Погружение через пять дней!

Очень важно правильно выбрать место. Есть только один пункт, в котором глубоководная впадина Помойки, подобно лезвию серпа, приближается к берегу. Где глубокий подводный каньон с неровными краями проходит совсем рядом с Окончательной скалой. Развернув на

нависающем карнизе стрелу крана, мы могли бы обойтись даже без корабля.

Какое облегчение — принять наконец решение! Даже Гек признала, что кости брошены, и приняла судьбу пожатием двух своих глазных стебельков.

— По крайней мере мы там, где я всегда хотела оказаться. Когда закончим, Уриэль будет у нас в долгу. Она должна будет выписать нам разрешение на посещение буйурских мест.

Есть слово на англике — *цепкость*, которое на Галшесть я перевожу как упрямство. Это еще одна причина того, что человеческая речь лучше описывает мою приятельницу Гек.

Все мы, даже Ур-ронн, немного удивлены тем, как неожиданно Уриэль предложила все свои ресурсы для нашего “маленького приключения”. В свой последний вечер на горе Гуэнн мы говорили об этом внезапном великодушии кузнеца, после того как целый день упаковывали вещи в ящики, просматривали длинные списки и ждали, пока мастерская не затихнет на ночь.

— Наверно, это связано с пришельцами со звезд, — сказала Ур-ронн, поднимая голову со своего соломенного матраца.

Гек повернула к ней два стебелька, продолжая

одним читать потрепанный экземпляр “Замка лорда Валентайна”.

— Опять? Какое отношение может иметь наше маленькое погружение к приходу на Джиджо галактического крейсера? Неужели у Уриэль нет более важных проблем?

— Но Гивц неделю назад сказал…

— Почему не признать, что ты неправильно поняла слова Гибца? Мы сегодня снова спрашивали, и треки не помнит, чтобы видел космический корабль.

– Не этот треки, — поправил я. — До влена у нас не было возможности расспросить Гибца. А сказал, что не помнит, *Тиуг.*

– Тиуг, Гибц. Разница не может быть такой уж большой. Даже после влена треки не может забыть подобное!

Я был в этом не так уверен. Я слышал, что восковые кристаллы памяти треки очень капризны.

Но, с другой стороны, когда речь идет о треки, я вообще ни в чем не уверен.

Конечно, была единственная личность, у которой можно было бы спросить об этом, но я подозреваю, что, если бы посреди всех этих приготовлений, распределения припасов, проверки планов мы задали этот вопрос Уриэль, свирепая

старая хозяйка кузницы прогнала бы нас. Или лучше назвать ее устрашающей? Не очень уверен, потому что пишу при свете свечи и не могу воспользоваться своим словарем. Все предыдущие дни Уриэль отрывалась от своих обычных обязанностей, разговоров с почетным гостем-человеком, присмотра за своим драгоценным залом с вращающимися дисками, чтобы обрушить на нас поразительное количество деталей и подробностей, о которых мы и не думали, когда долгие месяцы планировали свою подводную экспедицию, — причем никто из нас не надеялся, что она осуществится в реальности. В этой спешке, казалось, нет времени ни на что другое. Или Уриэль ясно давала понять, что некоторые вещи совершенно не наше дело.

Однажды я попытался спросить ее обо всех изменениях, которые она внесла в наш план.

— Мы всегда считали, что начнем исследования с отмели у нашего дома. Потом все перестроим и укрепим, прежде чем начать более глубокие погружения с корабля. Может, опустимся на десять или двадцать кордов. А вы говорите о тридцати — причем с самого начала!

— Тридцать кордов — не так уж много, — с фырканьем ответила Уриэль. — О, я согласна,

что ваши старые циркуляторы воздуха для этого не приспособлены. Поэтому я и заменила вашу систему на лучшую, какая только оказалась под рукой. И ваши прокладки протекли вы. А что касается вашего корпуса, то он выдержит.

Но я продолжал гадать, откуда все это оборудование. Например, мы не подумали о том, что понадобится регулятор давления газа. Хорошо, что Уриэль указала на нашу ошибку и у нее нашелся прекрасный регулятор ручной работы. Но *почему* он у нее оказался? Зачем руководительнице кузницы в вулкане подобный прибор?

Гек признавала, что поддержка Уриэль значительно увеличила наши шансы. Но я тревожился. Все предприятие окружала дымка какой-то тайны.

— Все станет ясно, когда вы доберетесь до Скалы и все будет готово. Я сама проверю все оборудование и тогда объясню, что вы можете сделать для меня.

Если не считать редких, на один день, поездок в Вуфон, Уриэль никогда не оставляла свой горн. Теперь она хочет уехать на *две недели*, чтобы принять участие в нашем приключении? Никогда в жизни ни одна новость не поражала меня так, как эта, одновременно внушив уверенность

и испугав. Вероятно, мой тезка чувствовал то же самое, когда бродил по глубоким катакомбам под Диаспаром и нашел нечто невообразимое — загадочный туннель, ведущий к далекому Лису.

И вот мы: Гек, Ур-ронн и я — все собрали и готовы выступить утром, чтобы начать путешествие, которое либо прославит нас, либо убьет. Однако перед этим было еще одно дело, которым нам следовало заняться. Мы подождали, пока ночь не окутала гору Гуэнн, когда солнечные лучи не заполняли сотни искусно сооруженных окон в потолке и больше ничего не соперничало со свечением лавовых озер и горнов. Фабрики по переработке руды и плавильные печи стихли, рабочие сложили свои инструменты. Вскоре после ужина семь раз ударили в гонг, призывая рабочих-уров совершить ритуальную очистку перед сном.

Ур– ронн не хотелось идти в такой час -а какому уру это захочется? — но она знала, что другой возможности у нас не будет. И вот мы цепочкой двинулись из комнаты на складе, куда нас поместила Урдоннел, осторожно пробираясь между лампами. Впереди шла Гек; вытянув вперед два глазных стебелька, она быстро ехала по каменной рампе. Каждый раз когда она проходила под

окнами в потолке, ее обращенные назад глаза сверкали, отражая звездный свет.

— Быстрей, засони! Вы джикии так медлительны! Ур-ронн проворчала:

— А кто нес ее три дня по скалам, когда мы исследовали Йотирские пещеры? У меня до сих пор на боках шрамы от ее осей.

Преувеличение. Я знаю, какая прочная у уров кожа. Тем не менее у Гек действительно есть привычка вспоминать только то, что ей удобно.

На перекрестках ей приходилось останавливаться и, раздраженно пыхтя, ждать, пока Ур-ронн не покажет направление. Вскоре мы миновали лабиринт подземных туннелей и двинулись тропой из утоптанной пемзы по скалистому плато, которое ночью казалось еще более чуждым, не джиджоанским, чем днем. В сущности, мы пересекали местность, очень похожую на поверхность спутника Земли, которую я видел на фотографиях.

Кстати о спутниках. Знакомый красноватый полумесяц самого большого спутника Джиджо великого Лусена висел низко на западе; большая часть диска сейчас не видна, и солнечные лучи не отражаются от холодных мертвых городов, которые буйуры оставили нетронутыми, словно

насмехаясь над нами.

Звезды сверкали над головой как… ну, написав это, я порылся в памяти в поисках какого-нибудь сравнения, которые вычитал в книгах, но земные авторы никогда не видели ничего похожего за скопление Одуванчика: огромный шар из сверкающих точек, занимающий почти четверть неба вплоть до южного горизонта. Я знаю, что они этого не видели, потому что если бы увидели, то попытались бы описать миллионами разных способов. Гости из густонаселенных северных районов склона всегда поражаются, когда видят это великолепие, и я думаю, что Одуванчик — одно из немногих преимуществ жизни в этой южной окраине.

И это одна из главных причин того, почему предшественницы Уриэль установили здесь телескоп и защитили его куполом от дождя и пепла частых мини-извержений старой Гуэнн.

Ур- ронн говорит, что только в этом месте обсерватория попадает под ветер с моря и поэтому тепловые потоки не мешают смотреть. Вероятно, на Склоне есть места, гораздо лучше приспособленные для занятий астрономией. Но у этого места есть одно преимущество: здесь живет Уриэль. А у кого еще найдется столько времени,

богатства и влияния, чтобы заниматься таким хобби? Ни у кого, кроме, разве что, ученых из Библоса.

Тяжелое сооружение из шлака словно выросталo на фоне ослепительного звездного скопления, напоминая мне морду глейвера, отхватившую большой кусок пирога. От этого зрелища у меня зачесались боковые пластинки. Конечно, на такой высоте, да еще под безоблачным небом, воздух очень холодный.

Свистнув в отчаянии, Ур-ронн неожиданно остановилась, подняв облако пыли, едва не заставив Гек натолкнуться на меня. Гек вращала стебельками, глядя одновременно во всех направлениях. Маленькая Хуфу отозвалась, вцепившись когтями мне в плечо, готовая спрыгнуть и покинуть нас при первых признаках опасности.

— В чем дело? — прошептал я.

Крыша открыта, объяснила Ур-ронн, переходя на Галдва и одновременно принюхиваясь. *Я чувствую запах ртутных паров: вероятно, кто-то работает на телескопе. Теперь мы должны (быстро) вернуться в свои постели, чтобы не вызвать подозрений.*

– Иди к дьяволу! — выругалась Гек. — Я не собираюсь возвращаться.

Они смотрели на меня, в ожидании решающего голоса. Я в человеческом стиле пожал плечами.

— Мы уже здесь. Можно попытаться взглянуть. Ур-ронн спиралью свернула шею. Фыркнула.

В таком случае держитесь за мной. И в тщетной надежде на удачу Ифни, не шумите!

И вот мы приблизились к куполу и увидели, что крыша действительно открыта и в щели на фоне сверкающего неба видны какие-то темные очертания. Тропа кончилась у двери на уровне земли. Дверь полуоткрыта, и за ней темно. Хуфу дрожала у меня на плече — от нетерпения или тревоги. Я уже пожалел, что взял ее с собой.

Были видны смутные очертания Ур-ронн, которая, прижавшись к стене, просунула внутрь голову.

— Из всех сверхджикии вещей ничто не превзойдет этот ее ночной поход, — ворчала Гек. — Ур ночью видит не лучше, чем глейвер днем. Я должна была идти впереди.

Да, подумал я. *Как будто сама Гек создана для того, чтобы тайно подкрадываться.* Но я молчал, только негромким ворчанием не разрешал Хуфу спрыгнуть.

Нервно помахивая заплетенным хвостом, Ур-ронн глубже просунула голову — за нею по-

следовало ее длинное тело, легко протиснувшись в дверь. Сразу за ней шла Гек, все ее глазные стебельки были подняты и дрожали. Я шел последним и все время поворачивался, чтобы проверить, не идет ли кто за нами, хотя, конечно, трудно себе представить, что кому-то это захочется делать.

Главный зал обсерватории казался пустым. Слабо блестел в звездном свете большой телескоп. На столе затененная лампа бросала красный, через фильтр, свет на звездную карту, прикрепленную к пюпитру, и на блокнот, исчерканный, должно быть, математическими символами: множество цифр и какие-то знаки, которые не входят ни в какой алфавит… хотя теперь, думая о них, я вспоминаю, что мистер Хайнц показывал нам некоторые из них, надеясь вызвать интерес класса.

Слушайте и смотрите, сказал Ур-ронн. *Мотор, предназначенный для слежения за объектами и компенсации вращения Джиджо, все еще работает.*

И действительно, от корпуса телескопа исходило низкое, похожее на хунское, ворчание, и я чувствовал запах испарений маленького клеточного мотора. Еще одна расточительность, почти

неслыханная по всему Склону, но разрешенная здесь, потому что гора Гуэнн — святое место, способное очиститься от всех игрушек, обманов и необоснованного тщеславия. Если не завтра, то через несколько сотен лет — несомненно.

— Это значит, что телескоп все еще направлен туда, куда они смотрели перед уходом! — быстро среагировала Гек.

А кто говорит, что “они” ушли? собирался я спросить. Повернувшись, я заметил очертания закрытой двери. Сквозь щели пробивался слабый свет. Но Гек поторопила меня.

— Олвин, подсади, чтобы я смогла посмотреть.

— Хр-р-рм? Но…

— Олвин! — По моей ноге проехалось колесо, предупреждая, что нужно делать то, что сказано.

— Что? Подсадить? — Я не видел ни рампы, ни другой возможности для Гек приблизиться к окуляру кроме стула рядом со столом. Тем не менее лучше все-таки послушаться, как можно быстрей и беззвучней, а не начинать спор.

— Хрррм… Ну, хорошо. Но тише, ладно?

Я встал за Гек, присел и просунул обе руки под ее осевую раму. Напрягся и поднял ее так, что один ее глазной стебелек оказался на уровне окуляра.

— Стой спокойно! — просвистела она.

— Я… хрр-ррм… пытаюсь…

Я позволил костям рук слегка переместиться, так что локтевые кости сомкнулись — мне говорили, что люди и уры завидуют этой нашей способности, потому что даже самые сильные люди, поднимая тяжесть, делают это исключительно с помощью мышц. Но даже и так Гек весит немало, и держать ее означало стоять согнувшись, полуприсев. Когда я хмыкнул, она повернула глазной стебелек, чтобы посмотреть вниз, и едва не задела мне лицо, как будто я нарочно раздражаю ее.

— Стой на месте, ты, необразованный хун!… Отлично, теперь я могу видеть… очень много звезд… и еще звезды… Эй, да здесь нет ничего, кроме звезд!

— Гек, — проворчал я, — разве я не просил тебя не шуметь?

Ур– ронн со свистом вздохнула.

— Конечно, там только звезды, ты, пахнущая хуном г'кек! Неужели ты думала, что через этот маленький телескоп сможешь рассмотреть иллюминаторы космического корабля? На такой высоте корабль будет мерцать, как и все другие источники.

На меня это произвело впечатление. Мы знали, что Ур-ронн в нашей шайке лучший механик, но кто мог подумать, что она и в астрономии разбирается?

— Дай-ка мне взглянуть. Если возможно, я скажу, какая звезда не звезда. Ее позиция будет меняться относительно других звезд.

Гек гневно вертела колесами в воздухе, но не могла не признать разумности просьбы Ур-ронн. Я с облегчением и хрустом хрящей распрямился, когда она с недовольным ворчанием скатилась с меня. Ур-ронн пришлось встать передними копытами на стул, чтобы приподняться и приникнуть к окуляру.

Несколько мгновений наша урская приятельница молчала, потом раздраженно сказала:

— Это действительно только звезды, насколько я могу судить. Но я завыла: звездный корабль за несколько дуров все равно выйдет из поля зрения, даже если включен следящий механизм.

— Что, тогда все, — сказал я, испытывая лишь легкое разочарование. — Нам лучше вернуться побыстрей…

И тут я заметил, что Гек исчезла. Повернувшись, я наконец увидел ее. Она двигалась прямо к двери, которую я заметил раньше!

— Помните, о чем мы говорили? — крикнула она нам, приближаясь к полуосвещенному треугольнику. — Настоящие доказательства должны быть на фотографических пластинках, о которых говорил Гивц. Ведь мы пришли посмотреть на них! Идемте!

Признаюсь: я смотрел, как выброшенная на берег рыба, мой горловой мешок бесполезно раздувался, а Хуфу впилась когтями мне в череп, готовясь спрыгнуть. Ур-ронн бросилась вслед за Гек, отчаянно попытавшись схватить ее за спицы, прежде чем она доберется до двери…

…которая в то же мгновение распахнулась, и на фоне ослепительного света показался человеческий силуэт. Низкорослый узкоплечий мужчина с волосами дыбом; эти волосы словно светились в блеске нескольких ламп, горевших за ним. Мигая и заслоняя глаза рукой, я смутно различил в комнате за дверью несколько пюпитров с картами, математическими таблицами и стеклянными пластинками. На многочисленных полках, покрывающих все стены небольшой комнаты, лежало еще много таких пластинок.

Гек затормозила так стремительно, что ее оси нагрелись. Ур-ронн едва не столкнулась с нею, торопливо остановившись. Мы все застыли, пой-

манные на месте преступления.

Нетрудно было догадаться, кто этот человек, поскольку только один представитель этой расы постоянно живет на горе. Единственный и широко известный мудрец, чей интеллект кажется мощным даже для землянина и постигает тайны, ведомые только нашим предкам. По уму он превосходит даже Уриэль, которая преклоняется перед ним.

Кузнецу с горы Гуэнн не понравится, что мы мешаем ее почетному гостю.

Мудрец Пурофски долго всматривался в темноту за дверью, потом указал на нас рукой.

— Это вы! — странно отвлеченным голосом произнес он. — Вы меня удивили.

Первой пришла в себя Гек.

— Простите., ммм… мастер. Мы только…

Прервав ее без следа раздражения, человек продолжал:

— Это даже хорошо. Я собирался позвать кого-нибудь. Не отнесете ли Уриэль эти мои заметки?

Он протянул стопку листов, которые Гек взяла дрожащей рукой-щупальцем. Ее полувтянутые глаза удивленно мигали.

— Хорошие ребята, — с отсутствующим видом сказал ученый и повернулся, собираясь снова

скрыться в комнате. Но неожиданно мудрец Пурофски остановился и опять повернулся к нам.

— О, и скажите, пожалуйста, Уриэль, что теперь я в этом уверен. Оба корабля исчезли. Не знаю, что случилось с большим, первым, поскольку его обнаружили лишь благодаря случаю на пластинках, снятых раньше. Тогда никто не догадался посмотреть. Орбиту рассчитать невозможно. Могу только высказать предположение, что он приземлился. Но даже самые приблизительные расчеты, основанные на последних наблюдениях, свидетельствуют, что второй корабль сходил с орбиты, сбрасывал скорость и по спирали снижался к Джиджо. Если не было дополнительных отклонений и поправок, он приземлился несколько дней назад к северу отсюда, прямо в Риммере.

Улыбка его была печальной и ироничной.

— Иными словами, предупреждение, которое мы отправили на Поляну, запоздало. — Пурофски устало потер глаза и вздохнул. — Наши коллеги на собрании, вероятно, больше нас знают о происходящем.

Клянусь, в голосе его звучала не тревога, а разочарование из-за прибытия на Джиджо того, чего изгнанники боялись все две тысячи лет.

Мы все, даже Хуфу, долго смотрели на него,

даже после того, как он еще раз поблагодарил нас, повернулся и закрыл за собой дверь, оставив нас в обществе миллионов звезд, которые, словно зерна пыльцы, рассыпанные по поверхности океана, светили у нас над головой. Море тьмы неожиданно показалось пугающе близким.

XII. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Есть слово, которое нас просят не употреблять слишком часто. И когда мы его произносим, говорить шепотом.

Просят нас об этом треки — просят сделать это из вежливости, уважения и суеверия.

Это слово – название — состоит оно из двух слогов, и треки боятся снова его услышать.

Так они когда-то называли себя.

Предположительно, это название по-прежнему используется их сородичами на звездных маршрутах Пяти Галактик.

Сородичами могучими, приводящими в ужас, решительными, безжалостными и целеустремленными.

Как не похожа наша раса кольчатых на описание тех, кто по-прежнему, подобно богам, правит космосом. На джофуров.

Некоторые расы, прилетевшие на Джиджо в крадущихся кораблях, были, подобно квуэнам и людям, почти неизвестны в Пяти Галактиках. Другие, как г'кеки и глейверы, обладали некоторой известностью благодаря своим особым способностям. Хуны и уры были известны всем, так что

даже земляне узнали их перед приземлением и встревожились.

Но говорят, все дышащие кислородом звездные кланы узнают груды колец, нагроможденные друг на друга, зловещие и могущественные.

Когда прилетел крадущийся корабль треки, г'кеки бросили на него один взгляд и на несколько поколений ушли в укрытие, прячась в ужасе, пока наконец не поняли, что это другие кольца.

Когда их увидели поселенцы-квуэны, они едва не улетели снова, не разгружаясь и даже не приземляясь.

Как могли наши любимые друзья пережить такую репутацию? Почему они так отличаются от тех, кто по-прежнему летает в космосе под этим страшным названием?

Размышления о Шести. Овум Пресс, 1915 год изгнания

Аскс

Либо чужаки стараются сбить нас с толку, либо в них есть что-то необычное.

Вначале их сила и знания казались нам такими, какими и должны быть: настолько превосходящими наши, что мы по сравнению с ними невежественные животные. Неужели мы решимся сопоставлять нашу ничтожную мудрость, нашу простую жизнь с их величественными, сложнейшими машинами, их лечебным искусством и особенно с их поразительно проницательными вопросами об особенностях жизни на Джиджо? Их эрудиция свидетельствовала, что в их распоряжении огромные знания, несомненно, почерпнутые из последнего исследования этого мира, проделанного миллион лет назад. И все же…

Они как будто ничего не знают о лорниках и зукирах.

Они не могут скрыть своего возбуждения, когда работают с глейверами, как будто совершили великое открытие.

Они отпускают удивленные и нелепые замечания относительно шимпанзе.

А теперь они хотят все знать о мульк-пауках, задают наивные вопросы, на которые может ответить даже такой неспециалист, как эта груда колец. Даже если бы все мои разумные кольца подверглись плену и ушли, оставив только инстинкт, память и движения.

На носу большого корабля, который оставил здесь станцию, не было знака Великой Библиотеки. Мы посчитали его отсутствие простым свидетельством преступности. Отрицательным символом, обозначающим нечто вроде стыда украдкой.

Но, может быть, это нечто большее? Гораздо большее?

Сара

От мастерской Энгрил на канале Пиммин очень близко до больницы, куда вчера Пзора поместил Незнакомца. Энгрил согласилась встретиться там с Сарой и портретистом Блумом. Времени оставалось мало. Может, идея Сары глупа или непрактична, но лучшей возможности изложить ее не будет и не будет лучшего слушателя, чем Ариана Фу.

Нужно принимать решение. И пока предзнаменования нехорошие.

Посланники деревни Доло собрались накануне вечером в таверне вблизи урского квартала, чтобы обсудить, что каждый из них узнал с тех пор, как причалил *Хауф-вуа.* Сара показала экземпляр доклада мудрецов, только что напечатанный в мастерской Энгрил, думая поразить остальных. Но к вечеру Пзора уже почти все знал.

– Я вижу три возможности, — сказал мрачный фермер Джоп, держа в руках кружку кислой пахты. — Первая: вся эта история — проклятая Яйцом ложь. На самом деле корабль из больших Институтов, и нас будут судить, как и предсказано в Свитках, но мудрецы распространяют сказки

о бандитах, чтобы, оправдать созыв милиции и подготовку к сопротивлению.

— Но это нелепо! — возразила Сара.

— Правда? Тогда почему собраны все отряды? В каждой деревне тренируются люди. Во всех направлениях скачут кавалеристы-уры, а хуны смазывают свои старые катапульты, как будто можно камнями подбить звездный корабль. — Он покачал головой. — Что, если мудрецам пришла в голову мысль сопротивляться? Не в первый раз лидеры сходят с ума при приближении конца своей ничтожной власти.

— Но как же эти рисунки? спросила скрайвен-танцовщица Фалькун. Г'кек коснулась одной из репродукций, на которой изображены два человека в цельных костюмах, высокомерно глядящие на зрелище, новое и одновременно такое жалкое для них.

Джоп пожал плечами:

— Самый нелепый рисунок. Что могут здесь делать люди? Когда наши предки покидали Землю в устаревшем третьесортном корыте, ни один человек не понимал принципа его работы. Те, что остались дома, и за десять тысяч лет не могли бы догнать галактические стандарты.

Сара видела, как Блейд и капитан-хун удив-

ленно переглянулись. То, что сказал Джоп о человеческой технологии времен изгнания, не тайна, но им трудно себе это представить. На Джиджо земляне — это инженеры, которые обычно знают ответы на вопросы.

— И кому понадобилось разыгрывать такой обман? — спросила Ульгор, опуская коническую голову. В позе тела ура Сара видела напряжение. *Ого,* подумала она.

Джоп улыбнулся.

— Какой-нибудь группе, которая увидела среди этого смятения возможность опозорить нашу честь и отомстить перед Судным днем.

Человек и ур смотрели друг на друга, оскалив зубы — что можно было принять и за улыбку, и за вызов. И Сара на этот раз благословила болезнь, которая заставила почти все реуки свернуться и впасть в спячку. Симбионты не допустили бы никакой двусмысленности при переводе того, что испытывали Джоп и Ульгор.

И в этот момент между двумя протянулась струйка желтоватого пара — и запахло липкой сладостью. Джоп и Ульгор одновременно отпрянули от этого запаха в противоположных направлениях, прикрывая носы.

— Уупс, выражаю сожаление от моего/нашего

имени. Пищеварительный тор этой груды все еще обрабатывает богатую пищу, которую нам предлагали на борту хунского корабля.

Капитан *Хауф-вуа* невозмутимо сказал:

— Очень любезно с твоей стороны, Пзора. А что касается обсуждаемого вопроса, мы должны решить, какой совет отправить в Доло и в поселения в верховьях Рони. Поэтому позвольте мне спросить Джопа… *Хрррм* — что если мы рассмотрим более простую теорию: что это не обман со стороны достопочтенных мудрецов, *хрр?*

Джоп с кашлем продолжал махать рукой перед носом.

— Это приводит нас к возможности номер два — что мы подвергаемся испытанию. День наконец пришел, но благородные галакты еще не решили, что с нами делать. Может быть, великие Институты наняли людей-актеров, чтобы они сыграли свои роли, предоставив нам шанс склонить чашу весов в одну сторону — с помощью правильных действий, или в другую, если мы выберем неверно. А что касается совета, который мы пошлем вверх по реке, я предлагаю сообщить, что следует заняться уничтожением в соответствии в древним планом.

Блейд, молодой делегат-квуэн, откинулся назад

на трех ногах, приподнял свой синий панцирь, запинаясь и свистя, так что его попытка говорить на англике закончилась неудачей. Он переключился на Галактический Два.

Безумие ты демонстрируешь! Это сумасшествие, то, что ты говоришь! Наша могучая плотина (великолепная на взгляд и на запах) должна исчезнуть? Зачем, если наше (незаконное) пребывание на Джиджо уже известно? Джоп объяснил:

— Действительно, мы не можем скрыть свою преступную колонизацию. Но мы можем начать процесс уничтожения следов своей деятельности с этого изуродованного мира. Показав свои добрые намерения, мы можем заслужить снисхождение.

Чего мы не должны делать — и боюсь, что в этом отношении наши мудрецы обмануты, — это предлагать любое сотрудничество людям, которые делают вид, что они генные грабители. Никаких подачек или услуг, поскольку это — тоже часть испытания.

Ульгор с сомнением фыркнула.

— А третья возможность? Что, если они на самом деле преступники?

Джоп пожал плечами:

— Остается справедливым тот же ответ. Пассивное сопротивление. Слиться с местностью. Снести наши города…

— Сжечь библиотеки, — вмешалась Сара, и Джоп, посмотрев в ее сторону, коротко кивнул.

— Это прежде всего. В них корень обмана. Наши нелепые претензии на цивилизованный статус. — Он повел рукой, указывая на старое буйурское помещение, преобразованное в таверну, на закопченные стены, украшенные копьями, щитами и другими сувенирами кровавой осады города Тарек. — Цивилизованный! — Джоп снова рассмеялся. — Мы подобны попугаям-тикам, повторяем стихи, которых не понимаем, жалко подражаем обычаям могучих. Если действительно прилетели пираты, такое тщеславие лишь уменьшит нашу возможность закопаться. Наш единственный шанс на выживание — слиться с животным миром Джиджо. Стать невинными, как глейверы в их блаженном спасении. Мы бы уже достигли такого блаженного состояния, если бы люди не испортили природу своей так называемой Великой Печатью.

Так что, как видите, это не имеет значения, — закончил он, снова пожимая плечами. — Пришельцы могут оказаться благородными советниками

Великого Института Миграции или самыми грязными преступниками космоса. В любом случае для нас наступил день суда. Наше единственное возможное решение одно и то же.

Удивленно качая головой, Сара заметила:

— Ты начинаешь говорить как Ларк.

Но Джоп не видел в этом ничего ироничного. С тех пор как оглушительный, ужасающий призрак потряс древесные фермы, оставляя в обожженном небе шумный горячий след, фермер с каждым днем становился все большим радикалом.

— Плохо дело, — сказал Блейд Саре позже в тот же вечер, когда Джоп отправился на встречу со своими друзьями и единоверцами. — Он кажется уверенным в своих рассуждениях и добродетели — как серая королева, убежденная в своей праведности.

— Самодовольство и лицемерие — чума, которая поражает все расы, кроме треки, — ответила Фалькун, наклоняя два стебелька в сторону Пзоры. — Ваш народ счастлив, потому что избавлен от проклятия эгоизма.

Аптекарь из деревни Доло испустил негромкий вздох.

— Я/мы советую не делать поспешных заключений, дорогой друг. Сказано, что некогда мы

тоже обладали такой способностью, партнером которой является дар/проклятие тщеславия. Исключить эту способность из нашей природы означало отказаться от величайшего сокровища, от наших лучших колец. Сделать это было нелегко.

То, чего мы/я больше всего боимся при восстановлении контакта с галактами, вам, народам и существам, не понять: мы боимся поддаться искушению.

Мы боимся предложения снова стать цельными.

Клиника — это царство колес. Повсюду врачи-г'кеки и пациенты в креслах на колесах. Многие аптекари-треки пользуются фургонами-скутерами и передвигаются в них быстрее, чем если бы просто шли. Неудивительно, что ровная городская планировка больше всего подходит этим двум из Шести.

Палата Незнакомца на пятом этаже и выходит на слияние рек Руни и Бибур. В окно видны оба паровых парома, причаленных в гавани под маскировочным навесом. Теперь они действуют только по ночам, потому что особо бдительные угрожали сжечь их, если они покажутся днем. А сегодня утром пришло подтверждение с Поляны.

Высокие мудрецы также хотят, чтобы признаки высокой технологии без необходимости не обнаруживались Шестью. *Ничего не уничтожайте. Все прячьте.*

Это лишь усилило смятение среди простого народа. Пришел Судный день или нет? Во всех частях города слышны были шумные споры. *Нам нужно, чтобы нас объединила какая-нибудь цель,* думала Сара, *иначе мы начнем распадаться: отдельно кожа и шкура, панцирь и спицы.*

Служитель-треки провел Сару к отдельной палате, отведенной для Незнакомца. Смуглый мужчина посмотрел на вошедшую Сару и улыбнулся: он явно радовался ее появлению. Отложил карандаш и блокнот, в котором Сара увидела изображение того, что находится за окном: один из паромов под маскировочной сеткой. К стене был прикреплен другой рисунок. На нем был изображен концерт на корме *Хауф-вуа* — приятная интерлюдия в мире, охваченном кризисом.

— Спасибо, что пришла, — сказала пожилая, болезненного вида женщина, сидевшая рядом с постелью Незнакомца и поразительно напоминавшая г'кека: цветом одежды, поразительно голубыми глазами и тем, как кресло на колесиках вмещает ее прикрытое одеялом тело. — Мы

прогрессируем, но кое-что я хотела проверить только после твоего появления.

Сара по-прежнему удивлялась, почему именно Ариана Фу заинтересовалась раненым. Теперь, когда Лестер Кембел и другие мудрецы далеко, она — самый высокопоставленный человек-ученый в Библосе. Можно было подумать, что у нее сейчас окажется немало более важных дел, чем интересоваться происхождением Незнакомца.

Вкатился врач-г'кек, говорил он мягко, с культурным акцентом.

— Пожалуйста, Сара, прежде всего расскажи нам все, что помнишь о внешности Незнакомца в тот день, когда ты вытащила его, обгоревшего и оборванного, из болота.

Сара молча покачала головой.

— Из его одежды ничего не сохранилось?

— Было несколько обрывков, в основном обгоревших. Мы выбросили их, когда обрабатывали ожоги.

— Обрывки отправились в бочку для мусора? — оживленно спросил врач. — Одну из тех бочек, что привез *Хауф-воа?*

– Никаких украшений или значков не было, если вас это интересует. Обрывки отправились на переработку, как всякие тряпки. Прямиком

в измельчающую машину в мастерской отца. А они помогли бы?

— Может быть, — ответила пожилая женщина. Она была явно разочарована. — Мы стараемся рассмотреть все возможности.

Незнакомец сложил руки на колени, он переводил взгляд с одного на другого, словно очарованный не смыслом слов, а их звучанием.

— Вы можете… — Сара глотнула, — можете что-нибудь для него сделать?

— Это зависит от многого, — ответил врач. — Ожоги и контузии хорошо заживают. Но наши лучшие мази бессильны против структурных повреждений. Наш загадочный гость утратил часть лобной доли головного мозга — в левом полушарии. Ее словно вырвал какой-то свирепый хищник. Я уверен, ты знаешь, что именно в этой части у вас, людей, расположен центр речи.

— А есть ли возможность?…

— Восстановления утраченного? — Жест сомнения г'ке-ков — переплетение двух глазных стебельков — никогда не становился модным у других рас. — У очень молодого человека или женщины возможен перенос речевых способностей в правую долю. Так иногда бывает у тех, кто получил сильный удар по голове. Но у взрослых

мужчин такое случается редко. Увы, их структура мозга гораздо более жестко закреплена.

Свет в темных глазах Незнакомца обманчив. Незнакомец дружелюбно улыбнулся, словно разговор идет о погоде. Его радостный взгляд разрывал Саре сердце.

— Ничего нельзя сделать?

– В Галактике — может быть.

Древнее выражение, почти поговорка — когда речь идет о том, что выходит за пределы примитивных возможностей Склона.

— Но мы ничего больше сделать не можем. Здесь не можем.

Было что-то загадочное в тоне врача. Все его четыре глаза были устремлены внутрь. Он походил на человека, разглядывающего собственные ногти в ожидании, пока будет произнесено невысказанное. Сара посмотрела на Ариану Фу: у той было непроницаемое, собранное лицо.

Слишком собранное. Сара догадалась, на что намекает врач.

— Вы серьезно?

Женщина-мудрец на мгновение закрыла глаза. А когда открыла, в них был дерзкий блеск.

— Нам сообщают, что пришельцы стараются склонить на свою сторону общественное мне-

ние, переманивают на свою сторону с помощью лекарств и чудес исцеления. Из Тарека и других мест уже двинулись без всякого разрешения караваны больных и калек. Они преодолевают трудный путь в надежде на чудесное исцеление. Признаюсь: такая мысль пришла мне на ум. — Она подняла свои тонкие, как палка, руки. — Многие могут умереть в пути, но что значит такой риск по сравнению с искрой надежды?

Сара помолчала.

— Вы думаете, чужаки могут ему помочь?

Ариана пожала плечами по-хунски — то есть надула щеки.

— Кто может сказать? Откровенно говоря, я сомневаюсь, чтобы даже галакты сумели излечит такое повреждение. Но у них есть паллиативные средства, способные намного улучшить положение. Во всяком случае, очень велика вероятность, что мое предположение справедливо.

— Ваше предположение?

— Что наш Незнакомец совсем не бедный дикарь. Сара посмотрела на нее и замигала.

– *Ифни!* — выдохнула она.

– Поистине, — кивнула Ариана Фу. — Можем ли мы проверить, послан ли наш гость действительно богиней удачи и перемен?

Сара едва могла кивнуть. И пока пожилая женщина рылась в своей сумке, девушка размышляла. *Наверно, именно поэтому все преклонялись перед ней, когда она была главным мудрецом до Кембела. Говорят, гениальность — это способность увидеть очевидное. Теперь я знаю, что это правда.*

Как я могла быть так слепа!

Ариана извлекла несколько страниц, только что напечатанных на машине Энгрил.

— Я хотела попросить присутствовать чувствительного, но если я права, нужно все это держать в тайне. Так что придется нам самим наблюдать за его реакцией. Заметьте, что он, пожалуй, единственный во всем Тареке, кто еще не видел этого. Прошу всех внимательно наблюдать.

Она подкатилась поближе к пациенту, который внимательно смотрел, как она выкладывает листки на одеяло. Улыбка постепенно исчезала с его лица: он брал листок и осторожно прикасался к тонким линиям. Горы окружали долину, похожую по форме на лук и усеянную поваленными деревьями. Это гнездо, а в нем толстое копье с выступающими ребрами. Очертания этого копья Сара впервые увидела в небе над своим сотрясаемым домом. Кончики пальцев, дрожа, ка-

сались пологих изгибов корпуса. Улыбка исчезла, сменившись выражением болезненной сосредоточенности. Сара чувствовала, что Незнакомец пытается что-то вспомнить. Очевидно, есть здесь узнавание знакомого и что-то гораздо-гораздо большее.

Незнакомец посмотрел на Ариану Фу. Глаза его были полны болью и вопросами, которые он не мог сформулировать.

— Но что это доказывает? — спросила Сара, мысленно корчась.

— Рисунок корабля его встревожил, — ответила Ариана.

— Как встревожил бы любого умного члена Шести, — заметила Сара.

Пожилая женщина кивнула.

— Я ожидала более радостной реакции.

— Вы думаете, он один из них? — спросила Сара. — Думаете, он потерпел крушение в болотах к востоку от Доло на борту какой-то летающей машины. Он галакт. Преступник.

— Учитывая совпадение во времени, это самая вероятная и простая гипотеза — абсолютно незнакомый человек, обгоревший во влажных болотах, появляется с ранами, которые не в состоянии излечить наши врачи. Но попробуем

другой рисунок.

На следующем рисунке та же долина, но вместо корабля то, что мудрецы называют “исследовательской станцией”, которая должна анализировать джиджоанскую жизнь. Незнакомец смотрел на черный куб заинтересованно и, может быть, слегка испуганно.

Наконец Ариана показала рисунок, на котором были изображены две фигуры с сильными уверенными лицами. Пара, пролетевшая ради грабежа сотни световых лет.

На этот раз Незнакомец ахнул. Он смотрел на изображение людей, притрагивался к символам на их цельных костюмах. Не требовалось обостренной чувствительности, чтобы заметить отчаяние в его взгляде. С нечленораздельным возгласом он скомкал листок, бросил в угол палаты и закрыл глаза рукой.

— Интересно. *Очень* интересно, — прошептала Ариана.

— Не понимаю, — вздохнул врач. — Означает ли это, что он не с Джиджо, или нет?

— Боюсь, делать выводы слишком рано. — Ариана покачала головой. — Скажем так: возможно, он из Пяти Галактик. Если преступники ищут сбежавшего соучастника, а он оказывается в наших

руках, это может стать нашим преимуществом.

— Какого… — начала Сара, но старшая женщина продолжала, словно рассуждая вслух:

— Увы, его реакцию я бы не назвала желанием вернуться к потерянным товарищам. Может, он сбежавший от них враг? Каким-то образом ему удалось сбежать из заключения, может, даже совершив убийство, за день-два до посадки корабля грабителей? Какая ирония, что именно эта рана не дает ему возможности все нам рассказать! Интересно, не они ли причинили ее… как варварские короли на древней Земле вырезали языки своим врагам. Как ужасно, если это правда!

Все эти возможности, изложенные женщиной-мудрецом, ошеломили Сару. Наступило долгое молчание. Наконец снова заговорил врач.

— Ваши размышления интригуют меня и приводят в ужас, старый друг. Но сейчас я должен попросить не волновать больше пациента.

Однако Ариана только покачала головой, продолжая размышлять вслух.

— Я думала немедленно отправить его на Полян. Пусть Вуббен и остальные решают, что делать дальше.

— Правда? Я никогда не разрешил бы вам перемещать так серьезно…

— Разумеется, возможность воспользоваться галактическим уровнем лечения ран прекрасно объединяет прагматизм и доброту.

Оральный клапан врача-г'кека открылся и закрылся. Врач молча обдумывал слова Арианы. Наконец его стебельки втянулись.

Женщина-мудрец в отставке вздохнула.

— Увы, вопрос, кажется, приобрел чисто академический интерес. Судя по тому, что мы видели, сильно сомневаюсь, чтобы наш гость хотел туда отправиться.

Сара уже собиралась сказать женщине, куда та может отправляться со своими попытками вмешаться в жизнь человека. Но в этот момент предмет их разговора отнял руки от лица. Он посмотрел на Ариану и Сару. Потом взял один из рисунков.

— И… — Глотнул, и лоб его сморщился в крайней сосредоточенности.

Все смотрели на него. Человек поднял рисунок с изображением звездного корабля среди поваленных деревьев. Указательным пальцем постучал по нему.

— И…и…

Потом жалобно посмотрел Саре в глаза. И перешел на шепот.

– Идти.

После этого обсуждение дальнейших планов Сары словно потеряло свою актуальность. *Значит, я все-таки не вернусь в Дало на следующем корабле. Напротив, отправлюсь на встречу с чужаками.*

Бедный отец. Он всегда хотел в безопасности растить множество маленьких мастеров бумажных дел. Но все его наследники разбежались по разным опасным делам так быстро, как могут нести ноги.

Пришли Энгрил и Блур, портретист, с орудиями своего ремесла.

Блур, невысокий светлокожий мужчина с завитками рыжих волос, падающих на плечи. Руки его в пятнах, появившихся за годы занятий своим тонким мастерством. Он держал металлическую пластину размером с ладонь; на пластине виднелись тонкие линии и углубления. И под некоторым углом в игре света и тени из них возникали четкие изображения.

— Это называется процесс *Дагерра,* — объяснил он. — На самом деле это очень примитивная техника сохранения изображений. Один из первых способов фотографии, изобретенный волчатами-людьми на старой Земле. Так говорится в наших

справочниках. Сегодня мы не используем эту процедуру для изготовления портретов: бумага дешевле и безопасней.

— И к тому же бумага разлагается, — добавила Ариана Фу, поворачивая в руках пластину. На рифленом металле была изображена урская воительница высокого ранга, с обоими мужьями на спине в формальной позе. Длинная гибкая шея самки была раскрашена яркими зигзагообразными полосами. В руках она ласково, словно возлюбленную дочь по запаху, держала большой лук.

— Действительно, — согласился портретист. — Отличная бумага, производимая отцом Сары, гарантированно распадается меньше чем через сто лет, не оставляя никаких следов, способных выдать наших потомков. Этот образец дагерротипа один из немногих сохранившихся; все остальные с того времени, как укрепившаяся Община привела к уважению Закона, отправлены в мусорную Помойку. У меня есть специальное разрешение на этот прекрасный экземпляр Видите эти тонкие детали? Он создан до начала третьей войны людей с урами. Мне кажется, здесь изображен вождь племени Сул. Обратите внимание на шрамы татуировки. Замечательно! Так же четко

и ясно, как в тот день, когда было снято.

Сара наклонилась, и Ариана передала ей пластинку.

— А кто-нибудь с тех пор пользовался этим процессом на Джиджо?

Блур кивнул.

— Каждый член моей гильдии делает один дагерротип, доказывая свое право стать мастером. Результаты отправляются в Помойку или к кузнецам на переплавку, но мастерство сохраняется. — Он поднял свою сумку, слегка звякнув бутылочками. — Здесь достаточно кислоты и закрепителя, чтобы обработать несколько десятков пластин, но самих пластин у меня всего двадцать. Если потребуется больше, нужно будет заказать в городе Овум или в одной из вулканических кузниц.

Сара почувствовала легкое прикосновение к плечу, повернулась и увидела протянувшего руку Незнакомца Она отдала ему маленькую фотографию, и он осторожно провел кончиками пальцев по бороздкам.

Теперь, выслушав теорию Арианы, Сара по-иному воспринимала все, что делает раненый. Смеется ли он над примитивностью технологии, или выражает восхищение мастерством? Или

радость в его глазах — реакция на изображение свирепой воительницы, которая была настоящим бичом во время героической борьбы десять поколений назад?

Ариана Фу потерла подбородок.

— Двадцать пластин. Допустим, хорошие изображения получатся на половине…

— Щедрая оценка, мой мудрец, поскольку техника требует длительной экспозиции. Ариана хмыкнула.

–

— Тогда полдюжины удачных. И несколько следует передать чужакам, чтобы они поверили в реальность угрозы.

— Можно сделать копии, — вмешалась Энгрил.

— Копий не должно быть, — сказала Сара. — Они должны предположить, что у нас есть много других. Главное в том, способна ли такая пластинка выдержать миллион лет.

Художник сдул прядь рыжих волос. Из его горла вырвался странный сдавленный звук, похожий на вздох квуэна.

— В правильно подобранных условиях металл покрывается защитной окисленной пленкой… — Он нервно рассмеялся, переводя взгляд с Сары на Ариану. — Неужели вы серьезно? Блеф — одно

дело. Мы в таком отчаянном положении, что способны ухватиться за соломинку. Но неужели вы считаете, что мы действительно сможем сохранить свидетельства до следующего галактического обследования?

Врач г'кек сплел два глазных стебелька таким образом, что они смотрели в противоположных направлениях

— Похоже, у нас рождается совершенно новая ересь.

Аскс

Возможно, это была ошибка — так усиленно стараться подавить пси-способности среди Шести.

Большую часть долгого тысячелетия нашего изгнания это казалось разумным шагом. Разве не наша великая цель — оставаться незамеченными? Мы должны только строить скромно, в гармонии с природой, и пусть остальное сделают справедливые законы вселенной.

Но канал пси-связи непрямолинеен и ненадежен. Во всяком случае, так говорится в книгах, напечатанных людьми. Однако сами люди признают, что во времена бегства их предков об этом мало было известно.

Когда Святое Яйцо дало нам реуков, некоторые из Шести опасались, что симбионты действуют на уровне пси и это может сделать наш анклав беглецов более заметным. И вопреки несомненным доказательствам противоположного, старая клевета ожила и снова вызывает между нами трения.

Некоторые даже утверждают, что само Святое Яйцо приближает наше уничтожение! Действи-

тельно, почему пираты явились именно сейчас, всего сто лет спустя после благословенного дня появления Яйца? Другие указывают, что мы сейчас гораздо больше знали бы о пришельцах, если бы выращивали собственных посвященных, а не немногих определителей правды, которые есть у нас сегодня.

Сожаление глупо и бесполезно, с таким же успехом я мог бы сожалеть о кольцах, которые, как говорят, покинули наши предки — просто потому, что эти тороиды были запятнаны грехом.

Какие невероятные способности придавали нам эти кольца, как говорится в легендах! Бежать быстрей ветра, легко как уры. Плавать как квуэны, и ходить по дну моря. Касаться мира на всех уровнях его структуры и управлять им. И прежде всего — смотреть в лицо вселенной с уверенностью, совершенно, биологически спокойной. Никакая неуверенность не заражала бы наше сложное сообщество личностей. Только могучий эгоизм центрального, уверенного “Я”.

Двер

У синих горных квуэнов другие традиции, чем у тех их родичей, что живут за могучей плотиной Доло. Дома ритуалы линьки всегда казались неформальными. Человеческие дети из ближайших деревень бегали со своими хитиновыми друзьями, а взрослые в это время пили нектар-пиво и праздновали появление нового поколения.

В этом горном святилище песни и ритуальное шипение принимали более торжественные формы. В числе гостей были местный врач-г'кек, несколько сборщиков-треки и с десяток соседей-людей, которые по очереди заглядывали в изогнутое окно, чтобы увидеть, что происходит в колыбели личинок в соседнем помещении. Хуны, которые рыбачат в озере за плотиной, как обычно, прислали свои извинения. У большинства хунов непреодолимое отвращение к квуэнскому способу воспроизводства.

Двер пришел сюда из благодарности. Если бы не этот гостеприимный улей, у него, вероятно, были бы обрубки рук и ног, а не почти полные наборы пальцев, все еще ноющих, но выздоравливающих. К тому же появилась возможность

сделать перерыв в напряженных приготовлениях, которые они проделывают с Дэйнелом Озавой. Когда местный матриарх Режущий Язык позвала их к этому окну, они с Дэйнелом поклонились ей и учителю-человеку мистеру Шеду.

— Поздравляю вас обоих, — сказал Озава. — Пусть у вас будут отличные выпускники.

— Спасибо, достопочтенный мудрец. — Дыхание Режущего Языка выдавало ее взволнованность. Как главная самка, она отложила свыше половины всех яиц. Многие из корчащихся фигур за окном будут ее отпрысками, готовыми наконец появиться на свет. И после двадцати лет ожидания можно думать, что она будет слегка нервничать.

Мистер Шед не внес свой вклад в генетический аппарат квуэнов, формировавшихся за дверью, но и на его худом лице заметно было волнение.

— Да, отличный выводок. Когда их панцири затвердеют и они получат имя, из некоторых получатся прекрасные старшие ученики.

Режущий Язык добавила:

— Двое уже прекрасно режут дерево, хотя, мне кажется, наш учитель имеет в виду другие способности. Мистер Шед кивнул.

— У нас тут поблизости, ниже по склону, школа,

куда местные племена посылают самых умных детей. Елмира вполне подойдет, если пройдет через…

Матриарх предупреждающе зашипела.

– *Учитель! Держи свои личные прозвища при себе. Не сглазь личинок в этот священный день!* Мистер Шел нервно глотнул.

– Простите, матрона. — И покачнулся с боку на бок, как делают молодые квуэны, когда их застанут за ловлей раков в инкубатории.

К счастью, как раз в этот момент появился поставщик провизии треки с котлом, полным вел-нектара. Люди и квуэны столпились у стола. Но Двер видел, что Озава испытывает то же, что и он. У них нет времени на эйфорию. Ведь они готовят чрезвычайно серьезное дело.

Жаль, однако, подумал Двер, заметив, что треки приправляет каждый кубок специальным спреем из своего химически — синтезирующего кольца. Вскоре под опьяняющим действием напитка настроение в помещении поднялось. Режущий Язык присоединилась к остальным у стола, оставив троих людей у окна в одиночестве.

— Вот так, мои красавицы. Делайте это осторожней, — прошептал учитель, который по контракту учил детей квуэнов чтению и письму

— долгая работа, требующая большого терпения, ведь личинки долгие десятилетия проводят в одном тинистом помещении, питаясь мелкими извивающимися существами и постепенно усваивая мыслительные привычки разумных существ. К удивлению Двера, мистер Шед надел на лицо функционирующего реука. В последнее время большинство симбионтов впали в спячку или даже умерли.

Двер всмотрелся в окно — набор из множества мелких линз со сломанным стеблем посредине. В центре соседнего помещения располагался бассейн, полный тины, и в нем барахтались какие-то фигуры, словно в поисках выхода. Должно быть, это и есть любимые ученики мистера Шеда, а некоторые снова будут его учениками, когда сбросят кокон и станут взрослыми квуэнами. Игра личинок уходит на миллионы лет в прошлое, задолго до того, как патроны вмешались в развитие расы квуэнов и превратили их в обитателей звезд. И в этой игре была собственная логика.

— Правильно, дети, не торопитесь… — Полный надежды вздох Шеда прервался, когда из бассейна вырвался столб пены. Из воды клубком вылетели переплетенные фигуры. Двер разглядел одну из них, уже почти пятистороннюю, с тремя

бьющимися под аквамариновым панцирем ногами. На молодом панцире были видны следы недавних расчесов. И висели обрывки беловатой плоти — это тело личинки, которое должно быть сброшено.

Легенды утверждают, что у квуэнов, которые по-прежнему летают меж звездами, есть гораздо более легкие способы перехода — с помощью машин и в искусственном окружении, но на Джиджо линька происходила так же, как тогда, когда квуэны были животными и охотились на отмелях своей родной планеты.

Двер вспомнил, как, в первый раз увидев линьку, в слезах прибежал домой и искал утешения и понимания у старшего брата. Уже тогда Ларк был серьезным, много знающим и слегка педантичным.

У разумных рас много способов воспроизводства. Некоторые сосредоточивают все усилия не немногих отпрысках, о которых заботятся с самого начала. Хороший родитель умрет, чтобы спасти свое дитя. В этом отношении — оно называется высоким-К — куны и г'кеки подобны людям.

Уры размножаются как рыбы в море — это низкий-К способ, предоставляя табунам своих

потомков вести дикий образ жизни в степи, пока выжившие не найдут способ вернуться к своим кровным родичам. Ранние человеческие поселенцы считали этот урский способ бессердечным, а уры к нашему относились как к параноидальному и сентиментальному.

Квуэны располагаются посредине. Они заботятся о своем потомстве, но понимают, что многие из каждого выводка должны умереть, чтобы остальные могли жить. И поэтому печаль пронизывает всю квуэнскую поэзию. Мне кажется, что самые мудрые из квуэнов лучше понимают жизнь и смерть, чем люди.

Иногда Ларка заносит. Тем не менее Двер понимал справедливость слов брата. Вскоре из влажной детской появится новое поколение, мир высушит его панцири и сделает из него граждан. Иначе не было бы ни одного выжившего. Но все равно. Смесь горечи и сладости при этом такая, что всякий, кто при этом, подобно мистеру Шеду, надевает реук, либо сумасшедший, либо мазохист.

Двер почувствовал прикосновение к руке Это Дэйнел. Пора вежливо уходить — прежде чем ритуалы возобновятся.

У них много работы. Нужно готовить про-

довольствие, оружие. И “Наследие”, которое перенесет их через горы.

Сегодня утром Лена Стронг вернулась с поляны. С ней была еще одна молодая женщина, которую с удивлением узнал Двер. Это Джанин, одна из рослых сестер Уолли. Они привели пять ослов, нагруженных книгами, семенами и зловещими запечатанными трубками. Двер ждал также Рети, но Лена сказала, что мудрецы хотят еще поговорить с девушкой-сунером.

Но это не важно. С проводником или без него — отвечает за достижение маленькой экспедицией цели именно Двер.

А что потом? Будет ли насилие? Смерть? Или новое смелое начало?

Двер со вздохом последовал за Озавой.

Теперь мы никогда не узнаем, кто был прав: Сара или Ларк. Идут ли Шесть по Высокой дороге или по Низкой,

Отныне наша единственная забота — выживание.

Сзади мистер Шед прижал обе ладони к искривленному стеклу. В голосе его слышна была боль за маленькие жизни, которые он не имеет права оплакивать.

Незнакомец

Он удивляется, но знает то, что знает.

Когда мудрость приходила в компактной упаковке слов, все было так легко и просто. Каждое слово несло в себе значение, сложное и слегка затененное. Соединенные, слова передавали огромное количество концепций, планов, эмоций…

И обманов.

Он мигает, когда одно это единственное слово плавно входит в сознание, как делало когда-то. Он трогает его языком, узнает одновременно звучание и значение, и это приносит волну радости, смешанной со страхом и благоговением. Только подумать: когда-то он проделывал то же самое бесчисленное количество раз за один вздох, знал и использовал огромное количество слов.

Он наслаждается этим одним словом, снова и снова его повторяя.

Обман… обман… обман…

Чудо удваивается, когда возникает другое, родственное слово.

Лжецы… лжецы…

У себя на коленях он видит скомканный, но снова разглаженный, почти ровный рисунок, тща-

тельное и подробное изображение двух человек с выразительными лицами, которые презрительно смотрят на толпу примитивных существ. На пришельцах мундиры с яркими эмблемами, которые кажутся ему чем-то знакомыми.

Он знал, как называются такие люди. Знал их имя — и знал причины, по которым их следует избегать.

Так почему он только что так захотел их увидеть? Тогда, казалось, что-то поднялось у него из глубины. Необходимость. Срочная потребность любой ценой добраться до далекой горной долины, изображенной на рисунке. Противостоять этим людям, нарисованным на смятом листе белой бумаги. Это путешествие казалось невероятно важным, хотя сейчас он даже не может вспомнить почему.

Большая часть его памяти покрыта туманной дымкой. То, что он так отчетливо видел в бреду, сейчас едва уловимо…

— звезда, которая кажется маленькой рядом с окружающим сооружением, искусственным и состоящим из бесконечного числа углов, уровней, это сооружение окружает красное солнце лабиринтом поверхностей;

— или водяной мир, где из ядовитого моря

вырастают, подобно грибам, металлические острова;

— или одно особенно затененное место в пространстве, далеко от оазисов, где есть нормальные условия для жизни. Здесь, далеко за сверкающим спиральным рукавом, ничего не живет. Однако и здесь среди этой странной плоскости есть обширные формации шарообразных фигур, необычно ярких, вечно плывущих, напоминая флот, лун...

Его сознание отшатывается от последнего впечатления, снова прячет его под другими полуреальными воспоминаниями. Теряет его вместе с прошлым и, почти определенно, — вместе с будущим.

XIII. КНИГА МОРЯ

Разумных существ редко искушает вера в цель. Что они существуют во вселенной ради какой-то цели.
Чтобы служить чему-то большему – расе или клану, патронам или богам, или какой-то эстетической цели.
Или чтобы искать осуществления индивидуальных целей – богатства и власти, воспроизводства или очарования индивидуальной души.
Мудрые философы называют поиски цели тщеславием, лихорадочной потребностью оправдать унаследованное стремление к существованию.
Но зачем наши предки привели нас сюда, так далеко от расы, клана, патронов, богов или богатства и власти, как не для достижения цели, более высокой, чем все это?

Свиток Размышлений

Рассказ Олвина

Я всегда считал себя городским мальчиком. Ведь все-таки Вуфон, с его почти тысячью жителей — если включить соседних фермеров и сборщиков, самый большой порт на юге. Я вырос среди доков, складов и грузоподъемников.

Тем не менее наш Развернутый Кран — это нечто! Длинная изящная стрела, сделанная из сотен трубок укрепленного и обработанного бу, она была за несколько дней собрана командой плотников-квуэнов, которые вежливо слушали каждый раз, как Урдоннел начинала ругать их за отступления от иллюстрации на странице 512 ее драгоценной книги *“Краткое описание земных механизмов. Часть VIII. Грузоподъемные механизмы”*. Выслушав, квуэны с уважительным наклоном куполов возвращались к работе по-своему, используя уроки реальной жизни.

Урдоннел должна проявлять большую гибкость, думал я, глядя, как лишенная чувства юмора помощница Уриэль все больше и больше раздражается. *Конечно, в книгах большая мудрость. Но ведь эти ребята работают не с титаном. Мы живем в примитивном мире и*

должны к нему приспосабливаться.

Мне радостно было видеть, что наша подруга Ур-ронн кажется удовлетворенной работой, после того как она всмотрелась и принюхалась к каждой скобке, распорке и блоку. Тем не менее я предпочел бы, чтобы здесь была Уриэль, как первые два дня, когда наша группа разбила лагерь в тени Окончательной скалы. Мастер-кузнец требовательна и придирчива, она часто приказывала сделать работу снова и снова, пока не добивалась совершенства.

Наверно, нам нужно было бы негодовать из-за того, как она распоряжается в деле, которое было нашим личным проектом. Но мы этого не делали. Вернее, не очень делали. Ее внимание к деталям действовало на нервы, но каждый раз как Уриэль признавала, что что-то сделано действительно хорошо, я все больше верил, что мы вернемся живыми. И когда она уехала, для нас это было ударом.

В лагерь прискакал курьер ур — задыхаясь, измученный, даже *жаждущий* — ради Ифни! — держа конверт, который Уриэль тут же распечатала и прочла. Прочитав письмо, она отвела в сторону треки Тиуга и о чем-то поговорила с ним. А потом ускакала, торопясь к своему бесценному горну.

С тех пор, конечно, все пошло не так. План шаг за шагом продолжал выполняться. Но могу сказать, что наше настроение изменилось. Особенно когда при первом пробном погружении пассажир едва не утонул.

К этому времени на берегу стоял прекрасный кран, с такой изящной стрелой, что вы никогда бы не догадались, что к берегу ее крепят шестнадцать стальных болтов толщиной в мое запястье. Стрела нависала над глубокими синими водами Трещины. В большом барабане лучший трос Уриэль, свыше тридцати кабельтовых, прикрепленных к серо-коричневому кораблю, который мы назвали “Мечта Вуфона” — в надежде польстить родителям и тем жителям нашей общины, которые считают нас святотатцами.

Рядом с первым краном стоит второй, связанный с еще большим барабаном. Этому крану не придется выдерживать вес лодки, но у него не менее важная задача — держать двойной шланг, прикрепленный к нашему маленькому кораблю, так чтобы свежий воздух мог поступать, а отработанный — выходить. У меня не было возможности спросить, из чего сделаны эти шланги, но они гораздо прочнее сшитых мочевых пузырей сцинка, которые мы планировали использовать,

когда задумывали все это приключение.

Уриэль внесла и кое-какие другие изменения: большой регулятор давления, сальники, способные выдержать высокое давление, и пару огней эйк, которые способны бросить яркие лучи туда, куда никогда не достигает солнечный свет.

И снова я гадал — откуда берется все это оборудование?

Нас удивляло, что Уриэль никогда не вмешивалась в подготовку самой лодки, вырезанной из одного толстого ствола дерева тару, с замечательным окном Ур-ронн, прикрепленным с одного конца. Впереди мы установили также две руки для хватания, которые Ур-ронн скопировала из книги. Наш маленький корабль был также снабжен колесами, прикрепленными таким образом, что “Мечта Вуфона” могла передвигаться по илистому дну.

Даже после того как на колеса надели сверхширокие шины, они казались знакомыми. Особенно Гек, сохранившей их как воспоминание о катастрофе, когда в ужасной лавине погибли ее настоящие родители г'кеки. С типичным для г'кеков мрачноватым юмором она назвала их тетя Рубен, дядя Джовун Левый и дядя Джовун Правый. Четвертое колесо называлось просто

Папа — до тех пока я не прекратил эту мрачную шутку и не потребовал называть колеса по номерам — от Первого до Четвертого.

В обычных условиях без использования галактических технологий колеса были бы бесполезны. Вращающиеся оси разорвали бы любой корпус. Но ужасный сувенир Гек предлагал решение. Удивительные магнитные ступицы и движущиеся шпульки г'кеков помещались по обе стороны корпуса, так что не нужно было резать дерево. Гек будет приводить в движение переднюю пару колес, а я с помощью вращающегося кривошипа — заднюю.

Этим мы и будем заниматься — все, за исключением “капитана” Клешни, чей мир прозрачной голубой воды мы минуем по пути в глубины, которых не видал ни один квуэн с тех пор, как тысячу лет назад затонул их крадущийся корабль. Место Клешни — на носу, он будет управлять огнями и выкрикивать указания остальным — толкать, поворачивать или брать образцы.

Почему именно он главный? Клешня никогда не считался самым умным членом нашей группы.

Во– первых, с самого начала все это была его идея. Он своей рукой -точнее ртом — вырезал

большую часть корпуса “Мечты” в свободные промежутки между уроками в школе и ежедневной работой в загонах ракообразных.

Но что гораздо важнее, если прекрасное окно — или любое другое приспособление — не выдержит, он меньше всего способен впасть в панику, когда внутрь хлынет соленая вода. Если это случится, Клешне придется вытаскивать нас оттуда. Мы достаточно читали о морских и космических приключениях, чтобы дать очень хорошее определение капитана — это тот, которого нужно слушаться, когда секунды означают разницу между жизнью и смертью.

Однако ему придется немного подождать, прежде чем принять командование. Первое пробное погружение произойдет с одним пассажиром, который буквально “рожден” для этого.

В то утро треки Тиуг проложил след феромонов, чтобы выманить маленькую отделившуюся груду колец, Зиза, из его загона туда, где, блестя на солнце, ждала “Мечта Вуфона”. Корпус нашего корабля из полированной древесины тару казался таким сверкающим и красивым — жаль, что открытое голубое небо обычно считается дурным предзнаменованием.

Так по крайней мере казалось зрителям, со-

бравшимся на соседних утесах Это были хуны из порта Вуфон плюс некоторые местные красные и караван уров с пылью на боках, а также три человека, которые, должно быть, прошли трехдневный путь из Долины — и все только и обменивались слухами о звездном корабле или кораблях, приземлившихся на севере. Одни говорили, что все на Поляне уже мертвы, казнены на месте мстительными галактическими судьями. Другие утверждали, что Святое Яйцо наконец полностью проснулось и огни, которые кое-кто заметил в небе, это души тех счастливцев, что находились на Собрании, когда праведные из Шести были преобразованы и отосланы в виде духов в свой древний дом среди звезд.

Пусть мне побреют ноги, если некоторые из этих слухов не были так прекрасны, что я пожалел, что сам их не выдумал.

Не все зрители протестовали. Некоторые пришли просто из любопытства. Мы с Гек позабавились с Ховерр-фуо, вторым приемным племянником младшей полуматери мэра, который сбежал из школы на том основании, что ему не нравится, как пахнет мистер Хайнц. Но все знают, что Ховерр-фуо ужасно ленив, да и говорить о гигиенических обычаях других уж

ему-то не стоило.

Ховерр расспрашивал нас о “Мечте” и ее задачах, но, казалось, почти не слушает наши ответы.

Потом принялся спрашивать о треки, показывая на Тиу-га, который кормил в загоне Зиза.

Конечно, у нас в Вуфоне есть свой аптекарь, но все равно в этих кольцеобразных существах есть какая-то загадка. Мы с Гек скоро поняли, чего добивается Ховерр-фуо. Он со своими тупыми приятелями заключил пари насчет *сексуальной жизни треки,* и ему поручили выяснить все у нас как у местных специалистов.

Подмигнув друг другу, мы с Гек быстро освободили его голову от всей ерунды, которой она была забита, а потом стали заполнять своими вымышленными версиями. Скоро Ховерр выглядел как моряк, которого ударила по голове свободная снасть. Украдкой поглядывая на свои ноги, он торопливо ушел — несомненно, чтобы проверить, нет ли на нем “спор колец”, из которых вырастают маленькие треки в тех местах, которые регулярно не моются.

Я не испытывал чувства вины. Отныне всякий, кто станет по ветру от Ховерр-фуо, должен благодарить меня.

Я собирался спросить Гек, неужели мы тоже так тупы, — и вспомнил. Разве однажды она не убедила меня в том, что г'кек может одновременно быть и своим собственным отцом, и матерью? Клянусь, в то время это казалось вполне правдоподобным, хотя теперь ни за что не могу простить себе, что поверил.

Первые несколько дней зрители держались в стороне, за песчаной линией, опасаясь дубинки мудреца, которой обладала Уриэль. И пока мастер-кузнец находилась поблизости, никто ничего не говорил. Но после ее ухода некоторые стали выкрикивать лозунги, в основном о том, что Помойка священна и это не место для туризма. После прихода людей из Долины протесты стали лучше организованы, появились плакаты, а лозунги выкрикивались хором.

Меня все это возбуждало. Похоже на сцену из “Лета любви” или “Будущего”. Для такого любителя подражать людям, как я, ничего не может быть лучше, чем идти против общего мнения. Вспоминались все прочитанные истории о неустрашимых героях, которые настаивали на своем, вопреки сомнениям косных родителей, соседей или представителей власти. Я вспомнил книгу, из которой взято мое прозвище — то место,

где жители Диаспара стараются отговорить Олвина от установления контактов с сородичами из далекого Лиса. Или когда жители Лиса не хотели его возвращения домой с новостями об их вновь открытом мире.

Да, я знаю, что все это выдумки, но сходство помогало мне сохранять решимость. Гек, Клешня и Ур-ронн говорят, что они чувствуют то же самое.

А что касается толпы, что ж, я знаю, что испуганная толпа может потерять разум. Я даже пытался раз или два посмотреть на дело с ее стороны. Правда.

Клянусь Ифни, какой набор раздутых джикии торов, полных крика! Надеюсь, все они будут сидеть на груде прокисшей мульчи и вдыхать ее запахи.

XIV. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Говорят, на Земле люди бесчисленные поколения верили в самые разные вещи, причем такие, в какие никакое разумное существо не поверит. И уж тем более то, которому разум преподнесли на серебряной тарелочке — как он был дан почти всем разумным существам в Пяти Галактиках.

Землянам во всем этом приходилось разбираться самим. Медленно, болезненно узнавали земляне, как работает вселенная, отказываясь от большинства нелепых верований, которые пронесли через свое долгое темное одиночество. И среди прочих, такие верования, как:

— божественное право эгоистических королей;

— умственное несовершенство женщин;

— идея о том, что мудрое государство знает все;

– идея о том, что индивид всегда прав;

— болезненно-сладостное пристрастие к преобразованию мира по новой модели в нечто священное, ради чего стоит умереть.

Эти и многие другие дикие концепции со временем присоединились к эльфам и НЛО в старом чемодане, куда люди стали складывать подобные

детские вещи.

Это очень большой чемодан.

И тем не менее галакты, с которыми земляне вступили в контакт, видели в них суеверных дикарей, волчат, склонных к непонятному энтузиазму и своеобразным недоказуемым убеждениям.

Какая ирония, что здесь на Джиджо роли поменялись и земляне застали остальные пять рас далеко зашедшими назад по дороге, по которой так долго шли сами, барахтаясь в мириадах сказок, фантазий, обид и удивительно нелепых представлений. В этот водоворот суеверий поселенцы на "Обители" привнесли не только бумажные книги. Они также привнесли инструменты логики и доказательств – именно то, что труднее всего давалось им дома.

Больше того, помня свою историю, земляне превратились в ненасытных собирателей фольклора, выведывая у остальных пяти рас каждую сказку, каждое предание, даже такие, неправдоподобность которых они видели.

Из их прошлого волчат пришла эта странная смесь — разумный скептицизм плюс пристрастие к странному, необычному и необыкновенно яркому.

Люди знали, что в темноте легко сбиться с

пути, если забудешь, что есть истина.

Но столь же важно никогда не отказываться от способности мечтать. Создавать иллюзии, которые могут помочь нам пройти через темную-темную ночь.

Из “Искусства изгнания” Ауф-ху-Фубху

Аскс

Крошечный робот — настоящее чудо, не больше глазного яблока г'кека — лежал, придавленный к земле тучей нападающих ос тайны, которые совершенно закрыли его своими бьющимися крыльями.

Первым пришел в себя от удивления Лестер.

— Что ж, теперь мы знаем, почему они называются *осами тайны.* Смотрите, как они вьются над этой штукой. Без них мы бы ее никогда не обнаружили.

— Шпионское приспособление, — сказала Ум-Острый-Как-Нож, наклоняя панцирь, чтобы лучше рассмотреть машину. — Крошечное и подвижное, посланное, чтобы подслушивать наши совещания. Если бы не осы, наши планы были бы раскрыты и мы оказались бы беспомощны.

Фвхун-дау глубоким ворчанием выразил свое согласие.

— Хр-рм… Мы привыкли видеть в этих насекомых легкий раздражитель, чье присутствие согласно традициям необходимо во время некоторых церемоний. Но буйуры, должно быть, создали их именно с такой целью. Охранять города и

дома, чтобы помешать возможным шпионам.

— Используя (специально) созданную форму жизни, чтобы справиться с (раздражающей) угрозой, — да, это истинно буйурский способ, — добавила Ур-Джа.

Лестер склонился к осам, разглядывая их бьющиеся перед крошечными глазами робота крылья, которые создавали смесь цветов, напомнившие мне о реуке.

— Интересно, что ему показывают осы, — произнес наш мудрец-человек.

Впервые с нападения ос на чужака заговорил Вуббен.

— Вероятно, именно то, что он хочет увидеть, — уверенно предположил он.

Помните ли вы, мои кольца, как мы все кивками, вздохами и ворчанием выразили свое уважительное согласие? Вуббен говорил так хорошо, мудро и справедливо. И только позже пришло мне/нам в голову спросить у себя:

Что?

Что бы это могло значить?

Ларк

За две тысячи лет незаконного поселения Ларк был не первым представителем Шести, который полетел. И даже не первым человеком.

После того, как крадущийся корабль “Обитель” навсегда ушел в алчные объятия Помойки, мужчины и женщины часто парили, подобно воздушным змеям, пользовались устойчивыми ветрами с голубого океана, чтобы добираться до белых вершин хребта Риммер. В те дни, для того чтобы поймать восходящие потоки, использовались тонкие кружевные крылья. Они позволяли смелым пилотам осмотреть сверху их прекрасный новый мир.

Теперь последний шелковый глайдер лежит под стеклом в музее в Библосе — самое настоящее чудо, сделанное из удивительных материалов: мономолекулярного углерода и переплетенных полимеров. Даже если бы позволили мудрецы, ни один колдун из гильдии химиков не смог бы их воспроизвести. Время и аварии постепенно погубили все остальные, и последующим поколениям людей пришлось, подобно всем остальным, ходить по поверхности и устранить еще одну

причину зависти среди Шести. Впрочем, позже, после наступления Великого Мира, честолюбивая молодежь попыталась оживить это времяпрепровождение, рискуя жизнью на хрупких рамах из полых стволов бу, покрытых сплетенными вручную простынями из вик-хлопка. Иногда успех превращался в местную сенсацию, но ни одна из этих попыток не имела долговременных последствий. Доступные материалы были слишком тяжелыми, непрочными или пористыми. А ветер слишком силен.

Некоторые особенно набожные утверждали, что это даже хорошо. Избавление будет найдено не в небе. И не в пристрастии к тщеславию прошлого. Обычно Ларк соглашался с взглядами оротодоксов, но в данном случае, думал он…

Такая скромная мечта. Пролететь несколько лиг над самой землей. Неужели это так много, если раньше летал меж звезд?

Впрочем, он никогда не тратил времени на пустые мечты. И, конечно, и не думал, что ему лично придется взглянуть с большой высоты на горы Джиджо.

И только взгляните на меня сейчас!

Линг с явным удовольствием наблюдала за выражением его лица, рассказывая о своем плане.

— Мы улетим почти на весь день, чтобы подобрать образцы, пойманные роботом. Позже, когда наши роботы уйдут далеко, у нас будут полеты на несколько дней.

Ларк смотрел на летательную машину чужаков, стройную стрелу с короткими крыльями, которые развернутся после того, как машина пройдет узкий туннель, ведущий к погребенной исследовательской станции. Люк казался ему голодными разинутыми челюстями.

Как похоже на Линг — обрушить это на него без всякого предупреждения!

Беш загружала припасы. А рослый светловолосый мужчина Кунн крикнул:

— Давай, Линг! Мы опаздываем. Заманивай своего любимца дикаря на борт или возьмем другого.

Ларк стиснул зубы, чтобы не проявить своих эмоций. И поднялся по трапу. Он ожидал увидеть темное, похожее на пещеру помещение, но оно оказалось освещенным ярче, чем любое другое замкнутое пространство, какое ему приходилось видеть. Зрению нет необходимости приспосабливаться.

Не желая выглядеть деревенщиной, он направился к обитому сиденью у окна и положил

поблизости свой мешок. Потом осторожно сел, найдя чувственную мягкость под собой не удобной и не успокаивающей. Как будто сидишь на мясистых коленях какого-то существа. Ощущение слегка сексуальное. Несколько мгновений спустя Линг усилила его тревожные ощущения, застегнув на нем пояс. Дезориентация еще усилилась, когда зашипел, закрываясь, металлический люк. И когда машина начала подниматься, Ларк ощутил легкое покалывание у основания черепа, как будто там среди волос дышит какое-то маленькое животное. Он не мог сдержаться и поднял руку, чтобы отогнать воображаемое существо.

Подъем оказался удивительно мягким, своеобразное ощущение поворота, и небо полетело так стремительно, что Ларк не успел бросить взгляд на Поляну и окружающую местность или на тайную долину Яйца. К тому времени когда он повернулся и прижался к окну, континент уже поворачивался под ними. Они летели на юг во много раз быстрее выпущенного из катапульты камня. Несколько минут спустя кончились холмы, и они понеслись над широкими травянистыми степями. Трава внизу качалась и рябила, как вечно меняющаяся поверхность фосфоресцирующего моря. В одном месте Ларк заметил

стадо бегущих пожирателей стеблей — вид местных джиджоанских копытных, которые в страхе старались уйти от летящей тени машины. Несколько урских пастухов в смеси удивления и страха вытянули свои мускулистые шеи. Возле взрослых группа подростков скакала и прыгала в игре-битве, не обращая внимания на неожиданный страх старших перед небом.

— Ваши враги — очень грациозные создания, — заметила Линг.

Ларк повернулся и удивленно уставился на нее. *О чем это она?*

Линг, должно быть, неверно истолковала его взгляд и поспешила успокоить:

— Конечно, я говорю в строго ограниченном смысле, ну, как может быть грациозной лошадь или другое животное. Ларк подумал, прежде чем ответить.

— Хрм. Жаль, что ваш прилет помешал нормальному ходу Собрания. Сейчас там должны были бы быть игры. Вот тогда вы бы увидели настоящую грацию в действии.

— Игры? А, да. Ваша версия знаменитых Олимпиад. Вероятно, много бегания и прыгания? Он осторожно кивнул.

— Да, испытание скорости и ловкости. Мы поз-

воляем самым умелым и храбрым соревноваться в выносливости, смелости и приспособленности.

— Все эти черты высоко ценились теми, кто вырастил человечество, — сказала Линг. Улыбка ее была снисходительной и слегка надменной. — Вероятно, никто из шести непосредственно с другими расами не соревнуется? Я хочу сказать, что трудно представить себе г'кека, перегоняющего ура, или квуэна, прыгающего с шестом! — Она рассмеялась.

Ларк пожал плечами. Несмотря на красноречивый намек Линг на происхождение человечества, он обнаружил, что теряет интерес к разговору.

— Да, вероятно. Так и есть. Трудно. Представить себе. И, повернувшись, стал смотреть в окно на летящую внизу обширную равнину — волна за волной колышущейся травы, кое-где рощи темного бу или оазисы мягко раскачивающихся деревьев. Расстояние, которое караван преодолевает в несколько лет, промелькнуло за несколько дуров блаженного полета. И вот уже на горизонте темные хребты южных гор.

Пилот Беш сбросила скорость, чтобы лучше разглядеть Сверкающую гору, повернув под таким углом, что окно Ларка головокружительно уставилось на широкий лавовый поток: много-

численные прошлые извержения покрывали эту неровную и безжизненную местность. На мгновение показались плавильни на полпути к могучей вершине. Построенные так, чтобы напоминать природные потоки и трубки магмы, они выпускали столбы дыма, такие же как и из естественных отверстий. Конечно, маскировка не была рассчитана на наблюдение с такого близкого расстояния.

Ларк видел, как Беш обменялась понимающим взглядом с Кунном, который постучал пальцем по одному из волшебных экранов. На экране очертания горы были обозначены светящимися линиями, и одно место окружено символами и стрелками. Пунктирные линии обозначали подземные туннели и мастерские, в которых прославленные урские кузнецы изготовляли инструменты из специальных сплавов, одобренных мудрецами. Эти инструменты уступают только тем, которые делаются еще южнее, вблизи вершины горы Гуэнн.

Невероятно, думал Ларк, стараясь запомнить все подробности на экране для последующего отчета мудрецам. Конечно, этот монитор не имеет ничего общего с объявленной причиной экспедиции — поисками развитых “кандидатов”

среди форм жизни. Судя по некоторым кратким замечаниям, Ларк понял, что Кунн не биолог. В его осанке, в том, как он передвигается, что-то напоминало Ларку Двера, крадущегося по лесу, только это что-то еще более смертоносно. Даже после нескольких поколений относительного спокойствия немногие мужчины и женщины на Склоне держались так. Это специалисты, которые должны каждое лето обходить деревни, обучая местную милицию.

На всякий случай.

И в остальных пяти расах имелись такие же специалисты. Благоразумная политика, поскольку даже сейчас время от времени случаются небольшие кризисы — преступление, прорыв банды сунеров, проявления вражды между поселками. Достаточно, чтобы сделать непротиворечивым выражение “воин мирного времени”.

То же самое может быть справедливо относительно Кунна. Он выглядел исключительно опасным, свернувшимся и в любую минуту готовым к убийству.

Какова твоя истинная цель, Кунн? думал Ларк, глядя, как мелькают на экране символы, отражаясь на лице чужака. *Что ты на самом деле ищешь?*

Маленький корабль устремился в новом направлении, Сверкающая гора осталась позади, внизу расстилалась сверкающая белизна, известная как Равнина Режущего Песка. Долго внизу проносились низкие дюны, разворачиваясь в созданном ветром совершенстве. Ларк не видел караванов, бредущих по сверкающей пустыне, доставляя почту или товары в изолированные поселки в Долине. Но никто и не посмеет преодолевать эту жгучую пустыню днем. Внизу есть скрытые убежища, где путники ожидают наступления ночи. И эти убежища даже лучи Кунна не могут отыскать в блестящих просторах.

Но бледное сияние померкло перед очередным внезапным превращением, когда машина миновала пески и оказалась над Спектральным потоком — расплывающейся мешаниной таких ярких цветов, что у Ларка заболели глаза. Линг и Беш пытались всматриваться, заслоняя глаза руками, но наконец сдались, а Кунн мрачно бормотал, глядя на вспышки статики на экране. Ларк боролся с естественным стремлением сощуриться, стараясь напротив сфокусировать зрение. Двер как-то объяснил ему, что это единственный способ увидеть что-то в царстве экзотических кристаллов, которые отбрасывают прозрачные

сверкающие тени.

Это было вскоре после того, как Двер получил звание мастера охотника и вернулся домой, присоединившись к Ларку и Саре у постели больной матери. Он рассказал об этом Ларку во время ее болезни, которая унесла ее и буквально за одну ночь превратила Нело в старика. Последнюю неделю Медина ничего не ела и почти ничего не пила. От двух старших детей, в которых она души не чаяла, став в Доло женой бумажника, она как будто ничего не ждала. Но зато поглощала рассказы младшего о его странствиях, о том, что он видел, слышал и ощущал в далеких уголках Склона, где мало кто бывал. Ларк помнил ревнивое и болезненное чувство, когда видел, какое утешение приносят матери рассказы Двера в ее последние часы. Потом он бранил себя за такие недостойные мысли.

Воспоминание возникло внезапно, очевидно, вызванное яркими цветами внизу.

Некоторые легковерные среди Шести говорят, что слои ядовитого камня обладают волшебными свойствами, полученными за эпохи воздействия вулканических выделений. Эти выделения они называют “кровью матери Джиджо”. В этот момент Ларк готов был согласиться с таким

суеверием, настолько поразило его сверхъестественное ощущение *знакомости.* Словно он уже был здесь много лет назад.

При этой мысли глаза его как будто приспособились, раскрылись, и он увидел, как крутящиеся цвета превратились в воображаемые каньоны, вымышленные долины, призрачные города и даже целые фантомные цивилизации, огромней забытых городов буйуров…

Но не успел он опомниться, как иллюзии неожиданно кончились: Спектральный поток устремился в море. Беш снова затормозила машину, и вскоре царство цветов исчезло как сон, сменившись нормальной пустыней обветренного вулканического камня.

Полоска прибоя напоминала сказочное шоссе, ведущее в неведомые земли. Ларк расстегнул пояс и пересел через проход, чтобы видеть великий океан. *Какой огромный,* подумал он. Однако это ничто по сравнению с просторами, которые, не задумываясь, преодолевали Линг и ее спутники. Ларк всматривался в надежде увидеть замаскированный мусорный корабль, с его ловящими ветер наклонными парусами и грузом священных контейнеров, которые он везет к месту их окончательного упокоения. С этой высоты он

может увидеть даже Помойку, темно-синие воды забвения, заполняющие такую глубокую впадину, что она способна принять отходы десятка могучих цивилизаций и подарить им блаженство забвения.

Ни в одном путешествии в поисках данных для своих вечно голодных схем Ларк не заходил так далеко. Даже привычным взглядом он отыскивал мало следов обитания разумных существ — рыбачья деревушка хунов, гнездовье красных квуэнов под навесом скал. Конечно, при такой скорости за то время, что пересаживаешься от окна к окну, внизу может промелькнуть что-то важное. А Ларк постоянно пересаживался, когда Беш поворачивала корабль, нацеливая инструменты на сушу и море.

Даже эти немногие признаки обитания исчезли, когда они добрались до Трещины, пролетев несколько сотен полетов стрелы к западу от далекой, в форме ножа, Окончательной скалы.

Здесь сушу делили могучие утесы и глубокие подводные каньоны. Извилистые мысы чередовались с кажущимися бездонными пальцами темного моря, словно какие-то гигантские когти провели параллельные борозды почти точно в направлении на восток, образуя непреодолимый

природный барьер. Жизнь за этой границей превращала вас в преступника, проклятого мудрецами и Святым Яйцом. Но флаер чужаков стремительно миновал царство зубчатых утесов и пропастей между ними, словно это рытвины на хорошо изъезженной дороге.

Вскоре внизу лига за лигой проносились песчаные земли, поросшие редким кустарником, прерываемые через длительные промежутки развалинами древних городов, почти исчезнувших под действием ветра, солнца и дождя. Взрывы и распыляющие лучи когда-то уничтожили здесь могучие башни, когда последний горожанин буйур выключил свет. Со временем вечно жующая Помойка и более молодые вулканы не оставят ни следа даже от этих торчащих остатков.

Вскоре небесная лодка оставила континент и пролетела над цепью окутанных туманом островов.

Даже Двер и не мечтал забраться так далеко.

Ларк решил не рассказывать об этом путешествии брату, не обсудив его предварительно с Сарой, которая лучше старшего брата разбирается в такте и обидах.

И тут он снова вернулся к реальности. Сара в Доло. *Двер может быть отправлен на восток, в*

погоню за глейверами и сунерами. А когда чужаки закончат свои исследования, мы все *можем встретить свой конец — вдали от тех, кого любим.*

Ларк со вздохом опустился на свое место. Какое-то время он наслаждался полетом. *Будь проклята* память: теперь он вспомнил, как на самом деле обстоят дела!

Остальную часть пути он старался оставаться незаметным и сохранял деловитый вид, даже когда они наконец приземлились на опушке леса, странно не похожего на знакомые ему леса, или когда помогал Линг помешать в клетки необычные, замечательно интересные существа. Профессионализм — единственное удовольствие, которое позволял себе Ларк, изучая природу. Но при мысли о полете наслаждение и удивление исчезали.

Уже в темноте Ларк вернулся в свою палатку возле Поляны — и обнаружил, что его ждет с новостями Харуллен.

Низкая массивная фигура занимала почти половину палатки. Вначале, стоя у входа так, что только лунный свет падал сзади, Ларк решил, что это Утен, его друг и коллега-натуралист. Но пепельного цвета панцирь квуэна не тронут

шрамами от длительного погружения в прошлое Джиджо. Харуллен — книжный червь, мистик, который говорит высокомерным тоном, напоминающим древних Серых Королев.

— Фанатики прислали послание, — зловеще произнес лидер еретиков, даже не спросив у Ларка, как прошел его день.

— Да? Наконец-то! И что в нем говорится? — Ларк сбросил у входа мешок и тяжело опустился на койку.

— Как ты и предсказывал, они хотят встретиться. Договорились на сегодня в полночь.

Эхо– шепоты последних слов донеслись из задних говорящих щелей, потому что квуэн переместил свой вес. Ларк сдержал стон. Ему еще нужно подготовить отчет для мудрецов, изложив все, что он узнал сегодня. Больше того, рано утром его ждет Линг, чтобы он помог оценить новые образцы.

И теперь еще это?

Что ж, чего еще ожидать, если играешь игры со многими уровнями верности? Старинные романы предупреждают, что приходится тяжело, когда служишь нескольким хозяевам.

События ускоряются. Теперь тайная, известная только по слухам организация повстанцев нако-

нец предложила поговорить. Какой у него выбор? Только идти на встречу.

— Хорошо, — сказал он Харуллену. — Зайди за мной, когда нужно будет идти. А тем временем у меня есть работа.

Серый квуэн молча удалился, слышалось только царапанье когтей по скалистой тропе. Ларк чиркнул спичкой, которая выпустила облако остро пахнущего дыма, прежде чем вспыхнуть и зажечь его маленькую масляную лампу. Развернул складной письменный стол, который подарила Сара, когда он закончил школу Рони, — казалось, это произошло геологическую эпоху назад. Достав пачку лучшей писчей бумаги отца, Ларк настриг черного порошка из полуиспользованной чернильницы, порошок стряхнул в глиняную ступку, смешал с жидкостью из маленькой бутылочки и толок пестиком, пока не растерлись все комки. С помощью своего карманного ножа подточил перо. Наконец окунул его,в чернила, немного подумал и начал писать свой отчет.

Это правда, осознал Ларк чуть позже, во время напряженных переговоров в тусклом опаловом свете Торгена, второй луны. Подозрительно, осторожно, но фанатики действительно предлагают

заключить союз с вольным сообществом еретиков Харуллена.

Почему? У этих двух групп совершенно разные цели. Мы стараемся уменьшить, а потом и совсем прекратить наше нелегальное присутствие на этой хрупкой планете. Фанатики хотят только вернуть статус кво, восстановить наше скрытое общество — каким оно было до прилета корабля чужаков, а может, попутно свести кое-какие старые счеты.

Тем не менее представители двух групп встретились глухой ночью у парящей фумаролы на извилистой тропе, которая ведет к тихому гнезду Яйца. Большинство заговорщиков было в длинных плащах, скрывающих внешность. Харуллена, который одним из немногих сохранил действующего реука, попросили снять симбионта с сенсорного купола, чтобы тонко организованное существо не сгорело в атмосфере напряженной интриги. Создания Великого Мира, реуки не приспособлены к временам войны.

Или просто фанатики не хотят, чтобы слишком много о них узнали, размышлял Ларк. Не зря реук называют “маской, которая открывает”. И их повсеместная спячка тревожила почти так же, как тяжелое молчание самого Яйца.

Перед началом фанатики распечатали несколько кувшинов, выпустив по периферии рой ос тайн — древний обычай, происхождение которого забыто, но после открытий последних нескольких дней этот обычай приобретал зловещий смысл. После этого вперед выступила урская представительница заговорщиков и заговорила на Галактическом Два.

Ваш союз видит возможность в (печально оплакиваемом) появлении этих преступников, обвинила она. Свисты и щелканья приглушал капюшон ее плаща, из-под которого виднелся только кончик морды. Но все же Ларк мог сказать, что она не на много сезонов выросла из средних, и под рукой у нее в сумке был только один муж. Ее дикция свидетельствовала об образовании; возможно, она окончила одну из степных академий, где молодые уры, только что из стада, собираются у какого-нибудь парящего вулкана, чтобы стать учениками в своих наиболее распространенных видах мастерства. *Значит, интеллектуал. Полный книжного обучения и сознания важности своих идей.*

Да, честно ответил он сам себе. *Иными словами, мало чем отличается от тебя самого.*

Харуллен ответил на вызов мятежницы, поли-

тически корректно заговорив на англике.

— Что означает ваше странное предложение?

Мы считаем, что вы увидели в этом (отвратительном, нежеланном) появлении чужаков возможность достичь своих целей!

Ур топнула передней ногой. Ее обвинения вызвали гневные восклицания членов делегации еретиков. Однако Ларк это предвидел.

Серый панцирь Харуллена раскачивался расширяющимися кругами. Жест треки, который кольчатые называют Возражение против несправедливого обвинения.

— Вы обвиняете нас в том, что мы прощаем убийство нас самих и всех живых существ на Джиджо.

Урская заговорщица повторила жест, но с поворотами в противоположном направлении — Повторение обвинения.

Я (подчеркнуто) настаиваю на этом. И делаю это в (грубой) откровенности. Все знают, что вы, еретики, (ошибочно) хотите именно этого.

Ларк выступил вперед. Если в возгласах фанатиков и слышались обвинения против людей, он не обращал на это внимания.

Это не то (усиленное отрицание), чего мы хотим, заявил Ларк, в спешке слегка искажая

фразу-трель.

У *этого есть две причины,* продолжал он, по-прежнему сражаясь с Галактическим Два.

Первая причина (для опровержения) в том, что чужаки (алчные в высшей степени) должны не только уничтожить всех разумных свидетелей (преступления/воровства), которые могут дать показания в Галактическом суде. Они также должны стереть с лица земли всех остающихся представителей тех (несчастных) видов, которых украдут на Джиджо. Иначе как неприятно будет когда-нибудь, когда (неразумные) воры объявят о принятии расы новых клиентов, а им представят доказательства, что эта раса украдена с нашей планеты. По этой причине они должны истребить все местное население, а только потом улетать.

Это мы (поистине) не можем допустить! Геноцид невинной жизни — именно то преступление, ради борьбы с которым сформировалась наша группа!

Послышались одобрительные выкрики Харуллена и других еретиков. Ларк обнаружил, что у него слишком пересохло в горле, чтобы продолжать на Галактическом Два. Он сделал необходимый жест. И теперь перешел на англик.

— Но есть еще одна причина для сопротивления чужакам. Нет чести в том, чтобы быть просто убитым. Цель нашей группы — поиски договоренности, консенсуса, так, чтобы Шесть действовали медленно, безболезненно, *добровольно,* путем контроля над рождаемостью, как акт благородства и преданности этой планете, которую мы любим.

— В конце концов последствия будут идентичными, — ответила самка ур, переходя на тот же язык, которым пользовался Ларк.

— Нет, если когда-нибудь будет установлена истина! А она будет установлена, когда на этой планете появятся законные обитатели, которые заинтересуются археологией.

После этого заявления наступило смущенное молчание. Даже Харуллен повернул свой купол и уставился на Ларка.

— Прошу объяснить. — Урская мятежница согнула передние ноги, прося его продолжать. — Что нам дадут археологические открытия, если мы и наши потомки давно исчезнем и наши кости усеют дно океана?

Ларк собрался, преодолевая усталость.

— Со временем, вопреки всем нашим усилиям жить в соответствии со Списками и не оставлять

следов, это история когда-нибудь прояснится. Через миллион или через десять миллионов лет станет известно, что здесь когда-то жила колония сунеров, потомков эгоистичных глупцов, которые по давно забытым причинам вторглись на Джиджо. Существ, которые тем не менее преодолели глупость своих предков и поняли, в чем подлинное величие.

В этом разница между поисками достойного ухода и позволением грязно убить себя. Ради чести и по всем благословениям Яйца выбор должен принадлежать нам, каждому индивиду, а не быть навязанным нам бандой преступников.

Харуллен и остальные друзья Ларка были явно тронуты. Они кричали, свистели и громыхали, выражая горячую поддержку. Ларк слышал даже одобрительные возгласы со стороны фанатиков. Без помощи реука он не мог судить, насколько убедил слушателей — хотя в глубине души он сам не верил в свои слова.

Банда Линг как будто не боится археологических открытий в далеком будущем.

Да и самому Ларку все равно, появится ли в отдаленном будущем в книге какое-нибудь примечание, в котором будет сказано что-то хорошее о Шести.

Хорошие законы не нуждаются в признании или вознаграждении, чтобы их признали хорошими. Они хороши и справедливы за свой счет и будут исполняться, даже если ты знаешь, что никто за тобой не следит. Даже если никто никогда не узнает.

Несмотря на хорошо известные недостатки галактических цивилизаций, Ларк знал, что законы, охраняющие невозделанные миры, справедливы. И хотя он самим фактом рождения нарушает их, его долг постараться, чтобы они соблюдались.

Вопреки собственным словам, в принципе у него нет возражений против устранения бандой Линг местных свидетелей, если при этом будут использоваться мягкие средства. *Например, генетическая болезнь, которая оставляет всех здоровыми, но стерильными. Это устранило бы свидетелей и заодно решило все проблемы Джиджо.*

Да, но Ларк должен противостоять и схеме грабителей генов. Это тоже насилие над Джиджо. И поскольку мудрецы продолжают только болтать, лишь заговор фанатиков способен сражаться с угрозой чужаков.

Отсюда страстная ложь Ларка, направленная

на достижение доверия между двумя разными группами радикалов. Ему нужен союз с фанатиками по одной простой причине. Если существуют планы борьбы, Ларк должен участвовать в их составлении и осуществлении.

Пока сотрудничай, говорил он себе, продолжая использовать лучшие ораторские приемы, чтобы устранить подозрения, усиленно агитируя в пользу союза.

Сотрудничай, но держи глаза открытыми.

Кто знает? Возможно, одним ударом удастся осуществить обе цели.

Аскс

Вселенная требует от нас чувства иронии. Например, все усилия и вся добрая воля, которые создали Великий Мир, стоили того. Благодаря им мы, народы Общины, стали лучше. Мы также предполагали, что это будет действовать в нашу пользу, если/когда галактические инспекторы явятся судить нас. Воюющие народы приносят больше вреда планете, чем те, которые спокойно обсуждают, как лучше ухаживать за общим садом. Если мы будем вежливыми и мягкими, а не ненасытными преступниками, это подействует в нашу пользу.

Так мы рассуждали. Не правда ли, мои кольца?

Увы, с неба пришли не судьи, но воры и лжецы. И неожиданно нам пришлось играть смертоносные игры интриг, а в них наше мастерство далеко не такое, каким было до дней Общины и Яйца.

Насколько мы были бы способней к таким играм, если бы не мир!

Мы с острым сожалением открыли эту истину, когда усталый курьер принес нам сообщение Уриэль, кузнеца, из ее мастерской-кузницы. Слова-предупреждения. Страшные предостере-

жения. Рассказ о небесных предзнаменованиях, совет готовиться к прилету космического корабля!

О, запоздавшее предупреждение! Призыв к осторожности, услышанный слишком поздно. Когда-то на холодных вершинах гор от северного Библоса до тропических поселений в долине находились каменные крепости. С помощью хитроумно устроенных зеркал они передавали сообщения, которые обгоняли скачущих уров и даже летящих птиц. С помощью таких семафоров люди и их союзники быстро мобилизовывались для битв, компенсируя свою недостаточную численность. Со временем уры и хуны выработали собственные системы передачи информации, по-своему очень остроумные. Даже мы, треки, разработали сеть слежения за запахами, чтобы иметь возможность предупредить об опасности.

Ни одна из этих систем не пережила мир. Семафоры были брошены, сигнальные ракеты, разрешенные мудрецами, исчезли. До последнего времени торговля не оправдывала дорогостоящие средства связи — хотя очень иронично то, что год назад изобретатели заговорили о необходимости снова занять старинные каменные гнезда и возобновить посылку световых сигналов.

Если бы они действовали быстрей, получили ли бы мы предупреждение Уриэль вовремя?

И как отразилось бы это своевременное предупреждение на нашей судьбе?

Увы, мои кольца! Тщетно думать о том, что могло бы быть. Если не считать солипсизма, это самое безумное занятие, какому способны предаться унитарные существа.

Рети

— У тебя есть что-нибудь для меня?

Ранн, высокий, со строгим лицом, предводитель небесных людей протянул к ней руку. В сумерках, под звуки ветра, свистящего в роще светлых бу, Рети показалось, что каждый его мозолистый палец толщиной с ее запястье. Лунный свет бросал тени на угловатые черты лица Ранна и его клинообразный торс. Рети пыталась не показать этого, но чувствовала себя в его присутствии такой ничтожной.

Неужели там, среди звезд, все мужчины такие?

Эта мысль заставила ее почувствовать себя странно, как в тот раз, немного раньше, когда Беш сказала ей, что можно уничтожить шрамы на лице.

Вначале пришли дурные новости.

— Здесь, в нашей маленькой клинике, мы ничего не можем сделать, — сказала ей женщина с корабля пришельцев, когда Рети впервые пришла в больницу возле погребенной станции.

Пол–утра она простояла в очереди. Ужасное время, которое она провела между г'кеком со

скрипящим перекосившимся колесом и престарелой самкой ур, из ноздрей которой капала какая-то отвратительная серая жидкость. Каждый раз как очередь продвигалась, Рети старался ни на кого не наткнуться. Когда наконец ее начали осматривать при свете ярких ламп, надежды ее вначале взлетели к небу, потом рухнули.

— Такие повреждения кожного покрова легко устранить дома, — говорила Беш, подталкивая Рети к клапану палатки. -

Биоскульптура — тонкое искусство. Эксперты способны создать прекрасные формы даже из примитивного материала.

Рети не обиделась. *Примитивный материал. Это я и есть.* В то время у нее голова кружилась от воображаемых возможностей: что если галактическое колдовство может дать ей лицо и тело, как у Беш или Линг?

Она отказывалась пошевелиться, прежде чем Беш не разрешит ей говорить.

— Говорят… говорят, вы возьмете с собой кое-кого из людей, когда улетите.

Беш смотрела на нее глазами цвета золотисто-коричневого драгоценного камня.

— Кто говорит?

— Я… слышала. Наверно, слухи.

— Не стоит верить всем слухам.

Действительно ли она подчеркнула слово “все”? Рети готова была ухватиться за всякую причину для надежды.

— Я слышала также, что вы хорошо платите тем, кто приносит вам нужное… или новости.

— Это верно. — Теперь глаза слегка заблестели. Женщина забавляется? Или это жадность?

— А если эти новости действительно, *действительно* ценные? Какая тогда награда?

Звездная женщина улыбнулась, в ее улыбке было дружелюбие и обещание.

— Зависит от ценности или полезности информации, а предел — небо.

Рети почувствовала возбуждение. Она сунула руку в свою сумку на поясе.

— Не сейчас, — негромко сказала женщина. — Тут нельзя соблюдать тайну.

Посмотрев направо и налево, Рети увидела других пациентов и тех, кого наняли пришельцы. Представители Шести помогают чужакам во многих делах. И каждый из них может шпионить в пользу мудрецов.

— Сегодня вечером, — негромко сказала ей Беш. — Ранн каждый вечер выходит к ручью. Подожди его у желтого бу.

Того, что еще только расцветает. Приходи одна и не говори ни с кем, кого встретишь в пути.

Здорово/радостно думала Рети, выходя из палатки. *Они заинтересовались! Именно на это я надеялась. И как раз вовремя.*

Если бы она ждала еще дольше и не устанавливала контакт, все могло бы быть потеряно. Главный мудрец-человек приказал ей уходить завтра утром, сопровождая пересекающий горы небольшой караван ослов. С нею должны идти два молчаливых мужчины и три рослые женщины, которых она никогда раньше не видела. Ничего не было сказано, но она знала, что их цель — найти Двера, а потом направиться прямо в ту дикую местность, из которой она пришла.

Ничего подобного! думала она, радостно вспоминая о сегодняшнем вечернем свидании. *Двер может продолжать играть в свои охотничьи игры в лесу. Он будет едва зарабатывать на еду в Серых холмах, а я буду жить высоко и богато вверху, в Хвосте Дельфина.*

Это созвездие, откуда, как говорят, прилетели чужаки, хотя похожий на краба мудрец Ум-Острый-Как-Нож однажды попыталась объяснить Рети что-то о галактиках и “пунктах перехода” и что возвращение к цивилизации извилисто, как

нити паутины мульк-паука. Но ее слова не имели смысла, и Рети решила, что старая самка-квуэн, вероятно, лжет. Она предпочитала думать, что отправится к звездам, которые хорошо видит, а это значит, что когда-нибудь она сможет посмотреть на Джиджо из прекрасного галактического города, где ей предстоит жить, и каждую ночь будет показывать язык Джессу, Бому и всему их вонючему племени. А также Дверу и всем мудрецам, вообще всем остальным на этой нищей планете, всем, кто плохо с ней обращался.

Весь день после встречи с Беш она избегала мудрецов и их слуг, искала поляны в нескольких полетах стрелы к западу, где пилигримы пытались восстановить праздничные развлечения Собраний. Павильоны, снесенные в панике, снова поставлены, и многие вышли из укрытий. Конечно, по-прежнему чувствовалось большое напряжение. Но некоторые упорно пытались вести прежнюю жизнь, даже хотя бы ненадолго.

Рети зашла под навес, где ремесленники демонстрировали свои товары, привезенные со всего Склона. Вчера все это поразило бы Рети. Но сейчас она только презрительно улыбалась — после того как видела блестящие машины небесных людей. В одном месте она побывала

на дискуссии: эксперты хун, г'кек и человек обсуждали усовершенствование техники плетения веревок. Слушатели молчали, и никто не задавал вопросов.

Поблизости треки, выращивающий кольца, демонстрировал несколько вялых существ в форме пончика, с тонкими руками и ногами. Возле загона стояли трое взрослых треки, может быть, думая о прибавлении к новым грудам, которые они создают дома. А может, просто бездельничали.

Еще дальше на поляне в пятнах солнечных лучей акробаты-шимпы демонстрировали свое мастерство детям, а у горячего парящего ручья играл полный секстет из представителей всех шести рас. Все могло бы показаться очень веселым, если бы Рети не ощущала какое-то напряжение, которое портило веселье. И если бы ее сердце не ожесточилось против всего джиджоанского.

Эти слопи думают, что они чем-то лучше шайки грязных сунеров. Может, и так. Но ведь на Джиджо все сунеры, верно?

Я улетаю далеко, так что мне все равно.

На большой неровной поляне она увидела множество детей людей и средних уров, соперничающих в игре Вызов Дрейка.

Игровое поле представляло собой песчаную полоску, ограниченную с одной стороны ручьем. Другая граница — длинная яма, заполненная угольями, тлеющими под серым покровом пепла. В лицо Рети ударили струи горячего дыма, вызвав болезненные воспоминания о Джессе и Боме. Шрамы ее напряглись. Она прошла выше по холму и села в тени карликового тару.

Появились два соперника: мальчик-человек на северном конце поля и плотный урский средний на южном. Двигаясь неторопливо и обмениваясь оскорблениями, они приближались к центру, где ждали два судьи.

– Эй, лошак! Тебе пора принять ванну! — насмехался юноша, пытаясь идти важно и спокойно. Но ему мешала левая рука, привязанная за спиной полотняной полоской. Одет он в кожаный костюм — от колен до подбородка, но руки и ноги обнажены.

У молодой самки ура своя защита и своя помеха. Ее хрупкие сумки и железы запахов закрыты прочными прозрачными пленками. Подойдя ближе, средний попытался угрожающе вскинуться — и едва не упал, к развлечению зрителей. Рети увидела причину: задние ноги были стреножены.

— Глупый крикун! — кричала самка сопернику, восстанавливая равновесие. — Пора тебе поджариться!

За обеими границами: за ямой с углями и за ручьем — собрались толпы молодых зрителей. У многих защитное оборудование из кожи или прозрачной пленки. Они с беспечно расстегнутой защитой ждут своей очереди выйти на арену. Некоторые юноши и девушки натирают мазями свежие ожоги на икрах и бедрах, отчего Рети поморщилась. Конечно, ни один из этих ожогов не кажется таким уродливым или болезненным, как ее собственные. Ни волдырей, ни ужасных обожженных полос. И все же как они могут сознательно подвергаться такому риску?

Мысль об этом казалась Рети одновременно отвратительной и странно привлекательной.

В конце концов, многим ли это отличается от ее собственной истории? Она знала, что непослушание Джессу будет иметь последствия, но все же пошла на него.

Иногда приходится сражаться, вот и все. Рети подняла руку и слегка коснулась лица. Она ни о чем не жалеет. Ни о чем.

У некоторых зрителей уров тоже следы недавних схваток, особенно на ногах, где свалялись

или сошли полоски шерсти. Странно, но никакого разделения между расами не было. Напротив, большинство групп зрителей смешанные, они по-дружески обмениваются замечаниями и сравнивают технику соперников. Рети видела, как юноша-человек шутит с уром средним, положив руку на гладкую гриву самки.

Возбужденно кричали зукиры и шимпы, они заключали пари и колотили по земле руками.

На некотором расстоянии за углями Рети видела еще одну импровизированную арену, на которой соревновались молодые треки с недавно отделившимися кольцами и молодые г'кеки, такие легкие и проворные, что могли даже на короткое время поднимать колеса и идти на задних толчковых ногах. Этот турнир напоминал какой-то вертящийся танец. Подробностей Рети не могла разобрать, но соперничество было гораздо менее жесткое, чем Вызов Дрейка.

Два судьи квуэна: один серый, другой синий — ждали соперников посредине песчаной арены. Они в поисках оружия тщательно осмотрели рукава человека, потом проверили наличие колпачков на серпоподобных зубах среднего. Затем синий квуэн попятился в ручей, а серый вытянул бронированные ноги и, к великому изумлению

Рети, смело ступил на горячие угли! И продолжал там стоять, поднимая две когтистые ноги высоко над дымящейся поверхностью, потом переходя на другую пару и так все время.

После ритуального — и настороженного — поклона друг другу парень и средний начали кружить в ожидании ошибки соперника.

Неожиданно они бросились друг на друга, схватились, причем каждый толкал соперника в том направлении, куда тот не хотел идти. Теперь Рети поняла, почему у них связаны конечности. Со стреноженными задними ногами ур не может растоптать противника или использовать всю силу, чтобы победить. Аналогично сильные руки юноши могли просто задушить среднего, если бы одна не была привязана за спиной.

Вызов дрека/ Вызов дрека! Йиппиии йуйее!

Рети вздрогнула, услышав этот писклявый голос — гораздо ближе, чем толпа кричащих зрителей. Она поискала его источник, но никого не увидела, пока кто-то не потянул ее за платье. Она посмотрела вниз.

Безопасность сумки? Йии будет говорить! Ты безопасность сумки, и йии будет говорить с тобой!

Рети удивленно смотрела. Это крошечный ур!

Не больше ее ступни, он грациозно приплясывал на четырех миниатюрных копытах, по-прежнему дергая ее за одежду. Крошечное существо трясло гривой, поворачивая гибкую шею, и нервно продолжало:

Иши нужна сумка! Нужна сумка!

Рети повернулась и увидела, что его так испугало. В кустах, слегка отдуваясь, сидел гладкий черный зверь, свесив язык между двух рядов острых белых зубов. Вначале Рети показалось, что она его узнала. Она подумала, что это Грязнолапый, брюзгливый спутник Двера в горах. Потом увидела, что у этого нет коричневых пятен на лапах. Значит, другой нур.

Хищник поднял голову и, глядя на маленького ура, сделал один шаг, другой.

Рети импульсивно подхватила дрожащую добычу и сунула в свою кожаную сумку.

Нур разочарованно посмотрел на нее, повернулся и исчез в кустах.

Крики, возгласы и возбужденное фырканье заставили ее взглянуть на арену, и она увидела, что борец человек падает в туче поднявшегося пепла. К ее изумлению, юноша не вспыхнул мгновенно, но гибко перевернулся и встал, подплясывая, переступая с одной голой ноги на другую и хлад-

нокровно стряхивая горящие уголья с одежды. К нему бросился серый квуэн, но мальчик знаком попросил его не вмешиваться. Еще раз провел рукой по воротнику и по углям направился обратно на арену.

На Рети это произвело впечатление. Слопи кажутся более крепкими, чем она считала.

Горяч, горяч, но не побит, послышался тонкий голос из сумки, как будто довольный ее удивлением. Страх перед нуром словно совершенно забылся. *Парень сделал бу-бу, поскользнулся и упал, но больше не сделает. Не этот парень! Он победит. Увидишь, это глупый лошак обмочится!*

Рети не могла прийти в себя от изумления. Ей трудно было решить, что удивляет ее больше: соревнование на арене или это крошечное существо в сумке с его беглыми комментариями.

Арена привлекла ее внимание: юноша-человек снова приблизился к противнику. Какой бы ни была его ошибка в первый раз, парень решительно не собирался ее повторять, он уклонялся и отпрыгивал, а потом сумел схватить среднего за гриву. Самка фыркнула, щелкнула зубами и тщетно пыталась тонкими слабыми руками разорвать его хватку. Попробовала поднять переднюю ногу, чтобы схватить пасть, но от этого только опасно

потеряла равновесие.

Вызов дрека! радостно кричал маленький ур, *дрек сказал Ур-чун, будем бороться, бороться, а не убивать!*

Рети затаила дыхание.

О, теперь я вспомнила.

Она совсем маленькой слышала эту легенду, ее рассказывал у лагерного костра один из стариков. Легенда умерла вместе с ним, потому что рассказам о жизни за горами Джесс и молодые охотники предпочитали преувеличенные описания собственных подвигов.

Насколько могла вспомнить Рети, жил некогда человек по имени Дрек — или Дрейк, — герой, силой и смелостью превосходивший всех до и после него. Однажды, когда земляне пробыли на Джиджо еще не долго, вождь уров, огромная самка, сошлась с Дрейком в схватке. Три дня и три ночи они боролись, наступали, выкрикивали угрозы. Земля дрожала, реки высыхали, вся местность между горами и морем была опустошена, и вулканы, и океан исчезли в дыму. И когда туман рассеялся, вся местность от горизонта до горизонта сверкала яркими красками, какие получаются при смешении человеческой и урской крови.

И из облака дыма и пыли вышли два героя — у

него не было руки, у нее ноги, они опирались друг о друга и с этого дня стали неразлучны.

И хотя после этого дня были и еще войны между племенами людей и уров, велись они благородно в память о Дрейке и Ур-чун.

Смотри! крикнул маленький ур.

Мальчик сделал ложный выпад налево, потом подставил правую ногу и надавил. В отчаянии фыркая, самка не смогла избежать переворота через его бедро и с криком тяжело шлепнулась в воду головой вперед. И забилась в тине, начиная тонуть. Из-за нее вынырнул синий квуэн и ногой подтолкнул к берегу. С благодарным криком средний выбрался на песок, поднимая облака пыли.

Хии! Иди поваляйся в горячем пепле, глупый лошак! Песок слишком медленный! У тебя сгниют волосы!

Рети посмотрела на маленького ура. Это не ребенок, как она вначале подумала. Она вспомнила, что от кого-то слышала: новорожденные уры остаются в материнской сумке в течение нескольких месяцев, потом их десятками выбрасывают в высокую траву, чтобы они сами заботились о себе. И во всяком случае, урский ребенок не умеет говорить.

Это, должно быть, самец! Теперь Рети заме-

тила, что горло и морда выглядят не так, как у самок, нет многоцветных красок и раздвоенной верхней губы. Это объясняет, почему ур-самец может произносить все звуки англика, а самка не может.

А на арене парень готовился к третьему раунду, но молодая самка опустила голову, признавая свое поражение. Юноша победно вскинул руку в кровавых полосках и помог судье вывести хромающую побежденную с поля. Тем временем два новых бойца разминались, а помощники привязывали им конечности.

Рети печально смотрела, как молодые люди шутят со сверстниками из других рас. Она гадала, как мальчику удалось так незначительно обжечься на углях, но не могла заставить себя задать этот вопрос. Они только посмеются над ее нерасчесанными волосами, над неловкой речью и над ее шрамами.

Забудь о них, с горечью думала она. От сухого жара и дыма зудело лицо. У нее есть гораздо более важные дела. Надо кое-что вынести из своей палатки до темноты. Что-то такое, что послужит платой за билет отсюда. Такое, чего никогда не видел ни один из этих рослых красивых молодых людей и никогда не увидит, несмотря на всю свою

гордость, мастерство и важное расхаживание. Билет в такое место, где прошлое больше не будет ее тревожить. Это гораздо важнее, чем наблюдать за тем, как дикари играют в свои яростные игры огня и воды.

— Послушай, я должна идти, — сказала она урску-самцу, вставая и осматриваясь. — Кажется, этот отвратительный нур ушел, так что ты тоже можешь уйти.

Крошечное создание смотрело на нее, повесив хвост и морду. Рети прочистила горло.

— Может, отнести тебя куда-нибудь? Твоя… гм… *жена,* наверно, волнуется за тебя.

Темные глаза печально блеснули. *Уф-рохо больше не нужен йии. домашняя сумка полна скользких новорожденных. Вытолкнула йии, в правой сумке другой муж. Йии должен найти новую сумку или нору в траве, чтобы жить/умереть. Но в горах нет сладкой травы, только жесткий камень!*

Последние слова прозвучали очень печально. Ужасно поступили с беспомощным маленьким созданием, и Рети рассердилась, думая об этом.

Хорошая сумка эта. Он издавал странную дрожащую мелодию, удивительно низкую для такого маленького существа. Там, где он прикасался к

Рети, у нее покалывало кожу.

Йии хорошо служит новой жене. Делает то, что она захочет.

Рети смотрела на него, ошеломленная его предложением, Затем расхохоталась, прислонившись к дереву, и смеялась до тех пор, пока не закололо в боку. Сквозь полузакрытые глаза она видела, что *йии* тоже как будто смеется — по-своему. Наконец она вытерла слезы и улыбнулась.

— Ну, кое-что ты для меня уже сделал. Давно я так не смеялась.

И знаешь, что еще? Если подумать, то можно найти кое-что, что ты смог бы сделать. Такое, что сделает меня еще более счастливой.

Йии все сделает! Новая жена кормит йии, Йии делает жену счастливой.

Рети покачала головой, снова поражаясь неожиданным поворотам, которые могут делать жизнь ничего не подозревающего человека. Если ее новая идея сработает, возможно, этот поворот действительно счастливый.

— У тебя есть что-нибудь для меня?

Ранн протянул огромную руку. В полутьме, рядом с желтым бу, Рети смотрела на мозолистые пальцы мужчины, каждый толщиной с ее запястье. Его угловатые черты лица и массивный

торс — намного больше, чем у самого крупного парня, игравшего сегодня в Вызов Дрейка, — делали ее маленькой и незначительной.

Рети подумала: *Неужели все мужчины такие — там, среди звезд?*

Могу ли я верить человеку с такими руками, дать ему власть мужа над собой?

Она всегда думала, что скорее умрет, чем выйдет замуж.

Однако теперь у нее есть муж, который урчит где-то возле ее живота. Рети чувствовала прикосновение теплого языка йии к коже, когда гладила шелковистую шею.

Ранн, казалось, заметил ее ироническую улыбку. Кажется ли она от нее более уверенной в себе?

Она сунула руку мимо йии и вытащила тонкий длинный предмет, пушистый с одного конца, твердый и острый с другого и положила перо на раскрытую ладонь Ранна. Он удивленно посветил на перо своим инструментом в разных сторон, а она в это время продолжала вспоминать события, которые привели к этому моменту, когда решается ее будущее.

По пути сюда Рети миновала несколько представителей разных рас из числа Шести, все они

ожидали у какого-нибудь ориентира по маршруту ежевечерней прогулки Ранна. Как им и приказывали, никто не разговаривал и даже не пытался встретиться взглядом, хотя Рети заметила и подглядывающих шпионов: г'кека, двух хунов и человека. Они, держась на удалении, делали записи.

Рети все равно, что они расскажут Лестеру Кембелу о ее "предательстве". После сегодняшнего вечера мудрецы не смогут распоряжаться ею.

Придя к желтому бу, она нервно ждала, поглаживая йии и кусая ногти. За несколько дуров до появления Ранна негромкий свист возвестил о приближении мощного робота, восьмиугольного, устрашающего. Девушка в ужасе вспомнила другое летающее чудовище, которое посылало огненные лучи в гнездо мульк-паука… вспомнила, как сильные руки Двера оттащили ее от обжигающего луча, удержали от падения, как он закрыл ее своим телом.

Рети прикусила губу, подавляя всякую мысль, всякое воспоминание, которые могут ослабить ее решимость. Не время размягчаться. Именно этого хотят мудрецы.

И как бесчисленное количество раз дома — когда она заставляла себя противостоять Джессу,

несмотря на жестокое наказание, — она не стала скрываться от ужасного робота, стояла прямо, задрав подбородок.

Ты не можешь причинить мне вред, вызывающе думала она. *Не посмеешь!*

Но незваная мысль все же пробилась в сознание.

Один такой робот убил птицу.

Птица сопротивлялась и погибла.

Чувство вины едва не заставило ее повернуть и бежать. Но тут робот сам свернул в сторону, исчез в ночи, и его место занял Ранн, протягивая массивную руку.

Есть у тебя что-нибудь для меня? спросил он, улыбаясь, и Рети протянула ему перо.

Он продолжал нацеливать инструмент на перо — ее бесценное сокровище, и Рети видела, что его возбуждение растет. Стиснув губы, она пыталась укрепить свою решимость.

Дьявольщина, да, у меня есть кое-что для вас, мистер Звездный Человек. Что-то такое, что вам очень нужно.

Но дело в том, что у вас должно быть кое-что и для меня!

XV. КНИГА МОРЯ

Тропа требует времени, поэтому время нужно покупать по дорогой цене.
Когда послушные закону ищут тебя – прячься. Когда они найдут тебя – молчи.
Когда тебя судят – не дрожи.
То, что ты пытался сделать, запрещено по справедливости.
Но, если сделано хорошо, в нем есть красота.
С этим согласно большинство.

Свиток Избавления

Рассказ Олвина

У меня с собой словарь англика и разговорник, и я собираюсь провести эксперимент. Чтобы передать драматические события, которые произойдут дальше, я попытаюсь применить свое повествовательное мастерство в *настоящем времени.* Я знаю, что во многих рассказах со Старой Земли, которые я прочел, так не делается, но если это сделано правильно, то, мне кажется, придает рассказу ощущение *непосредственного присутствия.* Вот что у меня получилось.

Я следую за маленьким Зизом, тем самым новым треки, влен которого мы все видели в тот день, когда Гибц превратился в Тиуга и забыл все о звездных кораблях; Зиз скользит от своего загона к крану, где мы впервые собирались проверить нашу лодку. Предыдущую неделю Зиз провел в своем загоне, поедая сытную пищевую смесь, и заметно вырос. Тем не менее он еще совсем маленький. Никто не ждет чудес силы и ума от треки, который мне едва до задних колен.

Зиз движется по проложенному Тиугом следу-запаху почти до края утеса, откуда можно заглянуть в Большую Помойку, потому что здесь

она резко поворачивает, разрезая материк такой глубокой и широкой раной, что наши предки выбрали ее естественной границей для поселенцев на Джиджо.

Огромная масса Окончательной скалы бросает длинную траурную тень, но “Мечта Вуфона”, наша гордость и радость, висит за пределами тени, сверкая на солнце. Вместо того чтобы ползти по рампе к закрытому люку лодки, Зиз спускается в маленькой клетке, смонтированной под выпуклым окном, перед восемнадцатью тяжелыми камнями балласта. Когда он минует Тиуга, Зиз и треки полного размера обмениваются облачками запахов на языке, для понимания которого ни у кого из остальных шести нет нужных органов.

Клетка закрывается, Урдоннел испускает свист, и группа хунов и квуэнов принимается за работу, сначала осторожно отводит лодку в сторону, потом опускает к морю, разматывая с барабанов трос-буксир и двойной шланг. Барабаны вращаются медленно, под четкий ритм, который повторяется снова и снова:

рамбл-дам-дамбл-ам-рамбл-дам-дамбл-ам…

Этот ритм захватывает. Хуны по всей скале, даже протестующие, подхватывают пульсообразный ритм веселой работы. Ритм команды, пота

и радости.

Будучи единственным присутствующим нуром, Хуфу, кажется, считает своим долгом дико носиться по крану, словно по корабельным мачтам, изгибая спину и потягиваясь, как будто поют только для нее, чья-то рука гладит ее, поглаживает щетину на голове. Глаза нура сверкают, он смотрит, как все ниже и ниже спускается наша лодка. Видно только одно щупальце Зиза, высовывающееся из клетки.

Мне приходит в голову, что, может, Хуфу кажется, что маленького треки используют как *приманку* на конце поистине грандиозной рыболовной лески! Может, Хуфу любопытно, кого мы пытаемся поймать.

Это, в свою очередь, заставляет вспомнить дикие россказни Клешни о “чудовищах” в глубине. С самого прибытия сюда ни он, ни Гек ни разу об этом не упоминали, каждый по своим собственным причинам, мне кажется. Или я один не забыл об этом среди всеобщего возбуждения?

“Гордость Вуфона” опускается ниже края утеса, и мы бросаемся к краю, чтобы не потерять его из виду. Квуэны не любят высоту и реагируют на нее, прижимаясь к поверхности, царапая животом, цепляясь за землю. И я так поступил, лежа

и набираясь мужества, чтобы поползти вперед. С другой стороны, Гек подкатилась к самому каменному краю и остановилась, отставив назад для равновесия толчковые ноги и как можно дальше высунув два глазных стебелька.

Ну что за девчонка! Вот тебе и г'кеки, осторожные существа высшего уровня. Глядя на нее, я понял, что не могу сделать меньше, поэтому высунул голову через край и заставил себя открыть глаза.

На западе океан обширным ковром уходит до самого горизонта. Там, где глубина континентального шельфа всего несколько кабельтовых, преобладают светлые тона. Но темная сине-серая полоса говорит о каньоне, отходящем от гигантской планетарной царапины, которая называется Помойкой. Эта глубокая-глубокая впадина проходит почти непосредственно под нами, потом поворачивает на восток, рассекая континент, как щель клинкерной обшивки обреченного корабля. Дальний берег всего в ста с небольшим полетах стрелы, но ряды острых, как лезвие, утесов и почти бездонные пропасти, идущие параллельно Трещине, образуют устрашающую преграду на пути всех, кто хочет нарушить Закон.

Я не ученый — к сожалению, у меня нет таких

склонностей. Но даже я вижу, что эти рваные утесы должны быть новыми, иначе к этому времени ветер, прибой и дождь сгладили бы их. Подобно горе Гуэнн, в этом месте Джиджо активно обновляется. (С того времени, как мы здесь разбили лагерь, произошло два небольших землетрясения.) Неудивительно, что некоторые считают Окончательную скалу святым местом.

В других местах везде очень сильный прибой, покрывающий все пеной, но здесь море удивительно спокойно — гладкая поверхность. Небольшое противотечение уходит от берега. Идеальные условия для нашей экспедиции — если они постоянны. Но здесь никто не проводил наблюдений за погодой, поскольку ни один мусорный корабль сюда не заходит. “Мечта Вуфона” опускается все ниже, как муха-паук, которая выпускает за собой двойную тонкую нить. Трудно точно определить, сколько осталось до воды. Гек как можно шире расставила глазные стебельки, пытаясь определить надежнее. Она говорит:

— Ну, сейчас окунаемся… *готово!*

Я затаиваю дыхание, но ничего не происходит. Большие барабаны продолжают разматывать кабель и шланги. Лодка становится все меньше.

— Готово! — повторяет Гек.

Проходит еще один дур, а “Мечта Вуфона” остается сухой.

— Да, вниз далеко-леко-леко, — запинается Клешня.

— Можешь сказать еще раз, — добавляет Урронн, нервно топая.

— Но не нужно, пожалуйста, — рявкает Гек, выдавая свое раздражение. Потом переходит на Галшесть: — *Реальность вмешивается в ожидания, когда…*

Так ей и надо: ее глубокомысленное рассуждение прерывает всплеск. Вращение больших барабанов замедляется, а я смотрю на обширную неподвижную водную поверхность, в которой исчезла “Мечта”.

рамбл-дум-бамлб-ум-рамбл-дум-дамбл…

Похоже на самого большого в мире нура, который не замолкает, не прерывает ворчание, чтобы перевести дыхание. И если бы дело дошло до голосования, на этом основании большой кран мог бы завоевать титул Почетного Капитана Юга.

Хуфу, изогнув от удовольствия спину, пробирается на самый конец стрелы. Тем временем кто-то ведет счет.

— Один кабельтов, *сорок…* Один кабельтов, *шестьдесят…* Один кабельтов, *восемьдесят…*

Два кабельтова! Два кабельтова, *двадцать…*

Эти возгласы напоминают мне, рассказы Марка Твена о речных лоцманах на романтической Миссисипи, особенно сцену, в которой рослый черный человек стоит на носу “Принцессы дельты” и измеряет глубину, находя отмели в предательском тумане и спасая жизнь всех на борту.

Я океанский хун. Мои родители водят морские корабли, а не какие-то речные посудины. Тем не менее это любимые рассказы моего отца. И отца Гек тоже: когда она осталась сиротой и только еще начинала ходить на толчковых ногах, все ее четыре стебелька топорщились в удивлении, когда отец читал ей рассказы мира волчат, никогда не знавшего удушающей мудрости галактического образа жизни. Мира, чье невежество определенно не было благородным, но имело одно преимущество: оно давало шанс видеть, узнавать и делать то, чего никто раньше никогда не видел, не узнавал и не делал.

Так поступали люди на Земле.

А теперь так поступаем мы здесь!

И почти не сознавая, что делаю, я сажусь на свои сложенные вдвое задние ноги, откидываю назад голову и издаю радостный вопль. Могучий,

громогласный крик. Он отдается по всей скале, отражается от оборудования и плывет над зубчатыми утесами Великой Трещины.

Насколько мне известно, он все еще плывет там.

Солнце проникает в спокойные воды по крайней мере на двадцать кабельтовых. Мы представляем себе, как “Мечта Вуфона” опускается все ниже, вначале сквозь облако пузырьков, потом сквозь обширную волну молчания, а свет сверху постепенно тускнеет и наконец совсем исчезает.

— Шесть кабельтовых, *шестьдесят…*

Шесть кабельтовых, *восемьдесят…*

Семь кабельтовых!

Когда мы будем опускаться, на этой глубине мы включим огни эйк и с помощью кислотной батареи пошлем искры по тросу, чтобы сообщить, что у нас все в порядке. Но у Зиза света нет и нет способа что-нибудь сообщить нам. Маленькая груда колец там, внизу, одна, хотя, мне кажется, треки никогда не бывают одиноки. Ведь их кольца могут бесконечно спорить друг с другом.

– *Восемь кабельтовых!*

Кто– то приносит кувшин вина мне и немного теплой крови симлы Ур-ронн. Гек через длинную изогнутую соломинку пьет ароматный галюк-эйд,

а Клешня опрыскивает спину соленой водой.

– *Девять кабельтовых!*

Пробное погружение предполагалось только до десяти кабельтовых, так что постепенно начинают вводить в действие тормоз. Скоро барабан начнет вращаться в обратном направлении, чтобы вернуть “Мечту Вуфона” в мир воздуха и света.

И тут это происходит — громкий щелчок, словно дернули за натянутую струну виолы, громкий, как гром.

Руководитель крановой команды кричит:

– *Отпустите тормоз!*

Оператор устремляется к рукояти… слишком поздно: распространяющийся по шлангу толчок достигает крана, словно большая рыба внизу дернула за леску в стремлении уйти. Только этот толчок чрезвычайно силен, его не остановить.

Мы ахаем, видя маленькую фигуру Хуфу, вцепившуюся в самый конец раскачивающейся стрелы.

Одна лапа разжимается, затем другая. Хуфу кричит.

Наш маленький нур, вращаясь в воздухе, едва минует водоворот вокруг толстого троса и исчезает в воде. Мы в отчаянии беспомощно смотрим,

как поглощает наш талисман пропасть, уже поглотившая Зиза, “Мечту Вуфона” и все наши надежды и результаты тяжелой работы за два года.

XVI. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Уры рассказывают о кризисе размножения.

Говорят, среди звезд продолжительность жизни у них была гораздо дольше, чем на Джиджо: они намного увеличили ее искусственными методами. Больше того, ур никогда не перестает стремиться к полным сумкам — либо с мужьями, либо с только что родившимися малышами. Существовали технические способы воспроизвести эти чувства, но большинство предпочитало естественный порядок.

Галактическое сообщество не одобряет тех, у кого слишком большое потомство: это нарушает миллиарднолетнее равновесие. Сохраняется постоянный ужас перед "диким пожаром" — кризисом перенаселения, подобным тому, который выжег половину Третьей Галактики сто с лишним миллионов лет назад.

Те расы, которые, подобно хунам, воспроизводятся медленно, особенно опасаются имеющих многочисленное потомство, таких, как уры.

Легенды рассказывают о конфликте из-за этого. Читая меж строк приукрашенной устной истории уров, можно понять, что барды

повествуют о судебном процессе — причем разбирательство велось на высочайшем уровне галактического общества.

Уры проиграли процесс, и за ним последовали строжайшие меры по сокращению рождаемости.

Но некоторые проигравшие даже тогда не захотели сдаваться. Они направили один корабль в запретное пространство, чтобы поискать дикую планету, которую могли бы назвать своим домом.

Место, где они могли бы услышать топот мириадов крошечных урских ног.

Аскс

Странное сообщение пришло из города Тарек. Оно было послано Арианой Фу, почетным мудрецом-человеком в отставке.

Уставший гонец — самка урупала, спешно поднявшись с равнины Уоррил. Она так утомилась, что жаждала просто воды, сырой и неразбавленной.

А теперь сосредоточьтесь, мои кольца. Направьте свое вечно рассеивающееся внимание к сообщению Арианы Фу, которое вслух читает Лестер Кембел, ее преемник. Посылает ли эта новость парообразное удивление в мой/наш центр — о том, что загадочный раненый чужак появился однажды в верховьях Рони? Незнакомец, который может оказаться *потерянным товарищем* посетителей со звезд, нарушивших наше общее изгнание! Или, размышляет Ариана, он может оказаться беглецом от этих самых далеко забравшихся авантюристов? Могут его раны свидетельствовать о подобной вражде?

Ариана рекомендует, чтобы мы, члены совета, осторожно расследовали это дело с нашей стороны, может, используя постигающих истину, а она

проведет свой эксперимент в Библосе.

У чужаков как будто есть и другие интересы, помимо поиска предразумных существ, чтобы украсть их с невозделанной Джиджо. Они изображают незаинтересованность, однако продолжают усиленно расспрашивать наши народы, предлагая вознаграждение и похвалы за сообщения о “чем-нибудь необычном”.

Как иронично слышать от *них* эти слова.

Затем есть еще птица.

Вы ведь помните металлическую птицу, мои кольца? Мы бы приняли ее за еще один буйурский реликт, добытый из паутины мертвого мульк-паука. Однако девушка-сунер клянется, что видела, как птица летела. Она пролетела большое расстояние, потом сражалась и была убита машиной ротенов!

Разве не в тот же вечер чужаки погребли свою станцию, словно они тоже боятся страшного неба?

Наши лучшие техники осмотрели птицу-машину, но у них нет инструментов, и поэтому они узнали мало. Установили только, что в металлической груди по-прежнему есть энергия. Может, группа, которую послал Лестер на восток, чтобы в соответствии с нашим законом собрать племя

сунеров, узнает больше.

Так много вопросов. Но даже если мы получим ответы, изменится ли хоть немного в лучшую сторону наше ужасное положение?

Будь у нас время, я нацелил бы мои/наши разнообразные кольца на обсуждение этих загадок, и каждый вопрос заливал бы новым запахом наш влажный центр, словно воском, капая силлогизмами, пока сквозь блестящий покров не стала бы видна истина. Но для свойственного треки подхода к решению проблемы нет времени. И поэтому мы, мудрецы, спорим в сухом воздухе, и у нас нет даже реуков, чтобы компенсировать различия языков. И каждый потраченный день лишь немного отдаляет нашу судьбу.

Что касается других предложений Арианы, то мы использовали постигающих истину в своих разговорах с небесными людьми. Согласно нашим книгам и преданиям, эта пассивная форма пси-способностей не так заметна, как другие способы.

Вы ищете что-то определенное? — спросили мы только вчера. — *Есть ли личность, существо или группа, которых нам следовало бы поискать для вас?*

Их предводитель — тот, что отзывается на имя-

ярлычок Ранн, — казалось, напрягся, но потом быстро пришел в себя и уверенно улыбнулся, как они это часто делают.

Мы всегда ищем чего-нибудь необычного. А вы что-то такое заметили?

И в этот момент напряжения один из наших постигающих что-то засек — короткую вспышку *цвета.* Темно-серого цвета, похожего на цвет панциря Серой Королевы. Но эта поверхность казалась тоньше, с гибкой податливостью, свободной от украшений волос, чешуек, перьев или торгов.

Вспышка сразу прекратилась. Но постигающий уловил ассоциацию — с *водой.*

Что еще ощутил он, мои кольца, во время этого краткого момента?

А, да. Вихрь пузырей.

Разбросанных и бесчисленных как звезды.

Пузырей, растущих в размерах, достигающих величины спутников Джиджо. Сверкающих. Древних. Лишенных возраста.

Пузырей, полных дистиллированными чудесами… запечатанных временем.

И больше ничего.

Увы, что еще можно спросить? Кто мы, как не любители — одна из сторон игры? Фвхун-дау и

Ум-Острый-Как-Нож указывают, что даже этот “ключ” мог быть искусно вложен в сознание постигающего, чтобы отвлечь нас парадоксом.

Но в такие времена, когда реуки и Святое Яйцо нас как будто покинули, утопающий хватается даже за такой тонкий стебелек.

В своем послании Ариана обещает послать помощь другого рода. Специалиста, чье мастерство может поставить нас вровень с нашими врагами и, может быть, даже заставит их торговаться.

О, Ариана, как мне/нам не хватает твоего лукавого оптимизма! Если бы с неба упал огонь, ты увидела бы в этом возможность обжигать горшки. Если бы весь Склон задрожал, а затем погрузился в страшные глубины Помойки, ты нашла бы и это событие полным *возможностей!*

Сара

Вопреки строжайшим приказам днем укрываться, пароход “Гофер” побил все свои прежние рекорды, идя вверх по течению от города Тарек, преодолевая весенний разлив Бибура; котлы его стонали, поршни бились о корпуса — могучая сила, с которой на Джиджо мог сравниться только другой пароход “Крот”. Символ великой человеческой технологии, эти пароходы оставались непревзойденными даже искусными урскими кузнецами, которые трудятся в высокогорных вулканах.

Сара вспомнила свое первое плавание, когда в возрасте пятнадцати лет была направлена на обучение в Библос. Как она гордилась своими новыми познаниями, особенно способностью каждый лязг и пыхтение парового двигателя рассматривать в терминах температуры, давления и единиц силы. Уравнения словно укрощали шипящее чудовище, превращая его отчаянный рев в некое подобие музыки.

А теперь все это испорчено. Клепаные корпуса и пульсирующие балансиры кажутся теперь примитивными приспособлениями, чуть более

передовыми, чем каменный топор.

Даже если звездные боги улетят, не сделав ничего из тех ужасных вещей, которые предсказывает Ариана Фу, они уже причинили вред, развеяв наши иллюзии.

Только одному человеку, казалось, все равно. Незнакомец держался возле пышущей, напрягающейся машины, всматривался в балансиры, жестами просил, чтобы инженерная команда открыла большой корпус и позволила ему заглянуть внутрь. Вначале люди из команды опасались его странного поведения, но вскоре, вопреки его неспособности говорить, ощутили родственную душу.

Сара заметила, что жестами можно объяснить очень многое. Еще один случай приспособления языка к потребностям момента — почти так же колонисты на Джиджо приспосабливали известные им формальные галактические языки, когда люди представили им полмиллиона текстов, напечатанных преимущественно на англике, языке, созданном словно из сленга, жаргонов, каламбуров и двусмысленностей.

Это искаженное зеркальное отражение того, что происходило на Земле, где миллиардолетняя грамматика толкала людей к порядку. В обоих

случаях движущей силой служила почти полная монополия на знания.

В этом есть очевидная ирония. Но Сара знала и другую, ее собственную теорию относительно языка и Шести, настолько еретическую, что взгляды Ларка по сравнению с ней казались абсолютно ортодоксальными.

Может, прошло время моего возвращения в Библос, доклада о работе… и подтверждения всего, чего я боюсь.

Незнакомец казался счастливым. Он был погружен в общение в инженерами, а Ариана Фу внимательно наблюдала за ним из своего инвалидного кресла. Поэтому Сара покинула шумное машинное помещение и направилась на нос корабля, где густой туман раздвигался стремительным движением “Гофера”. Из-за клочьев тумана на юге и востоке виднелись сверкающие вершины Риммера — там решается судьба Шести.

Как удивятся Ларк и Двер, увидев меня!

О, они, наверно, закричат, что я должна была оставаться дома в безопасности. А я отвечу, что у меня есть работа, не менее важная, чем их, и они не должны гордиться своим мужским полом. И мы все постараемся изо всех сил не показать,

как мы рады встрече.

Но прежде всего мудрец Фу организовала эту поездку, чтобы проверить свои предположения относительно Незнакомца, вопреки инстинкту Сары, который не позволял вредить раненому.

Этот инстинкт причинил мне немало неприятностей. Не пора ли умерить его разумом?

В одном древнем тексте это называется “манией вскармливания” и было вполне применимо, когда ребенком Сара лечила раненых животных и птиц в лесу. Возможно, это не представляло бы никакой проблемы, если бы она последовала обычному для женщин Джиджо жизненному образцу, у нее появились бы дети и уставший муж-фермер, и все они требовали бы ее внимания. Зачем, в таком случае, стимулировать материнский инстинкт? И никакого времени для других интересов — особенно без сберегающих силы и время приспособлений, описанных в земных сказаниях. Сара, хоть и не очень красивая, знала, что преуспела бы в такой скромной жизни и сделала бы счастливым какого-нибудь простого честного мужчину.

Если бы простая жизнь была тем, чего я хочу.

Сара попыталась отбросить волну интроспекции. Причина ее испуга очевидна.

Библос. Центр человеческих надежд и страхов, фокус силы, гордости и стыда, место, где она нашла любовь — или ее иллюзию и потеряла ее. Откуда перспектива "второго шанса" обратила ее в паническое бегство. Ни в каком другом месте не испытывала она подобной смеси подъема и клаустрофобии, надежд и страха.

Увидим ли мы его, миновав последний поворот?

Если каменные крыши уже обрушились…

Сознание ее отшатывалось от невыносимого. Чтобы отвлечься, она достала черновик своей второй работы о языках Джиджо. Пора подумать, что сказать мудрецу Боннеру и другим, если они возразят ей.

Что я делаю? Демонстрирую на бумаге, что хаос может быть формой прогресса. Что шум может быть информативным.

С таким же успехом могу сказать им, что черное это белое, а верх это низ!

Имеются доказательства того, что очень давно, когда племена людей были скотоводческими и досельскохозяйственными, большинство языковых групп было структурировано гораздо строже, чем последующие языки. Например, земные ученые старались восстановить протоиндоевропейский

язык на основе сопоставления латинского, древнегреческого, санскрита и германского языков. Получился праязык, строго организованный, со множеством падежей и склонений. Структура, подчиняющаяся правилам, которыми гордилась бы любая галактическая грамматика.

На полях Сара отметила свою недавнюю находку. Язык североамериканских индейцев чероки содержал семьдесят местоимений — способов сказать “я”, “мы” и “вы”, в зависимости от контекста и личных взаимоотношений, — черта, общая с галактическими языками.

Для некоторых это означает, что у людей когда-то были патроны, которые возвысили земных человекообразных обезьян. Учителя, которые изменили наш мозг и тело и научили строгой логике, приспособив язык к нашим нуждам.

Потом мы потеряли своих проводников. По собственной вине? Или нас покинули? Никто не знает.

После этого, утверждает теория, все земные языки регрессировали, вернулись к обезьяньим выкрикам, которыми пользовались просто люди до возвышения. К тому времени, когда наши предки покинули Землю ради Джиджо, галактические советники рекомендовали оставить

англик и другие языки “волчат”, заменив их кодами, специально созданными для разумных существ.

Их аргументы можно проиллюстрировать игрой в испорченный телефон.

Возьмем дюжину игроков и посадим их кружком. Прошепчем первому сложное предложение, он должен его тоже шепотом передать следующему, и так далее. Вопрос: насколько скоро первоначальное сообщение потеряется среди искажений и языковых ошибок? После нескольких повторений предложение может стать совершенно неузнаваемым.

Но тот же эксперимент, проведенный на росском или ниханском языках, даст другие результаты. В этих языках глаголы, существительные и прилагательные сохраняют родовые окончания, признаки принадлежности и другие факторы. Если в переданное по испорченному телефону на росском языке предложение вкралась ошибка, искаженное слово часто заметно выделяется. И внимательный слушатель автоматически исправляет его.

На чисто галактических языках можно сутками играть в испорченный телефон без единой ошибки. Неудивительно, что до появления людей эта

игра была неизвестна в Пяти Галактиках.

Сара быстро распознала версию *кодирования Шеннона,* названного в честь земного пионера информатики, который показал, как специально закодированная информация может быть восстановлена даже из шума статики. Это открытие в человеческой цивилизации до контакта оказалось критически важным для цифровой речи и передачи данных.

Индоевропейский был логичным, сопротивляющимся ошибкам языком, который лучше подходит для компьютеров, чем хаотический англик.

Для многих это означает, что у землян в туманном прошлом были патроны. Но Сара, наблюдая за тем, как счастливо общается Незнакомец с инженерами на импровизированном языке хмыканий и жестов, вспомнила:

Компьютер изобрели не те, кто говорил на индоевропейском. И не пользователи любого строгого галактического языка. Звездные боги унаследовали свою могучую силу.

За всю недавнюю историю Пяти Галактик только один народ независимо изобрел компьютеры — и почти все остальное необходимое для межзвездных полетов — изобрел с самого

начала.

Эти люди говорили на россике, ниханском, французском и особенно на предшественнике англика, диком, недисциплинированном английском.

Сделали ли они это вопреки своему хаотическому языку?

Или благодаря ему?

Мастера ее гильдии считают, что она гоняется за фантомами, что это просто отвлечение от других обязательств.

Но у Сары было предчувствие. В прошлом и настоящем содержится ключ к будущему Шести.

Если, конечно, это будущее уже не обречено.

Рассвет стремительно спускался вниз по склонам от Рим-мера. Явное нарушение срочных приказов: "Гофер" продолжал двигаться, но никто ничего не посмел сказать капитану, у которого в глазах появилось безумное выражение.

Наверно, это потому, что он много времени проводит с людьми, подумала Сара. На пароходах в экипаже столько же людей, мужчин и женщин, для ухода за двигателем, — сколько и хунов. Грайф-фу, лоцман и капитан, знал реку от рождения, это знание инстинктивно и унаследовано им от предков. К тому же он перенял немало человеческих привычек и обычаев, например,

натягивал на свою мохнатую макушку вязаную шапочку и курил трубку, от которой шел дым, как от трубы парохода. Угловатое лицо капитана, когда он всматривался в предутренний туман, могло бы сойти с форзаца какого-нибудь морского приключенческого романа, снятого с полки библиотеки в Библосе. Подобно практичному моряку древних времен, капитан распространял вокруг себя ощущение уверенности и близкого знакомства с опасностью.

Грауф-фу повернул голову, заметил взгляд Сары и слегка прикрыл один глаз — хитро подмигнул.

Боже избави, вздохнула Сара, почти ожидая, что сейчас хун сплюнет за борт и произнесет: *— Эй, помощник! Отличный день для плавания: полный вперед!*

Но вместо этого капитан “Гофера” извлек трубку изо рта и показал ею.

— Библос, — заметил он низким хунским голосом с гнусавым акцентом, — сразу за следующим поворотом. Хрррм… На день раньше, чем вы ожидали.

Сара снова посмотрела вперед.

Я должна бы радоваться, подумала она. *Время не ждет.*

Вначале она могла различить только Вечное

Болото на левом берегу, непроходимое пространство вплоть до Рони, обширную площадь зыбучих песков, которая заставляет у города Тарек делать долгий обход. Справа начиналась широкая равнина Уоррил. Здесь сошло несколько пассажиров, чтобы дальше передвигаться по суше. Здесь уходят быстрые караваны, и с ними Блур, художник, и маленький взрывник с распоряжениями для своей гильдии. Оба они весят немного, могут ехать на ослах и, если повезет, за три дня доберутся до Поляны. Прити и Пзора также высадились на пристани Канду, чтобы нанять повозки на случай, если понадобится доставить к высоким мудрецам Незнакомца. Это будет решено в Библосе.

Когда туман рассеялся, справа показалась каменная стена. Она поднимается прямо от воды и с каждым дуром становится все выше. Утес, гладкий и блестящий, как стекло, не подчиняется эрозии или времени. И до сих пор ведутся споры, естественное это образование или буйурский реликт.

Ульгор рассказывала, что в зеркальном отражении этого утеса жители Доло видели зарево книжного пожара. Двести лет назад поселенцы были свидетелями такого зрелища, ужасного

даже на расстоянии. С тех пор ни одна катастрофа: ни массовое убийство в Толоне, ни засада, в которой Ук-ранн подстерегла Дрейка Старшего у Кровавого брода, — не могли сравниться в этим ужасом.

Но мы никакого огня не видели.

Тем не менее, когда пароход делал последний поворот, всех охватило напряжение.

Сара облегченно передохнула.

Архив… он на месте.

Охваченная эмоциями, она долго смотрела, потом заторопилась на корму, чтобы привести Незнакомца и Ариану Фу. Они оба захотят увидеть это.

Замок, грозный, неприступный, вырубленный более не существующими инструментами. Богоподобными инструментами, отправленными в глубину, как только они закончили сооружение крепости. Цитадели знаний.

Гранитный утес по-прежнему, словно палец, выступает из реки, прижимаясь спиной к сверкающе-гладкой поверхности стены. Сверху, вероятно, все выглядит так же, как выглядело всегда; леса скрывают отверстия, через которые дневной свет проходит во дворы и помещения для читателей внутри. Но снизу, с того места,

где причалил “Гофер”, можно было разглядеть внушительные защитные укрепления, а дальше ряд за рядом массивные резные столбы, которые поддерживают естественное плато, несут на себе огромную тяжесть над искусственно созданной внутренней полостью.

Внутри гигантской пещеры деревянные сооружения защищают бесценное содержимое от дождя, ветра и снега — от всего, кроме ада, который однажды охватил южный конец, оставив после себя развалины и опустошение. За одну ночь треть той мудрости, которую дала Великая Печать, исчезла в дыму и отчаянии.

Отделы, которые сегодня нам больше всего нужны. Посвященные галактической истории и многочисленным расам и кланам Оставшееся дает только неясные очертания сложнейших биосоциополитических отношений, распространенных в Пяти Галактиках.

Несмотря на кризис, на рассвете из гостиниц в соседней деревне появилось множество ученых, которые, присоединившись к пассажирам “Гофера”, поднимались по рампе, зигзагом ведущей к главному входу. Студенты треки и г'кеки переводили дыхание в специально отведенных для отдыха местах. Красные квуэны из далекого моря

время от времени поливали свои купола соленой водой. Ульгор и Блейд сторонились их.

Мимо посетителей прошел караван ослов, направляясь вниз. В ящиках под восковыми печатями бесценное содержимое. *Книги по-прежнему эвакуируют,* поняла Сара. *Пользуются тактикой оттягивания, которую избрали мудрецы.*

Неужели она застанет пустые полки?

Невозможно! Даже если бы они смогли увезти столько томов, где бы они их разместили?

Незнакомец настоял на том, что сам будет толкать инвалидное кресло Арианы — может, из уважения или чтобы показать, насколько улучшилось его физическое состояние. Действительно, его смуглая кожа сияла здоровьем, а смеялся он глубоко и от всей души. Удивленно смотрел на могучие каменные стены, на подъемный мост, портики и посты милиции. Сара увидела, что вместо символической стражи теперь парапет охраняет большой отряд. Стражники вооружены копьями, луками и арбалетами.

Ариана была довольна реакцией Незнакомца. С удовлетворенным выражением пожилая женщина посмотрела на Сару.

Он никогда здесь не был. Даже причиненный ущерб не смог бы стереть яркие воспоминания о

Библосе. Либо он из какой-то далекой отсталой деревни, либо…

Они миновали последнее укрепление, и Незнакомец удивленно уставился на сами здания Архива. Деревянные сооружения были построены как копии знаменитых памятников земного прошлого. Здесь были Парфенон, замок Эдо и даже Тадж-Махал, чьи минареты переходили в четыре мощных столба, поддерживающих каменную крышу. Очевидно, у основателей было чувство драматической иронии, потому что все оригиналы были созданы, чтобы стоять вечно, тщетно противиться времени, тогда как эти здания имели противоположную цель — они должны выполнить свою функцию и исчезнуть, словно никогда и не существовали.

И даже это для некоторых было слишком много.

— Какое высокомерие! — произнес Джоп, древесный фермер, который, узнав об экспедиции, решил отправиться с ней. — Если мы хотим быть благословенны, все это должно исчезнуть.

— Да, со временем, — кивнула Ариана Фу, предоставляя гадать, имеет ли она в виду следующую неделю или тысячу лет.

Сара видела у оснований нескольких гигант-

ских столбов свежезамазанные глиной отверстия. *Точно как дома,* поняла она. *Взрывники проверяют, все ли готово.*

Она не могла удержаться и оглянулась. Последними из пассажиров “Гофера” шли молодой Джома, сын Хенрика, и его дядя Курт. Старший взрывник показывал какие-то особенности сооружения мальчику, его жесты напомнили Саре куски древнего гранита. Она подумала, понимает ли Незнакомец, радостно разглядывающий все вокруг себя, как немного нужно, чтобы превратить все это в развалины, неотличимые от городов, которые уничтожили буйуры, когда улетели и предоставили планете возвращаться к природе.

Сара чувствовала, как привычно напрягаются ее плечи. Быть учеником в таком месте нелегко, особенно вначале. Даже когда она уносила книги наверх, чтобы читать их в тени напоминающего о доме дерева тару, никак не могла избавиться от мысли о том, что все плато может вздрогнуть и обрушиться под ней. Какое-то время страшные фантазии мешали ее занятиям — пока не появился Джошу.

Сара поморщилась. Она знала, что, когда вернется в это место, снова все испытает. Воспо-

минания.

— Нет ничего вечного, — добавил Джоп, когда они приблизились к афинскому портику Центрального зала. Он не подозревал, насколько совпадают его слова с тайными мыслями Сары.

Ариана согласилась.

— Так желает Ифни. Ничто не может противиться богине перемен.

Если женщина-мудрец хотела, чтобы ее замечание прозвучало сардонически, ей это не удалось. Но она слишком глубоко погрузилась в размышления, чтобы заметить это. Они подходили к гигантской двойной двери. Дверь — дар квуэнов. Она вырезана из древесины лучшей породы. Затем уры покрыли ее своей бронзой, треки отлакировали своими выделениями, и художники г'кеки раскрасили. Дверь высотой в десять метров покрыта символическим изображением того, что наиболее ценят все расы, самым последним, лучшим и с таким трудом завоеванным достижением джиджоанской Общины в изгнании.

Великий Мир.

Но на этот раз Сара едва обратила внимание на восхищение Незнакомца. Она не могла разделить с ним его наслаждение. Для нее все это место погрузилось в печаль.

Аскс

Портретист даже не стал просить отдыха после тяжелого пути от пристани Канду. Он немедленно принялся за работу, начал готовить материалы — кислоты и твердые металлические пластинки, настолько неподвластные ходу времени, что они становились недопустимыми по законам Общины. Однако для шантажа они прекрасно подходят.

Здесь уже находились и другие представители его гильдии, которые явились на собрание, чтобы продавать бумажные изображения посетителей, мастеров гильдий, победителей игр — всякого, кто пожелает тщеславно сохранить свой портрет на всю жизнь или в течение двух поколений. Некоторые из этих ловцов сходства предлагали и изображения чужаков, но с какой целью? Бумажные портреты созданы так, что блекнут и разлагаются, они не продержатся целые эпохи. Лучше не рисковать: чужаки могут их увидеть и тем самым откроют некоторые наши тайные умения.

Но Ариана, Блум и молодая Сара Кулан, кажется, явились с чем-то совершенно иным, не

правда ли, мои кольца? Несмотря на усталость после дороги, Блум сразу выступил перед нами, демонстрируя *дагерротип.* Неправдоподобно точное изображение на металлической пластинке с бороздками, возрастом в несколько столетий. Уд-Джа с дрожью разглядывала точное изображение великой татуированной воительницы древности.

— Если мы попробуем, необходимо соблюдение тайны. Наши враги не должны знать, как мало у нас таких изображений, — заметил Фвхун-дау, когда осы тайны заполнили нашу маленькую палатку для секретных совещаний. Их дрожащие крылья ярко блестели. — Небесные боги должны решить, что у нас надежно спрятаны сотни таких пластинок — спрятаны далеко отсюда, там, где они никогда не смогут их найти.

— Верно, — добавил Вуббен. Его глазные стебельки исполняли танец осторожности. — Но нужно кое-что еще. Чтобы это сработало, нужно не просто изображение лиц людей-чужаков. Какой толк нам в этом свидетельстве миллион лет спустя? На пластинках должны быть машины чужаков, заметные черты джиджоанской поверхности, а также местные животные, которых они осматривают как кандидатов на похищение.

— И их костюмы, их кричащие одеяния, — настойчиво заговорил Лестер Кембел. — Все, что может показать, что они люди– *изменники.* А не представители нашей расы на Джиджо или на Земле.

Мы все согласились с этим последним замечанием, хотя осуществить его почти невозможно. Как несколько бороздчатых пластинок могут показать столь тонкие различия, когда нас уже давно не. будет?

Мы попросили Блума расспросить наших агентов, не забывая эти критерии. И если из этого что-нибудь получится, это будет подлинное чудо.

Мы верим в чудеса, не правда ли, мои кольца? Сегодня мой/наш реук очнулся от состояния забытья. То же самое произошло с реуком Вуббена, нашего Председателя Загорания. Остальные мудрецы отметили, что их реуки шевелятся.

Можно ли это считать основанием для надежды? Или они пробуждают, как это иногда бывает с заболевшими реуками, чтобы вскоре свернуться и умереть?

Двер

Тропа через Риммер крутая и неровная.

Во время предыдущих походов Двера на дикий восток это не имело никакого значения. В этих разрешенных мудрецами путешествиях он нес с собой только лук, карту и самое необходимое. В первый раз, сразу после того как ушел в отставку старый Фаллон, Двер был так возбужден, что буквально бежал вниз, к туманным равнинам, позволяя нести себя тяготению, с криком перепрыгивая с одной ненадежной опоры на другую.

Ничего подобного сейчас нет. Никакого оживления. Ни испытания молодости и мастерства, соревнования с дикой природой Джиджо. Это серьезное дело. Приходится вести дюжину тяжело нагруженных ослов по трудным дорогам, решительно и твердо преодолевая приступы упрямства этих животных. Двер дивился тому, как легко это проделывают торговцы-уры, когда резкими короткими свистами направляют свои вьючные караваны.

И говорят, эти твари происходят с Земли? удивлялся он, одного за другим вытаскивая ослов из беды. Дверу совсем не нравилась мысль о

своем близком генетическом родстве с такими существами.

К тому же у него есть и подопечные-люди, о которых тоже нужно заботиться в этой дикой местности.

Честно говоря, могло бы быть и хуже. Дэйнел Озава — опытный путешественник, а две женщины сильны и обладают каждая своим особенным мастерством. Тем не менее ничто на покоренном Склоне не может сравниться с таким походом. Дверу все время приходилось идти вперед или назад вдоль каравана, чтобы помочь спутникам.

Он не знал, что раздражает его больше: спокойное равнодушие Лены Стронг или неловкое дружелюбие Дженин Уорли, которая часто ему улыбалась. Они были самыми очевидными кандидатами, поскольку Дженин и Лена уже были на Собрании, где добивались одобрения своей идеи "туризма". Они надеялись заручиться помощью Двера и получить поддержку мудрецов, чтобы начать переводить группы туристов через Риммер.

Иными словами, людей, у которых слишком много свободного времени и на которых подействовало чтение старинных земных книг.

Я должен был противиться этому. Даже группы, состоящие из лиц одного пола, нарушают

закон о сунерах.

А теперь — я принимаю участие в плане, нарушающем закон, который я клялся защищать.

Он не мог сдержаться и все время оглядывался на двух женщин, как и они посматривали на него.

Они выглядят такими… здоровыми.

Ты теперь поистине дикарь. Научился ценить достоинства диких женщин.

В Серых холмах тоже есть женщины, но Рети говорила, что они начинают рожать в четырнадцать лет. А к тридцати у них нет больше половины зубов.

Предполагалось, что за первой группой пройдет вторая — добровольцы-изгнанники. Ради нее примерно через каждые полмидура Двер делал на заметных местах мазки пасты порла, оставляя след, по которому сможет пройти любой умеренно подготовленный житель Джиджо. В то же время галактические грабители или их всевидящие машины этот след не заметят.

Двер предпочел бы остаться дома и вместе с другими солдатами милиции Шести готовиться к безнадежному сражению с чужаками. Но он лучше всех подготовлен для того, чтобы вести эту экспедицию в Серые холмы, и он дал Дэйнелу

слово.

И вот в конце концов я все-таки стал гидом, думал он.

Если бы только он чувствовал, что поступает правильно.

Что мы делаем? Бежим туда, где нам не место, точно как наши грешные предки? У Двера от таких мыслей болела голова. *Только бы Ларк не узнал, что я делаю. Это разобьет ему сердце.*

Когда они из гор вышли в высокогорную степь, идти стало немного легче. Но, в отличие от других своих походов, на этот раз Двер повернул на юг, к обширным просторам горькой желтой травы. И вскоре они шли по прерии, где трава доходила до колен, а у ее мелких цветов такие острые края, что люди и даже ослы должны были передвигаться в защитных кожаных покровах на ногах.

Никто не жаловался и даже не говорил о неудобствах. Дэйнел и остальные без вопросов приняли его руководство, шли рядом с ослами, временами вытирая пот с краев шляп и воротников. К счастью, разбросанные островки настоящего леса помогали Дверу переводить караван от одного источника воды к другому, оставляя знаки для следующей группы.

Рети должна была проявить немалое упрям-

ство, чтобы преодолеть все это, гонясь за проклятой птицей.

Двер предложил подождать девушку.

— Она будет вашим настоящим проводником, — сказал он Дэйнелу.

— Нет, — возразил Дэйнел. — А ты бы ей доверился? Она может увести нас в сторону, чтобы защитить своих близких.

Или чтобы никогда не видеть их снова. Тем не менее Двер очень хотел, чтобы Рети вернулась вовремя, до выхода группы. Ему не хватало ее мрачноватого сарказма и всего остального.

За час до заката он сделал знак остановиться в большом оазисе.

— Горы рано отрезают дневной свет, — сказал он спутникам. На западе вершины уже окружал желто-оранжевый ореол. — Вы втроем очистите источник, накормите животных и разбейте лагерь.

– А ты куда идешь? — резко спросила Лена Стронг, вытирая лоб.

Двер отстегнул свой колчан.

— Поищу чего-нибудь на ужин.

Она показала на кажущуюся безжизненной степь.

— Что, здесь?

— Стоит попробовать, Лена, — сказал Дэйнел, срубая палкой стебли желтой травы. — Ослы не могут это есть, и нам зерна должно хватить до холмов, где они смогут пастись. Немного мяса для нас четверых может очень помочь.

Двер не стал ничего добавлять к этому. Он пошел вниз по узкой звериной тропе, обходя заросли высокой травы. Пришлось пройти довольно далеко, чтобы избавиться от запаха ослов и не слышать голосов спутников.

Опасно шуметь, когда вселенная полна существ сильнее тебя. Но людей это никогда не останавливало, верно?

Он принюхивался и следил за раскачиваниями высокой травы. В такой прерии еще важнее охотиться против ветра — не только из-за запаха, но и потому, что ветер уносит шум продвижения — в данном случае от выводка перепелов. Он слышал впереди, всего в десятке с небольшим метров, как эти птицы перекликаются и царапают землю.

Двер наложил стрелу и старался ступать как можно тише, задерживая дыхание, пока не стали слышны и другие звуки: скрежет когтей о землю… резкие удары клювом по семенам… мягкое материнское квохтанье… ответный писк птенцов, ищущих пернатую грудь… легкое дыхание

молодых птиц-часовых, сообщающих, что вокруг все спокойно. Все хорошо.

Вдруг один из часовых изменил свой отчет. Пробный сигнал тревоги. Двер прижался к земле и застыл. К счастью, сумерки сгущаются у него за спиной. Если он хоть еще немного не спугнет их…

Неожиданный шум поднял птиц, они взметнулись в воздух. *Другой хищник*, понял Двер, поднимая лук. Большая часть выводка рассыпалась в траве и исчезла, но несколько птиц по спирали поднимались в воздух, отвлекая врага, спасая мать с птенцами. Двер быстро выпустил несколько стрел, сбив одного, потом другого часового.

Шум стих так же быстро, как начался. Степь снова выглядела так, словно ничего не случилось.

Двер повесил лук на плечо и достал мачете. Теоретически в такой траве не может спрятаться хищник, который стал бы для него серьезной угрозой, кроме, разве, корневого скорпиона. Но существуют легенды о необычных и страшных существах, которые водятся к юго-востоку от Склона. Да и изголодавшийся лиггер может быть опасен.

Двер отыскал место, где упала птица.

Лена на какое-то время будет довольна, думал он, понимая, что, возможно, отныне ему всю жизнь придется этим заниматься.

Возле того места, где он подстрелил вторую птицу, снова закачалась трава. Двер бросился вперед, держа мачете наготове.

— О нет, ты, вор!

Он резко затормозил, увидев гладкое существо с черным мехом, которое сжимало в челюстях второго перепела. Окровавленная стрела свисала в траву.

— Это ты, — вздохнул Двер, опуская нож. — Я мог бы и догадаться.

Темные глаза Грязнолапого блестели так красноречиво, что Двер вообразил себе его ответ:

Верно, босс. Рад меня видеть? Не благодари меня за то, что я поднял птиц. Просто в награду я возьму себе самую сочную.

Он покорно пожал плечами.

— Ну, ладно. Но стрела мне нужна, слышишь?

Нур улыбнулся, как всегда, не показывая, насколько он понял.

Когда они направлялись к оазису, уже спустилась ночь. Под защитой дерева блестел костер. Ветерок доносил запахи ослов, людей и кипящей

овсянки.

Нужно держать костер небольшим, чтобы он напоминал естественный, напомнил себе Двер.

Но тут ему пришла в голову другая мысль.

Реши говорила, что нуры никогда не переходят горы. Но что этот здесь делает?

Рети не обманывала, когда говорила, что к юго-востоку от Риммера водятся целые стаи глейверов. После двух дней быстрого перехода, когда приходилось почти бежать рядом *с* ослами, Двер и его спутники увидели отчетливые следы — украшенные фигурками груды, в которых глейверы обычно прятали свои испражнения.

— Черт возьми… ты прав, — согласился Дэйнел, отдуваясь и опираясь руками о колени. С другой стороны, обе женщины совершенно не запыхались.

— Кажется… положение… еще более усложняется.

Еще бы, подумал Двер. Долгие годы работы таких охотников, как он сам, оказались напрасными. *Мы всегда считали, что заросли желтой травы могут преодолеть только хорошо экипированные путники, но не глейверы. И поэтому все поиски вели дальше к северу.*

На следующий день Двер сделал знак остано-

виться, увидев на расстоянии стадо глейверов, кормящихся в конце заросшего кустарником вади — высохшего русла реки. Все четверо людей с помощью бинокля урской работы, принадлежавшего Дэйнелу, рассматривали стадо. Светлокожие, с выпуклыми глазами существа как будто пожирали мясо степного галлеитора, крупного длиннорогого животного, типичного для этой местности. Туша животного лежала на участке вытоптанной травы. Это зрелище поразило всех, кроме Дженин Уорли.

— Разве ты сам не сказал, что здесь можно выжить только так? Поедая мясо животных, которые могут есть это. — Она показала на степь, поросшую жесткой желтой травой. — Глейверы просто адаптировались к новому образу жизни. Разве и нам не это же придется делать?

В отличие от Дэйнела Озавы, который с печалью покорялся необходимости, участвуя в экспедиции, Дженин почти наслаждалась ею, особенно потому, что знала: эта экспедиция может способствовать сохранению человеческой расы на Джиджо. Видя фанатичный блеск в ее глазах, Двер чувствовал, что крепкая, с квадратной челюстью Лена Стронг ему ближе. По крайней мере Лена смотрит на все это так же, как он сам:

еще одно дело, которое необходимо выполнить в мире, равнодушном к любым их желаниям.

— Это… удивительно, — ответил Дэйнел, опуская бинокль. Выглядел он расстроенным. — Мне казалось, глейверы не могут есть красное мясо.

— Приспособляемость, — резко заметила Лена. — Один из показателей предразума. Может, это означает, что они на обратном пути, снова начали долгий подъем.

Дэйнел, казалось, серьезно отнесся к такой возможности.

— Так быстро? Но в таком случае я думаю… Может ли это значить…

Двер прервал его, прежде чем мудрец смог закончить свое философское рассуждение.

— Дайте мне. — Он взял увеличивающий прибор из стекла и стволов бу. — Скоро вернусь.

Пригибаясь, он двинулся вперед. Естественно, Грязнолапый увязался за ним, сначала пробежал вперед, потом стал кружить, изображая засады. Двер стиснул зубы, но решил не показывать зверю, что реагирует на его действия. *Не обращай внимания. Может, он уйдет.*

До сих пор не выходило. Дженин как будто очень нравилось считать Грязнолапого талисманом экспедиции. Дэйнела заинтересовала его

настойчивость. А Лена Стронг тоже проголосовала против, когда Двер хотел прогнать зверя. *Он почти ничего не весит,* сказала она. *Пусть едет на осле, пока сам добывает себе пищу и не попадается мне на пути.*

Нур так и делал: старательно избегал Лену, разрешал Дэйнелу разглядывать себя и довольно урчал, когда по вечерам Дженин гладила его у лагерного костра.

А по отношению ко мне он ведет себя так, словно мои желания его раздражают.

Пробираясь к вади, Двер мысленно отмечал характерные особенности местности, состояние хрусткой травы, непостоянство ветерка. Делал он это в силу профессиональной привычки, а также на случай, если когда-нибудь эти сведения пригодятся, если понадобится преследовать глейверов с наложенными на тетиву стрелами. Иронично, что это произойдет только в случае *хороших* новостей. Если придет сообщение, что на Склоне все в порядке, что чужаки улетели и предполагаемого геноцида не было, тогда эта экспедиция превратится в традиционную миссию сбора: милиция должна будет очистить весь этот район от всех глейверов и *людей,* предпочтительно путем пленения, но, если понадобится, то и

другими способами.

С другой стороны, если случится самое худшее и все Шесть рас будут уничтожены, их маленькая группа присоединится к семье Рети, к группе изменников, ушедших в дикую местность. Под руководством Дэйнела они смирят родичей Рети и создадут мудрые спокойные традиции, чтобы жить в гармонии со своим новым домом.

И одной из таких традиций станет запрет охотиться на глейверов ради пищи.

Именно эту ужасающую несовместимость Дверу принять было трудней всего. Впрочем, у него не было выбора. *Хорошие* новости сделают его массовым убийцей. Напротив, ужасные известия превратят его в доброго соседа глейверов и людей.

Долг и смерть с одной стороны. Смерть и долг — с другой, думал Двер. *Стоит ли этого выживание?*

На небольшом возвышении он поднес к глазам бинокль. Два семейства глейверов кормятся галлейтером, а остальные как будто наблюдают. Обычно такую аппетитную тушу быстро очистили бы до скелета — вначале лиггеры или другие крупные хищники, затем хикулы, мощные челюсти которых позволяют перемалывать кости, и

наконец птицы, известные просто как стервятники, хотя они совсем не похожи на рисунки таких птиц со Старой Земли.

И сейчас на периферии видно несколько хикулов. Один из глейверов бросил камень, и звери, питающиеся падалью, отступили.

Ага. Теперь понятно, как они это делают.

Глейверы нашли уникальную возможность выжить в этой степи. Не в состоянии переварить жесткую траву или бу, есть красное мясо, они используют туши мертвых животных, чтобы привлекать тучи *насекомых со* всей окружающей местности. Одни поедают этих насекомых, а другие в это время отгоняют конкурентов.

Глейверы наслаждались, поднося извивающихся насекомых к выпуклым глазам, потом сжимая их челюстями. Двер никогда не видел, чтобы глейверы действовали с таким… *энтузиазмом.* Они не бывают такими там, где их считают святыми придурками и позволяют рыться в помойках Шести.

Грязнолапый посмотрел в глаза Дверу, в его взгляде было отвращение.

Ифни, какие свиньи! Не напасть ли на них прямо сейчас? Прогнать их, босс. И вернуть к цивилизации, хотят они того или не хотят.

Двер сдержал свое воображение. Вероятно, нуру просто не понравился запах.

Но он все же негромко отругал Грязнолапого.

— Кто ты такой, чтобы находить других отвратительными, мистер-оближи-себя-с-ног-до-головы? Пошли. Расскажем остальным, что глейверы все же не стали хищниками. И нам нужно идти, если хотим оставить к вечеру эту траву за собой.

Аскс

Новое сообщение пришло с юга, от кузнеца из мастерской на горе Гуэнн.

Сообщение краткое и дошло с искажениями, потому что частично передавалось с горы на гору неопытными сигнальщиками, которые начали восстанавливать систему семафоров.

Очевидно, чужаки посещают рыбачьи деревушки и гнездовья красных квуэнов, всюду целенаправленно расспрашивая. Они даже опустились на воду далеко от берега и расспрашивали экипаж мусорного корабля, который возвращался домой после выполнения святой работы в Помойке. Очевидно, грабители считают себя вправе садиться повсюду и задавать нашим гражданам вопросы о “необычных зрелищах, странных существах или огнях в море”.

Нужно ли нам сочинить историю, мои кольца? Выдумать каких-нибудь страшных морских чудовищ, чтобы заинтересовать наших непрошеных гостей и, возможно, на какое-то время отсрочить свою судьбу?

И если мы это сделаем, как поступят они, когда узнают правду?

Ларк

Все утро Ларк работал с Линг. Он нервничал, и напряжение усиливалось из-за того, что он не должен был его показывать. Если повезет, скоро у него будет возможность все сделать. Но задача трудная. Необходимо шпионить по просьбе мудрецов и одновременно добывать информацию для собственных целей.

Расчет времени необыкновенно важен.

Палатка оценки кипит деятельностью. Половина павильона занята клетками, изготовленными ремесленниками-квуэнами из местного бу. В клетках образцы, привезенные со всей этой части Джиджо. Большой штат людей, уров и хунов постоянно следит за тем, чтобы животные были сыты, напоены и здоровы; несколько г'кеков проявляют необычные способности, заставляя животных проходить многочисленные лабиринты и выполнять другие тесты. Работают они под присмотром роботов, которые дают точные инструкции на "четком безупречном Галактическом два. Ларку ясно дали понять, что большое отличие — предложение работать *непосредственно* с одним из звездных людей.

Его вторая воздушная экспедиция оказалась еще более утомительна. Трехдневное путешествие началось с полета в море, совсем низко над синими глубинами Помойки, потом перелеты с острова на остров длинного, вытянутого вдоль берега архипелага. Там отловили множество разнообразных форм жизни, каких Ларк никогда раньше не видел. К его удивлению, полет оказался и гораздо более приятным, чем первый.

Прежде всего, Линг вела себя менее снисходительно: они уже какое-то время работали вместе и научились ценить мастерство друг друга. Больше того, Ларку было невероятно интересно наблюдать, как много достигла эволюция всего за миллион невозделанных лет. Каждый остров превратился в миниатюрный биологический реактор, порождающий замечательные вариации. Там водились нелетающие птицы, которые отказались от воздуха, и ползучие рептилоиды, которые, казалось, вот-вот отрастят крылья. Млекопитающие, волосы которых превратились в защитные роговые выросты, и зиллы, чья шкура из пушистого торга блестела такими цветами, которых никогда не увидишь у их невзрачных континентальных родичей. Только позже Двер догадался, что это разнообразие было заложено с

самого начала последними законными обитателями Джиджо. Наверно, буйуры засеяли каждый остров различным генетическим материалом, поставив очень длительный эксперимент.

Линг и Беш часто приходилось оттаскивать его, когда приходило время покидать район образцов, а Кунн в это время раздраженно бормотал у своей консоли: очевидно, он бывал доволен только в воздухе. При приземлении Ларк всегда первым бросался к люку. И на какое-то время дурные сны и предчувствия забылись за радостью открытий.

И все же, когда они возвращались домой — это был еще один неожиданный крюк над морем, — Ларк задумался. *Путешествие было замечательным, но зачем мы его проделали? Чего они надеются достичь? Еще* до того как люди покинули Землю, биологи знали: для развития высших форм жизни нужны большие пространства, предпочтительно континенты. Несмотря на обнаруженное на островах архипелага огромное разнообразие, здесь нет ни одного животного, которое звездные люди могли бы рассматривать как кандидата на возвышение.

Когда на следующее утро он присоединился к Линг, та объявила, что они снова будут анализировать горных животных — сразу после ланча.

Беш уже занялась интенсивным исследованием глейверов. Она явно радовалась возвращению к работе над своим лучшим проектом.

Глейверы. Парка поразила ирония происходящего. Но он не стал задавать вопросы, выигрывая время.

Наконец Линг отложила схему, над которой они работали — схема повторяла многие подобные, висящие на стенах его кабинета в деревне Доло, — и отвела Ларка к столу, где машины предлагали еду звездных людей. Здесь было очень светло, поэтому Ларк украдкой кивнул невысокому человеку, который чистил клетки животных. Светловолосый человек отошел к груде деревянных ящиков, в которых переносили корм для шумного зоопарка пойманных созданий.

Ларк сел с южного конца стола, так чтобы не закрывать от человека Линг, Беш и все, что за ними. Особенно Линг. Чтобы сработало, он должен как можно дольше удерживать ее на месте.

— Беш, кажется, считает, что вы нашли первоклассного кандидата.

— Ммм? — Темноглазая женщина подняла голову от сложной машины, предназначенной исключительно для производства одного напитка. Ларк попробовал этот горький напиток и

решил, что он назван подходяще — *кха-фе.*

– Что нашли? — Линг помешивала ложечкой горячий напиток, опираясь на край стола.

Ларк показал на предмет изучения Беш, довольно жующий жвачку. На его голове сложное устройство просеивало нейроны. Было большое возбуждение, когда Беш поклялась, что слышала, как глейвер “повторил” два слова. Сейчас Беш внимательно вглядывалась в микроскоп, легкими точными движениями рук направляя мозговой зонд. Сидела она совершенно неподвижно.

— Я думаю, глейверы — это то, что вы ищете, — продолжал Ларк.

Линг улыбнулась.

– Будем знать точнее, когда вернется наш корабль и мы сможем провести более глубокий анализ.

Краем глаза Ларк видел, как маленький человек открыл отверстие в одном из ящиков. Слегка блеснуло стекло.

— А когда вернется корабль? — спросил он, продолжая удерживать внимание Линг. Ее улыбка стала шире.

— Я бы хотела, чтобы меня перестали об этом спрашивать. Можно подумать, что у вас есть

причина этого опасаться. Какое вам дело до того, когда вернется корабль?

Ларк по-хунски надул щеки, но потом вспомнил, что для нее этот жест ничего не значит.

— Небольшое предупреждение было бы полезно, только и всего. Чтобы приготовить по-настоящему большой торт, нужно время.

Она усмехнулась — охотней, чем того заслуживает шутка. Ларк научился не сердиться каждый раз, как чувствовал, что к нему относятся покровительственно. И во всяком случае, Линг не будет смеяться, когда архивы вернувшегося корабля покажут, что глейверы, их главный кандидат на возвышение, когда-то уже были галактическими гражданами и, возможно, все еще летают где-то в захолустье космоса во второсортных кораблях.

Но найдутся ли эти сведения в записях на борту звездного крейсера? Согласно древнейшим свиткам, глейверы происходят от малоизвестной расы среди мириадов разумных кланов Пяти Галактик. Может быть, подобно г'кекам, они уже вымерли и их никто не помнит. И сведения можно найти только в холодных пространствах крупнейших секторных отделений Библиотеки.

Возможно, это и есть момент, предсказанный давным-давно сагой глейверов, задолго до

появления людей на Джиджо. Время, когда возвращенная невинность очистит их расу, искупит грехи и даст им драгоценный второй шанс. Новое начало.

Если так, то они заслуживают лучшей участи, чем быть принятыми шайкой воров.

– Предположим, они окажутся во всех отношениях подходящими. Вы заберете их с собой, когда улетите?

– Вероятно. Группу примерно в сто особей, способных размножаться.

Периферическим зрением он видел, как маленький человек закрывает объектив камеры. С довольной улыбкой Блур, портретист, небрежно поднял ящик и вынес наружу через задний клапан палатки. Ларк чувствовал, как спадает напряжение. На фото лицо Линг может быть слегка размытым, но одежда и тело получатся хорошо, несмотря на длительную выдержку. А если повезло, Беш, глейвер, робот и спящий горный житель все это время оставались неподвижными. Горный хребет, видный через входное отверстие, укажет место съемки и время года.

— А что с остальными? — спросил он, чувствуя облегчение оттого, что теперь можно думать лишь об одном.

— Что ты имеешь в виду?

— Что случится со всеми оставшимися глейверами? Ее темные глаза сузились.

— А что с ними может случиться?

— Действительно, что? — Ларк неловко поерзал. Мудрецы предупреждали, что нужно сохранять атмосферу напряженной двусмысленности, но не противиться откровенно планам чужаков. Но он уже выполнил просьбу мудрецов и помог Блуру. А Харуллен и остальные еретики тем временем вынуждают Л арка получать ответы. Они должны принять решение, помогать ли фанатикам в осуществлении их тайного плана.

— Тогда… остается вопрос о всех нас.

— О вас? — Линг подняла брови.

— О нас, Шести. Когда вы найдете то, что ищете, и улетите, — что будет с нами? Она застонала.

— Не могу сосчитать, сколько раз меня уже спрашивали об этом!

Ларк удивился.

— Кто?…

— А кто не спрашивал? — Она раздраженно перевела дыхание. — По крайней мере каждый пациент из тех, кого мы лечим в клинике, старается выведать, как мы *сделаем это.*

Что означает: мы собираемся убить все разум-

ные существа, когда улетим с планеты! Будем ли мы мягкими? Или смерть придет в виде огненных шаров с неба в день нашего отлета? Это повторяется так часто, что иногда мне хочется… Ах! — Она сжала кулак, и на ее обычно сдержанном спокойном лице отразилось раздражение.

Ларк помигал. Он собирался задать именно такие вопросы.

— Народ испуган, — начал он. — Логика ситуации…

— Да, да, знаю, — нетерпеливо прервала его Линг. — Если мы явились, чтобы украсть на Джиджо предразумные формы жизни, мы не можем оставлять свидетелей. И в особенности нельзя оставлять туземных представителей того вида, который мы крадем! Не понимаю, кто вам вбил в голову такие мысли?

Мы их получили из книг, едва не ответил Ларк. *И нас предупреждали предки.*

Но, действительно, можно ли доверять этим сведениям? Самые подробные указания погибли в огне вскоре после прилета людей. И разве не были люди в те дни новичками в галактике, испуганными почти до паранойи? И разве не самые параноидальные погрузились в “Обитель”, чтобы контрабандой проникнуть на запрещенную

планету и спрятаться на ней?

Может быть, опасность преувеличена?

— Серьезно, Ларк, почему мы должны бояться того, что скажет о нас кучка сунеров? Вероятность того, что в следующие сто тысяч лет на Джиджо явятся инспекторы Институтов, очень мала. А к тому времени, когда они явятся, если вы все еще будете здесь, наше посещение растворится в туманных легендах. Нам нет необходимости совершать геноцид — даже если бы мы смогли заставить себя совершить такой ужасный поступок.

Впервые Ларк заглянул за обычную маску сухой насмешливости Линг. Либо она искренне верит в свои слова, либо она очень искусная актриса.

— Как же вы надеетесь принять предразумные виды, найденные здесь? Вы ведь не сможете объявить, что взяли их на запретной планете?

– Наконец разумный вопрос. — Казалось, Линг испытывает облегчение. — Признаю, это будет нелегко. Их нужно для начала поместить в экосистему со всеми необходимыми симбионтами и другими свидетельствами того, что они здесь находятся давно. Потом придется немного подождать…

— Миллион лет?

Линг снова слегка улыбнулась.

— Не так долго. У нас есть ряд преимуществ. Одно из них — на большинстве планет биоархивы представляют собой мешанину филогенетических аномалий. Несмотря на правила, запрещающие вредные скрещивания, каждый раз как новый звездный клан выигрывает право на планету, он неизбежно завозит свои любимые растения и животных вместе с многочисленными паразитами и прочими нахлебниками. Возьмем, например, глейверов. — Она кивнула. — Я уверена, мы найдем место, где в прошлом были аналогичные гены.

Теперь настала очередь Ларка бегло улыбнуться. *Вы и половины всего не знаете.*

– Так что видишь, — продолжала Линг, — не важно, останется ли местное население на Джиджо, если у нас будет время модифицировать найденное поголовье, искусно увеличив очевидный уровень генетических расхождений. И это все равно произойдет, когда мы начнем процесс возвышения.

Итак, понял Ларк, *даже если грабители найдут глейверов неподходящими, у них будет несколько других перспективных видов и они все равно останутся с прибылью.*

Больше того, они совершенно в себе уверены и не видят в своем поведении ничего преступного.

— А другие преимущества? — спросил он.

— А вот это уже настоящая тайна. — Глаза женщины блеснули. — Видишь ли, все дело в *мастерстве.*

– В мастерстве?

— Со стороны наших благословенных патронов. — Теперь в ее голове звучали почтительные нотки. — Понимаешь, ротены большие мастера в таких делах. И доказательством их величайшего успеха является человеческая раса.

Вот оно опять, упоминание о таинственном клане, к которому с такой преданностью относятся Линг, Ранн и все остальные. В этом пункте звездные люди становились скрытными. Линг даже ясно дала понять, что ротены — не настоящее имя. Но со временем она и остальные становились разговорчивей, словно не могли сдержать свою гордость.

Или не боятся, что их рассказ распространится.

— Представь себе, они сумели возвысить человечество в полной тайне, тонко изменив все записи в Институте Миграции, так что наша родина, Земля, оставалась нетронутой в своем статусе невозделанной планеты невероятно

долго — *полмиллиарда* лет! Их мягкое руководство оставалось незамеченным даже нашими предками, которые верили в фантастическую, но полезную иллюзию, будто возвысились самостоятельно!

— Поразительно, — согласился Ларк. Он никогда не видел Линг такой оживленной. Ему хотелось спросить: *Но как это стало возможно!* Но это значило бы, что он сомневается, а Ларк хотел, чтобы ее открытость сохранилась. — Конечно, самовозвышение невозможно, — подтолкнул он.

— Абсолютно. Это известно с легендарных дней прародителей. Эволюция может подвести вид к предразуму, но для последнего прыжка нужна помощь другой расы, которая его уже совершила. Такой принцип обязателен для всех кислорододышащих рас Пяти Галактик.

— А почему наши предки верили в то, что возвысились

сами?

— О, наиболее проницательные всегда подозревали, что нам помогли извне. Это объясняет основы всех религий. Но истинный источник нашего дара разумности оставался неизвестным, пока нас вели невидимые руки. Только даникиты — ранние предшественники нашей группы

— знали эту тайну.

— Но Тергенский совет.

— Террагентский совет. — Ее голос был полон презрения. — Эти идиоты, которые правили Землей и ее колониями все опасные годы? Их упрямство не имеет значения. Даже безумный полет “Стремительного”, попытка отправить половину фанатиков во вселенную, жаждущую крови землян, даже это кончилось благополучно, вопреки террагентским придуркам. Об этом позаботились ротены. Так что не волнуйся.

Ларк не волновался. Не в таком масштабе, в котором она мыслила. И не до этого момента. Но теперь ее слова не показались ему обнадеживающими.

Из других разговоров с небесными людьми, даникитами, мудрецы уже уловили намеки на какой-то серьезный кризис, разразившийся в Пяти Галактиках. Возможно, это даже объясняет, почему генные грабители оказались здесь именно сейчас: они воспользовались сумятицей, чтобы заняться своим делом.

Но как слабый клан землян мог вызвать такое волнение? удивлялся Ларк.

С некоторым усилием он отодвинул эту мысль в сторону: сейчас есть более настоятельные про-

блемы.

— А когда ротены открыли правду вам… даникитам?

— Гораздо раньше, чем ты мог бы подумать, Ларк. Еще до того, как твои предки вылетели в разваливающемся корабле в безумной попытке поселиться на этой планете. Вскоре после того как человечество вышло в космос, ротены избрали несколько мужчин и женщин, чтобы сообщить им слово. Это были те, кто уже верил и бодрствовал. Некоторые из них остались на Земле, чтобы тайно руководить расой, другие получили право жить с ротенами в славе, помогая им в их работе.

— А что это за работа?

У Линг было такое выражение, которое Ларк видел иногда на лицах тех, кто возвращается из паломничества к Яйцу в тех благословенных случаях, когда Яйцо издает святую музыку. Выражение человека, испытавшего нечто величественное.

— Конечно, спасать других. И заботиться о будущем. Ларк решил, что она совершенно погружается в мистику.

— А мы встретимся с ротенами?

Пока она размышляла о просторах простран-

ства и времени, взгляд ее был рассеянным. Теперь он снова стал сосредоточенным, глаза женщины жестко блеснули.

– Если повезет, возможно. Вообще некоторым из вас повезет так, как вы и не мечтали.

Or намека, который он уловил в ее последних словах, у Ларка закружилась голова. Неужели то, что он заподозрил, правда?

Этим же вечером при свете свечи он еще раз проделал свои вычисления.

По самым точным нашим измерениям объем звездного корабля примерно полмиллиона кубических метров. Если сложить всех людей, как замороженную древесину, мы можем войти — при этом ни для чего другого места не останется.

Когда он в первый раз занялся такими вычислениями, у него была очень простая цель: он хотел прекратить слухи, ходившие среди молодых поселенцев уров и квуэнов, что люди скоро покинут Джиджо. Он показал, что самой молодой расе поселенцев физически невозможно бросить Общину, получив билет в небо. По крайней мере на этом одном корабле.

Но она сказала “некоторые из вас”…

Даже погрузив на борт сотни червей-уонк,

долгокрылых или глейверов, они все еще найдут место для нескольких родичей. Тех, кто оказался полезен.

Когда ему предлагают подкуп, Ларк понимает, что это такое.

Как ни осуждал он предков за то, что они решили сюда прилететь, Ларк любил эту планету. И если покинет ее, всегда будет скучать.

Но если бы дела обстояли по-другому, я бы, конечно, улетел. Да и кто не согласился бы?

Фанатики правы. В наши дни ни одному человеку нельзя полностью доверять. Каждый из нас может быть подкуплен предложением, которое даст ему возможность стать богом.

На самом деле он не знает, что собираются делать фанатики. Знает только, что они считают возможным действовать без совета или одобрения пришедших в смятение мудрецов. Конечно, среди заговорщиков есть и люди. Чего можно достичь без умений и знаний землян? Но во внутренний круг мужчины и женщины не допускаются.

Так что же я узнал?

Он посмотрел на чистый листок бумаги. Разумеется, у мудрецов и фанатиков есть и другие шпионы. Даже Харуллен должен подстрахо-

ваться. Тем не менее Ларк знал, что к его словам прислушиваются.

Если Линг говорит правду и фанатики ей поверят, они могут остановить подготовку своих планов. Какое им дело до нескольких глейверов или скальных жителей, которых увезут с планеты, если чужаки оставят нас в мире и мы будем жить как прежде?

Но что если Линг лжет? Фанатики упустят лучшую возможность для удара?

С другой стороны, никто не поверит Линг, а она говорит правду. Фанатики нападут, потерпят поражение и вызовут именно ту реакцию, которой опасались.

И противоположная крайность: некоторые из самых рьяных еретиков приветствуют собственное уничтожение вместе с гибелью всех Шести. Многие хуны и уры из общества Харуллена мечтают о таком великолепном конце: урские отступники — из-за своей горячей крови, хуны — именно потому, что они медлительны, но когда принимают решение, их ничто не остановит.

Если наши экстремисты поверят, что у группы Линг хватит решимости так поступить, они могут специально спровоцировать геноцид! Вопреки его призывам к Шести уступить право на

Джиджо с помощью консенсуса и контроля за рождаемостью.

А еще этот план шантажа чужаков. Ларк помог Блуру провести съемку скрытой камерой, но понимают ли мудрецы, как этот план может ударить по ним самим?

Неужели они считают, что им нечего терять?

Ларк потер щетинистый подбородок, чувствуя себя уставшим и старым. *Какую запутанную паутину мы плетем,* думал он. Облизнул кончик пера, окунул в чернильницу и принялся писать.

Незнакомец

В этом месте ему хочется смеяться. И плакать.

Так много книг — он даже вспомнил, каким словом они называются, — громоздятся вокруг, ряд за рядом, исчезая за углом или на извилистых рампах. Книг, переплетенных в кожу неведомых животных, заполняющих воздух странными запахами, особенно когда она перелистывает какой-нибудь том, наобум снятый с полки, и вдыхает запах бумаги и чернил.

Это зрелище что-то затрагивает в нем, вызывает воспоминания более эффективно, чем все остальное с того момента, как он пришел в сознание.

Неожиданно он вспоминает похожий книжный шкаф в его комнате, когда он был совсем молодым... и тут же вспоминается шорох переворачиваемых бумажных страниц, покрытых яркими картинками. Он вспоминает, что взрослые нечасто пользовались книгами. Взрослым нужны машины. Машины, которые разговаривают с вами быстрее, чем способен услышать ребенок, или направляют мерцающие лучи прямо

в зрачок, мгновенно наполняя сознание сведениями. Это одна из причин, почему он предпочитал прочные обещания бумаге: здесь любимый рассказ не рассеется как дым и не исчезнет, когда потемнеет информэкран.

Всплывает еще одно детское воспоминание — он держит мамину руку, и они идут по месту, полному важными занятыми людьми. Стены покрыты переплетенными томами, очень похожими на книги, которые окружают его сейчас. Большие книги без картинок, полные черных неподвижных точек. В этих книгах только слова, и больше ничего. Мать объясняет, что этими книгами больше никто не пользуется. Но они сохраняются как украшение многих самых священных и важных для людей мест.

Они напоминают… напоминают о чем-то, что он не может вспомнить. О чем-то очень важном. Это он помнит.

Он терпеливо ждет, пока две женщины: Сара и Ариана Фу — закончат свои дела и вернутся. А тем временем рисует на листкахзамечательной, почти светящейся бумаги, вначале подправляет рисунки, сделанные на борту парохода, потом пытается передать причудливую перспективу каменной пещеры, защищающей деревянные стро-

ения от неба. Крыша этой пещеры опирается на невероятные, массивные каменные столбы.

Теперь ему легче вспомнить некоторые имена, и он знает, что Прити приносит ему чашку воды, а потом проверяет, хорошо ли застегнута одежда. Ее руки словно пляшут перед ним, и он пытается сделать то же самое. И зачарованно смотрит, как пальцы движутся независимо от его воли или приказа. Смотреть на это было бы страшно... если бы Прити неожиданно не улыбнулась широко и не хлопнула его по колену, разразившись хриплым восторженным хохотом шимпанзе.

Он чувствует прилив радости: его шутка ей понравилась. Хотя в то же время испытывает легкое замешательство оттого, что руки не собираются и ему объяснять смысл этой шутки.

Ну, ну. Руки как будто знают, что делают, и он испытывает удовлетворение их работой. Теперь они снова берут карандаш, и он теряет ощущение времени, сосредоточившись на движениях карандаша, на переплетении линий и теней. Когда вернется Сара, он будет готов к тому, что будет дальше.

Может быть, ему даже удастся найти способ спасти ее и ее народ.

Может быть, именно это его руки сказали Прити совсем недавно.

Если это так, неудивительно, что маленький шимпанзе разразился сухим смехом, полным сомнения.

XVII. КНИГА МОРЯ

Если вам удастся пройти по тропе Избавления – быть принятыми снова и заново возвышенными, получить второй шанс, – это не будет означать конца ваших усилий.

Вначале вы должны будете проявить себя как благородные клиенты, послушные и преданные своим новым патронам, которые избавили вас.

Позже вы получите более высокий статус, увидите на горизонте проблески жизни, будете искать в других царствах, звать уставших и достойных.

Это и есть столбовой знак. Некоторые называют его – Соблазном, другие – Искушением.

Эпоха за эпохой старшие уходят в поисках троп, которых более молодые не могут увидеть.

И те, кто находит эти тропы, исчезают.

Одни называют это переходом. Другие – смертью.

Свиток Судьбы

Рассказ Олвина

Меня всегда удивляла одна особенность рассказов на англике или любом другом земном языке, которые я изучал. Как рассказчик удерживает напряженное внимание читателя.

О, некоторые авторы двадцатого и двадцать первого века отлично умели это делать. Бывало, что я не спал по три ночи подряд, читая какую-нибудь книгу Конрада или Кунина. И с тех пор как решил сам стать писателем, все думаю, как это им удавалось.

Возьмем, например, рассказ, который я пишу все последнее время, когда есть возможность полежать на жесткой палубе с блокнотом. Блокнот в уголках уже весь потрепался, я пишу в нем хунского размера буквы изжеванным карандашом, который сжимаю в кулаке. С самого начала я пишу “от первого лица” — как дневник — и пытаюсь использовать все хитроумные трюки, которые усвоил во время чтения за эти годы.

Почему от первого лица? Согласно “Правилам сочинения” Андерсона, такой способ позволяет легче представить читателю единую, цельную точку зрения, хотя, если мою книгу переведут на

язык треки, все придется поменять, чтобы они что-нибудь поняли.

Но проблема с первым лицом в рассказе вот в чем: идет ли дело о реальном случае или о вымысле, *вы знаете, что герой уцелел!*

И вот на протяжении всех событий, о которых я собираюсь вам рассказать, вы, те, кто читает мои воспоминания (если я сумею их переписать, попросить специалиста в человеческих языках исправить грамматику и заплатить за перепечатку), вы уже знаете, что я, Олвин Хф-уэйуо, сын Му-фаувка и Йофг-уэйуо, из порта Вуфон, бесстрашный исследователь, просто обязан выжить в том происшествии, которое начинаю описывать, сохранив по крайней мере один мозг, один глаз и одну руку, чтобы все это записать.

Несколько ночей я лежал без сна, пытаясь обойти эту проблему при помощи другого языка. Есть, например, Галсемь, но на нем не передашь события в прошедшем времени. А неопределенные склонения в буйурском диалекте Галтри такие необычные. Да и для кого я это пишу? Только Гек умеет читать на Галтри, а получить похвалу от Гек — все равно что поцеловать собственную сестру.

Итак, в тот момент, когда я прервал свой рас-

сказ, воды Трещины покрыты пеной. Острая тень Окончательной скалы разрезает океан в том месте, где по-прежнему извиваются трос и шланги, взбивая обычно спокойную поверхность. Они бьются с энергией, высвобожденной несколько мгновений назад в момент катастрофы.

Слишком легко представить себе, что происходит с “Мечтой Вуфона”, нашим маленьким кораблем, созданным для исследования огромных глубин внизу. Сам не желая этого, я представляю себе полую деревянную трубу, колеса ее бесцельно вращаются, выпуклый стеклянный нос лопнул, лодка погружается в бездонную пропасть, таща за собой обрывок троса, унося Зиза, маленькую неполную груду колец треки, к гибели вместе с собой.

И как будто этого недостаточно, мы не можем забыть вид Хуфу, нашего талисмана-нура, отброшенного раскачивающейся стрелой крана, кричащего и вращающегося в воздухе, пока крошечное животное не исчезает в голубых водах Трещины. Как мог бы сказать земной тезка Гек: “Зрелище было невеселое. Неудачная ставка”.

Долгое время все просто смотрели. Я хочу сказать, что еще мы могли сделать? Молчали даже протестанты из порта Вуфон и из Долины. Если

кто-то и радовался неудаче еретиков, то был достаточно благоразумен, чтобы не демонстрировать эту радость.

Мы все попятились от края обрыва. Какой смысл вглядываться в бархатно-гладкую могилу?

— Вытащить трос и шланг, — приказала Урдоннел. Вскоре барабаны начинают вращаться в противоположную сторону, сматывая то, что с такой надеждой разматывалось всего несколько дуров назад. Тот же хунский голос выкрикивает глубины, но на этот раз числа становятся все меньше и в горловом баритоне не слышно радостного энтузиазма. Наконец, при счете два с половиной кабельтовых, из воды показывается измочаленный конец троса. С него стекает вода, как жидкая лимфа из перерезанного щупальца треки. Те, кто вращает барабан, ускоряют свои движения: всем не терпится посмотреть, что случилось.

— Кислотный ожог! — пораженно восклицает Ур-ронн, когда перерезанный конец показывается на верху утеса. Ур-ронн в гневе кричит: — Саботаж!

Урдоннел не торопится с заключением, но продолжает поворачивать узкую голову как змея, от перегоревшего кабеля к толпе протестующих

на утесе, которые смотрят на нашу трагедию. Ясно, что у помощницы кузнеца те же страшные подозрения.

– Убирайтесь отсюда! — гневно кричит Гек, катясь к диссидентам и разбрасывая колесами гравий. Она едва не наезжает на ноги нескольких людей и хунов, которые нервно пятятся. Даже пара красных убирает бронированные ноги, отступая на один-два шага, хотя хрупкий г'кек не может быть угрозой для квуэна. Потом они снова движутся вперед с шипением и щелканьем.

Мы с Клешней бросаемся к Гек. Все могло бы кончиться плохо, но тут нам на помощь приходят могучие урские кузнецы с горы Гуэнн, размахивающие дубинками, готовые силой отстоять Гек. Толпа рассеивается, покидает рабочую площадку, направляясь к своему импровизированному лагерю.

— Ублюдки! — кричит им вслед Гек. — Джикии убийцы!

Не по закону, думаю я, все еще не оправившись от шока. Ни Хуфу, ни маленький Зиз, строго говоря, не являются гражданами Общины. Даже почетными, подобно глейверам или представителям видов, которым угрожает вымирание. Так что это не убийство.

Но, по моему представлению, достаточно близко к убийству. Я сжимаю кулаки, чувствуя, как наполняется тело боевыми гормонами. Гнев в хуне разгорается медленно, но, когда он вспыхнул, погасить его трудно. Мне неприятно вспоминать, что я тогда чувствовал, хотя мудрецы говорят: важно не то, что ты чувствуешь, а то, как ведешь себя в результате твоих чувств.

Никто не произнес ни слова. Какое-то время мы все пребываем в подавленном состоянии. Урдоннел и Ур-ронн спорят о том, какое послание нужно отправить Уриэль.

И тут от горя нас отрывает резкий пронзительный свист сзади, со стороны моря. Повернувшись, мы видим Клешню, который смело стоит на самом краю, выдувает воздух из щелей на трех ногах, в то же время подзывая нас двумя когтями.

— Смотрите-трите-трите! — запинается он. — Гек, Ол-вин, быстрей!

Позже Гек утверждала, что сразу поняла, что имеет в виду Клешня. Ретроспективно я понимаю, что это очевидно, но в то время я понятия не имел, что привело его в такое возбуждение. Добравшись до края, я мог только изумленно глядеть на то, что вырвалось из чрева Трещины.

Это наша лодка! Наша прекрасная “Мечта Вуфона” всплывает наверх и кажется такой мирной и спокойной в солнечных лучах. И на ее изогнутом верху видная черная маленькая фигура, мокрая и взъерошенная с носа до хвоста. И не нужно иметь зрение г'кека, чтобы понять, что наш нур не менее нас потрясен тем, что еще жив. До нас доносятся его слабые жалобы.

— Но как… — начала Урдоннел.

— Конечно! — прервала ее Ур-ронн. — Сброшен балласт! Я несколько раз мигнул.

— О, *балласт!* Хр-рм. Да, “Мечта” без него всплывает. Но на борту нет экипажа, некому дернуть рычаг. Разве что…

— Разве что это сделал Зиз! — кончила за меня Гек.

– *Неудовлетворительное объяснение,* — вставила на Галдва Урдоннел. — *Восемь кабельтовых (тяжелого, тянущего вниз) металлического троса отягощают наше приспособление для спуска под воду, и воздушного кармана внутри корабля было бы недостаточно.*

– Хр-рм, я понимаю, в чем разница, — сказал я, закрывая глаза руками. — Гек, а что это… что это за штука, окружающая лодку?

Снова наша подруга на колесах застыла на

краю обрыва, развела два глазных стебелька и для лучшей видимости выставила третий.

— Похоже на какой-то воздушный шар, Олвин. Вся “Мечта” окутана какой-то трубкой. Она круглая — Зиз!

Это совпадало с моей догадкой. Кольцо треки, раздутое до таких размеров, какие мы себе и представить не могли.

Все посмотрели на Тиуга, мастера смесей с горы Гуэнн. Треки полного размера вздрогнул и выпустил цветное облачко, от которого пахло разрядкой напряжения.

— Предосторожность. Я/мы предприняли ее, посоветовавшись с нашей госпожой Уриэль. Предохранитель на случай непредвиденного, оказавшийся очень эффективным.

Рад, что я/мы смогли вленировать успешно. Эти кольца и те, что внизу, предвидят предстоящее празднование. Скоро. Ретроспективно.

— Иными словами-вами, — прервал его Клешня, — перестаньте вести себя как стая слепых при дневном свете глейверов. Пошли, вытащим их назад-ад-ад!

XVIII. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Говорят, прошлые поколения интерпретировали Свитки совсем не так, как делаем сегодня мы в современной Общине.

Несомненно, каждая волна переселенцев вызывала на Склоне новый кризис веры, из которого наша вера выходила перестроенной, изменившейся.

Вначале вновь прибывшие короткое время обладали преимуществами, принеся с собой богоподобные орудия Пяти Галактик. Это преимущество сохранялось от нескольких месяцев до восьми лет. И помогало каждой расе заложить безопасный фундамент для потомков, как люди сделали в Библосе, хуны на острове Хауф, а г'кеки на горе Дуден.

Но каждый знал и свои недостатки: недостаточное для нормального развития население, неумение вести примитивное существование на неведомой планете. Даже высокомерные серые квуэны признали, что должны быть какие-то принципы или всегда будет угроза вендетты со стороны всего остального населения. Договор Изгнания установил правила контроля над рож-

даемостью, укрытия и сохранения дикой природы Джиджо, а также способы уничтожения отходов. Эти основные правила действуют и сегодня.

Легко забыть, что другие проблемы были решены только после упорной борьбы.

Например, жестокое сопротивление восстановлению металлургии урскими кузнецами лишь частично основывалось на стремлении квуэнов сохранить свою монополию на инструменты. Многие куны и треки искренне верили, что эти новшества святотатственны. И до сегодняшнего дня некоторые жители Склона не притрагиваются к орудиям изпереплавленной буйурской стали и не допускают их в свои дома и деревни, сколько бы раз мудрецы не провозглашали их безопасным.

Другой пережиток этих верований можно видеть в убеждениях пуритан, которые отвергают книги. Бумагу саму по себе вряд ли можно в чем-то обвинить: она хорошо разлагается и ее можно использовать для переписки Свитков. Тем не менее есть несогласное меньшинство, которое называет сокровища Библоса в лучшем случае данью тщеславию и препятствием для тех, кто пытается достичь блаженного невежества. В первые годы жизни людей на Джиджо эту веру

эксплуатировали уры и квуэны, враги людей, пока урские кузнецы не обнаружили, что изготовление шрифтов очень выгодно. После чего увлечение книгами беспрепятственно распространилось по всему Склону.

Любопытно, что и самый последний кризис веры почти не оставил никаких последствий. Если бы не письменные отчеты, трудно было бы поверить, что на Склоне многие со страхом и ненавистью встретили появление Святого Яйца. Однако в то время серьезно призывали гильдию взрывников уничтожить его! Разрушить камень-который-поет, чтобы он не выдал наше укрытие или, еще хуже, не отвлек Шесть от следования по тропе, избранной глейверами.

“То, чего нет в Свитках, не может быть священным”.

Таким всегда было кредо ортодоксов, с самого начала времен. Но нужно признать: в Свитках нет ничего даже отдаленно напоминающего Яйцо.

Рети

Темно, жарко, душно.

Пещера Рети не понравилась.

Должно быть, сердце так колотится от затхлого, пыльного воздуха. Или от болезненных царапин на ногах, после того как она от бокового входа в закрытой зарослями бу стене утеса сползла по извилистому туннелю в подземный грот.

А может, ее заставляют нервничать *фигуры* со всех сторон. Каждый раз когда Рети поворачивалась с масляной лампой в руке, с холодных неровных каменных мертвых стен наползали тени. А неслышный голос словно произносил: *Пока... ничего! Но настоящее чудовище ждет за следующим поворотом.*

Она стиснула зубы, отказываясь слушать. Всякий, кто скажет, что она струсила, солжет!

Разве трус пробирается ночью в такое темное место? Или делает то, что ему велят не делать все эти жирные большие вожди Шести?

Карман на поясе оттягивает тяжесть. Рети просунула в него руку, чтобы погладить скорчившееся существо.

— Молчи, йии. Это всего лишь большая яма

в земле.

К ней протянулась узкая голова на извилистой шее, в неярком свете лампы блеснули три глаза. Писклявый голос возразил:

– Йии молчит! темнота хорошо! на равнинах уры-мужчины любят прятаться в дырах, пока не найдут теплую жену!

– Ладно, ладно! Я не хотела…

– Йии поможет нервничающей жене!

– Это кого ты называешь неврничающей, ты, маленький…

Рети замолчала. Может, нужно дать йии почувствовать себя нужным, если это поможет ему контролировать его собственный страх.

– Оу! не так крепко! — крикнул самец, и от стен разлетелось эхо. Рети быстро отпустила его и погладила взъерошенную гриву.

— Прости. Послушай, мы уже близко, так что больше не разговаривай, ладно?

— Хорошо! Йии замолчит, жена тоже.

Рети поджала губы. Потом гнев перешел в неудержимый приступ смеха. Те, кто говорит, что урские самцы не умны, никогда не встречался с ее “мужем”. Йии в последние дни даже сменил акцент, подражая речевым привычкам Рети.

Она подняла лампу и продолжила пробираться

по извилистой пещере, окруженная необычными минеральными формациями, отражающими свет лампы бесчисленными сверкающими фасетами. Должно быть, это красивое зрелище, если бы она не была поглощена только одним. Надо вернуть себе кое-что. То, чем она уже владела — пусть недолго.

Мой билет с этого комка грязи.

Казалось, следы Рети — первые, которые появляются на этой пыли, что неудивительно: лишь у квуэнов да у немногих людей и уров есть склонность к путешествиям под землей, а она к этому меньшинству не принадлежит. Если повезет, этот туннель приведет в большую пещеру: она несколько раз видела, как в нее заходил Лестер Кембел. Ее основным занятием было следить за главным мудрецом-человеком и одновременно избегать группу раздраженных мужчин и женщин, которые хотели, чтобы она была их проводником в горах. Точно установив, где проводит Кембел вечера, она послала маленького йии на поиски в кустах, и он нашел это боковое отверстие, которое позволяло обойти главный охраняемый вход.

Малыш уже доказал свою полезность. К удивлению Рети, замужняя жизнь совсем не так уж

плоха, когда к ней привыкнешь.

Еще долго пришлось ползти и извиваться. Временами приходилось протискиваться или съезжать по узким трубам; йии начинал жаловаться, если она его сжимала. За пределами неяркого желтого пятна от лампы слышались негромкие звуки: это вода капает в подземные бассейны, медленно вырезая из внутренностей Джиджо скульптуры. На каждом шагу Рети приходилось преодолевать сжатие в груди, подавлять воображение, которое рисовало ее во внутренностях какого-то гигантского спящего хищника. Каменная матка угрожала зажать ее со всех сторон, закрыть выходы, а потом размолоть ее в пыль.

Скоро путь превратился в узкий горизонтальный зигзаг, тесный даже для нее. Рети послала йии разведывать коридор впереди, а сама поползла, толкая лампу перед собой.

Крошечные копыта йии стучали по песчаному известняку. Вскоре она услышала знакомый хриплый шепот.

– Хорошо! Впереди отверстие, немного еще, пошли, жена, быстрей!

Его выговор заставил ее гневно фыркнуть: не самая лучшая мысль, когда щека, нос и рот каса-

ются влажной пыли. Собираясь для следующего поворота, Рети неожиданно ощутила, что стены движутся!

Она вспомнила, что говорил Двер, когда вел ее к Поляне мимо парящих серных отверстий. Ларк назвал это страной землетрясений, и казалось, он считает правильными эти движения поверхности.

С трудом поворачиваясь, она почувствовала, что ее зажало в узком проходе.

Я застряла!

Рети забилась, болезненно ушибла колено, застонала. Мир смыкается вокруг нее!

Она ударилась головой о камень, и от боли у нее помутилось в глазах. Лампа выпала из руки и едва не опрокинулась.

– Спокойно, жена, стой! Оставайся на месте!

Слова отскочили от искаженного зеркала ее паники. Рети продолжала упрямо дергаться, она стонала, отталкиваясь от холодного камня, пока…

Неожиданно что-то внутри нее щелкнуло. Она обвисла, сдаваясь, позволяя горе делать с ней все, что вздумается.

И как только она отказалась от борьбы, стены чудесным образом перестали двигаться. Или это

она все время двигалась?

– Теперь лучше? Хорошо-хорошо. Теперь передвинь левую ногу… левую! Хорошо, теперь остановись. Ладно, повернись в другую сторону, хо-о-орошая жена!

Этот тоненький голосок был словно линией жизни, за который она цеплялась несколько дуров — целую вечность, — сколько потребовалось, чтобы высвободиться. Но вот наконец коридор расширился, и она съехала на груду песка. Чувство было такое, словно она родилась заново.

А когда подняла голову, перед ней йии в обеих руках держал лампу, сгибая передние ноги.

– Хорошая смелая жена! Нет такой жены, как удивительная жена йии!

На этот раз Рети не смогла сдержаться. Она обеими руками прикрыла рот, но смех все равно полетел к извилистым стенам. И, отразившись от сталактитов, вернулся к ней сотнями эхо, полных радости жизни.

Мудрец разглядывал *ее* птицу.

Он смотрел на нее, что-то записывал в блокноте, потом ковырялся каким-то блестящим инструментом.

Рети кипела от гнева. Эта золотисто-зеленая машина принадлежит ей. Ей! Она гналась за ней

с южных болот до самого Риммера, спасла из паутины алчного мульк-паука, завоевала своим потом, страданиями и мечтами. Она должна выбирать, кто будет ее изучать! Если вообще позволит кому-нибудь это.

И чего пытается добиться этот дикарский шаман со своими грубыми стеклянными линзами и всем прочим? Инструменты, лежащие рядом с птицей, произвели бы впечатление на прежнюю Рети, которая считала таким замечательным оружием охотничий лук Двера. Но все изменилось после встречи с Беш, Ранном и другими звездными людьми. Теперь она знает: несмотря на всю свою напыщенность, Лестер Кембел все равно что Джесс, или Бом, или любой другой идиот из Серых холмов. Все они глупые хвастуны. Грабители. Отнимают то, что им не принадлежит.

А Кембел в ярком свете масляной лампы с зеркалами листал книгу. Ее страницы хрустели, словно их давно никто не переворачивал. Со своего места, высоко на неровной стене пещеры, Рети не могла многого разглядеть. Да она все равно не умеет читать. Большинство страниц как будто покрыто рисунками со множеством пересекающихся линий. Ничего похожего на птицу.

Давай, йии, тревожно думала она. *Я на тебя*

рассчитываю.

Она очень рискует. Малыш-самец заверил ее, что справится, но что, если он заблудится, пробираясь с другой стороны? Или забудет свои слова? Рети будет вне себя от ярости, если малышу причинят вред.

Помощник Кембела встал и вышел из помещения, вероятно, получив какое-то задание, или вообще пошел спать. Сейчас самое подходящее время. *Давай, йии!*

После долгого пути по темным извилистым коридорам в постоянном страхе погасить лампу Рети показалось, что здесь слишком светло. Глаза ее не выдерживали. Проползая последние метры, она неохотно задула свою лампу, чтобы не привлекать внимание. И теперь пожалела об этом. *Что, если придется возвращаться тем же путем?* Добровольно она ни за что не пойдет назад. Но если не будет другого выхода, если за ней погонятся…

Плохо, что нельзя снова зажечь лампу. *Наверно, следовало научиться пользоваться этими “спичками”, которыми так гордятся* слоям. Она слишком полна была страхом, чтобы слушать, когда вначале Двер, а потом Ур-джа пытались показать ей, как обращаться со спичками. Конеч-

но, виноваты Джесс и Бом: они не терпели, когда женщины самостоятельно разжигали костер.

Но огонь очень хорош, чтобы пугать или уродовать женщин, верно? гневно думала она, притрагиваясь к лицу. *Когда-нибудь я вернусь, Джесс. И, может, у меня будет совсем другой огонь.*

Рети погрузилась в свою любимую фантазию. Она улетает со звездными людьми на их родную звезду. О, вначале она будет чем-то вроде домашнего животного или талисмана. Но дайте ей только время! Она будет учиться, а потом станет такой важной…

Такой важной, что какой-нибудь великий принц ротенов даст ей корабль — целый *флот,* — чтобы вернуться на Джиджо.

Интересно будет посмотреть на наглое красивое лицо Джесса, когда небо над Серыми холмами среди дня потемнеет и сверху прогремят ее слова…

– *Ты мудрый мистер человек сэр?*

Тонкий голос вернул ее к настоящему. Она посмотрела вниз — и увидела йии, который нервно притопывал у ножки стула Кембела.

– Хм? Кто это? — спросил Кембел. Йии отскочил: мудрец, удивленно оглядываясь, отодвинул стул.

— послание для мудрого человека! послание от мудрой бабушки уров Ур-Джа!

Теперь Кембел посмотрел вниз, вначале удивленно, потом заинтересованно.

— Да, малыш? А как тебе удалось миновать стражника?

— стражник ждет опасности, он смотрит мимо йии. разве йии опасен?

Маленький ур рассмеялся, подражая нервному смеху Рети. Она надеялась, что Кембел не заметит сходства.

Мудрец серьезно кивнул.

— Да, конечно. Если только кто-нибудь тебя не рассердит, друг мой, чего я постараюсь не делать. Так что же это за послание в такое время?

Копыта йии плясали, он драматично поднял руки.

— срочный разговор-разговор, посмотришь на мертвую птицу позже! иди к Ур-Джа! сейчас-сейчас!

Рети опасалась, что его настойчивость вызовет подозрения. Но лысеющий человек сразу отложил свои инструменты и встал.

— Ладно, тогда пошли.

Надежды Рети взвились к небу и снова упали, когда Кембел взял в обе руки птицу.

Нет! Положи ее на место!

Словно услышав ее напряженный мысленный призыв, мудрец остановился, покачал головой и снова положил машину, взяв вместо нее блокнот.

— Веди, Макдуф! — обратился он к йии, взмахнув рукой.

— что сказал великий мудрец? Маленький ур наклонил голову.

— Я сказал… не важно. Не очень ясная аллюзия. Наверно, я просто устал. Понести тебя, сэр?

– *Нет! Йии поведет мудрого человека. Сюда! Сюда!* — И он поскакал вперед, нетерпеливо оглядываясь на медлительного мудреца.

Когда оба исчезли в туннеле, ведущем к главному входу, Рети не стала тратить времени, она просто соскользнула по

неровной стене на пол пещеры-лаборатории. Вскочила и поспешила к столу, на котором лежала ее птица — безголовая с той самой схватки с роботом чужаков.

Грудь раскрыта, как у тушки на пиру, видны сверкающие, как драгоценности, внутренности. Ничего подобного Рети никогда не видела. *Что эта вонючка с ним сделал? Выпотрошил, как цыпленка!* Она пыталась сдержать приступ гнева.

Ранн не заплатит, если эти придурки испортили ее, порывшись внутри.

Она присмотрелась внимательней. Отверстие слишком ровное, чтобы быть вырезанным ножом. Когда она осторожно притронулась к грудной клетке птицы, та гладко повернулась вокруг места соединения — как дверца большого шкафа на петлях, который она однажды видела в медицинской палатке пришельцев.

Понятно. Она просто закрывается… вот так.

Она приподняла секцию, повернула, и та со щелчком захлопнулась.

Теперь Рети пожалела о своей торопливости. У нее может больше не быть возможностей заглянуть внутрь птицы. *Ну и ладно. Все равно это не мое дело,* подумала она, подбирая свою добычу. *Я и не делаю вид, что я нечто большее, чем сунер и дикарь.*

Но не навсегда. Как только улечу с Джиджо, я буду учиться. Я всему научусь!

Птица тяжелей, чем она помнит. На мгновение сердце ее встрепенулось. Она вернула себе сокровище! Рети затолкала птицу в сумку, не обращая внимания на разбросанные на столе книги, и заторопилось по тому же пути, по которому ушел Лестер Кембел, — широкому коридору, ведущему

во внешний мир.

Коридор был ярко освещен лампами, которые скобками были прикреплены к тонким трубкам бу. Языки пламени создавали бассейны странного голубого свечения, оставляя в промежутках тени. Тусклый свет приходил также из нескольких боковых помещений, по большей части пустых, потому что рабочие ушли на ночь. Но одна комната была ярко освещена. Прежде чем миновать ее, Рети осторожно осмотрела двух ее обитателей-людей, которые, к счастью, стояли спиной к ней и негромко разговаривали. На множестве мольбертов были рисунки звездных богов, их воздушной машины и других инструментов. На одном рисунке кубическая станция, которую Рети никогда не видела непогребенной, изображена во всех подробностях, более величественная, чем оставленные буйурами развалины. Но она казалась миниатюрной рядом с гигантской трубой, нарисованной на следующем листе. Труба плывет над лесом.

Мой звездный корабль, подумала девушка, хотя ее пугала мысль о необходимости подняться на борт этого корабля, когда он вернется за грабителями. Нужно не забыть в тот день держать подбородок высоко поднятым и не проявлять

страха.

Художники сумели передать отчужденный, с легкой улыбкой, взгляд Ранна, острый охотничий взгляд Кунна, когда он приспосабливал хватательный коготь к парящему роботу. Сосредоточенность бледной Беш уравновешивала полуциничную улыбку смуглой Линг. Рети знала, что это всего лишь рисунки, как те, которые выцарапывают старики на стенах зимней пещеры в Серых холмах. Тем не менее жизнеподобное сходство казалось пугающим и волшебным. *Слопи изучают звездных людей. Что бы это значило?*

Торопясь побыстрей уйти, Рети едва не споткнулась. *Что бы они ни планировали, ничего у них не выйдет.* Она решила думать только о необходимости уйти отсюда и вовремя явиться на свидание.

Стало менее затхло, резкие звуки эха смягчились. Скоро впереди послышались голоса… Лестер Кембел разговаривает с другим человеком. Рети на цыпочках подошла к следующему повороту и осторожно выглянула. Стал виден человек-мудрец, говорящий со стражником, который с раздражением смотрел на маленького йии.

— Осы тайны могут остановить самого ма-

ленького робота, — говорил Кембел. — Но как же насчет такого маленького приятеля?

— Честно, сэр, не понимаю, как он мог пройти…

Кембел взмахом руки прервал его оправдания.

— Ничего плохого на этот раз не произошло, сынок. Нас защищает их презрение: они уверены, что у нас не за чем шпионить. Но на будущее надо быть внимательней, ладно?

Он потрепал молодого человека по руке и повернул назад в пещеру, а йии заторопился наружу. Местность была ярко освещена луной, лучи которой пробивались сквозь ветви леса. Все еще в замешательстве, стражник стиснул зубы и крепче взялся за оружие — длинную палку с острым концом. Широко расставив ноги, он стоял в середине выходного отверстия. Когда шаги Кембела стихли, Рети досчитала до двадцати и начала действовать. Она спокойно направилась к молодому стражнику, который повернулся к ней, когда она подошла близко.

Рети улыбнулась и небрежно помахала рукой.

— Ну, на сегодня я все кончила. — Она зевнула, проходя мимо воина и ощущая его удивленную нерешительность. — Да, скажу тебе, эта наука — трудное дело. Ну, спокойной ночи!

Теперь она была снаружи, с радостью вдыхая свежий разреженный горный воздух и стараясь не переходить на бег. *Особенно* когда он крикнул:

— Эй, остановись!

Повернув голову, но продолжая идти по тропе, Рети еще на несколько секунд задержала его, широко улыбнувшись:

— Да? Тебе что-нибудь нужно?

— Что… кто ты такая?…

— Принесла кое-что мудрецу, — ответила она с обманчивой искренностью, похлопав себя по сумке и продолжая уходить.

Стражник двинулся к ней.

С радостным возгласом Рети повернулась и побежала в лес, зная, что теперь преследовать ее бесполезно. Он упустил свою возможность, вонючка!

Но все же она была рада, что он постарался.

Йии встретил ее в условленном месте, у длинного моста, на полпути от того дерева, возле которого ее будет ждать Ранн.

Увидев ее, маленький ур радостно закричал и, казалось, взлетел к ней на руки.

Но ему не понравилось, что, когда он попытался забраться в сумку, то увидел, что она занята

каким-то жестким холодным предметом. Рети укутала его в свою куртку, и немного погодя он, по-видимому, счел это приемлемым.

– Йии говорит жене. Йии видит…

– Мы это сделали! — воскликнула Рети, не в силах сдержать радость от столь удачно закончившегося приключения. С отличным окончанием — бегством по лесу. Она бежала легко, весело, оставив этого рослого осла спотыкаться в темноте, обошла шумного стражника и миновала прямо у него под носом на пути к Поляне.

— Ты тоже был хорош, — сказала она йии, делясь с ним достижением. — Без тебя мне было бы труднее это сделать. — Она прижала к себе маленькое тело, и он стал жаловаться короткими вскриками. — А тебе трудно было уходить от Кембела?

– Мудрый человек не проблема, йии хорошо знает выход. Но потом…

– Ну, теперь все кончено. Пора идти. Если Ранну придется ждать, он может быть не в таком хорошем настроении, как…

– Но потом йии по пути к жене увидел кое-что! Целое стадо уров… квуэнов… хунов… людей… все украдкой шли в темноте и несли ящики!

Рети торопливо шла по тропе к месту встречи.

— Хм? Правда? Наверно, глупые пилигримы по пути к большому камню, который они считают богом. — Теперь она презирала сунеров, населяющих эту планету. Для нее все эти разговоры о знаменитом “Яйце”, которые она слышала от слопи, еще одна разновидность страшных историй на ночь, как сказки о призраках, огромных зверях и духах глейверов, которые рассказывают у костра в Серых холмах, особенно с тех пор, как главными стали Джесс и Бом. Когда наступали трудные времена, охотники весь вечер могли спорить, почему рассердились хищники и как их смягчить.

— Стадо шло не к святому камню, — возразил йии. — В другую сторону. И никаких белых одеяний, никаких песен! Они только крались, крались с ящиками к другой пещере!

Рети едва не заинтересовалась: йии кажется, что это важно.

Но туг тропа повернула к небольшой долине, в которой живут звездные люди. Луна осветила павильоны, которые в этой причудливой яркости кажутся менее замаскированными.

С запада донеслось негромкое гудение, что-то сверкающее привлекло внимание девушки, и она увидела, как с неба опускается капля, складывая

на лету два тонких крыла. Рети с дрожью узнала летающую лодку грабителей, возвращающуюся с еще одной загадочной экспедиции. Она, застыв, смотрела, как прекрасная машина изящно садится на дно долины. Открылось отверстие. Рети охватило возбуждение, сердце ее словно полетело.

— Тише, муж, — сказала она йии, который жаловался на то, что о нем забыли. — Нам предстоит немного поторговаться. Посмотрим, выполняют ли они свои обещания.

Аскс

Мои кольца, вам не нужна информация моего слабо сфокусированного разума. Вы и сами это чувствуете, глубоко в самой сердцевине каждого маслянистого тора.

Яйцо. Медленно, словно приходя в себя из глубокого беспамятства, оно просыпается!

Может, Община теперь снова исполнится дружелюбием, единством духа, той решимостью, которая когда-то объединяла нашу коллективную волю.

О, да будет так!

Мы так разделены, так далеки от готовности. Так далеки от достоинства.

О, да будет так.

Сара

Стеллажи заражены полирующими жуками, а музыкальные залы полны голодными кусающимися попугайскими мухами, но шимпы из обслуживающего персонала слишком заняты, чтобы выкуривать этих паразитов.

Отдыхая в западном атриуме, Сара наблюдала, как несколько волосатых работников помогали человеку-библиотекарю упаковывать бесценные тома в выложенные шерстью ящики, затем запечатывать их каплями воска с большой красной свечи. Кусочки воска прилипали к спутанной шерсти шимпов, и они украдкой жаловались друг другу на языке жестов.

– *Это неправильно,* — перевела Сара жесты и хриплые покашливания одного из работников. — *В этой неподобающей спешке мы делаем достойные сожаления ошибки.*

Второй ответил:

– *Как это справедливо, мой сотоварищ! Этот том Одена не должен находиться среди греческой классики! Когда этот кризис кончится, что неизбежно, мы никогда не сумеем правильно расставить книги по полкам.*

Что ж, возможно, она была слишком щедра в своем переводе. Однако шимпы, работающие в этих священных залах, особое племя. Они почти такие же особенные, как Прити.

Над головой простирался атриум литературы, пересеченный мостиками и рампами, соединяющими читальные залы и галереи, уставленные полками, которые стонут под тяжестью книг, поглощающих звуки и испускающих запахи чернил, бумаги, мудрости и пыльного времени. Недели лихорадочной эвакуации, многочисленные караваны ослов, ушедшие в тайные пещеры, — все это заметно не уменьшило количество книг, полки по-прежнему забиты текстами всех цветов и размеров.

Мудрец Пловов называет этот зал, отведенный *легендам, волшебству* и *вымыслам*, Домом Обманов. Однако Сара всегда считала его менее подверженным гнету времени, чем залы, посвященные науке. В конце концов, что дикари Джиджо могут добавить к горам фактов, оставленных здесь богоподобными предками. А ведь говорят, что эта гора — словно песчинка по сравнению с Великой Галактической Библиотекой. Но то, что собрано в этом зале, не боится опровержения со стороны древней мудрости. Хороший

или плохой, великий или достойный забвения, ни один литературный труд не является доказуемо "ложным".

Пловов говорил: *"Легко быть оригинальным, если тебе не нужно заботиться о том, чтобы говорить правду. Волшебство и искусство основаны на эгоманиакальной уверенности в том, что художник прав, а вселенная ошибается".*

Конечно, соглашалась Сара. С другой стороны, она считала, что Пловов просто ревнует.

Когда люди появились на Джиджо, их влияние на остальные пять разумных рас можно сравнить с тем, которое испытала Земля при первой встрече с галактической культурой. После столетий использования всего нескольких свитков уры, г'кеки и остальные встретили поток бумажных книг подозрительно и в то же время с ненасытным аппетитом. В промежутках между короткими жестокими стычками разумные нелюди поглощали земные сказки, пьесы и романы. А когда писали собственные, то подражали земным формам. Серые квуэны воспроизводили эрзац-елизаветинские любовные драмы, а урские племена по-своему пересказывали легенды индейцев Северной Америки.

Однако позже начался расцвет новых стилей,

от героических приключений до эпических поэм, написанных в необычных размерах и ритмах, с использованием последних остатков порядка галактических диалектов Галсемь и даже Галдва. У печатников и переплетчиков заказов на новые произведения было не меньше, чем на переиздания. Ученые спорили о том, что все это значит. Начало ереси? Или освобождение духа?

Мало кто осмеливался воспользоваться термином “возрождение”.

И все это может закончиться в несколько дней или недель, мрачно рассуждала Сара. Новости с поляны, привезенные гребцом на каяке, который решился преодолеть пороги Бибура, свидетельствуют, что мрачные ожидания мудрецов, их оценки генных грабителей и их намерений не изменились.

Ну, Блур уже должен быть там. План Сары, возможно, не убедит небесных людей отказаться от геноцида, но в таком беспомощном положении, в котором оказались Шесть, хватаешься за все что угодно.

Включая безумный замысел Арианы. Даже если это жестоко.

Из помещения за Сарой послышался голос пожилой женщины-мудреца.

— Хорошо, дорогой. С этим ты достаточно поработал. Посмотрим, как тебе эта замечательная книга. Видел когда-нибудь такие символы и слова?

Сара со вздохом направилась в Детскую комнату.

Незнакомец сидел возле инвалидного кресла Арианы, окруженный множеством томов с яркими рисунками и простыми текстами, набранными крупным, легко различимым шрифтом. Хотя лицо его было изможденно, смуглый мужчина с готовностью взял еще одну книгу и провел пальцами по точкам, черточкам и кружкам учебника Галдва — букваря, предназначенного для самых молодых урских средних. Сара не удивилась, видя, как он поджал губы и прищелкнул языком, старательно изучая строчки. Он явно узнавал эти символы, но смысл фраз не понимал.

То же самое было с книгами на Галшесть, англике и Гал-семь. Сердце Сары разрывалось, когда она видела, как раздражение Незнакомца переходит в пытку. Наверно, только сейчас раненый начинал осознавать, что у него отнято. Что он навсегда утратил.

С другой стороны, Ариана Фу казалась очень довольной. Она улыбнулась Саре.

— Это не деревенщина из захолустья, — сказала пожилая женщина. — Образованный человек, знакомый со всеми языками, которые обычно используют Шесть. Если бы у нас было время, нужно было бы отвести его в Лингвистическое крыло и испробовать некоторые забытые диалекты! Решительным тестом был бы Галактический двенадцать. На Джиджо сегодня его знают только трое ученых.

— Но какой смысл? — спросила Сара. — Вы доказали свое предположение. Не оставить ли его в покое?

— Через минуту, дорогая. Одна-две книги, и закончим. Самое интересное я оставила напоследок.

Два библиотечных работника нервно наблюдали, как Ариана роется в груде книг рядом с креслом. Некоторые из этих книг бесценны. В их переплет вделаны кольца: обычно книги держат прикованными к полкам. Архивистам явно не нравилось, что эти сокровища отдают в руки бессловесному варвару.

Не желая смотреть, Сара отвернулась.

В Детском крыле было тихо, в нем всего несколько детей. Сюда приходят ученые, учителя и путешествующие библиотекари шести рас, что-

бы изучать, копировать или брать взаймы книги. Затем этот бесценный груз в повозках, лодках или на вьючных ослах расходится по всему Склону. Сара наблюдала, как самка красного квуэна старательно отбирает тяжелые, переплетенные в латунь альбомы, которые использует ее племя. Ей помогают два лорника, подготовленные как ее помощники и переворачиватели страниц. Один лорник смахнул полировочного жука, который полз по переплету, нервно натирая его брюшком, испуская тонкую пленку и при этом стирая часть названия. Никто не знает, какую функцию когда-то выполняли эти инсектоиды у улетевших буйуров, но сегодня они очень мешают.

Сара видела представителей всех рас. Это серьезные педагоги, которые не позволяют какому-то кризису вмешаться в выполнение ими главной задачи — обучения следующего поколения. За квуэном престарелый треки отбирал тома, специально обработанные, чтобы противиться жидкостям новых груд колец. Эта молодежь еще не умеет контролировать свои выделения.

Услышав низкий стон, Сара обернулась и увидела, что Незнакомец держит тонкую книгу, такую древнюю, что цвета ее потускнели и посерели. Смуглое лицо человека отражало противоречи-

вые чувства. У Сары не было времени прочесть название, она успела только заметить тощую черную кошачью фигуру на переплете в шляпе с красно-белыми полосами, похожей на дымовую трубу. И тут, к отчаянию библиотекарей, Незнакомец прижал книгу к груди и принялся раскачиваться с закрытыми глазами.

— Что-то из его детства, я уверена, — сказала Ариана, что-то записав в своем блокноте. — Согласно указателям, эта книга была очень популярна у детей на северо-западе земной цивилизации на протяжении целых трех столетий, так что мы можем предварительно локализовать его культурное происхождение…

— Как интересно. Ну, теперь вы закончили? — ядовито спросила Сара.

— Гм? О да. Вероятно. Пока. Пусть отдохнет, милая. Потом приведи его. Я буду в главном зале прослушивания. — С этими словами Ариана резко кивнула шимпу, который толкал ее кресло, и оставила Сару рядом с расстроенным Незнакомцем.

Он что-то бормотал про себя, как делал время от времени, повторял снова и снова какую-то короткую фразу. Что-то пробивалось, несмотря на повреждение мозга. В данном случае это была

явная бессмыслица, насыщенная глубокими эмоциями:

– *…амане у меня в кармане…* — снова и снова повторял он… *амане у меня в кармане…*

Сара мягко, но настойчиво взяла из его дрожащих рук древнюю книгу и вернула сокровище неодобрительно наблюдающим библиотекарям. Она терпеливо уговаривала раненого встать. Темные глаза были затуманены печалью, которую Сара могла понять. Она тоже потеряла нечто драгоценное для себя.

Только он оплакивал потерю самого себя.

У входа в помещение для прослушивания их встретили два ученых г'кека. Это врачи-исследователи, которые осматривали Незнакомца вскоре после его приезда в Библос. Один из них взял его за руку.

— Мудрец Фу хочет, чтобы ты наблюдала за обследованием из соседней комнаты. Это следующая дверь, — сказал второй. И указал одним глазным стебельком на дверь дальше по коридору. Незнакомец вопросительно взглянул на Сару, и она успокаивающе кивнула ему. От его доверчивой улыбки ей стало только хуже.

Комнату для наблюдений тускло освещал свет, пробивающийся через два круглых окна — две

безупречные стеклянные пластины с характерными стебельками посредине, — которые выходили в соседнее помещение. В нем можно было увидеть двух врачей г'кеков, сидящих вместе с Незнакомцем перед большим ящиком с ручкой с одной стороны и трубообразным рогом с другой.

— Заходи, милая. И, пожалуйста, закрой дверь.

Глазам Сары потребовалось несколько дуров, чтобы привыкнуть к полутьме и увидеть, кто сидит рядом с Арианой. А когда она это увидела, было уже поздно.

Присутствовала вся группа из города Тарека и еще два человека в одежде ученых. Конечно, у Ульгор и Блейда есть причины тут находиться. Блейд помог спасти Незнакомца в болотах, а Ульгор — почетный делегат деревни Доло. Даже у Джопа есть официальное право. Но зачем здесь взрывники Джома и Курт? Какое бы тайное дело их гильдии ни привело дядю с племянником сюда из Тарека, оба они следили за происходящим с напряженным вниманием, характерным для их семьи и ремесла.

Ученые-люди повернулись к ней.

Боннер и Теин — те самые, встречи с которыми она надеялась избежать в этом посещении.

Оба они встали.

Сара поколебалась, потом поклонилось в пояс.

— Мастера.

— Дорогая Сара, — вздохнул Боннер. Он опирался на палку больше, чем она помнила, когда в последний раз видела лысого тополога. — Как нам не хватало тебя в этих пыльных залах.

— А мне не хватало вас, мастер, — ответила она. удивленно сознавая, что сказала правду. Возможно, после смерти Джошу она отказалась не только от плохих но и от слишком многих добрых воспоминаний. Тепло руки старого ученого напомнило ей многие прогулки, обсуждения таинственных и бесконечно увлекательных законов *формы,* таких, которые могут быть описаны символами, но которые никогда не видели глаза человека.

— Пожалуйста, не зови меня больше мастером, — попросил он. — Ты теперь сама посвященная или скоро ею станешь. Идем, садись с нами, как в добрые старые времена.

Слишком похоже на старые времена, подумала Сара, встретившись с взглядом другого мудреца — математика. Высокий сребровласый алгебраист, казалось, не изменился, по-прежнему отчужденный, загадочный. Теин кивнул и назвал ее по имени, потом снова сел лицом к окнам. Как

обычно, он постарался сесть как можно дальше от присутствующих в помещении нелюдей.

Беспокойство, которое испытывает мудрец Теин в присутствии других рас, — не редкость. В каждой расе есть такое меньшинство. Это реакция на глубокие древние представления. Но важно то, как ты с этим справляешься, а Теин был безупречно вежлив с учеными урами или г'кеками, которые консультировались с ним по поводу биноминальной теоремы. Учитывая его чувства, хорошо, что ученый способен вести замкнутый образ жизни… такой же, какой Сара хотела и для себя

— пока приезжий переплетчик не принялся ухаживать за нею, наполнив сердце Сары неведомыми возможностями;

— пока она отчаянно не объявила коллегам, что отныне нашла новый предмет для изучения — лингвистику, подумать только;

— пока Джошу не заболел перечной оспой, пронесшейся по долине Бибура, эпидемией, которая обрушивается на жертву внезапно, и ей пришлось наблюдать, как другая женщина исполняет погребальные обряды, зная, что все смотрят на нее, ждут ее реакции;

— пока после похорон мудрец Теин не прибли-

зился к ней со своим строго формальным видом и не повторил своего предложения о браке;

– пока она спешно не сбежала из этого места, полного пыли и воспоминаний, не сбежала домой, в древесный дом, выходящий на большую плотину, где она родилась.

И вот все снова вернулось. Когда она подростком впервые явилась в Библос, Теин казался таким сурово прекрасным, таким величественным, он поражал воображение. Но с тех пор Сара изменилась. *Все* изменилось.

Неожиданно аристократически спокойные черты лица Теина исказились, он хлопнул себя по шее, потом разочарованно нахмурился, глядя на ладонь. Сара оглянулась на Боннера, который прошептал:

— Попугайские мухи. Такая помеха. Если такая заберется в ухо, помоги тебе Ифни. Я целую неделю слышал все повторяющимся, пока Ворджин не вытащил проклятую тварь.

Ариана Фу выразительно кашлянула, привлекая их внимание.

— Я уже объяснила остальным, Сара, что, по моему мнению, Незнакомец — человек со звезд. Дальнейшие исследования раскрывают природу его ранения.

Ее помощник шимп достал несколько листков бумаги со стилизованными рисунками человеческой головы в профиль, со стрелками и надписями в разных местах. Большинство слов были совершенно непонятны Саре, хотя Ларк, вероятно, нашел бы их знакомыми.

— Я вспомнила, что когда-то читала об этом, и сумела быстро найти ссылки. Похоже, что когда наши предки покидали Землю, там велись эксперименты по созданию прямого контакта между мозгом человека и компьютером.

Сара услышала откуда-то сзади удивленный возглас. Для большинства Шести слово “компьютер” таит в себе сверхъестественную силу. Экипажи всех крадущихся кораблей расплавили цифровые вычислительные машины вплоть до мельчайших деталей, прежде чем утопить звездные крейсеры в глубинах Помойки. Ничто иное не способно так выдать нелегальное присутствие разума на запретной планете.

Сара читала несколько ярких рассказов из земных дней, в которых автор в развитии сюжета использовать связь мозга с компьютером. Она всегда считала это метафорой, подобно легендам о людях, летающих на крыльях с приклеенными перьями. Но Ариана говорит, что когда-то к такой

возможности относились серьезно.

— На иллюстрации показано, какие участки мозга предполагалось снабдить нейроэлектронными контактами во времена отлета наших предков, — продолжала Ариана. — За три прошедших с тех пор столетия исследования, несомненно, продолжались. Я считаю, что Незнакомец располагал результатом этих исследований — отверстием, которое позволяло ему непосредственно связываться с компьютером и другими приборами. Это отверстие расположено у него над левым ухом.

Пришел черед Сары ахнуть.

— Значит, его… Ариана подняла руку.

— Можно предположить, что ожоги и меньшие повреждения возникли в результате аварийной посадки его корабля или летающей машины в Вечных болотах, недалеко от того места, где его нашла Сара с друзьями. Увы, это чудесное избавление от смерти отравлено неудачей: искусственный канал связи, прикрепленный к голове, был с силой вырван и унес с собой часть левого полушария мозга.

Мне нет надобности добавлять, что именно этот участок мозга человека руководит речью.

Сара могла только мигнуть. Через стекло она

видела, как человек, о котором говорит Ариана, с интересом наблюдает за тем, как врачи г'кеки готовят свои аппараты.

— Я бы решил, что такое повреждение убьет его, — сказал Боннер, выражая общее удивление.

— Действительно, его выздоровление кажется чудесным. Если бы он не был взрослым мужчиной, с жесткой синоптической структурой, возможно, он смог бы вернуть себе способность к речи с помощью полуспящего *правого* полушария, как иногда случается у женщин и детей после повреждения левой половины. Но в данном случае остается только возм… — Она замолчала, заметив помахивание глазного стебелька в соседнем помещении.

— Что ж, я вижу, наши добрые доктора готовы, так что давайте начнем.

Ариана открыла слуховое отверстие под ближайшим стеклом. В тот же момент Сара ощутила острый укол в бедро, а Теин снова хлопнул себя по шее.

— Проклятые паразиты! — пробормотал он и искоса взглянул на Сару. — Здесь не в одном только отношении все идет отвратительно!

Добрый старый жизнерадостный Теин, подумала она, сдерживаясь, чтобы самой не хлопнуть

себя по шее. Попугайские мухи обычно безвредны — это еще одна загадка, оставшаяся от времен буйуров. Кому нужен “симбиоз” с существом, которое присасывается к твоим венам и отплачивает тем, что повторяет все, что ты слышишь? Поистине эти буйуры были странными созданиями!

В соседней комнате один из врачей г'кеков раскрыл большой альбом, в котором находилось несколько десятков тонких черных дисков. Врач осторожно достал один из них и положил на круглую площадку, которая начала вращаться.

— Элементарное звукозаписывающее устройство, — объяснила Ульгор. — Легко сооружается из обломков металла и обрезков ву.

— Примитивная, но эффективная аналоговая система сохранения и воспроизведения, — разъяснил Теин.

— Безопасно нецифровая, — добавил Боннер.

— Да, — просвистел подтверждающе синий квуэн Блейд. — И я слышал, она проигрывает *музыку.* Своего рода.

Врач г'кек осторожно опускал деревянную арматуру, пока тонкая игла не коснулась края вертящегося диска. Почти немедленно из похожей на рог трубы послышалась негромкая

музыка. Странная *тонкая* мелодия, сопровождаемая легким потрескиванием. У Сары защекотало в корнях волос.

— Это оригинальные диски, — сказала Ариана Фу. — Они изготовлены колонистами с “Обители” одновременно с Великой Печатью. Сегодня только немногие специалисты проигрывают их. Земные формы музыки непопулярны в современной Общине, но я готова поручиться, что наш Незнакомец с этим не согласится.

Сара слышала о приспособлении, проигрывающем пластинки. Странно было слушать музыку без живых исполнителей. Почти так же странно, как сама музыка: ничего подобного она никогда не слышала. Сара сразу узнала некоторые инструменты: скрипки, барабаны, рога, что вполне естественно, так как струнные и духовые инструменты принесены на Джиджо землянами. Но сочетание нот необычно, и Сара вскоре поняла: то, что кажется странным, на самом деле *упорядоченность.*

Современный джиджоанский секстет предполагает слияние шести сольных исполнителей, все они спонтанно сливаются друг с другом. И главное волнение приносит ожидание непредсказуемого удачного слияния гармонии, возникающего и

исчезающего, как сама жизнь. И исполнение никогда не повторяется.

Но это чисто человеческая музыка. Сложные аккорды чередуются и вращаются в точно и строго дисциплинированной последовательности. *Как в науке, задача в том, чтобы сделать нечто повторяющимся, поддающимся проверке.*

Сара посмотрела на остальных. Ульгор казалась зачарованной, ее левая рука, та, которой держат струны виолы, дергалась. Блейд изумленно качал своим тяжелым панцирем, а молодой Джома, сидящий рядом с застывшим дядей, казалось, скучает.

Хотя она никогда ничего подобного не слышала, упорядоченные приливы гармонии показались ей невыразимо знакомыми. Ноты подобны… чему-то целому, а фразы как геометрические фигуры.

Какое еще нужно доказательство того, что музыка похожа на математику?

Незнакомец тоже реагировал на нее. Лицо его покраснело, в полузакрытых глазах было явное узнавание. Сара встревожилась. Слишком сильные эмоции могут превзойти силы этого человека.

— Ариана, к чему это все? — спросила она.

— Еще минуту, Сара. — Женщина-мудрец снова подняла руку. — Это была увертюра. А вот часть, которая нас интересует.

Откуда она знает? удивилась Сара. Очевидно, огромные эклектические познания Арианы включают даже старинные искусства.

И действительно, звуки музыки поднялись и смолкли. И вступил новый элемент — безошибочный звук человеческих голосов. Пропустив несколько первых строк, Сара наклонилась вперед, сосредоточившись на произносимых с необычным акцентом словах.

Сегодня у ученика пирата Кончается срок ученичества. Сильны его руки, остры его чувства, Он теперь поистине пират.

Услышанное произвело необыкновенное действие на Незнакомца. Он, дрожа, встал. Лицо исказилось: он не просто узнал строки, он был радостно изумлен.

И затем — к изумлению Сары и своему собственному — открыл рот и запел!

Наливайте, наливайте пирату шерри, Наполняйте, наполняйте его стакан. И чтоб все мы были веселы, Пустите стакан по кругу!

Сара тоже встала, изумленно глядя на него. Ариана Фу удовлетворенно вскрикнула.

— Ага! Удача с первой же попытки! Даже определив основы культуры, я думала, что придется сделать несколько попыток, прежде чем найдем то, что он узнает.

— Но его рана! — возразил Теин. — Я думал, вы говорили…

— Совершенно верно, — вмешался Боннер. — Если он не может говорить, как же он может петь?

— А, это. — Ариана небрежно отмахнулась от чуда. — Разные функции. Разные участки мозга. В медицинских архивах есть прецеденты. Мне говорили, что раз или два подобное наблюдалось даже на Джиджо.

Меня больше поражает устойчивость культуры, которую демонстрирует этот эксперимент. Прошло триста лет. Мне казалось, к этому времени галактические влияния подавят природные земные… — Пожилая женщина замолчала, словно поняв, что ушла в сторону. — Ну, не важно. Сейчас главное то, что наш инопланетный гость, кажется, в конце концов обрел способ общения.

Даже в полутьме было видно, что Ариана улыбается широко и очень довольно.

Сара прикоснулась рукой к стеклу, ощутила, как оно дрожит от музыки в соседнем помеще-

нии. Там началась новая песня. Темп замедлился, мелодия изменилась, хотя тема, очевидно, осталась прежней.

Она закрыла глаза и слушала, как радостно поет Незнакомец, перекрикивая запись в восторге от того, что его наконец слышат.

Вы уходите в мир обмана,
Где все пираты живут хорошо,
Но я буду верен своей песне,
Я буду жить и умру как король пиратов!

XIX. КНИГА МОРЯ

Говорят, некогда было семнадцать галактик, тесно связанных друг с другом туннелями сфокусированного времени. Один за другим эти хрупкие туннели прерывались; вселенная старела, щели ее расширялись, связь слабела. И Прародители знали только одиннадцать галактик. В последующие века отделились еще шесть, покинули своих далеких родичей, ушли, и судьба их неизвестна. Наши более близкие предки знали только пять галактик.

Что, если это произойдет снова, пока мы ищем избавления в этой невозделанной спирали? И придет ли за нами кто-нибудь, когда мы вернем себе невинность?

На нашем небе мы видим только одну галактику.

Свиток возможностей

Рассказ Олвина

Не хочу слишком подробно останавливаться на своей роли в последующем. Достаточно сказать, что как молодой хун-самец я казался наиболее подходящим, для того чтобы свисать с конца соединенного троса, сидя в импровизированной петле, пока команда опускает меня к темно-синим водам Трещины.

Когда меня опустили ниже края, я мог видеть над собой только несколько хунских и урских лиц и пару устремленных на меня г'кекских глазных стебельков. Но потом и они слились со скалами, и я остался один, вися, как приманка на длинной леске. Я пытался не смотреть в пропасть под собой, но вскоре порывы ветра начали раскачивать трос, напомнив о том, на какой тонкой нити я повис.

Во время одинокого спуска у меня было достаточно времени, чтобы спросить у самого себя: *“И что только я здесь делаю?”*

Это что-то вроде *мантры* (если я правильно припоминаю слово, потому что в этом холодном страшном спуске со мной не было словаря). Повторяемая часто, фраза вскоре утратила свой

смысл и приобрела приятную мелодичность. И на полпути вниз я напевал:

— И что только. Я здесь. Делаю!

Иными словами, дело делается, и делаю его я. Так почему бы не сделать его хорошо? Вполне хунская мысль, выраженная на англике.

Думаю, я неплохо поработал, успокаивая себя, потому что не запаниковал, когда меня опустили слишком низко. Мои волосатые ноги опустились в воду, прежде чем наверху нажали на тормоз и трос перестал опускаться. Переведя дыхание, я стал звать Хуфу, уговаривая ее плыть ко мне с “Мечты Вуфона”, которая была почти на расстоянии полета стрелы. Нужно было торопиться, потому что лодка медленно уплывала из спокойных вод под Окончательной скалой. Если она попадет в течение Трещины, мы ее больше никогда не увидим.

На этот раз Хуфу не заставила меня ждать. Нырнула и поплыла ко мне, как маленькая стремительная рыба. Очевидно, падение с утеса не причинило ей вреда.

Как это шутят насчет нуров? Если понадобится убить нура, потребуется кварта яда треки, когти квуэна, человеческая стрела и множество урских оскорблений. Предполагается при этом, что хун

вначале отвлечет нура первоклассным рычанием. И даже в этом случае не помешает г'кеку несколько раз проехаться по туловищу — для уверенности.

Ладно, это детская шутка, но в ней чувствуется уважение. И я не мог не посмеяться над ней, поджидая несокрушимую Хуфу. Наконец она вцепилась мне в ногу, вскарабкалась на руки, купаясь в моем счастливом ворчании. Я чувствовал, что она все еще испугана, потому что не пыталась изобразить равнодушие и скрыть, что рада встрече со мной.

Но времени не было. Как можно быстрее я закрепил на Хуфу прочную веревку и отправил назад в море.

План Урдоннел казался мне хорошим… конечно, *если* Хуфу поймет мои инструкции… *если* "Мечта Вуфона" уже не уплыла слишком далеко… если Хуфу сумеет прикрепить конец троса к специальному креплению лодки… *если* маленький треки Зиз сумеет еще немного продержаться в своей раздувшейся форме, выдерживая тяжесть… *если* соединенный трос выдержит тяжесть, когда все это будут вытаскивать наверх…

Слишком много если. Поэтому люди называют богиню удачи и перемен Ифни? Ее капризы

действительно подобны раскачиванию троса. Как с нами, когда в первый же день она обрушила на нас несчастья, а потом ее кость упала на противоположную сторону. На протяжении последующего напряженного мидура мы все волновались и гадали, как выпадет кость в следующий раз, пока наконец мы с Хуфу не оказались на верху холма, рядом с нашей прекрасной “Мечтой Вуфона”. С нас капала вода, и мы изумленно наблюдали, как Тиуг осторожно выпускает воздух из Зиза. Клешня и Гек бегали вокруг лодки, нервно осматривали ее в поисках повреждений, а Ур-ронн присматривала за тем, как вытягивают остатки троса.

Наконец оба разрезанных конца лежали рядом на камне, истрепанные и порванные.

— Этого больше не случится! — услышал я слова нашей урской подруги. Таким тоном ур делает предсказания, дает клятвы и обещает свернуть шею всякому, кто попытается сделать из него лжеца.

На следующий день вернулась Уриэль. Она прискакала в наш лагерь в сопровождении множества вооруженных помощников и целого каравана вьючных ослов. Она принесла с собой известие, которое пришло с севера по системе

семафоров и курьеров. Все это происходило на фоне сверкающего на небе над водами Трещины скопления Одуванчика. Ур-кузнец в одежде младшего мудреца кратко изложила все, что произошло на Собрании — появление не просто звездного корабля, но преступников со звезд, что в состоянии покончить с великим Миром, Общиной и, может быть, самим существованием всех членов Шести.

Я не видел, как реагировала Гек, когда Уриэль рассказывала, что г'кеки больше не существуют меж звезд, что последние уцелевшие их представители теперь дикари, прокладывающие примитивные тропы здесь, на Джиджо. Все мое внимание было привлечено к другим поразительным новостям.

Грабители оказались людьми!

Все знают, что земляне всего триста лет назад в глазах галактических кланов были немногим выше животных. Так почему именно земляне пытаются совершить подобное воровство на таком расстоянии?

Уриэль обратилась к нам на формальном Галдва, и я понял, что мыслю на этом же языке и смотрю на события так, как их видят галакты. Но когда я повторил этот вопрос на англике, все

выглядело совершенно по-иному.

Триста лет? Да это целая вечность! За это время люди от парусных кораблей перешли к первым звездным. А теперь — кто знает? Может, им теперь принадлежит половина вселенной!

Наверно, я все-таки начитался книг Дока Смита и “сокрушителя звезд” Фенга. Но если в тот вечер все на утесе сокрушались, что культурные и мудрые люди способны на такое, я в глубине души знал правду. Ту, что пронизывает всю земную литературу.

Пока существует их раса, в ней всегда встречаются волки.

Нас всех поразили слова Уриэль о том, что наш проект будет продолжен.

Слыша все эти разговоры о призыве милиции, восстановлении маскировки и необходимости сражаться с превосходящим противником, я ожидал, что кузнец прикажет немедленно возвращаться в Вуфон и на гору Гуэнн и работать на общее благо. Поэтому мы вздрогнули, услышав, что наш проект — эта наша глупая подводная экспедиция — очень важен.

Я даже так и сказал ей прямо.

— Зачем вы все это делаете? — спросил я на следующий день, когда Уриэль наблюдала за тем,

как команда меняет трос и шланги. — Разве у вас нет более важных забот?

Она вытянула вверх шею, и ее глаза без зрачков оказались почти на одном уровне с моими.

– А что, по-твоему, мы должны делать? Изготовлять оружие? Превратить наши горны в фабрику смерти? — Ее единственная ноздря раздулась, обнажив дрожащие мембраны, которые удерживают жидкость. Поэтому дыхание ура сухое, как ветер с равнины Острых Песков.

— Мы, уры, хорошо знакомы со смертью, молодой Хф-уэйуо. Слишком быстро она обжигает нам ноги и высушивает сумки с мужьями. Мы торопились к ней в схватках и войнах, словно это оправдывало наше поспешное стремление к смерти. Многие уры и сегодня с тоской вспоминают дни, когда люди выли нашими благородными врагами, когда герои скакали по прериям, безжалостно нападая на врагов.

— Я тоже слышу этот зов. И, подобно остальным, я ему противлюсь. Это век для героев иного типа, мой юный друг. Время воинов, которые *думают.*

Она снова занялась работой, обращая внимание на самые мелкие подробности. Ответ ее меня смутил и не удовлетворил… но в то же время, хо-

тя я сам не понимал почему, заставил гордиться чуть больше, чем раньше.

Потребовалось три дня на восстановление и тройную проверку всей системы. К этому времени состав зрителей изменился. Многие из тех, кто пришел первым, услышав слова Уриэль, заторопились домой. Одни должны были явиться по призыву в милицию, другие хотели совершить таинства, предписанные на такой случай древнейшими свитками. Многие, напротив, хотели уберечь свою собственность от преждевременного уничтожения фанатиками или просто в ожидании последних дней побыть с близкими.

Но их сменили другие, более рассерженные или испуганные тем, что видели. Только вчера на всем протяжении от порта Вуфон до залива Последнего Города видели узкое крылатое привидение — светлую летающую машину. Этот корабль повисал над бесполезными маскировочными решетками, словно говоря: *“Я вас вижу”*, — а потом возобновлял свой извилистый маршрут вначале над берегом, а потом в море.

Никому не надо было говорить: чего бы ни хотела от нас здесь Уриэль, времени на это почти не оставалось.

XX. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Первые расы сунеров явились на Джиджо, вооруженные разнообразными знаниями, но у них не было способов сохранить эти знания. Нам были известны названия многочисленных способов сохранения архивов в виде баз данных, запоминающих устройств и инфопыли, но все это должно было быть утопленным в пропасти.

Земляне обладали безопасным и совершенно оригинальным способом хранения информации. Бумага — размолотые древесные ткани с добавлением глины и животных продуктов — оказалась исключительно изобретением волчат. Но экипаж "Обители" покинул Землю так скоро после Контакта, что данные по галактологии, отраженные в Великой Печати, оказались разрозненными, особенно относительно других "сунерских инфекций" в различных районах Пяти галактик.

Поэтому трудно поместить нашу джиджоанскую Общину в перспективу. Насколько отличаемся мы от других случаев незаконного заселения невозделанных планет? Лучше ли проявили мы себя в минимизации причиненного ущерба? Каковы

наши шансы оставаться незамеченными? Какое наказание получали другие скваттеры, будучи пойманными? Насколько далеко по Тропе Избавления должна пройти раса, чтобы перестать быть преступной и стать благословенной?

Свитки предлагают руководство в этих вопросах. Но они не проливают свет на одну из величайших загадок.

Почему так много рас явилось на эту маленькую планету за такое короткое время?

По сравнению с полумиллионом лет, прошедших с отлета буйуров, две тысячи — незначительный промежуток. Больше того, существует множество невозделанных планет — почему именно Джиджо? На Джиджо множество мест — почему именно Склон?

На каждый вопрос есть ответ. Огромная испускающая углерод звезда Измунути начала засеивать окружающее пространство лишь несколько тысяч лет назад. Нам говорят, что это каким-то образом вывело из строя роботов-часовых, патрулирующих маршруты этой системы, и тем самым дало возможность пройти крадущимся кораблям. Есть также неясные намеки на то, что вскоре "время бедствий" охватит все Пять галактик. Что касается Склона, то

здесь богатая биосфера сочетается с активной вулканической деятельностью, и это обеспечивает уничтожение следов нашего пребывания без следа, словно мы никогда и не существовали.

Некоторых эти объяснения удовлетворяют. Но есть и такие, которые продолжают сомневаться.

Насколько мы уникальны?

На некоторых галактических языках такой вопрос невозможно даже сформулировать. В архивах за миллиард лет у всего можно отыскать прецедент. Оригинальность — это иллюзия. Все, что есть сейчас, когда-то уже было.

Возможно, это признак нашего низменного состояния сравнительно с нашими богоподобными предками, но мы не перестаем задавать себе вопрос.

Возможно, здесь происходит нечто необычное?

Спенсер Джонс. Проповедь Дня Высадки

Аскс

Самонадеянность глупа, учим мы, мудрецы. И во время этого величайшего нашего кризиса чужаки часто проявляют знания того, что мы считали надежно скрытым.

Должно ли это удивлять нас, мои кольца? Разве они не звездные боги из Пяти галактик?

Хуже того, разве мы оказались едины? Разве многие из Шести не поспешили торопливо воспользоваться своим правом на несогласие, вопреки нашим советам принимая подарки звездных людей? Некоторые просто исчезли, включая девушку-сунера, которая так рассердила Лестера своей неблагодарностью, осмелившись украдкой вернуть себе сокровище, которое принесла. Это сокровище чрезвычайно заинтересовало нашего мудреца-человека. Живет ли она сейчас в погребенной станции, и с ней обращаются, как г'кек со своим любимым зукиром? Или небесные преступники просто уничтожили ее, как треки избавляется от истраченной мульчи или как английские тираны избавлялись от предателей, которые сослужили свою службу?

Несмотря на множество известных им тайн,

грабители кажутся поразительно невежественными для небесных богов.

Это удивительно — и слегка утешительно. С такими мыслями рассматривали мы гордых, внушающих страх гостей, которые сегодня утром явились на совет мудрецов.

Мои кольца, сохранилось ли еще воспоминание об этом событии в ваших восковых сердечниках? Помните ли вы, как звездный человек Ранн высказал свою просьбу? Попросил, чтобы несколько членов их группы участвовало в нашем следующем соединении со Святым Яйцом?

Просьба была вежливой, но прозвучала как приказ.

Нам не следовало удивляться. Как могли чужаки не заметить происходящего?

Вначале заметная только для наиболее чувствительных дрожь усилилась и теперь заполняет весь этот уголок нашего мира:

— свивает туман и пар, поднимающийся от гейзеров и горячих источников;

— направляет пролетающие стада птиц;

— будит дремлющих реуков и в пещерах, и в наших сумках;

— и даже пронизывает мириадом синих оттенков небо.

— Мы много слышали о вашем священном камне, — сказал Ранн. — Его активность отразилась на наших чувствительных инструментах. Мы хотим своими глазами увидеть это чудо.

— Хорошо, — от лица всех Шести ответил Вуббен, свертывая все три глазных стебелька в знак согласия. А как мы могли отказать?

— Прошу сказать — сколько будет в вашей группе? Ранн, внушительный для человека, ростом с треки и широкоплечий, как молодой хун, снова поклонился.

— Нас будет трое. Я сам и Линг, которую вы знаете. А что касается третьего, то его досточтимое имя Роценн и вы должны понять, какую высокую честь вам оказывают. Наш господин должен встретить все подобающие проявления вежливости и уважения.

Мы, мудрецы, изумленно замигали и задергались глазами, визорами и зрительными пятнами. Все, кроме Лестера Кембела, который, стоя радом с нашей грудой колец, негромко произнес:

– Значит, под землей все-таки с ними есть проклятый даникит.

Люди удивительные существа, но нарушение Лестером правил вежливости так поразило наши кольца, что “я” был потрясен. Неужели он не

боится, что его услышат?

Очевидно, нет. Через наш реук я читал неприязненное отношение Лестера к человеку напротив него и к его словам.

А что касается остальных членов совета, то не нужен даже реук, чтобы уловить их *любопытство.*

Наконец мы встретимся с ротенами.

Ларк

Дорогая Сара.

Караван с твоим письмом добирался сюда долго из-за неприятностей на равнине. Но как приятно снова увидеть твои знакомые каракули и узнать, что у тебя все хорошо! И у отца тоже, когда ты виделась с ним в последний раз. В наши дни мало находится поводов для улыбки.

Я пишу торопливо в надежде успеть передать письмо с очередным смелым курьером на каяке, который направится вниз по Бибуру. Если письмо дойдет до Библоса до того, как ты оттуда уедешь, надеюсь, я смогу убедить тебя не приезжать сюда. Здесь положение очень напряженное. Помнишь истории, которые мы дома рассказывали друг другу о плотине? Так вот, я не спал бы сейчас в своем помещении на чердаке, если бы ты не учуяла запах дыма. Пожалуйста, оставайся в безопасном месте, пока мы не поймем, что происходит.

Как ты просила, я постарался расспросить о твоем загадочном Незнакомце. Очевидно, чужаки ищут кого-то или что-то и это не связано с их целью незаконного присвоения местного

перспективного вида для его возвышения. Не могу доказать, что твой загадочный раненый и есть цель их поисков, но готов поручиться, что он составляет важную часть общей картины.

Я могу ошибаться. Иногда я чувствую себя котенком, глядящим вверх и старающимся понять причину ссоры людей по тому, как вверху движутся тени.

О, могу себе представить, как ты сейчас выглядишь! Не волнуйся, я не сдаюсь! В сущности у меня есть другой ответ на вопрос, который ты всегда мне задаешь… Да, я встретил девушку. И нет, не думаю, чтобы ты ее одобрила. Не уверен, что ее одобряет и этот парень.

Иронически улыбаясь, Ларк закончил первую страницу письма и отложил перо. Подул на бумагу, достал переносной пресс и провел войлоком по все еще влажным чернильным строкам. Потом взял из кожаной папки новый лист, обмакнул перо в чашку с чернилами и продолжил.

Вместе с этим письмом посылаю оттиснутый вручную экземпляр последнего отчета мудрецов, который рассылают по всей Общине, плюс конфиденциальное приложение для Арианы Фу. Мы узнали кое-что новое, однако ничто не убеждает нас в безопасности выживания при возвраще-

нии корабля ротенов. Здесь Блур, и я помог ему осуществить твой замысел, хотя вижу потенциальные угрозы в предложенном тобой обращении с чужаками.

Ларк в нерешительности остановился. Даже такой завуалированный намек может оказаться слишком рискованным. В обычное время немыслимо, чтобы кто-нибудь заглядывал в чужую почту. Но во времена древних земных кризисов такое случалось, согласно историческим сведениям. Да и к чему волновать Сару? Чувствуя себя ни к чему не пригодным, Ларк смял второй листок и начал заново.

Пожалуйста, передай мудрецу Фу, что дочь Курта Шерл прибыла благополучно вместе с Б-ром, чья работа осуществляется так, как можно было пожелать.

Тем временем я занимался другими твоими просьбами. Трудно расспрашивать этих небесных людей: они всегда требуют расплачиваться информацией, полезной для их целей. К тому же мне нельзя вызывать подозрений, почему меня интересует именно это. Тем не менее я постарался получить несколько ответов.

Один достался легко. Звездные люди обычно не используют англик, россик или любой другой

“варварский язык волчат”. Так выразилась вчера Линг — словно эти языки слишком вульгарные и неточные для того, чтобы ими пользовались настоящие ученые. О, и она, и другие достаточно владеют англиком, чтобы вести разговор. Но между собой они предпочитают общаться на Галсемь.

Он окунул ручку в чернила.

Это соответствует нашему предположению, что эти люди не представляют собой основную ветвь человечества. Иными словами, они не представители Земли, а часть группы, которая верна ротенам — той самой расе, которая утверждает, что является давно потерянным патроном человечества.

Помнишь, как мама побуждала нас обсуждать вопрос о происхождении? Один из нас выступал на стороне даникитов, а другой защищал взгляды дарвинистов? Все это тогда казалось интересным, но бесцельным, поскольку все факты, которыми мы могли оперировать, были трехсотлетней давности. Кто бы мог подумать, что мы доживем до того, что ответ появится на Джиджо прямо у нас перед глазами?

Что касается истинности утверждения ротенов, ничего не могу сейчас добавить кроме того,

что Линг и остальные безусловно в это верят.

Ларк сделал глоток свежей воды из глиняной чашки. Потом снова окунул перо.

Теперь о большой новости, возбудившей всех. Кажется, мы получим возможность взглянуть на эти загадочные существа! Через несколько часов один или несколько ротенов должны появиться из погребенной станции и присоединиться к паломникам, идущим к проснувшемуся Яйцу! Мы все это время не догадывались, что звездный корабль улетел, оставив не только Ранна и остальных людей.

Община напряжена, как виола со слишком туго натянутыми струнами. Эта банальная метафора не передает всего масштаба тревоги.

Пора заканчивать, если я хочу успеть поместить письмо в мешок для почты.

Посмотрим. Ты спрашивала также о "невралъных контактах". Используют ли чужаки такие приспособления для непосредственной связи с компьютерами и другими устройствами?

Я собирался ответить утвердительно. Линг и остальные носят с собой крошечные приборы, которые позволяют им услышать голос и получить сведения, и все это, словно по волшебству, приходит издалека.

Но потом я вспомнил твое описание раны Незнакомца и передумал. Грабители управляют своими машинными голосами и жестами. Ничего похожего на вживленные в мозг контакты или на "мгновенное соединение человека с машиной", о котором говорит Ариана, я не видел.

Теперь, подумав об этом…

Ларк снова окунул перо в чернила, собираясь продолжить, но остановился.

На дорожке из гравия у его палатки прозвучали шаги. Он узнал тяжелые движения серого квуэна. И это не небрежный, лишенный значительности шаг Утена. Равномерная, полная достоинства последовательность, состоящая из сложного чередования ног, — трудная для усвоения аристократическая походка, которой обучали хитиновых матриархов, именовавшихся иногда серыми королевами.

Ларк отложил ручку и закрыл папку. В клапане палатки появилась широкая низкая фигура. Голос Харрулана сопровождался вздохами из трех речевых щелей, причем каждая издавала разные ноты на высоком квуэнском диалекте Галактического шесть.

— Друг Ларк, ты внутри? Пожалуйста, Приветствуй меня. Я пришел с бесценным даром.

Ларк отбросил клапан, заслоняя глаза от заходящего солнца, которое посылало наклонные лучи между лесными гигантами.

— Приветствую тебя, Харрулан, товарищ по вере, — ответил он на том же языке.

Пятиугольный панцирь Харрулана покрыт одеянием пилигрима, оставляя неприкрытым центральный купол. В лучах солнца сверкала вышивка на одежде, изготовленной г'кеками. Ларку потребовалось еще несколько мгновений, чтобы заметить и другое отличие: вокруг пепельного цвета купола квуэна что-то обернуто.

— Ага, — сказал Ларк, переходя на более простой седьмой диалект. — Значит, это правда. Маска возобновила свое предложение.

– Получать корм из наших тел в обмен на раскрытие наших душ. Действительно. Маска вернулась к нам. Пещеры, казавшиеся пустыми, теперь, когда Яйцо возобновило пение, кишат молодыми неустоявшимися реуками. Разве это не доброе предзнаменование? Радоваться ли нам?

Щелчком когтя Харрулен подозвал лорника, который скрывался за корпусом хозяина. Маленький слуга выкатился из-за массивного квуэна, подражая его величественной походке. В миниатюрных руках с тремя пальцами была коробка

полированного дерева со следами-бороздками личной резьбы зубами.

— В последней партии молодых реуков из пещеры было немало и предназначенных для благородных человеческих лбов, — продолжал Харрулен. — Пожалуйста, выбери себе сам этот знак моего глубокого уважения.

Ларк взял у лорника коробку, зная, что нельзя ни благодарить, ни пытаться поймать взгляд маленького застенчивого существа. В отличие от шимпов и зукиров, лорники в состоянии контактировать только с той расой, которая привезла их на Джиджо почти тысячу лет назад.

Ларк осторожно снял с подарочной коробки крышку в тонких бороздках. По традиции квуэнов, коробка вырезана лично дарителем и не может быть снова использована ни для какой другой цели. Внутри на подстилке из тонких опилок тару дрожало несколько клубков щупалец в коричневых пятнах, накрытых разноцветными прозрачными пленками.

Так мало времени прошло. И так много еще нужно сделать. На самом деле это большое преимущество…

Ларк, конечно, предпочел бы сам пойти в пещеру и выбрать для себя нового реука, как поступал

уже трижды с достижения зрелости. Казалось необычным выбирать из коробки. А что ему делать с остальными?

Несколько щупалец осторожно поднялись, вытянулись к свету. Но лишь одна пара не проявляла нерешительности, устремившись к Ларку, натягивая между щупальцами тонкую паутину.

Да, это реук, предназначенный для человека, подумал Ларк. *И кажется он новым и полным сил.*

Первоначальная неуверенность вполне естественна. Обычно личный реук действует много лет. Так трудно было смотреть на последнего реука, который бессильно лежал в выложенной мхом сумке все время, когда молчало Яйцо. И невозможно воспользоваться симбионтом, принадлежащим другому. Человек скорее поделится своей зубной щеткой, чем реуком.

— Велика моя благодарность за этот неожиданный дар, — сказал Ларк. И по-прежнему не очень охотно поднес дрожащее создание ко лбу.

Прежний реук напоминал пару старых туфель — или любимые очки от солнца урской работы — удобно, привычно и легко использовать. Этот дергался и извивался в возбужденной готовности, жадно искал вены на висках, к которым мог бы припасть. Прозрачная пленка плотно закрыла

глаза Ларка, ей передалась дрожь возбуждения реука, и от этого у Ларка только закружилась голова. Потребуется время, чтобы достичь понимания с новым существом. В идеале полагается, чтобы старый реук обучил нового, прежде чем умрет.

Чудеса Ифни часто иронически рассчитаны во времени. Нам так долго приходилось общаться с чужаками без помощи реуков. И теперь, в самый критический момент, они возвращаются так неожиданно, что оказываются только помехой.

Тем не менее он вежливо сделал вид, что испытывает удовольствие и поблагодарил Харрулена за замечательный подарок. К счастью, собственный реук Харрулена тоже вел себя беспокойно и не передал противоречивые чувства Ларка.

Дробный танец ног и когтей предводителя еретиков свидетельствовал о его удовольствии. Пленка на глазах Ларка добавила поток искр, которые *могли* переводить эмоции квуэна. А может, это просто бессмысленные разряды возбужденного необученного реука.

Но вот Харрулен неожиданно сменил тему и перешел на англик.

— Ты знаешь, что время паломничества совсем близко?

— Я как раз писал письмо. Сейчас наброшу одеяние и через мидур присоединюсь к группе у камня-Колеса.

Отчасти потому что о присутствии Ларка попросила Линг, мудрецы предоставили фракции еретиков две шестерки из ста сорока четырех избранных, которые совершат первое восхождение и будут приветствовать проснувшееся Яйцо. Услышав новость, Ларк ощутил привычное тепло, исходящее от камня, который он всегда носит на шее. Его напоминание и одновременно наказание. Паломничество с таким амулетом дается нелегко.

— Хорошо, — ответил Харрулен. — У камня-Колеса, прежде чем присоединиться к остальным, мы обсудим последнее предложение фанатиков…

Голос еретика стих, квуэн подобрал все пять ног под панцирь, присел и начал чувствительным языком ощупывать землю. На этот раз реук Ларка передал целый клубок ярких эмоций — ореол из смеси отвращения с неодобрением.

Харрулен продолжил:

— Кто-то еще на тропе. Тот, чье благородное происхождение противоречит недостойной спешке.

Что нему? Ларк удивился. Иногда англик, когда им пользовались другие расы, вызывал у него затруднения. Может, не так уж и хорошо, что хаотичный человеческий язык приобрел такую популярность на Джиджо.

Вскоре он подошвами ног тоже ощутил дрожь земли. Пятичленный ритм, даже более знакомый, чем походка Харрулена. Похожий, но более простой, менее аристократический, походка того, кто слишком торопится и жаждет действий, чтобы заботиться об этикете или внешности.

Подняв вихрь ветвей и листьев, показалась еще одна бронированная фигура.

Подобно Харрулену, таксономист Утен одет для паломничества — в небрежно наброшенное, цельное белое одеяние, которое *с* него свисает, как чья-нибудь старая простыня. Панцирь его чуть темнее, чем у его полного неодобрения родича. Как и у Харрулена, у Утена новый реук, что объясняет его неуверенную походку и то, что он дважды сворачивал с тропы, отвлеченный роями жужжащих насекомых. Ларк стащил своего собственного симбионта с глаз. Ему не нужна помощь, чтобы увидеть возбуждение коллеги.

— Ларк-арк, Харрулен-лен, — запинаясь, сразу из нескольких щелей несогласованно заговорил

Утен. Харрулен презрительно повернул к нему купол, дожидаясь, пока вновь прибывший переведет дыхание.

— Идемте быстрей, вы оба. Они выходят!

– *Кто* выходит?… — начал Ларк, и тут же понял, что Утен может говорить только об одном. Он кивнул.

— Дайте мне дур.

Ларк исчез в палатке, поискал свое одеяние пилигрима и остановился у письменного стола. Выхватил из папки незаконченное письмо и сунул в рукав вместе с подточенным карандашом. Чернила элегантней и не сотрутся. Но Саре все равно, если письмо дойдет до нее и сообщит самые последние новости.

— Пошли! — нетерпеливо торопил Утен вышедшего Ларка. — Садись на меня и поскакали! — Серый квуэн-ученый опустил один конец панциря к земле. На этот раз Харрулен даже застонал от раздражения. Конечно, дети так часто делают, но для взрослого серого, особенно с такой родословной, как у Утена, совершенно недостойно нести на своей спине человека. Однако так они быстрей доберутся до Луга Скрывшихся Чужаков и увидят поднявшееся чудо.

Называя их прекрасными, Линг допускала пре-

уменьшение.

Ничего подобного Ларк никогда не видел. Даже когда листал древние книги с картинками или читал написанные до Контакта фантастические книги. Не было такого даже в снах.

На просторечии джиджоанских изгнанников всех галактов принято называть “звездными богами”. Но вот на лесной поляне существа, которые буквально достойны такого названия, настолько изысканны они внешне. Ларк мог лишь несколько мгновений смотреть на них, потом ему пришлось отвести полные слез глаза. В груди заболело.

Линг и остальные чужаки-люди образовали почетную стражу вокруг своих благородных патронов, а сверху летали бдительные роботы. Иногда один из рослых ротенов пальцем подзывал Ранна или Беш, показывая на соседнее дерево, павильон, стадо животных или застенчивого ребенка г'кека, и те, как послушные дети, усвоившие урок, начинали объяснять.

Собралась толпа. Прокторы Собрания, вооруженные красными палками, удерживали собравшихся, но никакой сумятицы не было. Атмосфера благоговения была такой напряженной, что не слышно было даже шепота.

Сильнее всего зрелище подействовало на людей, которые смотрели пораженно, видя почти *знакомое.* Ротены невероятно гуманоидны, у них высокие благородные лбы, широко расставленные привлекательные глаза, красноречивые благородные носы и мягкие изогнутые брови. Казалось, они с искренним интересом разглядывают все окружающее. Ларк решил, что это сходство не случайно. Физическое и эмоциональное сходство могло быть вызвано искусственно за время долгого процесса возвышения, десятки тысяч лет назад, когда специалисты ротенов видоизменяли племя неуклюжих, но перспективных человекообразных обезьян во времена плиоцена. Готовили из них существа, достойные звезд.

Очевидно, ротены действительно давно потерянные патроны человечества, как и утверждала Линг. Ларк пытался сохранить отношение настороженного нейтралитета, но обнаружил, что перед такими очевидными фактами сделать это трудно. Кем еще может быть эта раса, как не утраченными патронами людей?

Когда два божественных гостя были представлены собранию высоких мудрецов, Ларк слегка успокоился, видя невозмутимое выражение Вуб-

бена, Фвхун-дау и других. Ни у кого по такому случаю не было реука. Даже Лестер Кембел сохранил спокойствие, по крайней мере внешнее, когда его представляли Ро-кенну и Ро-полу. Ранн громко, чтобы все услышали, произнес их имена.

По человеческим стандартам, Ро-кенн казался мужчиной. И хотя Ларк старался не поддаваться аналогиям, ему показалось, что Ро-пол, с более тонкими чертами лица, возможно, женщина. Когда эти двое улыбнулись, обнажив маленькие белые зубы и демонстрируя радость встречи, толпа возбужденно зашумела. Улыбку Ро-пол можно даже назвать улыбкой с ямочками. Ларку хотелось воспользоваться словом *“веселая”,* чтобы описать жизнерадостную наружность меньшего по размерам ротена. Легко полюбить такое лицо, теплое, открытое, понимающее.

Это имеет смысл, подумал Ларк. *Если ротены действительно наши патроны, они должны были вложить в нас врожденный образец для оценки.*

Не на одних землян они произвели впечатление. В конце концов у Шести богатый опыт общения друг с другом. Не нужно быть квуэном, чтобы ощутить харизму величественного квуэна, так что почему бы урам, хунам или г'кекам не ощущать мощного магнетизма гуманоидов?

Даже без реуков большинство присутствующих негуманоидов удвоило преобладающее настроение — *надежды.*

Ларк вспомнил уверенность Линг в том, что предприятие грабителей завершится удачно и что Общине Джиджо ни в чем не придется меняться. *“Все образуется”,* — сказала она.

Линг также рассказывала ему, что даже среди могучих галактических кланов ротены занимают особое положение. Сознательно действуя незаметно, они добились того, что Землю вычеркнули из списка планет, подлежащих колонизации, и на полмиллиарда лет оставили невозделанной. Ларку трудно было представить себе, с какими возможностями это связано. Не нуждаясь во флотах и оружии, ротены были влиятельными, таинственными, загадочными — во многих отношениях богоподобными даже по сравнению с могучими существами, чьи бронированные армады громыхают повсюду в Пяти галактиках. Неудивительно, что Линг и ее спутники считали себя выше так называемых “законов” миграции и возвышения, когда просеивали биосферу Джиджо в поисках видов, достойных принятия. Неудивительно, что они не опасались быть пойманными.

С того момента как эта пара появилась из погребенной станции, реуки, только что из пещеры, тоже казались ошеломленными. Тот, что сидел на лбу Ларка, дрожал, окружая фигуры ротенов плещущим ореолом, и Ларку пришлось его снять.

Он попытался взять свои мысли под контроль, восстановить скептическое отношение.

Возможно, все продвинутые расы умеют делать то же, что ротены делают сейчас, — производить впечатление на тех, кто стоит ниже на лестнице по статусу. Возможно, мы все, будучи примитивными, излишне впечатлительны. Ведь у нас нет иного опыта встреч с галактами.

Но скептицизм трудно сохранить, слушая, как ротены разговаривают с мудрецами теплыми, полными сочувствия голосами. Робот усиливал звуки разговора, чтобы могли слышать все присутствующие.

Мы двое выражаем благодарность за ваше гостеприимство и свидетельствуем свое уважение, сказал Ро-кенн на четком, грамматически идеально правильном Галшесть.

Далее мы выражаем сожаление по поводу тревоги, которую наше присутствие могло вызвать в вашей благородной Общине, добавила Ро-пол. *Только недавно осознали мы всю глубину вашего*

беспокойства. Мы преодолели свою естественную сдержанность — застенчивость, если хотите, — и вышли, чтобы успокоить ваши совершенно необоснованные страхи.

Снова шепот надежды в толпе — необычное чувство для джиджоанских изгнанников.

Снова заговорил Ро-кенн.

Мы выражаем радость и благодарность за приглашение участвовать в ваших священных обрядах. Один из нас будет сопровождать вас сегодня вечером, чтобы созерцать чудо, воплощенное и демонстрируемое вашим прославленным Святым Яйцом.

Тем временем, продолжила Ро-пол, *второй удалится, чтобы обдумать, как наилучшим образом вознаградить вашу Общину за старания, тревоги и жестко ограниченный образ жизни.*

Ро– пол как будто ненадолго задумалась над этой проблемой, подбирая слова.

Мы собираемся сделать подарок. Нечто такое, что поможет вам в предстоящих веках, когда ваши соединившиеся расы будут искать спасения на долгом и трудном пути, известном как Возврат-к-Невинности.

По рядам зрителей пронесся гул — радость от неожиданной новости.

Теперь мудрецы по очереди произносили приветственные речи, начиная с Вуббена, чьи престарелые колеса скрипели, когда он выкатился вперед, цитируя один из древнейших свитков. Нечто уместное относительно священной природы милосердия, которое проявляется тогда, когда меньше всего ожидаешь, блага, которое невозможно заслужить или даже измерить, только радостно принять, когда оно придет.

Ларк снова надел на глаза новый реук. Пара ротенов по-прежнему окружена многоцветным нимбом, так что, пока Вуббен продолжал говорить, Ларк повернулся и стал разглядывать присутствующих.

Конечно, реук не открывает волшебное окно, в которое видно душу. Главным образом реуки помогают компенсировать тот факт, что у каждой расы мозг приспособлен для понимания эмоционального состояния только представителей своей расы. Реук особенно эффективен, когда представитель другой расы тоже снабжен реуком, особенно если симбионты и раньше обменивались гормонами эмпатии.

Поэтому мудрецы сейчас обходятся без реуков? Чтобы скрыть свои тайные мысли?

Он улавливал в толпе рябь хрупкого оптимизма

и мистического удивления, тут и там вздымались пенные волны почти религиозного восторга. Однако были и другие цвета. От нескольких десятков квуэнов, хунов, уров и людей: прокторов и милиционеров — исходили более холодные цвета долга. Цвета отказа отвлекаться на что угодно, кроме разве сильного землетрясения.

Еще одну цветную рябь Ларк тоже узнал: это долг другого рода, более сложный, сосредоточенный и тщетный. Его сопровождало мгновенное отражение стеклянных линз. *Блур и его помощники работают,* догадался Ларк. *Сосредоточенно фиксируют происходящее.*

Теперь симбионт Ларка работал лучше. Больше того, вопреки отсутствию подготовки, он, возможно, никогда больше не будет таким чувствительным. В этот момент почти все ре-уки в долине одного возраста, они только что появились из пещер, где переплетались грудами, обмениваясь энзимами единства. Каждый из них обостренно чувствует присутствие остальных на гораздо большем, чем обычно, расстоянии.

Нужно предупредить Блура. Его люди не должны надевать реуки. Если я смог их заметить, роботы тоже смогут.

Его внимание привлекла еще одна вспышка,

краткая вспышка на самом краю поляны, выделяющаяся на фоне общего настроения, как огонь на ледяном поле. Невозможно было не узнать ядовитую *ненависть*.

Ларк разглядел косматую змееподобную шею под профилем небольшого кентавра. Сама голова скрыта ореолом цветов реука.

Носитель далекого мощного симбионта неожиданно заметил сосредоточенный взгляд Ларка. Самка ура перенесла свое внимание с чужаков и мудрецов и прямо посмотрела на Ларка. Они смотрели друг на друга через толпу теснящихся, вздыхающих граждан. Затем одновременно сняли реуки.

В ясном свете Ларк встретил ее немигающий взгляд: это была урская предводительница фанатиков. Мятежница, чья ненависть к чужакам гораздо сильней, чем предполагал Ларк. И когда все ее три яростных глаза устремились к нему, Ларку не нужна была помощь реука, чтобы перевести, что испытывает предводительница фанатиков к *нему*.

В лучах заходящего солнца она изогнула шею и раскрыла пасть в выражении чистого и открытого презрения.

Паломничество началось в сумерках, когда

длинные тени леса указывали на тайную горную тропу. Общину представляли двенадцать дюжин граждан, участвовали также два звездных человека, четыре робота и одно высокое древнее существо, чья неловкая походка выдавала огромную силу под сверкающими белыми одеждами.

Судя по такой человеческой улыбке, очень многое доставляло Ро-кенну удовольствие, особенно ритмичное пение, когда паломники проходили мимо горячих источников и крутых утесов, извилистой цепочкой приближаясь к скрытой овальной Долине Яйца. Ладонями с длинными пальцами ротен поглаживал стройные стволы деревьев велпал, которые раскачивались в такт излучениям тайной долины. Большинство людей услышат это, только подойдя гораздо ближе.

В душе Ларка кипели темные чувства. И в этом он был не одинок. Многие, особенно те, кто далек от жизнерадостной харизмы Ро-кенна, испытывали тревогу из-за того, что чужаки приближаются к святому месту.

Процессия медленно шла, катилась, скользила — поднималась в горы. Вскоре на небе появились сверкающие фигуры из множества огненных точек — яркие скопления, разделенные темной полосой Галактического Диска. Это зрелище

больше всего подчеркивало неравенство образа жизни, потому что сегодняшние гости вскоре вернутся в эти звездные просторы, которые покинули в мире или предательстве. Для них Джиджо станет еще одним необычным, примитивным, возможно, слегка любопытным местом — одним из многих таких мест, в которых они побывали за свою долгую божественную жизнь.

Когда Ларк в прошлый раз шел этим путем, полный мыслями о своей миссии избавить Джиджо от чужаков, таких, как он сам, никому и в голову не приходила мысль о звездных кораблях в небе Джиджо.

Однако они уже были там и готовились к посадке.

Что может быть более пугающим? Опасность, которую ты уже испытал, или то, что еще готовит тебе вселенная? Нечто такое, что сделает все предыдущие тревоги ничтожными?

Ларк надеялся, что его мрачное настроение не отразилось в письме к Саре, которое он торопливо закончил карандашом в верховьях Бибура вскоре после появления ротенов. Гребец на каяке добавил письмо Ларка к тяжелому грузу, переданному Блуром, и отплыл, работая веслами, устремился к первой гряде порогов. Он плывет

в Библос, который находится в двух днях напряженной гребли.

На обратном пути, направляясь на встречу с другими еретиками, Ларк задержался, чтобы посмотреть как выплывает из темного туннеля воздушный корабль чужаков. Подобно призраку, он поднимался под негромкий рокот двигателей. Ларк разглядел маленький человеческий силуэт, с руками и лицом, прижатым к овальному стеклу. Человек упивался увиденным. Фигура показалась Ларку знакомой… но прежде чем он успел достать свой карманный бинокль, корабль улетел на восток, к утесу, где над Риммером всходила самая крупная луна.

Теперь, когда процессия углубилась в последний извилистый каньон на пути к Яйцу, Ларк постарался забыть все временные тревоги и заботы и подготовиться к единству. *Возможно, это мой последний шанс,* думал он, надеясь на этот раз полностью разделить слияние, которое испытывают другие, когда Яйцо распространяет свою любовь в полной мере.

Просунув правую руку в рукав, он, несмотря на растущую температуру, схватил кусок камня. На память пришел отрывок из Свитка — версия на англике, переведенная для землян одним из

первых человеческих мудрецов.

Мы плывем без руля по потоку времени, преданные своими предками, которые оставили нас здесь, мы не видим того, что с таким трудом завоевывалось веками,

мы боимся света и закона,
но больше всего в глубине души
мы боимся, что никакого Бога нет,
нет Отца,
нет нашего небесного Защитника
или что он забыл о нас, предоставил нас
судьбе,
року.

Куда нам повернуть в своей боли изгнания, когда наша обитель потеряна, а вера погублена вероломством?

Какое утешение доступно существам, затерянным во времени?

Один источник обновления
никогда не изменит.
Действует он долго,
И средства его — огонь и дождь,
лед и время.
Для бедных изгнанников это дом.
Джиджо.

* * *

Отрывок заканчивался странным смешением покорности и вызова.

Если мы все еще нужны Богу, пусть найдет нас здесь.

А до этого времени мы станем частью

Нашего нового мира.

Но чтобы не мешать, а служить Его циклу жизни.

Чтобы вырастить скромную доброту из грязных семян преступления.

Вскоре после того как этот свиток получил распространение среди людей, одним зимним днем земная дрожь потрясла весь Склон. Деревья падали, плотины прорывались, подул сильный ветер. Паника охватила всех от гор до моря. Все решили, что наступил Судный день.

Но вместо этого в облаке сверкающей пыли явилось Яйцо. Дар от самого сердца Джиджо.

Дар, который можно будет разделить сегодня — разделить с чужаками.

Что, если они достигнут того, что никогда не давалось ему? Или еще хуже — если они ответят презрительным смехом? Скажут, что Яйцо — это пустяк и только деревенщины способны

воспринять его серьезно, как легендарные земные туземцы обожествляли музыкальный ящик, найденный на берегу?

Ларк постарался отмахнуться от этих мелочных мыслей, настроиться на бас хунов, звуки каллиопы квуэнов, скрип колес г'кеков и вклад всех остальных в песнь единства. Он постарался дышать в такт размеренному шагу, а тепло камня меж тем словно разливалось по телу, поднялось по руке, охватило грудь, распространяя расслабленную отчужденность.

Уже близко, подумал он. В сознании начал возникать неясный рисунок. Похожая на паутина путаница смутных спиралей, состоящих частично из звуков, частично из видимых образов.

Как будто кто-то старается…

— Ну разве это не замечательно? — послышался голос справа, в клочки разрывая сосредоточенность. — Мне кажется, я что-то уже чувствую! Не похоже на другие пси-феномены, которые я испытывала. Мотив весьма необычный.

Не обращай на нее внимания, думал Ларк, цепляясь за рисунок в сознании. *Может, она замолчит.*

Но Линг продолжала говорить, слова ее сыпались непрерывно, и не слышать их было

невозможно. Чем больше он старался замкнуться, тем быстрей исчезала сосредоточенность. Теперь Ларк потной рукой сжимал всего лишь каменный обломок, нагревшийся от тепла его тела. Он в отвращении выпустил его.

— Несколько дней назад наши приборы зарегистрировали дрожь. И какое-то время циклы дрожи набирали силу и сложность.

Линг как будто блаженно не сознает, что совершила нечто дурное. И это, в свою очередь, делало негодование Ларка мелочным и тщетным. И красота ее при лунном свете заставляла его нервничать больше, чем всегда, прорываясь сквозь гнев к внутреннему сознанию глубокого одиночества.

Ларк вздохнул:

— Разве вы не должны охранять своего босса?

— По-настоящему его охраняют роботы — как будто нам нужно чего-то опасаться. Ро-кенн разрешил мне и Ранну осмотреться, пока он разговаривает с вашими мудрецами, готовя их к тому, что случится.

Ларк остановился так внезапно, что следующему пилигриму в цепочке пришлось свернуть, чтобы не наткнуться на него. Он взял Линг за локоть.

— О чем ты говоришь? Что должно случиться? В улыбке Линг были следы прежнего сарказма.

— Ты хочешь сказать, что еще не догадался? О, Ларк. Подумай о *совпадениях.*

Две тысячи лет сунеры разных рас живут на этой планете, ссорясь друг с другом и медленно регрессируя. Потом приходят люди, и все меняется. Хотя, когда вы начинали, вас было мало и вы были беспомощны, скоро ваша культура стала самой влиятельной на планете.

Затем, спустя несколько поколений после вашего появления, неожиданно из земли поднимается чудо, этот руководящий дух, который вы все почитаете.

— Ты имеешь в виду Яйцо, — сказал он, наморщив лоб.

— Совершенно верно. Неужели ты считаешь все это *случайным?* Или что патроны могли забыть вас?

— Наши патроны. — Ларк нахмурился. — Ты хочешь сказать… ты намекаешь на то, что ротены все время знали…

— О полете “Обители”? Да! Ро-кенн объяснил нам это сегодня утром, и теперь все приобретает смысл! Даже наше прибытие на Джиджо не случайно, дорогой Ларк. О, часть нашей миссии

— поиск достойных предразумных, которые могли бы присоединиться к нашему клану. Но прежде всего мы явились за вами. Потому что эксперимент завершен!

— Эксперимент? — Ларк испытал мгновенную потерю ориентации.

— Тяжелое испытание для вашей маленькой ветви человечества, заброшенной и забытой — так вы считали — на этой варварской планете. Звучит жестоко, но дорога возвышения нелегка, когда раса должна достичь высот, запланированных патронами.

У Ларка в голове все смешалось.

— Ты хочешь сказать, что наши предки должны были оказаться на Джиджо? Как часть испытания, которое… должно было как-то нас преобразовать? И Яйцо тоже — часть заговора ротенов…

— Часть замысла, — поправила Линг. Голос ее звучал возбужденно и приподнято. — Великого замысла, Ларк. *Теста,* который вы выдержали великолепно, как мне сказали. Это ужасное место старалось перемолоть вас, пригнуть, а вы становились все сильнее, умнее и благороднее.

А теперь пора вернуть преуспевший отросток на главный ствол, чтобы он помог человечеству расти, процветать и успешней отвечать на вызо-

вы опасной вселенной.

Улыбка ее была полна веселья и радости.

— О, Ларк, когда я разговаривала с тобой в последний раз, я думала, что, может быть, мы возьмем с собой несколько человек, когда улетим.

Но новость гораздо более значительная и радостная, Ларк. Летят корабли. Множество кораблей! Пора *всем* вам вернуться домой.

Аскс

Изумление!

Новость пронеслась по нашим восковым полостям, острыми парами удивления отогнав торжественный рисунок/резонанс Яйца.

Мы/я/мы/я/мы/я… не могу коалесцировать как Аскс. Не могу думать о новостях без сознания единства.

Худшие слухи прошлого месяца, распространявшиеся недовольными урскими вождями и раздражительными серыми королевами, утверждали, что люди могут покинуть Джиджо, улететь со своими небесными родичами и оставить остальные пять загнивать и быть проклятыми.

Но даже эта темная угроза оставляла нам одно утешение.

Единственную надежду.

Яйцо.

Теперь нам говорят

(не верьте этому!)

(но как?),

что святой овоид никогда не принадлежал нам! Он всегда принадлежал только людям! И у него была двоякая цель: вести землян к величию и одновременно смягчать, *приручать* остальных пять!

Укрощать остальные расы, чтобы люди были в безопасности во время своего краткого пребывания на Джиджо.

Но все превосходит оскорбительная “доброта”: ротены говорят, что яйцо будет оставлено нам в качестве прощального дара.

Оставлено как игрушка,

как безделушка,

как благодарность за наши старания.

Оставлено, чтобы позорить всех нас!

Помолчите, мои кольца. Помолчите. Проявите справедливость. Погладьте испарениями капли воска. Вспомните.

Разве Лестер Кембел не казался в таком же отчаянии, как и все остальные?

Разве все мудрецы не договорились скрыть новость? Уменьшить вред, который причинят

слухи?

Бесполезно. Сейчас подслушивавшие граждане убегают, передавая преувеличенные версии того, что услышали, распространяя яд по цепочке паломников, разбивая объединявший нас ритм.

Однако мы чувствуем в могущественных ротенах блаженное неведение того, что что-то неправильно!

Неужели это и значит быть богом? Не сознавать вреда, который ты причинил?

Инфекция распространяется по извилистой тропе. Песня поклонения прерывается, распадается на множество дюжин встревоженных индивидов.

Теперь с моего/нашего самого высокого кольца мы видим впереди новое беспокойство, оно распространяется с переднего края процессии. Эти две волны тревоги сталкиваются, как волны на бурном озере, перекатываются друг через друга в пене шума.

— Путь перекрыт, — кричит запыхавшийся посыльный, торопясь передать известие по всей цепочке. — Дорогу преграждает веревочный барьер с лозунгами!

НЕТ ПРЕСТУПНОМУ СВЯТОТАТСТВУ

НЕ ПОДПУСКАЙТЕ НЕБЕСНУЮ ГРЯЗЬ

МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ НАСМЕХАТЬСЯ НАД ДЖИДЖО!

Это может быть только делом рук фанатиков.

Наш сердечник охвачен раздражением. Какое подходящее время выбрали фанатики для своего выступления!

Мы, мудрецы, должны сами увидеть. Даже Вуббен торопится. И мои нижние сегменты с трудом поспевают за ним. Ро-кенн вдет со спокойным изяществом и кажется невозмутимым.

Но все же, мои кольца, неужели мы видим *перемены* в ауре Ро-кенна? Через свой реук мы замечаем несоответствия частей его лица, словно внешнее спокойствие ротена маскирует внутреннюю сумятицу.

Неужели реук способен столько прочесть в чужаке, с которым мы познакомились только сегодня? Или это потому, что у меня один из немногих старых реуков, уцелевших от прежних дней? Или мы увидели это потому, что треки настроены на сохранение внутреннего единства?

Впереди — вызывающие лозунги.

Наверху — на вершинах утесов храбрая (но глупая) молодежь размахивает оружием.

Внизу — Фвхун-дау гулким голосом просит изложить их требования.

Их ответ? Гулко разносится по каньонам и парящим фумаролам требование — чужаки должны улететь! Или испытают на себе месть величайшей силы Джиджо.

?!!

Фанатики угрожают ротенам Яйцом?

Но разве ротены не утверждают, что великий овоид явился по их приказу?

На лице ротена появляется выражение, которое можно истолковать как холодный интерес. Он считает угрозы фанатиков блефом.

– Увидим ли мы, что имеет силу, чтобы подкрепить их требования? — спрашивает звездный бог. — *Сегодня вечером Яйцо и Джиджо будут свидетельствовать о нашей силе.*

Лестер и Вуббен просят сдерживаться. Но Рокенн не обращает на них внимания. По-прежнему улыбаясь, он приказывает роботам по обе стороны барьера схватить удерживающие лозунги столбы. Наверху предводительница мятежников вытягивает свою длинную шею, выкрикивая угрозы на просторечном диалекте, призывая проснуться тайные силы Джиджо. Очистить наглый мусор пламенем.

Молодая предводительница — прекрасная актриса. Она топает копытами и предсказывает

ужасные наказания. Наши самые доверчивые кольца на мгновение даже начинают верить ей…

верить…
верить…
Что происходит?
Что… происходит?
Какие впечатления
проникают
теперь
внутрь
быстрей, чем тает воск?
Какое
возникает
сознание,
которое охватывает
кольцо
за кольцом
так что все события
становятся равными
во времени
и в значении?
Что происходит?

…двойная молния очерчивает множество дюжин паломников, их тени бегут от белого пламени…

…жалуется разорванный металл… разлетается… рушатся пылающие обломки…

…образы уничтожения… две дымящиеся груды… еще мусор, который предстоит собрать и утопить в море…

Другими пятнами-глазами я/мы вижу удивление и ужас на лице Ранна, небесного человека.

…аура Ро-кенна разрывается противоречиями… словно одно кольцо треки охвачено радостью, а другое корчится от гнева…

* * *

А теперь и нечто новое разрывает прежние впечатления.

…зрительными пятнами на противоположной стороне мы первым замечаем огненное копье…

…обжигающая яркость поднимается по западной стороне неба… прямо от Поляны Собраний…

…земля под нами дрожит…

…истинный звук появляется чуть позже, разносится в разреженном воздухе, приносит нам низкий стон, подобный грому!

Наконец события замедляются настолько, что наши вращающиеся испарения могут с ними сравняться. Окружающее воспринимается цельно и последовательно. А не разорванно и

параллельно.

Успокойтесь, мои кольца.

Неужели мы видим двух уничтоженных роботов, которые пытались разрушить барьер фанатиков?

Неужели мы были оглушены страшным взрывом за нами? На Поляне Собраний?

То, что было упорядоченным паломничеством, превращается в толпу. Небольшие группы бегут вниз, к пыльной, освещенной луной завесе, оставленной краткой вспышкой. Люди для безопасности держатся вместе, цепляясь за своих оставшихся хунских и квуэнских друзей, в то время как другие квуэны и множество уров презрительно кричат сверху, выкрикивают угрозы.

Ро– кенн не идет, а едет на платформе между двумя оставшимися роботами. Он спешно говорит что-то в небольшой прибор и с каждым мгновением приходит все в большее возбуждение. Его человеческие слуги находятся в шоке.

Женщина — Линг — держит за руку Ларка, нашего молодого человека-биолога. Утен предлагает подвезти их, и они взбираются на его широкую серую спину. Все трое исчезают на тропе вслед за Ро-кенном.

Ум– Острый-Как-Нож сжато предлагает везти

эту груду колец, этого Аскса!

Могу ли я/мы отказаться? Фвхун-дау уже несет Вуббена на своих сильных чешуйчатых руках. Человек-мудрец тянет г'кека, чтобы оба могли быстрей спуститься и посмотреть, что случилось.

Мы голосуем и большинством колец принимаем предложение. Но после нескольких дуров торопливой квуэнской скачки раздаются требования пересмотра результатов голосования! Но мы продолжаем висеть, цепляясь за панцирь и жалея, что не пошли пешком.

Проходит время в напряжении, издеваясь над нашими бесполезными догадками. Тьма поглощает мудрость. Блестящие звезды словно смеются над нами.

Наконец на вершине утеса мы расталкиваем окружающих, чтобы бросить взгляд.

Способны ли вы почувствовать это, мои кольца?

Объединившись в шоке, я вижу дымящийся кратер, полный искореженного металла. Святилище, в котором Ро-кенн и небесные люди жили среди нас много недель. Их погребенная крепость — теперь огненные развалины.

Действуя с хладнокровной решительностью,

Ур-Джа и Лестер Кембел призывают добровольцев, которые могли бы спуститься в дымную яму и, рискуя собственной жизнью, предпринять героическую попытку спасения. Но кто может выжить в таких разрушениях? Можно ли найти кого-нибудь живым?

У нас у всех возникает одна и та же мысль. У всех членов Шести. У всех моих колец.

Кто усомнится теперь в силе Яйца? Или в ярости оскорбленной планеты?

Незнакомец

С каждой новой найденной песней словно раскрываются двери, как будто старинные мелодии способны разворачивать целые пласты времени. Самые ранние воспоминания, те, что крепчевсего привязаны к музыкальной фразе или стихотворной строчке. Особенно быстро уносят его в детство колыбельные.

Теперь он помнит свою мать, как она поет ему в безопасности теплой комнаты, поет баллады о мире, полном справедливости и любви, — сладкую ложь, которая помогает укрепить характер, хотя позже он и узнает правду о горькой, смертельно опасной вселенной.

Несколько причудливых песенок позволяют вспомнить бородатых близнецов, двух братьев, которые много лет выполняли роль отца в его семейной паутине, пару неизлечимых шутников, которые постоянно заставляли всех шестерых детей хохотать над их шутками и добродушными проделками. Снова и снова повторяя самые простые стихи, он обнаруживает, что почти понимает игру слов — настоящий прорыв. Он знает, что это детский, инфантильный юмор, но

смеется и смеется над старинной отсебятиной, пока слезы не начинают течь по щекам.

Ариана Фу проигрывает для него новые записи, и некоторые вызывают поток новых воспоминаний: он заново переживает возбуждение от оперетт и мюзиклов, которые любил в юности. Чисто человеческая форма искусства, которая позволяет смягчить напряжение, когда человек вместе с миллионами других молодых мужчин и женщин пытается овладеть высокомерной наукой цивилизаций, более древних, чем самые яркие звезды.

Он испытывает острую боль, вспоминая то, что когда-то принадлежало ему. Большинство слов и фактов остаются чуждыми, непостижимыми, даже имя его матери, да и его собственное тоже, но он по крайней мере начинает ощущать себя живым существом, личностью с прошлым. Человеком, чьи действия когда-то имели значение для остальных. Кем-то, кого любили.

И музыка — не единственный ключ! Другой предлагает бумага. Когда приходит настроение, он хватает карандаш и увлеченно рисует, покрывая страницу за страницей, подчиняясь стремлению рисовать, хотя и знает, что для этого нищего народа каждый листок — сокровище.

Когда замечает, что Прити украдкой пишет простое линейное уравнение, с радостью обнаруживает, что понимает!

Математика никогда не была его любимым языком, но теперь он обнаруживает ее привлекательность. Очевидно, цифры не покинули его, как это сделали буквы.

Он испытывает новое чувство, когда его лечит Пзора, эта груда похожих на пончики колец, которой он вначале так боялся. Странное единство, которое так же отличается от слов, как день от ночи. Лишенный речи, он словно лучше способен понимать оттенки запахов и прикосновений Пзоры. Щекотливое мерцание, вызванное постоянно меняющимися испарениями целителя, пронизывает тело. И снова его руки движутся словно по своей воле, отвечая на вопросы-запахи Пзоры на уровне, который он способен только смутно постичь.

Слова не нужны, чтобы понять иронию. Существа точно такого вида когда-то были его смертельными врагами — он знает это, ему не нужно это вспоминать. Они враги всего его рода. Как странно, что он столь многим обязан этой груде испускающих запахи колец.

Все эти трюки и сюрпризы позволяют проник-

нуть в его опустошение слабым лучам надежды, но лучшим способом возврата к тому, кем он был когда-то, все же остается музыка. Когда Ариана Фу предлагает ему инструменты на выбор — они выложены в стеклянной витрине, — он берет самый простой, с которым можно экспериментировать, выуживать новые мелодии; находить новые ключи к запертым дверям.

Первые неуклюжие попытки посылать несогласованные звуки по извилистым проходам этого странного храма книг, спрятанного под каменной крышей. Он продолжает упорные старания и высвобождает новые детские воспоминания, но вскоре обнаруживает, что более поздние мелодии высвободить труднее. Возможно, в последующие годы у него было меньше времени на музыку, так что она слабее ассоциируется с событиями.

С событиями, которые привели к огненной катастрофе в этом ужасном болоте.

Воспоминания есть, он знает это. Они по-прежнему приходят к нему во сне, как приходили в бреду, впечатления от обширных пустых пространств. Невыполненные жизненно важные задания. Товарищи, которых он забыл и стыдится этого.

Склонившись над инструментом с сорока ше-

стью струнами, он извлекает одну-две ноты, стремясь найти ключ, какую-то мелодию или фразу, которые могли бы прорваться сквозь нагромождения в мозгу. Чем больше этот ключ уклоняется, тем уверенней он знает, что ключ существует.

Он начинает подозревать, что ему нужно искать не человеческие песни, а что-то совершенно иное. Что-то одновременно знакомое и вечно чуждое.

Этой ночью ему несколько раз снится вода. Это кажется вполне естественным, так как Сара дала ему понять, что завтра они уплывают на пароходе, оставляют эти полные книг залы и направляются в горы, где приземлился звездный корабль.

Новое плавание на корабле может объяснить эти смутные образы воды.

Позже он узнает правду.

XXI. КНИГА МОРЯ

Идя по тропе, ведущей вниз, по тропе избавления, знайте, что вы ищете.
Вы хотите отъединиться от предназначения своего клана, уйти от своих союзников, от патронов, которые дали вашей расе речь, разум и звездные полеты.
Вы говорите, что в первый раз они потерпели неудачу. Кто-то другой должен получить новый шанс принять вас и попытаться снова.
В этой игре есть благородство. Благородство и смелость.
Но не ждите благодарности от тех, кого вы отвергли.

Свиток Изгнания

Рассказ Олвина

День настал. После всех наших фантазий, подготовки и бесконечных деталей вот наконец мы вчетвером стоим перед открытым люком “Мечты Вуфона”.

— Лучше бы построили плот, — нервно говорит Гек, и статическое электричество ее ближайшего колеса заставляет волосы на моей ноге встать дыбом. — Могли бы все лето плавать по рекам — без посторонних. И рыбачили бы.

Я гипервентилировал свой горловой мешок, как будто насыщение его тканей кислородом способно помочь там, куда мы направляемся! К счастью, Тиуг дал каждому из нас легкое успокоительное, что объясняет спокойствие Ур-ронн.

— Я не смогла бы плыть на плоту, — ответила Ур-ронн ровным невыразительным голосом. — Я бы промокла.

Мы все повернулись, посмотрели на нее и все — каждый по-своему — расхохотались. Клешня свистел, Гек гоготала, а я урчал, пока не стало больно. О Ур-ронн, что за характер!

– Ты права, — добавил Клешня. — Гораздо лучший план — воздушный шар с горячим воздухом.

Давай уговорим Уриэль все переделать.

— Заткнитесь вы двое! — отругала нас Гек, и несправедливо: ведь начала-то она. Все мы повернулись к приближающейся Уриэль. За ней в двух шагах шел Тиуг. Маленький неполный треки Зиз, пришедший в себя от тяжелого испытания, уже лежит в предназначенной для него клетке под выпуклым окном “Мечты”.

— Карты с вами? — Уриэль для надежности сама осмотрела сумку Клешни. Изготовленные по изобретенному людьми способу слоистые листы пластика слишком прочны, долговечны и потому не очень законны. Но мы ведь все равно направляемся в Помойку, так какая разница? Мы изучили курс, указанный Уриэль, и двинемся по нему, как только колеса “Мечты” коснутся илистого дна.

— Компас?

Компасы у Клешни и Ур-ронн. Намагниченные колеса Гек не должны помешать, если она не придет в слишком сильное возбуждение.

— Несмотря на спешку, мы рассмотрели тактику поведения в разных вариантах и провели репетиции. Надеюсь. — Уриэль покачала головой в человеческой манере — это выражение сожаления. — Осталось только одно. Там внизу вы

должны отыскать один предмет. Вещь, которую вы должны найти для меня.

Гек помахала мне глазным стебельком.

Видишь? Я говорила! сообщила она на языке жестов Галдва. Гек много дней говорила, что должно быть что-то, в чем Уриэль отчаянно нуждается. Какой-то скрытый мотив у всей этой поддержки. Что-то такое, что можем найти только мы одни, с нашей любительской лодкой. Я не обратил внимания на ее хвастовство. Гек слишком часто оказывается права, и нельзя потакать ей, иначе она решит, что это закон природы.

— Вот что вы должны искать, — сказала Уриэль, показывая нам рисунок так, чтобы никто, кроме нас, не смог увидеть. Колючий предмет с шестью концами, как фигура в детской игре. От двух концов в противоположных направлениях до самых краев листка отходят два длинных щупальца или кабеля. Мне показалось, что это какое-то живое существо.

– Это артефакт, который нам чрезвычайно нужен, — продолжала Уриэль. — Но еще важнее самого артефакта отходящие от него провода. Вы должны отыскать их и прикрепить к тросу, чтобы мы могли поднять,

Вот это да! подумал я. Мы четверо придер-

живаемся современных взглядов и с радостью прочесали бы Помойку в поисках сокровищ, даже вопреки указаниям Свитков. Но чтобы нам приказал сделать это мудрец? Неудивительно, что Уриэль не хочет, чтобы кто-то из стоящих поблизости граждан услышал об этой ереси!

— Сделаем! — воскликнул Клешня, на мгновение встав на две ноги, чтобы остальными тремя отдать салют. Все остальные уже стояли на рампе. Что нам делать? Воспользоваться этим как предлогом для отказа?

Ладно, подумал я. *Пусть меня привяжут к Яйцу и поют, пока я не сознаюсь.*

Я последним поднялся на борт — если не считать Хуфу, которая проскользнула у меня мимо ног, когда я уже собирался закрыть люк. Я закрутил колесо, и пузырь скинка натянулся, плотно закрыв щели, как замазка между кольцами трека. Закрытая дверь обрезала почти все звуки, слышались только свисты, шепоты, урчания и ворчания четырех испуганных детей, которые начинали понимать, куда их завело стремление подражать людям.

Потребовался мидур, чтобы убедиться в том, что действуют системы подачи воздуха и устранения влаги. Клешня и Ур-ронн впереди проверяли

по списку, Гек испытывала рулевое устройство, а я сидел сзади, и мне делать было совершенно нечего — только поглаживать ручку, которую я пущу в ход, когда “Мечте” понадобится “двигатель”. Чтобы провести время, я гладил Хуфу, а ее острые когти давали необходимое отвлечение, смягчали нервную чесотку внешней поверхности моего сердечника.

Если мы умрем, пусть Уриэль отправит наши тела домой, подумал я. Может, это была молитва, как те, которые возносят в трудном положении люди. Я читал об этом в книгах. *Пусть родители получат мою жизненную кость для вуфинования. Это поможет им в их горе и разочаровании: ведь я неправильно распорядился их любовью.*

XXII. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Всякий, кто плавал в речном корабле и слушал бас рулевого-хуна, знает кое-что о процессе, который привел хунов к звездам.

Во– первых, этот звук показывает, каково происхождение названия расы. Согласно легенде, патроны гутатса, которые приняли и возвысили предразумных хунов, были очарованы их музыкальными способностями. Наделяя хунов речью, разумом и другими отличными качествами, гутатса также поработали над их горловым мешком, усиливая исходящий из него глубокий низкий звук, чтобы обогатить взрослую жизнь своих клиентов, когда те примут на себя ответственность в галактическом сообществе.

Гутатса предсказали, что эта способность позволит хунам стать лучшими патронами, когда они в свою очередь будут наделять даром мудрости, продолжая миллиарднолетний цикл разума в Пяти галактиках.

Сегодня мы знаем своих хунских соседей как терпеливых и достойных существ, которые не склонны к быстрым вспышкам гнева, но доблестно ведут себя в трудном положении. Трудно

сопоставить этот образ с первоначальной реакцией вначале уров, а потом людей, когда они узнали, что высокие живут на Джиджо. Реакция была враждебной и полной страха.

Каковы бы ни были первоначальные причины такого отношения, оно скоро ослабло, а потом совсем исчезло на протяжении одного поколения. Какие бы розни ни разделяли наших богоподобных предков, мы на Джиджо их неподдерживаем. В наши дни среди Шести трудно найти того, кто не любит хунов.

Но остается загадка — почему они вообще живут на Джиджо? В отличие от других рас Шести, они ничего не говорят о преследовании или даже о поисках места для размножения. Когда их спрашивают, зачем их крадущийся корабль, чрезвычайно рискуя, прилетел в это тайное убежище, они пожимают плечами и не могут ответить.

Единственный намек можно найти в Свитке Избавления, где мы читаем о вопросе последнего мудреца-глейвера. Этот мудрец опрашивал хунских поселенцев первого поколения, зачем они прилетели, и получил такой ответ:

“В это (тайное) убежище мы пришли (в надежде) отыскать.

Отыскать (оплакиваемые) острия (утрачен-

ной) молодости.

Сюда нас послали советы (мудрого, тайного) оракула.

И это (полное опасностей) путешествие не было напрасным.

Ибо смотри с (радостным) удивлением, что мы нашли!"

В этот момент, как говорится в Свитке, хунский колонист указал на грубый плот, сооруженный из стволов бу, склеенных древесной смолой, — родоначальник всех последующих кораблей, которые плавают по рекам и морям Джиджо.

В наше время, спустя тысячу лет, трудно интерпретировать значение этого текста. Можно ли представить себе наших мохнатых друзей без кораблей? И когда мы представляем себе, их летящих в космических кораблях, разве не видим, как они преодолевают межзвездный прибой, пролагая путь меж планетами с помощью киля, руля и парусов?

Но разве не значит это, что когда-то уры "скакали" по галактическим прериям, и звездные ветры раздували их машущие хвосты? Или что любой звездный корабль, построенный людьми, должен напоминать дерево?

Из “Нового обзора джиджоанского фольклора”
Ур– Кинтун и Германа Чанг-Джонса.
Издатели Тарек-города. 1901 год изгнания

Двер

Прошел мидур с наступления ночи, когда горящий уголь пересек небо, промелькнул длинной чертой, пересек небосвод и исчез на юге. Двер знал, что это не метеор, потому что искра пролетела под облаками.

И только когда он исчез, ушел за кроны соседнего леска, Двер услышал низкий гул, едва различимый за шелестом деревьев.

Двер никогда бы не заметил этого, если бы ужин с ним не поссорился. Но с тех пор как четверо людей стали добавлять к еде продукты, добытые на охоте, внутренности не раз подводили Двера. И вот он сидел в импровизированном туалете между двумя камнями и ожидал, пока внутренности не примут решение, усвоить или выбросить с таким трудом завоеванную еду.

Остальные чувствовали себя не лучше. Дэйнел и Дженин никогда не жаловались, но Лена всякий раз, когда у нее урчало в животе, винила Двера.

— Такой знаменитый охотник. Ты десятки раз бывал здесь и не можешь отличить ядовитую добычу от хорошей?

— Пожалуйста, Лена, — просила Дженин. — Ты

знаешь, что Двер никогда не пересекал Ядовитую равнину. Он может только искать животных, похожих на тех, что ему знакомы.

Дэйнел тоже пытался установить мир.

— Мы бы могли съесть ослов, когда у них станет меньше груза. Но после перехода через реку они слабы, и мы не можем пожертвовать ничем из лишнего груза.

Он имел в виду книги, инструменты и другие предметы, которые сделают человеческую жизнь за Риммером чуть менее варварской. *Если* будет окончательно решено оставаться здесь. Двер все еще надеялся, что до этого не дойдет.

— Но одно мы знаем, — продолжал Дэйнел. — Люди могут выжить здесь, в Серых холмах, и без всех этих чанов, которые мы используем дома. Я уверен, что мы уже начинаем приспосабливаться к местным микробам. Если к ним адаптировалось племя сунеров, то и мы сможем.

Да, думал Двер, *но выживание вовсе не означает удобств. Судя по рассказам Рети, это сунеры — жестокий народ. Может, мы как раз начинаем понимать, почему они стали такими.*

Положение может улучшиться, когда Дэйнел установит собственные чаны. В них выращивают культуры дрожжей, которые делают джиджо-

анскую пищу съедобной для людей, но не будет замены энзимов треки, превращающих горькие плоды пинга и блай-йогурт в настоящее лакомство. Но прежде всего Двер и все остальные рассчитывают, что сунеры подскажут, какой местной пищи следует избегать.

Если они согласятся сотрудничать. Родственники Рети могут не оценить навязываемый им новый порядок жизни. *Я бы тоже на их месте.* Дэйнел искусен в переговорах и убеждении, а роль Двера — подкреплять слова мудреца, придавая им силу закона.

По словам Рети, в племени вряд ли больше сорока взрослых. Социальная структура похожа на типичную мачо-ориентированную охотничью группу. Старый Фаллон давно учил Двера различать этот стандартный образец человеческого регресса, с гибким мужским ранжированием, навязываемым угрозами, унижениями и силой.

Предшественники Двера выработали предпочтительный подход к подобным группам. Он заключается в том, чтобы быстро установить контакт и ослепить сунеров дарами, прежде чем они враждебно настроятся. Тем самым выигрывается время для того, чтобы разобраться в паутине союзов и вражды внутри племени. После этого

процедура заключается в выборе каких-нибудь перспективных самцов среднего ранга и помощи этим кандидатам в осуществлении переворота. Переворот свергает прежних вождей, которые заинтересованы в сохранении существующего положения. Новых лидеров гораздо легче убедить “вернуться домой”.

Испытанная временем техника, которую успешно применяли те, кто получил задание вернуть заблудшие человеческие кланы. В идеале она позволяла вообще обойтись без убийств.

В идеале.

По правде говоря, Двер ненавидел эту часть своей работы.

Ты знал, что может дойти до этого. Теперь плати за свободу, которой пользовался.

Если мягкое убеждение не подействует, следующий шаг — вызов милиции и охота на всех заблудших. Та же жестокая цена платится всеми расами Шести как альтернатива войне и проклятию.

Но на этот раз положение иное.

На этот раз закон не на нашей стороне — только закон выживания.

Вместо того чтобы вернуть нелегальных поселенцев на Склон, Озава собирается возглавить

племя Рети. Повести его по другому жизненному пути, но оставаясь при этом скрытым от постороннего взгляда.

Только если случится худшее, если мы окажемся последними выжившими людьми на Джиджо.

Сознание Двера отказывалось от такой ужасной перспективы, как внутренности отказываются воспринимать еду. *Если это будет продолжаться, я так ослабну, что не смогу выиграть схватку, когда Джесс и Бом будут решать вопрос о ранге новых членов. В конце концов дело может дойти до Лены и ее оружия.*

На протяжении всего пути крепкая светловолосая женщина особенно заботилась о грузе, который нес один осел. Это ее личное "хобби": оружие, оставленное предками, высадившимися на Джиджо, такое мощное и жестокое, что редко использовалось даже в войнах с урами. "Мои уравнители" называла Лена запечатанные воском ящики, чье содержание делает возможным подкрепить решения Дэйнела так же уверенно, как мышцы и физическое мастерство Двера.

До этого не дойдет! поклялся Двер, приказывая своему телу сохранять форму. Он осторожно коснулся обмороженных мест. Ущерб мог бы быть значительно большим. *Мне всегда везло больше,*

чем я заслуживаю.

Согласно Саре, которая очень много читала о земном прошлом, то же самое можно сказать о всей проклятой человеческой расе.

Вот о чем думал Двер, сидя в импровизированном туалете, когда по небу пронесся огненный уголь. Двер вообще не заметил бы его, если бы смотрел в другую сторону или был занят деятельностью, требующей большего внимания. А так он мрачно смотрел вслед падающей звезде, и раскатистый гром ее полета проносился по соседним каньонам, порождая многочисленное эхо.

На следующий день предстояло пересечь еще одну реку.

Труднопроходимая местность во многом определила выбор сунеров, когда они решали, куда уходить. Ограждаемые вначале Ядовитой равниной, потом глубокими ущельями с пенными потоками, Серые холмы были так труднодостижимы, что землемеры навещали их лишь раз в поколение. Легко представить себе, что Фаллон и остальные просмотрели небольшое племя в этой пустыне, через которую Двер ведет группу, — царство горячих серных 'гейзеров и низкорослых деревьев, которые чем дальше, тем все искривленней. Низкие облака мрачно нависают над

землей, лишь изредка и ненадолго пропуская солнечный свет. Животные благоразумно держатся на расстоянии, оставляя лишь еле заметные следы, чтобы Ларк мог принюхаться и подумать, кому они принадлежат.

При переходе через предыдущую реку они потеряли нескольких ослов. И хоть натянули веревку с одного берега до другого, а Лена и Двер стояли по пояс в воде, помогая животным перебраться, все равно три осла поскользнулись на скользких камнях. Один запутался в веревках, забился и задохнулся раньше, чем они смогли его освободить. Двоих унесло течением. Несколько часов потом, бродя по отмелям, они отыскивали груз. И теперь пальцы рук и ног у Двера горят и ощущают странную холодно-жгучую онемелость.

Наконец, высыхая у костра, они определили ущерб.

— Не хватает четырех книг, молотка и тринадцати пакетов с порохом, — сказал Дэйнел, качая головой. — И, наверно, повреждены другие, если порвана их водонепроницаемая упаковка.

— Не говоря уже о погибшем зерне для животных, — добавила Дженин. — Отныне, хотят они этого или нет, переходят на подножный корм.

– Ну, мы ведь почти на месте, — жизнерадостно

сказала Лена Стронг, которая свежевала погибшего осла. — Есть и хорошая новость: теперь мы будем лучше питаться.

С переменой диеты все ночью чувствовали себя лучше, хотя и испытывали легкую вину. На следующее утро прошли всего один полет стрелы и увидели глубокое ущелье с крутыми стенами и быстрым потоком на дне.

Двер пошел вверх по течению, а Лена — вниз. Дженин и Дэйнел остались ждать с утомленными ослами. Договорились о сроках: два дня пути вперед и два на возвращение. Если к этому времени ни один разведчик не найдет пути, можно будет сколотить плот и попытаться преодолеть пороги. Но Дверу такая перспектива не нравилась.

Разве я не говорил Дэйнелу, что лучше подождать возвращения Реши? Я, может быть, следопыт, но она прошла через эту пустыню совершенно самостоятельно.

Больше чем когда-либо поражало его несокрушимое упрямство девушки.

Если организовали вторую группу и она с ней, Рети, наверно, смеется над тем, что я попал в эту ловушку. Если она знает какой-то тайный обходной путь, они могут добраться до племени раньше нас. Разве это не спутает планы

Дэйнела?

Даже двигаться параллельно реке было нелегко и опасно, приходилось преодолевать крутые утесы, потом спускаться на скользкий берег одного ледяного притока за другим. Грязнолапый увязался за ним, отказавшись от костра Дэйнела и балующего внимания Дженин. Для обычных проделок нура дорога слишком трудна, и поэтому Грязнолапый не пытался организовать на Двера засаду или сбить с пути. Немного погодя они даже начали помогать друг другу. Двер переносил нура через опасные пенистые ручьи. А в других случаях Грязнолапый убегал вперед и писком и вилянием показывал, какая из двух троп лучше.

Тем не менее река и каньоны продолжали их мучить, иногда почти открывались, потом неожиданно снова закрывались, становились уже и круче, чем раньше. В середине второго дня Двер мрачно жаловался на упрямую непроходимость местности. *Фаллон предупреждал меня о Серых холмах. Но я всегда считал, что я могу использовать не только карты и заметки старика. Найду тропу, проложенную какими-нибудь другими охотниками.*

Но никто из них никогда не обнаруживал следов племени Рети, так что, возможно, они

слишком полагались на советы друг друга и всегда проходили через эти пустыни одним и тем же маршрутом. А сунеры знали, какого маршрута нужно избегать. Может, как раз эта ужасная неприступность означает, что группа Дэйнела приближается к стоянке племени.

Правильно, парень. Продолжай так думать, если от этого чувствуешь себя увереннее.

Разве не здорово будет проделать весь этот путь вперед и обратно и узнать, что Лена совсем близко вниз по течению нашла хороший брод? Когда Двер делился пищей с Грязнолапым, его мучила эта мысль. Движение вперед кажется тщетным, да и все равно несколько часов спустя придется признать, что попытка не удалась, и возвращаться. Пальцы рук и ног болели, болели перенапряженные сухожилия ног и спины. Но больше всего его измучил рев падающей воды, словно много дней в голове работает часовой тит.

— Думаешь, нам нужно вернуться? — спросил он нура.

Грязнолапый наклонил гладкую голову, глядя на Двера с тем обманчиво разумным выражением, которое всегда напоминало ему легенды. В легендах о нурах говорится, что эти животные

способны выполнять желания — если вы так сильно чего-нибудь хотите, что готовы заплатить любую цену. Рабочие часто используют выражение “посоветуемся с нуром”. Это значит, что проблему решить невозможно и пора снять напряжение выпивкой.

— Ну что ж, — вздохнул Двер, надевая на плечи мешок и лук. — Не повредит, если пройдем еще немного. Глупо будет отступить, если переход за соседним поворотом.

Тридцать дуров спустя Двер выбрался на берег, поросший колючим кустарником, проклиная шипы и скользкую влажную почву, отчего он сам весь промок. Ему хотелось уже быть на пути назад, к горячей еде и сухому одеялу. Наконец он добрался до места, где можно распрямиться, и стоял, высасывая царапины на обратной стороне ладони.

Повернулся — и уставился на то, что в тумане открылось впереди.

Гремящий водопад, чей рев до сих пор скрывала бурная река, низкий и широкий, тянулся от левого берега до отдаленного правого. Широкий занавес пены и водяной пыли.

Но не это привлекло внимание Двера.

Непосредственно перед падающей с громом

водой всю реку пересекала широкая каменистая отмель, и вода везде как будто не доходит и до колен.

— Вероятно, это решает вопрос, идти ли дальше, — вздохнул Двер.

Вскоре они с Грязнолапым стояли наконец на противоположном берегу, легко перейдя реку, чтобы проверить, можно ли пользоваться бродом. От этого места отчетливая звериная тропа зигзагами вела через лес в направлении каньона на востоке.

На обратном пути поищу более легкий подход сюда для Дэйнела и остальных. Успех заставил почти забыть о боли от царапин и усталости. *Возможно, Лена тоже нашла переход. Но я все-таки нашел это место и, возможно, нашел первым! Если вся эта глупая история с чужаками закончится и нам нужно будет возвращаться домой, я сверюсь с картами Фаллона: не назвал ли кто как-нибудь это место после ухода буйуров.*

Широкий водопад напомнил ему о водосливе в деревне Доло. Мысль приятная, но с горьким привкусом. Она напомнила, почему он здесь, так далеко от Сары и всех остальных, кого любит.

Я здесь, чтобы выжить. Моя работа — иметь детей от женщин, которых я почти не знаю, в

то время как все остальные на Склоне умрут в страданиях.

Радость открытия рассеялась. *Стыд* он заменил ожесточенной решимостью выполнить работу, которую ему приказали сделать. Двер направился назад по отмели… потом остановился, почувствовав щекотливое ощущение на затылке.

Что– то неправильно.

Нахмурившись, он достал лук и спустил рычаг, натягивающий тетиву. Наложил стрелу и вдохнул полную грудь влажного воздуха. Трудно разглядеть что-нибудь в туманной полутьме. Но, судя по изогнутой спине Грязнолапого, нур тоже это чувствует.

Кто– то здесь есть, подумал Двер, быстро возвращаясь под укрытие деревьев. *Или был совсем недавно.*

У берега смешалось множество запахов. Это нормально, учитывая, что переход через реку — единственный на много лиг. Приходят на водопой животные, оставляют свои территориальные пометы. Но Двер ощущал что-то еще, какой-то запах вызывал у него смутную тревогу.

Остро сознавая, что за его спиной открытое пространство, он быстрей углубился в лес.

– Пахнет… горелым деревом… кто-то разводил

костер, совсем недавно.

Он всмотрелся. Принюхался.

Там…

На расстоянии половины полета камня в тени на поляне он разглядел остатки костра. Большое углубление, полное пепла.

Кто– то из племени Рети? Двер встревожился. Может, Джесс и Бом прямо сейчас следят за ним, получше прицеливаясь в чужака с ужасного запада?

Отгадка в шелесте ветра в ветвях, в быстрых и скрытных движениях насекомых и птиц. Но местность и дикая жизнь здесь ему незнакомы, а шум водопада скроет даже приближение целого отряда милиции.

Грязнолапый негромко заворчал и принюхался к земле, а Двер продолжал всматриваться в туман за деревьями.

— Что это? — спросил он, наклоняясь к тому месту, где Грязнолапый раскопал слой недавно опавшей листвы. В нос ударил знакомый запах. *Ослиный помет?*

Он бросил быстрый взгляд — второго не понадобилось. *Ослы? Но Рети говорила, что у сунеров их нет!*

Теперь, когда зрение адаптировалось к полу-

тьме, он видел по всей поляне следы вьючных животных. Отпечатки копыт и помет по крайней мере дюжины ослов. Ствол, к которому их привязывали. Примятые места, куда складывали снятый груз.

Двер опустил лук. Значит, вторая экспедиция все-таки прошла, обогнала первую по более легкому маршруту. Несомненно, ее вела Рети.

Ну, по крайней мере у сунёров не будет такого численного превосходства, даже если события будут разворачиваться не в том порядке, в каком планировал Дэйнел.

И облегчение более личное, хотя и не вполне галантное. *Кажется, мой выбор будущей подруги расширился: не только Дженин или какая-нибудь из родственниц Рети.*

Однако что-то по-прежнему тревожило Двера, не позволяя совсем откладывать лук. Он считал углубления, которые оставляют лежащие ослы. Их слишком много. Вернее, два типа примятых мест. Возле огня они меньше…

Нет. Не может быть.

В любом другом месте он давно почуял бы. И теперь обоняние его ощутило — знакомый и острый запах. Двер подобрал обрывок упругой шерсти, оставшийся после того, как его облада-

тель катался по траве, перейдя вброд реку.

Волосы из гривы ура.

С последней войны прошло несколько поколений. Тем не менее грудь Двера сжал инстинктивный страх, накатилась волна тревоги.

Караван уров в этой местности не может означать ничего хорошего.

Здесь, в дикой местности, вдали от влияния мудрецов и Общины, когда Шесть дома, возможно, уже уничтожены, все старые правила оказываются бесполезными. Как во времена до Великого Мира. Двер знал, какими опасными становятся уры, если они враги.

Неслышно, как привидение, он начал отходить, зигзагом пересек реку и держался ближе к противоположному берегу. Грязнолапый шел за ним, он тоже явно хотел как можно быстрей убраться отсюда.

Целый мидур Двер оставался настороже, хотя тревожное биение пульса успокоилось.

Наконец, решив, что теперь безопасно, он повесил лук через плечо и направился вниз по течению. Там, где позволяла местность, бежал, торопясь с новостями на юг.

Аскс

Вы видите дым, мои кольца? Дым, спиралью поднимающийся от свежего углубления в разорванной почве Джиджо? Две луны прорезают полный сажи воздух, освещая кратер, в котором горят какие-то металлические обломки.

Наш второй мыслительный тор посылает отвлекающие мысли.

Что скажете, мои кольца? Что это очень большое количество мусора? Мусора, который сам по себе не разложится?

Да, это так. Можно ли надеяться, что чужаки сами все здесь расчистят? Чтобы отвезти такое количество к морю, потребуются сотни караванов ослов.

Другое кольцо предлагает отвести ручей, чтобы здесь образовалось озеро. За столетия перемещенный мульк-паук мог бы растворить все грешные обломки.

Путем голосования мы решаем отослать эти мысли в восковой сердечник — для позднейшего обдумывания.

Толпа зрителей окружает склоны холмов вокруг этой изуродованной долины. Их удерживают

на месте ошеломленные измученные прокторы. Еще выше на поросших лесом холмах видны ряды силуэтов, катящихся и маневрирующих, — это занимают позиции отряды милиции. Отсюда нам не видно, что они собираются делать? Защищать Общину от все сокрушительного мщения? Или просто прекращать раздоры, которые убивают Великий Мир: мы ускоряем гибель, разрывая другу друга окровавленными руками?

Наверно, даже командиры этих отрядов не знают точно.

Тем временем, ближе к источнику жара Ур-Джа и Лестер Кембел распоряжаются группами уров, людей, хунов и серых квуэнов, которые спускаются в яму, вооруженные веревками и инструментами из буйурского металла.

Вначале Ро-кенн возражает, не правда ли, мои кольца? На торопливом Галсемь посол ротенов прогоняет тех, кого он называет “бесчувственными грабителями”. Поднимается один из уцелевших роботов, расправляя множество орудий наказания.

Вуббен уговаривает Ро-кенна посмотреть снова. Разве он не видит искреннего стремления *спасать?* Два напряженных ура мы балансируем на грани пропасти. Затем ротен неохотно отзывает

машину смерти — на время.

На харизматическом, по-человечески прекрасном лице Ро-кенна наш реук читает тона горя и гнева. Конечно, это новая для нас раса и реук может обмануться. Но чего еще ожидать от того, чей дом/лагерь лежит в руинах? Чьи товарищи томятся внутри, мертвые или умирающие, под измятыми обломками собственной станции?

На лице мужчины — звездного человека, Ранна, выражение открытого горя. Он едет на роботе, выкрикивает команды тем, кто работает среди обломков, направляет их усилия. Напряженный, но подбадривающий знак сотрудничества.

Линг, другой звездный человек, все еще кажется в шоке, она прислоняется к молодому Ларку, который роется в обломках на краю кратера. Наклоняется к дымящейся планке, подозрительно принюхивается. Мы видим, как в удивлении откидывается его голова.

Линг отстраняется, требует у него объяснения. Наш реук показывает, что Ларк делает это неохотно. Он показывает ей дымящуюся планку — кусок сгоревшего дерева от джиджоанского ящика или корзины.

Линг отпускает его руку. Поворачивается и торопливо идет к Ранну, который парит на своем

механическом скакуне.

Гораздо ближе к этой груде колец Ро-кенн ведет спор. Ротенского посла окружает делегация, требующая ответа.

Почему он утверждал, что имеет право и возможность приказывать Святому Яйцу? Ведь теперь совершенно ясно, что святыня отвергает его и весь его род.

Далее, почему он стремится расколоть Шесть своими клеветническими утверждениями относительно человеческой расы? Он беспочвенно лжет, утверждая, что наши братья-земляне не происходят от грешников, как все остальные Пять.

— Вы, ротены, можете быть высокими патронами землян, а можете и не быть ими, — признает глава делегации. — Но это ничто не отнимает у наших предков, прилетевших сюда на “Обители”. Ни их преступление, ни их надежды, когда они вступили на тропу Избавления.

В голосе заступника за людей звучит гнев. Но мы/я также ощущаем подтекст *театральности.* Стремление усилить пламя дисгармонии, которую разжег Ро-кенн своим рассказом. И окружающие уры одобрительно подхватывают слова своей предводительницы.

Второе мыслительное кольцо посылает новую мысль-гипотезу.

В чем дело, мое кольцо? Ты полагаешь, что дисгармония входила в замысел Ро-кенна? Сознательный план, направленный на создание напряженности между Шестью?

Наше четвертое кольцо возражает — какой цели может служить такой странный план? Настроить Пять против Одного? Вызвать вендетту именно против той группы, которую ротены называют своими возлюбленными клиентами?

Запомните этот странный постулат, мои кольца. Подумаем над ним позже. Потому что сейчас ротен готовится отвечать. Выпрямившись, он разглядывает толпу с выражением, которое вызывает благоговение и у людей, и у тех, кто их знает, — и у носителей реуков, и у тех, кто без них.

В его взгляде доброта. Напряженное терпение и любовь.

Дорогие обманутые дети. Этот взрыв не проявление гнева Джиджо или Яйца. Вероятно, какие-то технические неполадки высвободили могучие силы, заключенные в нашей станции.

Неожиданно он смолкает, видя, как на роботах приближаются Ранн и Линг. У людей выраже-

ние мрачного гнева. Они что-то говорят в свои приборы, а ротен слушает, глядя на них. И снова мой реук видит смену выражений на его лице, последнее из которых — кипящая ярость.

Ро– кенн начинает говорить.

Итак, (страшная) правда известна. Установлена. Подтверждена!

Не несчастный случай этот (убийственный) взрыв.

Не (маловероятная) неполадка — не отвержение со стороны вашего (хваленого) Яйца.

Теперь правда известна, подтверждена. Это (грязное, неспровоцированное) убийство!

Убийство обманом исподтишка.

С помощью взрывчатки. Нападением из укрытия.

И напали вы!

Он указывает своим длинным изящным пальцем. Толпа отшатывается от ярости Ро-кенна и этой новости.

Сразу становится ясно, что сделали фанатики. Тайно, скрываясь в природных пещерах, пронизывающих эти холмы, они закопали глубоко под станцией взрывчатый порошок, примитивный, но эффективный, и ждали сигнала, подходящего символического момента, чтобы вызвать пламя

и разрушения.

Сканеры, настроенные на химические следы, показывают нам теперь глубину вашего общего преступления. Какими незаслуженными стали награды, которыми мы собирались наделить полуживотных-убийц!

Он мог бы говорить еще что-то, добавлять ужасные угрозы. Но в этот момент новое обстоятельство привлекает внимание к дымящейся яме. Толпа расступается, пропуская группу вымазанных сажей спасателей, которые, кашляя и отплевываясь, несут свой печальный груз.

Ранн с криком соскакивает со своего робота, чтобы осмотреть фигуру на носилках. Это Беш, вторая небесная женщина. Наш реук не видит признаков жизни в ее изуродованной фигуре.

Толпа снова расступается. На этот раз Ро-кенн испускает отчетливо нечеловеческий вопль. На носилках, опущенных перед ним, другой представитель его расы, Ро-пул. Мы считали ее женщиной (его подруга?).

На этот раз с вымазанного сажей, но по-прежнему прекрасного лица жертвы в инфракрасном излучении поднимается тонкая ниточка *дыхания.* Ро-кенн наклоняется ближе, как будто хочет о чем-то поговорить.

Эта напряженная сцена длится всего несколько мгновений. Живой нити больше не видно. Под яркими-яркими звездами на носилках второй труп.

Оставшийся в живых ротен распрямляется. Ужасное зрелище, свидетельство страшного гнева.

Время награды, которой заслуживает (грязное) предательство! — восклицает Ро-кенн, поднимая руку к небу; в голосе его такой гнев, что все реуки в долине дрожат. Некоторые люди падают на колени. Разве даже серые квуэны не свистят в отчаянии и страхе?

Вы боялись (праведного) суда свыше. Узрите его воплощенную форму!

Вместе со всеми мы поднимаем взгляд, следуя за вытянутой рукой Ро-кенна.

Мы видим пересекающую небо огненную искру. Безжалостный свет громоздко движется от Паутины к созвездию, которое люди называют Мечом.

Огромный корабль еще далеко, но он не мерцает и не гаснет. Он словно напряженно дрожит, и, если долго смотреть на него, становится больно.

Трудно отказать фанатикам в правильности расчета времени, посылает мысль наше второе

кольцо сознания. *Если их целью было принести конец нашему присутствию, они лучше не могли выбрать.*

Сара

Мудрец Теин хотел поговорить с ней до ее отъезда к пристани Канду. Ариана Фу тоже. Оба хотели бы, чтобы она отложила свой отъезд, но Саре хотелось уехать как можно скорее.

Но всего за мидур до того, как садиться на борт “Гофера”, она неожиданно решила навестить свой старый кабинет, помещавшийся высоко в башне Библиотеки Материальных наук.

Минуя Большую Лестницу, она вначале поднималась мимо обширных стеллажей по физике и химии, где заметны следы недавней эвакуации. В путанице полок видны пробелы. На месте отсутствующих томов лежат листки бумаги, чтобы помочь сотрудникам поставить книги на место, когда минует кризис. Местами деревянная поверхность полок кажется почти новой: эти книги сняли с места впервые со времени Великой Печати.

Посмотрев в глубину одного из проходов, Сара увидела молодого Джому, качающегося под грузом тяжелых томов. Вслед за дядей мальчик начинал сложный ритуал одалживания книг. Им стоит поторопиться, если они хотят вовремя

попасть на корабль. Взрывники и кое-кто еще направлялись туда же, куда и Сара, вначале кораблем, потом с караваном ослов — на Поляну Собраний.

Извилистый лабиринт вызывал противоречивые сложные чувства. Она часто терялась здесь в прошлом, но ей было все равно: она была так счастлива жить в этом великолепном месте. В этом храме мудрости.

За долгий прошедший год ее маленький кабинет с узкими окнами, выходящими на обрамленный зеленью Бибур, почти не изменился. Все казалось таким же, каким она его оставила, за исключением пыли. *Что ж, я всегда считала, что вернусь сюда.* Многие из людей соревновались за право быть отобранными для такой жизни, субсидируемой расой фермеров и ремесленников, главной греховной гордостью которых были книги.

В углу лежала свернутая таблица, иллюстрирующая “деволюцию” различных диалектов Склона. Как ветви от родительских корней, от каждого современного галактического языка отходили многочисленные отростки. Эта старая схема показывала ошибочность утверждений ученых-лингвистов и подкреплялась неопро-

вержимым фактом: миллиарднолетние галактические языки когда-то были совершенными, эффективными коммуникационными кодами. Отклонения от совершенства проявлялись в виде части предсказанной спирали к невинности и крикам животных — Тропы Избавления, по которой уже так далеко прошли глейверы, участи, которой боятся или которую приветствуют все на Склоне — в зависимости от степени своего религиозного рвения.

Человеческие языки тоже прослежены в прошлое — не на миллиард, но на десять тысяч лет. Земные ученые типа Чайлда, Шредера и Ренфью тщательно воссоздавали языки-предки, и выяснялось, что их грамматика гораздо более структурирована, лучше предотвращает и исправляет ошибки в передаче информации, чем последующие "ублюдочные" жаргоны. Какое еще нужно доказательство того, что человеческая деволюция началась задолго до высадки на Джиджо? Разве нет во всех человеческих культурах легенды о Золотом веке?

Еще один вывод: отсутствующим патронам землян, должно быть, помешали продолжить работу, их вынудили оставить землян полузавершенными. Правда, последующий упадок был

замаскирован некоторыми вспышками преждевременной технологии. Тем не менее многие ученые считают, что земляне много выиграют, идя по тропе, ведущей к новому принятию и второму шансу, особенно если учесть, что они все равно идут по этому пути.

Это ортодоксальная точка зрения. Моя модель учитывает те же данные, но позволяет сделать другие выводы.

Ее самая последняя схема напоминает эту — но только перевернутую. Безжизненные отростки преобразуются в деревья, показывающие, что Шесть движутся в новом направлении.

Во многих *направлениях.*

Если никто не вмешается.

Вчера она показала свою последнюю работу мудрецу Боннеру, чей энтузиазм усилил удовольствие от оценки коллеги.

— Ну, моя дорогая, — сказал старейший математик Джиджо, поглаживая свою лысину, — похоже, у тебя интересная теория. Давай назначим время семинара! Разумеется, междисциплинарного.

И он подчеркнул свой энтузиазм эмоциональной трелью на ломаном Галдва.

— Мы пригласим этих скучных педантов из лингвистики. Посмотрим, могут ли они для раз-

нообразия воспринять оригинальную новую идею. Хех! Хех в кубе!

Вероятно, Боннер не очень внимательно слушал ее рассуждения об “избыточном кодировании” и о хаосе в теории информации. Престарелый тополог просто радуется возможности организовать оживленное обсуждение, в котором можно опровергнуть некоторые закостенелые взгляды.

Если бы только ты знал, каким хорошим примером моего утверждения являешься, с любовью думала Сара. Ей очень не хотелось его разочаровывать.

— Если повезет, сможем организовать семинар, когда я вернусь с Собрания.

Увы, из предстоящего путешествия возвращения может и не быть. Или, вернувшись, она обнаружит, что взрывники выполнили-таки свой долг и обрушили каменную крышу, а вместе с этим принесли предсказанный век невежества и чистоты. Сара уже повернулась, собираясь уходить, когда негромкий звонок возвестил о появлении на ее столе шара-сообщения. Над приемным ящиком втягивалась труба, которая только что выплюнула шар. Целый лабиринт таких труб пронизывает весь Библос.

О нет. Сара попятилась, надеясь уйти, прежде чем меховой комок развернется. Если посыльный обнаружит, что дома никого нет, он просто вернется в трубу и сообщит об этом пославшему.

Но шар развернулся стремительно, из ящика выбралось крошечное, похожее на мышь существо и радостно запищало, поняв, что достигло цели. Именно с этой целью его вывели древние буйуры — доставлять послания по сложнейшей системе туннелей и труб. Сара со вздохом протянула руку, и курьер выплюнул в нее теплый шарик. Шарик извивался.

Преодолевая отвращение, она подняла симбионта — большего по размерам родственника попугайской мухи — и позволила ему вползти в свое ухо.

Как она и опасалась, послышался голос мудреца Теина.

Сара, если получишь это, я хотел бы поговорить с тобой до отъезда… Очень важно разъяснить наше взаимное недоразумение.

Наступила долгая пауза, затем голос продолжил.

– Я думал об этом и в последнее время пришел к заключению, что это в основном моя вина…

Послание прервалось. Записывающий жучок

занял весь объем своей памяти. И начал повторять сообщение снова, с самого начала.

Вина? Ты произнес слово “вина”?

Сара приложила руку к уху. Жучок понял, что в нем больше не нуждаются, и выполз. Сара бросила его в ящик — голос Тэйна продолжал при этом звучать, но стал далеким и жалобным, труба схватила маленького пушистого посланца, зажала острыми челюстями и ждала ответного сообщения Сары.

Прости, едва не сказала Сара вслух.

Мне следовало бы учесть смягчающие обстоятельства. Ты был бестактен, но в своем высокомерном стиле хотел лучшего.

Мне следовало бы гордиться твоим предложением, даже если вначале ты сделал его из чувства долга.

Я неправильно реагировала, когда ты повторил свое предложение после смерти Джошу.

Месяц назад я подумывала о том, чтобы ответить да. Ты предлагаешь не самую плохую жизнь на Склоне.

Но теперь все изменилось. Об этом позаботились чужаки. Теперь наступление новой эры зависит от Двера. Он преуспеет, станет отцом нового поколения охотников-собирателей, если

век невинности действительно на подходе.

А что, если чужаки принесут нам всем смерть? Ну, Двер все равно обманет их и выживет.

Эта мысль принесла Саре злую радость.

В любом случае, зачем Джиджо интеллектуалы, подобные нам, Теин?

Перед концом они сравняются в своей бесполезности.

Но вслух Сара ничего не сказала. Посланник печально пискнул. Взял жука в пасть и исчез в переплетении соединений, которые пронизывают Библос, как система артерий и вен.

Ты не один, подумала Сара после исчезновения разочарованного животного. *Теперь многие испытают разочарование.*

“Гофер” уже пускал пары, когда Сара поднималась на палубу. Поблизости ждала Ариана Фу, сумерки окутали ее инвалидное кресло, так что она напоминала гибрид человека с г'кеком.

— Я бы хотела провести с ним еще несколько дней, — сказала она, беря Сару за руку.

— Вы сотворили чудо, но больше нельзя терять времени.

— Следующий каяк может привезти важные новости…

– Знаю. И я все отдала бы, чтобы получить пись-

мо от Ларка. Но такие рассуждения только пустят нас по кругу. Если произойдет что-то важное, можно послать за нами курьера-скакуна. У меня ощущение… что нам лучше поторопиться.

— Новые сны?

Сара кивнула. Несколько ночей подряд она во сне видела огонь в горах, а потом наводнение. Возможно, это возвращение клаустрофобии, которую она испытывала несколько лет назад, когда впервые оказалась под каменной крышей. Но возможно, в этих кошмарах отражается что-то реальное. Приближающаяся кульминация.

Мама верила в сны, вспомнила Сара. *И хоть учила нас с Ларком любить книги и науку, больше всего проводила времени с Двером, когда он маленьким просыпался, увидев сон, — и еще в последнюю неделю перед смертью.*

Пароход засвистел, его котлы заработали. Два десятка шимпов на корме меж запечатанных ящиков с книгами затопали и заскулили.

С носа послышался иной, странно контрастирующий звук. Тонкая мелодичная музыка, состоящая из двух параллельных рядов неуверенных, чуть гнусавых нот. Сара наклонила голову.

— Он совершенствуется.

— У него есть мотивация, — ответила женщи-

на-мудрец. — Я думала, он выберет инструмент попроще, типа флейты или виолы. Но он достал из музейной витрины дульцимер и, кажется, получает глубокое удовлетворение, дергая его за струны. Им проще овладеть, и он может петь, когда мелодия оживляет его память. Ну, к путешествию он готов, поэтому, — она глубоко вздохнула, выглядя уставшей и очень старой, — передай Лестеру и остальным их премудростям мой привет. Скажи, чтобы вели себя достойно.

Сара наклонилась и поцеловала Ариану в щеку.

— Обязательно.

Отставной мудрец с неожиданной силой сжала ее руку.

— Благополучного пути, дитя. Пусть Ифни выбрасывает тебе только шестерки.

— Благополучного дома, — тоже благословением ответила Сара. — Пусть Ифни выбросит вам долгую жизнь.

Шимп спустил кресло Арианы с трапа и повез к удобствам вечернего огня. А у Сары уже вошло в привычку сомневаться, увидит ли она когда-нибудь снова того, с кем расстается.

Капитан приказал отдать концы и начал осторожно выводить корабль из-под маскировки. У

перил к Саре присоединились Джоп и Ульгор, а также несколько мрачных библиотекарей, которые должны были везти драгоценный груз в опасности дикой местности. Вскоре колеса с лопатками заработали в спокойном ритме, преодолевая течение Бибура.

Незнакомец продолжал сосредоточенно играть. Склонившись к маленькому клинообразному инструменту, он бил по его струнам двумя деревянными молоточками, часто сбиваясь и фальшивя, но излучая оживление и страсть. Музыка сопровождала горькие и сладкие воспоминания: Сара смотрела, как мимо проплывает могучая крепость с ее многооконными залами. Каменная крыша над ней казалась нависшим кулаком бога.

Вернусь ли я сюда?

Вскоре они миновали западный край вырезанного лазером камня — территорию мульчи. Сегодня здесь нет похорон, маленькие субтреки деловито не пожирают плоть, готовя белые кости к отправке в море. Но в полутьме Сара разглядела на берегу одинокую фигуру. Человек, высокий, прямой, с гривой серебристо-белых волос, слегка опирался на трость, хотя казался совсем не слабым. У Сары перехватило дыхание.

Мудрец Теин кивнул — дружественный, даже горячий жест для такого сдержанного человека. Потом, к удивлению Сары, поднял руку в прощальном пожелании добра.

В последний момент она сдалась и тоже подняла руку. *Мир,* подумала она.

Вскоре Библос остался за кормой, поглощенный сгущающейся ночью. Незнакомец поблизости запел песню о путешествии, из которого не возвращаются. И хотя Сара знала, что песня выражает его собственное чувство потери и одиночества, она сладко и болезненно соответствовала противоречиям в сердце девушки.

Ибо я ухожу за темный горизонт И никогда не узнаю твоего имени…

XXIII. КНИГА МОРЯ

Катящийся г'кек, ты можешь скакать по пересеченной местности? Груда треки, можешь ли ты сплести ковер или овладеть искусством огня? Королевский квуэн, будешь ли ты возделывать лесистые плоскогорья? Можешь лечить прикосновением? Моряк хун, можешь ли ты жить на равнинах или катиться по высоко натянутому проводу? Ур, живущий на равнине, готов ли ты плыть в море или делать бумагу из размочаленного тряпья? Вновь прибывший человек, знаешь ли ты этот мир? Можешь ли ты соткать, сложить песню Джиджо? Согласны ли вы все следовать по тропе, проложенной блаженными глейверами? По тропе прощения, ведущей к забвению? Если согласны, запомните: вы часть союза, большего, чем сумма его частей.

Свиток Яйца (неофициальный)

Рассказ Олвина

Я не жаловался на свою позицию — в тесноте сзади, далеко от окна. Во всяком случае, не во время долгого спуска вдоль стены утеса, когда море становилось все ближе и ближе. В конце концов эту часть пути я уже видел, а остальные нет. Но как только мы коснулись воды и мои друзья начали охать и ахать над тем, что видели в окно, я понемногу приходил в негодование. К тому же это мешало мне как *писателю:* ведь мне потом придется все это описывать для своих читателей. В лучшем случае я мог разглядеть только узкую синюю полоску над головами своих сверстников.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что мог бы решить эту проблему несколькими способами.

Во– первых, я мог бы солгать. Я хочу сказать, что еще не решил, буду ли писать роман, а, по словам мистера Хайнца, всякая художественная литература -это разновидность лжи. В своем варианте я просто могу придумать окно и на корме. И мой герой сможет описать все, что я знаю только по возгласам остальных. Или я могу написать, что вместе со всеми находился впереди у окна. В литературе ты можешь стать капитаном, если

захочешь.

Или я мог бы написать все от лица Клешни. Ведь это в большей степени его лодка, чем наша. И он лучше всех видит, что впереди. Это означало бы описывать все глазами квуэна. Вероятно, не так чуждо, как треки. Но, возможно, я еще не готов к таким вызовам.

Конечно, если выживу я или кто-нибудь другой, кто мог бы прочесть мой рассказ.

А пока придется обойтись полуправдивым дневниковым стилем, а это значит, что нужно рассказывать, что я действительно видел, слышал и чувствовал.

Вращающиеся барабаны через трос передавали устойчивую дрожь. Слева у моего уха урчал и гудел шланг, подающий свежий воздух, так что вряд ли я бы назвал наш спуск неслышным погружением в молчаливую глубину. Время от времени Ур-ронн ахала: “Что это?” В таком случае Клешня называл какую-нибудь рыбу или другое морское животное — хуны обычно видят их мертвыми в своих сетях, а уры, вероятно, вообще никогда не видят. Но никаких фантастических чудовищ. И никаких сказочных минаретов подземных городов. Пока.

По мере спуска быстро темнело. Вскоре я смог

различать светящиеся пятна по всей кабине: это Тиуг намазал фосфором разные приборы: мою моторную ручку, глубокомер и ручку сброса балласта. От нечего делать я каталогизировал испускаемые друзьями запахи. Знакомые запахи, но они никогда не были такими острыми. И ведь это только начало.

Повод радоваться, что с нами нет человека, подумал я. Одной из многих проблем, объяснявших сложности взаимоотношений людей с урами, было то, что они по-разному пахнут. До сих пор, несмотря на Великий Мир, вряд ли представитель одной расы согласится надолго быть запертым с представителем другой в огромном гробу.

Ур–ронн начала читать данные о глубине с прибора, измеряющего давление. На глубине в семь кабельтовых она повернула ручку и зажглись огни эйка, посылая вперед в холодную темную воду два одинаковых луча. Я ожидал, что сидящие впереди возобновят свои взволнованные восклицания, но, очевидно, на этой глубине не на что смотреть. Каждые несколько Дуров Клешня разочарованным голосом называл вид рыбы.

На девяти кабельтовых мы все напряглись: именно здесь при первом испытании начались

неприятности. Но критическая глубина была пройдена без происшествий. Еще бы: сама Уриэль лично осмотрела каждое копыто троса.

На одиннадцати с половиной кабельтовых в кабине неожиданно стало холодно, на короткое время образовался туман. Все твердые поверхности увлажнились, и Гек включила поглотитель влаги. Я коснулся корпуса из древесины тару: он казался заметно холодней. “Мечта Вуфона” начала слегка покачиваться, корабль потянуло в сторону, больше не было мягкого движения только вниз. Мы заранее знали, что попадем в глубокое холодное течение. Все равно было страшновато.

— 'Приспосабливаю балласт к крену, -объявила Гек. Она воспользовалась хитроумными насосами Уриэль, заполняя три бака водой, пока спиртовой уровень не показал ровный киль. Особенно важно это при достижении дна, иначе мы перевернемся в тот момент, когда входим в историю.

Я думал о том, что мы делаем. В галактических терминах все это, конечно, предельно примитивно. Но земная история позволяла воспользоваться гораздо более лестными сравнениями — может, именно поэтому мы находили приключение

привлекательным. Например, когда Жюль Верн писал “Двадцать тысяч лье под водой”, никто из людей не опускался в океане Терры так глубоко, как мы сегодня. Мы, дикари с Джиджо.

Гек крикнула:

— Смотрите? Там что-то есть внизу!

Эти ее глаза. Даже глядя из-за Клешни и Ур-ронн, она увидела первой. Ур-ронн повернула лучи эйк, и вскоре они снова принялись сводить меня с ума своими охами, ахами и удивленными щелчками. В раздражении я принялся вертеть ручку, заставив задние колеса вращаться, пока эти трое не крикнули, чтобы я прекратил, и согласились поделиться со мной увиденным.

— Тут какие-то волнистые растения, — сказал Клешня. Больше он не заикался. — И еще другие, тонкие и кожистые. Не знаю, как они живут, потому что свет сюда не достигает. Их много, повсюду волнуются. И в грязи извилистый след, как будто какие-то странные рыбы вплывают и выплывают из этих зарослей…

После какого-то времени подобных рассказов я бы с радостью вернулся к щелчкам удивления. Но молчал.

— …И тут какие-то крабы, ярко-красные и большие, я таких больших никогда не видел. А это

что, Ур-ронн, земляной червь? Ты так считаешь? Какой червь!... Эй, а это что? Это?...

Ур– ронн прервала:

— Полкабельтова до дна! Передаю наверх, чтобы замедлили спуск.

Яркие электрические искры разорвали темноту кабины: Ур-ронн контактным ключом посылала кодированные импульсы от нашей батареи по изолированному проводу, вплетенному в трос. Прошло еще несколько дуров, и рокот разматывающихся барабанов изменился. Наверху нажали на тормоз, “Мечта Вуфона” дернулась, заставив всех нас вздрогнуть. Хуфу впилась когтями мне в плечо.

Спуск замедлился. Мне это было особенно мучительно, потому что я не знал, насколько далеко до дна, когда мы его коснемся и с какой силой. Естественно, никто и не думал рассказывать об этом доброму старине Олвину!

— Эй, ребята, — снова начал Клешня. — Кажется, я только что увидел...

— Приспосабливаюсь к крену! — провозгласила Гек, вглядываясь каждым глазом в разные уровни.

– Перенаправляю свет, — добавила Ур-ронн. — Зиз показывает с правого борта одно желтое

щупальце. Течение в этом направлении, скорость пять узлов.

Клешня повторил:

— Ребята! Мне кажется, я видел… ну, не важно. Дно, кажется, с наклоном влево, может, градусов на двадцать.

— Компенсирую поворотом передних колес, — отозвалась Гек. — Олвин, нам могут понадобиться медленные повороты ведущих колес.

Это заставило меня забыть о негодовании.

— Слушаюсь, — ответил я, поворачивая зигзагообразный стержень перед собой и тем самым заставляя поворачиваться задние колеса. Ну, я надеялся, что они поворачиваются. Точно не будем знать, пока не коснемся дна.

— Сейчас, — сказала Гек. Потом, очевидно, вспомнив свою фатальную ошибку во время пробного погружения, добавила: — На этот раз точно. Держитесь крепче.

Когда впоследствии буду писать, пользуясь этими заметками, я, возможно, опишу неожиданные облака грязи, окружившие нас, когда мы коснулись дна океана, вырыв длинную борозду, заставив качаться водоросли и отправив морские создания в паническое бегство. Может, прибавлю несколько струек холодной соленой воды из

одного-двух разошедшихся швов, которые тут же были закрыты героическим экипажем — в самый последний момент.

Но чего я точно не напишу для печати, так это того, что не смог определить момент, когда колеса коснулись дна. Дело в том, что все вокруг было… ну… как-то туманно. Словно осторожно погружаешь вилку в плод шуро и точно не знаешь, подцепил ли сердцевину.

“Туманно” описывает и сцену вокруг нас, когда спиральные завитки грязи медленно начали опускаться, открывая мертво-черный мир, в котором только два ослепительных коридора оставляли огни эйка. В этих коридорах я мог разглядеть наклонную плоскость грязи, тут и там прерываемую бледными “растениями” с тонкими стеблями. Этим растениям не нужен свет, хотя не представляю, за счет чего они живут. Листья их и ветви покачиваются, словно на ветру. В лучах не видно никаких животных, что неудивительно. А разве мы, живи мы на дне, не бросились бы прятаться, если бы сверху прямо к нам не бухнулся странный корабль, испуская гул и жгучий свет?

Продолжая сравнение, я подумал, не решили ли местные жители, что настал судный день.

Ур– ронн телеграфным ключом передала на-

верх всем желающим услышать: *“Мы на дне. Все в порядке”.*

Конечно, недостает поэтического воображения, развернутых флагов и приземлившихся орлов. Но я не стал бы жаловаться. Не все уры способны в нужную минуту цитировать героические саги. Но все же, думаю, я это изменю, когда буду перерабатывать — конечно, если у меня будет такая возможность. Сейчас она кажется маловероятной.

Снова искры осветили нашу кабину, на этот раз Ур-ронн не притрагивалась к ключу. Ответ сверху.

Хорошая новость. Продолжайте.

– Готов, Олвин? — спросил Клешня. — Вперед на одной четверти. Я ответил:

— Вперед на одной четверти, капитан.

Мышцы спины и рук напряглись. Ручка вначале не хотела поддаваться. Но потом я услышал щелчок магнитных зажимов — странное ощущение соединения с частями некогда живых г'кеков. Но я об этом старался не думать. Специальные гусеничные звенья для грязи шевельнулись, и я ощутил сопротивление. “Мечта Вуфона” двинулась вперед.

Я сосредоточился на сохранении устойчиво-

го ровного хода. Клешня выкрикивал приказы Гек, глядя на карту Уриэль. Ур-ронн по компасу определяла наше положение. Трос и шланги снова начали передавать звуки разматывающих барабанов. Они добавляли длины, чтобы мы могли еще дальше уйти от безопасности. Тесное помещение резонировало от моего гулкого рабочего ворчания, но никто не жаловался. Звуки окружали меня, и я почувствовал, что вокруг моряки-хуны. Мне стало легче. Как корабль в далеком море, мы одни и можем полагаться только на удачу Ифни и на нашу собственную изобретательность, если хотим вернуться домой.

Шло время. Мы привыкали к ритмической рутине. Я приводил в движение колеса, Гек рулила, Ур-ронн направляла свет, а Клешня был капитаном. Скоро нам стало казаться, что мы давно занимаемся этой работой.

Гек спросила:

— Что ты сказал, Клешня. Перед самым приземлением? Ты что-то увидел?

— Что-то со множеством *зубов,* — поддразнивала Ур-ронн. — Разве нам не пора увидеть чудовища? *Чудовища,* подумал я. Ворчание помешало смеху. Клешня достойно перенес насмешки.

— Подождите, приятели. Никогда нельзя ска-

зать… вот! Налево. Вот что я видел!

Гек и Ур-ронн бросились вперед, “Мечта” слегка наклонилась, и задние колеса наполовину утратили сцепление.

— Эй! — пожаловался я.

— Чтоб меня лишили осей! — сказала Гек.

— Чтоб я вымокла! — подхватила Ур-ронн. Пришлось мне взвыть:

— Послушайте, вы, питающиеся травой и кислой мульчей…

Тут дно еще больше наклонилось, и в мое узкое поле зрения наконец попало то, на что они смотрели.

— Хр-рм-рм! — воскликнул я. — Так вот что вас испугало! *Гробы с мусором?*

Они были разбросаны по дну океана, многие наполовину погрузились в грязь. Десятки. В основном продолговатые и прямоугольные, но было и несколько в форме бочек. Естественно, никаких следов лент, когда-то украшавших их, оказывая почести костям, или осям, или поломанным инструментам, выброшенным предыдущими поколениями сунеров.

— Но корабли с мусором сюда никогда не приходили, — сказала Гек, нацеливая мне в лицо два глазных стебелька. — Верно, Олвин?

Я повернулся, чтобы смотреть мимо ее проклятых плавающих глаз.

— Не приходили. Тем не менее Трещина официально часть Помойки. Часть того, что всасывает внутрь.

— Зона тектонического разлома, — вставила Ур-ронн.

— Да, спасибо. Так что здесь вполне законно можно бросать мусор.

— Но если корабли не приходили, как он сюда попал?

Я пытался определить, какие разновидности гробов здесь есть и какие отсутствуют. Это помогло бы установить время сброса. Нет ни ящиков в человеческом стиле, ни урских тростниковых корзин, что совсем неудивительно. До сих пор я видел только работу г'кеков и квуэнов. Следовательно, место это очень древнее.

— Коробки попали сюда так же, как мы, — объяснил я. — Кто-то сбросил их с края Окончательной скалы.

Гек ахнула. Она попыталась заговорить, смолкла, и я почти услышал, как вращаются колеса в ее голове. Гробы с суши просто не сбрасывают. Но она, должно быть, уже поняла, что это место — вполне пригодное исключение. Если часть

Помойки действительно проходит непосредственно под Окончательной скалой и поблизости был когда-то поселок, гораздо дешевле хоронить дедушку здесь, чем везти его гроб на корабле в море.

— Но почему все эти ящики так далеко от суши? Мы прошли много кабельтовых.

— Приливы, оползни, — ответил Клешня. Но я отрицательно проворчал.

— Вы забываете, как работает Помойка. Она всасывает мусор в себя, верно, Ур-ронн?

Ур– ронн в отчаянии от моего сверхупрощенного объяснения свистнула. Сделала жест обеими руками.

— Один тектонический пласт скользит под другим, создавая трещину и увлекая за собой прежнее морское дно.

— Все втягивается под землю, расплавляется, обновляется, проталкивается под Склон и создает вулканы. Да, поняла. — Гек задумчиво вытянула вперед все четыре стебелька. — Мусор сброшен сотни лет назад и прошел так недалеко?

Несколько секунд назад ее поразило, как далеко находятся ящики от утеса! Мне кажется, это может показать, как по-разному воспринимается время, когда меняешь перспективу — от продол-

жительности своей жизни до жизненного цикла всей планеты. Поэтому я считаю, что людям нечего хвастать тем, что они живут вдвое дольше уров. Все мы вскоре подвергнемся медленному пищеварению Джиджо, даже если чужаки оставят нас в покое.

Клешня и Ур-ронн справились с картами, и вскоре мы снова пустились в путь, оставив кладбище прежних поколений сунеров совершать свой медлительный поход к вечному прощению в расплавленном камне.

Спустя примерно половину мидура мы с огромным облегчением отыскали “игрушку” Уриэль.

К этому времени мои руки и ноги ныли от гребли. Мне пришлось уже несколько тысяч раз повернуть рукоятку, реагируя на настойчивые приказы Клешни: “быстрей!”, или “медленней!”, или “не можешь еще быстрей?” Из нас четверых только он один, кажется, наслаждался, не испытывая никаких душевных или физических затруднений.

Мы, хуны, выбираем капитана, а потом в чрезвычайном положении подчиняемся ему, не задавая вопросов, — а все наше путешествие в моем сознании было сплошным чрезвычайным положением, — поэтому я отложил негодование

и недовольство на будущее, собираясь продемонстрировать его Клешне самыми разнообразными способами. Может быть, следующим нашим замыслом станет воздушный шар с горячим воздухом. И он станет первым квуэном, поднявшимся в небо после того, как раса отказалась от космических кораблей. Так ему и надо.

К тому времени как Гек закричала “Эврика!”, мои бедные мышцы и суставы чувствовали себя так, словно мы прошли половину Трещины и еще немного. Первой моей облегченной мыслью было: *Неудивительно, что Уриэль предоставила такие длинные тросы и кабели!*

Но потом пришла вторая мысль: *Откуда она знала, где нам искать эту джикии штуку?*

“Штука” была наполовину погружена в ил примерно в двенадцати кабельтовых к югу от того места, где мы впервые коснулись грунта. Судя по тому, что я смог увидеть со своего “наблюдательного пункта” за всеми, она состоит из длинных острых концов, направленных в разные стороны, словно нацелившись на шесть поверхностей куба. У каждого острия на конце большое полое расширение, вероятно, для того, подумал я, чтобы предотвратить погружение в грязь. Раскрашенная в яркие красные и синие

цвета: по-видимому, предусматривалось, что она должна быть найдена. Красное легче разглядеть на близком расстоянии, так как под водой этот цвет почти не встречается, а синее видно издалека, если ваш луч наткнется на него во тьме. Тем не менее нужно подойти ближе кабельтова, чтобы разглядеть эту штуку, так что без указаний Уриэль мы бы ее никогда не нашли. Тем не менее нам потребовалось сделать две поисковые спирали, чтобы наткнуться на нее.

Ничего более удивительного никто из нас в жизни не видел. И не забудьте, что я слышал ворчание г'кека и видел влен треки.

— Оно буйурское-юрское? — спросил Клешня. Он не только снова начал заикаться — в голосе, доносившемся из ножных щелей, звучал страх.

— Ручаюсь, этот кусок ослиной мульчи никакого отношения к буйурам не имеет, — сказала Гек. — А ты как думаешь, Ур-ронн?

Наша урская подруга вытянула шею мимо Клешни, и ее морда высушила полосу на выпуклом стекле.

— Буйуры никогда не сделали вы что-нибудь такое ужасно яркое, — согласилась она. — Это не их стиль.

— Конечно, это не их стиль, — продолжала

Гек. — Но я знаю, чей он.

Мы все уставились на нее. Естественно, она выжала все из этого момента, молчала, пока мы были не готовы поколотить ее.

— Штука урская, — самодовольно и убежденно сказала наконец Гек.

– Урская! — просвистел Клешня. — Как ты можешь быть так…

— Объясни! — потребовала Ур-ронн, тряся головой и глядя на Гек. — Это сложный объект. Уриэль такой выковать не может. И земляне на это не способны.

— Совершенно верно! Она не буйурская, и никто из тех, кто сейчас живет на Склоне, ее сделать не может. Остается только одна возможность. Ее оставили первые сунеры со звездного корабля, когда одна из Шести рас — семи, если включить сюда и глейверов, — впервые прибыла на Джиджо, еще до того как поселенцы уничтожили свой корабль и присоединились к остальным примитивным жителям. Но кто ее оставил? Нас, г'кеков, я исключаю: мы на планете так давно, что “игрушка” к этому времени передвинулась бы в Трещину гораздо дальше. То же самое, вероятно, справедливо относительно глейверов, квуэнов и треки.

Но самое главное — Уриэль точно знала, где ее искать!

Шерсть вокруг ноздрей Ур-ронн встала дыбом. Голос ее звучал холодней окружающего нас океана.

— Ты предполагаешь существование заговора. Стебельки сплелись — у г'кеков это соответствует пожатию плечами.

— Ничего дурного, — заверила Гек. — Может быть, просто разумная предосторожность.

Подумайте, друзья. Допустим, вы явились на запретную планету, чтобы основать колонию сунеров. Вы должны избавиться от всего, что может быть обнаружено при стандартном сканировании какой-нибудь экспедицией Институтов, поэтому ваш корабль и сложное оборудование — все должно исчезнуть. Ближайший космос не подходит. Копы в первую очередь будут искать там. Поэтому вы бросаете все туда же, куда сбрасывали уходящие с Джиджо буйуры. Пока все звучит разумно.

Но потом вы спрашиваете себя: а что, если возникнут непредвиденные обстоятельства? Если когда-нибудь нашим потомкам понадобятся для выживания высокие технологии?

Ур– ронн опустила коническую голову. В по-

лутьме я не видел, означает ли это тревогу или растущий гнев. И поторопился вмешаться.

– Хр-рм. Ты предполагаешь долговременный взгляд. Тайну, которую хранило множество поколений.

— Много столетий, — согласилась Гек. — Уриэль все, несомненно, рассказал ее мастер, и так далее до самых первых урских предков. И прежде чем Ур-ронн откусит мне одну из головок, позвольте торопливо прибавить, что мудрецы уры все эти годы хранили тайну и не искали сокровищницу даже во время войн с квуэнами, а потом с людьми. Даже когда их хлестали по хвостам.

И этим она хотела умиротворить Ур-ронн? Я постарался спасти Гек от инвалидности.

— Может, у людей и квуэнов есть собственные тайники, поэтому положение было равное. — И только тут понял значение собственных слов. — Может, сейчас уже отыскиваются эти тайники, пока мы служим для Уриэль цепляющим когтем.

Наступило долгое молчание.

Потом заговорил Клешня.

— Шиииш-иш-иш! Чужаки на поляне действительно до смерти перепугали взрослых. Снова пауза, потом голос Гек.

— Надеюсь, все это из-за них. Из-за *чужаков.*

Совместные усилия Шести, объединяющих средства, а не что-то иное. Ур-ронн нервно дернула шеей.

— О чем ты?

— Я хочу сказать, что рада была бы получить честное слово Уриэль, что здесь ищутся средства для защиты всей Общины.

Не просто для вооружения урской милиции, если возникнут новые распри, слухи о которых до нас доходили, подумал я, завершая про себя рассуждения Гек. Последовало несколько напряженных мгновений, когда я не мог предсказать, что будет дальше. Может быть, напряжение, тревога и лекарства Тиуга так подействовали на нашу урскую подругу, что слова Гек заставят ее сорваться?

Ур– ронн медленно распрямила шею. При слабом фосфоресцирующем свете я видел, каких усилий ей это стоило.

— Даю… — тяжело дыша, начала она, — даю тебе слово ура, что это именно так.

И она повторила клятву на Галактическом два, а потом постаралась плюнуть на пол — для уров это непросто. Знак искренности.

— Хр-рм, здорово, — сказал я, ворчанием призывая к миру. — Никто из нас и не думает иначе.

Верно, Гек? Клешня?

Оба поторопились согласиться, и напряжение немного спало. Однако семена тревоги были брошены. *Гек,* подумал я, *ты принесешь на борт кувшин, полный скорпионов, и разобьешь его, просто чтобы посмотреть, кто лучше плавает.*

Мы снова двинулись и вскоре оказались достаточно близко, чтобы увидеть, насколько велика "игрушка". Каждое полое расширение на конце острия больше "Мечты Вуфона".

— Вот один из кабелей, о которых говорила Уриэль, — сказал Клешня, показывая клешней на одно острие, с которого относительно прямо отходила блестящая черная нить. Местами погруженная в грязь, она уходила на север, в том направлении, откуда мы пришли.

— Ручаюсь, где-то между нами и утесом эта линия разорвана, — сказала Гек. — Вероятно, раньше она вела в какую-нибудь тайную расщелину или пещеру вблизи Окончательной скалы. Оттуда можно было вытянуть эту штуку, и ни одному уру даже не пришлось бы замочить копыта. Но кабель порвали лавина или землетрясение, как то, что убило моих родителей. Эта "игрушка" с двумя тросами. Если один порвется, можно вытащить за второй.

— Хорошее рассуждение. Но оно не объясняет одного обстоятельства, которое меня давно удивляет: откуда у Уриэль под рукой так много оборудования? Всего, что необходимо для погружения. Я удивляюсь, зачем мы вообще ей понадобились? Почему у нее прежде всего не нашлось собственной спрятанной лодки?

Ур– ронн приходила в себя.

— Бухгалтер г'кек регулярно проводит инвентаризацию складов кузницы. Он сразу заметил бы что-то такое неурское, как *подводная лодка,* готовая к использованию.

Голос ее звучал саркастически. Однако Гек согласилась.

— Самое сложное было готово: насосы, клапаны, приборы. Я уверена, Уриэль и ее предшественницы полагали, что корпус и все остальное можно соорудить за несколько месяцев. Кто же ожидал, что все произойдет так быстро? К тому же кучка сумасшедших детей — отличное прикрытие. Никто не свяжет нас с сокровищницей богов из галактического прошлого.

— Я предпочитаю думать, — обиженно заявил драматичным голосом Клешня, — что истинная причина просьбы Уриэль присоединиться к нашей команде, это превосходная конструкция и

мастерское изготовление нашего корабля-рабля.

Мы перестали переругиваться и уставились на него — потом всю маленькую кабину заполнил хохот, от него задрожал корпус и проснулась Хуфу, дремавшая у меня на коленях.

Теперь мы почувствовали себя лучше и были готовы к дальнейшему выполнению миссии. Казалось, самое трудное позади. Теперь остается только приказать Зизу прикрепить зажим с другой стороны “игрушки” и дать сигнал Уриэль, чтобы нас вытягивали. Конечно, придется долго ждать, пока нас будут поднимать на поверхность, поскольку г'кеки и уры еще больше людей подвержены кессонной болезни, если давление воздуха изменится слишком быстро. Из книг мы знали, что это ужасная смерть, поэтому скучный медленный подъем — приемлемая необходимость. У нас была с собой еда и различные личные вещи, помогающие провести время.

Тем не менее мне не терпелось покончить с этим. Клаустрофобия — ничто по сравнению с тем, что мы испытывали, когда все на борту — каждый по-своему — захотел, как деликатно выражаются в некоторых книгах, “в туалет”.

Но оказалось, возникло одно небольшое препятствие на пути к прикреплению зажима.

Мы сразу поняли проблему, когда увидели противоположный конец “игрушки”.

Второго кабеля не было.

Вернее, он был перерезан. В подводном течении мягко покачивались свежие металлические нити, свисая с конца одного острия, как непричесанный урский хвост.

И это еще не все. Когда Ур-ронн направила свет на дно океана, мы увидели извилистый след в грязи, уходящий на юг, в том направлении, куда, очевидно, утащили кабель. Никто из нас не мог сказать, сделано ли это дни, джадуры или годы назад. Но на ум приходило слово *“недавно”*. Никому не нужно было произносить его вслух.

Полетели электрические искры: это Ур-ронн рассказывала о ситуации тем, кто ждал в мире света и воздуха. Долгая задержка ответа свидетельствовала об удивлении. Наконец с искрами, трещащими в нашем тесном помещении, пришел ответ.

Если состояние позволяет, пройдите по следу троса два кабельтовых, затем доложите.

Гек пробормотала:

— Словно у нас есть выбор. Ведь лебедку контролирует Уриэль. Разве легкое опьянение или кессонная болезнь для нее что-то значат?

На этот раз Ур-ронн не повернулась, но обоими хвостами хлестнула Гек под линией шеи.

— Вперед на половине, Олвин, — скомандовал Клешня. Со вздохом я согнулся и снова начал. И вот мы двинулись вперед, направляя один луч на извилистый след в грязи, а другим Ур-ронн светила направо и налево, вверх и вниз. Впрочем, вряд ли это могло предупредить нас об опасности. Не бывало корабля, менее вооруженного и более медлительного и беспомощного, чем наша "Мечта Вуфона". Этот разрезанный кабель — он был изготовлен с помощью галактических технологий и должен был выдержать под водой многие тысячелетия, сохраняясь целым и невредимым. И я совсем не хотел рассердить того, кто его разрезал.

Мы ползли вперед. В кабине царила тишина. Все были очень серьезны. Прошло больше мидура медленного продвижения по скользкой грязи, у меня в руках и спине закололо — вторая степень усталости. Я слишком устал, чтобы ворчать. За мной Хуфу выражала свою скуку, роясь в моем наспинном мешке. Она разорвала пакет с сэндвичами с рыбой, откусила кусочек, а остальное разбросала по полу. Всплеск и влага, которую я ощущал ножными подушечками, свидетель-

ствовали, что там накапливается жидкость. Я не собирался гадать, что это: излишняя влага, какая-то течь или наши собственные отвратительные отходы. Запах в кабине становился все более густым и спелым. Я боролся с очередным приступом боязни тесноты, когда Клешня резко крикнул:

– Олеин, стой! Назад! То есть машины — полный назад!

Хотел бы я сказать, что увидел, что вызвало этот взрыв, но видимость мне закрывали сидящие впереди. К тому же мне изо всех сил приходилось бороться с инерцией рукоятки, которая собиралась продолжать вращаться в прежнем направлении, посылая колеса вперед. Я изо всех сил сжимал деревянный стержень, чувствуя, как что-то трещит в спине. Наконец мне удалось замедлить вращение, а потом и совсем его прекратить. Но несмотря на все усилия, я никак не мог заставить колеса вращаться в противоположном направлении.

— У нас крен! — объявила Гек. — Наклон вперед и направо.

— Я ее не видел! — кричал Клешня. — Мы поднимались на небольшую возвышенность, и тут она появилась, словно ниоткуда, клянусь!

Теперь я тоже почувствовал наклон. “Мечта” явно наклонилась вперед, вопреки всем усилиям Гек, которая лихорадочно перемещала балласт. Лучи словно метались в темноте впереди, показывая зияющую пустоту на том месте, где только что была мягко поднимающаяся равнина.

Наконец мне удалось заставить ручку вращаться назад, но торжество победы оказалось кратким. Один из магнитных зажимов, — прикрепленных, мне кажется, к колесу покойной тетки Гек, — разжался. Колесо глубоко погрузилось в грязь, и нас повело в сторону.

Луч прошелся по краю пропасти, над которой мы раскачивались. Очевидно, то, что мы приняли за дно Трещины, было лишь шельфом на краю настоящей впадины. Теперь впереди зиял подлинный разрез, готовый поглотить нас, как поглотил множество другого, того, что больше никогда не станет участвовать в делах там, где ярко сверкают звезды.

Так много мертвого, и мы готовы к нему присоединиться.

— Сбросить балласт? — лихорадочно спросила Гек. — Я могу его отрезать. Потяните сигнальную веревку, чтобы Зиз раздулся. Я могу это сделать! Сделать?

Я протянул руку и мягко погладил два ее стебелька. Успокаивал, как научился делать за эти годы. То, что она предлагает, не имеет смысла. Тяжесть стального троса, который мы протащили за собой, гораздо больше нескольких кирпичей, подвешенных к днищу “Мечты Вуфона”. Если бы можно было перерезать и трос, мы, вероятно, всплыли бы. Но что помешает запутаться и порваться воздушному шлангу, когда мы будем вращаться? И даже если шланг чудесным образом уцелеет, нас вынесет наверх, как снаряд в “Первых людях на Луне” Жюль Верна. Даже Клешня, вероятно, умрет от кессонной болезни.

Ур– ронн, более практичная перед лицом смерти, посылала искры-разряды, призывая Уриэль немедленно вытащить нас. Хорошая мысль. Но сколько времени понадобится наверху, чтобы вытравить слабину? И как это можно сделать без риска затянуть воздушный шланг? Насколько далеко мы упадем, прежде чем испытаем резкий рывок от двух сил, направленных в противоположные стороны? Сейчас мы наконец узнаем, насколько прочно мы соорудили “Мечту”.

Я беспомощно чувствовал, как колеса теряют контакт с грязным шельфом, наша маленькая храбрая лодка скользнула через край и начала

долгое медленное падение в темноту.

Думаю, это отличное место для конца главы, когда герои падают в черные глубины. Очень хорошее, правдивое и захватывающее окончание.

Вернется ли экипаж домой?

Уцелеют ли герои?

Да, прекрасное место для остановки. Больше того, я устал и у меня болит все тело. Мне нужна помощь, так что, пожалуй, доберусь до ведра в углу и попробую облегчиться.

Но я здесь не остановлюсь. Я знаю место получше, немного дальше в потоке времени, когда “Мечта Вуфона” медленно опускалась, а мы смотрели, как луч освещает вертикальную стену утеса. Она поднимается, как стена бездонной могилы. Нашей могилы.

Мы сбросили половину балласта, что замедлило наше падение, но тут “Мечту” подхватило течение и потащило нас быстрей. Мы сбросили остаток балласта, но знали, что наш единственный шанс — правильная реакция Уриэль и еще сотня других обстоятельств, которые все сработают в нашу пользу — хотя на это нет никакой надежды.

Каждый из нас по-своему свыкался с мыслью о смерти, в одиночку ожидая конца своей личной

драмы.

Мне не хватало родителей. Я горевал вместе с ними, потому что для них моя гибель гораздо тяжелее, чем для меня самого. Мне не придется долгие годы делить их горе из-за моей глупой страсти к приключениям. Я гладил Хуфу, Ур-ронн распевала печальную песнь равнин, а Гек свела вместе все четыре глаза. Думаю, она смотрела внутрь, на свою жизнь.

Потом, словно ниоткуда, Клешня выкрикнул одно слово, которое еще усилило наш страх. Слово, которое мы слышали из его щелей множество раз, но так — никогда. С таким страхом и удивлением.

– *Чудовища-вища-ища!* — кричал он.

А потом, в ужасе и радости, снова:

Чудовища!

Никто не отзывается на мой призыв. Я лежу, спина моя не сгибается, и мне ужасно нужно к ведру. Карандаш исписался, бумага почти кончилась… так что в ожидании могу продолжить рассказ *о подлинно* драматичном моменте нашего падения.

Мы стремились навстречу своей судьбе, и внутри “Мечты Вуфона” все было в смятении. Нас метало направо и налево, мы ударялись изнутри

о корпус, о ручки, уровни, зажимы и друг о друга. Когда я мог бросить взгляд мимо дико жестикулирующих товарищей, мне видны были пойманные лучом эйка фосфоресцирующие точки и иногда — поднимающаяся стена утеса и какие-то проблески чего-то еще.

Чего– то -каких-то *существ* — светящихся и серых. Проворные, легкие движения. Что-то мягко поглаживало нашу лодку, затем следовали толчки и рывки со всех сторон нашего обреченного корабля.

Клешня продолжал бормотать о чудовищах. Я искренне подумал, что он спятил, но Ур-ронн и Гек перестали издавать жалобные возгласы, теперь они приклеились к окну, словно то, что они увидели, превратило их в камень. Было очень шумно, а Хуфу между приступами отчаянных воплей впивалась когтями в мою больную спину.

Я почти уверен, что Гек произнесла что-то вроде:

– *Что… или кто… это?*

Но тут извивающиеся существа отступили, исчезли, уступив место новому. Мы ахнули.

Огромное, во много раз больше нашей лодки, оно плыло с легким изяществом, издавая ворча-

ние. Со своего места сзади я мог разглядеть только два больших глаза, которые сверкали гораздо ярче наших лучей эйка.

И пасть. Я помню, что разглядел ее очень хорошо, эту раскрытую навстречу нам пасть.

Корпус лодки загремел, последовали частые удары. Ур-ронн закричала: внутрь ударила тонкая струя воды, отразилась и попала в меня.

Оцепенев от страха, я не мог остановить сумятицы в голове. Ни одной ясной мысли, только буря эмоций.

Я решил: это *призраки буйуров* явились, чтобы отомстить живым глупцам, которые осмелились вторгнуться в их царство.

Это *машины*, собранные из остатков того, что падало в Трещину задолго до буйуров, в такие древние эпохи, что даже галакты их не помнят.

Это местные морские чудовища, выращенные самой Джиджо. Порождение самого тайного места планеты.

Эти и другие фантазии проносились в моем помутившемся сознании, пока я не в силах был оторвать взгляд от этих приближающихся челюстей. “Мечта” ударилась и отскочила — вероятно, морское течение, но в тот момент мне показалось, что она пытается уйти.

И тут челюсти ухватили нас. Неожиданный толчок отбросил нас к одному борту. Мы с такой силой ударились о внутренность огромной пасти, что наше прекрасное выпуклое стекло *треснуло.* От места удара побежали тонкие нити. Ур-ронн завыла, и Гек плотно свернула глазные стебельки, как носки в ящике шкафа.

Я схватил Хуфу, не обращая внимания на ее острые когти, и глубоко вдохнул тяжелый воздух. Пахло ужасно, но я решил, что это моя последняя возможность.

Окно подалось, и в тот же момент лопнул воздушный шланг.

Темные воды Трещины нашли быстрый вход в наш разбитый корабль.

XXIV. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Потребовалось двадцать лет, чтобы вернуть первую группу людей-сунеров — группу значительного размера, бежавшую в поросшую кустарниками местность к югу от долины, отвергнув Договор Изгнания, подписанный их лидерами. Произошло это как раз перед тем, как "Обитель" погрузилась в глубины. Эти люди шли на одиночество и нарушение закона, и их пришлось, дрожащих от ужаса, возвращать назад. И все это только потому, что они не могли поверить хунам или треки.

Ретроспективно это кажется чрезвычайно ироничным, ибо за два последующих столетия войн наибольшие беды человеческим поселенцам принесли уры и квуэны. Но почему тогда люди приходили в такой ужас от мирных груд колец или от наших добродушных друзей с широкими плечами и гулкими голосами? Звездные родичи треки и хунов, должно быть, были совсем иными, когда первые корабли наших предков появились на звездных линиях Четвертой Галактики.

К несчастью, большинство работ по галактологии погибло в Большом Огне. Но сохранились

рассказы о жестокой, безжалостной враждебности могучих и загадочных звездных повелителей, называвших себя джофурами, которые сыграли главную роль в Конфискации Мадауна. Невероятные зверства непосредственно привели к исходу "Обители" – грубейшему нарушению закона, совершенному целеустремленно и решительно. Такие черты не увидишь у треки здесь, на Склоне.

Известно также, что при Мадауне присутствовали и хуны. Их изображают как мрачных, официальных и несчастных существ. Это раса бухгалтеров, преданных строгому контролю за населением, определяющих темпы размножения других рас, неподвластных ни милосердию, ни снисходительности.

Можно ли в этих описаниях узнать двух самых уживчивых и добродушных членов Шести?

Неудивительно, что треки и хуны не испытывают ностальгии по "добрым старым дням", когда они, как боги космоса, летали меж звездами.

Анналы Джиджоанской Общины

Сара

Когда рассвет окрасил восточный горизонт, усталые путники после долгого ночного перехода по равнине Уоррил пришли в оазис Уриутта — караван из множества жаждущих ослов и шимп, людей и хунов. Даже урские пилигримы осторожно подошли к грязному берегу и окунули узкие головы, морщась от горького неприкрашенного вкуса чистой воды.

В высокогорной степи лето — время, когда жаркие ветры поджигают траву, обращая толпы животных в паническое бегство в тучах пыли. Даже до нынешнего кризиса путники избегали летнего солнца, предпочитая для передвижения холодный лунный свет. Урские проводники хвастали, что пройдут по степи с завязанными глазами.

Им хорошо, думала Сара, опуская ноющие ноги в ручей оазиса. *Ур не падает ниц, когда под ногой подвернется камень. А я предпочитаю видеть, куда ступаю.*

В предрассветном мареве на востоке виднелись могучие очертания. *Риммер,* подумала Сара. Экспедиция из представителей разных рас про-

двигалась успешно, торопясь достичь Поляны до того, как события достигнут кульминации. Саре хотелось увидеть братьев и узнать, как Блур осуществляет ее идею. Возможно, удастся получить также медицинскую помощь для ее подопечного, Незнакомца, если его неопасно показывать чужакам. Большое “если”. К тому же она не отказалась от мечты увидеть легендарные библиотечные консоли великих галактов.

Но было и чего опасаться. Если звездные боги планируют избавиться от всех свидетелей, начнется это, конечно, с Поляны. Однако больше всего Сару тревожило то, что она, возможно, отдает Незнакомца в руки врагов. Смуглый, постоянно оживленный человек идет охотно, но понимает ли он, во что ввязывается?

Со стороны сморщенной груды колец доносился свистящий вздох. Это пил воду из пруда Пзора, измученный, несмотря на то что весь путь провел в повозке, запряженной ослами. Сенсорное кольцо Пзоры покрывал новый реук — один из двух, купленных Сарой из свежего поступления на пристани Канду. Сама она не очень любит симбионтов, но реук может помочь Пзоре лечить Незнакомца.

На поверхности воды у ног Сары показались

пузыри. В серебристом свете Лусена она разглядела Блейда из деревни Доло, отдыхавшего под водой. Быстрый переход тяжел для серых и синих, как Блейд, квуэнов, а также для людей, слишком тяжелых, чтобы ехать на осле. Саре разрешалось ехать верхом каждый четный мидур. Но все равно у нее болело все тело. *Так мне и надо за то, что вела уединенную книжную жизнь,* подумала она.

Хриплые радостные крики послышались с той стороны, где погонщики-уры укладывали грудами траву и помет, готовя лагерный костер. В большой супник налили крови симлы, нарезали мяса, и вскоре уры жадно поедали тепловатую кровавую еду, поднимали длинные шеи, чтобы проглотить, и снова опускали — эти движения мускулистых гибких тел сопровождались игрой Незнакомца на дульцимере. Тем временем хун-повариха, гордясь своим умением готовить блюда разных рас, гремела котлами. Вскоре запахи пищи перекрыли вонь симлы, пробудив аппетит даже у Сары.

Еще немного спустя совсем рассвело и открылся поразительный вид на коричнево-зеленые могучие горы на востоке.

Незнакомец смеялся. Он был обнажен по пояс и помогал Саре и другим людям разбить типичный

лагерь землян. Ставились убежища из пятнистой г'кекской ткани, которые помогут путникам и животным выдержать жаркий день. Казалось, немота звездного человека не мешает ему работать с другими. Его радость жизни заражала окружающих, когда он учил их бессловной песне, чтобы легче провести время.

Еще два дня, подумала Сара, глядя на горный перевал. *Мы почти на месте.*

Оазис был назван именем воительницы-кочевницы, которая жила вскоре после высадки уров на Джиджо, когда их было совсем мало и они плохо знали планету. В те древние времена Уриутта бежала на восток с тучных пастбищ Знинура, где вожди ее племени поклялись в вассальной верности могучим серым королевам. Уриутта привела мятежников к этой вади в сухой пустыне, и здесь они залечивали раны и готовились к борьбе за свободу от владычества квуэнов.

Так говорилось в легенде, которую Сара услышала в этот день, после того как проспала его самую жаркую часть. Во сне она видела воду. Холодную и чистую, утоляющую страшную жажду. Проснувшись, она окунулась в ручей и присоединилась к другим путникам. В большой палатке готовилась новая еда.

До сумерек оставалось еще несколько часов, снаружи по-прежнему давила свинцовая жара, поэтому лудильщики и караванщики собрались вокруг сказительницы, сопровождая ее пение топаньем и взмахами заплетенных хвостов. Даже после получения книг и печати уры по-прежнему любили устную традицию, с ее преувеличениями и импровизированными вариантами. Когда песня дошла до битвы при торговом посту Зинур, все продолговатые головы начали в такт раскачиваться. Тройки глаз смотрели мимо сказительницы в далекое прошлое.

Так была разбросана кавалерия предателей Добровольные рабы, трусы были рассеяны И попали в западню, подготовленную Уриуттой

С криками падали они в глубокую Зловонную Пропасть, Чтобы смешать со смертоносными серными парами Свои собственные запахи сухих сумок и страха смерти.

Слушатели шипением выражали презрение к трусливым предателям. Сара достала блокнот и начала делать записи о древнем диалекте сказительницы, развившемся на основе Гал-два задолго до появления людей.

И тут появилась Уриутта, готовая к встрече

Со страшными пехотинцами матрон серых

королев,

С самцами в броне, с самцами с оружием

Из остро заточенного твердого дерева, ярко блестевшего

С гремящими когтями, готовыми рвать шкуру,

Стремящимися ради своих матерей разорвать нас на куски.

На этот раз слушатели уры принялись испускать низкие звуки, выражая уважение к храбрым врагам. Эти звуки люди впервые услышали в третьем поколении после прибытия, когда отвоевывали себе место в предобщинном хаосе.

Пора! Наш вождь дает сигнал. Готовьте оружие, недавно придуманное. Приносите длинные палки, выходите вперед,

вы, с крепкими спинами. Бейте не прямо, а крепко ударяйте вниз! Переносите тяжесть. Переносите ее, вы, с крепкими спинами! Напрягайтесь! И, сверкая когтями, они падают!

Вначале Сара с трудом следила за развитием действия. Потом поняла военное новшество Уриутты: та использовала “длинные палки” — заостренные стволы бу, чтобы опрокинуть неуязвимых квуэнских пехотинцев. Добровольцы уры служили живыми точками опоры, они выдерживали когти противника и страшную

тяжесть, а их товарищи налегали, опрокидывая пехотинцев одного за другим.

Несмотря на экстаз торжественной песни о мщении и убийстве, Сара знала, что победа исторической Уриутты оказалась кратковременной. Квуэны сумели изменить свою тактику. Потребовалось новое поколение героев, воинов-кузнецов Сверкающей горы, чтобы окончательно изгнать серых тиранов с высокогорных равнин. Но королевы долго еще препятствовали образованию Общины, пока не появились люди со своим новым-старым искусством ведения войны.

Не все уры праздновали победы прошлого. Вожак каравана со своими помощницами склонились над шкурой пеко, планируя следующий переход. Судя по их жестам над картой, они явно намеревались обойти следующий оазис и постараться дойти к восходу до подножий холмов.

О, мои больные ноги, подумала Сара.

Вожак подняла коническую голову и засвистела, услышав, что к палатке подошел один из пилигримов-людей.

— Мне нужно отойти, — объяснил Джоп, древесный фермер из Доло.

— Что, опять протекаешь? Ты болен?

Большую часть пути Джоп был погружен в

экземпляр Свитка Изгнания, но сейчас казался приветливым и любезным. Он рассмеялся.

— О нет. Я выпил слишком много воды из этого прекрасного ручья. Пора вернуть ее Джиджо. Вот и все.

На короткое время был поднят клапан палатки, и в этом свете Сара снова увидела пузыри в пруду. Блейд опять под водой, вымокает, готовясь к следующему переходу. Он тоже пренебрег песней сказительницы о победе над королевами?

Клапан опустился, и Сара огляделась по сторонам.

Курт– взрывник с помощью компаса чертил волнистые линии на листке бумаги для рисования. Дочь бумажника поморщилась, видя, как он раздраженно комкает один листок за другим. Рядом с Сарой Прити тоже чертила абстрактные фигуры, но более экономно -на песке. Дергая себя за волосатый подбородок, она изучала текст по топологии, который Сара прихватила в Библосе.

Какой интеллектуальный караван, сардонически подумала Сара. *Фанатичный пурист, создатель того, что взорвется, шимпанзе-геометр и бывший математик — все устремились к своей возможной гибели. И это только начало нашего перечня странностей.*

Слева Незнакомец отложил свой дульцимер и смотрел, как племянник Курта молодой Джома играет в “Башню Хайфона” с красным квуэном, торговцем солью, двумя библиотекарями из Библоса и тремя хунскими пилигримами. Игра состояла в перемещении разноцветных колец по воткнутым в песок и расположенным по углам шестиугольника палкам. Цель — надеть кольца на ваш Домашний Пост в правильном порядке, самое большое на дне, самое маленькое — вверху. Сложная игра, где цвета и рисунки колец означают различные свойства треки. Необходимо правильно сочетать их, чтобы получить идеального треки.

Пзора, казалось, больше интересуется сказанием, чем игрой. Сара никогда не слышала, чтобы треки оскорбился из-за игры в “Башню Хайфона”, хотя игра подражает их уникальному способу размножения.

— Видишь? — объяснял мальчик игру Незнакомцу. — Я получаю болотные плавники, сердечник для мульчи, два кольца памяти, нюхателя, мыслителя и глядящего.

Быстрая речь Джомы не вызывала у звездного человека ни малейшего раздражения. Он с интересом и пониманием следил за объяснениями

ученика взрывника — возможно, высокий голос Джомы напоминал ему ноты музыки.

— Я надеялся раздобыть лучшее основание, чтобы мой треки мог передвигаться по земле. Но Хормтувоа перехватил тор для хождения, так что, похоже, придется обойтись плавниками.

Хун слева от мальчика благодарно проворчал. Нужно быстро соображать, когда играешь в "Башню Хайфона".

Построй мне дом мечты, о мой дорогой, в четырнадцать этажей.

Фундамент, кухня, спальная, ванная, и я буду любить тебя до смерти.

Джома и все остальные прервали свои занятия и посмотрели на Незнакомца, а он раскачивался и хохотал.

У него получается все лучше, подумала Сара. Но все же она всегда удивлялась, когда Незнакомец произносил стихи или пел песни, соответствующие тому, что в это время происходит.

С блеском в глазах Незнакомец подождал, пока все игроки вновь погрузятся в раздумья над своими грудами. Тогда он толкнул Джому и незаметно указал на фигуру игры, которую можно переместить на запасное кольцо. Мальчик уставился на редкое кольцо, которое называется "бегун".

Он с таким трудом старался сдержать радостный вопль, что закашлялся, и смуглый чужак похлопал его по спине.

Но откуда он это знал? Неужели там, среди звезд, тоже играют в "Башню Хайфона"? Она считала, что звездные боги делают… ну достойные богов дела. Успокоительно думать, что они способны играть в игру с простыми фигурами — прочными, устойчивыми символами жизни.

Конечно, большинство игр основано на том, что есть победители… и проигравшие.

Аудитория одобрительно зашипела, когда сказительница окончила свою песню и покинула сцену, чтобы принять награду — чашу с парящей кровью. *Жаль, что я пропустила конец,* подумала Сара. Но если мир устоит хотя бы еще на год, она, вероятно, еще услышит ее.

Казалось, никто больше не собирается выступать, и несколько уров уже потянулись к выходу из палатки, чтобы проверить животных и подготовиться к ночному переходу. Но остановились, когда появился новый доброволец, вышел на сцену, стуча копытами по помосту. Это была Ульгор, лудильщица. Она сопровождает Сару с того вечера, когда чужаки пролетели над деревней Доле. Слушатели снова расселись, и Ульгор начала свое

сказание на диалекте еще более древнем, чем предыдущий.

Корабли заполняют ваши мысли сейчас,

Свирепые, стремительные неслышные.

Корабли заполняют ваши мечты сейчас,

Далеко от всех водяных морей.

Корабли затуманивают ваши мысли,

Бесчисленные их орды.

Корабли потрясают ваши мысли,

Эти горы быстрые и далекие.

Гул ужаса. Вожак каравана вытянула длинную шею. Редкая тема, считающаяся признаком дурного вкуса там, где присутствуют представители разных рас. Несколько хунов-пилигримов повернулись и тоже принялись слушать.

Корабли Урриш-ка,

Клан сильных и почитаемых.

Корабли урского войска.

Клан, стремящийся к мщению!

Но даже если это проявление дурного вкуса, песня священна и неприкосновенна, пока не

закончится. Вожак широко раздула ноздри, показывая, что она в этом нарушении приличий не участвует, а Ульгор продолжала воскрешать эру, кончившуюся задолго до того, как колонисты-уры впервые ступили на Джиджо. Время космических армад, когда флоты богов сражались за непостижимые доктрины, используя оружие немыслимой мощности.

Корабли заполняют ваши мысли сейчас.

Корабли размером с горные пики,

Они заставляют звезды дрожать

Своими молниями размером с планету.

Сара подумала: *зачем она это делает?* Ульгар для своего молодого возраста была всегда очень тактична. Теперь она словно сознательно провоцирует реакцию.

Хуны, раздувая воздушные мешки, придвинулись. Они по-прежнему скорее любопытны, чем рассержены. По-прежнему неясно, хочет ли Ульгор пробудить древнюю вендетту — древние распри, которые делают последующие стычки на Джиджо с людьми и квуэнами чем-то вроде перебранки за завтраком.

На Джиджо у уров и хунов нет общих территорий, и они не хотят их. Нет оснований для конфликта. Трудно представить себе, что их предки убивали друг друга в космосе.

Даже игра в “Башню Хайфона” была забыта. Незнакомец следил за движениями гибкой шеи Ульгор и отбивал такт правой рукой.

О вы, туземные слушатели

Высокомерно невежественные,

Умы, привязанные к планете, посмеете ли вы

Попытаться постичь?

Представить себе размером дыры в пространстве,

с планету

В которых живут существа,

Которые умы, привязанные подобно вам,

к планете

Не в состоянии постичь?

Несколько хунов облегченно заворчали. Может, все-таки речь идет не о древних схватках их предков с урами. В некоторых космических эпопеях рассказывается о невероятных просторах, о

зрелищах, ставящих в тупик современных слушателей. Это напоминание о том, что утратили Шесть, но что они когда-нибудь могут вернуть. Иронично, но вернуть это можно, только забыв.

Направьте свои полные ужаса мысли
К этим кораблям, застывшим,
Движущимся к вратам славы,
Не зная своей судьбы.

Если первая сказительница пела горячо, воспевая кровавую славу прошлого, Ульгор оставалась хладнокровна, она зачаровывала слушателей своей качающейся головой и мелодичным свистом, передавая суть цвета, мороза и ужаса. Сара опустила блокнот, захваченная зрелищем света и тени, огромными просторами пространства-времени и сверкающими кораблями, более многочисленными, чем звезды. Несомненно, легенда пересказывалась множество раз и описания становились все более преувеличенными. Но все равно сердце Сары заполнилось неожиданной ревностью.

Мы, люди, до своего падения никогда не поднимались так высоко. Даже во времена расцвета мы не обладали флотами могучих звездных кораблей. Мы были волчатами. Примитивными по

сравнению с другими.

Но Ульгор продолжала петь, рисуя картины бесконечности, и эта мысль ушла. Вырисовывалась картина великой армады, направлявшейся на войну с угрозой, таящейся в темном углу пространства. В нише, загадочной и смертоносной, словно страшное логово мульк-паука. Место, которого избегают все путники, но не адмирал этого флота. Убежденная в своей неуязвимости, она прокладывает курс прямо на врага, отбросив все мысли об отходе.

И вот из одного черного зерна
Исходит проклятие судьбы,
Набрасывая свою сеть
На толпы
тревожных звезд…

Неожиданно Сару вернул к реальности резкий рывок за правую руку. Она замигала. Прити сжимала ее локоть, сжимала до боли. Сара спросила:

— Что?

Выпустив ее руку, шимп просигналила:

Слушай! Вот!

Сара собиралась сказать: *“Я это и делаю. Слушаю”* — но потом поняла, что Прити имеет в виду не сказительницу. Постаралась отстраниться от

монотонного голоса Ульгор… и услышала низкий гул, доносящийся извне павильона.

Животные. Что-то их встревожило.

Симлы и ослы находились в собственном замаскированном убежище на небольшом расстоянии. Судя по усиливающемуся шуму, животные не испуганы, но все же что-то их беспокоит.

Незнакомец тоже это заметил вместе с библиотекарями и красным квуэном. Все они попятились, тревожно оглядываясь.

К этому времени вожак каравана присоединилась к слушателям, размеренно кивающим головами, унесенным в далекие времена и пространства. Сара продвинулась вперед, чтобы подтолкнуть предводителя экспедиции — осторожно, потому что от неожиданности ур может укусить. Но не успела: шея предводительницы застыла, тревожная дрожь пробежала по рыжевато-коричневой гриве. Свистом матрона привела в себя двух помощниц, третью вернула к действительности, лягнув в бок. Все четверо встали и двинулись в направлении входного клапана, но остановились, увидев, как вдоль восточного края убежища начали возникать призрачные фигуры, теневые очертания кентавров, приближающиеся украдкой, вооруженные копьями.

Одна из помощниц отчаянно крикнула, и тут же воцарился хаос.

Аудитория смешалась в смятении. Ошеломленные Пилигримы кричали и свистели: сверкающие лезвия в десятке мест распороли палатку. В разрезах показались фигуры в военной раскраске, с мечами, пиками и арбалетами, все с остриями из буйурского металла цвета бронзы. Испуганная толпа путников отступила к центру, к яме с пеплом.

Прити обняла Сару за талию, с другой стороны к ней жался испуганный Джома. Она обняла мальчика, пытаясь успокоить его.

Урская милиция? подумала Сара. Но воины не похожи на кавалерию в тусклых мундирах, которая выступает на показательных маневрах в праздник Приземления. Бока и холки воинов исчерканы полосками сажи. В кивающих вьющихся головах чувствуется безумная решимость.

Одна из помощниц вожака бросилась к стойке, где хранилось оружие — для защиты от лиггеров, кубрасов и редких групп воров. Предводительница каравана тщетно пыталась ее остановить; молодая самка дотянулась до арбалета, но продолжала двигаться дальше, брызжа кровью. И наконец упала У ног раскрашенного воина, уты-

канная стрелами.

Вожак проклинала нападавших, обвиняла в трусости, оскорбляла их предков, но особенно винила себя в самодовольстве. Хотя ходили слухи о том, что в отдаленных углах Склона начались беспорядки, привычки мирного времени трудно преодолеть, особенно на главном, многократно исхоженном пути. И теперь ее молодая смелая помощница заплатила за это.

Чего вы хотите? крикнула она на Галдва. *Есть ли у вас вожак? Пусть покажет свое (преступное) рыло, если посмеет говорить!*

Клапан палатки приоткрылся, и вошла крепкая урская воительница, раскрашенная ломаными линиями, так что трудно было рассмотреть ее очертания. Предводительница нападавших переступила через кровавый след, оставленный помощницей, и остановилась перед вожаком каравана. Как ни удивительно, но обе ее сумки были полны. В одной был муж, его маленькая головка выглядывала из-под руки воительницы. Вторая сумка посинела и покрылась разбухшими молочными венами; в ней теснилось еще не вышедшее потомство.

Матрона с детьми обычно не склонна к насилию, если ее к этому не побуждают долг или

необходимость.

Не тебе судить нашу (достойную похвалы) смелость, сказала предводительница разбойников на старомодном стилизованном диалекте. *Ты, которая служит (недостойным) клиентам/хозяевам, у которых слишком много или слишком мало ног, ты не можешь судить сестер. Единственный твой выход — подчиниться (раболепно), согласно (древнему почитаемому) Кодексу Равнин.*

Вожак каравана уставилась всеми тремя глазами.

Кодекс? Неужели ты говоришь о (варварском, несообразном) ритуале, который использовали в старину (дикие) племена, когда…

Кодекс войны и веры (благородных и верных своей природе) племен. Подтверждаю! Образ жизни наших (почитаемых) теток, уходящий к прошлым поколениям задолго до того, как нас поразило (презренное) разложение. Подтверждаю! И снова спрашиваю/требую: ты сдаешься?

В тревоге и смятении вожак каравана по-человечески покачала головой; воздух она выпускала неуверенно, как хун. И ответила на англике:

— Хр-р-р. Такая джикии глупость. Чтобы взрослый убил из-за…

Разбойница набросилась на вожака. Их шеи сплелись, и вожак с болезненным стоном упала. Любой земной позвоночник от такого удара сломался бы.

Разбойница повернулась к пилигримам. Она далеко вытянула голову, словно готовая вцепиться в любого. Испуганные пленники жались друг к другу. Сара крепче обняла Джому и закрыла мальчика собой.

Снова спрашиваю/требую — кто (без всяких условий) сдается во имя (жалкого оправдания) племени?

Прошел дур. Затем из толпы, пошатываясь, вышла уцелевшая помощница вожака. Возможно, ее подталкивали сзади. Она слегка сплела шею, ее единственная ноздря дрожала от страха. Самка подходила к раскрашенной предводительнице разбойников. Дрожа медленно опустила голову, так что коснулась земли между копытами противницы.

Правильный поступок, заметила предводительница разбойников. *Из тебя получится (почти приемлемая) воительница равнин.*

А что касается остального, меня зовут Ур-Качу. В недавние (презренные) времена я была известна как повелительница и высокая тетка

клана Соленого Копыта — бесполезный почетный титул, лишенный (реальной) власти и славы. Теперь, избавившись от этого (неблагодарного) племени, я одна из предводительниц новой армии сестер-подруг. Объединившись, мы восстановим (величайшее и горько оплакиваемое) военное сообщество — Урунтай!

Разбойники потрясали оружием, испуская пронзительные крики.

Сара удивленно мигнула. Мало кто из людей не знал это название, наводившее ужас в прежние дни.

Мы так поступили, потому что (так называемые) тетки и мудрецы предали нашу славную расу, завели ее в (подлую) человеческую западню. В схему уничтожения, разработанную преступными чужаками.

Какой-то отвлеченной частью сознания Сара заметила, что разбойница теряет контроль над своим приукрашенным старомодным способом выражения, характерным для Галдва, и вводит более современные обороты, даже отрывки ненавистного англика.

Остальные разбойники выкрикивали певучие одобрительные замечания, аккомпанируя речам предводительницы. Ур-Качу повернула голову

к пилигримам и остановилась перед высоким смуглым мужчиной — Незнакомцем.

Это он? Звездный демон?

Человек из космоса улыбнулся ей в ответ, словно даже кровавое убийство не могло испортить его отличное настроение. Это, в свою очередь, разъярило раскрашенную воительницу.

Это и есть (избранный, тот, кого давно искали)! продолжала Ур-Качу. *Небесный родич двуногих дьяволов, которые жили среди нас (долгие, мучительные) поколения?*

Словно пытаясь постичь новую для него форму жизни, искалеченный звездный человек натянул на глаза свой новый реук, потом снова снял, сравнивая увиденное. Возможно, лишенный способности понимать значение слов, он заменял это цветами эмоций.

Из толпы пилигримов послышался новый голос, спокойный и хладнокровно магнетический.

Это он, заверила Ульгор, выступая из охваченной паникой толпы и подходя к Ур-Качу. Как и Незнакомец, она не проявляла никаких признаков страха.

Это и есть (обещанная) награда, привезенная из далекого города Тарек. Недавно человеческий мудрец подтвердил, что это звездный демон, не

рожденный на Джиджо.

Пилигримы пришли в отчаяние от предательства Ульгор, а копыта Ур-Качу радостно зацокали.

Те из космоса (дорого) заплатят за его возвращение. Они могут дать нам самое ценное — выживание некоторых (хотя и не всех) уров на Джиджо.

Многие обстоятельства неожиданно приобрели смысл. Причина нападения, неожиданное выступление на сцене Ульгор — она должна была держать всех в палатке, пока Урунтай незаметно займет положение для нападения.

Между двумя предводительницами уров появилась новая, более тонкая тень. Послышался новый голос, говорящий на англике.

— Не забудьте друзей. Мы потребуем еще кое-чего.

В разорванном входе в палатку появился человек. Когда он вошел с вечернего жара, стало видно, что это Джоп, древесный фермер из деревни Доло.

— Есть целый список наших требований, если они хотят, чтобы мы вернули их парня целым и невредимым, — Джоп поглядел на голову Незнакомца со шрамом, — или, вернее, то, что от

бедняги сохранилось.

Сара поняла. *Он выходил, чтобы подать знак нападающим, пока Ульгор отвлекала внимание.*

Странный союз. Человек-пурист помогает урским фанатикам, назвавшим свою группу по древнему обществу Урун-тай, которое ненавидело людей.

Хрупкий союз, если Сара правильно расслышала то, что спросила Ур-Качу у Ульгор:

– *Разве без него было бы не проще?*

Раскрашенная воительница подмигнула и замолчала, потому что Ульгор незаметно лягнула ее.

Сара толкнула Прити и Джому в глубину толпы и выступила вперед.

— Вы не можете это сделать, — сказала она. Джоп мрачно улыбнулся.

— А почему нет, маленький книжный червь? Какая победа — не позволить голосу дрожать.

— Потому что он, возможно, совсем не генный грабитель.

У меня есть основания считать, что на самом деле он их враг.

Ульгор с головы до ног осмотрела Незнакомца и кивнула.

— Это не имеет значения. А имеет только одно:

у нас есть товар, и мы можем взять за него хорошую цену.

Сара могла себе представить эту цену. Для Ур-Качу возвращение славных дней, когда воины свободно бродили по равнинам. Это совместимо со стремлением Джопа уничтожить все дамбы, машины и книги и направить человечество по Тропе Избавления.

Они так презирают друг друга, что не боятся возобновления войны. И вообще в данный момент это не имеет значения.

Мы в руках маньяков, подумала Сара. *Глупцов, которые всех нас погубят.*

Аскс

А теперь возвращается корабль ротенов. Возвращается из таинственного полета в ближайшее пространство по какому-то неведомому божественному делу.

Чтобы забрать станцию и ее экипаж исследователей-биологов.

Чтобы взять добычу — сокровище похищенных генов.

Чтобы скрыть следы преступления.

Но теперь перед нами вместо погребенной станции яма с ее обломками. Один ротен и один небесный человек лежат на импровизированных носилках, лишенные жизни, а уцелевшие гости-пришельцы кипят от гнева и желания отомстить. Если раньше кто-нибудь мог усомниться в их намерениях, мои кольца, то разве теперь осталось место для неясностей? Мы будем наказаны. Неясны только средства и размеры наказания.

Именно этого хотели мятежники-фанатики. Больше никаких неясностей. Никаких намеков и сладких лживых обещаний. Только чистота праведного сопротивления, какими бы неравными ни были силы. Пусть нас подвергнут суду, требо-

вали фанатики, пусть судят не наши колебания, а нашу храбрость и веру.

Горячая немигающая звезда движется по предрассветному небу, медленно снижается на орбите — ангел — или демон — мщения. Знают ли на борту о случившемся? Может, уже сейчас планируют будущую бурю?

Фанатики настаивают: мы должны схватить уцелевших: Ро-кенна, Линг и Ранна — и держать в качестве заложников для защиты всей Общины. А также еще одного звездного человека — Кунна, когда вернется его летающая машина.

Наш высокий мудрец квуэн Ум-Острый-Как-Нож в ужасе опровергает логику фанатиков.

— Вы хотите нагромоздить одно преступление на другое? Разве они причинили нам вред, эти чужаки? Нанесли первыми удар своей клиникой и высокооплачиваемой работой? Вы убили двоих из них только на основании догадок о дурных намерениях! И теперь хотите похитить остальных? Предположим, на корабле согласятся с вашими требованиями, пообещают не нападать на Шесть. Но что помешает им изменить намерения, когда мы освободим заложников?

Предводитель фанатиков отвечает:

А кто говорит, что мы их освободим? Пусть

остаток жизни проведут среди нас — как живое средство, удерживающее чужаков от злой мести.

– А после этого? Глупо думать в терминах продолжительности одной жизни! У звездных богов долгие мысли. И долгие планы. Какая разница в грандиозном плане жизни, если нас убьют через пятьдесят лет?

Некоторые зрители одобрительно шумят. Другим, как всегда, кажется, что мудрец забавно пошутил. Они смеются разными способами и восклицают:

— Для тех, кто живет сейчас, большая разница!

Но в любом случае, продолжает урская предводительница фанатиков, *вы ошибаетесь, говоря, что они еще не напали на нас и не причинили (ужасный) вред. Напротив, наш (оправданный) взрыв вовремя остановил их подлый замысел!*

Уставший и выпачканный сажей Лестер Кембел сидит на ближайшем камне. Но вот он поднимает голову с рук и спрашивает:

— Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду их (подлое) намерение начать программу нашего истребления путем развязывания (братоубийственной) войны между Шестью!

Зрители молча поглощают это.

Ум– Острый-Как-Нож спрашивает:

– Ты можешь это доказать?

Прочные (неопровержимые) доказательства уже в пути. Но вначале не выслушаете ли (подтверждающие) показания вашего собственного (высоко почитаемого) коллеги мудреца?

Воцаряется смятение, и тут вперед выходит Фвхун-дау. Наш коллега хун был необычно молчалив, не принимая участия в событиях, только перенес Вуббена с холма вниз после столь неудачного паломничества. Теперь он разгибает свою длинную чешуйчатую спину, словно радуясь возможности снять с нее тяжесть.

— У меня было слишком мало времени для размышлений над этой проблемой, — начинает он.

— Ты готов размышлять целую геологическую эпоху, мой дорогой друг, — мягко шутит Лестер Кембел. — Даже твои предварительные выводы несут в себе мудрости больше, чем у всех остальных, кроме Яйца. Пожалуйста, поделись ими с нами.

Из отвислого вибрирующего воздушного мешка Фвхун-дау доносится низкий раскатистый звук.

— Хр-р-рм… Почти два джадура я тщательно записывал все заявления наших гостей из космоса, особенно произнесенные официально. Они

словно написаны кем-то, а звездные люди только их произносят. У меня есть несколько лингвистических справочников из Библоса, которыми я иногда пользуюсь, разбирая конфликты индивидов из разных рас, говорящих на разных языках. Несмотря на наши многочисленные диалектные отличия, в этих работах содержатся полезные таблицы, касающиеся синтаксиса и значения слов. Не могу утверждать, что обладаю большим опытом — всего лишь небольшая захолустная практика, — чтобы проанализировать заявления чужаков.

— Но ты сделал выводы?

— Хр-р. Не выводы. Возможно, некоторые сопоставления. Указывающие на возможный характер намерений,

— Намерений?

— Намерений…– р-р-рм… вызвать раскол.

Ур– Джа лежит в углублении, отдыхая от тщетных попыток спасти выживших среди дымящихся развалин станции чужаков. Она замечает:

— Подобное подозрение высказывается не впервые. Мы все слышали анекдоты о невинных замечаниях, которые на самом деле жалят глубоко, как муха-шедо. Она откладывает яйца, и рана заражается и никогда не залечивается. Ты

говоришь, что уловил устойчивый образец? Что это часть тщательно разработанного плана? Но почему ты не сказал об этом раньше?

Фвхун-дау вздыхает.

— Настоящий ученый не публикует предварительные заключения. К тому же чужаки как будто не подозревают, что мы сохранили некоторые познания и умеем разглядеть скрытое значение фраз. Вернее, что мы восстановили его после Великой Печати. Я не видел причин поспешно разглашать этот факт.

Он пожимает плечами в манере треки, делая поворот слева направо.

— Окончательно я убедился в этом, когда во время паломничества с нами говорил Ро-кенн. Вам, наверно, тоже приходило в голову, что в его намерения входило посеять своими словами искры разногласий?

— Приходило! — подтверждает Лестер Кембел. Многие присутствующие люди подхватывают его утверждение, словно пытаясь убедить остальных в своей искренности. Уры неуверенно стучат копытами: длинная тревожная ночь заставляет их нервничать. До сих пор только с таким трудом завоеванные привычки Великого Мира позволяют сохранить спокойствие.

Фвхун-дау продолжает:

— Формальный диалект Галактического шесть, которым пользуются звездные боги ротены, оставляет очень мало места для двусмысленностей и неясностей. Приведшие меня в замешательство слова Ро-кенна могут иметь только две возможные интерпретации. Либо он бестактен до степени, которая превосходит всякую глупость, либо его целью было вызвать геноцид, направленный против людей.

— Против их собственных любимых клиентов? — недоверчиво спрашивает Ур-Джа.

— Не имеет отношения к ситуации. Если даже утверждения ротенов о том, что они патроны, верны, какое им дело до маленькой изолированной группы диких людей, давно отрезанных от своей расы, подвергшихся генетическому инбридингу и отставших на насколько столетий? Возможно, эти люди даже ущербны, психологически запущены, испорчены…

— Ты высказал свою догадку, — напряженно прерывает его Лестер. — Но в таком случае почему выбраны именно мы?

Фвхун-дау поворачивается к своему коллеге-человеку и виновато ворчит:

— Потому что из всех Шести человеческая раса

обладает наибольшими техническими знаниями, она несовершенно, но полезно восстанавливала галактический образ жизни и владеет военным искусством, которое мы все хорошо помним.

Некоторые слушатели квуэны и уры зашумели, но подлинного спора и несогласий не возникает. Все помнят рассказы о битве в Каньоне, о засаде у Таунсенда или об осаде города Тарек.

— Все эти факторы делают вас очевидной первой целью. Но есть и другая причина. Воздействие, которое вы оказали на нас всех. Вы были новичками и обладали самым низшим рангом и тем не менее раскрыли для всех ваше величайшее сокровище — вашу библиотеку. После великих побед, когда ваш статус поднялся высоко, вы отказались от многих привилегий господства и согласились подчиниться мудрецам и ограничениям, наложенным Великим Миром.

Именно эта традиция *сдержанности* делает вас опасными для планов ротенов. Какой смысл поджигать войну, если намеченные жертвы не захотят воевать?

Да, мои кольца, мы наблюдаем/замечаем реакцию толпы. Все стихают, когда Фвхун-дау пробуждает воспоминания об объединении и мягко гасит все еще тлеющие искры негодования.

Великолепный пример медитации.

— Когда человеческая раса исчезнет, — продолжает Фвхун-дау, — будет гораздо проще сеять неприязнь среди остальных, намекая на тайные союзы, предлагая помощь. Распространяя искусственные эпидемии, например. Сообщая каждой расе искусные способы распространения смертоносных бактерий. Менее чем за поколение все будет кончено. Немногие останки в почве Джиджо будут свидетельствовать только о гибели шести сунерских рас, так и не достигших избавления.

Тяжелое молчание встречает этот сценарий, нарисованный нашим хунским мудрецом.

— Конечно, все это не доказано, — заключает Фвхун-дау, грозя пальцем предводительнице фанатиков. — И не оправдывает ужасы этой ночи, подготовленные поспешно, без консультаций с мудрецами Общины.

Урская мятежница высоко поднимает голову, чтобы заглянуть через толпу на восток. С радостным фырканьем она снова поворачивается к Фвхун-дау.

Прибывает и ваше доказательство! Она радостно свистит, помогая проделать проход в толпе зрителей. Рассвет позволяет увидеть пыльные

фигуры, скачущие по тропе от Священной Поляны.

И это также наше оправдание!

Ларк

Харуллен крикнул с края кратера:

— Вам двоим лучше подойти сюда! Тут что-то происходит. К тому же, мне кажется, нас ждут неприятности.

Физическая и эмоциональная усталость отразилась на безупречном аристократическом акценте серого квуэна. Голос его звучал испуганно, словно быть неохотным наблюдателем так же опасно, как рыться в смертоносных обломках.

– Что случилось? — крикнул в ответ Утен. Хоть и родич квуэна наверху, коллега биолог показался Ларку представителем совсем другого вида. Его исцарапанный панцирь покрыт липким пеплом. — Они посылают сюда робота?

В звуках ножных щелей Харуллена слышалась тревога.

— Нет, машины по-прежнему защитно висят над Ро-кенном, он, двое слуг-людей и трупы — все окружено толпой местных подхалимов. Я имею в виду суматоху там, где держат совет мудрецы. Кажется, подошло больше фанатиков. Зреют неприятности. Я уверен, что мы пропустили какие-то важные новости.

Харуллен может быть прав, подумал Ларк. Но ему не хотелось уходить. Несмотря на зловоние, жару и острые края металлических обломков — все это становится еще опасней из-за усталости, — рассвет позволяет легче рыться в развалинах погребенной станции и поиски нуждающихся в помощи приобретают хоть какой-то смысл.

Сколько раз видел он, как Линг исчезает в этих таинственных глубинах, и гадал, что же находится там внутри? А теперь все это стало почерневшим адом.

Я помогал фанатикам, вспомнил Ларк. *Я отдавал им копии своих отчетов. Я знал, что они что-то задумали.*

Но о таком жестоком даже не догадывался.

Не догадывались и звездные боги, которые не думали, что примитивные туземцы умеют устраивать взрывы.

Они задавали неправильные вопросы.

– Говорю вам, что-то происходит! — снова крикнул Харуллен, не прилагая усилий к оригинальности. — Мудрецы движутся — они идут к чужакам!

Ларк посмотрел на Утена и вздохнул.

— Наверно, он имеет в виду сейчас, немед-

ленно.

Его друг некоторое время молчал, разглядывая что-то под собой. А когда ответил, то тихим голосом, который даже не поднял пепел у него под ногами.

— Ларк, пожалуйста, подойди и взгляни на это. Ларк по прежним экспедициям, когда они изучали прошлое Джиджо, знал этот тон. И пошел к квуэну, осторожно пробираясь между рваными металлическими балками и плитами и стараясь высоко поднимать ноги, чтобы не тревожить пепел и пыль.

— В чем дело? Ты что-то нашел?

— Не… знаю. — Утен перешел на Галшесть. *Кажется, я такое уже видел. Этот символ. Это обозначение. Может, ты подтвердишь!*

Ларк нагнулся рядом с другом, вглядываясь в щель, в которую еще не проникло восходящее солнце. И увидел переплетение ромбов, каждый шириной в его руку и вдвое длиннее. Утен уже убрал несколько обломков, чтобы лучше было видно. Один ромб оказался достаточно близко, чтобы рассмотреть выжженный на его темно-коричневой поверхности символ.

Двойная спираль, пронзенная стрелой. Где же я видел…

Ларк сумел просунуть руку дальше, чем Утен, погладил ромб, потом поднял его. Он оказался неправдоподобно легок, хотя в то же время мог оказаться самой тяжелой вещью в мире.

— Ты думаешь то же, что и я? — спросил Ларк, поворачивая ромб на свету.

Утен взял из его руки плиту, подержал в дрожащем когте.

— А как же иначе? — ответил ученый квуэн. — Даже полуживотные, впавшие в варварство, узнают символ Великой Галактической Библиотеки.

“Улика” лежала на примятой траве. Ро-кенн проницательным взглядом рассматривал путаницу проводов и стеклянистых шаров, которую фанатики недавно принесли из Долины Яйца. Странный предмет был еще в комьях земли с того места, где лежал, закопанный, рядом с величайшей святыней Джиджо.

Две группы зрителей образовали полукруги — один из сторонников мудрецов, другой из почитателей звездных богов. Вторая группа состояла в основном из пациентов клиники грабителей и тех, кто поверил в их утверждения о своей праведности. Новый реук Ларка регистрировал сияние в виде напряженного красного

огня, окружающего лица людей, поверивших в новонайденных патронов.

Выражение яростного гнева исчезло с лица Ро-кенна, его гуманоидная внешность отражала харизматическое спокойствие, даже некоторую уверенную снисходительность. Он целый дур разглядывал мешанину частей, потом заговорил на строгом Галактическом семь.

Ничего интересного я не вижу. Зачем вы мне это показываете?

Ларк ожидал, что ответит молодая предводительница фанатиков, попытается оправдать насилие, перенеся вину на чужаков. Но она держалась в глубине толпы людей и уров.

Вперед вышел мудрец хун Фвхун-дау и встал перед послом ротенов.

— Мы хотим выяснить, вам ли принадлежат эти хитроумные устройства. То, что нашли наши дети во время последнего поворота Джиджо. То, что кто-то тайком закопал рядом с нашим возлюбленным Яйцом.

Ларк следил за реакцией Линг. Поскольку он уже достаточно хорошо ее знал, ему не нужен был реук, чтобы понять, какой шок она испытала от этого открытия. И какое испытала замешательство, обдумывая случившееся. *Это все, что*

мне нужно было узнать, подумал Ларк.

Ро– кенн оставался невозмутим.

— Могу лишь догадываться, что это поместил кто-то из вас — как ваши глупые мятежники поместили взрывчатку под нашей станцией.

Теперь Линг удивленно замигала. *Она не думала, что он солжет. Во всяком случае, не так откровенно. Но у него ведь не было времени подготовиться.*

Посмотрев в сторону, звездная женщина заметила взгляд Ларка и быстро отвела свой. Ларк не чувствовал гордости за испытанное удовлетворение: ведь их положение поменялось на прямо противоположное. Теперь ее очередь стыдиться.

— Используйте ваши приборы, — настаивал Фвхун-дау. — Проанализируйте эти инструменты. Вы обнаружите технологию, не доступную никому из Шести.

Ро– кенн элегантно пожал пологими плечами. *Может, это оставили буйуры.*

— В таком месте? — В гулком голосе Фвхун-дау звучал смех, словно Ро-кенн удачно пошутил. — Всего лишь сто лет назад вся эта долина сверкала расплавленной белизной, когда Яйцо выходило в мир. Эти нити не уцелели бы.

Толпа загудела.

Ларка потянули за рукав. Оглянувшись, он увидел невысокого светловолосого человека. Портретист Блур подошел к нему сзади, неся камеру и треножник.

— Я хочу снимать из-под твоей руки, — настойчиво прошептал фотограф.

Ларк почувствовал приступ паники. Блур спятил? Пытается сделать это в открытую, перед бдительными роботами? Даже если с этой стороны его закроет своим телом Ларк, люди с обоих боков увидят. Разве можно рассчитывать на всеобщую поддержку в этой встревоженной толпе — даже несмотря на замечательное выступление Фвхун-дау?

Беспомощно вздохнув, он приподнял левую руку настолько, чтобы Блур смог нацелиться на противостояние на Поляне.

Тогда у меня нет другого объяснения для этих вещей, ответил Ро-кенн, имея в виду массу перепутанных приборов. *Можете гадать сколько угодно, до прилета нашего корабля.*

Не обращая внимания на эту скрытую угрозу, мудрец хун продолжал со спокойной рассудительностью, по сравнению с которой ротен казался нервничающим.

— Нужно ли гадать? Несколько свидетелей

в недавнюю туманную ночь видели, как ваши роботы закапывали эти приборы под нашим священным камнем…

Этого не может быть! воскликнул Ро-кенн, выдавая свое волнение. *Ни одна форма жизни не могла быть свидетелем в ту ночь! Тщательное предварительное сканирование не обнаружило разумных существ в пределах…*

Посол ротенов замолчал на середине предложения, а зрители ошеломленно смотрели на него: как учтивый звездный бог мог попасться на такую очевидную уловку!

Должно быть, привык, что все всегда идет так, как он хочет, подумал Ларк. *И попался на простейшую хитрость.*

Но тут ему в голову пришла странная мысль. *Во многих земных культурах: от Древней Греции и Индии до Высокой Калифорнии — боги изображались как избалованные темпераментные подростки.*

Может, это расовая память? Может, эти парни действительно наши давно утраченные патроны.

– Спасибо за поправку, — с поклоном отозвался Фвхун-дау. — Я сказал только, что мы хотим установить принадлежность этих приборов. Я

сделаю выговор тем, кто говорил о свидетелях. Поверим вам на слово, что в ту ночь, когда, как вы только что признались, ваши роботы закопали эти странные чуждые приборы рядом с нашим Яйцом, никаких свидетелей не было. Может, оставим этот аспект и прежде всего выясним, зачем они были помещены?

Ро– кенн, казалось, пережевывает свою ошибку: его челюсти двигались, как у человека, который оскаливает зубы. Реук Ларка показал мешанину цветов на верхней части лица ротена. Тем временем Блур сделал еще один снимок, удовлетворенно хмыкнул и закрыл экспозировавшуюся пластинку. *Уходи,* молча попросил Ларк маленького человека, но напрасно.

— Не вижу причин для продолжения разговора, — сказал наконец чужак. Он повернулся и пошел, но остановился на краю зияющего кратера на месте станции, вспомнив, что идти ему некуда.

Конечно, Ро-кенн может взобраться на робота и просто улететь. Но пока не вернулись воздушная машина Кунна или звездный корабль, улететь можно только в дикую местность. За пределами поляны, на которой задают неприятные вопросы, нет никакого убежища.

Слева из толпы уров и людей послышались крики. Толпа расступилась, показался улыбающийся Лестер Кембел, несущий несколько томов большого формата.

— Думаю, я нашел! — воскликнул он, склонившись с несколькими помощниками к сферическому объекту в путанице проводов. И пока помощник открывал крышку объекта, Лестер объяснил.

— Естественно, ни у кого из нас не было ни малейшего представления о том, как работает это устройство, но после миллиарда лет галактическая техника так усовершенствована и упрощена, что большинством машин пользоваться очень легко. Если люди смогли привести рассыпающийся, устаревший звездный корабль на Джиджо, этот прибор тоже должен быть снабжен защитой от дурака!

Его полный самоуничижения жест вызвал смех в толпе по обе стороны. Все теснились поближе, не давая Ро-кенну и его слугам возможности с достоинством удалиться.

— В этом случае, — продолжал Кембел, — мы предположили, что прибор должен был сработать, когда все пилигримы окажутся рядом с Яйцом и будут наиболее впечатлительны, может

быть, по окончании молитвы. Логично предположить, что существует таймер или устройство дистанционного управления, например, радиосигнал.

Помощнику удалось наконец открыть крышку. Послышался громкий щелчок.

— Посмотрим, сумеем ли мы найти что-то типа стандартного переключателя, какие изображены на странице пятьсот двенадцатой, — сказал Лестер, пригибаясь и сверяясь с одним из томов.

Ро– кенн смотрел на книгу со множеством диаграмм так, словно что-то смертоносное заползло к нему в постель между простыней. Ларк заметил, что Линг снова смотрит на него. На этот раз на ее лице было написано: *Что еще ты от меня скрывал?*

И хотя реука у нее нет, Ларк решил, что его ответ может передать и улыбка.

Ты слишком многое принимала как должное, моя дорогая. Это тебя ослепило и помешало задавать нужные вопросы. К тому же это заставляло тебя относиться покровительственно. А ведь мы могли бы стать друзьями.

Ну, хорошо, может, это слишком сложное содержание, чтобы передать его улыбкой. Может, его усмешка просто говорила: как ты смеешь!

Обвинять меня в утаивании!

— Протестую! — вмешался звездный мужчина Ранн, выступая вперед. Ростом он уступал только хунам и нескольким треки. — Вы не имеете права вмешиваться в собственность других!

Фвхун-дау негромко спросил:

— Значит, вы признаете, что это ваш прибор, помещенный в наше святое место без разрешения?

Ранн замигал. Ему явно очень не нравилась слабость позиции чужаков, которые вынуждены разговаривать с варварами. В поисках указаний высокий звездный человек повернулся к Ро-кенну. Они начали разговаривать, сблизив головы, а Лестер Кембел продолжил:

— Нас на какое-то время поставила в тупик цель этого прибора. К счастью, я занимался исследованиями галактических технологий и текст показался мне знакомым. И в конечном счете я установил, что такой прибор значится как пси-*излучатель!*

– А вот и выключатель, сэр, — сказал помощник. — Можем включить, когда вы будете готовы. Лестер Кембел встал и поднял руки.

— Слушайте все! Это первое и последнее предупреждение. Мы не знаем, что собираемся

включить. Думаю, что ничего смертоносного не будет, поскольку наши гости не убегают отсюда изо всех сил. Однако так как у нас не было времени для тщательных экспериментов, советую всем по крайней мере отступить. Самые осторожные могут отойти подальше, может, на двойной диаметр Яйца. Начинаю обратный отсчет с десяти.

Утен хотел остаться и наблюдать, подумал Ларк. *Но я заставил его прятать найденные нами диски библиотеки.*

Оказал ли я ему услугу?

Кембел набрал полную грудь воздуха.

— Десять!

— Девять!

— Восемь!

Ларку никогда не приходилось видеть, чтобы г'кек обогнал ура. Но когда толпа начала рассеиваться, некоторые из Шести проявили удивительную прыть. Другие остались, удерживаемые любопытством.

Всякий истинный союз основан на храбрости, с некоторой гордостью подумал Ларк.

— Семь!

— Шесть!

Теперь вперед вышел сам Ро-кенн. *Я признаю, что этот прибор принадлежит нам…*

– Пять!

— Четыре!

Ро– кенн заговорил торопливо и громко, чтобы его услышали в шуме и смятении: *Это всего лишь измерительные приборы, помещенные с целью…*

— Три!

— Два!

Еще быстрее, лихорадочным тоном: *…с целью изучения вашего почитаемого и священного…*

– Один!

— Давай!

Кое– кто из людей инстинктивно закрыл уши руками и присел, словно защищая глаза от ожидаемой вспышки. Уры закрыли руками свои сумки. Г'кеки втянули глаза, а квуэны и треки прижались к земле. Реуки сморщились, стараясь избежать напряженных эмоций хозяев. Чем бы ни был этот “пси-излучатель”, сейчас все узнают.

Ларк пытался подавить инстинкт, подражая Линг. Та реагировала со странной смесью гнева и любопытства. Стиснула руки и встретилась с Ларком взглядом в тот момент, когда помощник Кембела нажал скрытый переключатель.

Аскс

Смятение охватывает наш центральный сердечник, сочится сквозь швы-суставы, которые соединяют нас/мы/я/меня, течет изумлением по нашим наружным изгибам как сок из раненого дерева.

Голос, ритмичное произношение, может ли это быть тем, чего, мы знаем, не может быть?

Образы Яйца столько раз гладили нас. В этом смятении знакомые оттенки, словно опять поет Священный Овоид…

И однако — здесь есть еще какой-то металлический призвук, ему не хватает звучной гибкости, тембра и размаха Яйца.

Звучание влечет нас, щелкая, как торопливый квинтет когтей, привлекает наше внимание, словно свет в конце темной подземной трубы.

Неожиданно я/мы коалесцирую, сливаюсь в совершенно необычном состоянии *единого* существа. Существа, заключенного в жесткий панцирь.

Вскипает пятиугольное негодование. Это “я” охвачено гневом.

Как смеют они говорить мне, что я свободен!

Что за неестественный закон этот Кодекс Общины? Правила, которые "освобождают" меня от сладкой дисциплины, которую мы некогда знали? Дисциплины, установленной серыми королевами?

Мы синие, мы красные, мы стремимся всей глубиной своих дрожащих желчных узлов служить! Работать и сражаться, беззаветно поддерживая династические амбиции серых! Разве не такой была когда-то наша жизнь меж звезд?

Разве не таково естество всех квуэнов?

Кто посмел положить конец этим прекрасным дням, введя чуждые представления о свободе в наши панцири, слишком жесткие для этого смертельного яда?

Люди посмели навязать нам эти мысли, это они разрушили единство наших замечательно упорядоченных ульев! Они виновны и обязаны дорого за это заплатить.

Они заплатят!

А потом нам нужно будет свести и другие счеты…

Я/мы корчусь, испытывая, каково это: прижиматься к земле и бежать на пяти сильных ногах. Ногах, предназначенных служить. Не простому гнезду, прижавшемуся за какой-нибудь крошеч-

ной плотиной, и не абстракции, как Община, но великим серым матронам, благородным, великолепным и могучим.

Но почему эта яркая картина пронизала наш ошеломленный сердечник?

Должно быть, это прибор ротенов, их пси-излучатель, часть их плана распространения влияния среди всех рас Шести. Попытка заставить нас подчиниться их воле.

Волны удивления снова сотрясают наши/мои кольца. Даже после стольких лет дружбы я/мы никогда не подозревал, какой странный у квуэнов взгляд на мир.

Но не более странный, чем следующее ощущение, которое врывается в наше единое сознание.

Ощущение скачущих копыт.

Горячее дыхание сухой степи.

Жгучее ощущение души, не менее эгоцентричной, чем у любого человека.

Яурриш-ка! Одинокая, гордая, как в тот день, когда вышла из травы, немногим выше животного. Нервничающая, но рассчитывающая только на себя.

Я могу присоединиться к племени или клану, которые примут меня на равнине.

Я могу повиноваться вожаку — потому что в

жизни существует иерархия, которую следует признавать.

Но в глубине души я служу только одной госпоже. Мне!

Могут ли люди представить себе, как их запахи скребут мембраны моей ноздри? Они хорошие воины и кузнецы, это правда. Они принесли на Джиджо красивую музыку. Все это ценные вещи.

Но насколько лучше был бы мир без них.

Мы доблестно сражались за свой образ жизни до их прихода. От равнин до огненных гор мы вытягивали свои шеи над всеми остальными на Джиджо — пока эти двуногие не стащили нас, не сделали одной из Шести рас.

И что еще хуже, их наука напомнила нам (мне!), — как много мы потеряли. Как много забыли.

Каждый день они заставляют меня вспоминать, как низко я пала и как коротка моя жизнь, здесь, на вращающемся комке грязи, окруженном горькими океанами…

Негодующее излияние уходит, уносится далеко за пределы нашей возможности следовать. Негодование рассеивается, но его место занимает другое, навязанное посторонней силой, заполнившей маленькую горную долину.

За этим следовать гораздо легче. Тяжелое, медлительное, его трудно рассердить, но когда рассердится, остановит только смерть.

Не следует торопиться. Тем не менее ритм влечет нас.

Манит задуматься над тем, как часто более быстрые расы издеваются над нами, бедными, терпеливыми хунами,

как они носятся вокруг нас,

как часто нарочно говорят быстро,

как поручают нам самые опасные дела,

заставляют в одиночку выходить в море, хотя каждый погибший корабль уносит сотни наших любимых, разрывает наши маленькие семьи и приносит неутолимую боль.

Люди и их зловонные пароходы, они сохранили знания, они делают вид, что делятся ими с нами, но на самом деле не делятся. И когда-нибудь оставят нас гнить здесь, а сами улетят в корабле, сделанном из чистого белого света.

Можно ли допустить это? Разве нет способов заставить их заплатить?

Все охвачено смятением.

Если эти пагубные послания предназначались разным расам, должны были пробудить в нас агрессивность, почему я/ мы воспринимаю их все

сразу? Разве ротены не нацелили бы на каждую расу только ей предназначенное излучение?

Может, их машина повреждена или слишком слаба.

Может, мы сильней, чем они думали.

Освободившись от хунского ритма, мы чувствуем, что остались еще два слоя горького пения. Один явно предназначен для землян. Его основная тема — почтение. Почтение и гордость.

Мы высшая раса. Остальные специализируются, но мы можем сделать все! Мы избраны и выращены могучими ротенами, и поэтому нам подобает быть самыми великими, даже когда мы заброшены на этот склон к дикарям.

Если поставить их на место, они будут полезны в роли достойных слуг…

Мы/я вспоминаем выражение. *Прямая эмфатическая трансмиссия* — техника, используемая галактической наукой уже полмиллиарда лет.

И это знание делает многочленный голосовой поток более искусственным, металлическим, даже почти сатирическим. Конечно, это послание должно было каким-то образом быть усиленным нашим Святым Яйцом в тот момент, когда мы будем наиболее восприимчивы. Но даже и в этом случае трудно представить себе, чтобы подобная

болтовня могла завоевать много последователей.

Неужели они на самом деле верили, что мы поддадимся на это?

Еще один факт привлекает наше внимание. *Нет слоя для колесных!* Почему? Почему г'кеки упущены? Из-за своей явной бесполезности в программе истребительной войны?

Или потому что они уничтожены, их нет среди звезд?

Остается один ритм. Барабанный бой, подобный биению молотов по грудам стволов бу. И эти раскаты кажутся нашему сложному единству странно знакомыми.

Но в то же время наиболее чуждыми из всех.

СВЯЩЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ МНОГОСУЩНОСТИ, НЕПОСРЕДСТВЕННО
ОТ ГОВОРЯЩЕЙ ВЕРШИНЫ, ОСОЗНАЮЩЕЙ РАЗГНЕВАННУЮ ВРАЖДЕБНОСТЬ?

ОТВЕЧАЙТЕ КЛЯНИТЕСЬ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ОСКОРБЛЕНИЯМ! ПРЕСТУПНИКИ (ЗЕМЛЯНЕ) ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ С УНИЧТОЖЕНИЕМ...?

* * *

Мы в отчаянии отшатываемся. Эта эгомания гораздо грандиозней всех предыдущих, даже тех посланий, которые направлены на уров и людей!

И однако — нацелена она на треки!

Понимаете ли вы, что происходит, мои кольца? Это ли вкус гордого коварства, которое распространяли предназначенные для сознания деспотические торы? Эти тираны, которые некогда владели нашими грудами колец? Владыки, сознательно оставленные нашими предками-основателями, когда они бежали на Джиджо?

Таково негодование этих высокомерных джофуров? (Да, дрожите, услышав это имя!)

Могучих существ, которые по-прежнему бродят меж звезд в нашем образе. Родичей по кольцам, чьими восковыми сердечниками правят маниакальные устремления.

Но если это так, почему эти напыщенные речи так мало значат для наших многоцветных сегментов? Почему они кажутся такими банальными теперь, когда мы знаем, кто они такие на самом деле? Такими слабыми?

Демонстрация заканчивается. Излучение прекращается: в приборе иссякла энергия. Не важно. Теперь мы знаем, каково назначение этой путаницы проводов и шаров. Отравить, распространить яд, усиленный и сделавшийся правдоподобным благодаря влиянию Яйца.

По всей поляне вскипает гнев из-за этого свя-

тотатства, такой легкомысленной попытки разбудить дремлющую в нас враждебность. Ведь эта враждебность устарела еще до появления Яйца.

Неужели вы о нас такого низкого мнения, звездные повелители? Вы считаете, что нас можно одурачить и заставить выполнять грязную работу?

Мы видим, как вновь собирается толпа, выкрикивая угрозы, презрительно не обращая внимания на качающихся свистящих роботов. Люди, уры и все остальные теперь смешиваются свободней, объединяются в каком-то подъеме, словно мы, Шесть, выдержали трудное испытание. И вышли из него более сильными и едиными, чем когда-либо.

Это худшее, что они могли с нами сделать?

Много раз я слышу этот вопрос.

Да, мои кольца, нам кажется, что Поляна — лишь малая часть Склона, а мы, присутствующие здесь, только небольшой фрагмент Общины.

Это худшее, что они могли с нами сделать?

Увы, если бы так.

Сара

Урунтай предпочитает передвигаться быстро и легко, нагружая на ослов только самое необходимое. Урунтай также верит в Тропу Избавления — и не одобряет книги.

У библиотекарей не было ни одного шанса.

Тем не менее, увидев вечером костер, трое архивистов в серых одеяниях начали бурно протестовать. Два человека и их помощник шимп, связанные, отчаянно вырывались, молили, угрожали, пытались броситься на запечатанные воском ящики, которые должны были отвезти в безопасное место.

Веревки спасли им жизнь. Раскрашенные воины Урунтая, дежурившие с нацеленными арбалетами, не дрогнув, расстреляли бы светлокожих книжных смотрителей.

— Вам нравится огонь? — насмешливо спросила одна воительница на англике с сильным акцентом. — Огонь очищает. Он сжигает мусор. И то же самое может сделать с плотью. Человеческая плоть горит так хорошо.

Библиотекари замолчали и со слезами смотрели, как пламя лижет восковые печати на деревян-

ных ящиках, охватывает груды томов, которые трепетали, как птицы. Бумажные страницы вспыхивали краткими метеорами, расставаясь с накопленной столетиями мудростью.

Сара радовалась, что Ларк и Нело не видят этого.

Многие тексты были скопированы во время Великой Печати и позже. Утрата может быть не такой тяжелой, как кажется.

Но сколько выдержат эти копии в наступающем веке, полном фанатических сект и крестовых походов? Когда каждый уверен в собственной правоте?

Если даже звездные боги не уничтожат Библос или не заставят взрывников выполнить это дело за них, фанатики, такие, как Джоп и Ур-Качу, будут становиться все многочисленней и смелей, по мере того как будет распадаться ткань общества.

И, словно иллюстрируя эту мысль, перед закатом в лагере появилась группа единомышленников Джопа — десяток жестко выглядящих мужчин, вооруженных луками и мечами. Эти люди напились из ручья, не поворачиваясь спиной к соплеменникам Ур-Качу, но с удовлетворением смотрели на костер умирающих книг.

У этих двух групп общая цель. Покончить с “тщеславием” грамотности. Сместить нынешних мудрецов. Придерживаться диктатуры Свитков.

Позже, когда мы твердо будем идти по Тропе, сможем вернуться к засадам и взаимному убийству, определяя, кто самый сильный хищник в зловонной пирамиде освобожденных животных.

Костер рухнул, выбросив тучу искр и обрывков горячей бумаги, которые словно подхватил ветер. Незнакомец, стоявший рядом с Сарой, поймал одну страницу и стал вглядываться в нее, как будто пытаясь прочесть, что на ней было напечатано. Возможно, он увидел в ней нечто похожее на себя. Когда-то красноречивая, теперь она утратила способность речи.

Не одни библиотекари смотрели на костер с ужасом на вымазанных сажей лицах. Молодая супружеская пара хунских пилигримов вцепилась друг в друга, произнося погребальную молитву, как будто среди грязных углей позвоночник близкого. В явном отчаянии смотрели квуэны, а также — *мы не* забудем *это* — несколько печальных торговцев-уров.

Запах дыма напомнил Саре о тьме. Той темноте, которая не кончается с рассветом.

— Ну хорошо! Слушайте все! Прошу внимания. Вот наш план.

Молчание нарушил Джоп. Он подошел в составе четверки, вместе с Ур-Качу, Ульгор и мрачным, загорелым человеком, жесткое лицо и кремневая твердость которого делали его почти представителем другой расы по сравнению с мягкими книжниками-библиотекарями. Даже Урунтай обращался с этим человеком с неохотным уважением. Раскрашенные воины уступали ему дорогу. Саре он показался *знакомым.*

— Мы уходим двумя группами, — продолжал Джоп. — Большая группа направляется в болото Соленого Копыта. Если какой-нибудь отряд милиции услышит о происшедшем и решит нас преследовать, прежде всего они будут искать там. Так что кое-кого из вас могут и “освободить” через неделю-другую. Нам это подходит.

Меньшая группа будет идти быстрее. Люди поедут верхом, каждые полмидура пересаживаясь на свежих ослов. Не причиняйте беспокойства и даже не думайте ускользнуть в темноте. Урунтай — опытные следопыты, и далеко вы не уйдете. Вопросы есть?

Никто ничего не спросил, и Джоп пальцем поманил Незнакомца.

— Ты. Сюда.

Он показал в ту сторону, где у пруда оазиса цепочкой были привязаны самые крупные и сильные животные. Незнакомец посмотрел на Сару.

— Все в порядке. Она тоже может ехать. Мы не можем допустить, чтобы наш заложник заболел, верно? — Джоп повернулся к Саре. — Думаю, ты сможешь заботиться о нем еще какое-то время.

— Если смогу взять свой багаж. И Прити, конечно.

Четверо предводителей принялись совещаться. Ур-Качу возражала, но Ульгор встала на сторону людей, даже если это означало необходимость бросить часть добычи, отнятой у торговцев каравана. Пришлось сбросить на землю груз с еще двух ослов.

Еще один спор возник, когда Незнакомец сел на осла; при этом ноги его с обеих сторон почти доставали до земли. Он отказался оставить свой дульцимер, держа инструмент рукой. Недовольная Ур-Качу с отвращением фыркнула, но сдалась.

Со своего места на спине другого осла Сара видела, как человек с жестким лицом показал на взрывника Курта, который сидел рядом с племян-

ником и молча наблюдал за происходящим.

— И вы, господин взрывник, — с почтительным поклоном обратился к нему Джоп. — Боюсь, мои друзья хотят задать вам несколько вопросов, а это не подходящее место для того, чтобы убедить вас ответить.

Не обращая внимания на скрытую угрозу, седобородый человек из города Тарека перенес свою сумку к каравану ослов. Джома пошел за ним. Когда пара Урунтай попыталась отобрать у него сумку, Курт мягким и серьезным голосом сказал:

— Содержимое… требует осторожного обращения.

Воительницы попятились. Никто не мешал Курту сбрасывать груз еще с одного осла. Вместо груза он привязал свою сумку.

Остальную часть “быстрой группы” составляли воины Урунтай и люди — в одинаковых количествах. Люди на ослах выглядели почти так же неуклюже, как высокий Незнакомец. Все чувствовали себя неуверенно. Многие впервые садились верхом.

— Ты не идешь? — спросила Сара Джопа.

— Я слишком давно не был на своей ферме, — ответил тот. — К тому же у меня в Дало есть одно незаконченное дело. Чем быстрее там не станет

плотины, тем лучше.

Голова Сары дернулась, но не из-за слов Джопа. Она кое-что заметила за его плечом: на поверхность пруда поднимается цепочка пузырей.

Блейд. Он все еще под водой. И все слышит!

– Не волнуйся, девочка, — заверил Джоп, неправильно истолковав на мгновение промелькнувшее в ее взгляде изумление. — Я присмотрю, чтобы твоего папы не было, когда эта проклятая штука взорвётся.

Прежде чем Сара смогла ответить, вмешалась Ур-Качу.

Пора покончить с задержками и действовать! Выходим!

Одним из своих хвостов она хлестнула по крупу осла, и караван двинулся вперед.

Неожиданно Сара соскочила с седла и уперлась ногами. Ее осел споткнулся, и по всей цепочке в обе стороны прокатилась волна остановок. Один из мрачных людей даже упал на землю, вызвав насмешливые возгласы уров.

— Нет, — с мрачной решимостью сказала Сара. — Вначале я должна узнать, куда мы направляемся. Джоп негромко принялся ее уговаривать:

— Мисс Сара, пожалуйста. Я даже сам не знаю…

Он замолчал, тревожно глядя мимо нее на приближающегося человека с кремневыми глазами.

— В чем проблема? — Его глубокий низкий голос казался странно культурным, вопреки грубой внешности. Сара встретилась со взглядом его серых глаз.

— Не сяду, пока не скажете, куда мы направляемся. Охотник приподнял бровь.

— Мы вас привяжем. Сара рассмеялась:

— Этот маленький осел с трудом выдерживает добровольного седока. А тут я буду висеть на нем, да еще стараться сбить с хода. А если вы бросите меня как мешок картошки, я сломаю себе ребра.

— Возможно, мы рискнем и этим, — начал он и нахмурился, когда Незнакомец, Курт и Прити тоже слезли с ослов и встали, взявшись за руки.

Воин вздохнул.

— Какая в конце концов разница, если вы будете знать заранее?

Чем больше он говорил тем более знакомым казался. Теперь Сара была уверена, что встречалась с ним раньше.

— Мой подопечный нуждается в медицинском уходе. До сих пор мы не допускали инфекцию пользуясь специальными мазями, произведенными нашим аптекарем треки. И поскольку вы

не берете с собой в “быструю группу” его колесницу, нам нужно попросить Пзору подготовить запас мазей в дорогу.

Человек кивнул.

— Это можно организовать. — Он знаком велел незнакомцу подойти к Пзоре.

Сняв реука, который в последнее время сменил повязку, астронавт обнажил зияющую рану в голове. Несколько пустынных людей зашипели и стали делать жесты, отвращающие неудачу. Симбионт Незнакомца и реук Пзоры соединились в единый клубок и принялись обмениваться энзимами, а сам Незнакомец тем временем обратился к треки с последовательностью быстрых жестов руками — Саре даже показалось, что она услышала обрывок песни, — прежде чем наклониться и предоставить рану для очистки и лечения.

Сара заговорила снова.

— Лекарства, которые произведет Пзора, сохранятся на несколько дней, так что к тому времени вам лучше отвезти нас к другому аптекарю или у вас на руках будет совершенно бесполезный заложник. Звездные боги за мертвеца много не заплатят, друг он им или враг.

Предатель долго оценивающе смотрел на нее, потом отошел и заговорил с Ур-Качу и Ульгор.

Вернулся он с легкой улыбкой.

— Это означает небольшой крюк, но недалеко от нашей цели есть поселок, а в нем аптекарь. Вы правильно сделали, что указали нам на это. В следующий раз, пожалуйста, просто расскажите о проблеме, не вызывая неприятностей.

Сара смотрела на него, потом разразилась смехом. Он присоединился к ней со своим гулким хохотом, и это словно слегка ослабило напряжение. Этот хохот вернул Сару в прошлое, в первые дни пребывания ученицей под каменной крышей.

— Дединджер. — Она произнесла это имя почти беззвучно. Улыбка по-прежнему легкая, с оттенком горечи.

— Я гадал, узнаете ли вы меня. Мы работали в разных отделениях, хотя я следил за вашей работой с тех пор, как меня изгнали из этого рая.

— Рая, который вы пытались уничтожить, насколько я помню.

Он пожал плечами.

— Я начал действовать, не дожидаясь консенсуса. Но привычки коллегиальности трудно разорвать. К тому времени как я был готов, слишком многие узнали о моих намерениях. И до изгнания за мной следили днем и ночью.

— Жаль. А это ваш способ получить второй шанс. — Она показала на костер.

— Действительно. После годов, проведенных в дикости, где я проповедовал в группе падших — людей, которые дальше других прошли по Тропе Избавления, я узнал достаточно…

Резкий нетерпеливый свист Ур-Качу не слова на каком-нибудь известном языке, но он свидетельствовал, что она с трудом сдерживается. Дединджер снова приподнял бровь.

— Может, двинемся?

Сара подумала, стоит ли еще раз попытаться заставить Дединджера вслух произнести название места их назначения. Дединджер безумец, но не дурак. Ее настойчивость может вызвать у него подозрения и даже выдать Блейда.

Молча пожав плечами, она снова села на терпеливого осла. Суженными глазами наблюдая за ней, Незнакомец тоже сел верхом, за ним последовали Курт и Прити.

Остальные уцелевшие путники из злополучного каравана, казалось, одновременно жалеют о том, что они не так важны для Урунтая, и испытывают облегчение. Быстрая группа выехала из оазиса, направляясь на юг. Позади остались горькие запахи костра, пыли и животных.

Сара оглянулась на освещенный луной пруд.

Ты все слышал, Блейд? Или спал?

Но что может сделать синий квуэн в середине высохшей равнины? Ему лучше всего оставаться у воды, пока не придет помощь.

Сзади послышались голоса животных. Это выступила вторая группа — медленней, но по тому же пути.

Это имеет смысл. Большая группа сотрет следы меньшей. В каком-нибудь месте Ур-Качу свернет, а преследователи, если они будут, пойдут за большей группой.

Вскоре они остались одни в высокогорной степи. Воительницы Урунтая были оживлены, двигались легко и проворно и посмеивались над неуклюжими людьми, которые морщились и при езде задевали ногами землю. Люди слезали с ослов и на протяжении нескольких полетов стрел бежали рядом с ними, потом снова садились верхом. Хороший способ избавиться от насмешек уров. Да и стертостей не будет.

Увы, Сара знала, что она не в такой физической форме, чтобы бежать. Бели выживу, обязательно займусь своей формой, не в первый раз подумала она.

Человек с серыми глазами несколько Дуров

бежал рядом с Сарой, улыбаясь ей сухой красноречивой улыбкой. Он был так жилист и силен, что Сара поражалась, как вообще смогла узнать его. Когда она в последний раз видела ученого Дединджера, это был бледный интеллектуал с брюшком человека средних лет, специалист по самым древним свиткам и автор текста, который и сейчас у Сары в ее небольшом багаже. Человек, когда-то уважаемый, с высоким статусом, пока его ортодоксальный фанатизм не показался чрезмерным даже для терпимого Высшего Совета.

В те дни мудрецы придерживались особой двойной верности, распределенной поровну между Джиджо, с одной стороны, и беззаконным замыслом предков, с другой. Компромисс достигался с трудом. Некоторые избирали одну сторону, настраиваясь против другой.

Брат Сары полностью встал на сторону планеты. Ларк считал миллиарднолетний галактический экологический кодекс разумным и справедливым. Для него даже знаменитая “тропа освобождения” не давала права на нарушение этих правил.

Дединджер разделял противоположную крайность. Его не заботили экология и сохранение видов, только освобождение, обещанное Свитка-

ми. Поиски невинности как средства достижения лучшего будущего. Возможно, он в этом кризисе увидел и путь к возвращению утраченных почестей.

Сара при лунном свете смотрела, как изгнанный мудрец движется с жилистым изяществом — настороженный, сосредоточенный, сильный: живое доказательство справедливости избранного им простого жизненного стиля.

Обманчиво простого, думала она. *У мира бесчисленное количество возможностей быть не таким, как кажется на первый взгляд.*

Немного погодя Урунтай замедлил движение, потом совсем остановился для еды и отдыха. Самки с мужьями и личинками в сумках каждый мидур должны были пить теплую кровь симлы. Люди были недовольны урским обычаем быстрых, но коротких перебежек, и отдыху они предпочитали менее торопливое, но равномерное передвижение.

Вскоре после второго такого перерыва Ур-Качу повернула всю группу на каменистый карниз, который тянулся в общем направлении на юго-восток, как хребет окаменевшего гиганта. Неровная местность замедлила продвижение, и Сара воспользовалась этим, чтобы спешиться и

дать отдохнуть ослу и собственному заду. У нее затекли руки и ноги, и она надеялась, что ходьба вернет им подвижность. Но держалась рукой за седло: вдруг споткнется в темноте на невидимом камне.

Взошла вторая луна, и идти стало немного легче. Освещенные серебристым Торгеном, горы казались выше, чем обычно. Ледники на северном склоне впитывали падавший под углом свет спутника и возвращали его своеобразным голубым сиянием.

Незнакомец запел. Сладкая негромкая мелодия заставила Сару подумать об одиночестве.

Я одинокий остров
В далеком море,
И ближайшая полоска земли -
Это мои тоскливые мысли о тебе.

О, если бы я был свободен Душой и телом, Ты села бы в лодку И приплыла ко мне?

Это англик, хотя такой диалект Сара никогда не слышала. Много незнакомых слов. Неизвестно, насколько сам звездный человек понимает то, что поет. Но стихи, несомненно, вызывали у него глубокое чувство.

Я лед, который утоляет твою жажду,
От которого звенят твои яркие кольца?

Ты ангельский образ,

Поцелуй которого придает планете крылья…

Пение кончилось, когда прискакала Ур-Качу, раздувая ноздри, и потребовала прекратить *невыносимый земной кошачий концерт.* Сара полагала, что это исключительно личное мнение, потому что остальные уры не возражали. Музыка входит в очень короткий перечень того, в чем согласны обе расы. Некоторые уры даже говорят, что согласны переносить запах людей, потому что те принесли на Джиджо виолу.

Для тетки Ур-Качу казалась необычно раздражительной.

Человек из космоса замолчал, и группа двигалась в тишине, подчеркиваемой цоканьем копыт на камне.

Следующая кровавая остановка — в укрытии от ветра между каменными плитами, которые могли быть естественными образованиями, но в полутьме казались руинами древней крепости, погибшей в какой-то катастрофе. Один из обветренных пустынных людей дал Саре кусок черствого хлеба и сыр из молока кустарниковой коровы, несвежий, но вкусный, тем более что Сара ужасно проголодалась. Но рацион воды разочаровал. Уры не видят смысла в том, чтобы

брать с собой большие запасы воды.

Около полуночи группе пришлось перейти в брод широкий мелкий ручей на дне пустынной вади. Ульгор, всегда готовая ко всему, натянула прочную, без щелей, обувь и пересекла ручей, не замочив ног. Остальные урские мятежницы брели рядом с людьми и ослами, потом тряпками вытерли ноги друг у друга. После этого Урунтай какое-то время двигался очень быстро, пока не высохла влага на волокнистой шерсти ног.

Когда шаг снова замедлился, Сара слезла с осла и пошла пешком. Вскоре справа от нее послышался низкий голос.

— Я хотел вам сказать… я читал вашу работу о лингвистическом регрессе индоевропейских языков.

Это ученый, ставший охотником. Дединджер шел по другую сторону ее осла. Она долго смотрела на него, прежде чем ответить.

— Я удивлена. В ней пятьдесят страниц, я сумела сделать только пять копий, и одна у меня. Дединджер улыбнулся.

— У меня еще есть друзья в Библосе, которые время от времени присылают мне работы по интересующим меня темам. Что касается ваших положений, то хотя замечания о грамматическом

совершенстве долитературных торговых кланов мне понравились, боюсь, я не могу разделить вашу общую теорию.

Сара не удивилась. Ее заключения противоречат всему, во что верит этот человек.

— Таков путь науки — циклы признаний и непризнаний. Никакой догматической истины. Никакого жесткого, заранее известного слова.

— В противоположность моей рабской привязанности к нескольким древним свиткам, в написании которых не участвовал ни один человек? — Кремневый человек рассмеялся. — Я так и думал, что все сведется к тому, в каком направлении, по-вашему, движутся люди. Даже среди консервативных галактов наука должна медленно совершенствовать модель мира. Она ориентирована на будущее. Ваши дети будут знать больше вас, так что истина, которую вы постигаете, никогда не может быть названа “полной”.

Все хорошо, пока ваш путь направлен вверх, Сара. Но традиция и прочная вера предпочтительней, если вы спускаетесь по узкой священной дороге к рабству. В таком случае споры и неуверенность только смутят вашу паству.

— Ваша паства не кажется смущенной, — при-

знала Сара. Он улыбнулся.

– Мне удалось повернуть этих жестких людей к истинной ортодоксальности. Большую часть года они проводят на равнине Режущего Песка, охотясь на диких пауков-ленивцев, которые живут в пещерах под дюнами. Большинство из них не умеет ни читать, ни писать, а немногие орудия они изготовляют сами. Они уже далеко прошли по Тропе. Другие группы убедить может оказаться труднее.

— Например, гильдию взрывников? Бывший ученый кивнул.

— Загадочный клан. Их колебания при выполнении своего долга в нынешнем кризисе тревожат.

Сара посмотрела на Курта и Джому. Старший взрывник дремал на медленно идущем осле, а племянник продолжал односторонний разговор в Незнакомцем, который в ответ на болтовню Джомы кивал и улыбался. Звездный человек — идеальный, никогда не критикующий слушатель для застенчивого мальчика, который только начинает выражать себя.

— Может, они сообразили, что могут взорвать только раз, — заметила Сара. — А потом им придется зарабатывать на жизнь, как всем

остальным.

Дединджер хмыкнул.

— Если это так, кому-то пора уважительно напомнить им об их обязанностях.

Сара вспомнила слова Джопа о том, что необходимо “убедить” Курта. В более напряженные времена у этого выражения может быть зловещий смысл.

Возможно, мы возвращаемся к таким временам.

Кремневый мятежник покачал головой.

— Но забудем об этом. Я действительно хочу поговорить о вашей захватывающей работе. Не возражаете?

И когда Сара пожала плечами, Дединджер дружелюбным тоном продолжил так, словно они сидят в факультетском фойе в Библосе:

— Вы признаете, что праиндоевропейский и многие другие древние праязыки обладали более строгой и рациональной структурой, чем последующие диалекты, развившиеся из них. Пока все верно?

– Согласно книгам, привезенным на “Обители”. Мы располагаем только полученными в наследство данными.

— И однако вы не считаете эту тенденцию

очевидным признаком отхода от совершенства? От оригинальной грамматики, созданной для нашего использования расой патронов?

Сара вздохнула. Возможно, во вселенной бывают более странные вещи, чем разговор на абстрактные темы с похитителем под пустынным небом, но ей ничего такого не приходило в голову.

— Структура этих ранних языков могла возникнуть за многие поколения в результате отбора под давлением обстоятельств. Примитивным людям нужна строгая грамматика, потому что у них нет письма или других способов исправления ошибок и лингвистических отклонений.

— А, да. Ваша аналогия с игрой в телефон, в которой язык с самым высоким уровнем кодирования шамана…

— Кодировки Шеннона. Клод Шеннон показал, что любое сообщение может нести в себе средства исправления ошибок, вкравшихся во время передачи. В бесписьменных языках такая избыточность часто бывает заключена в грамматических правилах — падежах, склонениях, определениях и тому подобном. Это все элементарные основы теории информации.

— Гм, может быть, для вас. Признаюсь, что не

сумел разобраться в вашей математике. — Дединджер сухо усмехнулся. — Но допустим, в этом вы правы. Но разве такая умная самокорректирующаяся структура не доказывает, что ранние человеческие языки были искусно сконструированы?

— Вовсе нет. Те же аргументы выдвигались против биологической эволюции, а позже против представления о самостоятельно развившемся разуме. Некоторым очень трудно представить себе, что из дарвиновского отбора может возникнуть что-нибудь сложное, но так оно и есть.

— Значит, вы считаете…

— Что то же самое произошло с долитературными языками на Земле. Культуры с более строгой грамматикой удерживаются на больших расстояниях и более долго. Согласно мнению многих лингвистов прежних времен, индоевропейцы расселились по огромной территории — от Европы до Центральной Азии. Жесткое совершенство их языка позволяло поддерживать связи и вести торговлю на расстояниях, которые тогда невозможно было преодолеть за одну жизнь. Новости, сплетни, рассказы могли медленно устно передаваться по всему континенту и доходить столетия спустя, почти не изменившись.

— Как в игре в телефон.

— Такова общая идея.

Сара опиралась на осла, у нее устали ноги. Но неясно, что лучше: терпеть усталость или дать ногам отдохнуть и страдать от боли в копчике, если она сядет верхом. Ради маленького осла она решила идти и дальше пешком.

Дединджер продолжал спор.

— Если все, что вы говорите, правда, как вы можете отрицать превосходство ранней грамматики перед путаными, дезорганизованными последующими диалектами?

— Что значит “превосходство”? Говорите ли вы о праиндоевропейском, прабанту или прасемитском языке, все они в течение сотен и даже тысяч лет обслуживали потребности консервативной, почти не подверженной изменениям культуры кочевников и скотоводов. Но потребности изменились, когда наши предки перешли к земледелию, обработке металлов и письму. Прогресс изменил само представление о том, чему должен служить язык.

Выражение искренности на мгновение смягчило жесткое лицо собеседника.

— Но скажите, для чего нужен язык, если не для сохранения преемственности культуры и

облегчения связи?

Этот же вопрос задали и прежние коллеги Дединджера из его отделения, отвергшие теорию Сары при первом ее докладе и высмеявшие ее в присутствии мудрецов Боннера, Теина и Пурофски. Разве величественная цивилизация Пяти Галактик не усовершенствовала свои двадцать с лишним стандартных кодов с дней легендарных Прародителей с одной-единственной целью — облегчить обмен мнениями между мириадами рас?

— Есть еще одно желательное обстоятельство, — возразила Сара. — Еще один продукт языка, в конечном счете не менее важный, чем преемственность.

— И что же это?

– *Творчество.* Если я права, для творчества нужен совсем иной тип грамматики. Абсолютно иной взгляд на ошибки.

— Подход, который приветствует ошибки. Включает их. — Дединджер кивнул. — Мне трудно было разобраться в этой части вашей работы. Вы говорите, что англик лучше, потому что в нем нет избыточного кодирования. Потому что в каждой фразе, в каждом абзаце есть ошибки и двусмысленности. Но как хаос может способство-

вать изобретательности?

— Он позволяет расстаться с предрассудками. Разбирать самые нелогичные, нелепые и явно ошибочные предположения и делать это в разумно звучащих предложениях. Таких, например, как парадокс: “Это предложение — ложь”. Ни на одном из галактических языков это предложение не может быть построено грамматически правильно. Нас мучит и смущает наличие противоречий в самых давних и широко распространенных положениях. Наши мысли при этом выбиваются из колеи.

— И это хорошо?

— Но так рождается творчество, особенно у людей. Для того чтобы родилась одна хорошая идея, нужно предварительно высказать, просеять, испытать и отвергнуть десять тысяч идиотских мыслей. Мозг, который боится нелепостей, никогда не создаст ничего оригинального: некоторые абсурдные концепции будущие поколения будут считать “совершенно очевидными”.

Один из результатов этих перемен — появление большого количества новых слов. Образовался словарь, гораздо более обширный, чем в древних языках. Слова — названия новых вещей, новых идей, новых способов сравнения и рассуждения.

Дединджер добавил:

— И новых катастроф. Новых недоразумений. Сара, уступая, кивнула.

– Это опасный процесс. Кровавое прошлое Земли показывает, как воображение и вера превращаются в проклятия, если их не сопровождает способность к критическому мышлению. Письмо, логика и эксперименты позволяют до некоторой степени компенсировать способность избегать ошибок, заложенную в грамматику. Но прежде всего зрелый человек всегда в первую очередь должен рассматривать самую неприятную возможность — то, что его любимые доктрины могут оказаться ошибочными.

Она взглянула на Дединджера. Поймет ли он, что "этот камешек в его огород?

Изгнанный педагог сухо улыбнулся Саре.

— А приходило ли вам в голову, мисс Сара, что последнее утверждение может быть адресовано и вам и вашей любимой гипотезе?

Пришла очередь Саре вначале внутренне поморщиться, потом вслух рассмеяться.

— Человеческая природа. Каждый из нас полагает, что знает, о чем говорит, а все, кто с ним не согласен, придурки. Люди творчества видят в зеркале Прометея, а не Пандору.

Дединджер иронически заметил:

— Иногда факел, который я несу, обжигает мне пальцы.

Сара не могла понять, насколько серьезно это замечание. Ей часто бывало легче понять чувства хуна или г'кека, чем представителя собственной загадочной расы. Тем не менее она обнаружила, что наслаждается разговором, первым таким разговором за очень долгое время.

— А что касается тенденций развития здесь, на Джиджо, только посмотрите на некоторые стихотворные романы, в последнее время опубликованные в северных урских племенах. Или недавний взлет хунской романтической поэзии. Или хайку на Галдва, которые приходят из Долины…

Ее оборвал резкий свист — гортанный приказ, вылетевший из вытянутой шеи Ур-Качу. Караван усталых животных остановился, а предводительница Урунтая указала на север, на одинокую вершину. В ее тени нужно разбить замаскированное убежище.

В ее тени…

Мигая, Сара осмотрелась и увидела, что ночь почти кончилась. Над вершинами вставал рассвет, преодолевая ранний утренний туман. Они

поднялись в горы или, вернее, в скалистые предгорья, оставив позади выжженную равнину Уоррил. Увы, теперь они далеко к югу от торной дороги, ведущей на Поляну Собраний.

Вежливость Дединджера контрастировала с его грубой.внешностью: извинившись, он отправился организовывать своих людей.

— Мне нравится соревноваться в уме, — с поклоном сказал он. — Может, мы еще возобновим этот разговор.

— Может быть.

Хотя разговор был приятным отвлечением, Сара не сомневалась в том, что этот человек принесет ее вместе со всеми ее идеями на алтарь своей веры. И поклялась быть готовой при первой же возможности увести друзей от этих фанатиков.

Отлично. Старик, мальчишка, шимпанзе, раненый чужак и интеллектуалка не в форме – даже если у нас будет несколько часов форы, эти уры и люди пустыни поймают нас быстрее, чем ты построишь график синуса.

И все же она посмотрела на север, на высокие горы, где в скрытых долинах происходят знаменательные события, и подумала: *Нам нужно двигаться быстрее, иначе Ифни, бог или вселен-*

ная обойдутся без нас.

Аскс

Настала наша очередь угрожать.

Прокторы сдерживают разъяренную толпу; наши прежние гости окружены гневным кольцом. Оставшиеся сторонники чужаков, в основном люди, образуют вокруг пришельцев со звезд другое кольцо, защитное, а два робота носятся в воздухе, огненными молниями создавая буферную зону.

Лестер Кембел выступает вперед и поднимает обе руки, призывая к тишине. Шум стихает, толпа уменьшает давление на измученных прокторов. Вскоре воцаряется тишина. Никто не хочет пропустить следующий шаг в игре, в которой все мы лишь символы Джиджо. Игра будет выиграна или проиграна в зависимости от нашего мастерства и удачи.

Лестер кланяется послу ротенов. В одной руке он держит стопку металлических пластинок.

— Давайте оставим притворство, — говорит Лестер звездному богу. — Мы знаем, кто вы такие. И вы не сможете своей грязной работой подтолкнуть нас к взаимному геноциду.

Далее, если вы попробуете сами выполнить эту работу и уничтожить всех свидетелей вашего

незаконного посещения, вам это не удастся. Вы только удлините перечень своих преступлений.

Мы рекомендуем вам удовлетвориться. Берите все, что вам нужно от этого мира, и уходите.

Звездный человек самец в гневе выступает вперед.

— Как ты смеешь так говорить с патроном твоей расы! — кричит Ранн с побагровевшим лицом. — Извинись за свою наглость!

Но Лестер не обращает внимания на Ранна, чей статус в глазах Шести резко понизился. Прихлебатель/слуга не может распоряжаться мудрецом, какими бы богоподобными силами он ни владел.

Наш посол-человек протягивает Ро-кенну одну из металлических пластинок.

— Мы не гордимся этим видом искусства. Оно использует материалы, которые не стареют со временем и не растворяются в почве матери Джиджо. Напротив, они неистребимы. Не подвержены времени. Правильно сбереженные, они сохранят изображения до тех пор, пока эта планета снова не будет полна законной разумной жизнью.

Обычно мы посылаем такой мусор туда, где Джиджо может переработать его в огне. Но в

данном случае мы сделаем исключение.

Посол ротенов поворачивает пластинку в утреннем свете. В отличие от фотографий на бумаге, эти изображения лучше всего видны под определенными углами. Мы/я знаем, что там изображено, не правда ли, мои кольца? На пластинке Ро-кенн и его товарищи перед самым началом злополучного паломничества — путешествия, чьи ужасы все еще стекают с нашего воскового сердечника. Портретист Блур изготовил эту пластинку как средство шантажа.

— На других пластинках ваша группа изображена в различных положениях, в экспедициях, при обследовании кандидатов, часто на фоне, который определенно свидетельствует об этом месте и этой планете. Форма ледников и выветренных холмов позволит определить дату в пределах до ста лет. Может, и точнее.

Реук, покрывающий мое зрительное кольцо, снова передает противоречивые эмоции Ро-кенна, столкновение противоположностей. Но каких именно? Лучше ли мы теперь понимаем эти чуждые формы жизни? Наше второе кольцо разума кажется глубоко заинтересованным сталкивающимися цветами.

Ротен протягивает элегантную руку.

— Могу я посмотреть остальные? Лестер передает их.

— Это лишь примеры. Естественно, подробный отчет о знакомстве с вашим кораблем и экипажем также запечатлен на прочном металле и спрятан вместе с пластинками.

— Естественно, — спокойно отвечает Ро-кенн, внимательно разглядывая одну пластинку за другой, переворачивая их, подставляя лучам солнца. — Для сунеров, которые сами себя подвергли проклятию, вы сохранили необычные искусства. Ничего подобного я не видел, даже в цивилизованном космосе.

Эта лесть вызывает одобрительный ропот в толпе. Ро-кенн снова очарователен.

Лестер продолжает:

— Любой акт мести или геноцида против Шести будет точно так же сохранен. Сомнительно, чтобы вы смогли уничтожить нас всех, прежде чем наши спрятанные писцы завершат эту работу.

— Действительно сомнительно. — Ро-кенн замолкает, словно обдумывая дальнейшие действия. Учитывая его прежнее высокомерие, мы ожидали, что шантаж и очевидные проявления неуважения приведут его в негодование. Мы бы не удивились, если бы встретили откровенно

презрительное отношение к попыткам полуживотных угрожать божеству.

Но разве не видим мы вместо этого нечто похожее на *осторожную расчетливость? Неужели* он понял, что мы загнали его в угол? Ро-кенн пожимает плечами — очень похоже на человеческий жест.

— Что же нам в таком случае делать? Если мы согласимся на ваши требования, как мы можем быть уверены, что это не появится когда-нибудь, чтобы преследовать наших потомков? Отдадите ли вы нам сейчас эти пластинки в обмен на наше обещание улететь в мире?

Теперь смеется Лестер. Полуобернувшись к толпе, он делает жест одной рукой.

— Если бы вы явились, когда Община еще однодва столетия прожила в мире, мы, может быть, и поверили бы вам. Но кто из нас не слышал рассказов стариков, которые были свидетелями того, как Сломанный-Зуб обманул Ур-ксоун возле Ложного Моста в самом конце старых войн? Какой человек не читал трогательные рассказы о каком-то своем прапрапра-деде, который избежал смерти в ущелье Мира в Годы Лжи?

Он поворачивается к Ро-кенну.

— Наши знания обманов получены на соб-

ственном горьком опыте. Мы с большим трудом завоевали мир — и эти уроки не забыты.

Нет, могучий ротен. Мы с извинениями отказываемся просто верить вам на слово.

Легкое движение грациозной руки удерживает новый гневный взрыв Ранна. Сам Ро-кенн словно забавляется, хотя на его лице мы снова видим это странное столкновение противоречивых красок.

– В таком случае какая же у нас гарантия, что вы уничтожите эти объекты, когда мы улетим, а не оставите их в таком месте, где их смогут найти будущие обитатели этой планеты? Или, что еще хуже, представители Великих Институтов через какую-нибудь тысячу лет?

У Лестера готов ответ.

— В этом и заключена ирония, о могучий ротен. Если мы, как разумные существа, помним вас, значит, мы по-прежнему свидетели, способные давать показания о вашем преступлении. Таким образом, если мы сохраним память, у вас есть основания действовать против нас.

Но если, с другой стороны, мы успешно пройдем тропой избавления и забвения, через тысячу лет мы станем подобны глейверам и будем для вас совершенно неопасны. Не будем больше способны свидетельствовать. В таком случае у вас не

будет причин вредить нам. Поступать так было бы неразумно и даже рискованно.

— Верно, но если к этому времени вы забудете о нашем посещении, разве не забудете вы также места, где спрячете эти изображения? — Ро-кенн протягивает пластинку. — Они будут лежать в засаде, как затаившиеся снаряды, и терпеливо ждать времени, когда смогут попасть в нашу расу.

Лестер кивает.

— В этом и заключена ирония. Возможно, вас удовлетворит наша клятва обучить последующие поколения песне-загадке, если хотите, — чего-нибудь очень простого, которое сохранится даже в примитивном сознании наших потомков.

— И какова цель этой загадки?

— Мы сообщим нашим детям, что, когда с неба явятся существа, знающие ответ на загадку, им следует передать эти предметы из тайных святилищ. Отдать звездным повелителям, вашим преемникам, о могучий ротен. Естественно, если мы, Шесть, сохраним *подробные* воспоминания о вашем преступлении, мы, мудрецы, *предотвратим* передачу, потому что это произойдет слишком быстро. Но эта память не будет передаваться детям или сохраняться с такой же

тщательностью, как загадка. Ибо воспоминания о вашем преступлении — это смертельный яд.

Мы предпочитаем забыть, как и зачем вы приходили. Только в таком случае мы будем в безопасности от вашего гнева.

Лестер предлагает хитроумную и тщательно продуманную сделку. На совете ему трижды приходилось разъяснять свой план. Теперь толпа волнуется, поглощая идею элемент за элементом, делясь понятым, пока восхищенный шум не окружает, подобно расплавленному свету, тесно зажатые существа. Поистине, элегантная сделка.

— Откуда нам знать, что так мы получим все объекты? — спрашивает Ро-кенн.

— В определенных пределах вы должны полагаться на удачу. Вы ведь и летели сюда как игроки, не правда ли, могучий ротен? Вот что я могу вам сказать. У нас нет никакого желания, чтобы эти изображения сохранялись долгие века и чтобы потом их могли обсуждать юристы Институтов, чтобы они искали поводы для наказания наших родичей — космические расы, которые по-прежнему населяют звезды. Своей прочностью и неистребимостью эти пластинки представляют собой осквернение цели нашего пребывания здесь. Ведь наша цель — вернуть

себе невинность. Обрести второй шанс.

Ро– кенн задумывается.

— Похоже, мы явились на Джиджо на несколько тысяч лет преждевременно. Если вам удастся пройти по вашей Тропе, эта планета станет бесценной сокровищницей.

Вначале мы не совсем ясно понимаем смысл его слов, потом по толпе пробегает гул — от фырканий уров и свистов квуэнов до гулкого хохота хунов. Некоторых поражает ум Ро-кенна, на других действует скрытый комплимент — что ротены захотят принять предразумные расы, которыми можем стать мы Шесть. Но это не всеобщая реакция. Некоторые из присутствующих кипят гневом, отвергая всякую возможность принятия ротенами.

Разве не кажется нам этот гнев глупым, мои кольца? Разве раса клиентов может контролировать, кто станет ее патроном? Нет, если верны сохранившиеся у нас сведения.

Но все эти книги истлеют задолго до того, как это произойдет.

— Обменяемся клятвами? — спрашивает Ро-кенн. — На этот раз основанными на самых прагматических основаниях — на взаимном удержании?

По этому соглашению мы улетим на нашем корабле, подождав только возвращения из экспедиции нашей разведочной машины и подавив горечь, которую мы испытываем из-за подлого убийства наших товарищей. В обмен вы все поклянетесь забыть наше вторжение и нашу неудачную попытку говорить с вами через голос вашего Святого Яйца.

— Согласны, — отвечает Ум-Острый-Как-Нож, щелкая клешнями. — Сегодня вечером на совете мы подберем загадку, ответ на которую будет сообщен вам. Когда ваши соплеменники в следующий раз прилетят на Джиджо, они могут найти планету невинных. И наши потомки отведут их к месту укрытия. Тогда вы сможете забрать изображения-мусор. Сделка будет завершена.

Толпу охватывает надежда, наш реук воспринимает ее как волну зеленой дрожи.

Можем ли мы поверить в такую возможность, мои кольца? Что Шесть все-таки доживут до счастливого конца? Фанатикам кажется, что они добились своего. Их юная предводительница возбужденно приплясывает. Никакого наказания за их насильственные действия не будет. Напротив, они прославятся как герои Общины.

Что скажете, мои кольца? Наше второе кольцо

разума напоминает нам, что некоторые еретики могут предпочесть, чтобы гневный огонь и чума стерли с Джиджо инфекцию, которая называется Шесть. Да, есть еще одна, меньшая по размерам фракция еретиков. Эти эксцентрики считают, что наша судьба совсем в ином направлении, на которое в священных Свитках нет даже намека. Зачем ты вспоминаешь об этом, мое кольцо? Какое отношение имеет этот вздор к нашему времени и месту?

Писцы записывают подробности соглашения. Вскоре высокие мудрецы должны будут окончательно рассмотреть его и дать согласие. (Готовьтесь, мои кольца!) Тем временем мы размышляем над аномалией, о которой сообщает нам реук; он по-прежнему передает противоречивые раздражающие цвета Ро-кенна. Может ли это быть тенью *обмана!* Обмана и *насмешливой забавы?* Радостного принятия соглашения, но только внешнего, выигрывающего время, пока…

Перестань, приказываем мы нашему второму кольцу, которое легко увлекается. Оно прочитало слишком много романов. Мы недостаточно знаем ротенов, чтобы прочесть в их внешности тонкие оттенки значения.

К тому же разве Ро-кенн не пойман в ловушку?

Разве у него нет оснований бояться изображений на твердом металле? Логично рассуждая, он не должен идти на риск наказания всей своей расы, всего своего потомства.

Или он знает что-то такое, чего не знаем мы?

Какой глупый вопрос, когда речь идет о звездном боге!

Толпу охватывает надежда, а я/мы с каждым дуром нервничаю все больше. Что, если им безразличны эти фотографии? В таком случае Ро-кенн может согласиться на все, ибо, когда прибудет могучий корабль, все эти клятвы будут не важны. Тогда, обеспечив свою личную безопасность…

У нас не было возможности закончить это капающее рассуждение. Ибо неожиданно произошло кое-что еще. Слишком быстро и неожиданно, чтобы успеть просочиться в наш воск.

Все началось с резкого человеческого крика…

Один из сикофантов, сторонник ротена, указывает мимо звездного бога на носилки, где лежат два его мертвых товарища…

На двоих погибших при взрыве набросили тонкий шелковый покров. Но мы видим, что этот покров откинут, обнажив покойного ротена и покойного звездного человека…

Неужели мы видим портретиста Блура, кото-

рый своим записывающим устройством пытается сфотографировать лица мертвых?

Блур не обращает внимания на гневные крики сторонников патронов ротенов. Он неловко достает одну экспозировавшуюся пластинку и вставляет другую. Он кажется зачарованным, сосредоточенным только на своем искусстве, он не видит разгневанного Ранна, не слышит, как Рокенн что-то кричит на Галактическом шесть…

Блур замечает устремленного на него робота, и у него остается только время для последнего поступка истинного профессионала. Своим хрупким телом портретист закрывает свою драгоценную камеру и умирает.

Проявите терпение, вы, меньшие кольца, расположенные дальше от органов чувств. Вы должны подождать, чтобы погладить эти воспоминания нашим внутренним дыханием. Потому что для тех, кто расположен выше на нашем заостренном конусе, события происходят стремительно и накладываются друг на друга.

Узрите — неистовый гнев звездных богов, их апоплексическую оскорбленную ярость!

Наблюдайте — тщетные крики Лестера, Вуббена и Фвхун-дау, призывающих к сдержанности!

Будьте свидетелями — гибели Блура, превра-

щения его в дымящуюся груду!

Заметьте — как пятится толпа от этого насилия, а с опушки леса бегут другие фигуры в черном!

Бойтесь — парящих роботов, готовых к удару, готовых убивать по приказу!

И прежде всего *смотрите* — на сцену прямо перед нами, на то, что фотографировал Блур перед смертью…

Эта картина сохранится в памяти, пока цела эта груда колец.

Два существа лежат рядом.

Одно — самка человека; она мертва, ее заново вымытое лицо спокойно и мирно.

Вторая фигура казалась столь же спокойной и неподвижной, когда мы в последний раз видели ее перед рассветом. Лицо Ро-пул как идеализированное человеческое, выразительное, поражающее шириной лба, широкими скулами и чисто женским подбородком. На этом лице при жизни всегда была победительная улыбка.

Но сейчас мы этого не видим!

Мы видим, как из лица Ро-пул выбирается дрожащая *тварь*… забирая с собой большую часть лица! Тот же лоб, те же щеки и подбородок теперь образуют тело существа, которое сидело

на ротене, как на нас сидят реуки, сидело так основательно, что не видно было ни одного шва или соединения.

Объясняет ли это диссонанс? Столкновение цветов, переданное нашим реуком-ветераном? То, что одна часть лица Ро-кенна выражает резкие эмоции, а вторая всегда остается холодной, невозмутимой и дружелюбной?

Тварь уползает, и зрители видят, что осталось: острое узкое лицо, без подбородка, заостренное, с очертаниями черепа, совсем не похожими на человеческий.

Исчез мираж небесной красоты в земном понимании. Основные черты остаются гуманоидными, но это обостренная, *хищная* карикатура на нашу младшую расу.

— Хр-рм… Я видел это лицо раньше, — говорит Фвхун-дау, поглаживая свою белую бороду. — Читал в Библосе. Тайная раса с репутацией…

Ранн снова набрасывает покров на трупы, а Ро-кенн резко прерывает:

– *Это неслыханное оскорбление!*

Теперь наш реук ясно показывает Ро-кенна как *два* существа в одной живой маске. Исчезло терпеливое веселье, исчезла готовность сдаться перед шантажом. Сейчас нам нечем шантажи-

ровать.

Нечем.

Ротен отдает приказ Ранну:

– *Нарушь радиомолчание и вызови Кунна! Немедленно!*

– Добыча будет предупреждена, — отвечает явно потрясенный Ранн. — И охотники тоже. Смеем ли мы…

– *Придется рискнуть. Немедленно повинуйся! Вызови Кунна, потом расчистьздесь все.*

Ро– кенн указывает на толпу, на своих прихлебателей и на мудрецов.

– *Никто не должен остаться, чтобы рассказать об этом.*

Роботы поднимаются, потрескивая страшной силой. Толпа в ужасе кричит.

И тут — словно в какой-нибудь земной сказке — открывается ад.

Незнакомец

Он медленно щиплет струны дулъцимера, вызывая за раз по одной низкой ноте, нервничая из-за того, что собирается сделать, но одновременно довольный тем, как много помнит.

Например, об урах. Еще только придя в себя на маленьком речном корабле, он пытался понять, почему испытывает такие дружеские чувства к четвероногим существам, вопреки их колючим темпераментным характерам. В пустынном оазисе, перед кровавым нападением, он слушал балладу, которую пела предательница Ульгор и понимал только отдельные слова-щелчки. Но ритм песни казался странно знакомым, вызывал какие-то ассоциации в поврежденном мозгу.

И вдруг он вспомнил, где раньше слышал это сказание. В баре, на далекой…

…на далекой…

Названия по-прежнему давались ему с трудом. Но теперь по крайней мере из плененной памяти возник образ. Сцена в таверне, которую посещают представители низших разумных рас, как и его собственная. Здесь бывают звездные путешественники с определенными вкусами в еде, музыке

и развлечениях. Часто в таком месте платой служат песни. Можно купить себе выпивку за хорошую песню, и ему редко приходилось пускать в ход наличность, потому что уж очень хороши были мелодии его талантливых товарищей по экипажу…

…товарищей по экипажу…

Теперь он наталкивается на еще один барьер. Самую высокую и непроходимую стену в сознании. Пробует еще раз, но терпит неудачу, не может прорвать стену с помощью мелодии.

Тогда назад в бар. С этим воспоминанием пришло то, что он когда-то знал об урах. Особенно трюк, который он разыгрывал с урами, когда они задремывали после напряженного вечернего соревнования. Иногда он брал каштан, тщательно нацеливался и…

Цепочка мыслей прерывается: Незнакомец замечает, что за ним наблюдают. На него смотрит Ур-Качу, явно раздраженная все более громкими звуками дульцимера. Он старается смягчить предводительницу урских мятежников, делая звуки потише. Но совсем не останавливается. На более тихом и спокойном уровне ритм становится странно гипнотическим, как и нужно.

Остальные грабители, и уры, и люди, ложатся,

чтобы проспать самую жаркую часть дня. Сара тоже – вместе с Прити и другими пленниками. Незнакомец знает, что ему тоже следует отдохнуть, но он для этого слишком взвинчен.

Ему не хватает Пзоры, и в то же время ему странно, что он стремится к целительным прикосновениям джофура…

Нет, это неправильное слово. Пзора не один из тех страшных, жестоких существ, а треки — нечто совершенно иное. Когда сможет получше удерживать названия, нужно не забыть об этом.

Но у него есть дело. За оставшееся время он должен научиться пользоваться реуком, который купила для него Сара, — странное создание, чье пленчатое тело прикрывает оба его глаза, и в результате вокруг каждого ура и человека возникает мягкое свечение, превращая потрепанную палатку в павильон открытия истины. Он слегка нервничает из-за того, что реук дрожит на его плоти и с помощью присоски кормится из вены вблизи зияющей раны на голове. Но он не может отказаться от шанса исследовать еще один способ коммуникации. Иногда смущающие цвета сливаются, напоминая последнее общение с Пзорой в оазисе. Там был момент странной ясности, когда соединившиеся реуки передавали

именно то, что ему было нужно.

Ответный дар Пзоры внутри, в дыре в голове. Это единственное место, где грабителям не придет в голову искать.

Он сопротивляется искушению сунуть руку внутрь, проверить, на месте ли он. Все в свое время.

Пока он сидит и щиплет струны, угнетающая жара медленно усиливается. Уры и люди теснее прижимаются к земле, где еще слабо ощущается ночная прохлада. Он ждет и пытается вспомнить еще немного.

Самая большая слепая зона, помимо утраты языка, покрывает недавнее прошлое. Если вся продолжительность его жизни до настоящего момента равна десяти единицам, то последние две отсутствуют. И у него есть только обрывки, которые удерживаются от снов, когда он просыпается. Этого достаточно, чтобы знать, что когда-то он летал в соединенных галактиках и видел то, чего не видел никто из его племени. Замки, за которыми находятся эти воспоминания, до сих пор выдержали все его попытки: рисунки, математические игры с Прити, погружение в собрание запахов Пзоры. Он уверен, что выход в музыке. Но в какой музыке?

Сара негромко сопит поблизости, и он чувствует, как в сердце вскипает благодарность… вместе с грызущим ощущением, что он должен подумать о чем-то другом. О ком-то другом, кому принадлежала его преданность до того, как палящий огонь сбросил его с неба. Возникает женское лицо, но исчезает стремительно, так что он не успевает вспомнить. Но это лицо пробуждает целый комплекс необычных чувств.

Ему не хватает ее… хотя он не может себе представить, что она чувствует то же самое — где бы она ни была.

Кем бы она ни была.

Больше всего хочет он выразить свои чувства в словах, чего никогда не делал в те опасные времена, что они провели вместе… когда она томилась по другому, гораздо лучше его самого.

Он осознает, что эта мысль приводит к чему-то, и испытывает возбуждение. Жадно следует за ней. Женщина из его снов… она тоскует по мужчине… по герою, который давно исчез… год или два назад… потерялся вместе с остальными товарищами по экипажу… и вместе…

…вместе с капитаном…

Да, конечно! Командир, которого им так не хватало с того самого отчаянного бегства на

несчастный водяной мир. Мир катастрофы и торжества.

Он пытается представить себе образ капитана. Лицо. Но в голову приходит только серая плоть, цепочка пузырей и блеск белых острых зубов. Улыбка, ни на что не похожая. Мудрая и спокойная.

Нечеловеческая.

И тут, словно ниоткуда, возникает негромкий шепот. Звук, никогда ранее не слышанный на Склоне.

Мой добрый молчаливый друг… Затерявшийся в облаке зимней бури… Одинокий… совсем как я…

Из его рта льются свисты, щелканья, хлопки -раньше, чем он осознает, что говорит. Он раскачивается — в сознании словно прорвало плотину, высвободив поток воспоминаний.

Музыка, которую он искал, нечеловеческая, это современный язык третьей земной разумной расы. Язык, которым людям чрезвычайно трудно овладеть, но который щедро вознаграждает тех, кто попытается это сделать. Тринари *не похож на Галактический два или любой другой язык, кроме, может быть, печальных баллад больших китов, которые по-прежнему населяют*

безвременные глубины родной планеты.

Тринари.

Он удивленно мигает и даже утрачивает ритм дульцимера. Несколько уров поднимают головы, смотрят на него, пока он не возобновляет ритмичный звук, продолжает рефлекторно, обдумывая свое поразительное открытие. Знакомый/невероятный факт, который до сих пор не давался ему.

Его товарищи по экипажу — возможно, они все еще ждут его в том темном страшном месте, где он их оставил.

Его товарищи — дельфины.

XXV. КНИГА МОРЯ

Берегитесь вы, проклятые, те, что ищут избавления. Время – ваш друг, но и величайший враг.
Подобно огню Измунути, оно может кончиться до того, как вы будете готовы. И снова выпустить то, от чего вы бежали.

Свиток опасности

Рассказ Олвина

Однажды я попытался прочесть “Поминки по Финнегану”.

В прошлом году.

В прошлой жизни.

Говорят, ни один неземлянин не в состоянии прочесть эту книгу. На самом деле немногие земляне совершили подобный подвиг, значительную часть своей жизни отдав шедевру Джойса, читая одно непонятное слово за другим — с помощью комментариев, написанных другими одержимыми читателями — учеными. Мистер Хайнц говорит, что на Склоне никто не может надеяться понять эту книгу.

Естественно, я воспринял это как вызов, и, когда в следующий раз наш учитель направился на собрание, я попросил его привезти экземпляр.

Нет, не собираюсь сказать, что добился успеха. Прочитав всего одну страницу, я понял, что это совсем не то, что “Улисс”. Хотя внешне кажется, что написано на английском докосмической эры, на самом деле в “Поминках” используется собственный язык Джойса, созданный для этого единственного произведения искусства. Хунское

терпение тут не поможет. Чтобы только начать понимать, нужно иметь общий с автором *контекст.*

А на что мне было надеяться? Ирландско-английский для меня не родной язык. И я не живу в Дублине начала двадцатого века. Я не человек. Я никогда не был в “пабе” и никогда не видел ничего похожего на “кварк”, поэтому могу только догадываться, что происходит в каждом из них.

Помню, как подумал — может, слегка высокомерно: *Если я этого не прочту, никто на Джиджо не прочтет.*

Том выглядел так, словно никто с самой Великой печати и не пытался. Так зачем люди-основатели отвели в Библосе место этому странному интеллектуальному эксперименту их ушедшей эпохи?

Тогда я понял, что у меня есть намек на истинную причину прилета “Обители” на эту планету. Это не та причина, о которой говорят в святые дни, когда мудрецы и священники читают выдержки из священных Свитков. Не для того, чтобы найти темный уголок вселенной и заняться преступным размножением или уйти из космоса в поисках дороги к невинности. В том и в другом случае я мог бы представить себе публикацию

практических руководств или простодушных сказаний, которые помогли бы осветить путь. Со временем эти книги истлеют и превратятся в пыль, когда люди и все остальные будут готовы отказаться от них. Когда станут чем-то вроде элоев из “Машины времени” Г. Дж. Уэллса.

Но ни в том, ни в другом случае печатание “Поминок по Финнегану” не имеет никакого смысла.

Поняв это я снова взялся за книгу. И хотя по-прежнему не понимал сюжета или связанных с ним иллюзий, я оказался в состоянии наслаждаться потоком слов, их ритмом и звучанием — ради их собственной экстравагантности. И не важно, что я единственный, кто это делал.

И когда я переворачивал страницы, во мне каким-то образом рождалось новое теплое чувство: *когда-нибудь кто-нибудь получит от этого больше, чем я.*

На Джиджо запасали то, что казалось мертвым, но на самом деле лишь спало.

Я думал об этом, испытывая постоянную боль и стараясь стоически преодолевать ее, когда странные молчаливые существа неуклюже входили в мою клетку и подвергали меня жару, холоду или уколам. То есть я хочу сказать: мог ли я испы-

тывать надежду, когда металлические пальцы ощупывали мои раны? Или горевать оттого, что мои молчаливые надсмотрщики отказывались отвечать на мои вопросы и вообще говорить? Нужно ли описывать мою ужасную тоску по дому? Или возбуждение оттого, что мы открыли что-то невероятно странное, о чем никто на Склоне даже не подозревал — с тех самых пор, как г'кеки первыми отправили свой крадущийся корабль в глубины?

Но прежде всего я гадал: пленник ли я, пациент или *образец?*

Наконец я понял: мне не от чего отталкиваться при решении. Подобно строкам книги Джойса, эти странные существа казались одновременно странно знакомыми и совершенно непостижимыми.

Машины ли это?

Или представители какой-то древней подводной цивилизации?

Они захватчики? Или считают захватчиками нас?

Может, они буйуры?

Я избегал думать о том, что на самом деле меня мучило.

Давай, Олвин. Посмотри этому в лицо.

Я вспоминаю эти последние дуры, когда наша прекрасная “Мечта Вуфона” разлетелась на куски. Когда меня прижало к ее борту. Когда моих друзей втягивало в пасть металлического чудовища и они погрузились в холодную, холодную, холодную воду.

Тогда они были живы. Ранены, ошеломлены, но живы.

Были живы, и когда мощный воздушный поток вытеснил ужасное темное море, оставив нас, раненых и полумертвых, на жесткой палубе. И когда лучи, яркие, как солнце, ослепили нас, а паукообразные существа вползли в помещение и принялись разглядывать свой улов.

Но здесь память меня оставляет, очертания становятся неясными — и я прихожу в себя в одиночестве.

В одиночестве и в тревоге за друзей.

XXVI. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Мы знаем, что в Пяти Галактиках каждая звездная раса проходила вначале через процесс возвышения, получая дар разума от принявших ее патронов. А эти патроны в свое время тоже получили такой дар от предыдущих патронов, и так далее — цепь благотворительности уходит в туманные времена, когда было гораздо больше пяти соединенных галактик, к легендарным Прародителям, которые давным-давно начали эту цепь.

Но откуда взялись сами Прародители?

Для некоторых религиозных союзов, которые ожесточенно враждуют на космических линиях, сам этот вопрос недопустим и способен вызвать столкновение.

Другие отделываются от вопроса, отвечая, что древние разумные произошли "откуда-то" или что Прародители были трансцендентными, вечными существами, которые великодушно снизошли со своих высших сфер, чтобы помочь разуму родиться меж звездами.

Конечно, можно возразить, что подобные поверхностные ответы — совсем не ответы, но

неразумно говорить это вслух. Многие могучие галакты не любят, когда им указывают на несоответствия.

Наконец существует культ — "Утверждающие", — который полагает, что Прародители самостоятельно эволюционировали на какой-то планете, сами по себе выработали разум — удивительный, почти невероятный подвиг. Можно было бы подумать, что "Утверждающие" станут дружелюбней относиться к землянам, чем большинство фанатичных союзов. В конце концов многие земляне до сих пор верят, что именно это проделала наша раса, возвысившись в изоляции, без помощи со стороны.

Увы, не ждите сочувствия от "Утверждающих", которые считают подобные утверждения со стороны волчат проявлением гордости и высокомерия. Они говорят, что самовозвышение — феномен высшего и наиболее священного порядка и не доступен существам, подобным нам.

Джекоб Демва. "Прагматическое введение в галактологию",

перепечатано с оригинала гильдией

печатников города Тарек,

год изгнания 1892

Двер

Бесполезно кричать на глейверов или бросать в них камнями. Пара только отступала и продолжала с удаления наблюдать пустыми выпуклыми глазами, а потом снова шла за людьми, когда они пускались в путь. Двер скоро понял, что избавиться от них не удастся. Нужно либо застрелить животных, либо не обращать на них внимания.

— У тебя есть и другие занятия, сынок, — решил Дэйнел Озава.

Какое преуменьшение!

Когда Двер настороженно провел группу Дэйнела по мелкому каменистому броду, поляна у водопада по-прежнему была полна запахами уров, ослов и симл. С этого момента он начал применять тактику старинных войн, с вечера разведуя предстоящий дневной маршрут. Двер рассчитывал на то, что дневной образ жизни уров убережет его от засады, хотя уры способны легко адаптироваться. Они могут быть смертельно опасны и по ночам, как на собственном тяжелом опыте убедились в прошлом бойцы-люди.

Двер надеялся, что после нескольких мирных поколений уры стали ленивей.

Он вставал в полночь и шел при свете двух лун, осторожно принюхиваясь к следу копыт вблизи мест возможной засады. А на рассвете торопливо возвращался, чтобы помочь каравану ослов Дэйнела проделать дневной маршрут.

Озава считал необходимым догнать отряд уров и вступить в переговоры. Но Двер тревожился. *Как, по его мнению, они себя поведут? Обнимут нас как братьев? Они преступники. Как племя Рети. Как мы.*

След становился все более свежим. Теперь уры опережают их на неделю, может, на несколько дней.

Он начал замечать и другие следы. Оплывшие отпечатки на песке. Обломанные каменные пластинки. Обрывок шнурка от мокасина. Следы костра более чем месячной давности.

Племя Рети. Уры идут прямо в центр их территории.

Дэйнел спокойно воспринял эту новость.

— Они могут думать то же, что и мы. Люди-сунеры хорошо знают жизнь в этих холмах. Это ценный опыт, и его можно купить, взять взаймы…

— Или добыть пыткой, — закончила Лена Стронг, натачивая у костра нож. — Некоторые

урские кланы держали людей в рабстве, прежде чем мы покончили с этим обычаем.

— С обычаем, который они усвоили у квуэнов. В естественном поведении уров нет привычки к рабству. А вот на старой Земле, кстати…

— Да, очень хорошо, — прервал Двер. — Значит, у нас проблема. Что нам делать, когда мы их догоним?

— Правильно. — Лена разглядывала острие ножа. — Нападем на всех сразу или предпочтем хунский стиль — будем брать их по одному?

Дженин вздохнула с несчастным видом.

— О, Лена. Пожалуйста, перестань. — Все путешествие она была оживлена и весела, пока не услышала разговоры о нападении. Дженин присоединилась к отряду, чтобы стать матерью-основательницей новой расы, а не чтобы охотиться на тех, кто раньше был соседом.

Двер испытывал ту же боль, что Дженин, хотя прагматический рассудок вставал на сторону Лены.

– Если придется, я бы предпочел покончить побыстрее, — сказал он, глядя на осла, несущего их самое тайное “орудие”, о котором они никогда не говорили.

— До этого не должно дойти, — настаивал Дэй-

нел. — Давайте вначале установим, чего они хотят. Может, у них такие же намерения, как у нас.

Лена фыркнула:

— Отправить посла? Выдать наше присутствие? Ты слышал Двера. Их больше десяти!

— А не лучше ли в таком случае подождать вторую группу? — спросила Дженин. — Они ведь должны выступить сразу за нами.

Лена пожала плечами:

— Кто знает, сколько еще времени им понадобится? А если они заблудились? Уры могут обнаружить нас первыми. И нужно еще учитывать человеческое племя.

— Старое племя Рети.

— Верно. Хотите, чтобы они были убиты или обращены в рабство? Только потому, что мы боимся…

— Лена! — прервал Дэйнел. — Хватит. Посмотрим, что можно сделать, когда придет время. А тем временем бедному Дверу нужно немного поспать. Мы должны дать ему отдохнуть.

— Это далеко не все, что мы должны ему дать, — негромко сказала Лена. Двер посмотрел на нее, но в полутьме перед восходом лун разглядел только тень.

— Всем спокойной ночи, — сказал он и ушел к своему спальному мешку.

Грязнолапый выглянул из-под одеяла и начал браниться, что ему приходится подвинуться. Конечно, он помогает по ночам согреться, и это заставляет Двера прощать, когда он вылизывает ему лицо во время сна, собирая пот со лба и с губ.

Двер лег, повернулся — и удивленно замигал, увидев две пары больших круглых глаз, глядящих на него с трех метров.

Джикии глейверы!

Обычно на мирные создания просто не обращают внимания. Но Двер никак не мог забыть стаю глейверов, жадно теснившихся вокруг мертвого галлейтера.

Он бросил в их сторону комок земли.

— Уходите! Прочь!

Пара повернулась и неторопливо удалилась. Двер посмотрел на Грязнолапого.

— Почему бы тебе не принести хоть какую-то пользу и не держать их на расстоянии?

Нур улыбнулся ему в ответ.

Двер натянул одеяло на подбородок, пытаясь устроиться поудобнее. Он устал, тело болело от напряжения и ушибов. Но сон приходил неторопливо, полный тревожных кошмаров.

Он проснулся от мягкого прикосновения. Кто-то гладил его по лицу. Двер раздраженно оттолкнул нура.

— Перестань, комок шерсти! Лижи ослиный помет, если нужна соль.

После удивленного молчания негромкий голос ответил:

— Меня никогда так ласково не приглашали в постель мужчины.

Двер приподнялся на локте, потер глаза и разглядел неопределенный силуэт. Женщина.

— Дженин?

— Ты предпочитаешь ее? Я выиграла жребий, но, если хочешь, позову ее.

— Лена! Что… что я могу для тебя сделать?

Двер разглядел белый блеск — одна из редких улыбок Лены.

— Ну, ты можешь пригласить меня погреться. — Голос ее звучал мягко, почти застенчиво.

Лена красива и удивительно женственна, однако Двер никогда бы не подумал применить к ней слова “мягкий” и “застенчивый”.

— Гм… конечно…

Это мне снится? думал он, когда она легла рядом и сильными руками принялась раздевать его. Тело ее было горячим.

Наверно, все-таки сон. Лена, которую я знаю, никогда так хорошо не пахнет.

– Ты весь напряжен, — заметила она, разминая ему шею и спину сильно и точно. Вначале Двер ахал от покидавшего мышцы напряжения. Но каждое нажатие мозолистых пальцев Лены казалось таким женственным, эротическим.

Она не успела закончить массаж, как Двер потерял контроль над собой и мягко, но решительно повернулся, так что они поменялись позами. Она оказалась под ним и отвечала на его движения с желанием, накопленным за многие недели напряжения. Тревога и усталость словно взорвались в воздухе, в лесу, в ней, когда она сжимала его, привлекая к себе.

После того как она ушла, Двер лежал и лениво думал: *Лена считает, что я могу умереть, поэтому должен выполнить свой долг перед схваткой. Возможно, это последний… единственный шанс…*

Двер уснул спокойным, без сновидений, сном, таким расслабляющим и полным, что действительно почувствовал себя отдохнувшим, когда под одеяло к нему скользнуло другое теплое тело. На этот раз сработало его подсознание, приняв женщину с полным прагматизмом.

Дэйнел, вероятно, придет позже, поэтому имеет смысл получить у меня то, что я могу дать, раньше, чем это исчезнет.

Не ему судить женщин. Здесь, в дикой местности, им приходится нелегко. У него задачи простые — охотиться, сражаться и, если понадобится, умереть. А им нужно продолжать жить, чего бы это ни стоило.

Дверу даже не нужно было просыпаться окончательно. И Дженин не казалась оскорбленной тем, что его тело принимало ее в полусне. У него множество дел в эти дни, и, если он хочет держаться, нужно пользоваться любой возможностью для отдыха.

Двер проснулся спустя мидур после полуночи. Хотя он чувствовал себя гораздо лучше, пришлось преодолевать ленивую летаргию, чтобы одеться и проверить имущество: лук и колчан, компас, наброски маршрута и фляжку с водой, потом пройти к костру, чтобы подобрать завернутый в листья пакет, который каждый вечер оставляла для него Дженин, — еда, которую он съест в пути.

Большую часть взрослой жизни он бродил один, наслаждаясь миром и одиночеством. Но теперь пришлось признать, что принадлежность

к группе, к команде обладает своей привлекательностью. Возможно, под руководством Озавы они почувствуют себя *семьей*.

Сможет ли он тогда с меньшей горечью вспоминать жизнь, которую он и его любимые оставили позади, в ласковых лесах Склона?

Двер уже собирался идти по оставленному урами следу, когда его внимание привлек негромкий звук. Кто-то не спит и разговаривает. Но он проходил мимо женщин, они негромко сопели и спали (ему хотелось думать: счастливо). Двер снял с плеча лук и двинулся в сторону негромких звуков речи. Он испытывал скорее любопытство, чем тревогу. И вскоре узнал знакомый голос.

Конечно, это Дэйнёл. Но с кем мудрец разговаривает?

Двер вгляделся из-за ствола большого дерева и увидел маленькую поляну, а посреди нее освещенную луной необычную пару. Дэйнёл склонился к небольшому черному существу, которое он, Двер, называет Грязнолапым. Слов он не мог разобрать, но, судя по тону и интонации, Озава задает вопросы на одном языке за другим.

Нур вылизывал себя, потом бросил взгляд на стоящего в тени Двера. Когда Озава перешел на Галдва, Грязнолапый улыбнулся — потом

повернулся, кусая себя за плечо. А когда снова повернулся к мудрецу, то ответил широким зевком.

Дэйнёл негромко вздохнул, как будто ожидал неудачи, но все же считал, что стоит попробовать приложить усилия.

Какие усилия? думал Двер. Ищет ли мудрец волшебной помощи, как иногда поступают невежественные захолустные крестьяне, которые воспринимают нуров как духов из волшебных сказок? Или Озава надеется приручить Грязнолапого, как делают хунские моряки, чтобы получить проворных помощников в плаваниях? Кроме хунов, такое почти никогда никому не удается. Но даже если получится, какой толк от одного нура? Или одной из задач Двера — после разбирательства с урскими сунерами и племенем Рети — теперь будет вернуться и собрать побольше нуров?

Это не имеет смысла. Если каким-то чудом Община выживет, им пришлют сообщение и отзовут домой. Если случится худшее, им нужно будет держаться как можно дальше от Склона.

Что ж, Дэйнел скажет мне, что хочет узнать. Надеюсь только, это не свидетельствует о том, что он спятил.

Двер осторожно отошел и отыскал урский след. Шел быстро, ему хотелось побыстрей увидеть, что лежит за следующим затянутым туманом возвышением. Впервые за много дней Двер чувствовал себя цельным и сильным. Конечно, тревога не исчезла. Существование по-прежнему оставалось хрупким и опасным, жизнь потерять слишком легко. Но пока он шел вперед, чувствуя себя полным жизни.

Рети

Сон всегда заканчивался одинаково, перед тем как она просыпалась, прижимая к груди мягкое одеяло.

Она видела во сне птицу.

Не такой, какой видела ее в последний раз, без головы, распростертой на лабораторном столе Ранна в погребенной станции, но такой, какой впервые увидела эту странную вещь. Стремительно движущуюся, с ярким плюмажем, похожим на блестящие лесные листья, живую и сверкающую. Что-то в ней ласкало душу.

Ребенком она любила наблюдать за настоящими птицами, часами следила за тем, как они устремляются к земле, завидовала их свободе в воздухе, их способности улететь, оставив все беды позади. Но однажды Джесс вернулся из далекого путешествия на юг и хвастался тем, каких зверей добыл. И один из этих зверей — огромное летающее создание, которое они захватили врасплох, когда оно появилось из приливных болот. Стрела порвала ему крыло, и оно с трудом улетело на северо-запад, оставив одно перо тверже камня.

Тем же вечером, рискуя ужасным наказанием, Рети выкрала металлический фрагмент из палатки, где храпели охотники, и с небольшим количеством украденной пищи сбежала на поиски этого удивительного чуда. Ей повезло, она угадала верно и пересекла маршрут птицы, заметила ее, когда она передвигалась короткими прыжками. И в мгновенном узнавании Рети поняла, что птица подобна ей самой — она ранена тем же мужским стремлением к бессмысленному насилию.

Глядя, как птица прыгает на запад, ни разу не остановившись для отдыха, Рети поняла, что у них есть еще одна общая черта. Настойчивость.

Ей хотелось поймать птицу, вылечить ее, поговорить с ней. Узнать источник ее силы. Помочь ей достичь цели. Помочь найти дом. Но даже раненая, птица вскоре опередила ее. И какое-то время Рети с болью думала, что навсегда ее потеряла…

И в этот момент самых напряженных чувств без всякого перехода сон менялся, возникала новая сцена. Неожиданно птица оказывалась прямо перед ней, ближе, чем когда-либо, она билась в драгоценной клетке, уклонялась от золотых липких капель… потом укрывалась от жгучих

языков пламени!

Рети задыхалась от гнева, неспособная ей помочь. Неспособная ее спасти.

Наконец, когда все казалось потерянным, птица поступала так, как много раз поступала сама Рети. Бросалась вперед с отчаянной силой, нападала на мучителя, того, кто пытал ее.

Несколько ночей подряд сон всегда заканчивался одинаково. Кто-то сильными руками удерживал ее, оттаскивал к постыдной безопасности, а птица головой вперед устремлялась к какой-то парящей неясной фигуре. Темному сопернику со свисающими смертоносными конечностями.

Похоже, месть, как и многое другое, в реальности получается совсем не так, как в воображении.

Прежде всего, в глубине души Рети не думала, что Джесс будет так стойко переносить боль.

Охотник лежал привязанный к скамье внутри разведывательной машины, грубые, но красивые черты его лица искажались, когда Кунн выполнял данное ей обещание. Рети с каждым разом, как Джесс, задыхаясь и стискивая зубы, издавал новый стон, все больше жалела об этом обещании.

Кто бы мог подумать, что он окажется таким

смелым, думала Рети, вспоминая, как обычно Джесс хвастался, бранился и преследовал других членов племени. Ведь грубияны должны быть трусами. Так по крайней мере бормотал самый древний старик в племени, когда был уверен, что никто из молодых охотников его не слышит. Жаль, что старик так и не узнает, что ошибался. Он умер, пока Рети не было.

Она старалась сдержаться во время столкновения воли Джесса и Кунна — столкновения, которое Джесс должен проиграть. *Ты хочешь знать, откуда прилетела птица?* спрашивала себя Рети. *А разве Джесс не заслужил то, что получает? Разве не его собственное упрямство навлекло это на него?*

Ну, по правде говоря, Рети сыграла немалую роль в том, что охотник так сопротивляется, и тем самым продлила его мучения. Терпеливые настойчивые вопросы Кунна перемежаются с упрямыми возгласами Джесса, потеющего и корчащегося под ударами партнера Кунна — робота.

Когда она уже не могла этого выносить, Рети незаметно выскользнула из люка. Если что-то изменится, пилот сможет вызвать ее по крошечному коммуникатору, который небесные люди вшили ей под кожу за правым ухом.

Рети направилась к лагерю, стараясь выглядеть невозмутимой: вдруг кто-то из сунеров наблюдает за ней из кустов.

Так она теперь про себя их называла. *Сунеры.* Дикари. Не очень отличающиеся от напыщенных варваров со Склона, которые считают себя такими цивилизованными со всеми этими книгами, но на самом деле они тоже почти полуживотные, запертые на своей маленькой грязной планете, которую никогда не покинут. Для небесных существ, таких, как она, они все одинаковы, по какую сторону бы от Риммера ни скреблись бы в грязи.

Запах лагеря она ощутила раньше, чем дошла до него. Знакомая грязная смесь древесного дыма, экскрементов и плохо выделанных шкур, и все это соединяется с серным запахом горячих источников, которые всегда привлекают племя в это время года — именно это позволило ей так легко привести Кунна в тайный каньон высоко в Серых холмах. На полпути к лагерю Рети остановилась, пригладила гладкий костюм, который дала ей Линг вскоре после того, как она первой из жителей Джиджо побывала в подземной станции, этом волшебном мире роскоши и удивительных чудес. Линг также вымыла Рети, обработала ее

череп и использовала мази и лучи, после чего Рети почувствовала себя чище, сильней, даже *выше*, чем раньше. Только шрам на лице портил преображенное отражение в зеркале, но и он будет залечен, заверили ее, когда они вернутся "домой".

Это и мой дом, думала Рети, и снова быстро пошла. Вскоре всякие следы мучений охотника остались позади. Рети выбросила из памяти воспоминания о муках Джесса, думая о тех чудесах, которые показывали ей четверо небесных людей, о великолепном, подобном драгоценности городе в долине с крутыми стенами. Городе волшебных башен и плавающих замков, где счастливая кучка людей живет со своими любимыми патронами, мудрыми, благосклонными ротенами.

Я всегда знала, что буду жить где-то далеко, думала Рети, огибая лесной выступ. *Не здесь. Не в таком месте.*

Перед ней расстилалась усеянная мусором и отбросами поляна с полудесятком грубых навесов — звериных шкур, наброшенных на пригнутые стволы. Все навесы теснятся к костру, где вымазанные сажей люди собрались вокруг туши. Вечерняя еда. Осел с отверстием, аккуратно прожженным в сердце. Дар умелого робота-убийцы

Кунна.

Люди в одежде из плохо выделанной кожи занимались разными работами или просто ждали конца дня. Все они грязные. У большинства спутанные волосы, от всех несет. После встречи со слопи, а потом с Линг и Беш трудно поверить, что эти дикари принадлежат к той же расе, что и она сама, тем более что это ее племя.

Несколько мужчин слонялись у загона с новыми пленниками. Сами пленники почти не шевелились с тех пор, как их несколько ночей назад пригнали в лагерь. Мужчины тесали древесные стволы мачете, отобранными у пленников, удивляясь острым лезвиям из буйурского металла. Но все они держались подальше от груды ящиков, к которым им запретил прикасаться Кунн. Они ждали его решения, что именно уничтожить.

На новой изгороди из бревен, расколотых лазером, сидела горстка мальчишек. Мальчишки проводили время, плюя на пленников, а потом смеясь над их гневными протестами.

Нельзя им позволять это, подумала Рети. *Даже если эти чужаки шумливые придурки, которым не следовало приходить сюда.*

Кунн поручил ей выведать, что привело пленников в эти места, заставив нарушить собствен-

ный священный закон. Но Рети не хотелось это делать, она даже испытывала отвращение.

Медля, она свернула и стала смотреть на жизнь, которой сама жила раньше и от которой, казалось, ей никогда не уйти.

Несмотря на перемены последних дней, жизнь племени продолжалась. Каллиш, старый хромой калека, по-прежнему работал у ручья, разбивал камни, делая наконечники стрел и другие инструменты. Он был убежден, что приток металлических инструментов — всего лишь преходящая причуда. Вероятно, он прав.

Выше по течению бродили по отмелям женщины в поисках сочных моллюсков с тройным панцирем; эти моллюски растут в теплых вулканических водах. Еще выше по склону, за парящими прудами, девушки и женщины оббивали деревья иллос, собирая упавшие ягоды в деревянные корзины. Как обычно, женщины выполняли всю тяжелую работу. Нигде это не было так очевидно, как у костра, где брюзгливая старая Бинни с руками по локоть в крови руководила подготовкой осла к жарению. Волосы на голове главной женщины племени еще больше поседели. Ее последний ребенок умер, груди ее переполнены молоком и разбухли, и это делает

ее еще более сварливой и раздражительной. Она бранит своих молодых помощниц, демонстрируя широкие провалы между желтыми зубами.

Несмотря на то что внешне все кажется обычным, большинство людей движется как во сне. И когда кто-нибудь бросает взгляд на Рети, он вздрагивает, словно меньше всего ожидал ее увидеть. Это более шокирующее зрелище, чем глейвер, вставший на задние лапы.

Рети, богиня.

Она высоко задрала голову. *Рассказывайте своим вонючим детям у костра до конца времен. Рассказывайте о девушке, которая не слушалась больших злых охотников, что бы они с ней ни делали. О девушке, которая не стала терпеть. Которая посмела сделать то, что вам никогда и в голову не придет. Которая нашла возможность покинуть этот вонючий ад и жить среди звезд.*

Каждый раз как кто-то на мгновение встречался с ней взглядом и тут же его отводил, Рети испытывала волнение и торжество.

Я не одна из вас. И никогда не была. Теперь вы тоже это знаете.

Только Бинни не проявляла никакого волнения от того, что Рети стала богиней. В ее серых металлических глазах отражалось прежнее пре-

зрение и разочарование. В свои двадцать восемь лет Бинни моложе всех чужаков, даже Линг. Но казалось, ничто на Джиджо и даже в небе не способно ее удивить.

Уже несколько лет Рети не называла эту старуху “мамой”. И сейчас ей совсем не хотелось снова ее так называть.

Может, возвращаться сюда было не такой уж хорошей мыслью. Зачем смешиваться с этими призраками, когда она могла бы остаться в воздушном корабле и наслаждаться торжеством над своим давним врагом? Теперь, когда она далеко, наказание, которое получал Джесс, кажется справедливым и заслуженным. Это противоречие заставляло Рети нервничать, как будто она что-то упустила. Словно пытается надеть мокасины без завязок.

— жена! вот где ты, жена! плохая жена, оставила йии надолго одного!

Несколько человек расступились, пропуская четвероногое создание, скачущее мимо их ног как какое-то неприкосновенное, всемогущее существо. В определенном смысле маленький самец-ур таким и был, потому что Рети вслух пообещала “ужасы” всякому, кто притронется к ее “мужу”.

Йии прыгнул к ней на руки, корчась от радости и продолжая ругать ее:

— жена надолго оставила йии одного с женами врагов! они предлагали йии мягкие теплые сумки, искусительницы! Рети ревниво вспыхнула:

— Кто предлагал тебе сумку? Если одна из этих сук…

И тут увидела, что он дразнит ее. Напряжение отчасти оставило ее, Рети рассмеялась. Маленькое существо определенно приносит ей пользу.

— успокойся, жена, — заверил он ее, — у йии только одна сумка? можно в нее?

— Можно, — ответила она, раскрывая мягкую сумку, которую дала ей Линг. Йии нырнул в нее, повозился, устраиваясь, потом высунул голову на длинной шее и посмотрел на Рети.

— пошли, жена, иди к Ул-Тани. мудрец готова поговорить с тобой.

— Правда? Как это мило с ее стороны!

Рети совсем не хотелось видеться с предводительницей плененных уров. Но Кунн поручил ей работу, и сейчас для этого вполне подходящее время.

— Хорошо, — сказала она. — Послушаем, что нам скажет этот лошак.

Двер

Похоже, уры оказали человеческой экспедиции большую услугу. Приняв на себя смерть и опустошение, они оставили предупреждение.

В утреннем свете легко читалась история безжалостного убийства: в сожженных расколотых деревьях, в почерневших кратерах, в разбросанных обломках, которыми шевелил порывистый сухой ветер. Здесь была сцена насилия, и происходила она всего несколько дней назад, по оценке Двера. Была быстрой, но ужасной.

Ступенчатая терраса все еще просматривалась, смягченная веками эрозии и растительностью. Это бывшее поселение буйуров, оно принадлежало последней расе, законно обитавшей на Джиджо. Эти законные владельцы планеты жили в небесных башнях и не боялись открытого неба.

Двер рассматривал следы ужаса, недавно обрушившегося на это место. Слишком ярко представлял он себе панику урских поселенцев. Они встают на дыбы, кашляют от ужаса, извивают длинные шеи, пытаются маленькими руками закрыть свои драгоценные сумки, а земля у них под ногами взрывается. Он почти слышит, как

они с криками бегут из своего сожженного лагеря, бегут вниз по крутой тропе, ведущей в узкое дефиле, где неожиданно с обеих сторон показывается множество человеческих отпечатков. Следы грубых мокасин хаотически перемешиваются с отпечатками урских копыт.

Двер подобрал обрывок кожаного ремня домашнего изготовления. По многочисленным следам он рисовал себе картину веревок и ремней, опутывающих уров. Уры попали в ловушку и взяты в плен.

Разве они не понимали, что их гонят? Воздушный корабль стрелял по сторонам и вокруг, гнал их в одном направлении. Почему же они не разбежались в разные стороны, почему столпились и позволили поймать себя?

Несколько пятен на липком песке дали ему ответ. Конечно, целью было пленение, но небесный стрелок не испытывал колебаний, подкрепляя это намерение двумя-тремя трупами.

Не суди уров слишком строго. А как ты реагировал бы, если бы со всех сторон падали огненные молнии? Война грязное дело, и мы все давно лишены практики. Даже Дрейк никогда ни с чем подобным не сталкивался.

– Итак, перед нами союз людей-сунеров и чужа-

ков, — заключила Лена. — Это несколько меняет положение, не правда ли?

Дэйнел Озава был мрачен.

— Весь этот район в опасности. То, что случится на Склоне, обязательно произойдет и здесь. Эпидемия, огонь, охота на беглецов по одному с помощью машин — они выжгут здесь все так же, как дома.

Задача Дэйнела — сохранить наследие в дикой местности: и знания, и свежие гены, которые смешаются с генами живущих здесь людей. Это должно уберечь жизнь землян в ожидании, пока не минует худшее. Конечно, совсем не радостное предприятие, скорее похоже на задачу капитана спасательной шлюпки из какого-нибудь древнего рассказа о кораблекрушении. Но по крайней мере предприятие основывалось на хрупкой надежде. Теперь ничего от этой надежды не осталось.

Дженин настаивала:

— Разве вы сами не сказали, что сунеры и чужаки объединились против уров? Звездные боги не обратятся против собственного племени.

Она замолчала, видя, что все смотрят на нее с выражением, которое говорило красноречивей слов.

Дженин побледнела.

— О!

Несколько мгновений спустя она снова подняла голову.

— Ну, они ведь не знают о нашем существовании. Почему бы нам просто не уйти? Немедленно? Нас четверо. Как насчет севера, Двер? Ты бывал там раньше. Пошли!

Дэйнел пнул следы бегства уров и последующего грабежа. Показал на узкую щель в скалах.

— Там можно разжечь погребальный костер.

— Что ты делаешь? — спросила Дженин, когда Двер отвел ослов на указанное мудрецом место и принялся развьючивать их.

— Я установлю гранаты, — сказала Лена, заглядывая в один контейнер. — Лучше добавить дров. Соберу эти разбитые ящики.

— Эй! Я вас спросила — что происходит? Дэйнел взял Дженин за руку. Тем временем Двер собирал в кучу припасы: еду, одежду плюс несколько самых необходимых инструментов, не содержащих металл. Все остальное остается с книгами и сложными орудиями, принесенными со Склона.

Мудрец объяснил.

— Мы принесли с собой наследие, чтобы сохранить хотя бы видимость человеческой культуры в изгнании. Но четыре человека не могут осно-

вать цивилизацию, сколько бы книг у них ни было. Нужно подготовиться к тому, что возникнет необходимость все это уничтожить.

Эта перспектива явно угнетала Озаву. Лицо его, и так изможденное и осунувшееся, теперь исказилось, словно от боли. Двер отводил взгляд, сосредоточившись на работе, отделяя только те припасы, которые понадобятся небольшой группе беглецов.

Дженин обдумала услышанное и кивнула.

— Что ж, если понадобится жить и растить семьи без книг, это заставляет нас опережать график. Немного дальше по Тропе…

Она замолчала. Дэйнел качал головой.

— Нет, Дженин. Будет не так.

Мы вчетвером можем выжить. Но даже если мы доберемся до какой-нибудь далекой долины, куда не достигнет смерть, принесенная чужаками, маловероятно, чтобы мы вовремя адаптировались к чуждой экосистеме. Рети рассказывала, что они потеряли половину первого поколения от несчастных случаев и аллергических реакций. Это типично для группы сунеров, пока они не узнают, что безопасно есть и чего можно касаться. Это смертоносный процесс проб и ошибок. Четверых просто недостаточно.

— Я думала…

— К тому же остается проблема инбридинга…

— Неужели ты хочешь сказать…

— Но даже если бы мы смогли решить все эти проблемы, все равно ничего не выйдет, потому что мы и не собирались сохранить группу павших дикарей, уходящих в невежество, даже если свитки называют эту участь множеством замечательных имен. Люди на Джиджо явились вовсе не ради Тропы Избавления.

Двер поднял голову от работы. Лена тоже остановилась, держа в руках трубку с фитилем с одной стороны. До сих пор Озава говорил то, что Двер и так знал. Теперь воцарилось молчание. Никто не собирался двигаться или говорить, пока мудрец не объяснит.

Озава вторично глубоко вздохнул.

— Тайна известна лишь нескольким в каждом поколении. Но не вижу смысла скрывать ее от вас троих, кого я считаю чем-то вроде своих родственников, семьи.

Остальные пять рас пришли в ужас, когда мы построили Библос. Великая Печать как будто означала, что мы не собираемся забывать. Нашим основателям пришлось много убеждать, чтобы оправдать появление книг. Они называли это *вре-*

менной мерой. Способом помочь всем расам жить в определенном комфорте и сосредоточиться на развитии души, пока мы все не будем духовно готовы к спуску по Тропе.

Официально такова долговременная цель каждой из Шести. Но основатели с “Обители” никогда и не думали, что их потомки должны регрессировать до стадии протолюдей, не владеющих речью, готовых к тому, что какая-нибудь раса звездных богов примет их и возвысит.

Мудрец замолчал, и Двер наконец не выдержал.

— Тогда зачем мы здесь? Дэйнел пожал плечами.

— Все знают, что у каждой расы есть скрытые мотивы. Те, кому запрещено размножаться дома, ищут места, где можно иметь столько потомков, сколько захочется. Или возьмем, например, г'кеков, которые рассказывают о преследователях, охотившихся на них по всем звездным линиям.

— Значит, люди прилетели на Джиджо, потому что боялись, что не выживут на Земле? Озава кивнул:

— О, у нас появилось несколько друзей, которые помогли Земле получить доступ к местной ветви Библиотеки. И, возвысив две расы клиентов, мы

приобрели статус патронов низшего уровня. Но галактическая история не оставляет больших надежд подобной нам расе волчат. У нас уже были враги. Террагентский совет знал, что Земля еще очень долго будет уязвима.

— Значит, экипаж “Обители” состоял совсем не из беглецов?

Дэйнел слегка улыбнулся.

— Легенда прикрытия — на случай, если колонистов поймают. В таком случае Совет мог бы отказаться от них как от изменников. На самом деле наши предки должны были отыскать тайное укрытие для человечества. — Мудрец поднял обе руки. — Но где? Вопреки слухам за пределами Пяти Галактик нет никаких маршрутов. А в самих галактиках каждая звезда занесена в каталог, и за каждой звездой наблюдают обладатели лицензий. Поэтому Совет стал искать в Библиотеке, что делали на нашем месте другие расы.

И, несмотря на свои недостатки, феномен “сунеров” обещал некую надежду.

Лена покачала головой:

— Многое остается непонятным. Например, что мы должны были здесь делать, в укрытии, если не готовиться к Тропе Забвения.

— Если Лестер и другие это знают, мне ничего

не говорили, — ответил Дэйнел. — Может, просто сидеть тихо и ждать, пока вселенная не изменится. Но в любом случае сейчас это вряд ли имеет значение. Если с нашей культурой будет покончено, я не собираюсь сохранять жалкие остатки и растить детей, которые станут дикарями.

Дженин начала говорить, потом поджала губы.

— Но мы знаем, что Земля прожила несколько столетий, — сказал Двер.

— Хотя грабители говорят, что там кризис, — кивнула Лена. — И Земля в самом его центре.

Дэйнел с напряженным лицом отвел взгляд.

— Эй, — сказал Двер, — разве небесные люди не то, чего хотел Земной Совет? Это группа людей, которая в безопасности от всего, что может произойти на Земле. Этих парней, которых мы встретили на Поляне, защищают могучие ротены.

Дэйнел вздохнул.

— Может быть, хотя кто знает, остались ли они людьми под таким влиянием? Я не могу перенести такую иронию: быть убитым собственными братьями.

Мудрец встряхнулся, словно сбрасывая паутину.

— Давайте готовить погребальный костер. Если

эти вещи не могут обеспечить цивилизованную жизнь группе землян-изгнанников, давайте по крайней мере выполним свой долг перед этой планетой и не оставим мусора. Лена, поставь таймер на день от этого часа, если мы не вернемся.

— Вернемся? — Лена оторвалась от своих приготовлений. — Я думала, мы отказались…

Мудрец повернулся, в глазах его сверкнул прежний огонь.

— Кто сказал, что мы отказываемся! Что с вами тремя? Одно небольшое препятствие может вас остановить?

Небольшое препятствие? Двер посмотрел на следы выстрелов, на поломанные деревья, окружающие урский лагерь.

— Не понимаю. Ты сказал, что наша миссия окончена.

— Ну и что? — спросил Озава. — Мы можем адаптироваться. Мы изменим свою миссию. Мы больше не колонисты — ну и что?

Но мы все еще можем быть воинами.

Рети

Пленники угнетенно лежали в грязных углублениях, опустив шеи. Прошло всего два дня заточения во влажном загоне, но от уров уже пахло. Тринадцать уров предпочли бы сухое плато, где они разбили свой поселок, но военный корабль без всякого предупреждения повис над их лагерем, испуская молнии, и погнал выживших туда, где с веревками ждали Джесс и остальные охотники.

Так Кунн выполнил свою часть договора, избавив холмы от недавнего ненавистного урского вторжения. В обмен Джесс должен был отвести Кунна туда, где они с Бомом впервые увидели летающую машину-птицу. Никто не понимал, почему договор не был выполнен, почему Джесс неожиданно передумал, предпочитая ласки робота тому, чтобы поделиться сведениями с пилотом.

Никто, кроме Рети.

Бинни говорила: зачем противиться мужчинам; ведь они могут побить тебя, если ты их рассердишь? Постарайся словами направлять этих грубиянов. Пусть думают, что идея принад-

лежит им.

Но я продолжала противиться, верно?

Что ж, теперь я попробовала действовать по-твоему, Бинни, и знаешь что? Ты была права. Я не могла бы причинить Джессу большую боль, чем он сам теперь причиняет себе.

Бом охранял вход в загон пленников. Рослый охотник торопливо выполнил ее приказ открыть ворота, ни разу не встретившись с Рети взглядом. Он знал, где теперь его приятель. Только два обстоятельства помешали Бому разделить его участь. Во-первых, он совершенно не умеет ориентироваться. В одиночку он ни за что не найдет место, где они с Джессом заметили металлическую птицу.

А во– вторых, таков каприз Рети. Униженные пресмыкательства Бома нравились ей больше криков. Этот грубиян так испуган, что готов выскочить из штанов.

Она посмотрела на мальчишек, плюющих на пленников, и те тут же соскочили с изгороди и убежали. Рети коротко рассмеялась им вслед. Дети племени в прошлом тоже никогда не разговаривали с ней.

Она вошла в загон.

Ур– Танн, предводительница несчастных уров,

встретила ее гибким наклоном длинной шеи. Она разразилась серией свистов и щелчков, пока Рети не прервала ее.

— Ничего подобного! — приказала она. — Я не понимаю это бормотание.

Поморщившись, Ур-Танн перешла на англик.

— Прошу прощения. Твой костюм обманывает зрение. Мне показалось, что я вижу существо галактического уровня. Рети задрала голову.

— Глаза тебя не обманули. Я такая и есть.

Надеюсь, про себя добавила она. Ранн и остальные могут передумать до возвращения корабля, особенно если она отдаст им все, что может предложить. Но если грабители сдержат слово, ей со временем придется изучить все эти проклятые языки, на которых они говорят меж звезд

— Еще раз прошу прощения. Я не хотела оскорбить. Значит, это правда? Ты из заброшенной пустыни Джиджо возвышена до клана звездных существ? Какая ты счастливица!

— Да, — согласилась Рети, гадая, не смеется ли над ней ур. — Йии сказал, что ты готова рассказать, зачем вы оказались здесь, за Риммером.

Последовал тяжелый вздох.

— Мы хотели основать колонию, чтобы сохранить свою расу в тайном святилище. Рети

хмыкнула:

— Ну, это и так ясно. Но почему здесь? И почему именно сейчас?

— Мы знали, что этот район обитаем… что здесь живут земляне и, следовательно, смогут жить ослы, на которых мы рассчитывали. Ты сама подтвердила этот факт.

— Ага. — Должно быть, Ур-Танн принадлежит к младшим мудрецам, которые были в павильоне, когда Рети рассказывала Высокому Совету свою историю. — Продолжай.

— Что касается нашей торопливости — мы хотели избежать участи, ожидающей Склон. Уничтожения от рук звездных преступников.

Рети гневно возразила:

— Я и раньше слышала эту ложь. Они никогда ничего такого не сделают!

Ур– Танн наклонила голову.

— Прошу прощения, я ошиблась. Конечно, такие чистые существа не будут убивать тех, кто не причинил им никакого вреда, не будут без предупреждения посылать смерть с неба.

На этот раз ее сарказм был совершенно очевиден. Рети посмотрела на молодого урского среднего со страшным ожогом на боку от теплового луча робота.

— Ну, наверно, вам просто не повезло. У нас были причины задавать вопросы и опасаться, что вы нападете на мою прежнюю семью.

— Никакого нападения. Недоразумение. Не мы его начали. Естественно, твои родичи удивились, увидя нас. Мы хотели преодолеть их рефлективную враждебность решительными проявлениями дружелюбия. Довиться хорошего отношения дарами и предложением помощи.

— Ну, конечно. — Рети знала, как обращались в прошлом уры с первыми поселенцами-людьми. — И, конечно, вы рассчитывали на то, что у вас лучше оружие, чем у нас.

Снова вздох-фырканье.

— Как ваши союзники обрушились на нас с более мощным орудием, чем наше? Интересно, можно ли и дальше экстраполировать такую цепь происшествий?

Рети не понравилось насмешливое выражение в глазах ура.

— Что ты хочешь сказать?

— Предположение. Существуют ли силы, гораздо большие, чем те, что твои новые повелители применили против нас? Может ли кто-нибудь во всех великих галактиках выть уверен, что он выбрал правильную сторону?

У Рети по спине пробежал холодок, напомнив о недавних ночных кошмарах.

— Ты ничего не знаешь о галактиках и всем таком, так что нечего предполагать…

В этот момент ее прервал резкий крик: йии высунул голову из сумки, тревожно запищав. Все мужья пленниц заволновались, закричали и, высунув головы, смотрели на юг. Вскоре так же повели себя и самки, вставая на ноги.

Рети встревожилась. Это что, восстание? Но нет, очевидно, что-то их испугало.

— Что ты слышишь? — спросила она у йии.

— двигатель! — ответил маленький урс, изгибая шею.

Мгновение спустя Рети тоже ощутила это. Далекий гул. Она поднесла руку к правому уху и нажала.

— Эй, Кунн! Что случилось?

Последовала долгая пауза, во время которой доносились звуки из кабины: включались приборы, прогревались моторы. Наконец в черепе послышался голос пилота.

Джесс согласился сотрудничать, так что я отправляюсь на поиски источника этой твоей металлической птицы.

– Но я тоже хочу отправиться!

Последовал холодный ответ Кунна.

Джесс рассказал мне все, включая и причину, по которой так сопротивлялся. Кажется, ты убедила его, что я с ним покончу, как только он расскажет все, что знает. Что живет он только пока молчит. Почему ты так поступила с этим беднягой, Рети? Это вызвало неудобства и ненужную боль.

Рети подумала: *Для тебя ненужную, зато очень нужную мне!* Месть была лишь одним из поводов для манипулирования Джессом. Но и одного этого повода было бы вполне достаточно.

— Кунн, не бросай меня. Я теперь одна из вас. Так говорили Ранн и Беш и даже Ро-кенн!

Неожиданно она почувствовала себя маленькой и очень уязвимой — перед этими урами, со стоящим за воротами Бомом, со всеми остальными, которые лишь обрадуются ее падению. Она прикрыла рот и настойчиво зашептала в передатчик:

— Сунеры набросятся на меня, Кунн. Я знаю это!

– Может, тебе следовало подумать об этом раньше. Снова долгая пауза, затем: *Если бы Ранн не приказал соблюдать радиомолчание, я мог бы посоветоваться с остальными, прежде чем*

решать.

– Что решать?

Брать ли тебя с собой или оставить здесь.

Услышав эти жестокие слова Кунна, Рети задрожала всем телом. Ее надежды — эта высокая яркая башня — теперь готовы рухнуть.

Вот что я тебе скажу. Оставлю для твоей защиты робота, Рети. Он будет выполнять твои приказы до моего возвращения. Цени эту привилегию.

Сердце ее радостно дрогнуло при словах “до моего возвращения”.

— Обещаю! — прошептала она.

Считай это вторым шансом. Расспрашивай уров. Уничтожь их оружие. Никому не позволяй покидать долину. Хорошо выполнишь эту работу, и, может быть, мы начнем все сначала, когда я вернусь. Конечно, если моя охота наконец принесет добычу.

Кунн закончил.

Послышался щелчок, звуки кабины смолкли. Рети подавила желание снова нажать передатчик и опять попросить взять ее с собой. Она стиснула зубы, забралась на ограду и оттуда смотрела, как серебряная стрела поднялась над узким каньоном, повернулась в утреннем свете

и устремилась на юг, оставив девушку с сердцем холодным и пустым, как ледник.

Двер

Поселок сунеров мерцал на дне каньона, заполненного серным неподвижным воздухом.

Адское место, с урской точки зрения.

Высокий наблюдательный пункт Двера на самом краю каньона позволял заглянуть в тесный загон. Уры лежали, опустив длинные шеи, и, как вся местная атмосфера, почти не двигались.

— Я насчитала их двенадцать, не считая мертвых, как ты и сказал, — заметила Лена, вглядываясь в компактный телескоп. — Ты неплохой следопыт, приятель.

— Спасибо, о госпожа запретных приспособлений, — ответил Двер. Он начинал привыкать к манере обращения Лены. Она всегда немного покусывала, даже когда делала комплимент. Как нур, который мурлычет у вас на коленях, а за ласку платит тем, что впивается когтями вам в ногу. Забавно, что он привыкал и к мысли о жизни с этой женщиной — а также с Дженин. И Дейнелом и племенем землян-изгнанников. Даже открытие вторжения уров не сделало эту мысль нелепой. Дэйнел был прав. У них есть основания действовать вместе. Но сейчас все эти мысли кажутся

устаревшими.

И слева видна причина этого — серебристо-серая машина в форме хунской сигары, с короткими крыльями. Это первый предмет чужаков, который видит Двер с того времени, как его и Рети едва не убил в тот вечер в логове мульк-паука летающий робот.

Небесная машина не должна находиться здесь в пустыне.

Она означает срыв всех их планов.

К тому же она не имеет права быть такой прекрасной.

Двер гордился найденным наблюдательным пунктом высоко над каньоном. Отсюда виден весь поселок, все пространство парящих прудов вплоть до летающей машины, сидящей на примятой растительности.

— Я бы хотела, чтобы эти деревенщины перестали расхаживать. Трудно сосчитать, — пожаловалась Лена. — Девчонка говорила, что местные главари не разрешают женщинам пользоваться оружием, так что они не бойцы и о них можно не беспокоиться.

Она презрительно фыркнула от такой глупой растраты ресурсов.

Двер предпочел бы не сражаться с людьми с

Джиджо, да и с чужаками тоже. В любом случае их единственный шанс — внезапность.

Лежа на узком тесном карнизе, Двер чувствовал под рукой грудь Лены, но это не возбуждало его. Их тела словно осознали происшедшую перемену. Больше не будет страстных эпизодов. Никаких жизнеутверждающих жестов. Секс и пол важны для колонистов, которые собираются растить семейства, а не для боевого отряда, нацеленного на уничтожение. Теперь важно только мастерство. И способность рассчитывать друг на друга.

— Похоже на стандартный атмосферный разведчик, — сказал Дэйнел Озава. — Определенно боевая машина. Хотелось бы, чтобы мы захватили с собой книгу по галактической технологии. Дай-ка мне бинокль.

Как и у Двера и Лены, у Дейнела теперь лицо было неровными черными полосами вымазано сажей. Предполагалось, что это не даст возможности оптическим приборам машины-убийцы разглядеть их. Двер предпочитал думать об этом как о военной раскраске.

— Да будь я… — сказал Дэйнел. — Посмотрите. Кажется, теперь мы знаем, как звездные боги нашли это место.

Когда Двер взял в руки бинокль, он сразу уви-

дел, что теперь вход в машину открыт, видна часть внутреннего помещения, включая контрольную панель. *Если бы мы сейчас были близко,* подумал *он. Дверь открыта, а робота поблизости нет…*

– Смотри вправо, немного выше по тропе, — сказал Дэйнел.

Двер передвинул прибор и увидел маленькую фигуру, одетую в цельный костюм чужаков, движущуюся к поселку сунеров.

— Великое Яйцо Ифни! — воскликнул он.

— Что там? — спросила Лена и схватила бинокль, когда Двер отнял его от глаз и посмотрел через переплетенные ветки на туманное небо.

— Ну, ну, — сказала она немного погодя. — Похоже, она все-таки нас догнала.

— Надо было задушить ее тетивой лука, который она у меня украла. Оставить этому проклятому пауку.

— Ты несерьезно, сынок, — посмеивался Дэйнел. Двер знал, что мудрец прав. Но продолжал ворчать:

— Неужели? Она с самого начала была невыносима. А теперь все погубила.

— Может, Рети заставили. — Но голос мудреца звучал неуверенно, когда он снова взял бинокль.

Каждый из них разглядел одежду девушки, ее тщательно причесанные волосы и уверенную походку. Она шла так, словно весь лагерь принадлежит ей.

— Она пошла к пленникам, — немного погодя сообщила Лена. — Сейчас разговаривает с одним из них… Эти уры выглядят измученными, бедняги. — Лена поцокала языком, сочувственно, а не саркастически. — Хотела бы я разобрать…

Она смолкла: Двер неожиданно схватил ее за руку, среагировав на слабый высокий звук, который словно царапался внутри черепа. Нур раздраженно заверещал, тряся головой и чихая. Скоро звук стал громче, и его услышали все остальные. Даже Дженин, которая караулила ниже по склону, встревоженно спросила, в чем дело.

Звук доносился от воздушной машины. У Двера от него заныли зубы, словно готовые сорваться с корней.

— Что-то выходит! — воскликнула Лена, поворачивая бинокль. — Это робот!

Двер видел, как черная точка со свисающими щупальцами отделилась от корабля, после чего люк закрылся. Воздух затуманился от поднятой пыли, когда гудящие моторы подняли разведчик

над землей. Серая стрела была больше дома, в котором вырос Двер, но легко поднялась и повернулась, нацелив нос точно на юг. Затем в небе эхом отозвался могучий рев, и машина стремительно улетела. Никогда Двер не видел такой скорости.

— Черт побери, — сказал Дэйнел. — Мы упустили свою лучшую возможность.

Лена не смотрела на улетающий разведчик. Она следила за черным роботом, который двигался к поселку племени.

— Не волнуйтесь, — заверила она. — Думаю, у нас будет еще один шанс.

Глейверы вернулись. Глупые звери, нашли время тащиться за людьми!

Должно быть, своим неторопливым шагом шли по следу с самой последней ночевки. Теперь они недовольно мяукали от вида и запахов зловонной лощины, но не оставляли Двера, когда тот вышел из леса и направился к грубым хижинам.

Двер оглянулся на Лену Стронг, которая оставалась в укрытии под последними деревьями. Приподнятыми бровями она спросила, хочет ли он, чтобы она застрелила этих идиотских животных. Напряженным взмахом руки он ответил отрицательно. Они опасны только для того, кто

старается спрятаться. А он совсем не стремился к тому, чтобы оставаться незаметным. Напротив, идея заключалась в том, чтобы его увидели.

Тем не менее, минуя гнилой ствол, он несколько раз быстро пнул его, обнажив сердцевину с многочисленными личинками. Глейверы радостно занялись ими.

Оставался только один источник раздражения — нур быстро бежал за ним, мелькал в густой траве, пробегал между ног.

Стараясь не обращать внимания на Грязнолапого и неся лук через плечо, Двер с деланной небрежностью миновал пни срубленных деревьев и направился прямо к племени. Загон пленников на расстоянии в четверть полета стрелы слева от него, хижины справа. Прямо впереди над костром лениво, словно подниматься ему не хочется, вздымается дым.

Давайте, приятели, уговаривал молча Двер. Он уже достиг середины луга, а его все еще не заметили. *Неужели у вас нет никаких часовых?*

Он поджал губы и засвистел “Янки дудль” — первое, что пришло в голову.

Наконец один из мальчишек, окружавших загон с пленниками, посмотрел в его сторону, раскрыл рот, снова удивленно посмотрел и за-

кричал, указывая пальцем на Двера.

Наконец!

Неделю или две назад их реакция могла бы быть совершенно другой. Много поколений эти люди не видели ни одного чужака. Теперь, после вторжения уров, встречи с летающей машиной богов и наконец возвращения утерянной родственницы, которая преобразилась в богиню, они восприняли его появление достаточно спокойно. Только трое или четверо убежали в криками ужаса. Остальные — неуверенно, с широко раскрытыми глазами, так что сверкали белки, — оставались на месте, а потом стали медленно приближаться, видя, что он не проявляет агрессивности.

Двер поманил к себе одного мальчика.

— Да, верно, ты! Не бойся, я не кусаюсь.

Он сел, чтобы выглядеть не таким устрашающим. Мальчишка, грязный оборванец, выглядел так, словно для него не уронить себя в глазах окружающих важней, чем выжить. Двер знал этот тип. На глазах у остальных парень скорее умрет, чем проявит страх. Раздувая грудь, он сделал несколько шагов по направлению к Двер, потом оглянулся, проверяя, увидели ли это остальные.

— Смелый молодой человек, — заметил Двер. — И как же тебя зовут?

Мальчик как будто находился в затруднении. Можно подумать, что его никогда раньше не спрашивали об имени. Неужели можно вырасти, не зная, как зовут окружающих?

— Ну, не важно, — сказал Двер, замечая, что толпа растет: любопытство побеждало страх. — Хочу, чтобы ты выполнил мое поручение. Если выполнишь, я дам тебе что-то особенное, понял? Хорошо. Пожалуйста, иди к Рети. Скажи ей, что ее ждет один знакомый… — Двер повернулся и показал, откуда пришел, -…вон там. У деревьев. Запомнил?

Мальчик кивнул. Расчетливая алчность в нем сменила страх.

— А что я получу?

Двер достал из колчана одну стрелу. Она изготовлена лучшим мастером города Овум, совершенно прямая, со сверкающим на солнце наконечником из буйурского металла. Мальчик протянул руку, но Двер убрал стрелу.

– *После* того как приведешь Рети.

На мгновение их понимающие взгляды встретились. Небрежно пожав плечами, мальчик повернулся и исчез, пробежал мимо толпы, крича

изо всех сил. Двер посмотрел на глазеющих дикарей и пошел назад к лесу, тихонько насвистывая. Оглянувшись, он заметил, что почти весь клан на небольшом удалении идет за ним. Что ж, пока все хорошо.

Дьявольщина, выругался он, увидев глейверов. *Убирайтесь отсюда!*

Они закончили рыться в гнилом стволе и направлялись к нему. Двер встревожился: если они увидят жителей деревни, могут испугаться и побежать к загону пленников. Самка глей-вера повернула один выпуклый глаз в сторону приближающейся толпы. Потом повернула и второй глаз — явный признак тревоги. Фыркнула, и ее напарник в удивлении и страхе отпрянул. Они повернулись — и побежали как раз в том направлении, которого Двер и опасался!

Опытным глазом следопыта, умеющим различать тень и свет, он видел за деревом, в том месте, где лес ближе всего подходит к тюрьме-загону, Дженин Уорли. Одна из целей Двера — отвлечь всех *оттуда.*

Он уже снял лук с плеча и наложил стрелу, когда неожиданно из высокой травы показался Грязнолапый и с шипением замахал лапами прямо перед бегущими глейверами. Те затормозили

и с поразительной быстротой изменили направление своего движения, убежали прочь, а нур преследовал их, держась очень близко.

По какой-то причине местные нашли все это происшествие ужасно забавным. Казалось, им не важно, что они никогда раньше не видели нура. Они указывали пальцами, гоготали над отчаянием глейверов, хлопали, как будто Двер разыграл это специально для них. Он с улыбкой повернулся и снова повесил лук на плечо. Все что угодно, лишь бы удерживать их внимание.

Неожиданно толпа смолкла. Над Двером нависла тень. Низкий, уже знакомый гул двигателя вызвал мурашки на спине. Заслонив глаза от солнца, Двер посмотрел вверх и увидел парящую черную машину, угловатую, со свисающими щупальцами, как тот демон, что все еще приходит к нему во сне, — огнедышащее чудовище, которое прикончило в горах старого мульк-паука. Несмотря на окружающее машину темное мерцание, Двер разглядел некую восьмиугольную симметрию. Но только на этой машине, на широком плече, какой-то негеометрический силуэт.

— Значит, ты все-таки добрался сюда, — заметил силуэт. — Неплохо для слопи. Ты не неженка, хотя путешествие тебя утомило. Ты плохо выгля-

дишь. Раньше ты выглядел лучше, Двер.

— Спасибо, Рети, — ответил он, поворачиваясь так, чтобы не слепило солнце. К тому же ему хотелось быть поближе к лесу. — А ты, с другой стороны, никогда не выглядела так хорошо. Как поживаешь?

Она ответила коротким смешком. Он прозвучал хрипловато, как будто она давно не смеялась.

— Я отвергла предложение ваших мудрецов. Они хотели, чтобы я добиралась сюда по горам и вела с собой толпу стариков. Зачем ходить, подумала я, если можно лететь?

Теперь он отчетливо видел ее. Если не считать старого шрама, она кажется *сделанной заново,* как говорят в некоторых частях города Тарек. Однако в глазах ее все та же мрачная настороженность.

Это также его первая возможность получше разглядеть машину чужаков. Со всех сторон восемь одинаковых прямоугольников, совершенно черных и как будто даже не отражающих солнечные лучи. Внизу по обе стороны механически свисают две руки-щупальца, они отходят от шара, покрытого стеклянными фасетами и металлическими трубками. Дэйнел предупредил Двера, чтобы он опасался этого шара. Сверху, там, где в прикрепленном седле сидит Рети, робот кажется

плоским, только в центре поднимается острие. “Антенна”, как назвал это Дэйнел.

Двер кивком указал на парящую машину:

— Кажется, у тебя появились новые друзья, Рети. Девушка снова рассмеялась — словно резко залаяла.

— Друзья, которые увезут меня в места, каких ты никогда не видел.

Он пожал плечами.

— Я говорю не о звездных богах, Рети. Я имею в виду друга, который сейчас тебя подвез. Когда мы в последний раз видели такую штуку, она пыталась убить нас обоих…

Она оборвала его:

— С тех пор многое изменилось, Двер.

— …да, и она сожгла эту птицу, о которой ты так много говорила. Ну, наверно, выгодней присоединиться к тем, кто…

— Заткнись!

Робот среагировал на ее гневный выкрик, устремившись к Дверу. Отступая, Двер заметил, как повернулся шар с линзами и трубками под угловатым торсом машины, повернулся, следя *за* ним. *Озава* считал, что это оружейный отсек, и охотничий инстинкт Двера подтверждал эту догадку.

За Рети собралась толпа. Почти все племя теперь следило за противостоянием оборванного человека и той, что оседлала летающего дьявола. Столкновение казалось очень неравным.

Кое– что точно такое, каким кажется.

Двер уловил движение у загона с пленниками. Дженин начала действовать.

— Ну? — спросила Рети, глядя на него сверху вниз.

— Что ну?

— Ты послал за мной, дурак! Неужели прошел пешком полмира, только чтобы заставить меня чувствовать себя виноватой? Почему не держался в стороне, когда увидел, что здесь происходит?

— Я мог бы задать тот же вопрос тебе, Рети. А ты что делаешь? Рисуешься перед этим народом? Рассчитываешься за прошлые обиды? У звездных богов есть особые причины на то, чтобы получить проводника в эту подмышку Джиджо?

На ее лице столкнулись противоречивые чувства. Наконец победил смех.

– *Подмышка*? Эй! Этим все сказано. — Она снова рассмеялась, потом придвинулась. — Но я не могу сказать тебе, что ищет здесь Кунн. Это секрет.

Рети не умеет лгать. *Ты сама не имеешь ни малейшего представления,* подумал Двер, *и это*

тебя раздражает.

– Так где же те слопи, которых ты должен был привести сюда? — спросила Рети.

— Прячутся. Я пошел вперед, чтобы убедиться, что здесь безопасно.

— А какая может быть опасность? Ничего опасного, кроме, может, моих грязных родичей… и табуна вонючих лошаков…

Из сумки на ее поясе донесся тонкий пронзительный смех, словно звук флейты-пикколо.

— И убийц из космоса? — добавил Двер. — Собирающихся убить все мыслящие существа на этой планете? Рети нахмурилась.

— Это наглая ложь! Они этого не сделают. Они обещали.

— А что, если я тебе покажу доказательства? Взгляд ее нервно метнулся.

— Это тоже ложь. Зачем им это делать?

— Затем же, зачем стрелять в бедную, ни о чем не подозревающую птицу. Или без предупреждения нападать на уров. Слушая Двера, Рети покраснела.

— Пойдем. Я тебе покажу, о чем говорю. И прежде чем она смогла ответить, он повернулся, чтобы идти к лесу.

— Я оставил это там, за тем пнем.

Девушка что-то проворчала, но последовала за ним на своем коне-роботе. Двер опасался, что машина может оказаться более сложной, чем предполагал Озава. Справочник, который изучал мудрец, устарел на триста лет, и в нем было мало подробностей. Что, если робот понимает речь и может определить, когда лгут? Что, если он может читать мысли?

Древесный пень толще других. Сунерам, должно быть, трудно было своими примитивными орудиями свалить это дерево, когда они расчищали поляну. Двер наклонился и поднял два предмета, которые оставил с дальней стороны. Один предмет — тонкую трубку — он спрятал в рукав. Вторым оказалась книга в кожаном переплете.

— Что это? — спросила Рети, заставляя робота придвинуться ближе. На плоской верхней поверхности машины появились короткие щупальца с прозрачными концами. Три из них нацелились на Двера, а четвертое наблюдало за опасностью сзади. Пока Дэйнел Озава оказывается прав в своих догадках о механических органах робота. Если это его “глаза”, то узкое острие, выступающее из центра робота…

— Покажи! — потребовала Рети, опускаясь еще

ниже и глядя на том примерно с сотней бумажных страниц — сокровище из наследия Дэйнела.

— А, это книга. — презрительно сказала она. — Думаешь доказать что-нибудь *этим? У* ротенов есть картинки, которые движутся, говорят и рассказывают тебе все, что ты хочешь знать!

Совершенно верно, подумал Двер. *Они могут создавать образы, которые покажут точно то, что им нужно.* Но ответил он с дружеским кивком:

— О, прости, Рети. Я забыл, что ты не умеешь читать. Открой книгу, там есть картинки. Я объясню, если хочешь.

Это была идея Дэйнела. На Поляне младший мудрец заметил, как Рети зачарованно смотрела картинки в книгах — когда считала, что ее никто не видит. Двер старался смешать подбадривание с оскорблением, стыд с любопытством, так чтобы девушка обязательно захотела посмотреть книгу.

Рети с неуверенной гримасой опустилась еще ниже и взяла книгу. Сидела и, явно удивленная, листала страницы.

— Не понимаю. На какой странице посмотреть?

Подъемное поле робота коснулось ноги Двера,

заставив волосы встать дыбом. Во рту у него пересохло, сердце заколотилось. Пришлось силой воли бороться с дурными предчувствиями.

— Разве я не раскрыл на нужной картинке? Позволь, я покажу.

И когда Рети повернулась к нему, робот опустился еще ниже. Двер поднял руки и протянул их к книге, но пошатнулся, ударившись о борт робота.

Если машина решит, что на нее напали, его ждет огненная смерть. Поймет ли она нормальную человеческую неуклюжесть и сделает ли на нее скидку?

Ничего не произошло. Робот не боится прикосновений.

— Эй, следи за ним, — пожаловался Двер. — Скажи своему приятелю, чтобы действовал полегче!

— Что? А, это не я. — Она пнула машину. — Оставь его в покое, глупая штука! Двер кивнул:

— Хорошо, попробуем еще раз.

Поднял обе руки. Ноги как пружины — жизнь Двера повисла в воздухе, как звук, готовый улететь с ветерком.

Он прыгнул.

Краткая нерешительность робота кончилась неожиданным воплем, за которым последовала

серия резких взрывов в лесу по соседству. Ноги Двера обожгло жаром, он ухватился за две сенсорные головки, используя их в качестве опор, прижимаясь к боку машины и стараясь уйти от смертоносного шара. Острая боль обожгла одно бедро за мгновение до того, как он вскинул тело на верх вращающейся машины. Двер левой рукой держался за прыгающего робота, а в правой держал тонкую трубку.

Мир превратился в мелькающую мешанину деревьев, облаков и неба. Прогремело еще несколько взрывов в сопровождении ужасных шипящих звуков. Двер отчаянно толкнул трубку к центральному веретенообразному утолщению на верху робота и нажал.

Смешались энзимы треки и начали выделяться с острым запахом и шипением, исчезая в отверстии у основания веретена. Двер продолжал выпускать струю из трубки, несмотря на дикие скачки робота, пока Рети не оттащила его руку в сторону. И только тут Двер расслышал посреди всеобщей сумятицы ее пронзительные крики. А когда она зубами впилась в его запястье, крик Двера смешался с общим шумом. Полупустая трубка выпала из его конвульсивно сжавшейся руки и упала.

Из центра робота поднимался пурпурный дым. Веретено начало оседать. Двер стряхнул с себя Рети и с отчаянным криком бросился к наклонившейся антенне, схватил обеими руками и потянул изо всех сил. И издал торжествующий крик, когда вся антенна оторвалась от основания, хотя при этом он покатился по поверхности, тщетно пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Но не ухватился, перевалил через край и начал падать на луг.

Двер во время своего краткого падения не тревожился из-за того, что может удариться о камень или древесный пень. Машина, вероятно, разрубит его на кусочки до того, как он коснется земли.

Но он не был разрублен. И не ударился о жесткий луг. Удивленно мигая, он увидел, что его подхватила пара рук.

Но облегчение тут же исчезло: он увидел, что руки принадлежат роботу.

Здорово! Из огня да в…

Послышалась новая серия взрывов, и парящая машина покачнулась, словно ее ударили с одной стороны. Вися под восьмиугольным корпусом, Двер видел, как часть стеклянного шара взорвалась, испустив поток стальных и стеклянных

обломков. Оружейный отсек уже представлял из себя дымящуюся развалину. Не уцелела ни одна стеклянная линза или трубка.

Отличная работа, Лена, подумал Двер, гордясь тем, как хорошо она использовала свои смертоносные орудия. Ведь на всем Склоне только она и еще несколько человек умеют ими пользоваться. Огнестрельное оружие, в котором нет ни одной металлической части. Он вовремя повернул голову, чтобы увидеть новые вспышки: это Лена и Дэйнел стреляли с края леса. Новый взрыв, и машина снова покачнулась. На этот раз одно из щупалец, державших Двера, задрожало и безжизненно повисло.

Это определенно работа Лены. *Какая умная девушка,* подумал он, полуошеломленный болью. *Мудрецы выбрали правильно. Я был бы счастливчиком, если бы все развивалось по плану…*

Но у него не было возможности закончить мысль, потому что робот повернулся и зигзагами полетел над лугом, используя тело Двера как щит между собой и опасностью. Двер видел, как Лена встала и прицелилась своим метательным снарядом, потом опустила его и покачала головой.

— Нет! Стреляй, черт побери! — закричал он. — Не думай обо мне!

Но поднявшийся от быстрого полета ветер отнес его слова. Лена опустила оружие и побежала к человеку, лежавшему на земле поблизости, возле еще одного метательного снаряда. Она перевернула Озаву и открыла бьющую потоком из груди кровь.

Следующий поворот робота скрыл от Двера эту страшную сцену. Зато теперь Двер увидел жителей поселка: они в ужасе жались к земле за невысокой кучей мусора возле загона пленников. И таков был их ужас от зрелища битвы, что они не видели группу, прижавшуюся к земле за ними. Это была Дженин Уорли и с ней двенадцать освобожденных уров. Бывшие пленники держали в руках веревки и арбалеты. Двер молился, чтобы эта часть плана Дэйнела осуществилась.

Все или ничего, сказал Озава. *Либо мы живем вместе как цивилизованные существа, либо покончим со всем этим. Покончим сейчас, принеся как можно больше ущерба врагу.*

Двер успел подумать об этом, как родичи Рети заметили перемену за своими спинами.

Учись быть мудрым…

Но тут летающая машина обогнула изгиб реки, поселок исчез, и теперь они оказались в узком проходе между лесистыми берегами и полетели

прямо, все время увеличивая скорость.

Рети все еще кричала в своем седле, просила робота остановиться. Двери, который продолжал висеть под корпусом машины, казалось, что земля внизу сливается в одно сплошное пятно. Преодолевая ветер, он поднял руки и ухватился за основание удерживавшего его щупальца. Щупальце держало его горизонтально по отношению к несущейся земле. Если он вырвет щупальце, падение может убить его, но все лучше этой пытки.

Он тянул изо всех сил, но щупальце не поддавалось. Иногда оно сгибалось, вовремя отдергивая его от летящих навстречу камня или ветки. Вскоре они уже летели посредине каньона, где река прокладывает себе путь через пороги, все время неожиданно поворачиваясь и обдавая Двера потоками брызг. Он со стоном закрыл глаза.

И тут же возникли видения, угрожая привести к потере сознания.

Послушай! ругал он себя. *Сейчас не время сдаваться. Если не можешь бежать, проверь, каково твое состояние. Не истечешь ли ты кровью?*

Боль помогла ему сосредоточиться, не обращать внимания на головокружение. Болело все: от обожженного левого бедра до укусов, оставленных

Рети на правой руке, — из них сочилась кровь. Было больно от жестко сжимавшего щупальца, больно от многочисленных царапин на груди и животе. Словно кто-то всаживает в него тонкие иглы, проводя ими по всему избитому телу.

Он открыл глаза — и закричал, увидев зияющую пасть, полную ужасных блестящих клыков!

— О Ифни! — застонал Двер. — О боже, о боже, о боже…

И даже когда узнал призрак перед своим лицом, это не очень ему помогло. В этот момент и еще какое-то время Двер был способен только на жалкий прерывистый стон.

Грязнолапый нур зевнул вторично, и устроился в узком промежутке между грудью Двера и твердым корпусом робота. Зверь наблюдал за человеком, достигшим предела выдержки. И со вздохом, полным страсти и презрения, забормотал — скорее для собственного удовольствия, а не для того, чтобы успокоить Двера. Вышло нечто похожее на песню хунов, которые на корабле поют о радостях путешествия.

Аскс

Если Община выживет, если мы, Шесть, будем существовать и в последующем, происшедшее, несомненно, будет названо Битвой на Поляне.

Битва была короткой, кровавой и тактически решающей, не правда ли, мои кольца?

И стратегически напрасной. Короткий промежуток огня и ужаса, который заставил мои/наши многоцветные кольца радоваться/печалиться тому, что мы треки.

Печалиться, потому что эта груда колец казалась такой бесполезной, такой беспомощной по сравнению со стремительными действиями других существ, которых воинственная ярость так быстро вовлекает в кризис. Восковые образы не могут с такой скоростью создаваться в нашем сердечнике — они на целые дуры отстают от событий.

Печалиться, потому что мы не могли помочь, а могли только наблюдать и быть свидетелями того, что происходило.

И все же мы и *радовались,* не правда ли, мои кольца? Радовались, потому что насилие не заполнило нашу центральную полость обжига-

ющим ужасом. Не заполнило до тех пор, когда все уже было кончено, оставив мертвецов, как дымящиеся уголья, разбросанных по земле. Это благословение, верно, мои кольца? Для нас “ужас” редко бывает непосредственным опытом — только воспоминанием.

Но так было не всегда. Существа, которыми мы были когда-то, когда летали меж звездами, наводя ужас на Пять Галактик, совершенно иные. В те дни подобные нам существа носили еще яркие сверкающие кольца. Не только те, которые даны были нам нашими патронами поа, но *специальные* кольца, дарованные навязчивыми оайли.

Кольца силы. Кольца решительности и могучего эго. Если бы у нас несколько мгновений назад были эти кольца, они заставили бы нас двигаться так быстро, что мы смогли бы помочь друзьям в схватке.

Но тогда, если правдивы старинные сказания, эти кольца прежде всего помешали бы нам вообще иметь друзей.

Погладьте воск. Проследите образы, застывшие в его жирных каплях.

Картины жестокости и ужаса.

Вот лежит Блур, портретист, дымящаяся руина, прикрывающая его драгоценную камеру.

Видим ли мы поблизости скользкий след умирающего существа? Симбионта, выползшего из лица и лба мертвого ротена, которого звали Ро-пул? А в начале следа угловатое заостренное лицо, гуманоидное, но совсем не такое, каким мы его считали. Менее харизматическое. Менее обаятельное и женственное, чем нас заставляли верить.

Если Блур умер за то, что увидел это, не прокляты ли теперь все наши органы зрения?

Вот кричит Ро-кенн, приказывая Ранну, звездному человеку-слуге, вызвать свирепый небесный экипаж из его далекого полета, даже если это означает “нарушить” нечто, именуемое “радиомолчанием”.

Вот снова кричит Ро-кенн, приказывая своим слугам-демонам, своим роботам, все расчистить: “никто не должен оставаться, чтобы рассказать об этом”.

Он имеет в виду нас. Всех свидетелей этого внезапного откровения. Всех тех, кто знает тайну проклятия Блура.

Выше, выше поднимаются ужасные машины, готовя нам страшную участь. Из их брюха вырываются языки холодного пламени, врезаются в ошеломленное множество, превращая его в

бегущую, кричащую толпу. Четвероногие уры высоко подпрыгивают, крича в панике. Куэны прижимаются к земле, пытаясь зарыться, уйти от лучей, которые разрезают хитин легко как плоть. Люди и хуны бросаются на землю, а бедные г'кеки изо всех сил вертят колеса, пытаясь попятиться.

Мы, треки, те, что еще остались на Поляне после недель незаметного ухода, преимущественно стоим на месте, там, где нас это застало, испуская многосложные запахи горя, издавая влажное зловоние страха, когда лучи разрезают наши торы, выпуская богатую жидкость и воспламеняя груды.

Но смотрите! Погладьте еще раз слои образов, мои кольца. Видите одетых в темное? Тех, кто устремляется к ужасу, а не от него. Наши зрительные пятна мало что различают, даже при дневном свете, потому что одеяние этих вновь появившихся позволяет им сливаться, оставаться незамеченными. Тем не менее мы/я замечаем приземистые фигуры квуэнов. Квуэны мчатся, и на спинах у них сидят люди. А еще дальше — урское войско. Раздается гулкий звук, который редко кому приходилось слышать, — звук смертоносного хунского гнева. Из середины этих неожиданных пришельцев поднимаются какие-

то трубы, и, когда летающие демоны обращают на них свой убийственный гнев, эти трубы безжалостно разрезают их.

Есть место…

Оно здесь, в нашем сердечнике, где воск фиксирует только рев — вспышку — и перегрузку жгучих остаточных изображений, а потом…

Теперь перед нами то, что последовало.

Угли — там, куда на осквернённую почву Джиджо упали роботы, разбившиеся и превратившиеся в мусор.

Три небесных повелителя — ошеломленные тем, что превратились в пленников, лишенных своих богоподобных орудий.

Поле битвы — усеянное оплакиваемыми мертвыми. Так много мертвых.

Импровизированный госпиталь — где еще больше раненых корчатся и кричат от боли.

Вот по крайней мере что-то такое, что мы можем сделать в реальном времени. Наверно, помощь старого аптекаря в отставке здесь пригодится.

Согласны, мои кольца?

Удивительное единогласие. Оно делает более легкой ту непривычную поспешность, с которой я бросаюсь на помощь.

Сара

Трудный маршрут не уменьшил напряжения между двумя группами повстанцев. Раскрашенные воины Ур-Качу и одетые в тусклое охотники Дединджера настороженно поглядывали друг на друга, ели отдельно под покровом выцветшей и заплатанной ткани и никогда не оставляли оружие. В каждой группе спали по очереди, не больше шести одновременно, а остальные в это время сторожили. Сара понимала, что этот союз не продержится и дура после того, как перестанут действовать общие интересы.

А что, если они столкнутся? На таком небольшом пространстве не будет ни маневров, ни стратегии — только сцепившиеся, рубящие друг друга фигуры.

Сара вспомнила иллюстрацию с фронтисписа книги Хауф-Хутау “История урско-землянских войн”. Эта книга — одна из самых популярных из тех, что вышли после Великой Печати. Мелким шрифтом великий историк поясняет, что скопировал эту сцену из книги по истории искусства еще времен

“Обители”. В той книге воспроизводился

скульптурный фриз, некогда окружавший Парфенон в Древней Греции. Знаменитый рельеф изображал длинный ряд могучих фигур, схватившихся в смертельной битве, — обнаженные люди сражаются с яростными чудовищами, полулюдьми-полулошадьми, которые встают на дыбы, лягаются и бьются насмерть. Согласно мифу, сражение началось во время праздника мира и привело к уничтожению всей расы кентавров.

Конечно, у уров нет почти ничего общего с кентаврами, за исключением четырех ног и двух рук. Но фриз производит такое жуткое впечатление, так действует на нервы, что он стал чрезвычайно популярен в эпоху войн и поддерживал мужество и решимость у обеих воюющих сторон. Саре совсем не хотелось, чтобы перед ней ожила эта кровавая сцена.

Из остальных пленников, захваченных в оазисе Уриутта, молодой Джома уже затих, как погасшая свеча, закутался в одеяло и крепко спал. Незнакомец в стороне неторопливо ел кукурузную кашу, часто откладывая ложку, чтобы извлечь из дульцимера несколько негромких нот или просто совершить ритуал пересчитывания струн. Казалось, для него числа подобны музыке — окно к прошлому, к тому, кем он был когда-то. Числа

и музыка сохранили ему верность, в отличие от утраченного владения речью.

Взрывник Курт сидел со своим блокнотом, иногда заглядывая в небольшие книги, с которыми никогда не расставался и никому не показывал — держал либо в сумке, либо во внутреннем кармане. Когда какой-нибудь ур или человек проходили рядом, Курт прикрывал свою работу, но как будто не возражал, если Прити, принеся ему еду, оставалась рядом. Приняв свое лучшее выражение типа “я-только-тупое-животное”, Прити какое-то время делала вид, что ищет в шерсти насекомых. Но вскоре маленькая самка шимпанзе уже заглядывала через плечо взрывника, потирая подбородок, обнажая зубы в улыбке молчаливого и радостного интереса.

Саре приходилось сдерживаться, чтобы не рассмеяться вслух. В то же самое время она беспокоилась.

Пока Урунтай и люди пустыни вежливо оставляют Курта в покое. Привычка почтительно относиться к взрывникам глубоко укоренилась, и нарушить ее трудно. Но они пообещали “убедить” его, когда достигнут места назначения. Неужели Курт считает, что и тогда сумеет сохранить свою работу в тайне?

Ему лучше бы бросить свои записи в костер.

Сара сдерживала собственное любопытство. Взрывники — таинственная и пугающая секта. Откровенно говоря, она сомневалась в том, что Урунтай поступает разумно, связываясь с ними.

— Мы не будем ждать ночи, выступим раньше. — сказала Ульгор Саре, проходя мимо ее спальника. — На твоем месте я вы поспала.

Нераскрашенная кожа урской лудильщицы, хорошо расчесанная грива и проницательные искренние глаза делали ее непохожей на диких родичей. В тех чувствовался антагонизм, враждебность к людям. Но ведь Ульгор десятки раз бывала в деревне Доло, и всегда ее принимали по-дружески.

Сара покачала головой.

— Я могу понять, что движет остальными. Религия может стать сильным мотивом, если тебе кажется, что речь идет о спасении потомков. Но что ты получаешь от всего этого, Ульгор? Я знаю, что дело не в выгоде.

Узкую коническую голову расколола треугольная улыбка. Саре не нужен был реук, чтобы понять, что выражение сардоническое.

— А зачем исключать такие причины? Прибыль. Личная выгода.

Сара процитировала писание:

— Какая польза тебе в богатстве и вещах на две лиги ниже по Пути Избавления?

Ульгор негромко выдохнула-рассмеялась.

— Конечно, никакой. Но с другого копыта, статус героя может быть полезен в клане варваров. Я буду одним из великих вождей равнин, выше прославленной Ур-Чоун!

Но иронический насмешливый тон показывал, что Ульгор говорит несерьезно, и приободрившаяся Сара продолжала строить догадки.

Неожиданно она почувствовала усталость.

— Ты права, Ульгор.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Неплохо поспать бы, пока еще возможно. Лудилыцица смотрела на нее, спиралью изогнув шею.

— Мне казалось, ты хочешь узнать… Сара прикрыла рукой зевок.

— Поверь, Ульгор, я очень жалею, что спросила об этом.

С этими словами она повернулась и легла под одеяло. Прити тут же устроилась рядом, потом зашипела на Ульгор, побуждая ее уйти. Сара слушала, как нервно стучат копыта городской изменницы. Ее словно отяготило презрение Сары.

Но Сара на самом деле чувствовала себя уставшей. Мышцы ныли от нескольких дней непривычного напряжения, болел и копчик от толчков жесткого кожаного седла. Был еще и эмоциональный элемент.

Мне поручили дело. Несколько дел. Но похоже, я не смогу выполнить даже одно.

Низкий повторяющийся гул, похожий на синхронное, пульсообразное сонное фырканье уров, заполнил павильон. Незнакомец дергал самые низкие струны дульцимера, но так осторожно и регулярно, что даже Ур-Качу не находила поводов для жалоб. Создавался усыпляющий ритм, напоминающий скорее не сердцебиение, и подъем и опускание грудных клеток спящих людей и уров.

Ариана считала, что у него выработаются новые способности, компенсирующие утраченное, думала Сара. *Наверно, чувствительность к музыке – одна из этих способностей.*

Перед рассветом, когда две группы повстанцев разбивали лагерь, Незнакомец играл для самцов-уров, которых на короткое время выпустили из тесных сумок жен, чтобы они могли размять ноги на свежем воздухе. Несколько самцов приглядывали за взрослеющими личинками — шестиногими и совсем без рук. Личинки почти

готовы отправиться в прерии и самостоятельно бороться за жизнь.

Незнакомец двумя молоточками ударял по струнам, аккомпанируя своему пению. Пел он детские песни, которые сохранились в его поврежденной памяти. Сара даже узнала некоторые из них. Особенно подходящей казалась одна:

У меня был маленький муж, не больше моего пальца,

Я посадила его в куртку, и там он барабанил;

Я купила маленький платок, чтобы вытирать ему маленький нос,

И пару крошечных подвязок, чтобы держались его маленькие штаны.

Он несколько раз повторил эту песню, и вскоре приободрившиеся самцы принялись отбивать ритм. Сара подумала, что если он застрянет на Джиджо и не сможет обучиться какой-нибудь профессии, то определенно найдет работу в одном из современных центров города Тарек, куда на день сдают детей.

Если, когда все закончится, у нас еще сохранятся такие роскошества.

Прити уселась перед Сарой. Негромко хихикая, маленькая шимпанзе разгладила полоску песка и принялась палочкой чертить фигуры — в основ-

ном выпуклые, параболоидные формы, которые вздымались, поворачивались и снова устремлялись вниз. Прити смеялась и показывала на них, словно приглашая разделить ее шутку. Но Сара не могла сосредоточиться. Усталость победила боль в ноющем теле и погрузила девушку в беспомощный сон.

Ей снился Урчачка, мир травы; его равнины бесконечно волнуются под горячими ветрами, выжигаются частыми пожарами или уничтожаются жгучими облаками сверкающей вулканической пыли. После каждой такой катастрофы равнины кажутся покрытыми пеплом смерти, но яркими вспышками уже поднимаются стебли и тянутся к небу так быстро, что их движение можно заметить терпеливым глазом.

В Урчачке вода редко задерживается на поверхности. Жизнь всасывает ее, запасает в сети огромных подземных резервуаров, раскинувшихся по всем континентам, или в многоцветных пузырчатых стручках, или в самих травяных стеблях. Траву, в свою очередь, поедают стада пасущихся животных, нервных трехрогих существ, которые раньше защищались этими рогами от опасностей, пока не оказались собранными в большие гурты. Теперь их защищают стражники,

которые пострашней любого хищника.

Как обычно бывает во сне, Сара одновременно находится внутри сна и вне его. На одном уровне она испуганно всматривается сквозь лес раскачивающихся ветвей, постоянно настороженная и испуганная, готовая в любое мгновение увернуться, чтобы не быть растоптанной гигантскими животными или, что еще хуже, не попасть в их вечно жующие пасти.

Отверстия в плодородной почве ведут в подземные муравейники — тесный темный мир сладких корней и частых опасных встреч. Это царство в последнее время стало слишком скученным, ограниченным. Мир света вверху по сравнению с ним кажется раем — для тех, кто достаточно велик, чтобы высунуть голову за верхушки качающейся травы.

Крошечная отчужденная часть мозга, тот участок, который знает, что Сара спит, восхищается силой воображения Редкий дар позволил ей собрать все, что на Джиджо было известно об Урчачке: от кратких статей в энциклопедиях периода до высадки и сказаний урских бардов. Сказаний о временах до того, как их невозделанное племя было обнаружено на их родной жаркой планете. Патроны спустились с неба и

предъявили свои права на племя умных пастухов, повели их по Восходящему Пути. По тропе Возвышения, к звездам.

Отчужденная часть сознания может наблюдать, но не обладает никакой властью над такими фантазиями. Это цветной сон, мощный, убедительный и эмоциональный. Роковая фантазия, развивающаяся по собственным законам. Видение неживой затуманенной паранойи.

Протискиваясь между раздутыми стеблями, уклоняясь от больших тупых травоядных, она идет на запах дыма и приходит к вытоптанному кругу, который окружает полную углей яму. По краям этого круга толпа стройных четвероногих существ Она осторожно наблюдает за Большими. Только недавно она поняла, что это большая разновидность ее самой, ее старшие сестры и тетки, а не ужас с мелькающими копытами и взрывными характерами. Теперь она наблюдает за ними, подбирается все ближе, борясь с все усиливающимся искушением.

Искушением пройти вперед, выйти из травы и объявить о своем присутствии.

Она видела, как другие время от времени это делают. Такие же маленькие, как она, выбираются из своих нор и вытягивают шеи. Смело идут,

утверждая свое право занять место у огня. Примерно третью часть так поступивших вначале игнорируют, потом терпят, принимают, а потом и приветствуют, включая в тесную сеть перекрещивающихся привязанностей. У других конец бывает не таким счастливым. Кажется, очень важно правильно рассчитать время. И усвоить ритуал переплетения шей и пресмыкающегося самоунижения. А этот ритуал в разных группах разный.

И еще *запах*. Лучше подходить к группе с хорошим запахом. Таким, как у тебя самой.

Украдкой подбираясь все ближе, она наблюдает за группой взрослых. У некоторых в сумках счастливые самцы, которые нашли убежище от полного опасностей мира. Она смутно помнит, что сама когда-то жила в такой сумке. Но теперь она для этого слишком велика.

Взрослые лежат в тени высоких стеблей, которые защищают их от жгучего солнца; вытянув шеи, они положили головы на спины. Время от времени одна из них фыркает, когда ее дыхание выходит из общего ритма. Третий глаз — тот, что без век, — продолжает наблюдать.

Над головами парят крошечные летающие существа, в своей паразитической алчности

они всегда готовы нырнуть и на мгновение присосаться к губе, клапану сумки или даже к богатому кровеносными сосудами глазу и тут же отлететь, увернуться от рук или щелкнувших челюстей. Сара видит, как одно невезучее насекомое попадается, еще не успев сесть. Гибким движением взрослая на лету хватает пастью зудящего кровососа и растирает челюстями, даже не проснувшись.

Не помню, чтобы встречала упоминания о кровососущих насекомых, когда читала о родине уров, удивляется отчужденная часть сознания спящей Сары. *Такого не было и в сказаниях об Урчачке.*

Постепенно она начинает понимать, что ничего не сочиняет. Скорее подсознание все заимствует из событий реального мира. Глаза Сары чуть приоткрыты, словно она на самом деле наблюдает, как уры делают то, что она воображает.

Как и раньше, половина Урунтая лежит в углублениях в песке; уры равномерно дышат в унисон под навесом из ткани. Кажется, ничего не изменилось с тех пор, как Сара в последний раз смотрела на своих похитителей. Но потом произошло нечто такое, что странно совпало с ее сном: послышалось низкое жужжание, сопровож-

давшееся движением в воздухе. Слева направо, к одному из дремлющих уров, промелькнул маленький насекомоподобный предмет. Спящая мгновенно поймала летящий комок в воздухе своей зияющей треугольной пастью и принялась довольно жевать, не раскрывая двух главных глаз. Центральный глаз, лишенный век и фасеточный, сохранял тусклость глубокого сна, и воительница с громким храпом снова улеглась.

Никогда раньше такого не видела, удивилась Сара. *Может, здесь, в холмах, есть такие же насекомые, как на их родной планете?*

Прити, напряженная, с застывшей спиной, попятилась и локтем подтолкнула Сару. Девушка медленно подняла голову и осмотрела Урунтай. Те уры, что не спали, возились с арбалетами и нервно подергивали хвостами, словно начинали что-то подозревать. Их длинные шеи одновременно поворачивались налево, потом в сторону пустынных людей Дединджера, потом направо. И когда они отвернулись, снова послышалось жужжание, такое знакомое, что оставалось почти незамеченным. Снова маленький комок полетел к спящим урам. И опять одна из самок поймала его в воздухе, не просыпаясь, и принялась жевать.

Сара проследила за направлением полета в обратную сторону, до самого Незнакомца, который по-прежнему сидел со своим дульцимером, трогал струны, создавая устойчивый гипнотический ритм. Реук на его голове лишь частично скрывал загадочную улыбку.

Сара поняла, что еще двое внимательно наблюдают за звездным человеком: Дединджер и взрывник Курт.

Фыркнув во влажном воздухе, Ур-Качу знаком велела Ульгор выйти с ней наружу. Четверо раскрашенных воинов вернулись к своему занятию арбалетами.

Незнакомец продолжал дергать за струны. Он сохранял медленный спокойный ритм, пока настороженные караульные Урунтая не улеглись. Потом левой рукой коснулся головы и просунул два пальца под пленку реука — прямо в отверстие в голове, с приступом тошноты поняла Сара. А когда пальцы снова появились, в них был небольшой предмет, пулька примерно размером в шар для посланий, какие используются в библиотеке Библоса. Трогая правой рукой струну, левой незнакомец держал шарик так, чтобы тот был готов к следующему удару.

Он использует дульцимер как рогатку! поняла

Сара, завороженно продолжая смотреть.

Она заметила легкое изменение тона, жужжащий диссонанс, когда крошечный шарик устремился в воздухе к другой спящей урской мятежнице. Но на этот раз не попал, упал, не долетев до цели на половину корпуса ура.

Дединджер зашевелился, он незаметно подталкивал товарищей, делал им знаки рукой, приказывал приготовиться. *Он не знает, что происходит, но хочет быть готовым.*

Клапан палатки открылся, и снова вошла Ур-Качу в сопровождении Ульгор. Предводительница подошла к одной из спящих и толкнула ее — обычно такого легкого толчка вполне достаточно, чтобы настороженный ур мгновенно вскочил на ноги. Но воительница продолжала негромко сопеть.

Встревоженная, Ур-Качу ударила, потом принялась лягать спящую. Другие пришли ей на помощь. И через мгновение стало ясно: из тех восьми, что легли спать, шесть были погружены в неестественный, наркотический сон.

Дульцимер снова звякнул, и тут одновременно произошло несколько событий.

Ур– Качу гневно повернулась и крикнула на англике:

— Прекрати этот адский шум, немедленно!

Тем временем маленький предмет пролетел над гаснущими углями костра к недоумевающим воительницам. Одна из них рефлекторно раскрыла пасть и поймала шарик. И почти немедленно у нее раздулись ноздри, шея вытянулась на всю длину и задрожала. Колени подогнулись.

Сара не думала, что в состоянии реагировать так быстро: толкнув Прити, она попятилась, подхватила закутанного в одеяло Джому и оттащила спящего мальчика в глубину палатки. Быстрые, как призраки, люди Дединджера уже выстроились полумесяцем, окружив Урунтай с натянутыми луками.

— Что происходит? — спросил Джома, протирая глаза. Колени у ура окончательно подогнулись, он прислонился к другим, потом упал и задышал медленно и тяжело.

— Сохраняйте спокойствие, — сказал Дединджер. — Советую вам сложить оружие. Вы не в состоянии сопротивляться.

Ур– Качу в отчаянии смотрела на то, как неожиданно изменилось соотношение сил. Ее отряд по численности превышал людей. Но теперь ее оставшиеся последователи столпились, не готовые к бою. Они в руках землян. Предводи-

тельница Урунтая проворчала:

Итак, в этой (предательской) измене открылась вся суть человеческой (так называемой) дружбы!

– Да, — рассмеялся Дединджер, слегка самоуверенно. — Ты ведь тоже планировала что-нибудь такое, когда подвернется возможность. Но причин для паники нет. Мы выполним свою сторону договора, но как *старшие* партнеры и с несколькими изменениями, вроде места назначения нашего похода. А когда придем туда, разрешим вам отправить сообщение…

Возможно, он действительно хотел успокоить, но его слова только разъярили Ур-Качу, которая прервала его пронзительным воинским кличем и бросилась на Дединджера, извлекая из ножен сверкающие ножи.

— Нет! — в ужасе закричал Незнакомец, видя, что из груди предводительницы уров торчит несколько стрел. — Нет, черт побери, черт побери, черт побери!

Уцелевшие последовательницы Ур-Качу последовали ее примеру, наткнувшись на тучу стрел. Половина тут же упала. Остальные прыгали среди двуногих врагов, рубились, пустили кровь, но в конце концов тоже упали под превосходящим

давлением людей.

Наконец, когда ни одного ура на ногах не было, люди пустыни, тяжело дыша, с остекленевшими глазами, обратили свои ножи против спящих, тех, кто спал тяжелым сном и не принимал участия в схватке.

Для Незнакомца это оказалось последней соломинкой. Выкрикивая проклятия, он набросился на ближайшего человека и стиснул ему горло. Охотник попытался сопротивляться, потом со стоном обвис. Звездный человек прыгнул к следующему, изрыгая поток оскорблений.

Сара подтолкнула Джому к выходу из палатки и крикнула:

— Прити, уведи его в скалы!

Она видела, как в следующее мгновение три охотника Дединджера повернулись и напали на Незнакомца. Один отлетел в сторону, отброшенный хитроумным рывком тела чужака, а у второго неожиданно появилась своя проблема: Сара сзади принялась колотить его по ребрам.

Если бы я слушала, когда Двер пытался научить меня драться!

Несколько мгновений все шло хорошо. Низкорослый плотный противник Сары застонал и повернулся, но тут же получил коленом в живот.

Это не остановило мускулистого охотника, но замедлило его, позволив Саре нанести еще два удара. Тем временем Незнакомец отбросил последнего нападавшего в груду спящих и начал поворачиваться, чтобы помочь ей…

И тут на них обрушилась лавина. Поток мужских тел сбил их с ног с такой силой, что воздух вырвался из легких. Кто-то завел Саре руки за спину, от резкой боли она ахнула, подумав, что ей вот-вот вырвут руки.

— Не причиняйте им вреда, парни, — приказал Дединджер. — Эй, я сказал полегче!

В дымке, ошеломленная болью, Сара видела, как эксмудрец раздает удары и оттаскивает своих людей, которые стремятся к кровавой мести. Сара сумела повернуть голову и увидела прижатого к земле Незнакомца, с багровым лицом, с текущей из носа кровью, но все же способного испускать хриплый поток непристойностей. Этот способ выражения оказался чрезвычайно красноречив, хотя им Незнакомец владел не так бегло, как песнями. Сара боялась, что схватки и крики могут привести к тому, что у него снова откроются раны.

Предводитель людей-мятежников склонился к Незнакомцу и взял его лицо в обе руки.

— Жаль, что ты меня не понимаешь, приятель. Не знаю, что ты сделал с этими урами, но я тебе искренне благодарен. Ты упростил сложную ситуацию. По этой причине, а также потому, что живой ты по-прежнему представляешь для нас ценность, я сдержу своих ребят. Но если не будешь разумно вести себя, мне придется быть нелюбезным с твоими друзьями.

И он кивком указал на Сару.

Незнакомец тоже посмотрел на нее и, по-видимому, каким-то образом понял угрозу. Поток грязных эпитетов прервался, и звездный человек перестал сопротивляться тем, кто его сдерживал. Сара почувствовала облегчение, видя, что он больше не напрягается. И ее необычно тронуло, что именно она причина этого.

— Так-то лучше, — все тем же спокойным рассудительным тоном сказал Дединджер, каким говорил до фатального нападения Ур-Качу. — А теперь посмотрим, что ты прячешь в этой удобной дырке в голове.

И эксмудрец принялся стягивать реук, обнажив рану, из которой Незнакомец доставал загадочные шарики.

— Нет! — закричала Сара, не обращая внимания на резкую боль: двое мужчин потянули ее за

руки. — Ты внесешь инфекцию!

— Которую его звездные друзья вылечат, если захотят, когда мы совершим обмен, — ответил Дединджер. — А стоит посмотреть, чем это он кормил уров. В предстоящие годы это может оказаться очень кстати.

Дединджер окончательно стащил реук и уже собирался засунуть руку, когда послышался новый голос — быстрый поток слов на Галактическом Два:

Сара, я (настоятельно) рекомендую (быстро) закрыть глаза!

Сара повернула голову и увидела Курта, взрывника из города Тарек, который держал в руке маленькую коричневую трубку. С одного конца трубки свисал горящий фитиль, испуская яростный поток искр. Взрывник отвел руку назад и бросил трубку по высокой дуге. И когда она достигла высшей точки, Курт бросился в укрытие.

Сара крепко закрыла глаза, а Дединджер закричал, предупреждая своих людей.

И тут все заполнила вспышка ярче тысячи молний, пробившись даже сквозь закрытые веки. Громовой звук потряс Сару, как птицу в челюстях лиггера; мужчины выпустили ее руки и покатились по полу, так что волна облегчения

столкнулась у девушки с болезненной сенсорной перегрузкой.

Все кончилось почти мгновенно, только раскаты еще отражались эхом от скал вокруг палатки… а может, это волны шока в ее голове. Сара поспешно высвободилась из груды кричащих мужчин, которые сжимали свои невидящие глаза. Мигая, глядя мимо пурпурных пятен, она разглядела единственного человека, который, как и она, сохранил способность видеть. Это был Дединджер, который понял предупреждение Курта. Пустынный пророк смотрел вперед, сжимая в руках лезвие из блестящего буйурского металла.

Его крик прорвался сквозь шум в ушах Сары. Дединджер набросился на Курта, сбил старика с ног, прежде чем тот смог воспользоваться своим новым оружием. Сара узнала пистолет по рисункам в старинных текстах.

— Вот вам и нейтралитет взрывников! — крикнул Дединджер, сжимая руку Курта, пока старик не застонал и не выронил оружие. — Следовало обыскать тебя, и будь проклята традиция!

Преодолевая боль, Сара попыталась прыгнуть на бывшего мудреца, но тот, не оборачиваясь, отбросил ее жестоким ударом руки, сбил с ног, и у нее перед глазами завертелись звезды. Сара

едва не потеряла сознание. Только упрямая решительность заставила ее подняться на колени и попробовать снова.

Но тут снова послышался рев, Дединджер выстрелил из пистолета мимо нее и неловко попытался снова взвести курок, но в разных сторон на него налетели две волосатые фигуры и сбили с ног. Сара каким-то образом вмешалась в схватку, присоединилась к Прити и Ульгор, которые удерживали бывшего ученого. Для своего возраста тот обладал удивительной силой.

Фанатизм имеет свои преимущества, подумала Сара, когда им наконец удалось связать Дединджера по рукам и ногам.

Подобрав свое оружие, Курт попятился и сел на камень, откуда мог наблюдать и за стонущими остатками пустынной банды, и за уцелевшими урами. Особенно за Ульгор. Неожиданное возвращение урской лудильщицы могло быть случайным, и Курт не собирался ей доверять.

Липкое ощущение заставило Сару посмотреть на руки. Она постаралась отделить красные пятна на руках от тех пятен, которые вызваны парализующей бомбой Курта. Пятна цвета и запаха крови.

Это не моя кровь, а у Ульгор кровь не такого

цвета…

Кровь текла из резаной раны на боку Прити. Сара взяла на руки дрожащую маленькую шимпанзе, сдерживая неожиданный приступ слез усталости.

Палатка представляла собой ужасную сцену: мертвые или бредящие Урунтай, ослепшие люди. Незнакомец казался в лучшей форме, чем большинство, когда наконец сумел встать. Он видел настолько хорошо, что смог помочь Ульгор связать остальных последователей Дединджера. Тем временем вернувшийся Джома связывал ноги спящих уров. Тем не менее было ясно, что раненый человек со звезд не слышит ни звука.

Вопреки всем своим инстинктам, призывавшим к основательности и тщательности, Сара торопливо приложила компресс к ране Прити. Рана не казалась опасной для жизни, а, может, быстрыми мерами удастся спасти еще кого-нибудь. И когда Прити одобрительно хмыкнула, Сара занялась стонущим четвероногим, молодым уром, который дышал тяжело, пускал кровавые пузыри…

…и умер, неожиданно вздрогнув, прежде чем Сара смогла прийти ему на помощь.

Аскс

Эхо битвы пронеслось над землей всего несколько дуров назад.

С неба падали огненные молнии, сжигая Шесть, разрезая плоть, хитин и кость.

По долине текли потоки расплавленного воска треки, они вспыхивали, подожженные палящими лучами.

О, мои кольца, какие образы лежат в нашем дрожащем сердечнике?

Мертвые.

Умирающие.

Благоразумные, которые успели убежать.

Герои, стремительно явившиеся.

Их тусклая одежда теперь покрыта грязью и кровью, больше она не сливается с местностью. Молодые древесные фермеры и погонщики ослов. Простые смотрители садков омаров. Самые младшие работники рыболовных загонов. Добровольцы, которые никогда и не думали, что их еженедельные тренировки могут привести к такому.

Наша доблестная милиция, которая бросилась в водоворот, в котел из смертоносных лучей.

Любители, незакаленные, размягченные поколениями мирной жизни, теперь молча морщатся, сжимая конечности, пока им перевязывают ужасные раны, а жизнь постепенно уходит. Они переносят боль с мрачной решимостью ветеранов, и их страдания облегчает единственное, но мощное лекарство.

Победа.

Неужели только вчера, мои кольца, мы опасались за судьбу Общины? Боялись, что она распадется на соперничающие фракции под влиянием коварных звездных дьяволов?

Эта ужасная судьба может еще постигнуть нас наряду с тысячами других опасностей. Но не сегодня. Сегодня высокомерные чужаки пленены, они удивленно оглядываются, лишенные своих богоподобных орудий, их дьявольские роботы уничтожены примитивными огненными трубками нашей смелой милиции.

День расплаты может быть недалеко. Он может в любой момент обрушиться с непрощающего неба.

Но мы веселы. Мы испытываем облегчение. Время двусмысленностей миновало. Больше никаких тонких игр с догадками и намеками. Больше никаких обманов и интриг. Ифни потряс-

ла свои кости и бросила их. И сейчас они катятся по священной почве Джиджо. А когда остановятся, мы будем знать.

Да, мое второе кольцо. Ты право в своем возражении. Не все разделяют ощущение мрачного подъема. Некоторые видят в недавних событиях повод для нигилизма. Шанс свести старые счеты или распространить на нашей земле беззаконие.

Наше меньшинство — "друзья ротенов" — требует освободить Ро-кенна. Они советуют пасть ниц и молить о божьей милости.

Другие призывают немедленно разделаться со всеми заложниками.

У звездного корабля могут быть средства следить за своими потерянными членами, утверждают они, *может, по излучениям мозга или по имплантатам в теле. Единственный способ быть уверенными — это размолоть их кости и бросить порошок в лавовые бассейны.*

Эти, да и другие раздраженные группы думали бы по-иному, если бы открылась вся правда. Если бы мы, мудрецы, смогли раскрыть планы, которые уже приводятся в действие. Но тайны вообще по своей природе несправедливы. Мы стараемся сохранить мир.

Народам Шести мы говорим только:

Возвращайтесь по домам. Проверьте решетки маскировки и скрывающую паутину. Готовьтесь к борьбе, если можете. Прячьтесь, если не можете.

Будьте готовы умереть.

И прежде всего – верьте своим соседям, верьте в Свитки и в Джиджо.

И ждите.

Теперь выжившие торопливо убирают павильоны, пакуют все ценное, уносят на носилках раненых. Дети всех рас проводят священный мидур на Поляне, собирая весь мусор, какой могут найти. Увы, этот мидур — все, что мы можем отдать традиции. Не будет праздничной церемонии мульчи. Не будет пестрых караванов, которые понесут украшенные лентами корзины к морю и на корабли, а ведь это самая радостная часть Собрания.

Какая жалость!

Потребуются поколения, чтобы перенести остатки разрушенной станции чужаков — по одному ослиному каравану за раз. Но эта задача подождет окончания кризиса. Если кто-нибудь из нас останется в живых.

Заложников уводят. Караваны растекаются на равнины, в леса и к морю, подобно потокам

разумного воска, торопливо убегая от пожара.

Солнце тоже уходит. Теперь на обширных просторах, именуемых Вселенной, горят горькие холодные звезды. Шести отказано в этом царстве, но наши враги свободно летают там.

Нас остается в священной долине всего несколько. Мы ждем звездный корабль.

Все ли мы/я согласны, мои кольца? Задержаться у Святого Яйца, позволить нашему нижнему кольцу отдохнуть на твердом камне, чувствуя, как сложный рисунок колебаний возникает в нашем жирном сердечнике?

Да, гораздо лучше отдыхать здесь, чем спускаться по какой-нибудь крутой каменистой тропе, таща эту старую груду к иллюзии безопасности.

Мы останемся и будем говорить от лица Общины, когда приземлится большой корабль.

Вот он с ревом появился на западе, где только что село солнце.

Подходящая замена. Корабль гневно парит, испуская яркое свечение, которое затмевает день, осматривает долину лучами, способными сжечь. Вначале разглядывает разрушенную станцию, потом окружающую местность.

Ищет тех, кого оставил.

XXVII. КНИГА МОРЯ

Животные существуют в мире, полном борьбы, и в нем имеет значение только результат – продолжение себя и своей генетической линии.

Разумные существа живут в гнездах обязанностей – по отношению к коллегам, патронам, клиентам и идеалам. Они могут избрать верность причине, божеству, философии или цивилизации, которая позволила им избежать животного существования.

Все мы связаны узами обязательств, даже когда спускаемся по Тропе Избавления.

И все же, дети изгнания, помните: в конечном счете Вселенная ничего вам не должна.

Свиток надежды

Рассказ Олвина

Возможно, эти паукообразные существа считают меня таким же невероятным и причудливым, как я их. Может, они стараются помочь. Учитывая, как мало я знаю, лучше подождать и посмотреть, что получится.

Мы, хуны, умеем ждать. Но могу лишь вообразить, что чувствует бедная Гек, если ее поместили в такую же клетку. Стальная комната, где недостаточно места, чтобы раскрутить колеса: сразу уткнешься в стенку. И непрерывно гудит какой-то двигатель. Гек могла утратить терпение и вообще спятить.

Если она еще жива.

Она казалась живой, когда я видел ее в последний раз, после того как наше падение в ледяные глубины Помойки было остановлено и мы оказались в пасти морского чудовища. Помню, что видел Гек лежащей на металлической поверхности с вращающимися колесами; она слабо отпихивалась своими толчковыми ногами, а стены и пол тряслись от мощного ветра, который с невероятной силой давил мне на уши.

Это давление спасло нас, вытолкнув массу во-

ды, прежде чем мы в ней утонули. Но в то время я мог только кричать, обхватив руками голову, а спину сотрясали конвульсии от удара, который я получил, когда выбирался из нашей разбитой “Мечты Вуфона”.

Смутно я слышал еще чей-то вопль. Ур-ронн жалась в противоположном углу, изрезанная обломками своего драгоценного окна, в ужасе перед окутавшей ее влагой.

Оглядываясь назад, я думаю: вообще чудо, что она дышала после того как сломалась наша “Мечта” и со всех сторон хлынуло жестокое море. Сила удара отбросила меня к стене корпуса из дерева тару, а мои друзья полетели кувырком, головами через копыта и края панциря.

Никогда раньше не видел плывущего ура. Не самое приятное зрелище.

Помню, я подумал, что это последнее, что я вижу, пока взрывное облако пузырей не вырвалось из сотен щелей в металлических стенах, разорвав воду с пенным ревом. Пузыри сливались, превращались в мощный ветер, и мы, уцелевшие, упали на обломки нашей прекрасной лодки, отдуваясь. Нас рвало в темные маслянистые лужи.

Из нас четверых только Клешня, кажется, сохранил способность двигаться. Кажется, я помню,

как он пытается помочь Ур-ронн: прижав ее к стене своим панцирем, двумя клешнями извлекает осколки стекла из ее шкуры. Ур-ронн не очень ему помогает. Кажется, она ничего не соображает. Не могу винить ее.

Потом открылась дверь, противоположная пасти, через которую прошла наша “Мечта”. Она гораздо меньше и едва пропустила двух входящих *демонов* — по одному за раз.

Это ужасные шестиногие звери, с горизонтально расположенными телами длиннее вставшего во весь рост хуна, расширяющимися сзади, с горбом впереди и с большими выпуклыми глазами, черными и загадочными. Они громоздко вошли в помещение, растоптав по пути глубокомер Уриэль и компас Ур-ронн. Они походили на водяных жуков, от трубообразного тела которых отходят гибкие щупальца. А само тело блестит и изгибается. Маленькие свисающие передние конечности кажутся механическими приспособлениями.

Ну, хорошо, я описываю многое такое, что не мог увидеть в то время. До прихода этих паукообразных существ было темно, только два луча света вырывались из противоположных стен. К тому же я был почти без сознания и в шоке, поэтому то, что я описываю, не может служить

надежными показаниями.

Особенно последующие мои впечатления.

Размахивая своими ослепляющими фонарями, две теневые фигуры принялись разглядывать свой улов, вначале осветили и осмотрели Клешню и Ур-ронна, затем бедняжку Гек, которая лежала на боку и слабо вращала колесами, и наконец меня. Я попытался шевельнуться и едва не потерял сознание. А когда попробовал заговорить, обнаружил, что в горловом мешке нет воздуха.

Забавно, но я готов поклясться, что чудовища разговаривали друг с другом, когда осматривали нас. Этого они никогда не делают, когда теперь заходят в мою клетку, чтобы позаботиться обо мне. Странная, певучая, хриплая речь, абсолютно не похожая на Галдва или на любой другой известный мне галактический язык. Но что-то в нем показалось мне знакомым. И когда свет впервые падал на каждого из нас, готов поручиться, голос этих существ звучал удивленно.

Когда они потянулись ко мне, мой ужас частично был смягчен появлением Хуфу. Частью своего отупевшего сознания я тревожился о нашем амулете. Неожиданно он появился прямо передо мной, вызывающе крича на возвышающихся над

ним существ.

Существа отшатнулись. Их изумление было так очевидно, как будто на мне был хорошо настроенный реук. Одно из них присело и торопливо, возбужденно заговорило — то ли связывалось с кем-то, то ли обращалось к Хуфу. Не могу сказать, что именно.

Могу ли я доверять этим своим впечатлениям, подобным сну? В этот момент я, как говорят в некоторых земных книжках, быстро погружался в пустоту. И когда оглядываюсь назад, все виденное кажется иллюзией.

Но точно знаю, что одно я придумал. И сейчас оно приходит ко мне не как воспоминание, а как представление. Однако эта картина удерживается в сознании, мерцает, как бывает, когда вот-вот потеряешь чувства.

Без предупреждения появляется последняя фигура, выползает из-под обломков нашей бедной лодки. Полураспластанный, деформировавшийся, Зиз восстанавливает свою коническую форму, а существа торопливо пятятся, словно увидели что-то более смертоносное, чем ядовитый скенк. Одно из них направляет на избитого треки сверкающую трубку и пускает огненный луч, который вырывает дыру в среднем кольце бедного треки

и отбрасывает к стене на Гек.

И тут мой перегруженный мозг окончательно отказывает. (Или он уже сделал это?) Но сохраняется еще одно смутное, подобное сну впечатление. Оно и сейчас со мной, как тень фантома или призрак ошеломленного изумления.

Наш маленький треки истекает жидкостью на полу, а в это время кто-то говорит. Это не пронзительные свистки, какими пользовались ранее существа. И не Галсемь или любой другой цивилизованный язык — это англик.

– *Боже…* — слышу я недоверчивый голос, который мне кажется человеческим и женским, со странным акцентом, какого я никогда не слышал,

– *Боже, все эти, и еще джофур!*

XXVIII. КНИГА СКЛОНА

Легенды

Говорят, что мы все потомки неудачливых рас.

Согласно многим сказаниям Шести, в пяти галактиках царят бесконечные войны, преследования, страдания и фанатизм. Но если бы это действительно было типично, цивилизация не продержалась бы и миллион лет, не говоря о более чем миллиарде.

Если бы это было типично, существовал бы не десяток мест, подобных Джиджо, а бесчисленные поселения сунеров.

Если бы это было типично, планеты, подобные Джиджо, были бы давно заняты.

Но другие источники утверждают, что большинство звездных рас относительно спокойны. Что они умудряются соблюдать свои интересы, растить клиентов и обрабатывать взятые в аренду планеты с хорошими манерами и с соблюдением древних кодексов. И при этом идут по тропе Возвышения к ожидающему их превосходству. А раздраженные выходки ревнивых, фанатичных союзов они считают безвкусными и незрелыми, но зачем вмешиваться, если проще и

безопасней опустить голову (головы) и заниматься своим делом?

Клиенты, которым повезло быть принятыми такими умеренными кланами, вырастают в мире и безопасности, и только в промежутках — в легендарные Времена Перемен — *перевороты захватывают даже осторожных и укрывающихся.*

Во вселенной процветают сильные. Те, кто закален стычками в темных переулках космоса.

Но эти переулки требуют и жертв. Говорят, что мы, Шесть, относимся к тем истекающим кровью беженцам, которые спасаются от проигранных войн и разбитых мечтаний, ищут места, где можно спрятаться. Залечить свои раны. И поискать другой тропы.

Поискать еще одной, последней возможности.

Сара

С какой стороны ни посмотри, невероятная путаница.

Парализующая бомба обратила вьючных животных в истерическое бегство, они сорвались с привязи и исчезли в лабиринте каменных шпилей. Кому-то надо пойти на поиски их, но только после того как будет оказана помощь раненым со всем мастерством, на которое способна Сара.

Ослепших — возможно, временно — людей нужно успокоить, затем накормить с рук. Позже оттащить мертвых на ровное место, где будет разожжен погребальный костер. Он превратит тела в неизбежный мусор, и аккуратную, удобную для перевозки груду соберут и отправят к морю.

Было еще одно осложнение. У нескольких погибших воительниц Урунтая были в сумках мужья и личинки. Сара собрала самых сильных, тех, кто сумел выбраться из сумок, — у них есть шанс выжить — в импровизированной палатке, где миниатюрные самцы присматривали за своим потомством, разжевывая мясо и отрыгая его для одутловатых, похожих на гусениц, еще не достигших детского возраста уров.

В сказаниях уров, восхваляющих воинскую доблесть, никогда не говорится о тех трудностях, которые возникают после битвы. Может, никто бы не воевал, если бы знал заранее, что придется расчищать кровавое месиво.

Курту и Джоме пришлось наконец перед закатом присесть, чтобы немного поесть и отдохнуть. Но тут стало темнеть, и пламя костра осветило две группы мрачных пленников: людей и уров, — которые угрюмо смотрели друг на друга, полуслепые и раздражительные. Никто не казался более печальным, чем бывший мудрец, ученый, ставший пророком, который так уверенно спорил с Сарой лишь полдня назад. Дединджер расчетливо посматривал на Курта, который не расставался с пистолетом и ни на мгновение не выпускал пленников из поля зрения.

Прежде чем сесть самой, Сара проверила раны Прити. Из разрезов все еще сочилась кровь, и это ее тревожило. Трудно было зашивать раны, потому что шимпанзе — вполне естественно — дергалась, а у Сары перед глазами все еще расплывалось от действия парализующей бомбы. Сделав для своей маленькой помощницы и друга все, что можно, Сара огляделась в поисках Незнакомца. Весь день он помогал, но уже с час она его

не видела, а ему пора принимать лекарство.

Курт сказал:

— Он пошел туда, — он указал на скалы в южном направлении, — чтобы поймать ослов. Не волнуйся. Парень, кажется, умеет о себе позаботиться.

Сара сдержала первоначальную реакцию — выругать взрывника за то, что позволил звездному человеку одному уйти в дикую местность. Ведь чужак все-таки калека и может заблудиться или пораниться.

Но потом вспомнила, что он необычно *компетентный* калека. Искусный и сообразительный там, где не нужны слова. И для человека с таким мирным характером сражается он поразительно умело.

Пожав плечами, Сара приняла то, что нельзя изменить, чтобы поесть немного сухого воинского хлеба и попить из кувшина теплой воды со вкусом кожи.

— У нас нет нужного кольца для правильной подготовки мульчи, — сказала она, жуя, — поэтому утром нужно будет собрать дров для погребального костра. — Говорила она громче, чем обычно, потому что у всех еще не восстановился нормальный слух. Нужно было кричать, чтобы

пробиться сквозь постоянный гул в ушах. — И кого-нибудь придется послать за помощью.

– Я пойду, — вызвался Джома. — Только я не ранен в битве. Я силен, и у меня есть компас. Дядя Курт знает, что я не заблужусь. И я могу передвигаться очень быстро.

Старший взрывник выглядел встревоженным. Племянник еще слишком молод. Но после недолгих размышлений Курт кивнул.

— Это имеет смысл. Он может пойти…

— Конечно, посылать нужно меня! — прервала Ульгор, отворачиваясь от костра, за которым присматривала. — Я могу бежать быстрее и дальше, чем этот ребенок, и я хорошо знаю эти холмы.

Сара подавилась.

— Ни в коем случае! Не могу поверить, что мы не связали тебя с остальными! Отпустить тебя? Чтобы ты могла привести еще много своих фанатичных друзей?

Ульгор повернула узкую коническую голову и искоса посмотрела на Сару.

— Как будто эти друзья уже не направляются к нам, дорогая дочь Нело? Не забудь, что Ур-Качу выслала вперед посыльных. Предположим, племянник Курта сможет дорваться до Поляны, избежав встречи с люггером или стаей куврасов.

Если он направится на север, ручаюсь, что вначале он встретит союзников Ур-Качу, торопящихся на соединение с ней.

Теперь настала очередь Курта прервать ее резким жестким смехом.

— А кто сказал, что он направится на север? Ульгор и Сара посмотрели на него.

— Как это? Очевидно, нам нужно…

Сара смолкла, увидев улыбку взрывника. *Если подумать, Курт никогда не говорил, что направляется на Собрание.* Она, вполне естественно, полагала, что его срочное дело именно там. *Но он мог оставить нашу группу на Перекрестке, где мы должны были повернуть вверх, к Яйцу.*

– Другие представители моей гильдии уже давно находятся там, чтобы помочь высоким мудрецам. Но мы с мальчиком направлялись в другое место. И поскольку уж речь зашла об этом, советую тебе, Сара, идти с нами. Прежде всего, это самое последнее направление, в котором будет искать Урунтай.

Это была самая длинная речь, какую Сара когда-либо слышала у Курта, и она начала размышлять над его словами. Например, почему он говорит об этом *в присутствии* Ульгор?

Потому что любой целеустремленный ур легко

пройдет по свежему следу группы людей и ослов. Ульгор должна будет идти с нами, или ее придется уничтожить.

Но в таком случае разве та же логика не требует убийства всех остальных уцелевших? Курт, конечно, знает, что Сара никогда этого не позволит. И в любом случае проблема не в том, чтобы опередить преследователей на несколько дней. Хороший следопыт, как Двер, сможет пройти и по более холодному следу.

Она уже собиралась заговорить об этом, но остановилась, поняв, что Курт все равно не ответит в присутствии разгневанных разбойников.

— Ты знаешь, что я не могу идти, — сказала она наконец, покачав головой. — Эти уры и люди умрут, если мы их оставим связанных, а освободить их мы не можем.

Если у нее были хоть какие-то сомнения в этом, достаточно было взглянуть в гневные глаза Дединджера. Эта холодная ярость представляет проблему, которую способны решить только расстояние и время. И чем больше и дальше, тем лучше.

— Я останусь и буду заботиться о них, пока не придут их друзья, — добавила она. — Урунтай, вероятно, защитит меня, потому что я помогла

спасти жизнь нескольким воинам. Но, наверно, меня будут держать в плену. Может, мне даже удастся уговорить их не убивать разбойников Дединджера.

А вы с Джомой должны идти. Если отыщем нескольких ослов, с вами могут отправиться Прити и Незнакомец. И если очень повезет, вы где-нибудь встретите аптекаря и сильный отряд милиции. Я пройду за вами несколько полетов стрелы и замету след, а потом возьму других ослов и проложу ложный след в другом направлении.

Ульгор негромко уважительно свистнула.

– Ты поистине сестра твоего брата. Сара повернулась и указала на элегантную урскую лудильщицу.

— Конечно, это означает, что ты использовала все время свободы, которое заработала, помогая нам в конце схватки. — Она наклонилась и подобрала веревку от палатки. — Тебе пора присоединиться к остальным у костра, соседка.

Ульгор попятилась.

А кто, кроме тебя, установил такое правило?– вызывающе спросила она на Галшесть.

Курт взвел курок пистолета.

— Я и моя волшебная палочка, Ульгор. Стой на месте. Ульгор, признавая поражение, согнула

длинную шею.

— Ну хорошо, — безутешно сказала она. — Если вы настаиваете, я могу еще немного постоять.

Она продолжала произносить успокоительные слова, и только спустя дур или два Сара поняла, что *Ульгор продолжает пятиться.*

Курт, которого сбили с толку противоречивые сигналы, стоял в нерешительности, но тут закричал Дединджер:

— Да она обманывает вас, придурки!

Ульгор мгновенно повернулась и понеслась в сумеречную полутьму. Курт выстрелил раз — промахнулся, и корпус ура исчез в скалах. Последним, что они видели, был взмах двух заплетенных хвостов. Пленные уры подняли голову и засмеялись. Рассмеялись и пленные люди.

— Тебе нужно больше практиковаться с этой штукой, дедушка, — заметил Дединджер. — Или отдать парню, который попадает с первого раза.

Прити оскалила зубы и зарычала на экс-мудреца, который насмешливо изобразил ужас, а потом снова рассмеялся.

Вот опять. Нет большего глупца, чем умный глупец.

– Что ж, это все меняет, — обратился Курт к Саре. — Это моя вина. Не следовало слушать тебя.

Связать ее сразу, хотя она и спасла мне жизнь. Сейчас она может где-нибудь прятаться и наблюдать за нами. Или бежит, чтобы привести свою банду, прежде чем мы уйдем далеко.

Сара покачала головой. Далеко *для чего?* Побег Ульгор только приблизил неизбежное.

Взрывник знаком попросил ее подойти ближе. Когда она села рядом с ним, Курт поджал губы, как будто не решался заговорить, а потом заговорил так тихо, что она едва слышала.

— В последнее время я все думаю, Сара… Это дар Яйца, что ты путешествуешь с нами. Благословение Ифни. Твое мастерство окажется очень полезным… для проекта, в осуществлении которого я принимаю участие. Я собирался попросить тебя на перекрестке…

— Попросить о чем?

— Чтобы ты отправилась с нами на юг, — он заговорил еще тише, — к горе Гуэнн.

– *К горе…* — начала Сара, вставая. Увидев паническое выражение на лице Курта, она снова села и заговорила тише.

— Ты ведь шутишь, верно? Ты знаешь, что у меня дело на Собрании. *Важное цело.* Если радикалы считают Незнакомца настолько важным, чтобы убивать его, разве наши мудрецы не долж-

ны с ним познакомиться и учесть его появление в своих решениях? К тому же, если чужаки его друзья, наш долг помочь ему получить современную медицинскую…

Курт помахал рукой.

— Все это правильно. Но если путь отсюда на Поляну блокирован, а нас ждет другое дело, может быть, гораздо более важное…

Сара смотрела на него. Он сошел с ума, как Дединджер? Что может быть более важным?

— …дело, над которым один их твоих коллег уже несколько недель работает в том месте, что я уже упомянул…

Один из моих коллег? Сара замигала. Боннера и Теина она видела несколько дней назад в Библосе. Пловов на Собрании. Тогда кто…

И тут в ее сознании всплыло имя.

Астроном Пурофски? На горе Гуэнн? Что он там делает, во имя Яйца?

– …дело, которое нуждается в твоем опыте, если могу взять на себя смелость сказать. Сара покачала головой.

— Это… место… оно за Великим Болотом, за пустыней и Спектральным Потоком! Нужно либо проделать долгий обходной путь по рекам, или плыть морем…

— Мы знаем короткий путь, — вставил Курт.

— ...и ведь совсем недавно мы обдумывали безумный поход, только чтобы добраться до ближайшего поселка, и это такое же безнадежное путешествие, как на луну.

— Я не говорил, что будет легко, — вздохнул Курт. — Послушай, сейчас я хочу знать только одно. Если я смогу убедить тебя, что это возможно, ты пойдешь с нами?

Сара сдержала ответ, который вертелся на языке. Курт уже проявил чудеса и вытащил из своей сумки божественные машины. Может, у него там есть и волшебный ковер-самолет? Или сказочные антигравитационные сани? Или глайдер на паутинных крыльях, чтобы поймать береговой ветер и отнести их в далекое царство огненных гор?

— Не могу тратить время на такие нелепые разговоры. — Сара встала. Ее тревожило отсутствие Незнакомца. Быстро темнело, и хотя Ульгор убежала на северо-запад, нет никакой гарантии, что она не повернет, чтобы отыскать и захватить врасплох человека из космоса. — Пойду искать...

Крик прервал ее, заставив подпрыгнуть. Резкий, полный гнева и удивления крик, мелодичный, словно отрывок лихорадочной песни. Крик столько раз отразился от окружающих скал, что

невозможно было понять, откуда он доносится. От этого ужасного звука у Сары по спине побежали мурашки.

Прити схватила один из длинных урских ножей и подошла поближе к нервничающим пленникам. Джома наложил стрелу на маленький охотничий лук. Сара согнула руки, понимая, что в них должно быть оружие, но сама эта мысль показалась ей непристойной. Она не могла заставить себя сделать это.

Недостаток характера, слегка ошеломленно подумала она. *Который не следует передавать детям. Особенно если мы погружаемся в век насилия и "героев".*

Крик становился громче, и напряжение росло. Невероятный вопль словно состоял на одну часть из боли, одну — из отчаяния и на восемь частей из унижения, как будто смерть предпочтительней того, что происходит. С каждым дуром он становился все громче и яростней, заставляя пленников тесниться друг к другу и тревожно вглядываться во тьму.

Но тут к первому звуку присоединился другой — басовый контрапункт. Быстрое неритмичное топанье, которое заставляло землю дрожать, как от приближающейся машины.

Курт взвел курок, держа пистолет перед собой.

Неожиданно на западе, на краю освещенного костром пространства, появилась фигура. Чудовищная фигура, наклонная и тяжелая, выступающая вперед под углом, с придатком вверху, который бился и метался, словно клубок рук и ног. Сара ахнула и сделала шаг назад.

Мгновение спустя фигура стала отчетливо видна, и Сара с дрожащим вздохом узнала в этом выступающем придатке Ульгор, стонущую в отчаянии и стыде. Ее держали вверху две могучие, бронированные, вооруженные острыми клешнями хитиновые руки.

Руки *квуэна.* Остальные три руки из пяти были неловко выставлены вперед, удерживая равновесие, когда бьющийся ур пытался вырваться.

Сопротивление бесполезно, просвистел из ножных щелей хриплый, но знакомый голос. Голос, сухой от набившейся пыли, которая ввела вначале Сару в заблуждение: ей показалось, что броня у квуэна серая. И только у самого костра стал заметен истинный синий цвет панциря.

— Привет, друзья, — прохрипел Блейд, сын Грызущей Бревна, из деревни Доло. — Не найдется ли у кого-нибудь глоток воды?

Ночь была *ясная,* ветреная и очень холодная

для этого времени года. Запас топлива приходилось беречь для костра, поэтому пленников закутали в полотно палатки, чтобы они могли греться теплом своих тел. Тьма склонила уров, в том числе и прочно связанную Ульгор, ко сну, но пленники-люди шептались в своем импровизированном убежище, и Сара мрачно гадала, что они замышляют. Конечно, они гораздо меньше уцелевших членов банды Ур-Качу хотят утром или на следующий день увидеть появление на холмах новых воинов Урунтая. И если сумеют в темноте перегрызть свои веревки, что сможет сделать Курт со своим единственным пистолетом в случае внезапного нападения?

Конечно, многие из этих людей все еще слепы от вспышки. И успокаивает присутствие Блейда. Даже когда он стряхнул пыль и обнаружился синий цвет его панциря, он представляет из себя устрашающую фигуру. С его присутствием Сара и остальные могут даже рискнуть и по очереди немного поспать.

Если бы только мы знали, что случилось со звездным человеком, тревожилась Сара.

Его не было уже несколько мидуров. И хоть теперь Лусен тусклым сиянием освещал местность, легко было представить себе, что бедняга

заблудился.

— Меня привел к вашему лагерю звук выстрела, — объяснил Блейд после того, как Сара и Джома влажной губкой промыли его речевые щели и глазные круги, использовав много драгоценной воды. — Я уже пришел в отчаяние, не видя ваш след в наступающей темноте, когда услышал раскат. А чуть позже увидел и отражение вашего костра вон там.

Сара подняла голову. На высокой каменной башне действительно плясало отражение. Может, оно приведет Незнакомца домой.

— Но представьте себе мое удивление, когда мне навстречу кто-то устремился! — Блейд усмехнулся сквозь три своих вентиляционных отверстия. — Конечно, мое удивление ничто по сравнению с шоком увидевшей меня Ульгор!

Рассказ квуэна был прост, но полон героизма. Он ждал под водой в оазисе Уриутта, пока не выступила быстрая группа Ур-Качу, а за ней более медленная экспедиция с пленными и добычей. Блейд провел это время, размышляя над тем, какие у него возможности. Направиться на Перекресток или к какому-нибудь поселку? Или попытаться пойти следом и помочь, когда будет возможность? Каждое из этих решений означа-

ло обезвоживание и мучения, не говоря уже об опасностях. Сара заметила, что Блейд ни разу не упомянул третью возможность — оставаться в оазисе, пока кто-нибудь не появится. Вероятно, она даже не приходила ему в голову.

— Но одного я никак не ожидал — что найду вас в господствующем положении Вы сумели самостоятельно одолеть обе группы! Кажется, спасение вам и не понадобилось.

Сидя на панцире Блейда, где он промывал его обонятельные щели, Джома рассмеялся. Мальчик обнял синий купол.

— Ты нас всех спас! Сара кивнула.

— Ты величайший герой, мой дорогой друг.

После этого говорить было не о чем. Вернее, все так устали, что не могли говорить. Молча какое-то время смотрели на пламя. Сара посмотрела на Лусен, заметила яркие, отражающие солнечный свет покинутые буйурские города, эти вечные напоминания о могуществе и славе тех, кто некогда владел этой солнечной системой и когда-нибудь будет владеть снова.

Мы, сунеры, подобны снам Джиджо, подумала она. *Мы призраки, которые не оставят ни следа, когда уйдут. Мимолетные фантазии, пока тропа созидания отдыхает и готовится к новой фазе*

достижений какой-нибудь богоподобной расы.

Не очень утешительная мысль. Сара не хотела быть сном. Она хотела того, что считала важным в жизни, хотела внести в это вклад своей работой, своими детьми, своей цивилизацией. Возможно, это желание объясняется неуместным и нестандартным воспитанием матери. Теперь ее дети — знаменитый еретик, легендарный охотник и верующая в безумные теории иного пути избавления для всех Шести рас.

Сара думала о своем разговоре с Дединджером.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, кто из нас оказался прав, если Общине позволят идти своим путем. Плохо. Каждый из нас верит в нечто прекрасное в своем роде. По крайней мере гораздо более прекрасное, чем уничтожение.

Риф яркости

Тишина позволила вернуться некоторым привычным звукам природы. Остаточный колокольный звон в ушах постепенно стихал.

Я должна сейчас радоваться, что не оглохла или не ослепла окончательно — не говоря уже о том, что не умерла. Если какой-то устойчивый ущерб причинен, я сумею с этим жить.

Хороший пример показывает Незнакомец, постоянно оживленный, несмотря на утрату

многого из того, что делало его таким, каким он был. Сара решила, что в такие времена никакое другое отношение, кроме твердого стоицизма, просто не имеет смысла.

Некоторые из звуков, которые принесла с собой ночь, она узнавала. Плывущая последовательность вздохов — это ветер, гладящий близко расположенные прерии, а потом пролетающий сквозь щели в скалах. Отдаленный низкий стон говорит о стаде галлейетров. Потом послышался рев лиггера, предупреждающего всех держаться подальше от его территории. Потом пение незнакомой птицы.

Сара слушала, и пение постепенно становилось громче. Девушка поняла: *Это не птица.*

Звук постепенно набирал силы, заполнил ночь, оттеснив всех соперников. Сара встала. Изорванная палатка задрожала: это вставали остальные. А звук тем временем превратился в оглушительный рев, заставляя зажимать руками уши. Блейд втянул купол, пленные уры тревожно заржали, раскачивая взад и вперед длинные шеи. С ближайших каменных шпилей полетели камни. Сара испугалась, что шпили рухнут под давлением воздуха.

Этот звук — я его уже слышала.

Небо осветилось, над головой пронеслось что-то яркое, оно замедляло скорость с серией титанических хлопков, показалась гигантская труба, от которой даже на таком удалении пахнуло жаром…

Сара только раз мельком видела звездный корабль, когда он пролетел мимо ее окна в древесном доме. Кроме этого, только рисунки, чертежи и сухие, абстрактные данные — все это бесполезно для сравнения оцепеневшим сознанием.

Должно быть, корабль еще очень высоко в атмосфере, поняла она. Но он кажется таким огромным…

Корабль богов пролетел примерно в направлении с юго-запада на северо-восток, он явно снижается, замедляет полет, готовится к посадке. Не нужно большого ума, чтобы догадаться о его цели.

Несмотря на всю невероятную красоту, Сара на этот раз не испытала ничего кроме ужаса.

Ларк

С расстояния трудно было рассмотреть что-нибудь. Сияние, исходившее от Поляны, было таким ярким, отбрасывало такие длинные тени — даже на заросших лесом склонах гор за много лиг отсюда.

— Теперь ты видишь, что вам противостоит, — сказала стоящая рядом, в окружении нескольких настороженных милиционеров, Линг. — Это не то, что сбить несколько роботов-охранников.

— Я в этом не сомневался, — ответил Ларк, заслоняя глаза и всматриваясь в сияние: прожектора корабля освещали место, где лежали развалины станции чужаков. После двух бессонных ночей шум двигателей корабля напомнил Ларку рев самки лиггера, только что вернувшейся с охоты и увидевшей искалеченным своего детеныша. И теперь она ревет в убийственном гневе.

— Но ты ведь знаешь, еще не поздно, — продолжала Линг. — Если передашь нам мятежников-фанатиков — и ваших Высоких Мудрецов, ротены будут рассматривать не коллективную, а индивидуальную вину. Наказание не обязательно будет всеобщим.

Ларк знал, что должен рассердиться. Повернуться и разоблачить ее лицемерное предложение, напомнить доказательства, которые все видели: ее хозяева планировали всеобщий геноцид.

Его остановили два обстоятельства.

Во– первых, хотя теперь все знали, что ротены собирались развязать кровавую гражданскую войну, нацеленную прежде всего на человеческое население Джиджо, подробности оставались неясны.

А дьявол заключен в подробностях.

К тому же Ларк слишком устал, чтобы выдержать еще один спор с молодой женщиной-биологом. Он повернул голову и шею, подражая урскому пожатию плечами, и ответил на Галдва:

Разве у нас нет (гораздо более важных) дел, чем обсуждать (напряженно) абсурдные предложения?

Охранники, которые сопровождают их в укрытие, одобрительно засмеялись. Другие группы сейчас сопровождают Ранна и Ро-кенна в различные убежища, разделяя заложников как можно дальше.

Да, но почему мне поручили именно Линг?

Может, решили, что она будет слишком занята спорами со мной, чтобы попытаться

бежать?

Насколько ему известно, им, возможно, придется провести вместе немало времени.

Они молча продолжали смотреть, как могучий корабль летает взад и вперед, освещая все уголки Поляны, каждое место, где всего несколько мидуров назад стояли павильоны. С далекого горного склона зрелище казалось ошеломляющим, гипнотическим.

— Мудрец, пора идти, здесь все еще небезопасно.

Это произнесла сержант милиции, маленькая жилистая женщина, по имени Шен, с блестящими черными волосами, тонкими чертами лица и смертоносным складным луком на плече.

Ларк замигал, вначале не поняв, к кому она обращается.

Мудрец – а, да.

Потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть. Ларк всегда считал, что ересь приведет к дисквалификации, вопреки его подготовке и достижениям.

Но только мудрец может принимать решения в делах жизни и смерти.

Группа снова двинулась, но Ларк не мог удержаться и не оглядываться на Линг. Хотя большую

часть времени ему хотелось “удавить ее”, это, конечно, всего лишь оборот речи.

Ларк сомневался, что ему удастся выполнить свой долг, если до этого дойдет. Даже сейчас, грязная и уставшая, женщина удивительно красива. Приятно на нее посмотреть.

Около мидура спустя полный отчаяния крик послышался в горах, отразился от заснеженных вершин и вернулся со всех сторон, заставив задрожать деревья. Солдаты показывали назад, туда, откуда пришли, где только что сверкание звездного корабля стало невыносимо ярче. Все бросились назад, к последнему повороту, откуда открывался вид на юго-запад, и заслонили руками лица.

— Ифни! — ахнул Ларк. Солдаты сжимали свое примитивное оружие или тщетно делали знаки, отвращающие зло. У всех лица побелели от отраженного света.

— Не… может… быть… — тяжело выдохнула Линг, делая паузы после каждого слова.

Огромный ротенский корабль по-прежнему висел над Поляной как и раньше, укутанный в сияние.

Но только теперь свет бил не только вниз, но и сверху, и отбрасывал его новый пришелец.

Другой корабль.

Гораздо, гораздо больший корабль, словно взрослый ур рядом со своей личинкой.

Ларк тщетно пытался примериться к масштабам. Но в голову приходили только святотатственные мысли.

Новое чудовище настолько велико, что вполне могло отложить Святое Яйцо, и в нем еще оставалось место для многого другого.

Вися под этим гигантом, корабль ротенов издал скрежет и задрожал, словно пытаясь улететь или просто сдвинулся с места. Но свет, льющийся на него сверху, как будто приобрел характер физического вещества, чего-то прочного, прижимающего к земле. Меньший корабль окрасился золотистым цветом и тяжело опустился на почву Джиджо. Густое свечение накрыло его, сгустилось и затвердело, остывая.

Как воск, тупо подумал Ларк. Потом вместе с остальными повернулся и побежал через лес в ночь, бежал так долго, как могло вынести тело.

Аскс

Что это, мои кольца? Что за дрожь проходит по всей нашей груде?

В ней есть что-то знакомое.

Какой-то знакомый ужас.

В ослепительном свете мы стоим на праздничной поляне, заключенные в кокон застывшего времени, и вместе с нами застыли в движении сорванные листья и ветки — вблизи закованного в золото корабля.

А сверху эта новая сила. Новый титан.

Обжигающие лучи тускнеют. Посреди оглушительного гудения чудовищный корабль опускается, раздавив все оставшиеся деревья на южном краю долины, изменив русло реки, заполнив небо подобно горе.

Чувствуете ли вы это, мои кольца?

Испытываете ли предчувствие, которое заполняет нашу сердцевину ядовитыми испарениями?

В огромном борту корабля раскрывается люк, достаточно большой, чтобы поглотить целую деревню.

И на внутреннем освещенном фоне показыва-

ются силуэты.

Заостренные кверху конусы. Груды колец.

Могущественные родичи, которых мы надеялись никогда больше не увидеть.

Сара

Вскоре после того, как над головами пролетел второй космический корабль, в лагерь прибежал Незнакомец. К этому времени Сара настолько пришла в себя, что была в состоянии думать о насущных делах.

Делах, которыми она должна заняться.

Звездный человек пришел с юга, ведя с полдюжины усталых ослов. Он казался возбужденным, испытывал лихорадочную потребность что-то сказать. Раскрывал и закрывал рот, что-то бессвязно бормотал, как будто силой воли пытался выдавить слова.

Сара потрогала его лоб и проверила глаза.

— Знаю, — сказала она, пытаясь успокоить его перенапряженные нервы. — Мы тоже это видели. Огромная проклятая штука, больше озера Доло. Хотела бы я, чтобы ты мог нам сказать, не твой ли это корабль. Или там тот, кто тебе не нравится.

Она не была уверена, что он ее слышит, тем более понимает, что она говорит. Он был ближе к световой фанате и не был предупрежден.

Тем не менее в его возбуждении что-то казалось странным. Он указывал не на небо, как она ожи-

дала, и не на север, где один за другим снижались корабли. Напротив, он жестами показывал на *юг,* в том направлении, откуда пришел.

Незнакомец встретился с ней взглядом и задрожал. Лоб его сосредоточенно сморщился, он несколько раз глубоко вдохнул. И с неожиданным блеском в глазах запел:

Черные и гнедые, пятнистые и серые, Кучер и шестерка лошадей. Баюшки-баю, не плачь, Спи мой малыш.

Голос его звучал хрипло, и Сара видела в его глазах слезы. Но он продолжал петь строчки, которые сохранились в памяти и лежали наготове много десятилетий в неповрежденном отделе мозга.

Когда проснешься, Получишь торт И множество маленьких Красивых лошадок.

Сара кивнула, стараясь понять смысл этой колыбельной.

— Много маленьких краен… о, Ифни! Она повернулась к взрывникам.

– Он видел уров! Они повернули и идут с юга, чтобы захватить нас врасплох!

Курт несколько раз мигнул, потом открыл рот — но не успел ничего сказать: все заглушили радостные возгласы пленников.

Ульгор вытянула к ним шею.

— Я говорила, что наши союзники не задержатся. Теперь перережьте эти веревки, чтобы я могла вмешаться и убедить друзей из Урунтая не обращаться с вами слишком жестоко.

— Сара, — сказал Курт, беря ее за локоть. Но она отбросила его руку. Нет времени.

— Курт, бери Джому, Прити и Незнакомца и уходите в скалы. Урунтай не сможет вас преследовать в такой местности. Вы сможете добраться до гор, если мы с Блейдом задержим их. Попытайтесь найти пещеру или что-нибудь. Идите!

Она повернулась лицом к синему квуэну.

— Ты готов, Блейд?

— Готов, Сара! — Синий щелкнул двумя клешнями и выступил вперед, словно приготовился снова сражаться в битве у торгового поста Зниннур.

Раскаты смеха заставили ее обернуться. На этот раз смеялся Дединджер. Бывший мудрец был весел.

— Прошу прошения, сестра. Твой план великолепен. Он спасает жизнь мне и моим людям. Так что, Курт, делай, что она говорит! Иди в скалы! Уходи!

Сара сразу поняла, что имеет в виду Дединджер.

Если подкрепление Урунтай обнаружит, что не может преследовать беглецов по покрытой камнями местности, или в каком-нибудь узком гроте, или на стволе дерева тару, это может заставить возобновить союз с радикалами-людьми, забыв о мести — по крайней мере пока не будут пойманы Курт и остальные.

Она приуныла, поняв тщетность своего замысла.

Мы через столько прошли и вернулись к тому, с чего начинали.

– Сара… — снова сказал Курт. Но не сказал то, что собирался, а наклонил голову. — Слушайте.

На поляне все стихло. Несколько мгновений спустя Сара тоже это услышала — стук приближающихся копыт. Большого числа копыт. Земля у нее под ногами задрожала.

Слишком поздно вырабатывать другой план. Поздно для всего, кроме достоинства.

Она взяла Незнакомца за руку.

— Жаль, что я сразу не поняла твое предупреждение, — сказала она, стряхивая пыль с его одежды и расправляя воротник. Если он ценен, то должен выглядеть как ценный заложник, а не какой-нибудь оборванец. Незнакомец ответил ей улыбкой. Они вместе повернулись на юг — лицом

к приближающейся кавалерии.

В темноте, из-за большого камня, показались вновь прибывающие. *Да, это уры*, подумала Сара. Мощные, сильные и хорошо вооруженные, они дисциплинированным походным строем, который позволяет избегать засад, выходили на поляну, занимая позиции со всех сторон, потрясая арбалетами, в постоянном ожидании опасности. Сара была поражена и даже несколько оскорблена, когда передний не обратил никакого внимания на стоящих людей и Блейда, словно и не заметил их.

Что еще удивительней, он не обратил никакого внимания и на связанных пленников, оставив их на месте.

Сара заметила, что боевая раскраска на прибывших не такая, как у отряда Ур-Качу, — более сдержанная, гладкая и тусклая, просто извилистые линии. Может, это все-таки не Урунтай?

Видя выражение отчаяния на лице Ульгор, Сара поняла, что это совсем не те “друзья”, которых поджидала лудильщица. И она позволила себе слабую надежду. Может, это все-таки милиция? Никаких знаков различия или мундиров, да и не так они действуют, как типичный отряд урской милиции — группы местных пастухов, которые

для забавы тренируются каждый восьмой день, если погода хорошая.

Но кто эти ребята?

Передовые, разъехавшиеся по сторонам, свистками показали, что все чисто. Тут к костру направилась старшая матрона с поседевшей мордой. Она приблизилась к жителям деревни Доло и с уважением согнула шею.

— Мы сожалеем о нашей медлительности, друзья. Печально, что вам причинили большие неудобства, но мы рады видеть, что вы преодолели все трудности без помощи.

Сара удивленно вздрогнула, видя, как Курт трется носом с престарелой самкой.

— Вы совсем не опоздали. Ты явилась как раз в нужное время, Улашту. Я знал, что ты учуешь наши беды и явишься к нам…

В этот момент Сара перестала следить за их разговором. Незнакомец крепко взял ее за руку. Он дрожал всем телом.

Из темноты появились новые фигуры.

Поразительное зрелище.

Вначале Сара решила, что это новая группа уров, вооруженных для войны. Очень рослых уров, с необычными прямыми шеями и очень странными движениями. На мгновение она

вспомнила древнюю иллюстрацию — изображение фриза на Парфеноне, того самого, на котором изображены *кентавры…*

А мгновение спустя она ахнула.

Какая глупость. Это всего лишь люди верхом на ослах. Ифни! Темнота все самое обыкновенное может сделать удивительным, особенно после того, как мы побывали в…

Она мигнула и снова уставилась.

Уж слишком большие ослы. Ноги всадников не тащатся по земле, они высоко над нею, по обе стороны от крупных корпусов, которые словно пульсируют животной силой.

— Это они! — закричал Джома. — Они настоящие! Они вовсе не были все убиты!

Сара чувствовала себя так, словно сошли со страниц — или из кошмаров — и ожили драконы, динозавры или звездные грифоны. Пленницы Урунтай испустили крик, полный гнева и отчаяния, когда поняли, кто появился в свете костра. Это означало, что их великое достижение, претензия их союза на славу — на самом деле неудача. Фарс.

Всадники спешились, и Сара поняла, что это все женщины. Она увидела также, что еще несколько рослых животных идут позади, оседланные, но

ничем не нагруженные.

Нет, подумала она, догадываясь, что ей предложат. *Они не могут серьезно ожидать, что я соглашусь сесть на одну из этих тварей!*

Ближайшее животное фыркнуло, и Незнакомец поднял руку и погладил его по гигантской голове. Это животное массивней четверых или пятерых уров, вместе взятых, с челюстью, способной проглотить руку целиком. Но человек из космоса прижался щекой к мощной шее.

Со слезами на глазах он снова запел:

Когда проснешься, Получишь торт И множество маленьких Красивых лошадок.

Эпилог

Какая странная вселенная.

Он думал об этом, не облекая мысли в слова. Так ему было легче.

В последнее время он нашел несколько способов выражать мысли без тех поспешных, гудящих, жужжащих, щелкающих звуков, с помощью которых раньше делал это.

Музыка и песня. Числа. Рисунки карандашом. Чувства. И странные цвета, которые создают забавные живые визоры, которые иногда носят жители этой планеты.

Реуки.

Он может вспомнить название этого существа и гордится этим достижением.

По мере того как его состояние медленно улучшается, он яснее вспоминает самые важные имена.

Сара, Джома, Прити…

И другие слова, по два-три за раз.

Память его тоже проясняется. Он вспоминает, например, свой разведочный корабль, как по нему стреляли, а он тщетно пытался увернуться,

отвести охотника от добычи.

Но не сумел, получил серию сильнейших ударов, а потом последовал период, который он по-прежнему не может отчетливо вспомнить. Какое-то слабое впечатление быстрого движения и перемены… после чего он падает в огне и врезается…

Нет, нет. Думай о чем-нибудь другом.

Езда верхом. Вот о чем думать гораздо приятней. Езда на оседланном животном. На *горячей* лошади. Удивительная, вдохновляющая радость такой езды, когда ветер охлаждает лицо, принося с собой тысячи поразительных запахов.

Удивительно, как много нравится ему в этом новом мире! В жизни, лишенной одного из тех явлений, которые делают человека *человеком.* Способности распоряжаться словами.

Теперь он вспоминает. Что-то очень похожее на его рану произошло и раньше. С его другом.

С его капитаном.

И в его сознании возникает образ. Красивая гладко-серая фигура. Плавники бьют воду, заполняя ее массой крошечных пузырьков. Узкие, бутылочной формы челюсти, заполненные острыми улыбающимися зубами. Мозг, пораженный, но все еще поразительно мудрый.

Неслышно он произносит три слога:

Край… дей… ки…

И это мгновенно вызывает цепь воспоминаний. Еще многие друзья. Корабль. Миссия. Необходимость.

Картина водных глубин. Воды такие глубокие и черные, что свет не может туда проникнуть. Укрытие, но не убежище. Во всем обширном космосе для них нет убежища. Но теперь, когда он освобождается из тюрьмы своей болезни, что-то новое возникает в сознании, удивляя неожиданным узнаванием.

Имя.

Мое… имя.

Скользкое от накопившегося напряжения, оно вырывается оттуда, где хранилось так нестерпимо долго. Прыгая взад и вперед, наконец успокаивается и оседает в пределах досягаемости.

Оно не должно было никогда уходить. Это самое привычное слово в личной жизни, но сейчас оно возвращается, словно чтобы приветствовать возвращение.

Скача сквозь ночь в экзотическом лунном свете, окруженный невероятными существами и культурой, непохожей ни на что известное ему раньше, он громко смеется, в восторге от того, что

может сделать очень простую вещь. Вот эту.

Меня… зовут… Эмерсон.